18+

Кирилл Шатилов

МНОГОЛИКИЙ СТРАННИК

Реальное фэнтези

Кирилл Шатилов
Многоликий странник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63754573
ISBN 9785005310637

Аннотация

Сага «Многоликий странник» является полным изданием отдельных сборников, выходивших ранее под названиями «Торлон», «Торлон. Война разгорается» и «Торлон. Зимняя жара».В этом мире нет места колдовству, феям и драконам, но жизнь персонажей наполнена не менее удивительными событиями, чем жизнь читателя. Если приглядеться к ней повнимательнее…

Содержание

От автора 5
Прах героев 6
Конец ознакомительного фрагмента. 765

Многоликий странник

Кирилл Шатилов

© Кирилл Шатилов, 2021

ISBN 978-5-0053-1063-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

В своё время первые два тома этой саги были опубликованы издательством «Альфа-Книга» и продавались под названиями «Торлон» и «Торлон. Война разгорается». Третий том издательство публиковать побоялось, и он увидел свет значительно позже как «Торлон. Зимняя жара».

Сегодня все три тома впервые публикуются вместе, причём в авторской редакции, то есть так, как они и замышлялись изначально, единым массивом, без искусственного разбиения на «книги», что делалось исключительно в коммерческих целях. Кроме того, саге возвращено её первоначальное название – «Многоликий странник» – отражающее суть не только происходящего, но и всего композиционного построения.

Как всегда, если вы заметите досадные очепятки или захотите задать автору вопрос, вам всегда рады по адресу *kanova2002@yandex.ru*.

Приятного чтения!

Прах героев

Сколько он ни открывал глаза, светлее не становилось. Изо всех сил зажмурившись, досчитал до трех и снова с замирающим сердцем поднял отяжелевшие веки.

Кромешная тьма.

Уж не ослеп ли он?

Если бы ему выкололи глаза, он бы наверняка испытывал боль. Сейчас же он не ощущал ничего, кроме изумления и исподволь накатывающегося откуда-то из глубин сознания ужаса.

Попробовал поднять руки к лицу. Ладони уперлись во что-то твердое и шершавое. Плохо струганное дерево. Занозы. Вот и боль. Значит, он не спит и все чувствует. Что же с глазами?

Подтянув руки к груди, изловчился и все-таки провел пальцами по лицу. Нос, ресницы, брови. Все на месте. Он часто-часто заморгал. Мрак не исчезал.

Зато теперь он отчетливо осознавал, что лежит на спине. Под затылком какая-то твердая подставка. Неужели он мог заснуть в таком неудобном положении? Ведь сколько он себя помнил, засыпать ему удавалось исключительно на боку.

На всякий случай прислушался. Мертвая тишина. Только собственное тяжелое дыхание. Отчего такой спертый воздух? Как в гробу.

Он попробовал повернуться. Помогая себе руками, всадил в ладони новые занозы.

Что-то глухо звякнуло в ногах.

Ноги тоже почти не сгибались в коленях, сразу упираясь в невидимую твердую преграду.

На память приходили лишь отрывочные образы недавнего прошлого. Спаленная страшными норманнами деревня, когда погиб его старший брат. Долгое путешествие по реке, названия которой он никогда не знал. Первый день в валяльном цеху, когда отец с гордым видом мастера показывал ему, как следует обращаться с шерстью. Свадьба с Мэри, когда их чуть не залило проливным дождем, и было обидно и смешно одновременно…

Как ни странно, он совершенно не помнил, что непосредственно предшествовало его сну. Кажется, к ним наведался этот старый пройдоха Джон, вот уже который год собиравшийся отдать душу Господу и всякий раз разочаровывающий своей живучестью соседскую ребятню, уж больно охочую до его сада с наливными яблоками. Насмешник Том ухитрился даже взять с него слово, что если Джону перевалит за восемьдесят, он покинет Уинчестер и отправится отшельничать к монахам. Монахи, которых имел в виду Том, были вовсе не отшельниками, а обычными безобидными пилигримами, каждую весну проходившими через их места по пути в одним им ведомые Святые земли, однако жители Уинчестера, привыкшие к шумным толпам и веселью

за кружкой доброго эля, имели обыкновение всех чужеземцев, а тем более хмурых и облаченных в длинные серые робы, называть «отшельниками».

Зачем же к ним забрел старина Джон? Или это был вовсе не он? Что же происходит?

Дышать становилось все труднее. Несмотря на царивший вокруг холод, его предательски бросило в жар. По лысому темени поползли капельки пота.

Только сейчас он вспомнил, как зовут его самого: Уил. Уилфрид. Уилфрид Гревил, если уж быть точным до конца. Сын валяльщика шерсти и ткачихи, ставший со временем пусть и небогатым, но вполне заслуживающим уважение своим почти всегда честным трудом торговцем бурелью [1], не далее как в прошлом году принятый в местную гильдию.

О чем это он думает? При чем здесь гильдия, когда он не может как следует повернуться или увидеть собственную руку, дрожащую где-то пред глазами, не говоря уж о том, чтобы встать и пойти домой.

Уилфрида Гревила била дрожь.

На самом деле он подсознательно понимал, что с ним произошло, но смертельный страх мешал ему в этом признаться даже перед собой.

Нечто подобное случилось с ним однажды в детстве, когда он увидел входящего в дом человека, похожего иссеченны-

---

[1] Бурель – в средневековой Англии грубая шерстяная ткань, использовавшаяся главным образом бедняками

ми доспехами на норманна. Тогда он повалился на пол и потерял сознание на долгие два дня, а когда очнулся, перепугал всех домочадцев и священника, пришедшего исполнить свой долг и уже начавшего обряд отпевания.

С тех пор минуло почти тридцать лет, и Уил думать забыл о своем странном недуге. И вот он открывает глаза и не видит. Безлунными зимними ночами мать любила повторять присказку: «Темно, как в могиле». Как в могиле. Он в могиле. Не просто в могиле – в гробу. Ведь он не какой-нибудь паршивый крестьянин. В гильдии не жалели средств на своих собратьев. Особенно когда речь шла о последнем долге перед покойным. На прошлое рождество он сам был свидетелем того, с какими почестями хоронили Лоренса Ладлоу. Но у того было трое внуков и неизлечимая чахотка, донимавшая его столько, сколько помнил его Уил…

Обливаясь холодным потом, несчастный уперся дрожащими костяшками пальцев в дерево перед собой… над собой. Через густую пелену затхлого воздуха до его ноздрей донесся бередящий запах свежетесаной древесины.

Крышка, сколько он ни напрягал ослабевшие от отчаяния мускулы, не поддавалась. На память пришли детские рассказы о том, как на соборных кладбищах люди по ночам слышали шорохи и возню покойников. Неужели это случается взаправду? Но ведь не могло же подобное произойти с ним? Это сказки! Такого просто не бывает! О чем думала его любимая Мэри? За что?

Сознание несправедливости как будто придало ему сил. Уил стал бить кулаком в дерево. Уколов заноз он больше не ощущал. Ему показалось, что он снова теряет сознание. Вероятно, так и произошло. Потому что когда он снова попытался открыть глаза, дышать было уже просто невыносимо.

Не то пот, не то слезы бессилия разъедали утратившие сам смысл своего существования глаза.

Он стал извиваться червем, сознавая всю тщетность этих бездумных попыток сопротивляться такой же слепой судьбе, и сразу почувствовал, как под ногами елозит целый ворох предметов. Конечно, даже убитые горем утраты домочадцы не могли не положить с ним в могилу тех вещей, которые должны были понадобиться ему на том свете. Теперь вся эта чертова утварь только сковывала и без того ограниченные узостью гроба движения.

Уил изловчился и лег на правый бок. Зачем? Не спать же он собрался? Хотя, если подумать, каким облегчением было бы сейчас и в самом деле уснуть, забыться сном, чтобы никогда больше не проснуться и не делаться невольным свидетелем собственной смерти! Но какой уж тут сон! Руки не вытянешь, под головой – чуть не камень, дышать нечем, под одежду неотступно пробирается холод, ногу что-то колет…

Если бы мог, он бы наверняка вскочил. Спасительная мысль озарила его теряющий связную нить рассуждений мозг. Нож! Они положили в гроб нож! Должно быть, Мэри,

которая знала мужнину привязанность к этому старому орудию, доставшемуся ему от отца, а тому – от деда. Уил отчетливо представил протертые местами до дыр бурые кожаные ножны, вырезанную из медвежьей кости рукоятку в виде бегущего через лес лося с ветвистыми рогами и короткое, загнутое у острия широкое лезвие, сплошь изборожденное, словно лицо старика, царапинами и выщерблинами. Нож, за все свои годы верных трудов на благо рода Гревилов, не заслуживший достойного имени. Просто нож!

Уил попытался поджать под себя ноги. На какое-то мгновение он потерял ощущение ножа и испугался. Ухватиться за ниточку надежды и снова ее упустить – куда как страшнее, чем падать камнем в бездонную пропасть и знать, что тебе уже ничто не поможет.

Попробовал еще. Что-то кольнуло возле самой щиколотки. Нет, рукой не дотянешься. Нужно забыть обо всем и как можно быстрее подтащить нож повыше. Воздух заканчивался. Предательски кружилась голова.

Ему показалось, что прошло никак не менее часа, прежде чем покалывание поднялось к колену. Но он по-прежнему был не в силах дотянуться до него дрожащей рукой. От усталости и пребывания в одной неудобной позе стало сводить все тело. Уил не кричал от невыносимой боли только потому, что не мог позволить себе тратить на крик драгоценные силы.

Он уже отчаялся ощутить в ладони знакомую рукоять

и тянул руку машинально, зная, что поманившая спасением нить оказалась слишком короткой, когда кончики пальцев наткнулись на нечто твердое и подвижное. Поддев крохотный выступ ногтем, он осторожно потянул предмет к себе.

Нет, это был не его нож: тонкая рукоять, длинное обоюдоострое лезвие. Ногу кололо не острие, а надломленная перемычка, служившая для предохранения пальцев. Зачем ему положили чужой сломанный нож?

О чем он думает? Какая разница, сломана перемычка или нет? Его это нож или чужой? Главное – он сжимает его в кулаке и, снова лежа на спине, подталкивает то животом, то грудью в неохотно поддающееся дерево гроба. Неохотно, но поддающееся!

Вероятно, хоронили меня все же в суматохе, пытался рассуждать Уил, чтобы хоть чем-то занять перестающий слушаться мозг. Любимый нож забыли. Сунули вместо него первый подвернувшийся под руку. Гроб в спешке сколачивали, чтобы только на гроб был похож – и не беда, что доски не подогнаны и зияют дырами, через которые теперь прямо ему на грудь сыплется земля. Думали, покойнику теперь все равно, где лежать. Нет, не все равно. Потому что не покойник! Не буду покойником! Выберусь! Хоть и перепугаю их до смерти, а все-таки потом пусть им не только радостно, но и стыдно станет…

Не поддававшийся долгое время сук, в конце концов, удалось вытолкнуть наружу целиком. В доске образовалась до-

вольно большая дыра. Положив нож на грудь и, придерживая, чтобы снова не потерять, подбородком, Уил навалился обеими руками на одну-единственную доску. И она стала медленно прогибаться и трескаться…

Лишь бы и могилу они рыли в спешке. То есть не такую глубокую, как это делается обычно, когда землекопов, стоящих в ней в полный рост, не видно из-за черных холмов только что вырытой земли.

Сломать доску с первой попытки не удалось. Уил попробовал помочь рукам коленом, но не смог как следует согнуть ногу. Тогда он просунул в дырку от сука указательный палец и повис на нем всем телом. Доска прогнулась значительно легче. Она оказалась не толще самого пальца и слишком длиной, чтобы долго упорствовать. Изловчившись, Уил просунул в образовавшуюся щель между досками свободную руку и, упираясь в крышку гроба лбом, стал тянуть пружинящую преграду на себя.

Доска лопнула в том самом месте, где недавно находился сук. Уила засыпало землей, однако он уже ощущал в себе силы свернуть горы. Удар занозистой доской по лицу только раззадорил его. В ход пошли локти, колени, кулаки и через несколько мгновений из-за осыпающейся земли пахнуло воздухом. Свежим воздухом!

Выплевывая попавшие в рот комки земли вперемежку с травой и отряхиваясь, он с трудом сел в ставшем еще более тесном гробу. Одна из боковых досок крышки так и не захо-

тела поддаваться, и ему пришлось извернуться боком, чтобы протиснуться наружу. Не веря в столь легкое избавление от объятий еще мгновение назад казавшейся неминуемой смерти, Уил оторопело огляделся. Он снова видел! Правда, на улице стояли сумерки, но он мог отчетливо различить словно с любопытством склонившиеся над ним редкие кроны деревьев, длинные ветви которых, почти лишенные листвы, напоминали черные сети живой паутины. Холодный свет невидимой в этой точки луны серебрил задумчиво застывшие над ними облака.

Уил заметил, что, несмотря на ночное время суток, воздух был по-летнему теплым и мягким. Если бы не переполнявшая его радость от пережитого отчаяния и последующего возвращения к жизни, он бы наверняка удивился этому обстоятельству, поскольку, задумавшись, мог бы вспомнить, что накануне того злосчастного дня, когда с ним, вероятно, и приключилась беда, шел промозглый осенний ливень.

Но что уж никак не укрылось от его даже рассеянного радостью внимания, так это странность того места, где он теперь оказался. Ломая гроб, он представлял себе, как будет бороться с тяжелой каменной плитой, как выберется, в конце концов, наружу и побредет через знакомое еще по детским проказам кладбище к островерхой часовне. Надгробья над ним, к счастью, не оказалось. Приняв сидячую позу, Уил высвободил из-под земли даже плечи. Но больше всего поразило его сейчас то, что никакого кладбища вокруг и в помине

не было.

Выбравшись наружу, он обнаружил, что стоит на крохотной поляне. Со всех сторон его обступал чужой неприветливый лес, сплошь состоявший из низкорослых деревьев, поражавших длиной причудливо искривленных ветвей и полным отсутствием листьев. Земля под ногами, насколько позволял разглядеть неясный свет мутнеющей сквозь паутину веток луны, была изъедена толстыми корнями, похожими на окаменевших змей.

Продолжая отряхиваться, Уил невольно поежился: как ни хорошо он знал родную местность, он не припоминал, чтобы где-нибудь в округе Уинчестера можно было набрести на подобную чащу. Чащу, словно рожденную всегда такими образными проповедями пастора Холена, каждое воскресенье призывавшего свою многочисленную паству к праведной жизни в согласии с Господом и самим собой.

«Может быть, я все-таки умер?», мелькнула в мозгу Уила предательская мысль, однако удовольствие от возрожденной способности двигаться и делать бесконечно глубокие вздохи прогнало ее прочь. Если за все совершенные на этом свете грехи ему суждено отправиться в ад, едва ли ад окажется таким теплым, свежим и уютным.

Уил заглянул в яму, из которой только что выбрался. Рядом с ней лежал позабытый второпях нож. Именно такой, каким он представлял его себе во мраке гроба. Уил наклонился и с трепетом подобрал нож. Совершенно простой, без

узора и даже насечек на тонкой рукоятке. Перемычка с одного конца сломана. И никаких следов попыток ее починить. Более чем удивительно, зная рвение влюбленного в свое ремесло кузнеца Оуэна, который готов был с утра до ночи махать молотком, лишь бы утварь на кухнях живущих по соседству от его кузни семейств была всегда исправна. Откуда взялся этот нож? Чья рассеянная рука могла подбросить его в гроб к покойнику, пусть даже мнимому? Ответа Уил, сколько ни искал, не находил.

На всякий случай он опустился на колени и принялся разгребать землю в изножье гроба. Сначала извлек на сумеречный свет непонятного цвета плед с довольно странным рисунком, похожим на переплетение разных по размерам окружностей. Такого у них с Мэри точно в хозяйстве не водилось. В ходу в Уинчестере были либо шотландские пледы с традиционным рисунком из пересекающихся под прямым углом линий, либо незатейливые местные, скучные и монотонные. К тому же соткан плед был из мягкой дорогой шерсти, какой даже сам Уил, будучи торговцем, не мог бы себе позволить. Кто мог додуматься завернуть ею ноги чужого трупа?

Отложив плед, Уил стал рыть глубже. Скоро пальцы его наткнулись на гладкий закругленный край чего-то металлического. Это оказалось почти плоское блюдо, очень похожее на то, которым пользовалась Мэри, когда доставала из печи горячие лепешки. Уил даже обнюхал холодную жесть. Пах-

ло землей и дождевыми червями. Его передернуло. Если бы он не очнулся и не нашел нож, то скоро стал бы их лакомой добычей.

Уил не был уверен в том, действительно ли держит в руках блюдо, принадлежавшее их семье. Он редко захаживал на кухню, когда там хозяйничала Мэри, однако до сих пор ему казалось, что вся их утварь была обыкновенной, видавшей виды и служившей исключительно хозяйственным надобностям. Это означало полное отсутствие какого бы то ни было украшательства. Здесь же он отчетливо видел витиеватый рисунок, тянущийся по кругу вдоль всего края блюда: три чудесным образом переплетающихся вьюнка с острыми, как будто колючими листьями.

Последним, что Уилу удалось извлечь из столь неожиданно приютившего его гроба, была пузатая жестяная фляжка, закупоренная сургучной пробкой. Фляжка приятно оттягивала руку и была полной. Уил не без труда вытащил пробку и осторожно понюхал горлышко. Незнакомый запах травяной настойки. Отхлебнул. Почмокал губами, пытаясь понять вкус. И чуть не выронил фляжку, когда весь рот словно обожгло крапивой. Так резко и так больно, что из глаз брызнули слезы. Не успел Уил испугаться, как ощущение ожога прошло, сменившись необычным теплом, медленно стекающим по небу в горло. Он сглотнул и только сейчас понял, насколько голоден.

Расстелив на земле плед, Уил положил в середину блю-

до и фляжку и завязал концы узлом. Получилось подобие мешка, который можно было нести, перебросив через плечо. Нож он сунул за пояс… и чуть не вскрикнул от боли, когда упавшее лезвие почти воткнулось в ступню. Громко выругавшись, Уил ошалело похлопал себя по бокам. Пояса не было. Более того, обычно свободно болтавшиеся полы домотканой рубахи, которую тот должен был перехватывать на талии, оказались заправленными в просторные парусиновые штаны, приличествовавшие какому-нибудь простолюдину, но никак не уважаемому в городе торговцу. Обозлившись на нож и на тех, кто обряжал его в этот шутовской наряд, Уил с остервенением высвободил полы рубахи и обнаружил, что так еще хуже: края оказались не подшитыми и такими неровными, будто их резали тупыми ножницами.

«Хоть я и рад буду ее увидеть, а трепки она от меня все-таки дождется», подумал он, имея в виду жену, и подобрал нож.

Ничего не оставалось, как воспользоваться давно позабытым мальчишеским приемом, за который ему не раз влетало от матери: проткнуть ножом ткань штанов на бедре и вытащить лезвие из отверстия в дюйме ниже первого. Штаны испорчены, и их придется штопать, зато практичный способ носить нож, когда нет подходящих ножен, равно как и пояса, на который их можно было бы подвесить.

Уил похлопал себя по груди в поисках кремневого огнива, которое неизменно носил подвешенным в кожаном мешочке

на шее. Мешочек пропал. Быть может, даже к лучшему, поскольку при первом же прикосновении к стволу ближайшего дерева выяснилось, что оно совершенно сухое. Если бы от искры вспыхнул пожар, Уилу едва ли удалось бы живым и невредимым выбраться к родному дому.

Но получится ли у него вернуться домой, пусть даже никакого пожара не будет? Он не умел ориентироваться по луне, а немногочисленные звезды, перемигивавшиеся в бездонной черноте неба высоко над головой, были расположены довольно странно. Особенно удивило Уила их скопление в одной точке, где четыре небесных светляка образовывали маленькую, перевернутую вверх ножкой букву «Т». К ней-то он и решил, в конце концов, направить свои стопы за неимением лучшего ориентира.

Пока он осторожно шел вперед, продираясь сквозь острые, царапающие по лицу и одежде ветви, под его ногами то и дело предательски подламывались дряхлые корни, и он по щиколотку проваливался в сухую труху, в которую превратилась здешняя земля.

Уил уже понял, что как покойник он оказался недостоин своей обычной обуви. Ему оставили лишь кожаные обмотки, но забыли надеть хотя бы деревянные башмаки, которые он, правда, терпеть не мог, однако с удовольствием принял бы сейчас, когда впереди его ждет неизвестно насколько долгая дорога через этот адский бурелом.

Постоянная необходимость бороться с назойливыми вет-

вями сбивала Уила с мысли и не позволяла сосредоточиться. Ему же не терпелось разобраться в происходящем. Где он оказался? Почему? Куда бредет? Зачем и кому нужно было так далеко оттаскивать гроб с мнимым покойником от человеческого жилья? Кому вообще взбрело в голову его прятать? Он перебирал в памяти все события последнего времени, однако так и не мог вспомнить, чтобы с кем-нибудь ссорился, а тем более настолько, чтобы завести себе заклятых врагов. С Мэри они с первого дня жили душа в душу. Мэри – да как он смеет даже думать о ней так!

Крохотные огоньки, составлявшие букву «Т», ехидно подмигивали и беззаботно ускользали через перекрестья ветвей. Растущее чувство голода донимало все сильнее. Уил то и дело принюхивался, ожидая, что теплый ночной бриз вот-вот принесет запах дыма от домашнего очага, а может быть, и варящейся на нем овсяной каши. Однако сколько он ни старался ничего, кроме пыли и затхлости высушенного болота не попадало ему в нос.

Несколько раз ему казалось, будто он замечает между деревьями не то факелы, не то пламя отдаленных костров, и он сворачивал с пути, чтобы всякий раз убедиться в своей ошибке: вокруг стояла непроглядная ночь, а горели только холодные звезды.

Что-то прошмыгнуло у него под самыми ногами. Заметив в последний момент длинный ускользающий хвост, Уил понял, что чуть ни наступил на огромную крысу. Присутствие

крыс указывало на близость жилья. Или трупа.

Уила передернуло. Он сам только что выкарабкался из мира мертвых, и ему совершенно не улыбалась перспектива наткнуться на них в мире реальном, хотя и смахивающем на преддверье огнедышащей штольни, имя которой – ад.

Вероятно, он произнес это слово вслух, поскольку оно послужило сигналом сразу для многих звуков: снова прошуршало под ногами, где-то в отдалении, будто от неловкого движения, треснула ветка, тоскливо загукал невидимый филин, ему ответил писклявый хор разбуженной и уже уносящейся прочь стаи стрижей, и, наконец, как итог этой живой какофонии, до слуха Уила долетел монотонный гул – так в замке бьют в набатный колокол, созывая жителей окрестных деревень по тревоге или на важное вече.

Уил попытался запомнить, откуда доносится этот звук. Он успел насчитать пять ударов, когда гул стих, и снова наступила мертвая тишина. Уил зло чертыхнулся: теперь ему казалось, что колокольный звон доносился отовсюду. Подняв голову и найдя между ветками четыре заветных звезды, он продолжил свой путь в указываемом ими направлении. Несмотря на поздний час, сна не было ни в одном глазу.

Прошло еще немало времени, прежде чем Уил заставил себя остановиться. Запустив руку в узел, он извлек потеплевшую на воздухе фляжку и сделал второй глоток. Как ни странно, на сей раз ощущение было совершенно иным: вместо укуса крапивы на языке и нёбе он почувствовал обжига-

ющий холод ледяного ручья, на мгновение сковавший удушливым спазмом горло. Уил закашлялся и чуть ни выронил фляжку.

Отдышавшись, на выдохе отпил еще. В голове зашумело.

При случае Уил мог бы похвастаться тем, что слыл завсегдатаем таверны «Пьяный монах», которая славилась на весь Уинчестер количеством сортов хмельного пива и всевозможных видов эля, браги, сидра и даже привозных вин, однако ничего подобного этой таинственной настойке он отродясь не пробовал. Вкус ее одновременно пугал и манил. Он машинально поднес фляжку к губам, но принюхался и передумал. Впереди его ждал неизвестно сколь долгий путь, а во хмелю кто угодно может наломать дров. Даже бывший покойник.

Постепенно сухие заросли начали заметно редеть. Странный сушняк то здесь то там теперь перемежался с хвойными деревьями, похожими на облезлые ёлки примечательные еще и своими нарочито длинными иголками. От голода Уил попробовал их жевать, но горечь была такая, что пришлось снова лезть за фляжкой. Лучше было о еде не думать вовсе.

По тому, как сложно стал даваться каждый шаг, Уил понял, что дорога пошла вверх. Он взбирался на холм. Путеводные звезды тоже пропали, так что приходилось полагаться на шестое чувство. А оно подсказывало, что за подъемом обязательно следует склон.

Однако Уил все шел, а холм не кончался.

Основательно выбившись из сил и по-прежнему не испытывая желания спать, Уил решил сделать короткий привал. Почему именно короткий, он сам не знал. Вероятно, по-хорошему стоило дождаться утра и тогда сделать более правильный вывод о своем местопребывании. Но желание поскорее добраться до дома и голод лучше любого кнута подстегивали его вперед.

Опустившись на землю возле толстого дерева, напоминающего настоящий дуб, он вытянул ноги. И чуть не вскрикнул: ноги свободно болтались над бездонным провалом. Еще шаг, и он бы камнем упал в пропасть. Ибо теперь, вжавшись правым боком в пористый ствол, Уил видел, как впереди медленно рассеивается густой туман, озаряемый первыми всполохами всплывающего из ниоткуда солнца, а под туманом обнаруживается вовсе не усыпанная иголками трава, но зияющий простор долины, пересеченной излучиной реки. Река с такой высоты представлялась тоненьким ручьем.

Теперь Уил знал, что не просто заблудился. Ничего подобного поблизости от Уинчестера не было и не могло быть. Правда, там протекала река, которую в стародавние времена так и назвали «река», то есть Эйвон, однако несла она свои неспешные воды по равнине, и не существовало такой горы, с которой ее можно было бы спутать с ручьем. Гор в Британии, а тем более в Уэссексе, где от одного взгляда вниз захватывало бы дух, не было, разве что на севере далекой Шотландии, но ведь не сошли же с ума его друзья и родствен-

ники, чтобы устраивать похороны за тридевять земель. Да и не слышал он о том, чтобы в эту пору в горной Шотландии по ночам стояла такая теплынь.

По мере того, как поднималось солнце, заливая мягким оранжевым светом просыпающуюся долину, снизу, из-под усталых ног потрясенного путника задул прохладный бриз. Над его головой зашумели кроны деревьев. Запрокинувшись, Уил убедился в том, что это и в самом деле дубы. На земле то здесь, то там лежали упавшие желуди.

Лес позади тоже стал дышать и оживать после лунного сна. Солнечный свет во мгновение ока преобразил его. Уил снова не верил своим глазам, вспоминая, какими хмурыми, безнадежно черными и пугающими немногим более четверти часа назад казались ему эти могучие дубы. Теперь же они успокаивающе шелестели листвой и молча ждали его дальнейших действий. Они созерцали его, пока он ошарашено взирал снизу-вверх, понимая, что сейчас они – невольные свидетели его одиночества и единственные друзья.

Отвесный склон тянулся в обе стороны насколько хватало глаз, до самого горизонта. Как будто в этом месте земля раскололась пополам, и одна ее половина осталась там, где сейчас сидел Уил, а вторая опустилась на многие мили вниз и зажила своей собственной жизнью. Правда, жизнь ее разглядеть с такой высоты не представлялось возможным. Поросшие лесом берега реки казались поросшими мхом, а выступавшие кое-где островерхие скалы – крохотными камуш-

ками, способными разве что уколоть босую ногу.

Первородный страх Уила сменился робким очарованием. Теперь он воочию мог представить себе, как выглядит знакомый ему мир людей глазами свободно парящей птицы. Если птицы вообще умели подниматься на подобную высоту.

В некоторых местах долины из-под «мха» покрывавших ее лесных чащ поднимались струйки белого дыма – единственный видимый признак присутствия там человека. Если там были деревни или даже города, лес надежно скрывал их от постороннего взора.

Голод сделался настолько сильным, что Уил почти перестал его замечать. Кружилась голова, но он думал, что всему виной врожденная боязнь высоты. Уил, сколько себя помнил, всегда избегал не только стоять на краю оврагов, но и забираться на деревья. В детстве под ним сломался сук, и он чудом остался жив, пролетев добрых пятнадцать футов.

Вид реки навел его на мысль о том, что он не только давно не ел, но и не пил. Хуже голода могла быть только жажда, и вот теперь она как нельзя некстати давала о себе знать. Уил заставил себя оторваться от столь завораживающего своей неожиданностью зрелища и подняться на ноги.

Идти вдоль края провала в ту или иную сторону не имело смысла: спуска в долину, кроме как камнем вниз, определенно не существовало. Значит, нужно возвращаться. Уил почувствовал, как ноги сами несут его обратно в заросли.

От быстрой ходьбы стало жарко, однако он решил не сни-

мать рубаху, чтобы не пораниться об ожидавшие его впереди сучья. Неужели снова придется преодолевать всю ту утомительную дорогу через чащу, из которой он с таким трудом только что вырвался? Если бы его не соблазнили звезды, он бы мог давно уже оказаться среди людей. Уил невольно поймал себя на том, что больше не мечтает оказаться дома. Лишь бы там были люди, потому что где люди – там еда. И вода. Или даже пиво. Ледяное и горькое.

Он вспомнил о фляге со странным зельем и остановился, чтобы сделать очередной спасительной глоток. Запрокинувшись с пахучим горлышком у рта, заметил краем глаза движение за ближайшими кустами. Замер. Из-за кустов выглянула острая мордочка не то крысы, не то лесного крота. Глазки-бусинки вернули Уилу удивленный взгляд, и мордочка скрылась. Рука сама потянулась к ножу на бедре.

Когда через мгновение зверек снова высунулся, Уил метнул в него нож. Он никогда не отличался меткостью и потому действовал скорее машинально, по наитию, нежели по расчету. Нож юркнул следом за мордочкой в траву. Не услышав писка, Уил понял, что промахнулся. Он наклонился, чтобы отыскать свое единственное оружие, и от восторга замер: длинное лезвие пригвоздила зверька к толстому корню. «Не может же мне не везти все время», радостно подумал Уил, разглядывая добычу. Зверек не был крысой, однако названия его Уил не знал. Меньше крысы, с более темной и мягкой шерсткой, довольно упитанный и почти хорошень-

кий, если бы не смертельный оскал, обнажавший два белых ряда острых клычков.

Отсутствие костра смутило Уила лишь в первое мгновение. Не долго думая, он прямо на весу разделал тушку, содрав с нее шкурку и распоров брюшко до конца. Теплые внутренности шлепнулись в траву. Уил не ожидал от себя такой ловкости. Единственные животные, каких ему приходилось разделывать, были домашние куры, да и то ему приходилось заниматься этим, когда занятая по хозяйству Мэри просила его ей помочь.

Пачкаясь кровью, он принялся откусывать жесткое, хотя и сочное мясо. Поймал себя на мысли, что если бы убил сейчас не безобидного зверька, а человека, поступил бы с ним точно также. Кто же это говорил, что голод делает из человека животное? Уж не пройдоха ли Джон, когда после очередной кружки эля на него снисходил талант философа?

В животе приятно заурчало. Размазывая по лицу кровь, Уил умиротворенно зевнул. Жизнь теперь казалась уже не такой страшной и безнадежной, как полчаса назад. Он сел под дерево и впервые за всю трапезу прибегнул к помощи ножа. Резать мясо и отправлять его в рот маленькими кусками было даже вкуснее. Вот бы еще набрести на пруд или ручей, чтобы искупаться и как следует напиться! Уил улыбнулся. Что ж, если ему с первого раза повезло на охоте, почему удача должна отворачиваться от него впредь?

Отбросив тщательно обглоданный скелетик в кусты, Уил

с новыми силами пустился в путь. За дубами последовали ёлки, за ёлками – сухостой. Теперь даже здесь лес не казался таким удручающе враждебным, каким был ночью. Приблизившееся к зениту солнце палило нещадно. Не находящему нигде тени Уилу пришлось остановиться и соорудить нечто вроде шапки из пледа. Жестяное блюдо и фляжку он нес дальше в руках, зато лысую голову перестало припекать.

Пробираясь через колючие кусты, он не знал, сколько прошло времени, и спохватился лишь тогда, когда заметил, что появились тени: солнце стало клониться к западу. Уил же упрямо брел на юг и с ужасом думал, не совершает ли он сейчас самую большую ошибку в своей жизни. Может быть, не самую большую, но уж во всяком случае последнюю. Сухостой означал не только отсутствие укрытия от солнца, но и отсутствие воды, а следовательно – отсутствие какой бы то ни было живности. При этом он понятия не имел о том, насколько далеко тянется этот мертвый лес. На странствие по нему мог уйти не один день. В таком случае Уил обречен. Содержимое фляжки утоляло жажду, но ненадолго, зато после каждого глотка голод давал о себе знать с удвоенной силой.

Сумерки наступили неожиданно, и вскоре все вокруг поглотил мрак.

Уил остановился, стянул с головы нагревшийся за день плед и лег на него, чтобы не чувствовать уколов сухих стеблей. Хотя идти ночью было, вероятно, не так утомительно,

сил на продолжение пути у него не осталось. Кроме того, он больше не видел звезд на небе и справедливо опасался, что может заблудиться, и тогда все дневные труды и лишения пойдут на смарку. Ему не раз приходилось слышать рассказы о том, как лес играл с путниками злую шутку, водил их по кругу, и они оказывались наутро в месте своего вчерашнего привала.

Торговля шерстью научила его одному очень важному качеству – терпенью. До тех пор, пока он ни освоил ткачества и искусства валяния тканей, его ремесло заключалось в сезонной закупке только что состриженной шерсти по крестьянским хозяйствам и монастырям и дальнейшей перепродаже ее в дни ярмарок на рыночных площадях, причем не только в самом Уинчестере, но и в соседних городах, если ему заранее доносили, что там можно будет поставить более высокие цены. В остальное же время он работал по дому или проводил время в относительной праздности, терпеливо ожидая следующего сезона.

Уил не заметил, как заснул. Ему ничего не снилось, и проснулся он хорошо отдохнувшим и окрепшим. Только нестерпимо хотелось есть. Солнце еще пряталось за деревьями, но день обещал быть не менее жарким, чем вчерашний.

Проклиная себя за нерасчетливость, Уил продолжил свой унылый путь. Сейчас он во своей отчетливостью видел допущенные ошибки, которые в сложившейся ситуации могли оказаться для него роковыми. Зная, что его ожидает, он

не должен был сломя голову бросаться обратно через мертвый сушняк, а сперва пройти по дубовой опушке леса вдоль провала. И пусть на это ушло бы лишних два-три дня, за это время он набил бы достаточно дичи, чтобы потом продержаться без охоты значительно дольше. Кроме того, раз дубы росли, как и должен расти настоящий лес, значит, там сохранялась вероятность отыскать животворный источник. Почему его потянуло назад, навстречу неминуемой гибели? Почему было не выбрать одно из двух направлений вдоль опушки? Или он наивно верил в то, что обратная дорога рано или поздно приведет его к дому? Какая непоправимая глупость!

В какой-то момент Уил подумал о том, чтобы снова повернуть назад и вернуться к провалу. За спиной были полтора дня пути, которые он, зная цель, мог бы с огромным трудом, но все-таки продержаться. Напротив, впереди его ждала полная неизвестность. Встряхнув фляжкой, он прикинул, что жидкости осталось глотков на пять-шесть. Сколько это? Два дня мучений? Три? Открыв крышку, сделал жадный глоток. Теперь уж точно не три. Скорей бы все кончалось!

Он шел весь день. Когда спустилась тьма, рухнул на плед.

Он так устал, что забыл про фляжку, и проснулся под утро от страшной сухости во рту. Напившись, – если так можно назвать ощущение влажности на губах и жжения на языке, – огляделся в поисках солнца. Небо было затянуто серой дымкой. Поначалу ему показалось, что это дым от пожара, однако запаха гари не чувствовалось, и Уил воспрянул духом:

плотные облака скрывали солнце. Сколько это могло продлиться, он не знал и потому, сориентировавшись на местности по собственным вчерашним следам, оставшимися глубокими впадинами в выжженной земле, незамедлительно отправился в путь. То и дело оглядываясь, он следил за тем, чтобы остававшаяся за ним дорожка следов тянулась прямой линией. Тогда он мог быть уверен хотя бы в том, что не бродит кругами.

Уил уже настолько привык к окружавшим его сухим деревьям, что почти не замечал, как их острые сучья рвут на нем одежду и царапают тело. От пота ранки зудели и саднили, однако эта боль была ничто по сравнению с утомительным головокружением и поедающим самого себя от голода желудком.

Уила так и подмывало покончить со всеми этими муками разом, залпом выпив фляжку или выплеснув ее содержимое на землю. Он знал, что не перестанет идти, пока еще теплится надежда. Умрет надежда, умрет и он. Однажды он уже умер. Тогда ему удалось обмануть смерть. Неужели лишь затем, чтобы умереть вновь, на сей раз взаправду?

Так прошел еще один день.

Расстилая в сумерках плед рядом с целой кучей сушняка, наваленного вокруг отдельно стоящего дерева, Уил отчетливо услышал далекий раскат грома. Сначала он даже не обратил на него внимания, укладываясь и закрывая глаза, чтобы попытаться заснуть, но потом приподнялся на локте и при-

слушался. Гром пророкотал снова, и на сей раз Уилу показалось, что он заметил в том направлении, откуда пришел, всполох молнии. Гроза! Настоящая гроза! Так вот почему весь день небо было затянуто тучами! Погода портилась! Какое счастье! Будет дождь!

Если бы у Уила оставались силы, он вскочил бы на ноги и пустился в пляс. Отчаявшегося, чуть не отказавшегося от борьбы за жизнь, его теперь спасали те же самые явления Господни, которые до сих пор столь нещадно испытывали его ослабевший дух. Уил перевернулся на живот, поднялся на колени и принялся истово молиться в сторону громовых раскатов.

Гроза надвигалась.

Глотая слезы радости и умиления от ниспосланной ему милости Всевышнего, Уил то и дело поднимал лицо вверх, ожидая первых капель долгожданного дождя. Над лесом уже проносились сильные порывы ветра. Сухие стволы беспомощно трещали. В какой-то момент Уила обдало облако поднятой с земли пыли. Он только рассмеялся, злорадствуя бессилию казавшегося до сих пор таким страшным леса.

Гром пророкотал над самой его головой. Уил хотел было закричать от охватившего его религиозного экстаза, но сорвавшийся с потрескавшихся губ крик превратился в вопль ужаса. Незамедлительно последовавшая за раскатом грома молния на его глазах вспорола черный бархат неба и вонзилась в лес, на краткий миг озарив деревья застывшие с воз-

детыми к ней в немой мольбе ветками. Уил увидел, как расколовшийся пополам ствол вспыхнул гигантской лучиной. От первого ствола занялся второй, и вот уже вокруг заплясали причудливые тени от разгоравшегося в каких-нибудь пятнадцати ярдах от него пожара.

Пути Господни неисповедимы! Искусив раба своего надеждой на спасение, Всевышний обрушил на него всепожирающий огонь!

Уил вскочил с колен, чтобы обратиться в бегство, но замер, потрясенный разворачивавшимся на его глазах буйством природы. Деревья вспыхивали, как щепки и превращались в столбы пламени. Жар от них был сильнее, чем жар полуденного солнца. Огненные языки устремлялись ввысь и гудели, как адские трубы. Уил никогда не думал, что смерть может быть так ужасающе прекрасна.

И тут из ниоткуда хлынул ливень. Потрясенный Уил оказался отрезанным от пожара стеной золотистых капель. Вмиг все померкло. Огня не стало. Теперь в окружающей темноте стояло лишь негодующее шипение мокрых стволов да шуршание ливня по раскисающей земле.

Словно очнувшись от спячки, Уил бросился рыскать в потемках в поисках фляжки и блюда. Блюдо он нашел первым. Задев его рукой, он почувствовал, как через край выливается уже набравшаяся в него вода. Настоящая дождевая вода! Где же фляжка? Да вот же она! Теперь нужно попытаться думать. Напиться! Наполнить фляжку! Да, конечно, ведь ли-

вень может в любой момент прекратиться. Только без суеты! Спокойно, не расплескать.

Запрокинув лицо навстречу холодным струям дождя и ловя ртом живительную влагу, Уил судорожно выдернул из фляжки пробку. Первым делом необходимо наполнить ее водой, а уж напиться он успеет. Захлебываясь, одним махом вылил себе в горло остатки настойки. Не обращая внимания на ощущение приятной апатии, обычно сопровождающей опьянение, Уил одной рукой обхватил горлышко фляжки, а другой принялся осторожно вливать в него дождевую воду из дрожащего от напряжения блюда.

Дождь не прекращался.

Фляжка наконец заполнилась до краев. Заткнув ее пробкой, Уил с наслаждением распластался на спине в образовавшейся под ним луже и раскинул руки. Вода сама сыпалась с неба в его смеющийся от счастья рот. Несколько раз он даже чуть не захлебнулся. Сейчас он мог позволить себе не только пить вволю, но и кощунственно сплевывать воду себе на грудь.

Господь не покинул его! Искусил, напугал до смерти, но не покинул! Наоборот, явил знамение своей безмерной милости тому, кто нашел в себе силы покориться Его всевышней воле. Да пребудешь ты и впредь пастырем моим, Господи!

Уил прямо так и заснул, лежа на спине в холодной жиже и с улыбкой на мокром лице. Он не заметил, как среди ночи

дождь прекратился, и проснулся лишь тогда, когда взошедшее над обугленными после вчерашнего пожара останками деревьев начало припекать.

Почва давно высохла, и теперь он с головы до ног был в отвратительной глинистой коросте. Ужасно хотелось пить.

Уил сел и бросил взгляд на стоявшее поодаль блюдо. Вода сверкала в нем на самом донышке. Остальное успело бесследно испариться. Уил подхватил блюдо обеими руками и жадно допил теплую лужицу.

Опустив блюдо, он невольно подался назад и вскрикнул от неожиданности: из-под соседнего дерева на него смотрел скелет. Настоящий человеческий скелет с пустыми дырами вместо глаз и насмешливым оскалом желтых зубов. Скелет не шевелился, и Уил с замирающим сердцем перевел дух. Откуда здесь мог появиться этот нежданный гость? Не принесло же его грозой? Оглядевшись, Уил понял. Скелет равнодушно сидел, прислонившись спиной к дереву на месте той самой кучи сушняка, которую Уил заметил, готовясь ко сну. Ливень размягчил землю, а ветер за ночь разметал никчемные ветки, которыми, вероятно, и был присыпан неведомый труп.

Уил молча сидел, боясь встать и приблизиться к скелету. Покойник как будто отвечал ему тем же. Что-то в облике скелета смущало Уила. Он не сразу сообразил, что именно. Скелет был облачен в рыцарские доспехи. Сверкающие и лишенные даже намека на ржавчину, их словно только что

сняли с живого воина и напялили на эту пугающую куклу с зияющими пустотами на месте глаз и носа. Между колен скелета из земли торчал короткий меч с причудливой рукояткой.

Уил перевел дух.

События последних трех дней, как он думал, разучили его чему бы то ни было удивляться. Пробуждение в гробу, сидение над пропастью, переход по выжженному солнцем лесу, предвкушение смерти от жажды, потом – в огненных объятиях пожара и, наконец, упоение льющейся с небес водой довели его до исступления, которое в свою очередь сменилось состоянием необыкновенной успокоенности и всеприятия. И вот он снова оказался один на один с неразрешимой загадкой судьбы, явившейся ему в образе скелета-воина.

На своем веку Уилу неоднократно приходилось видеть рыцарей, в полном вооружении гарцующих на спинах огромных боевых коней, однако он ни разу не имел возможности осмотреть их доспехи с такого близкого расстояния, да еще и потрогать руками.

При первом же прикосновении позолоченные кольца кольчуги тихо, словно предостерегающе, зазвенели. Уил опасливо отдернул палец. Просвечивавшие сквозь железо кости производили более чем странное впечатление. Верх кольчуги представлял собой капюшон, надетый на череп и накрытый сверху блестящим шлемом тонкой работы. Шлем отдаленно напоминал голову хищной птицы, метал-

лический клюв которой служил защитным щитком для переносицы. Уил привык к тому, что шлемы рыцарей снабжены забралом, иногда закрывающим все лицо вместе с подбородком, однако ему приходилось слышать, что некоторые воины в других странах по-прежнему предпочитают облегченные варианты с одной вертикальной пластиной. По всей видимости, мертвый воин не был англичанином.

Кисти скелета закрывали странного вида перчатки, больше похожие на металлические панцири, неизвестно каким образом крепившиеся к запястьям. Уил осторожно взялся за одну, и она осталась у него в руке. То же самое произошло, когда он попробовал снять железный башмак, доходивший почти до костлявого колена. Чудеса! Чтобы проверить возникшее подозрение, Уил, не дыша, взялся обеими руками за шлем и легко поднял его над безвольно откинувшимся назад черепом. Догадка оказалась верной: между желтой макушкой скелета и кольчужным капюшоном он едва успел заметить горку бурой пыли, которая прямо на его глазах рассыпалась сквозь позолоченные колечки. Уил знал, что шлем никогда не надевается прямо на голову, а тем более если под ним капюшон кольчуги. Обычно сперва рыцари надевали пуховую шапочку, а сверху нее еще и полотняный или шелковый чепец. Именно эти шапочка с чепцом и превратились в бурую пыль под шлемом. Означать это могло только одно: труп несчастного воина просидел здесь под деревом настолько долго, что вся его одежда, сшитая когда-то из дорогих ма-

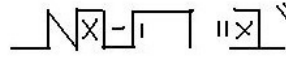
териалов и кожи, обратилась в прах и исчезла. Остался лишь метал, причем совершенно не тронутый временем. Неужели в этих местах и правда не бывает дождей, а если дожди и случаются, то вся влага сразу же испаряется на солнце, не успевая спровоцировать ржавчину? Похоже, то было единственное объяснение. И оно Уилу совершенно не нравилось. Если в мертвом лесу гибнут могучие вооруженные рыцари, на что может рассчитывать бедный торговец шерстью, у которого за душой-то всего единственная фляга с дождевой водой?

Продолжая осмотр шлема, Уил убедился, что хозяином его был явно не англичанин. Подтверждением тому являлась надпись, выгравированная вдоль всего тонкого обода и больше смахивавшая на примитивный орнамент, элементы которого редко, но с определенной логикой повторялись: ломаная, иногда прерывающаяся линия, то и дело перечеркнутая короткими штрихами, то одиночными, то сдвоенными, со вписанными в ее причудливые изгибы крестиками или такими же короткими, но ни с чем не соприкасающимися штрихами. Кто бы ни гравировал шлем, делал он это отнюдь не по законам красоты. Значит, рассудил Уил, это надпись.

Один из фрагментов выглядел следующим образом:

В родном Уинчестере Уил слыл довольно образованным человеком, он умел не только считать, как того требовало его ремесло, но также читать и писать на английском и даже сносно разумел по-французски, будучи вынужденным время от времени общаться с тамошними купцами. Не знал он

разве что латыни, однако с латинской вязью рисунок на шлеме Уил едва ли бы спутал. Оставалось лишь предположить, что перед ним язык неведомого ему народа, вероятно, одного из тех, которые, судя по рассказам пилигримов, обитали в превеликом множестве за далекими горами где-то на востоке большой земли. Только вот кто и когда заслал сюда бедного рыцаря, сложившего свою буйную голову среди мертвого леса, да так, что об этом вторжении молчали местные хроники?



Уила одновременно обуревало столько невнятных вопросов, что он растерялся, не зная, с какого начинать. Ему, к примеру, не приходилось слышать, чтобы рыцари, даже не слишком благородные, передвигались пешком. Между тем нигде поблизости не было видно останков коня или холма, под которым мог бы скрываться скелет погибшего животного. Или взять хотя бы те же кожаные ремни, что ис-

чезли с заклепок на рукавицах вместе с истлевшей рубахой и прочими предметами обычной одежды. Уил помнил, как однажды при нем родственники приора вынимали из склепа останки своего пращура, почившего смертью праведника лет за семьдесят до того самого дня. Покойник превратился в такой же ужасный скелет, однако кожаные сандалии на его костлявых ногах выглядели нетронутыми могильным тленом. Сколько же нужно было просидеть здесь этому скелету, чтобы из всей одежды на нем осталось одно лишь чудесным образом сохранившееся железо? Сто, двести лет? Отчего он умер? От голода и жажды? От жары и истощения? Или его зверски убили? А может быть, тяжело ранили и бросили умирать одного, когда это лес еще был живым и цветущим?

Уил повертел шлем. Ни вмятин, ни царапин. Только вязь по ободку да филигранная резьба с обоих боков и на затылке в виде развевающихся на ветру перьев. Сам череп, насколько позволяла видеть кольчуга, тоже был цел и невредим. Зато при более внимательном осмотре кольчуги с левой стороны груди открылась едва заметная дыра: что-то со страшной силой разорвало несколько соседних колец. Удар скорее колющий, чем рубящий. Очевидно, беднягу закололи копьем. Или пронзили мечом. Быть может, тем самым, что торчал сейчас из земли и смущал взгляд Уила богатством инкрустированной драгоценными камнями рукоятки.

Некоторое время Уил даже не мог заставить себя притро-

нуться к ней, такое удивительное впечатление производили на него мерцающие внутренним светом изумруды и рубины. Или то, что изумрудами и рубинами казалось. Поскольку окончательно запутавшийся мозг Уила отказывался что-либо воспринимать на веру. Тем более что подобного размера изумрудов и рубинов ему не приходилось видеть никогда. Изумрудами была выложена левая сторона рукоятки, рубинами – правая. Заканчивалась рукоятка шаром из слоновой кости, который держала в когтях напряженная птичья лапа. Две орлиные головы с открытыми клювами, обращенные в противоположные стороны в том месте, где рукоятка меча граничила с клинком, сверкали позолотой. Клинок имел в длину не больше локтя и был обоюдоострым. Вместо обычного острия Уил увидел странное раздвоение, делавшее клинок похожим на змеиное жало. Посередине лезвия с одной и с другой стороны тянулась такая же вязь, что и на шлеме. Уил взвесил меч в руке и ощутил внезапный прилив уверенности. Как бы ни хотелось есть, теперь он достаточно вооружен, чтобы оказать сопротивление любому и при первой же возможности успешно поохотиться. Было бы на кого.

Он даже заглянул через пустые глазницы внутрь черепа, ожидая увидеть копошащихся в нем червей, какие всегда появляются в трупе, стоит тому пролежать на земле больше двух дней. Уил слишком хорошо помнил тот страшный год, когда ему с семьей пришлось скитаться по деревням, в которых норманны перебили всех жителей, так что некому бы-

ло убирать с улиц мертвых, и они гнили прямо между домами и на дорогах, вонючие и облепленные мухами и червями. Сейчас у него засосало под ложечкой, и он подумал, что если бы обнаружил в скелете какую-нибудь живность, наверняка не побрезговал, как тогда, и съел.

Череп был идеально чист. Если черви в нем когда-нибудь и жили, то давно сделали свое дело и уползли.

Уил расстелил на земле плед и стал складывать в него новые трофеи. Шлем мог пригодиться на случай нового дождя. Кольчуга едва ли, однако он решил прихватить на всякий случай и ее. Если ему посчастливится выбраться из этого леса, кто знает, что ждет его дальше? Раз уж решил бороться за жизнь, нужно быть готовым ко всему. Подумав, не без труда стянул со скелета кольчугу. Она оказалась настолько тонкой, что он легко скомкал ее и положил внутрь шлема. Железные перчатки и щитки на ноги брать не имело смысла – они были слишком тяжелыми и бессмысленными. Другое дело – меч. Уил огляделся в поисках ножен. Ни коня, ни седла, ни ножен, ни щита. Кто же приволок сюда этого несчастного?

Уил вышел из положения тем, что обвязал концы пледа вокруг лезвия и положил меч на плечо, крепко взявшись за драгоценную рукоятку. Бросил последний взгляд на развалившегося под деревом скелета. Развалившегося в прямом смысле слова, поскольку в результате снятия кольчуги у скелета оторвались обе руки и вывалилось несколько ребер.

Уилу всегда хотелось иметь собственный череп. Черепа были у всех монахов, обитавших в Уинчестерском монастыре, а некоторые из божьих братьев во время служб даже носили их привязанными к поясу. Считалось, что это мощи почивших в святости праведников, с которыми монахам предписывалось советоваться в часы раздумий и сомнений. Уилу же казалось, что монахи просто кичатся своими реликвиями и не испытывают от обладания ими ничего, кроме гордыни всевластия.

Вздохнув, он наклонился и поднял череп за костяную перемычку между глазными впадинами. Нижняя челюсть безвольно покачивалась и лязгала желтыми зубами. Откуда же ты прибыл, храбрый рыцарь, чтобы столь бесславно закончить свои дни здесь, в этом пересохшем болоте?

Уил сам удивился своей догадке. А ведь действительно очень похоже на выжженное солнцем болото, деревья в котором сначала сгнили, а потом высохли, превратившись в труху. Он вспомнил, как радостно занималась эта труха пламенем, и его передернуло. Нельзя больше терять драгоценное время, пора в путь!

Сунув череп в мешок, Уил поправил меч на плече и побрел вперед, держась левее своей укорачивающейся тени.

Так он шел весь день, сделав всего два привала, но за это время выпив почти половину фляжки. В отличие от обжигающего горло эликсира, глотать пусть и теплую, но дождевую воду было куда приятнее, и он не находил в себе сил ограни-

чиваться двумя-тремя глотками за раз. Кроме того, вода сразу же выходила обратно пóтом, и хотелось пить еще и еще.

Под вечер Уил как-то особенно отчетливо понял, что вот-вот умрет. Соблазн допить фляжку и забыться последним блаженным сном, не думая об ужасе пробуждении, был слишком велик. Лежавший рядом меч колол его в бок, подначивая так и поступить. Уил вздохнул. Поднявшийся в сумерках слабый ветерок донес до него едва различимый запах хвои. Уил закрыл глаза, проваливаясь в безрадостное забытье, но потянул носом и встрепенулся. Сна как ни бывало. Он вдыхал аромат живого леса!

Вскочив и даже не заметив, как сломал головой слишком низко наклонившуюся ветку, Уил определил, откуда дует легкий бриз, и устремился в том направлении через ночь, через мрак, через цепляющийся за ноги и руки сухостой, только вперед, из последних сил. Так сам переходит в галоп взмыленный конь, почуявший конец утомительного перехода и близость студеной воды и свежего сена.

С каждым десятком шагов ветер как будто даже усиливается. Ноги Уила уже не проваливались в труху, а твердо ступали по настоящей земле. Казалось, еще немного, и он разрыдается от счастья, упиваясь мыслью о том, что Господь не оставил его в беде и не дал погибнуть, не увидев в последний раз отчего крова.

Его окликнули. Не видя по-прежнему ни зги, он удивленно повернул голову на зов и получил тяжелый удар по затыл-

ку. Уил почувствовал, что падает в пропасть, и потерял сознание.

– Он не похож на *шеважа*, – сказал Граки, в голосе которого послышалось удивление, сменившееся раздражением. – Дорого бы я дал, чтобы понять, на кого он вообще похож, только не на *шеважа* – это точно. Правильно, что не прикончили его на месте, а приволокли сюда. – Он свирепо глянул на собравшихся в просторной хижине людей. Некоторые невольно подались назад. – Но могли бы обождать до утра. Кому взбрело в голову будить меня среди ночи? Тебе, Шиган?

Тот, кого назвали Шиган, могучего вида старик с гладко выбритой головой и длинной седой бородой, спокойно выдержал направленный на него взгляд, потер подбородок и задумчиво кивнул.

– Я решил, тебе захочется посмотреть вот на это, – негромко ответил он, и вынул из-за спины грязный мешок.

Увидев едва проглядывавшие сквозь толстый слой пыли переплетения окружностей, Граки хмыкнул и протянул руку. Шиган не спешил отдавать ему свою добычу. Он развязал узелки, и содержимое мешка, оказавшегося обычным куском материи, высыпалось на пол под ноги Граки.

– *Тэвил*! – выругался тот, отступая. – Что это за посуда?..

Граки не договорил. Взгляд его застыл на перекатывавшемся из стороны в сторону шлеме. Из шлема с шуршанием

вывалилась скомканная кольчуга.

– А вот к чему этот малый привязал свой мешок. Фокдан, покажи-ка.

Фокдан, единственный из оставшихся в живых сыновей Шигана, такой же могучий и неторопливый в движениях, как отец, снял с плеча и шумно поставил перед собой длинную кожаную сумку. Все знали, что он носит в ней свои смертоносные стрелы. Одним рывком развязав тесемки, стягивавшие верх сумки, Фокдан сунул руку внутрь и извлек то, отчего у Граки перехватило дыханье: обоюдоострый меч с расщепленным клинком и повернутыми в противоположные стороны хищными орлиными головами. Между крепкими пальцами, сжимавшими рукоятку, проглядывали зеленые и красные драгоценные камни.

– Ты знаешь, что *это* такое, – чуть дрогнувшим голосом продолжал Шиган. – И потому я дерзнул разбудить тебя, чтобы ты сам посмотрел. Извини.

Некоторое время было слышно, как в тишине потрескивают факелы.

Скоро в хижине Граки собрались почти все воины заставы, кроме, разумеется, тех, кто находился в этот ночной час в карауле. Восемьдесят три видавших виды мужчины, покалеченных в нескончаемых битвах, хмурых и предпочитавших разговорам действие. Они не умели складно говорить и размышлять вслух, но зато у них вот уже не один год получалось худо-бедно защищать эту часть Пограничья от набе-

гов свирепых *шеважа*. Все уже знали о том, что произошло. Виновник их неурочного собрания был здесь же: странного вида исхудалый парень, непонятного возраста из-за преждевременной лысины, однако, судя по всему, явно нестарый, в изодранной рубахе и слишком широких для него штанах, связанный по рукам и ногам, лежал под балкой, подпиравшей коньковый брус крыши, и едва слышно стонал. Сидевшие по бокам охранники, не обращали на него внимания и слушали, что говорит Граки.

– Сегодняшняя ночь, братья, загадала нам трудную загадку. – Граки, не моргая, смотрел в пламя жаркого костра и задумчиво крутил в пальцах деревянный кубик для игры в совпадения. – Я даже не берусь сказать, что произойдет, если нам в конце концов удастся ее разрешить, но знаю наверняка, что не произойти не может. – Он подкинул кубик и не стал его ловить. Кубик покатился по доскам пола и замер между разложенными перед костром трофеями: человеческим черепом, блюдом, фляжкой, тонким ножом, шлемом, кольчугой и мечом, мерцающим всеми гранями усыпавших рукоять драгоценных камней. – Сначала давайте разберемся в том, как этот человек попал к нам. Кто его поймал?

– Поймали его мои люди, Брентан и Дамзей, – подал низкий голос воин в причудливом зеленом наряде: бурый плащ, в который он по привычке кутался, будто от холода, был сплошь в зеленых лоскутках. Издали могло показаться, что перед костром сложена куча листьев. Говорившего звали

Гейвен. Он возглавлял отряд лазутчиков. – Когда я его увидел, он уже был без сознания. Дамзей уверяет, что парень напал на него.

– А где Дамзей сейчас? – Граки подобрал кубик. – Думаю, стоит расспросить его самого.

– Я велел обоим оставаться на дежурстве. Сегодня в лесу неспокойно. Похоже, гроза, что разразилась прошлой ночью, пришлась не по душе *шеважа*: за день мы дважды видели их костры.

– Совсем обнаглели, – пробурчал сидевший справа от Граки Шиган. – Когда был жив мой отец, эти твари не приближались к заставе ближе, чем на три полета стрелы. А теперь разгуливают у нас под носом да еще костры жгут.

Его замечание осталось безответным.

– Как это произошло? – напомнил свой вопрос Граки. Кубик спрятался в его широкой ладони.

– И Брентан, и Дамзей сходятся на том, что этот парень шел, вернее, бежал, со стороны Мертвого Болота. Все, что они у него нашли, – лежит перед тобой. Похоже, он пришел с другой окраины леса.

Собравшиеся разом подняли возмущенный гул.

Граки отмахнулся, как от назойливой мухи.

– Ты ведь знаешь, Гейвен, что это невозможно.

– Знаю, но сдается мне, что сегодня ночью я в этом знании уверен меньше, чем когда-либо.

– Не ты ли докладывал мне последнее время, что *шеважа*

рыщут повсюду? Как же мог он пройти через них незамеченным? Да и Мертвое Болото! Ты хорошо подумал, Гейвен? Парень не похож на героя, а ведь там сложили головы многие славные богатыри. И эти доспехи, и этот меч – не лишнее тому подтверждение.

Словно поняв, что речь о нем, пленник застонал громче.

– Что он там бормочет? – крикнул Шиган. – Если он очнулся, давайте спросим его самого, пока не помер.

– Ты бы его сперва накормил да воды дал, а уж потом спрашивал, – заметил подошедший к костру юноша с улыбчивым лицом и копной светлых кудрей. Довольный произведенным на присутствующих эффектом, он пожал плечами и показал пример, подойдя к пленнику и вылив ему на лицо кружку холодной воды. Пленник закашлялся, открыл глаза и жадно облизнул губы.

– Локлан говорит дело, – согласился Граки. – Похоже, этому парню несладко досталось.

– Он напал на моих людей, – напомнил Гейвен.

– Ты же сам этого не видел, – поднял руку Шиган. Разгладив на груди бороду, будто демонстрируя собравшимся, кто здесь старший, если не по чину, то по возрасту, продолжил: – Я бы не удивился, если бы узнал, что твои храбрецы первые оглоушили его.

Кое-кто хохотнул. Гейвен благоразумно промолчал.

Пленнику развязали руки и принесли дымящийся котелок. Бедняга с неподдельной жадностью набросился на еду

и стал, обжигая пальцы, вылавливать из котелка вареную морковь и репу и глотать, не жуя.

– Но-но, поосторожнее, приятель! – засмеялся Локлан, скаля белые зубы. – Так и лопнуть недолго. Отберите у него котелок и дайте побольше воды.

Присутствующие с нескрываемым интересом наблюдали, как незнакомец захлебывается, опрокидывая на себя содержимое принесенного кем-то черпака. На всю трапезу у него ушло не больше двух минут. За это время он почти пришел в себя и теперь сидел под балкой, воровато оглядываясь.

– Эй, кто ты такой? – окликнул его Граки. – Имя у тебя есть?

Пленник закивал и что-то ответил, но никто его не понял.

– Язык вместе с репой проглотил что ли? – усмехнулся Граки. – Говори по-человечески!

Парень замешкался, словно подыскивая слова.

Уил уловил, чего от него допытывается этот дикого вида детина с зеленой повязкой на голове и в кожаной безрукавке, оставлявшей голыми мускулистые загорелые руки, однако отвечать не спешил. Взявшие его в плен люди говорили на странном диалекте английского языка, одни слова проглатывая, другие – неимоверно растягивая, но это было еще не самым худшим. Худшим же было то, что все они имели при себе оружие, а у него даже ноги по-прежнему оставались связанными. Правда, они дали ему поесть, но боль в затылке

слишком отчетливо напоминала о том, как он здесь оказался.

– Я Уил, – проговорил он, наконец. – Торговец шерстью из Уинчестера, что в Уэссексе. Вообще-то меня зовут Уилфрид Гревил, но для друзей я Уил. Рад нашему знакомству.

– Что он сказал? Кто-нибудь понял? – Граки раздосадованно посмотрел на Локлана. – На язык *шеважа* тоже не похоже.

– Кажется, он говорит, что наш друг, – озадаченно почесал голову Локлан. – А зовут его Вил, если не ошибаюсь.

– Ты – Вил? – снова обратился Граки к притихшему пленнику.

– Уил, Уил! – закивал тот, радуясь, что его, в конце концов, поняли.

– Зачем ты напал на наших воинов?

Пленник по имени Вил пожал плечами. Очевидно, он ожидал услышать продолжение вопроса.

– Вот бестолочь, – сплюнул Граки, разглядывая свой кубик. – Ладно, спрошу по-другому. – Он поднял глаза на собеседника и снова сжал кубик в кулаке. Кулак при этом побелел. – Что ты делал на Мертвом Болоте?

Как ни странно, при этих словах Вил оживился, глаза его вспыхнули нехорошим огнем, он весь сжался и стал быстро-быстро бубнить себе под нос:

– Н-да, блот, блот, мёрт блот…

– Вот видите, он сказал «да»! – подал голос Гейвен. Веро-

ятно, он все еще рассчитывал на то, что этот ответ примут за признание в совершенном нападении.

Никто его не поддержал.

– Мне показалось, или его язык действительно схож с нашим? – хмыкнул Граки. Вопрос относился к Локлану, который уже встал со своего места и теперь опустился на корточки пред пленником. Тот смотрел на юношу вопросительно, но без страха.

– «Мёрт блот» – это Мертвое Болото? – поинтересовался Локлан, не обращая внимания на смешки наблюдавших за ними воинов.

Пленник на мгновение задумался, кивнул и с некоторым трудом произнес:

– Мертвое болото…

Собравшиеся в хижине дружно загоготали.

– Тихо! – прикрикнул Граки, подняв руку. Когда все замолчали, продолжил, чеканя каждое слово: – Послушай, Вил, ты хорошо понимаешь мои слова?

– Храшо, храшо, – согласился пленник. – Я хчу що жорить…

– Жрать хочет, – оскалился Шиган, хотя все и так поняли смысл сказанного. – Эдак мы его никогда не прокормим. Разве что самих себя на голод обречем.

Граки между тем сделал знак, чтобы пленнику принесли еще поесть. Пока тот с прежней жадностью уплетал буханку хлеба и ломти вяленого мяса, Граки обратился к негромко

переговаривавшимся между собой воинам:

– Что будем с ним делать, братья? Этот человек, который называет себя Вилом, пришел к нам один, вооруженный, но не своим оружием. Он говорит на чужом языке, но все мы так или иначе понимаем его. И что бы здесь ни придумывал Гейвен, сдается мне, что ни на кого он в лесу не нападал.

– Я не придумываю, – буркнул Гейвен.

– Пусть Дамзей и Брентан оба явятся ко мне утром. Я хочу поговорить с ними. Если бы он действительно хотел напасть на них, то с таким мечом, я думаю, одному из них наверняка бы не поздоровилось. Остается сделать вывод, что наш прожорливый Вил не умеет с ним обращаться.

– Кажется, он говорил, что торгует чем-то? – заметил Локлан.

– Ты думаешь? – недоверчиво протянул Граки. – Эй, Вил, ты – торговец?

Торопливо прожевывая хлеб, пленник утвердительно кивал, а когда проглотил, сказал:

– Трговц, н-да.

– В таком случае, – подхватил Шиган, – это объясняет, почему в предполагаемой схватке с нашими лазутчиками меч Дули ему не пригодился, но зато тем непонятнее, как торговец мог пройти через Мертвое Болото. Ни о чем подобном мне не приходилось слышать. Что-то здесь явно не так. Если только его не заслали к нам *шеважа*.

– Речь идет не только о мече Дули, – сказал Граки. – По-

хоже, этот парень вместе с мечом раздобыл доспехи Дули и даже часть его самого. – Он уронил кубик, и тот послушно подкатился к черепу. – Признаться, никогда не думал, что увижу останки Темного Борца.

При звуке этого имени все присутствующие, не сговариваясь, склонили головы и с почтением приложили сжатые кулаки к левой стороне груди. Только пленник продолжал жевать и недоуменно смотрел по сторонам.

Уил только делал вид, будто понятия не имеет о том, что происходит вокруг. Обитатели хижины говорили быстро, однако он уже начал разбирать их непривычную речь и понимал, что идет она о нем и о его пожитках. Судя по всему, он, сам того не желая, завладел чем-то довольно ценным. Имя обезглавленного теперь скелета было, вероятно, Дули. Красноречивые жесты воинов свидетельствовали о том, что его здесь почитали. А озадаченные, но беззлобные взгляды, – что его, Уила, вроде бы не подозревают в убийстве.

Хлебы имел странный привкус – как будто в ржаную муку добавили какой-то травы, – однако голод постепенно проходил, сменяясь ощущением упоительной пресыщенности. Все тело теперь не болело от усталости, а приятно ныло. Даже голова больше не раскалывалась.

Уилу захотелось одного – спать.

– А парень-то того, заснул, – сказал сидевший рядом

с пленником охранник, на ногу которого пролилась выплеснувшаяся из упавшего черпака вода. – Может, притворяется? Давайте заново его свяжем.

– Никаких связываний. – Граки встал. За ним поднялся Шиган. – Сдается мне, Ракли будет недоволен, если узнает, как мы обращаемся с человеком, пришедшим к нам из неведомых земель да еще принесшим *такие* трофеи. Как ты считаешь, Локлан?

– Мой отец, как и все мы, свято чтит память Дули, – охотно отозвался кудрявый юноша, внимательно изучавший надпись на шлеме. – И если этот Вил, который спит сейчас так, будто точно знает, что находится среди друзей, в самом деле пересек Мертвое Болото и каким-то чудом миновал рыскающие по всему Пограничью отряды *шеважа*, он будет принят в Тронной Зале с подобающими почестями. Я согласен с Граки.

Остальные воины закивали. Поймав на себе чей-то вопросительный взгляд, Гейвен тоже наклонил голову, а когда поднял глаза, Граки и Шиган уже расходились по своим ложам. Скоро в хижине не осталось никого, кроме хозяев да сладко похрапывающего Вила.

Проснувшись, Уил некоторое время лежал на спине с открытыми глазами и думал. Впервые за несколько последних ночей он спал сном праведника, позволившим ему забыться сладкими воспоминаниями, и теперь он не сразу осознал,

где находится.

Потолок, выложенный тугими снопами соломы, с перекрестьями тонких несущих жердей был выше, чем в обычном деревенском амбаре, однако развешанные под ним заготовки еды, какие делают заботливые хозяева на зиму, живо напомнили Уилу отчий дом. До его женитьбы всем хозяйством заправляла мать, и для нее было обычным делом заставлять Уила помогать ей прилаживать на потолочных балках, повыше, чтобы не дотянулся живший здесь же скот, всевозможные гирлянды из пахучих трав, терпкого чеснока, вяленой рыбы, мяса и лесных ягод, которые потом так вкусно было добавлять в густое домашнее вино вместо таких обычных пряностей, как перец, имбирь или гвоздика.

Прямо с потолка на Уила глядела свирепая кабанья морда.

Уил опрометью вскочил на ноги, схватился за правое бедро, где должен был висеть нож, и удивился. Ножа, разумеется, не было, но не было так же и пут, в которых его продержали вчера почти весь вечер. Или ночь? Неважно, зато его больше не связывали. На память пришел конец вчерашнего разговора на военном совете. Насколько он понял смысл сказанного, молодой воин с приветливой внешностью упомянул, что Уила отведут в какую-то Залу. Это могло означать все, что угодно, кроме одного – что ему снова придется изнывать от голода и жажды в том страшном лесу, который даже здешние обитатели окрестили Мертвым Болотом.

Факелы были потушены, однако некоторые по-прежнему

чадили. Свет в помещение проникал теперь с улицы: через открытый дверной проем и многочисленные щели в потолке и стенах.

Никого из своих новых знакомых Уил не увидел. При этом он обратил внимание на то обстоятельство, что, в отличие от него теперешнего, спят здесь не на полу, как делают селящиеся в подобных хижинах английские крестьяне, и не на кроватях, что позволяют себе относительно зажиточные горожане, каким совсем недавно был и он сам, а в довольно грязных широких гамаках. Гамаки висели между балками вдоль дальней от входа стены. Даже со своим скудным военным опытом Уил сообразил, что подобные удобства могут быть достаточны разве что для людей сугубо военных, чей быт предполагает почти полное отсутствие женщин.

Пол в хижине был добротным, деревянным, что и следовало ожидать от лесного жилища. Место для костра окружали среднего размера камни. Сейчас кострище было накрыто, как щитом, круглым листом кое-где проржавевшего металла. От него по всему помещению растекалось приятное тепло.

Уила удивило отсутствие свойственного подобным хижинам запаха затхлости. Собственно, единственным запахом был аромат дерева, смешанный со свежестью леса. Казалось, так донимавшая его все это время жара, отошла в безвозвратное прошлое.

Благо ничто не удерживало его теперь, Уил поспешил

на улицу. Уже в дверях он столкнулся с тем самым детиной с зеленой повязкой на голове, который вчера вел военный совет. Кажется, его все называли Граки.

Граки остановился и скрестил на груди руки, словно специально демонстрируя игру мышц под загорелой кожей. Зрелище было настолько впечатляющим, что Уил невольно попятился внутрь хижины. Воин самодовольно ухмыльнулся и что-то сказал. На «доброе утро» это похоже не было.

– Какого рожна ты тут крутишься? – поинтересовался Граки, посмеиваясь про себя над потрясенным видом ночного гостя. Парень явно только что проснулся и выглядел слегка ошарашенным. Он был довольно высок, худощав, насколько позволяла судить висевшая на нем бесформенным мешком одежда, и молод, хотя чернявую шевелюру уже безобразила располземающаяся по макушке лысина, делавшая его похожим на проповедника. – Если ты насчет пожрать, так до полудня придется обождать. Вил, так тебя, кажется, зовут?

Услышав знакомое слово, парень изобразил на побледневшем лице улыбку и закивал. Он совершенно не походил на того героя, который мог бы в одиночку не то что пробраться через кордоны *шеважа* и Мертвое Болото, но даже наколоть дров, не поранив руку. Между тем Граки только что закончил допрашивать Дамзея и Брентана и мог сказать наверняка, что опытные лазутчики перед ним не юлили, когда

во всех подробностях рассказали о том, как сперва услышали, а потом и различили в сгущавшихся сумерках отчаянно бегущего прямо на них человека с мешком за плечами.

Они честно признались, что оглоушили его «на всякий случай», поскольку ни один *шеважа* не позволил бы себе подобной беспечности, тем более вблизи заставы: незнакомец мчался напролом, не обращая внимания на ломающиеся ветки и поднимая невообразимый шум. С таким же успехом он мог бы стать легкой добычей для самих *шеважа*. Оружие они обнаружили в его руках, только когда стали обследовать распростертое на земле тело. Оба сразу же признали легендарный меч Дули: сумасшедший пользовался им как палкой для поклажи.

Выходило, что этот Вил, каким бы простаком он ни прикидывался, и в самом деле вышел из Мертвого Болота, куда с незапамятных времен не ступала нога воина *михт'вабонов*. Последним, кто отважился предпринять эту безрассудную попытку, и был герой многочисленных преданий по имени Дули, однако поступил он так не по доброй воле, а вынужденный спасаться бегством от полчищ могущественных тогда *шеважа*. Кроме рассказов о великих подвигах Дули, до сего дня дошли описания его верного коня Руари, великолепных доспехов, выкованных знаменитым мастером железных дел Эшем, и непобедимого оружия: копья, щита и меча. Все *вабоны* слышали эти описания с самого детства и наизусть знали надписи, украшавшие шлем и меч Дули, прав-

да, ни Граки, ни любому другому воину его заставы, включая старого Шигана, никогда прежде даже в голову не могло прийти, что все это реальная история их славного народа, а не красивые сказки седой старины.

И вот теперь, когда у них в руках оказались неопровержимые доказательства существования и гибели великого Дули, более того, не только часть его оружия, но и чудесным образом сохранившийся череп, выяснялось, что виновником этого замечательного открытия выступает тщедушного вида чужеземец, едва понимающий, чего от него хотят.

– Ты знаешь, кто я такой? – спросил на всякий случай Граки, продолжая внимательно разглядывать собеседника.

Парень прислушался к тону его хриплого голоса и кивнул:

– Грак?

– Граки! – поправил тот.

– Гра-ки.

– Вот именно. – Почему он так странно коверкает простые слова? – А ты кто?

– Вил.

– Знаю. Я не спрашиваю, как тебя зовут. Кто ты?

– Трговц. – Парень не понимающе хлопал глазами.

Чего ему опять от меня нужно? Вот заладил: как зовут да кто такой! Уже ведь спрашивали. Лучше бы про себя рассказал. На шотландца не похож. Говорит почти как ирландец, но тех вообще без кружки эля не разберешь. А тут слова все

вроде знакомые, да только звучат как какая-то бессмыслица.

Их окликнули. Граки повернулся, и у Уила появилась возможность проскользнуть мимо него на улицу. Он не преминул ею воспользоваться, но вовсе не затем, чтобы обратиться в бегство. Если ему здесь и не были рады, то во всяком случае его не сажали под замок и даже кормили. А это чего-то да стоило. Кроме того, стоя в двух шагах от хижины, Уил уже мог составить вполне отчетливое представление о том, где оказался.

У него дома это называлось «маунт-энд-бейли», то есть «холм-и-двор». Несколько домов окружались высокой изгородью и поелику возможно глубоким рвом. Внутрь ограды снаружи вела только одна дорога, проходившая через мост надо рвом и укрепленные ворота. С противоположной стороны через точно такие же ворота, можно было попасть на деревянный помост, уводивший вверх, на рукотворный или естественный холм, на вершине которого располагался донжон, или главная башня, последний и основной оплот обороны для тех, кто жил в подобной крепости и подвергался осаде. Англичан искусству постройки маунт-энд-бейли научили норманны. До их прихода холм с донжоном находились внутри общей стены и при удачном штурме укрывшиеся там люди бывали почти всегда обречены. В норманнской конструкции сам холм тоже окружал отдельный ров, а деревянный помост наверху упирался в очередные ворота. В случае вторжения в первый ярус укреплений, где нахо-

дились казармы для воинов, склады и конюшни, и попытке взять штурмом холм, защитники последнего легко разрушали помост, и задача нападавших значительно усложнялась.

Не будучи специалистом в фортификационных сооружениях, Уил тем не менее сразу заметил основное отличие: дома крепости такого рода были очищены от всего лишнего и возводились по преимуществу в открытом поле. Здесь же повсюду росли деревья, отчего создавалось впечатление, будто крепость построена прямо среди леса. Собственно, так оно и было. Кроме того, о существовании рва Уил мог только догадываться. Он видел забор из бревен в три человеческих роста с площадкой по всему периметру, по которой прохаживались вооруженные люди, то и дело выглядывавшие наружу через маленькие окошки.

Окликнул Граки тот самый юноша, после распоряжения которого Уила вчера ночью накормили. Он сбегал по помосту от донжона и приветливо махал рукой. Появившись в воротах, он перешел на шаг и попытался придать себе вид степенности, насколько позволяла широкая улыбка.

На нем была полотняная рубаха до колен, перехваченная на поясе кожаным ремнем, и мягкая кожаная обувь, делавшая его шаги почти бесшумными. Граки что-то сказал ему, но юноша только отмахнулся и сосредоточил все свое внимание на Уиле.

– Ходить по заставе без кольчуги опасно, – заметил Гра-

ки. – Стрелы *шеважа* бьют наповал.

– Надеюсь, среди нас *шеважа* нет. А тех, что приблизятся к стенам на расстояние выстрела ждет достойная встреча. Разве не так?

Локлан упреждающе поднял руку, как бы защищаясь от возражений Граки, и подошел к новому знакомцу, назвавшемуся накануне Вилом. Тот стоял с видом человека, привыкшего вести себя с достоинством, однако оказавшегося в чужой для него обстановке и потому внутренне напряженного.

– Привет, Вил! Долго же ты спишь, однако, – сказал Локлан, нарочно укорачивая слова, чтобы, как ему казалось, быть более понятным для собеседника. – Завтракал?

– Не, – замотал головой лысый парень. – Граки говорит, до полудня еды нету.

Бровь Локлана подозрительно поднялась. Прислушивавшийся к их странной беседе Граки пожал плечами.

– Завтрак я давно раздал моим людям, а обед еще не готов. У нас осталось не так много провизии, чтобы разбазаривать ее направо и налево.

– Я думаю, что гостям не должно быть дела до твоих забот.

– За последнее время ты – мой единственный гость, – буркнул Граки.

– И тем не менее для меня у тебя всегда что-нибудь да найдется, – подмигнул ему Локлан, делая вид, будто не замечает хмурого взгляда собеседника.

Еще бы у меня не нашлось, чем угостить сына Ракли, подумал про себя Граки, а вслух произнес:

– Да, Локлан.

– Идем ко мне, – сказал юноша, дружески обнимая Вила за плечо. Вил поежился, но не отстранился. – У меня еще остался кувшин доброго старого вина. А заодно выясним, каким ветром тебя занесло в наши земли, – добавил он тише, однако Граки показалось, что он сделал ударение на слове «наши».

Граки следил, как они поднимаются по деревянному помосту к главной башне заставы, служившей во время частых визитов Локлана ему и домом, и крепостью, и наблюдательным постом. Будь он сам по себе, а не сыном Ракли, Локлан нравился бы Граки куда больше. Храбрый до безрассудства, добрый и рассудительный, он чем-то неуловимым напоминал Граки его старшего брата, Кедика, возглавлявшего гарнизон заставы до того самого дня, когда рука предателя сняла засовы с наружных ворот, и разбуженным среди ночи защитникам пришлось сражаться с превосходящими силами *шеважа* прямо здесь, на своей территории. Тогда *вабоны* продемонстрировали чудеса мужества и выстояли, не подпустив врага к башне, где укрылись их жены и дети. Кедик храбро сражался в первых рядах и пал в неравном бою сразу с тремя *шеважа*. Услышав шум разгоравшейся битвы, он так поспешил, что позабыл о кольчуге, и в решительный момент это сыграло с ним злую шутку. Совсем еще молодой

тогда Граки попытался помочь брату и избавить его хотя бы от одного из нападавших. Положившись на меткость своего верного лука, он выпустил подряд две стрелы с зазубренными наконечниками и оба раза промахнулся: первая лишь оцарапала рыжему дикарю небритую щеку, зато вторая впилась Кедику под лопатку, и он рухнул замертво, сопровождаемый яростными ударами двух вражеских дубинок. Расплатой за чудовищную ошибку стала вся последующая жизнь Граки. Особенно по ночам, когда он оставался один на один с собой, неуемная совесть во всех красках рисовала перед ним страшные мгновения той кровавой бойни. Граки убеждал себя, что если бы знал об отсутствии кольчуги, то стрелял бы куда осторожнее, а то и вообще не прибегнул бы к луку, хотя считал его своим лучшим оружием. Тем более горько было ему думать о гибели Кедика, что об истинной ее причине так никто и никогда не узнал: в то время Граки пользовался стрелами, которые они с братом захватили в качестве трофеев во время одного из удачных набегов на соседнее поселение *шеважа*. Когда застава была в конце концов отбита и труп Кедика обнаружили вместе с рыдающим над ним Граки, на заставе все решили, что он героически пал от руки метких дикарей. Граки в честь брата даже предложили стать проповедником его культа, который неминуемо должен был возникнуть, принимая во внимания обстоятельства той злосчастной битвы и неравенства сил. Граки отказался, что было воспринято как проявление скорби и достойной скромно-

сти. Проповедником сделался давнишний друг Кедика, Шиган. Кроме того, с тех пор по всем заставам был разослан приказ Ракли, строго-настрого запрещавший женам и детям воинов селиться вместе с мужьями и отцами, чтобы не подвергать их жизни напрасному риску. Хотя при том ночном штурме погибла и мать Граки, сам он теперь, по прошествии многих зим, считал, что застава наверняка пала бы, не думай ее защитники о своих родных, судьба которых зависела от их мастерства и отваги. К счастью, проверить эту его догадку до сих пор не представлялось возможным, поскольку умелое расположение новых застав и активные действия войск Ракли, то и дело прочесывавших Пограничье, привели к тому, что *шеважа* оказались раздробленными и уже не могли представлять сколько-нибудь серьезную угрозу для хорошо укрепленных стен лесных крепостей *вабонов*. Вернее, пока не могли.

Граки бросил последний взгляд вслед удаляющимся фигурам и направился к деревянным ступеням узкой лестницы, одной из трех, по которым защитники заставы, называемые здесь *линт'эльгяр*, поднимались на оборонительные галереи, или *ранты*. Отсюда, через узкие бойницы, открывался хороший вид на опушку окружавшего заставу со всех сторон леса. Когда-то, когда отрядов *шеважа* в этих местах не водилось, и первое укрепление строилось главным образом с целью уберечь жителей от диких зверей, лес начинался от самой стены. Человек оказался умнее и страшнее любых хищ-

ников. При отце Ракли, когда Граки еще не было на свете, тогдашняя застава пала при первом же штурме: дикари забирались на деревья и с них беспрепятственно спрыгивали на *ранты*. В результате на несколько долгих зим застава отошла во владение *шеважа*, которые, к счастью, не додумались ее переделать и хоть как-то укрепить. В конце концов, молодой Ракли отбил ее и первым делом приказал на много шагов вокруг вырубить деревья, а вместо них выкопать глубоких ров.

С того места, где сейчас стоял Граки, рва видно не было, однако он легко мог представить себе припорошенный листвой частокол из врытых в дно заостренных кольев. Открытое пространство перед лесом, ров, колья, стена из толстых бревен, летящие через бойницы стрелы, вооруженные мечами воины на *рантах* – все это теперь предстояло преодолеть неприятелю, если бы он захотел помериться силами с бесстрашными *эльгяр*. Конечно, Граки предпочел бы, чтобы все на заставе было сложено из камня – и стены, и здания, и дома. Но камень у *вабонов* всегда считался удовольствием дорогостоящим, а дерева было в достатке. К сожалению, дерево имело свойство гореть, и Граки опасался дожить до того дня, когда *шеважа* догадаются о способе запускать огненные стрелы. На всякий случай вдоль *рант* стояли большие кадки с водой, однако в душе Граки сомневался, что в нужную минуту они действительно пригодятся: снопы соломы, которыми *вабоны* по традиции выкладывали крыши домов,

во мгновение ока превращались в пылающие факелы.

– Все спокойно? – спросил Граки подошедшего к нему предводителя утренней смены *эльгяр* по имени Дайлет. Тот имел свойство хитро щуриться и смотреть с вызовом даже на старшего по званию. Сейчас он позевывал и давал всем своим видом понять, что считает занятие дозорного самым бестолковым на свете.

– Хид на заре подстрелил зайца, а тот возьми да и свались в ров. Теперь будем тянуть жребий, кому лезть за добычей. Победителю достанется шкурка и стрела.

– Ничего умнее вы, разумеется, придумать не могли! Еще только не хватало снимать кого-нибудь из вас с кольев. Совсем распустились! Дайлет, ты ведь знаешь, что я не люблю эти ваши игры. Люди забывают о том, что такое дисциплина.

– Зато без этих игр они забудут, как держать лук в руках и как далеко разят их стрелы, – спокойно ответил воин, поправляя продырявленный в двух местах камзол, надетый прямо поверх тяжелого металлического панциря. – К тому же, как я слышал, вчера к нам прибыл чужеземный посланец, причем прибыл с той стороны Пограничья. Не знаю, кому как, а мне сдается, что уже по одному этому можно судить о состоявшемся факте: *шеважа* уходят восвояси.

– Уж больно ты скор на выводы, – оборвал его Граки, который терпеть не мог, когда его собственные мысли раньше него высказывал кто-нибудь другой. – Тебя послушать, так нам всем пора по домам.

– Я бы не отказался. – Дайлет снова прищурился и посмотрел на небо. – Сейчас самое время урожай собирать. Надеюсь, мои два обалдуя не сидят сложа руки и помогают жене и дочке в поле. А еще надеюсь, что им никогда не придется торчать на этой заставе после моей смерти.

– Думаю, это и от нас с тобой зависит, – примирительно заметил Граки, смягчавшийся всегда, когда речь заходила о делах семейных. Многие знали эту его особенность и умело пользовались ею, если видели, что командир вот-вот выйдет из себя. – Ладно, ступай. Пусть и дальше дежурство будет спокойным. А зайца оставьте в покое.

Дайлет по привычке приложил кулак к сердцу и, не говоря больше ни слова, чтобы не провоцировать новых нравоучений, направился по *рантам* в сторону главных ворот. Там он рассчитывал застать большую часть своей смены.

Обычно его люди несли дежурство в ночное время, когда более ценно умение видеть, чем слышать, поскольку каждый звук ночью раздается явственней, нежели днем, зато ночная темень скрывает многое из того, что происходит в округе. Однако в последнее время обстоятельства сложились таким образом, что часть воинов была отпущена Граки на очередную побывку по домам, и оставшимся на заставе приходилось дежурить за двоих. Никто по этому поводу не роптал, поскольку в следующий раз домой уйдут они, а заменить их предстоит тем, кто вернется. Отпуск мог сорваться лишь в том случае, если ситуация в Пограничье снова обострится

и в боевую готовность будут вынуждены прийти все смены на всех заставах.

Самым зорким и опытным в отряде, не считая Дайлета, был Хид, простоватый малый, родившийся в одной с ним деревне, правда, зим на десять позже. По этой причине Хида считали любимчиком Дайлета, однако ни тот, ни другой так не думали. Просто Шелта, единственная дочь Дайлета, избрала Хида своим мужем и теперь ждала от него ребенка, который должен был появиться на свет ближе к зиме. Слова Граки насчет дурацких игр и острых кольев смутили Дайлета, хотя он прекрасно понимал, что его воины, а тем более Хид, не большие дети, как считал по своему обыкновению Граки, но вполне взрослые люди, отвечающие за свои поступки и думающие не только о сиюминутном развлечении, но и о последствиях. Все они по меньшей мере дважды за последние пять зим смотрели в лицо смерти и видели, как на стенах заставы гибнут их товарищи, подвернувшиеся по неопытности под острые стрелы *шеважа*. Вместе с тем, вот уже почти три года, как ничего подобного не происходило. Судя по донесениям лазутчиков, *шеважа* никуда не исчезли. Вероятно, они просто копили силы для новых атак, однако возникшее затишье заметно расхолаживало воинов. Не зря даже Шиган распорядился, чтобы не реже раза в месяц на заставе проводились турниры на звание лучшего стрелка *эльгяр*. Если в состязаниях принимал участие Граки, основное соперничество разыгрывалось между

ним и Хидом. Последние два раза Граки пропускал турниры и безоговорочным победителем выходил Хид. Предполагалось, что в этом месяце Граки выступит и докажет, кто лучший самый меткий лучник.

Ворота заставы представляли собой подобие хижины, поднятой на высоту стен. Бойницы здесь были такими же узкими, как и везде, но располагались чаще и позволяли простреливать не только всю видимую опушку леса, но и ров с подъемным мостом. В отличие от того моста, путь через который вел на холм с главной башней и который поднимался обычным способом – веревками с тяжелым противовесом, тут опытные строители проявили недюжинную смекалку и сделали конструкцию, практически неуязвимую снаружи. Когда впервые было принято решение окружить заставу рвом и выкорчевать все близстоящие деревья, мост возвели по образу и подобию большого моста в фамильном замке Ракли. Но тогда строители не учли одно немаловажное различие: в замке все подъемные механизмы крепились каленными железными цепями, а лесная застава была ограничена в материалах. Использование прочных, но обыкновенных веревок привело к беде. Веревки со временем перетерлись, и в самый неподходящий мост рухнул, открыв путь обрадованным столь неожиданным подарком дикарям, которые как раз шли на приступ. Потом на заставе поговаривали, что на самом деле момент, напротив, был даже слишком подходящим – правда, не для *эльгяр*, – чтобы оказаться случайно-

стью, но в предательстве так никого и не заподозрили. Зато мост с тех пор переделали основательно. Под воротами со стороны заставы была прорыта глубокая прямоугольная яма. Середина моста лежала ровно на краю обращенного ко рву края и крепилась к земле и боковинам ворот специальными шарнирами. Тот конец моста, что смотрел внутрь заставы, по-прежнему удерживался веревками, только теперь при их обрыве происходило обратное действие: вместо того, чтобы поднятый мост безвольно падал на ров и открывал дорогу нападавшим, опущенный мост под тяжестью противовеса, тянувшего внутренний конец в глубь ямы, устремлялся ввысь и становился непреодолимым щитом. Это простое решение настолько приглянулось на других заставах, что до Дайлета доходили слухи о чуть ли не повсеместной перестройке укреплений.

Пол в надвратной хижине был сложен из неплотно прилегающих друг к другу досок, благодаря чему находившиеся в ней воины могли наблюдать за тем, что происходит внизу, а при необходимости – лить на головы штурмующих кипяток или горячую смолу.

Сейчас здесь сидело четверо *эльгяр*, среди которых выделялся невысокого роста, но широкий в плечах и коренастый воин зим тридцати, облаченный в бурый камзол из дубленой шкуры ягненка, усиленный в наиболее уязвимых местах кольчугой, и зеленые гамаши, перевязанные крест-накрест кожаными ремнями, составлявшими часть легкой кожаной

обуви на подбитой войлоком подошве. Рыжую шевелюру воина, из-за которой он еще в детстве получил прозвище «шеважа», украшала зеленая шапочка в виде колпака: на боевом дежурстве поверх нее следовало надевать шлем, однако день снова обещал быть жарким, так что даже Дайлет смотрел на это отступление от правил сквозь пальцы. Тем более что зеленый колпак живо напоминал ему о дочери, собственноручно его сшившей. Ибо носивший его рыжий воин и был Хидом.

Остальные стражники выглядели значительно старше своего напарника и походили друг на друга безупречностью доспехов: кругловерхий шлем с кольчужной пелериной, пластиночный панцирь, надежно закрывавший весь торс, ниже пояса – кольчужный передник, доходящий до середины подола длинной, как женское платье, рубахи, из-под которой выглядывали мыски таких же, как у Хида, кожаных ботинок. Эти воины немало повидали на своем веку и предпочитали томиться в латах, но зато быть готовыми в любой момент оказаться под стрелами нежданного противника. Вот с кого Хиду не мешало бы брать пример, подумал Дайлет, а вслух сказал:

– Локлан забрал чужеземца к себе. Настроение Граки от этого только ухудшилось. Ругается, что мы тут по зайцам стреляем. Как будто может предложить цель получше.

При упоминании зайца Хид самодовольно улыбнулся, а один из стражников заметил:

– Теперь всем хочется быть поближе к парню, который раздобыл доспехи Дули. Пусть даже никто не знает толком, откуда он взялся и на каком языке говорит.

– Мне показалось, Локлан с ним разговаривает, – возразил другой стражник. – Да и вчера у костра, когда его кормили, он мычал чего-то такое, довольно понятное. Типа «Я торговец, и зовут меня Вил». Все слышали.

– Нынче главное – кто услышит его историю находки места гибели Дули на Мертвом Болоте, – снова заговорил Дайлет. – Вы заметили, как ловко Локлан оттеснил Шигана?

– А при чем тут Шиган? – снова взял слово Хид. – Его дело – проповедовать культ Кедика.

– Проповедники все заодно, – согласился с Дайлетом молчавший до сих пор стражник по имени Саннак. Он устало снял шлем, и всем стало видно, что его шапочка промокла от пота. – Интересно, у него ли сейчас принесенные чужестранцем трофеи?

– Или у Граки? – предположил Дайлет.

– Или уже у Локлана, – утвердительным тоном добавил Саннак. – Лишь бы им теперь не перегрызться, кому везти их в замок. Вы не помните рассказа о том, что случилось, когда один рыбак выловил в Бехеме лоскуток знамени Адана?

Адан был героем преданий, не менее знаменитых, чем предания о Дули, хотя совершал он свои подвиги раньше последнего зим на сто. История, о которой говорил сейчас Саннак, произошла тоже достаточно давно, чтобы стать леген-

дой, однако передавалась она из уст в уста народной молвой. Проповедники о ней умалчивали. Вероятно, потому, что она могла бы стать примером человеческой алчности, свойственной даже тем, кому надлежало заботиться о чистоте совести других. Хид признался, что не слышал этой истории. Специально для него Санник, поглядывая на Дайлета, вкратце объяснил:

– Рыбак, нашедший знамя Адана, погибшего, как ты знаешь, при попытке перехода через Бехему, так обрадовался своей находке, что поспешил доставить ее прямиком в замок. На свою беду он совершенно забыл, что должен по традиции первым делом поставить в известность одного из проповедников. О том, что он нашел в реке, знал только его сын. Так вот, оставив сына за старшего, рыбак направляется в замок и первым, кого он там встречает, оказывается проповедник культа одного из героев, сегодня позабытого. По-видимому, позабытого не зря, потому что проповедник, вопреки Закону, искал славу себе, а не тому, кого избрал своим кумиром. Как бы то ни было, рыбака никто больше не видел, а лоскуток знамени выставлялся потом на всеобщее обозрение как реликвия, найденная проповедником Адана. А вовсе не пропавшим рыбаком. Проповедник же забытого героя доживал свои годы в достатке и процветании. Говорят, его могила до сих пор существует и приносит доход потомкам.

– Откуда нам знать, что сын того рыбака не соврал? – сказал Хид.

– Но отец-то его пропал!

Воцарилась тишина. До слуха воинов долетела перекличка птиц в залитом жарким солнцем лесу. Человеку неопытному могло бы даже показаться, что это вовсе не птицы, а прячущиеся за деревьями *шеважа* подают друг другу сигналы перед началом штурма.

Сейчас уже никто доподлинно не знал, каким образом в лесах на всем протяжении Пограничья появились первые *шеважа*. На этот счет у *вабонов* бытовало несколько мнений. Сторонники первого, коих было меньшинство, полагали, что *шеважа*, или «дикари», в незапамятные времена пришли из-за Мертвого Болота и заняли лес чуть ли не раньше, чем здесь обосновались *вабоны*. По этой гипотезе получалось, что *шеважа* имели больше прав на здешние земли, и в роли захватчиков, следовательно, выступали не они, а сами *вабоны*. Гипотеза эта имела, по меньшей мере, два уязвимых места, на которые всегда обращали внимание ее многочисленные критики: во-первых, она не отвечала на вопрос, откуда же тогда пришли *вабоны*, если только они не испокон веков жили здесь, вдоль Пограничья, в долине реки Бехемы, и, во-вторых, почему *шеважа* настолько отставали от *вабонов* в своем государственном развитии, оставаясь все это время довольно разрозненными племенами, обладающими, к тому же, только самым примитивным оружием.

Сторонники второго мнения соглашались на определенный компромисс. Они допускали, что *шеважа* могли прий-

ти из-за Мертвого Болота, но считали, что произошло это относительно недавно, зим за триста до описываемых событий, когда летописцы впервые стали отмечать в своих записях кровавые стычки с полудикими обитателями лесов Пограничья. Веривших в правоту этой гипотезы среди *вабонов* было большинство.

Наконец, еще одно мнение, разделяемое из-за своей смелости немногими, сводилось к тому, что *шеважа* и *вабоны* суть один и тот же народ, в какой-то момент истории разделившийся на собственно *вабонов*, то есть цивилизованных воинов, живущих по определенным законом чести и веры в героев прошлого, и изгоев, ставших таковыми в силу допущенных ими прегрешений и безверья. И если с тех пор развитие *вабонов* шло по восходящей – они совершенствовали оружие, научились строить из камня и укреплять свои здания, развивали торговлю, – то прячущиеся по лесам *шеважа* день ото дня только и делали что дичали.

Никто доподлинно не знал ни сколько их, ни даже где именно они обитают. Ходили слухи, что в лесу полным-полно укромных пещер, где могут таиться сотни, если не тысячи *шеважа*. Лазутчики то и дело докладывали, что обнаружили очередной лесной лагерь, состоящий из нескольких примитивных хижин и кострища, но как всегда пустой. Поговаривали также, что *шеважа* вообще живут на деревьях, приводя в доказательство находки больших гнезд правильной формы и узких мостков, сплетенных из лиан и веток, которыми эти

гнезда соединялись.

Количество *шеважа* тоже всегда называлось разное. До наступившего в последнее время относительного затишья их отряды, нападавшие на заставы *вабонов*, исчислялись от нескольких десятков – когда весь штурм сводился к более или менее успешному обстрелу *эльгяр* из-за ближайших деревьев – до нескольких сотен – и тогда исход сражения решали прочность стен и слаженность действий защитников. Не только летописи, но и старики рассказывали, что в былые времена *шеважа* могли собраться в многотысячную армию и нанести сокрушительный урон двум-трем заставам подряд, разметая их буквально в щепки и уничтожая всех и вся на своем пути. Эти рассказы порождали среди *вабонов* – особенно женщин и детей – не только страхи, что подобное может в любой момент повториться, но и предположения, будто на самом деле *шеважа* есть ничто иное, как кочующая по Пограничью одна большая армия, поделенная на отряды, не имеющая постоянного пристанища и потому неуловимая и неистребимая.

В основе же всех этих разночтений и недомолвок было то простое обстоятельство, что никому их ныне живущих *вабонов* не доводилось пересекать Мертвое Болото и никто не представлял, что находится *за* ним. Если оно вообще где-то заканчивалось.

Нельзя сказать, чтобы *вабоны* никогда не интересовались окружавшими их землями, а тем более Пограничьем, от ко-

торого во многом зависело само их существование. Во все времена находились смельчаки, которые с риском для жизни отправлялись вдоль берега бескрайней Бехемы то вниз, то вверх по течению, однако, если и возвращались, то возвращались ни с чем. О том, чтобы переправиться на противоположный берег, они могли только мечтать, понятия не имея, как это сделать. И дело тут было не только в том, что Бехема нигде не сужалась больше, чем на три полета стрелы. Легенды рассказывали, что были попытки преодолеть это расстояние верхом на бревне, но все они заканчивались тем, что бревно попадало в стремнину, и бездыханное, чаще всего, тело обнаруживали вдали от того места, где очередной безумец начинал свой последний путь.

Таким образом, *вабоны* оказывались буквально запертыми на плодородных землях между рекой и Мертвым Болотом, вынужденные делить с *шеважа* лес, такой же непреодолимый и бесконечный, как Бехема. Со временем жажда поиска новых земель прошла, многие из отважных первопроходцев вошли в летописи Культа Героев, еще больше имен было позабыто, и теперь *вабоны* предпочитали не помышлять о том, чтобы отправляться в новые странствия. Они научились избегать того, что не имело смысла. Главный же смысл их теперешнего существования заключался в стремлении обезопасить жизнь своих семей и уничтожении непрошенных соседей – *шеважа*.

– Клянусь отцом, с появлением этого чужеземца нашему

покою пришел конец, – первым прервал молчание Хид. – И не только нашему, если Локлан действительно доставит его в Тронную Залу, и Ракли почтит его беседой при всем дворе. Обязательно найдутся умники, которым захочется вспомнить былые подвиги Героев и отправиться за тридевять земель искать новые земли и новых врагов. Как будто им не хватает лесных дикарей!

Дайлет промолчал, ожидая, что по этому поводу скажут остальные. Сам же он был приятно удивлен проницательностью своего всегда такого немногословного зятя. Хид словно читал его собственные невеселые мысли.

– Уж не намерен ли ты им помешать? – усмехнулся Саннак, водружая шлем обратно на мокрую шапочку. – Если бы Гейвен не был так глуп, он догадался бы сам допросить этого человека, а не тащить его к Граки. Тогда еще было бы время что-нибудь предпринять. А теперь молва будет бежать впереди них, и дураком окажется тот, кто попытается ей воспрепятствовать.

Стражники согласно закивали, не замечая сердитых взглядов, которыми обменялись Хид и Дайлет. Никому не хотелось новых треволнений для своих чад и домочадцев, но еще меньше – попадать в число неугодных Локлану и его царствующему отцу. При всей своей справедливости Ракли был строг и не допускал, чтобы ему перечили или мешали. Всем был памятен случай, когда младшего брата Локлана, Ломма, заподозрили в заговоре против наследни-

ка, и Ракли, вникнув в суть предложенных на его суд доказательств, распорядился казнить сына. Мальчишке было всего четырнадцать. С тех пор мнения о правителе *вабонов* разделились: большинство придворных упрекали его – разумеется, про себя – в немилосердии и гордыне, тогда как люди простые приветствовали поступок своего правителя, не пожелавшего отступать от буквы закона даже ради самого близкого и любимого существа. Кое-кто, правда, называл это решение поспешным и опрометчивым, а Ракли – наивным и близоруким, поскольку они склонны были видеть в произошедшем коварный замысел Локлана, удалившего таким образом единственную возможную помеху на собственном пути к престолу.

– Так что будем делать с зайцем? – не то в шутку, не то всерьез поинтересовался, ни к кому не обращаясь, Хид. Про зайца все давно забыли, однако, если взглянуть через бойницы, его одинокая тушка отчетливо виднелась на склоне рва в нескольких шагах от опущенного моста. – Раз Граки против, чтобы мы по ним стреляли, то уж хоть этого нам нужно пристроить. Спущусь-ка я и заберу его.

Не дожидаясь разрешения Дайлета, он поднялся с низенькой скамейки, на которой все это время сидел и вышел на *ранты*. Хиду хотелось не только сменить тему, но и побыть одному. Весь предшествующий разговор настроил его на невеселый лад, и теперь он думал о том, чем это может закончиться.

Шелта, его жена и дочь Дайлета, была любовницей Локлана. Именно от Локлана, а вовсе не от него, как думали окружающие, она ждала ребенка, своего первенца. Даже Локлан не догадывался об этом. Собственно, у них была лишь мимолетная связь, никого ни к чему не обязывающая, настолько мимолетная, что спроси сейчас Локлана, помнит ли он кареглазую девушку с соломенными волосами, которая уступила ему на веселом празднике прихода весны, он едва ли ее бы вспомнил. В определенные дни *вабоны* позволяли себе полную свободу нравов, когда даже прелюбодеяние не считалось чем-то греховным, и Хид сам мог похвастаться не одной легкой победой над подругами Шелты. К тому моменту они были женаты уже несколько месяцев. Однако больше всего самолюбие Хида уязвило то, что Шелта не призналась ему в содеянном, хотя правила уклада жизни *вабонов* требовали от нее откровенности с мужем во всем. О произошедшем между ней и Локланом ему стало известно случайно. Если говорить начистоту, то он просто-напросто подслушал разговор Шелты и Мев, ее близкой подруги, когда девушки думали, что Хид спит, устав от любовных подвигов. К тому времени Шелта уже знала, что беременна, и пригласила Мев заменить ее на мужнином ложе. Муж Мев погиб на той самой заставе, на которой теперь служил Хид, детей они нажить не успели, так что связь между ними да еще под приглядом законной жены считалась у *вабонов* делом почти будничным. Девочки в семьях преобладали, и мужчинам, если они

могли это себе позволить, разрешалось, помимо жены, жить еще с одной или даже несколькими женщинами, если те уже состояли в браке, но по тем или иным причинам потеряли мужей. При этом, если бы у Мев были дети от первого мужа, причем неважно какого пола, от Хида она имела право родить только мальчика. Появись на свет девочка, ее в лучшем случае отдали бы в *Айтен'гард*, Обитель Матерей. О том, что с ней могло произойти в худшем случае, Хид предпочитал не думать. Да и вообще о Мев он вспомнил сейчас исключительно потому, что она была единственным посторонним человеком, знавшим о его позоре. Вопросы деторождения его не слишком заботили. Кто бы ни родился у Шелты, мальчик или девочка, их не тронут. Как не тронут и второго ребенка, даже если это снова будет девочка. Но до этого еще далеко! Шелте только девятнадцать, у них все впереди! В роду Хида часто рождались мальчики. Чем он хуже своего отца! Разве тем, что тому не изменяла ни одна из его трех женщин, с которыми он жил после смерти матери Хида? Но кто об этом может судить наверняка? Еще в детстве Хид слышал от одного старого воина и на всю жизнь запомнил поговорку: «Правда – есть нераскрытая ложь». Как же сделать так, чтобы ложь Шелты осталась нераскрытой? Хотя лжи-то как раз и не было. Хид корил себя за то, что ему так и не хватило мужества вызвать Шелту на откровенный разговор. Она по-прежнему думала, будто он ничего не знает. Почему он промолчал тогда? Испугался упасть в глазах Мев? Но она

и так знала правду. Или посчитал, что выяснение отношений приведет к неминуемому разрыву, и Шелта уйдет к Локлану? Чушь! Приревновал к этому мальчишке, к этому выскочке, оказавшемуся на том месте, которое он занимал исключительно в силу своего рождения. Тот ведь даже ни разу не вступал в схватку с настоящими *шеважа*. Нет, нужно гнать прочь все эти никчемные мысли. Вот бы еще вспомнить, как выглядела в постели эта самая Мев…

Спускаясь по ступеням лестницы, Хид почувствовал, что за ним наблюдают. Такое бывало с ним, когда во время боя он интуитивно уклонялся в сторону, а там, где только что была его голова, проносилась смертоносная стрела. На сей раз вместо стрелы он увидел стоявшего в отдалении Граки. Вот привязался, зло подумал Хид и сплюнул себе под ноги. Ведет себя так, будто кто-то сомневается, что он здесь главный. А главный – ну и занимайся своими делами. Нет же, ему обязательно нужно все разнюхать, самому пальцем в дерьме поковыряться, а потом придумать какую-нибудь причину, чтобы отчитать по первое число.

Делая вид, что не замечает Граки, Хид невозмутимо направился к воротам. Когда мост через ров был опущен, выходить за пределы заставы никому из *эльгяр* не возбранялось, однако существовало неписанное правило, по которому этой свободой пользовались лишь в крайних случаях. Только специально обученные лазутчики постоянно покидали заставу и рано или поздно возвращались обратно с новыми сведе-

ниями о перемещениях неприятеля. Судя по последним донесениям из леса, основные силы *шеважа* отступили далеко *фюль'сан*[2] и там затаились. Скорее всего, на время, как то обычно бывало перед особенно яростными атаками, однако за их действиями неусыпно следили опытные воины, и *эльгяр* знали, что будут заранее предупреждены о надвигающихся переменах. Хиду даже приходилось слышать о том, что несколько лазутчиков настолько хорошо освоили язык и повадки *шеважа*, что живут вместе с ними, успешно выдавая себя за дикарей. Хид этим слухам не верил, как не верил ничему, чего не видел собственными глазами. Он даже представить себе не мог, какими нужно обладать талантами, чтобы *шеважа* приняли тебя за своего. По крайней мере, родиться рыжим. Среди *вабонов* рыжие, конечно, попадались, однако, кроме себя самого, Хид встречал за всю жизнь лишь двоих.

Одним из них был его отец, могучий кузнец Хоуэн, умевший двумя ударами превращать раскаленную заготовку в плоскую пластинку, вторым – странный незнакомец, зашедший как-то давным-давно, в далеком детстве Хида, к ним в деревню, схваченный и убитый местными жителями как раз по подозрению в принадлежности к *шеважа*. В то время противостояние между *вабонами* и обитателями леса было наиболее яростным, и в народе ходило немало слухов о подозрительных личностях, вынюхивающих слабые места

[2] *Фюль'сан – букв.* за солнцем, т.е. на запад

в обороне равнинных деревень. По рассказам отца, незнакомца просто-напросто оклеветали, хотя говорил он чисто, вел себя как обыкновенный путник и не просил ничего, кроме ночлега и возможности на него заработать. Единственным его недостатком оказалась огненно-рыжая шевелюра, которую он, как показалось односельчанам, пытается скрыть под платком, какие в холодное время обычно носили мужчины, не имевшие лишних денег на покупку шапки. Кто убил его, тоже навсегда осталось загадкой, поскольку уже остывший труп зарезанного во сне незнакомца нашли под утро в кукурузном поле, вдали от хижины Хоуэна, который накануне согласился-таки дать ему скудный приют.

С тех пор Хида занимал вопрос о том, а что если и среди *шеважа* встречаются изгои, волосы которых имеют не рыжий, а просто светлый или даже темный цвет. Как терпят их соплеменники? Оставляют жить, как ни в чем не бывало, или прогоняют с глаз долой? И если их прогоняют, то куда они идут? Может быть, обращая столь пристальное внимание на рыжих соплеменников, они упускают из виду тех *шеважа*, которые были изгнаны собратьями и поселились… среди них, *вабонов*? Своими сомнениями Хид не делился ни с кем. Даже отец поднял его на смех, сказав, что не распознать *шеважа*, будь тот разодет хоть *виггером*[3], хоть *аолом*[4],

[3] *Виггер* – рыцарь

[4] *Аол* – старейшина (в деревне), избираемый из числа наиболее уважаемых *виггеров*

сможет и малый ребенок. С тех пор прошло немало зим, Хид сам за это время неоднократно сталкивался с *шеважа* и теперь понимал, что и отец, и его односельчане были слишком наивны и прямолинейны: чем больше оказывались отряды нападавших на заставу дикарей, тем заметнее на фоне их рыжих голов выделялись – как правило, закрытые меховыми шапками – светлые или почти черные шевелюры. *Шеважа* были разными. Не понимать этого или слепо отрицать очевидное, значило, по мнению Хида, подвергать опасности всех *вабонов*.

В тени ворот дул приятно освежающий бриз. Лето в этом году выдалось особенно жарким. Прошедший два дня назад сильный ливень, испарившийся без следа, оказался единственным за много недель изнурительной засухи. На далекое синее небо лишь изредка наплывали разрозненные белые стайки облаков, но солнце сразу же гнало их прочь, и они таяли и исчезали, как сугробы снега после короткой и почти не холодной зимы.

Ступив на мост, Хид невольно насторожился. Тушка зайца лежала поблизости, но, чтобы добраться до нее, нужно было перейти на другую сторону рва. Лес ободряюще шелестел, призывая Хида не медлить. Однако он не стал спешить и по привычке внимательно осмотрел опушку. Все выглядело так же спокойно, как и с высоты ворот. Только ощущение, что за ним наблюдают, не исчезало. Оглянувшись, Хид обнаружил, что Граки ушел.

Доски моста мелодично поскрипывали под его легкими шагами. Товарищи, следившие сейчас за ним со стены, не должны были подумать, будто он волнуется. Да он и не волновался. Всего-то делов – зайца подобрать! Вон он валяется белым пятнышком на зеленом склоне. Стрела пригвоздила его к земле во время прыжка. Успел ли он понять, что умирает? Или смерть наступила раньше, чем он осознал свой конец?

Хид быстро перешел мост, спрыгнул в ров и осторожно, чтобы не оступиться и не напороться на торчавшие повсюду острые колья, наклонился над своей жертвой.

В это мгновение его больно укусило в шею. Хид попытался отмахнуться, но рука задела что-то твердое, и это причинило ему еще большую боль. Удивившись непривычному ощущению в горле и услышав позади себя крики, показавшиеся ему знакомыми – кто-то как будто окликал его по имени, – он покосился в сторону и увидел оперенье стрелы. Оперенье было черным, какое обычно применяют *шеважа*, а стрела торчала из шеи. Только не зайца, а его собственной.

Хид хотел позвать на помощь, но зашатался, потерял равновесие и опрокинулся навзничь. Остро заточенный кол вошел ему в бок между ребер и замедлил падение ровно настолько, чтобы Хид успел различить сквозь застилающую глаза кровавую пелену бегущих по посту и размахивающих топорами людей.

Шеважа атаковали заставу в полном молчании. Так приказал Нодж, а он всегда знал, что нужно делать. Поэтому он и стал тем, кем стал: вождем клана Лопи. Весь клан гордился им. А тем более Сана, его дочь, припавшая сейчас щекой к натянутой тетиве и ожидавшая, когда прорезь бойницы на высокой стене загородит изнутри чье-нибудь тело. Уж она-то не промахнется. Разве не ее меткий выстрел стал сигналом к наступлению? Гадкий *илюли* даже не понял, что его убили.

Рядом с Саной замерли еще несколько девушек. Опустившись на одно колено и уперев длинные луки в землю, они безостановочно пускали над головами штурмующих визгливые стрелы. Она так не умела. Вернее, ее всегда учили беречь стрелы и посылать их в противника только тогда, когда была полная уверенность в метком попадании. Хотя Сана понимала, что сегодня другой день, особенный. И не только потому, что вчера к ним присоединился клан Олди. Она впервые участвовала в штурме дома *илюли*. До сих пор она охотилась на *илюли* в лесу, прячась в кустах или среди ветвей, а сегодня ее могли видеть, и она понимала, что это опасно. Потому Нодж и велел ей с ее новыми сестрами оставаться сзади и стрелять во все, что движется. Сам же он быть сейчас далеко впереди, там, где в проеме под странной хижиной, водруженной прямо на стену, начиналась битва. Его тяжелый топор, уже окровавленный, взлетал над головами сражающихся и разил во все стороны.

Сана так увлеклась этим страшным зрелищем, что чуть не пропустила заветный момент. Рука сама отпустила тетиву, и стрела бесшумно упорхнула туда, где в узкой бойнице мелькнул чей-то силуэт. Ее стрелы не жужжали и не издавали визга. Это были настоящие стрелы Лопи. Стрелы Олди повизгивали. Стрелы Фраки свистели. Сана знала о том, что ее отец очень хотел бы сейчас слышать над головой их свист. Но Фраки почему-то не пришли к месту сбора. Их прождали два дня. Потом решили, что больше медлить нельзя. *Илюли* могли спохватиться, во время не получив донесения от лазутчиков. Лазутчиков, трупы которых Лопи наспех зарыли в не успевшей высохнуть после ливня земле.

Стоявшая рядом с Саной девушка выронила лук и упала. Вражеская стрела угодила ей прямо в лоб. *Илюли* тоже умели стрелять. Не успела Сана заметить, откуда ведется стрельба, как вторая лучница поймала обеими руками стрелу, уже вонзившуюся ей в живот. Ее еще можно было спасти, но сейчас никому не было до нее дела: атака на ворота постепенно захлебывалась, и слишком многое зависело от того, сколько Лопи и Олди будут принимать участие в продолжение штурма.

Перестав видеть топор отца, Сана не пала духом. Каждый воин в их клане знал, что рано или поздно погибнет. Все знали. Потому что все были воинами. И страшились лишь одного: умереть, не захватив с собой ни одного *илюли*. Сана за свою жизнь убила столько, что для счета теперь не хватало

пальцев на руках и ногах. Больше, чем прожитых зим.

Туго набитый стрелами колчан лежал у колена. Обычно колчаны держали на спине, чтобы быстрее выхватывать стрелы. Сана никуда не спешила. Лучницы больше не падали замертво, и это могло означать, что угроза оставшимся в живых миновала. Мелькавшие в бойницах силуэты больше не предвещали опасности: бой перекинулся на стены. Но теперь длинные луки становились никчемными: пущенные наугад стрелы могли сразить как врага, так и своего.

Сана с неохотой положила лук на землю и, выхватив меч, когда-то принадлежавший *илюли,* зарубленному на охоте отцом, бросилась вслед за мужчинами. Большинство девушек, как она заметила, последовали ее примеру. Все-таки она была дочерью вождя!

На мосту творилось невообразимое. Сане никогда еще не приходилось видеть такое количество людей, безжалостно уничтожающих друг друга. Полагаясь на внезапность своей атаки, сегодня Лопи предвкушали легкую победу. Так говорил Нодж. Но *илюли* как будто ждали нападения и нарочно оставили мост опущенным. Их воины, с головы до ног закованные в блестящее железо, пугали своей неуязвимостью.

Сана заметила, как пущенные с близкого расстояния стрелы буквально отскочили от груди одного из *илюли*, который не обратил на них ни малейшего внимания, занятый рубкой с двумя наседавшими на него противниками. Отступая, он споткнулся о лежащий под ногами труп и упал, сопровожда-

емый ударами топоров.

Сана радостно вскрикнула и бросилась в обход основной массы сражавшихся.

От лязга железа закладывало уши. Сопровождаемая по пятам сестрами, она вбежала на территорию дома *илюли* и в первый момент растерялась, не зная, куда бросаться. Кажется, отец говорил, что важно захватить стены, чтобы получить преимущество в высоте. Она увидела, что Олди уже почти выполнили его указание: на обеих лестницах слева и справа от ворот происходили ожесточенные стычки, но в роли штурмующих теперь оказывались *илюли*. Могучие Олди сбрасывали их со ступеней ударами топоров и дубин. Те же, кто не принимал участия в битве, рассредоточились вдоль стен и натянули короткие охотничьи луки. Сана пожалела, что оставила свой лук на той стороне рва и теперь не могла присоединиться к ним. Потому что с противоположной стороны дома, оттуда, где за хижинами виднелись точно такие же ворота, бежала толпа устрашающе орущих что-то на своем языке *илюли*. Они спешили на помощь защитникам главных ворот и наверняка подоспели бы вовремя, если бы не были встречены градом стрел с захваченных стен. Опешив, они рассеялись между хижин и начали отстреливаться.

Сана судорожно думала, что предпринять ей, чтобы помочь соплеменникам. Потери были велики с обеих сторон, однако *илюли* по-прежнему превосходили числом.

Захрипев, упала стоявшая рядом с Саной девушка: стрела, вдвое короче обычной, пронзила ей плечо. Мы все погибнем, подумала Сана, и, подав знак остальным следовать за ней, устремилась к ближайшим хижинам, за которыми сверкали латами прячущиеся от визжащих стрел *илюли*.

Сана летела, как на крыльях. Своей первой целью она выбрала воина не в доспехах, а в буром плаще, зеленые лоскутки на котором могли бы сделать его почти невидимым в лесу. Но только не здесь, на открытом пространстве, где поднявшееся в зенит палящее солнце уничтожило все тени.

Поначалу их маневр остался незамеченным. Бой у ворот продолжался, смертоносные стрелы летели со стен, остальное казалось не таким важным. И лишь когда до хижин оставалось несколько шагов, человек в плаще оглянулся.

Глаза их встретились.

Гейвен пришел в восхищение. Прекрасная огненногривая воительница с перекошенным от немого крика лицом бежала прямо на него, размахивая над головой не по росту длинным мечом. Еще две-три подобные ей мчались следом.

Гейвен никогда не задумывался о том, что среди воинов *шеважа* попадаются женщины. В лесных лагерях, за которыми он часто наблюдал из надежных укрытий, женщины производили впечатление обыкновенных дикарок, способных разве что готовить еду да ухаживать за детьми. И вот откуда ни возьмись сразу несколько зашли ему в тыл и пред-

ставляют теперь более чем реальную угрозу.

Гейвен стряхнул с себя оцепенение, вызванное красотой этого внезапного зрелища, и метнулся за угол хижины. В стену позади него впились одна за другой две стрелы. С этой стороны пространство между стен простреливалось. Как же случилось так, что этих ублюдков пустили на стены?

Краем глаза он заметил, как спешащие на подмогу осажденным силы с дозорного холма, минуя ворота, сразу же взбегают на пока не занятые противником *ранты* с дальней от главных ворот стороны. Еще бы не хватало, чтобы *шеважа* взяли их в кольцо и перестреляли из луков, как щенков!

Но что же делать с этой девушкой и ее подругами? А вот и она, напряженная как кошка, готовая к броску, выставив вперед меч, медленно выходит из-за угла и с ненавистью смотрит на него! Красивая, бестия!

Гейвен только сейчас заметил, что сжимает в руках приклад арбалета, в который вложена одна-единственная стрела. Из этого оружия он обычно стрелял без промаха. Тем более с такого расстояния. Но не в женщину. Даже вооруженную мечом. Даже неотвратимо приближающуюся, невзирая на направленную ей в грудь стрелу.

Девушка прыгнула на него. Гейвен машинально выстрелил и выронил арбалет. Над ухом провизжали стрелы: *шеважа* на стенах, похоже, настолько ненавидели *вабонов*, что не боялись попасть в своих. Что и произошло. Отпрянув назад, Гейвен увидел, как еще одна из нападавших повали-

лась замертво, оказавшись на пути предназначавшейся вовсе не ей стрелы. Но хуже всего было то, что двое оставшихся девушек, не обращая внимания на павших подруг, выскочив из-за угла хижины, набросились на него.

В подобных случаях Гейвен прибегал к излюбленному оружию: метательным ножам. Луки не всегда годились в лесной чаще – и он уже давно перешел на удобный арбалет. Мечом среди деревьев тоже много не намашешь – и он заказал себе несколько пар одинаковых ножей с утяжеленными рукоятками, которые наловчился кидать в цель из любого положения, причем с обеих рук.

Одной из противниц лезвие угодило точно в кадык. Вторая оказалась проворнее и отбила нож мечом. Судя по всему, она была совсем юная и, остановившись, понятия не имела, что делать дальше. Чувствуя, что больше в его сторону стрелы не летят, Гейвен несколько приободрился.

– Бросай оружие, и я тебя пощажу! – крикнул он.

Едва ли девушка его поняла, да ей и не дали ответить: выросший откуда ни возьмись позади нее воин одним ударом топора раскроил ей череп.

Это был Граки.

– Что тут разлегся? – прорычал он. – В прятки играешь? А ну вставай и за мной! Наша берет! Осталось только поднажать!

Не дожидаясь, чтобы его распоряженья выполнили буквально, Граки сорвался с места и скрылся за углом хижи-

ны. Поднявшись на ноги, Гейвен, не заметивший, когда упал, увидел, что тот несется, потрясая окровавленным топором, к главным воротам, где уже затихает битва. Оглядевшись, Гейвен с облегчением перевел дух: по *рантам* бежали тяжело вооруженные *эльгяр*, а дикари, вяло отстреливаясь из луков, поспешно отступали к воротам. Граки оказался прав: штурм провалился.

Теперь крики доносились отовсюду: крики ликующих *вабонов* и потерявших надежду на победу *шеважа*.

В этом всеобщем оре Гейвен едва различил жалобное повизгивание. Осмотрелся. Прислонившись плечом к стене хижине, в двух шагах от него сидела рыжеволосая воительница, появление которой так смутило его в первый момент. Девушка, зажмурившись, плакала от боли и не видела никого и ничего вокруг. Стрела, выпущенная Гейвеном, торчала у нее из залитого кровью бедра. От верной гибели ее спас прыжок.

Гейвен растерялся по-настоящему.

У *вабонов* не было обыкновения брать пленных. Пленные оставались врагами. К тому же они требовали особого внимания и были лишними ртами. Предшественники Ракли предпринимали попытки использовать их в хозяйстве, однако это никогда не доводило до добра. С первого же дня вступления во власть Ракли издал указ, запрещавший оставлять пленников в живых. Были уничтожены даже те, кто худо-бедно прижились у *вабонов* и не вызывали беспокойства.

Однако, насколько знал Гейвен, все это касалось только мужчин. Женщины в плен не сдавались. Застигнутые врасплох в своих лесных стойбищах, они гибли вместе с мужьями, а в штурмах застав до сих пор не принимала участия ни одна женщина. Во всяком случае, Гейвен ни о чем подобном не слышал. И вот теперь перед ним сидела раненная девушка, судьба которой зависела всецело от его решения. Решения, с принятием которого он медлил.

Полученная ею рана определенно не была смертельной. Однажды в юности Гейвену самому случайно прострелили ногу из арбалета, и он смог ходить без посторонней помощи уже через десять дней. Нужно было только вовремя предпринять все необходимые меры.

Присев на корточки, он с отвращением осмотрел стрелу. Нога девушки дергалась, и из раны хлестала густая кровь. Гейвен одной рукой поймал стрелу за оперенье. Когда он потянул стрелу на себя, девушка закашлялась от крика. Бедро у нее было достаточно узкое, чтобы как следует перехватить стрелу с одной стороны обеими руками. Оставалось самое сложное.

Напрягая все силы, Гейвен отломил оперенье. Теперь стрела должна была без хлопот выйти с противоположной стороны. Он заставил девушку согнуть ногу в колене. Зная, что сейчас последует, покрепче ухватил за острый четырехгранный наконечник и резко потянул вниз. Крик прервался: от боли девушка потеряла сознание. Может, и к лучше-

му, подумал Гейвен, отбрасывая никчемный обломок стрелы и озираясь в поисках того, чем бы перебинтовать рану, чтобы остановить кровь.

– Вот платок, – послышался сзади чей-то голос. – Только я бы сначала приложил дубовых листьев. Они хорошо вытягивают всякую заразу.

Говорящим оказался не кто иной как Локлан, весь измазанный кровью, явно чужой, и улыбающийся слегка насмешливой улыбкой. Протянутый им платок выглядел чистым и достаточно длинным.

Гейвен молча кивнул и стал тщательно перевязывать рану. С дубовыми листьями, конечно, лучше, Локлан прав, но для начала сгодится и так. Для начала, у которого могло и не быть продолжения. Затягивая концы платка, Гейвен заглянул в лицо девушки. Сейчас казалось, будто она просто спит. Пусть даже сын Ракли пожалел несчастную, главный здесь все-таки не он, а Граки. И Граки слепо блюдет закон, утвержденный отцом Локлана.

Шум битвы стихал. *Вабоны* добивали раненых врагов, которым удалось прорваться на территорию заставы не дальше первых хижин. Трупы убитых на *рантах* сбрасывали со стен копьями и крюками: считалось, что прикосновение к мертвому *шеважа* может навести порчу.

– Странно, никто из них не обратился в бегство, – пробормотал Фокдан, подходя к Локлану и вытирая рукавицей лезвие топора. Лук вместе с колчаном висели на его широ-

ком плече. – У нас все равно не осталось сил, чтобы их преследовать. Неужели они пришли для того, чтобы погибнуть?

– Об этом ты еще успеешь спросить. – Локлан указал на распростертую возле хижины огненно-рыжую девушку, рядом с которой стоял на коленях Гейвен и перевязывал с ее ногу. – Если только она не умрет от заражения крови. Ваши люди, похоже, не умеют даже как следует наложить бинты.

Фокдан мгновение смотрел на девушку, потом отвернулся. Она напомнила ему о том, что он вот уже много дней не знал женщин. На заставе об этом не принято было говорить, и каждый переносил тоску по-своему.

– Как они могли подкрасться так незаметно? – Фокдан потер кулаком подбородок. – Их же было не меньше сотни.

– Думаю, тебе показалось, – ответил Локлан, продолжая рассматривать девушку. – Они дрались как сотня, но было их раза в два меньше. Если бы им наше оружие, нам бы пришлось худо. Эй, – крикнул он, заметив, что начали поднимать мост, – подождите, еще не всех убитых собрали!

И он быстрым шагом направился к воротам.

Фокдан и Гейвен переглянулись.

– Всюду хочет поспеть и всюду быть главным, – заметил лазутчик.

– Поспеть – да, главным – не думаю. Не слышал, чтобы у Граки были с ним разногласия.

– Теперь будут. – Гейвен кивнул на раненую.

– Кто это? – Фокдан заставил себя смотреть в сторону. –

Ты ее подбил?

– Их было четыре или пять, – словно оправдываясь, ответил Гейвен. – Эта легко отделалась. Стрелы у меня все каленые, думаю, заражения не будет. Локлан велел ее перевязать.

Фокдан чувствовал, что лазутчик хитрит, но не стал выводить его на чистую воду. В сущности, какая разница, почему эта девушка жива? Пока жива. Едва ли Граки или кто-нибудь на заставе посмеет ослушаться Ракли. Разве что Локлан. Так вот что имеет в виду Гейвен, говоря о разногласиях!

Тут внимание его привлекла одинокая фигура, уныло бредущая между хижинами. Фокдан узнал Вила, ночного гостя, пришедшего из Мертвого Болота и ставшего невольным предвестником чудом сорвавшегося штурма. Последний раз Фокдан видел его жадно поедающим ужин в хижине Граки. Сейчас чужеземец показался ему еще более жалким и брошенным. Глядя на тряпье, заменяющее ему одежду, трудно было представить себе, что совсем недавно, скитаясь по лесу, он обладал теми сокровищами, о которых Фокдан с детства слышал от отца, но которые считал, как и большинство *вабонов*, давным-давно и безвозвратно утерянными. Если бы не его худоба и чересчур бледная кожа, Вила легко можно было принять за соплеменника. Даже его причудливая речь, поначалу непонятная, была речью *вабона*, много зим прожившего вдали от родных мест. Во всяком случае, так сказал после ночного собрания Шиган. А мнению отца Фокдан не мог не доверять.

Переживший тридцать зим Фокдан был младшим в роду. Остальные братья погибли в разное время и на разных заставах. Старшему из них, Кинвелу, когда родился Фокдан, было почти столько же зим, сколько ему сейчас. Именно его сменил Гейвен на посту командира лазутчиков после того, как тот пропал без вести прошлой весной. И именно от него, а не от отца, Фокдан в свое время узнал о том, что в молодости Шиган испытывал неуемную тягу к странствиям и много скитался по землям *вабонов* и не только. Иногда он брал своего первенца с собой, и Кинвел рассказывал потрясенно внимавшему брату о странных людях, с которыми им приходилось сталкиваться во время этих путешествий. Повзрослев, Фокдан решил, что все эти истории – обыкновенные выдумки, которыми родители потчуют своих чад, чтобы те лучше себя вели, а Кинвел не пытался его в этом разубедить и ничего больше не рассказывал. Шиган же на вопросы сына отвечал улыбкой и только пожимал плечами. У *вабонов* считалось малодушием надолго покидать родной очаг. Исключение делалось лишь для *эльгяр* как вынужденная мера, да и то защитникам застав предписывалось время от времени сменяться и возвращаться на побывку в семьи. Родные и близкие должны были постоянно ощущать, что их защищают от кровожадных *шеважа*.

И только вчерашнее замечание Шигана насчет произношения Вила заставило Фокдана снова задуматься о прошлом и о том, что могло скрываться за историями Кинвела.

Чужеземец приблизился.

Уилу показалось, что его приближение заставило обоих воинов замолчать, будто они полагали, что он может ненароком их подслушать. Если бы он даже хотел, едва ли ему это удалось. Правда, недавний разговор с приветливым юношей, назвавшим себя Локланом, убедил Уила в том, что при желании он может найти с этими людьми общий язык. Локлан говорил медленно, нарочито медленно, и всякий раз делал паузы, проверяя, что из сказанного непонятно Уилу. Еще задолго до того, как с улицы раздались тревожные крики, Уил сделал вывод, что его собеседник говорит на разновидности английского языка, отличной от уинчестерского говора в основном интонацией и произношением, но отнюдь не набором слов, и что понимание дается Уилу проще, чем Локлану. Он попытался произнести несколько фраз так, как они звучали из уст собеседника, однако Локлан в ответ лишь рассмеялся и попросил говорить «по-нормальному».

– Не надо говорить плохо, говори хорошо. Я стараюсь и понимаю тебя. – Он поднял к губам чашу и знаком предложил Уилу последовать своему примеру. Разговаривая, они пили душистое вино, подливаемое молчаливым слугой, стоявшим на некотором отдалении в почтительной позе. – Где твой дом?

Они сидели за массивным столом в прохладном полумраке небольшого, но уютного помещения, занавешенного ков-

рами. Узор на коврах в точности повторял узор найденного им в гробу пледа: окружности, переплетающиеся между собой, разные по размеру и цвету. Хорошо бы воспользоваться случаем и узнать, что они обозначают. Правда, сперва следовало ответить на заданный вопрос.

– Уинчестер, Уэссекс. Знаешь?

Локлан отрицательно мотнул головой, продолжая дружелюбно улыбаться.

– Англия, – добавил Уил.

Та же реакция. Но ведь не может же человек, говоря по-английски, не знать страны, в которой живет! Если только он ни варвар, прибывший издалека и называющий ее по-своему. Но тогда почему их языки так похожи?

– А где я? – поинтересовался в свою очередь Уил.

Локлан наморщил лоб, и ответ его больше походил на вопрос, нежели на утверждение:

– Торлон.

– Тауэрлэнд[5]? – переспросил Уил. Он не был до конца уверен в том, что правильно понял смысл названия, но по аналогии с другими словами, несколько звуков которых то и дело сливались в устах его новых знакомых в один, такая версия вполне могла оказаться верной.

– Да, Торлон, – охотно подтвердил Локлан, довольный понятливостью собеседника.

Значит, я не так уж далеко от Лондона, подумал Уил, по-

---

[5] *Towerland* – /англ./ *букв.* Башенная страна

считав, что речь идет о недавно выстроенной высоченной крепости на берегу Темзы, получившей, как он слышал, название Тауэр. Это открытие успокаивало, однако никоим образом не проливало света на то, каким образом он очутился в такой дали от родного Уинчестера. Еще больше его озадачил сам Локлан, с улыбкой добавивший:

– Торлон – большая страна.

– Лондон – не страна, – попытался вразумить собеседника Уил. – Это столица нашей Англии. А я живу тоже в большом городе – Уинчестере. Не бывал там?

Локлан ответил ему внимательным взглядом. Впервые стало заметно, что он не слишком расположен удовлетворять любопытство Уила. Слуга в легкой кольчуге и с длинным кинжалом за поясом приблизился, предлагая долить вина из глиняной бутыли с длинным горлышком. Локлан упреждающе поднял руку. Слуга с поклоном отошел.

– Что ты делал на Мертвом Болоте?

– Я умер, – брякнул Уил первое, что пришло ему в голову.

Юноша широко открыл глаза, расхохотался и, сделав большой глоток, поставил пустую чашу на стол. Даже слуга, казалось, утратил на время суровый вид и вопросительно посмотрел на говорившего.

– Я не знаю, что произошло со мной, но меня зачем-то положили в гроб и зарыли. Когда я очнулся и выбрался наружу, вокруг был сухой лес, который вы называете Мертвым Болотом. Я искал дорогу по звездам, но они вывели меня к глубо-

кому провалу, в который я чудом не упал. Там костей не соберешь, такая высотища. А потом я пошел обратно и чуть не умер от жажды. Меня спас дождь. Еще была страшная гроза. Лес вокруг начал гореть. Утром я нашел скелет в доспехах и решил прихватить кое-что с собой. Вот и все, что я могу сказать. Ваши люди напали на меня, когда я уже выходил из Болота, но если бы не они, думаю, я наверняка бы погиб. Так я правильно сделал, что принес меч и шлем?

Едва ли Локлан понял треть из того, что услышал. Он продолжал недоверчиво смотреть на собеседника, явно не зная, что делать дальше. Только последняя фраза вывела его из этого странного оцепенения. Он встал из-за стола и отошел в угол комнаты, где, как поначалу решил Уил, лежала просто груда одежды. Запустив в нее руку, Локлан вынул из-под тряпок меч с раздвоенным лезвием и повернул так, чтобы по коврам пробежали солнечные зайчики.

– Да, ты правильно сделал. Очень правильно, – сказал он и добавил, обращаясь к слуге: – Олак, что это за шум?

Действительно, теперь и Уил отчетливо услышал доносившиеся с улицы крики. Слуга метнулся к окну, выглянул наружу и тоже что-то закричал. Сунув меч обратно под тряпье и не говоря больше ни слова, Локлан бросился к двери. Олак последовал за ним, оставив гостя недоуменно озираться и прислушиваться.

Уил уже успел сориентироваться и понять, что находится в наиболее укрепленном здании крепости, по всей види-

мости, служившем одновременно жилищем Локлана. Собственно, донжоны для того и предназначались, чтобы оберегать самое ценное, что есть в замке или крепости – их хозяев. Насколько позволяли видеть ковры, изнутри помещение тоже производило более солидное впечатление, нежели та хижина, в которой Уил проснулся сегодня утром: нижняя часть стен представляла собой каменную кладку, все остальное, включая высокий потолок, выложено толстыми балками, ни малейшего намека на солому, которой, как заметил Уил, покрывались крыши всех остальных здешних построек, да и крышей в этом помещении служил пол следующего этажа, на который вела расположенная сбоку деревянная лестница. Под лестницей виднелся бок накрытого крышкой колодца. Уил знал, что в замках первый этаж донжона отдается, как правило, под склад. Однако никаких мешков с припасами он не заметил. Вероятно, хозяева по той или иной причине решили изменить издавна заведенный и проверенный временем порядок вещей.

Оставшийся без присмотра Уил решил воспользоваться свободой и осмотреть башню изнутри, а заодно выяснить, что же творится на улице. Тем более что шум за окнами только усиливался.

Он взбежал по поскрипывающим ступеням на второй этаж, где обычно размещаются часовня и зал для стражи. Вместо них он увидел стеллажи из деревянных ящиков и ровные ряды пузатых мешков. Вот и склад. Чтобы добрать-

ся до следующей лестницы, нужно было пройти через все помещение. Мудрое решение, поскольку обычно лестница в донжоне делалась одна, правда, винтовая.

Преодолев следующий пролет, Уил лицом к лицу столкнулся с крайне возбужденным воином в круглой каске и длинной кольчужной рубахе до колен. Воин как будто поджидал его, держа наизготовку короткую алебарду, но пока не решив наверняка, пускать ли ее в ход в качестве копья или топора. Воспользовавшись мгновением заминки, Уил поднял обе руки, показывая, что безоружен, и попытался изобразить приветливую улыбку. Воин с досадой выругался, однако алебарду опустил. Оказавшись стоящим рядом с ним, Уил понял, что добрался до так называемого оборонительного этажа, имевшего выход на открытую галерею вокруг башни. Несколько воинов с луками и арбалетами сновали по ней не то в поисках наиболее удобного места для обстрела, не то прячась от стрел противника.

Увидев еще одну лестницу в дальнем конце комнаты, Уил двинулся было к ней, однако воин с алебардой бесцеремонно остановил его за рукав и сказал что-то угрожающим тоном. Скорее всего, главная традиция постройки донжонов соблюдалась и здесь: в верхнем этаже располагалась спальня, и вход туда посторонним был заказан.

Уил понимающе кивнул и облегченно перевел дух, когда пальцы воина разжались. Ему совершенно не хотелось рисковать жизнью из-за обычного любопытства. Между тем, га-

лерея и видневшееся в проемах голубое небо манили к себе несмотря на вполне реальную опасность.

По тому, что он слышал, Уил сделал определенные выводы и теперь не сомневался в том, что на крепость напали. Стоило ему появиться на галерее, как последние его сомнения развеялись.

Донжон сам по себе стоял на холме, а с высоты третьего этажа открывался просто превосходный вид не только на внутреннее пространство всей крепости, но и на окружающий лес, самые высокие деревья которого оказывались ниже галереи на добрый десяток футов.

У дальних ворот с подозрительно опущенным мостом бушевала нешуточная битва. На таком расстоянии трудно было различить кто и с кем сражается, толпа представляла собой однородную массу размахивающих мечами и топорами людей, и только сверкающие то здесь, то там в лучах палящего солнца шлемы выделяли защитников крепости. Часть из них уже лежала без движений на протянувшихся вдоль стен галереях, по которым во все стороны разбегались одетые в бурые шкуры воины с короткими луками. Найдя подходящее место, они останавливались, разворачивались внутрь крепостного пространства, застроенного отдельно стоящими хижинами, и начинали с удивительной быстротой выпускать одну за другой стрелы в спины окруженных таким образом защитников.

Стоявшие рядом с Уилом немногочисленные воины скре-

жетали зубами, видя, что творится с их товарищами, и будучи не в состоянии прийти им на помощь. Вероятно, их задача состояла в том, чтобы быть последним оплотом обороны крепости, не имевшим права ни под каким предлогом покидать свой пост. Некоторые пытались стрелять во врага из арбалетов, однако тщетные попытки только усиливали их ярость.

На Уила они обращали вниманья столько же, сколько на стоящее в зените солнце. Поскольку их было не более десяти человек, и все они толпились теперь на той стороне галереи, откуда открывался наилучший вид на происходящее, Уил получил возможность беспрепятственно осмотреть округу.

Выстроенный на холме донжон и распложенную отдельно основную площадь крепости защищал, как и предполагал Уил, единый ров, образовывавший форму восьмерки. С внутренней стороны по всей длине тянулась стена, больше похожая с такой высоты на забор из кольев. Верхний круг занимала башня, в которой он сейчас находился, нижний – жилища гарнизона и подсобные постройки, отличавшиеся от жилых хижин разве что размерами. Оба круга соединялись между собой одним-единственным деревянным помостом, по которому в этот момент стремительно бежало вниз неведомо откуда появившееся подкрепление. С внешней стороны рва укрепление отделялось от леса голым пространством. Только оставленные местами пни сви-

детельствовали о том, что когда-то и здесь росли деревья.

Глядя во все остальные стороны, сколько хватало зрения, Уил видел один лишь зеленый ковер выжидательно застывшего леса.

Неужели все эта часть Англии, которую местные жители называют Торлон, сплошь покрыта лесами? Уилу приходилось слышать о почти непроходимых чащах, которыми поросли земли севернее Лондона, однако он никогда не представлял, что значит выражение «бескрайний лес». Теперь он видел его воочию, и ему сделалось не по себе. Оставалось только выяснить, с какой стати эту местность прозвали «страной башен».

Присмотревшись повнимательнее, Уил разглядел почти возле самого горизонта нечто выступавшее над линией зеленых волн точно крохотная палочка. Очевидно, это был донжон соседней крепости. Да нет, пожалуй, не соседней. Судя по расстоянию, до нее не меньше дня пути. А то и больше. Странно, что люди могут жить среди леса на таком отдалении друг от друга. Если собрать всех участников продолжавшегося на главной площади и окружавших ее стенах сражения вместе, их едва ли хватит, чтобы наполнить жителями среднюю деревушку. Правда, Уил до сих пор не видел в крепости ни женщин, ни детей. В таком случае его первое предположение все-таки верно, и эта крепость не более чем охранное сооружение. Но тогда что же оно охраняет?

Уил впервые задумался о том, что ему самому сейчас

угрожает реальная опасность. Снова вспомнилось полное ужасов войны детство. Если неведомым нападавшим удастся взять верх над защитниками крепости, отнесутся ли они к нему с таким же гостеприимством? Кто они? Саксы? Неизвестно каким образом оказавшиеся в этих местах шотландцы? Кстати, все-таки в каких местах? Может, это и есть Шотландия, и он, Уил, находится среди оккупантов, расставивших на чужой территории свои боевые посты, свои «башни»? Тогда ему точно несдобровать.

Взглянув на солнце, Уил попытался определить направление, откуда накануне пролегал его путь. Все то же зеленое море. Ему вспомнились набатные удары колокола, донесшиеся до него в первую ночь его плутаний. Подобный гул мог издавать разве что соборный колокол, однако, сколько Уил ни вглядывался, никаких шпилей, крестов или даже флагов он разглядеть так и не сумел. Как ни странно, не было видно даже следов Мертвого Болота, хотя Уил предполагал, что с такой высоты наверняка увидит серую проплешину сухостоя. Объясняться это могло только тем, что в ту сторону лес поднимался по склону, а выжженный лес остался за вершиной.

Из раздумий Уила вывел один из арбалетчиков. Выскочив из-за стены башни, он с громкими криками набросился на оторопевшего гостя. Решивший дорого продать свою разорванную жизнь, Уил приготовился оказать посильный отпор и был немало озадачен, когда воин с разбегу заключил

его в объятья и принялся распевать незнакомый мотивчик. Они закружились по галереи в неуклюжем танце, сопровождаемом поскрипыванием балок.

– *Сигора*! *Сигора*! – восторженно повторял воин, тяжело дыша и обдавая Уила сильным запахом лука.

Призвав на помощь уже не раз за последнее время служившую добрую службу интуицию, Уил сообразил, что *сигора* есть ни что иное как безжалостно исковерканное слово «победа». Правильность догадки подтвердили остальные воины, тоже отплясывавшие на своем пятачке и указывавшие луками и стрелами в сторону нижней площадки, где в воротах и на стенах значительно прибавилось блестящих шлемов. Штурм был остановлен. Раненых врагов безжалостно добивали. Кое-где возле убитых вспыхивали яркие огоньки пламени. Однажды вспыхнув, они почему-то больше не разгорались. На таком расстоянии Уил не сразу определил, что это никакое не пламя, а просто цвет волос нападавших. Большинство были рыжими. Ирландцы – первое, что пришло ему в голову. В Уинчестере их обитало не так уж много, однако почти любого можно было узнать не только по говору, но и по медным волосам. У его Мэри, ирландки по матери, из трех братьев рыжими были двое. Значит, все-таки не Шотландия…

– *Сигора*! *Сигора*! – соглашался он, постепенно отступая с галереи внутрь башни.

Лестницу уже никто не сторожил, и Уил, недолго думая,

поспешил вниз. Он еще не знал наверняка, что предпримет в следующую минуту. С одной стороны, слишком велик был соблазн воспользоваться всеобщей суматохой и потихоньку улизнуть из крепости, где он все-таки продолжал ощущать себя пленником, пусть и не связанным по рукам по ногам. Но зато здесь было вдоволь еды и довольно благодушно настроенных воинов, а окружающий лес пугал безбрежностью и шансами столкнуться лицом к лицу с шайкой таких же головорезов, что отважились на штурм даже хорошо охраняемого укрепления.

Когда Уил снова оказался в завешенной коврами зале, он уже твердо решил не совершать безрассудных поступков и действовать по ситуации. На груду тряпья, под которым прятался меч и, возможно, остальные из принесенных им трофеев, он не взглянул. Не будучи человеком военным, он мало интересовался вопросами оружия и амуниции. Во время переездов по делам торговли его обычно сопровождало несколько пеших солдат, бравших на себя охрану обоза. Иногда к ним примыкали закованные в железные латы рыцари, но даже их истории у костра о лютых побоищах и славных турнирах при дворе того или иного знатного лорда клонили Уила в сон. Когда он раздевал скелета и забирал все, что мог унести, ему в голову приходили мысли не столько о том, что меч острый, а шлем – прочный, сколько о той цене, которую удастся при случае заломить за инкрустированную драгоценными камнями рукоять и тонкую филигрань.

Теперь такого случая уже явно не представится, однако Уил осознавал, что во многом снискал расположение гарнизона крепости именно за счет своих случайных находок.

Если они им так дороги, думал он, ступая на доски спускавшегося к внутренним воротам помоста, быть может, они не откажутся помочь мне добраться до Уинчестера. Или, на худой конец, выкарабкаться из этой утопающей в лесах и жарком солнце Ирландии, которая, по его скудным представлениям о географии и рассказам более сведущих в этих вопросах торговцев, была островом.

С этими мыслями он прошел через сторожку и вышел, не встречаемый никем, в главный двор крепости. Хижины здесь были расположены таким образом, чтобы являть собой дополнительное оборонительное укрепление. Находившийся в любом месте между ними человек видел лишь часть стены и чувствовал себя запертым в искусственном лабиринте. На время Уилу показалось, что он здесь один. Если бы не по-прежнему громкие крики и лязг металла, он бы решил, что защитники крепости с его приближением разбежались. Утром, когда он только проснулся и вышел на улицу, ничего подобного он не заметил. Вероятно, было немаловажно, откуда и в какую сторону ты направляешься.

Обойдя несколько хижин, в одной из которой призывно ржали лошади, Уил оказался на открытом пространстве. Защитники крепости были здесь, в большом количестве, занятые тем, что с остервенением добивали поверженных врагов.

Подняв взгляд на стены, Уил увидел, как несколько воинов в длинных кольчугах ногами сбрасывают с галереи неуклюжие рыжеволосые трупы.

Только сейчас Уил понял, почему издалека ему показалось, будто у нападавших, когда они падали замертво, вспыхивали волосы. Их рыжие головы закрывали глубокие кожаные шапки с причудливыми отверстиями для ушей. Перед тем, как добить противника, воины срывали с них шапки, словно удостоверяясь по цвету волос в том, что перед ними, действительно, враг. Со стороны это выглядело более чем странно. Тем более что вблизи в глаза бросалось еще одно различие: если защитники крепости в большинстве своем были чисто выбриты, как подобало настоящим англичанам, их противники носили короткие, почти квадратные бороды. Причем все поголовно. Хотя нет, за незначительным исключением. И это исключение составляли рыжеволосые женщины. Женщины-воины? Уилу приходилось слышать истории о народах, в которых оружием наравне с мужчинами владеют женщины, однако он всегда предполагал, что речь идет о тех случаях, когда им приходится обороняться. Что ж, Уилу самому не раз приходилось видеть, как англичанки хватаются за вилы и бросаются на защиту своих жилищ и детей. Но сейчас его взгляд то и дело падал на пронзенных стрелами или разрубленных женщин, которые отважились сопровождать своих мужчин в боевом походе и отчаянно гибли, штурмуя неприступные бастионы.

Одна из них, с залитой кровью ногой, лежала под стеной хижины и пыталась сделать вздох. Очень красивая, молодая, почти юная, с высокими скулами, полными, искривленными болью губами и большими раскосыми глазами с длинными ресницами. Только хищный разлет бровей придавал лицу этого ребенка выражение озлобленной решимости. Стоявшие рядом воины – один, среднего роста, в буром плаще с зелеными нашивками, другой – высоченный детина с выбритой головой и длинной, испачканной кровью бородой – о чем-то переговаривались, вероятно, решая незавидную судьбу раненой.

Уил неуверенной походкой направился к ним, хотя понятия не имел, зачем он это делает и что его ожидает.

Оба воина были разгорячены боем. Появление чужака явно их не обрадовало. Тот, что кутался в защитный плащ, отступил к поверженной девушке, намереваясь не то прикончить ее ударом подозрительно чистого кинжала, не то этим же кинжалом ее защищать. Второй, наоборот, сделал шаг навстречу Уилу и поднял руку раскрытой ладонью вверх, как бы делая знак остановиться. Несмотря на лысый череп и окровавленную бороду, он сразу же произвел на Уила впечатление человека спокойного, осознающего свою недюжинную силу. Вопросительный взгляд его серых глаз говорил об уме и желании во всем разобраться, прежде чем принимать решение.

Уил остановился и инстинктивно показал пустые ладони.

Бородатый удовлетворенно кивнул, что-то сказав напарнику. В этот момент раненая девушка застонала, и тот, склонившись к ней, словно вмиг позабыл обо всем на свете. Опираясь на топор, бородатый стал наблюдать, как зеленый корпит над ее окровавленной ногой.

– А дубовые листья и точно, не помешали бы, – заметил, оглядываясь через плечо, Гейвен. – Жалко, если она ногу потеряет.

– Смотри, чтобы ты сам из-за нее ничего не потерял, – хмыкнул Фокдан, подмигивая удивленно застывшему на некотором отдалении безоружному чужаку. – Например, голову.

Девушка предприняла попытку сесть и помешать Гейвену потуже затянуть концы платка, однако новый приступ боли заставил ее вскрикнуть и откинуться навзничь.

– Похоже, если она даже и выкарабкается, то перекусает половину заставы и нам все равно придется ее убить, – усмехнулся Фокдан. – Посмотри, какие у нее зубы. Как у дикой лесной кошки.

– Она и есть лесная кошка, – неохотно отозвался Гейвен, осознавая комичность своего теперешнего положения и надеясь со временем подобрать для него надлежащее оправдание. – Кстати, эта кошка знает о лесе и его обитателях все. Так что есть все основания для того, чтобы ее как следует порасспросить. Но сперва ее нужно привести в порядок.

– Все равно ты же знаешь, что Граки не позволит оставить ее в живых. Расспросит, может быть, а потом велит посадить на кол. Или, в лучшем случае, повесить. – Фокдан снова покосился на молча наблюдающего за этой сценой Вила и добавил со вздохом: – Если только он сам еще жив. Наших сегодня полегло много. Слишком много.

Гейвен оставил в покое ногу девушки и выпрямился. Одного внимательного взгляда на бывшее поле брани хватило, чтобы согласиться с правотой слов Фокдана. В воротах лежала гора трупов: рыжие шевелюры вперемежку с блестящими на солнце шлемами. Только что небрежно сбрасывавшие со стен тела врагов *вабоны* теперь бережно поднимали павших на *рантах* собратьев и медленно сносили их по ступеням вниз, туда, где расхаживал Шиган, с нарочитой деловитостью указывая, что делать с ними дальше. Погибших воинов укладывали в ряд вдоль стены, переворачивали на живот, чтобы их сердце оказывалось ближе к земле, и шли за следующими. В ряду уже лежало восемь тел.

То же самое происходило и по другую сторону от ворот. Там руководил Дайлет, предводитель утренней смены *эльгяр*. Гейвен недолюбливал Дайлета за его вечно хитрый прищур и вызов чуть ли не в каждом слове, однако сейчас тот производил впечатление человека, заставившего себя собраться и отбросить всякую рисовку. Кроме того, похоже, Дайлет был серьезно ранен: левая рука висела плетью, а сам он сильно хромал. Его люди уже сняли с *рантов* троих уби-

тых.

– Да, победа далась нам слишком дорогой ценой, – сказал Гейвен.

Проходивший в этот момент мимо них человек без каски, но в легкой кольчуге и с длинным кинжалом за поясом, остановился, бросил недобрый взгляд на раненую и, обращаясь к Гейвену, заметил:

– Дорогую цену, о которой ты говоришь, мы вынуждены были заплатить из-за твоих лазутчиков. Почему так произошло, еще предстоит выяснить, так что ты готовься к ответу.

И с этими словами незнакомец быстрым шагом продолжил свой путь к воротам.

Гейвен и Фокдан переглянулись. Первый почувствовал неизвестно откуда подкрадывающийся к горлу страх, второй – изумление и тревогу. Стоявший по-прежнему поодаль Вил смотрел на них во все глаза.

– Кто это был? – сглотнул Гейвен. – Кажется, я где-то уже видел этого малого.

– Не удивлюсь, если тебя с ним никто пока не познакомил, – медленно, словно размышляя вслух, ответил Фокдан. – Это ведь Олак, слуга Локлана. Признаться, не думал, что у него есть право вести подобные речи. Раньше он вообще казался мне немым. Видать, что-то и в самом деле произошло. Я имею в виду – с Граки. Крыса чувствует дохлятину.

– Выходит, я и есть дохлятина?! – Голос Гейвена прозву-

чал не столько вызывающе, сколько жалобно. – Не хочешь же ты сказать, что все эти трупы повесят на меня, на меня одного?

– Я ничего не хочу сказать. – Фокдан смотрел вслед удалявшемуся Олаку. – Это он сказал.

– Но ведь я был вместе со всеми здесь, на заставе! В чем он хочет меня обвинить? В трусости? Да я сам сейчас прикончу эту девицу! – Он схватился за рукоятку висевшего на боку меча.

– Не горячись, – остановил его Фокдан. – Похоже, у него вопрос к твоим лазутчикам, допустившим, что враг напал на нас без их предупреждения и застал врасплох. Пленница здесь пока не при чем. И если это его собственный вопрос, кто сказал, что Локлан того же мнения?

– Нет, ты прав! – Гейвен не отпускал меч и возбужденно озирался. – Раз даже слуга настолько осмелел, что задает мне подобным тоном подобные вопросы, значит, Граки погиб в бою, и он знает, что власть теперь на стороне его малолетнего хозяина. – Гейвен выдержал паузу. – Если мои люди виноваты в том, что нас застали врасплох, выходит, их тоже нужно прибавить к тем, что лежат теперь вдоль стены и у ворот. Смерть – единственная причина их молчания!

Он выхватил меч и со всей силы рубанул по подпорке хижины. Удар пришелся над самой головой девушки. Подпорка треснула, но хижина устояла. Сидевшая на краю черная птица только негодующе хлопнула крыльями и снова засты-

ла, нахохлившись.

– Смерть – единственная причина их молчания, – тихо повторил Гейвен, так тихо, будто только что мечом размахивала чужая рука, а не его. – Знаешь, Фокдан, что я думаю? Мы все расслабились. Слишком давно на заставе ничего не происходило. Никто не погибал. Мы почти не сражались. Разве что со своими страхами. А когда погиб хоть кто-нибудь из лазутчиков – я и не припомню вовсе. И вот на нас разом обрушились все напасти. Стоило этому парню явиться к нам среди ночи, как все вдруг переменилось. – Он ткнул острием меча в сторону прислушивающегося к его словам Вила. Вил отшатнулся. – Чего он здесь околачивается? Уж не он ли привел с собой весь этот сброд!

– Вообще-то, если мне не изменяет память, его привели сюда твои люди, Гейвен, – заметил Фокдан, на всякий случай делая шаг и вставая между разгоряченным соплеменником и сохранявшим внешнее спокойствие чужаком. – Посмотри на него внимательно. Ты когда-нибудь видел таких *шеважа*? Даже Граки в свое время сразу смекнул, что он не из них. Иначе ему бы не стоять сейчас здесь. Между прочим, обрати внимание на то, что он безоружен. Спрячь-ка и ты свой меч, пока никого им не поцарапал.

Уил едва держался на ногах от страха.

Этих двоих он почему-то понимал гораздо лучше, чем кого бы то ни было в крепости, и последнее замечание вои-

на в буром плаще, которого звали Гейвен, каким бы жалким у него ни был в этот момент вид, заставило его напрячь последние силы, чтобы не рухнуть в обморок или в лучшем случае не обратиться в бегство.

Он с напряжением ждал, пока Гейвен, понурив голову, уберет меч обратно в ножны. Второй воин продолжал как ни в чем не бывало опираться на топор и лукаво щуриться. Только его присутствие позволило Уилу собрать все мужество и сделать вид, будто он ничего не разобрал из сказанного.

– Так-то лучше, – кивнул бритоголовый бородач и добавил, покосившись на Уила: – Ты его не бойся, малый. Он сам так перетрусил, что теперь не знает, на кого кидаться. *Вабоны* с безоружными не сражаются.

– *Вабоны*? – Уил уже слышал это слово, но в тот раз ему показалось, что речь идет о каком-то оружии[6]. – Вы – *вабоны*? Не шотландцы?

– Кто?!

– Простите, я, наверное, обознался, – забормотал Уил, стараясь не смотреть на собеседника. – Ваш начальник говорил, что это – Тауэрлэнд, то есть я хотел сказать Торлон. Вот мне и показалось, что башнями вы называете горы. Значит, решил я, мы в Шотландии. А напали на вас – ирландцы. Я поднимался вон на ту башню и с нее осматривал окрестности. Сплошной лес кругом. Так выходит, вы *вабоны*?

---

[6] Имеется в виду английское *weapon* (старо-английское *wæpen*) – «оружие»

Уил видел, что его почти не понимают, и оттого говорил первое, что приходило на ум, лишь бы не останавливаться. Он уже пожалел, что вообще подошел сюда и невольно ввязался в эту историю с раненной девушкой и двумя странными вояками, один из которых то храбрится, то пугается, а другой все посмеивается в бороду и вообще ведет себя так, будто стоит на паперти, а не на поле брани. Правда, сейчас улыбка медленно сошла с его лица, уступив место недоумению.

– Ты не знаешь, о чем это он? – повернулся он к Гейвену.

– Ты за него заступаешься, тебе виднее, – огрызнулся тот, машинально поднимая воротник плаща и делая несколько шагов в сторону.

– Постой, а как же твоя пленница?

Гейвен с неохотой оглянулся через плечо.

– Она не моя пленница.

– Разве не ты собирался ее допросить и узнать, как поживают *шеважа* и почему им вздумалось напасть на нас именно сегодня?

– Мне нет до нее дела.

И, положив арбалет на плечо, Гейвен, больше не оглядываясь, направился туда, откуда недавно пришел Уил.

– Вот так история! – присвистнул Фокдан. – Что же мне теперь, за него что ли из-за этой рыжей ответ перед всеми держать? Одно дело, если Граки помер. А если нет?

– Ты не можешь ее убить, – не веря своим ушам, прогово-

рил Уил. Уж чего-чего, а вмешиваться в здешние обычаи он не собирался. Тем более заступаться за поверженного врага, пусть даже враг этот ранен, безоружен и очень даже симпатичен. – За нее заплатят выкуп.

– Выкуп? – Как ни странно, воин понял его. – Кто заплатит? Ты?

– Не я. – Уил подумал, что денег, действительно, у него нет, а значит возвращение в родную Англию предстоит долгим и тяжелым: главным образом на своих на двоих. Если, конечно, его вообще выпустят. – Родичи. У нее же должны быть родичи.

– Вон ее родичи. – Фокдан махнул в сторону груды рыжеволосых трупов и добавил: – Сам-то откуда будешь?

Уилу помешала ответить черная ворона со странно загнутым книзу клювом. Сидевшая до сих пор неподвижно на краю крыши, она пронзительно каркнула, показав маленький, как у змеи, язычок, взмахнула крыльями и стала подниматься ввысь по невидимой спирали. Задрав головы, за ее полетом наблюдали снизу двое мужчин и рыжеволосая девушка.

Отталкиваясь от пропахшего кровью и смолой воздуха, ворона неторопливо взмыла на такую высоту, где ее не смог бы достать ни один из этих грозных воинов, даже те, что были вооружены острыми летающими палками, и откуда открывался удивительный вид на безбрежные просторы

зеленого леса.

Ворона обогнула башню, под крышей которой радостно кричали и обнимали друг друга люди в железных шлемах, и заскользила прочь, отдыхая в волнах теплого бриза.

Она летела навстречу солнцу, зная, что оставляет позади не только давно разоренное гнездо с погибшими, не успев вылупиться, птенцами, но и смертельно опасную сухую проплешину гиблого безлесья, где не было ни воды, ни насекомых, ни даже листьев, чтобы свить новое пристанище. Впереди же ее ждали укрытие под сенью могучих каменных стен и целая река вкусной воды, в которой так приятно купаться жаркими днями, поднимая перьями мириады брызг.

Вороне было много лет, и она не раз преодолевала этот путь от деревянной заставы до каменной крепости, но всегда возвращалась обратно, притягиваемая воспоминаниями и ароматным пламенем ночных костров. Сегодня, однако, ей подумалось, что в мире произошло слишком много перемен и дороги назад уже не будет.

Поднявшись над лесом настолько высоко, что стало не хватать воздуха, ворона увидела вдали заветные башни каменной крепости и со спокойным сердцем начала снижаться, уверенная в правильности выбранного маршрута. Распластав упругие крылья и вглядываясь в одну точку, она на бреющем полете промчалась над острыми пиками частокола из елей.

В тот момент, когда внезапный порыв встречного ветра

почти остановил ее затяжное скольжение, и ворона готова была вновь взмахнуть крыльями, с резким свистом что-то тяжелое пробило перья на груди, и нестерпимая боль камнем потянула вниз.

Теряя последние силы, ворона в отчаянии раскинула крылья и попыталась вырваться, но тяжесть была уже в ней, она стала ее частью и не хотела отпускать. Полет сменился неуклюжим падением прямо на ели. Сложив крылья, ничего не видя вокруг и лишь краешком пощаженного болью сознания удивляясь правоте своего утреннего предчувствия, подбитая птица бессильно пикировала сквозь ветки навстречу мягкой земле – такой мягкой, что удара о корни она уже не почувствовала.

– Хороший выстрел, Чим, – похвалил меткость сына старый охотник Зорк, наблюдая единственным глазом, как мальчишка с нескрываемой гордостью поднимает за конец стрелы черную тушку вороны. – Узнаю меткость деда. Он тоже умел бить птиц так, чтобы они падали прямо к его ногам.

Чим ничего не ответил и побежал с добычей к стойбищу клана. Он был обижен на отца. Обижен за то же, за что с Зорком вот уже третий день не разговаривали почти все Фраки: он не пустил их на встречу с Олди и Лопи и не позволил сразиться в открытом бою с ненавистными *илюли*.

Зорк не стал окликать сына, как делал прежде, когда хотел поставить на место и указать на допущенную ошибку. Под-

растет – сам поймет, подумал он, отворачиваясь и ухмыляясь в длинную бороду. А не поймет – не быть ему моим наследником. Только и всего. Титул вождя клана должен передаваться не по наследию, а по уму. Судя же по всеобщему возмущению, до сих пор царившему в стойбище Фраки, даже среди старейшин не оказалось никого, кто бы мог стать его преемником по этому праву. Настоять на своем ему удалось исключительно за счет твердости духа и предыдущих заслуг перед кланом. Хотя нет, не совсем так: не последнюю роль сыграло довольно грубое, но своевременное вмешательство Кепта и его трех могучих братьев. Они вчетвером заставили умолкнуть тех, кто особенно живо выражал несогласие с решением Зорка не ввязываться в предстоящую битву, пригрозили расправой тем, кто вслух обвинял его в трусости и отступничестве. Что и говорить, на Кепта можно было положиться. Во всяком случае, при крайней необходимости. Потому что умом этот отчаянный храбрец и заводила никогда не отличался. Зато отличался преданностью и верой в то, что решение Зорка – единственно верное. Вот и сейчас они с братьями, отложив все прочие дела по хозяйству и даже не вспоминая про возмущенных таким несправедливым поведением жен, усердно трудились вдали от посторонних глаз над его поручением.

Зорк обнаружил их там, где и оставил, когда отлучился взглянуть на охотничьи успехи сына. Все четверо сидели под навесом из душистых сосновых веток и угрюмо толкли в ма-

леньких деревянных ступках несъедобные зерна *флакса*, дикого растения, у которого обычно использовались только длинные листья: умельцы Фраки умудрялись размачивать их и скручивать в прочные веревки. Мясистые зерна, упрятанные в твердые коробочки цветков обычно только мешали, и их выбрасывали. Однако мудрый Зорк нашел им применение. Правда, случайно, сам того не желая, но все-таки нашел. Теперь он рассчитывал, что это открытие не только оправдает его в глазах сородичей, но и изменит соотношение сил в Лесу, сделав его, Зорка, величайшим вождем всех кланов. Всех уцелевших кланов, мысленно прибавил он и положил ладонь на плечо Кепта.

– Получается?

Вместо ответа Кепт забрал у брата ступку, осторожно наклонил над своей и дождался того момента, когда на краешке повисла маслянистая капля.

– Хорошо, – сказал Зорк, усаживаясь рядом на бревно. – Только зря не проливайте. Не забывайте, что нам нужно заполнить хотя бы то ведро. Хотя бы до половины. – Он кивнул на сшитую из бересты лохань, на донце которой уже собралась неглубокая пока лужица. – Чем скорее вы закончите, тем скорее мы выступим против *илюли*.

Братья переглянулись и, явно вдохновленные его словами, принялись еще яростнее молотить по ступкам.

О том, что победить *илюли* можно, если приручить огонь, догадывался не один только Зорк. Он слишком хорошо пом-

нил рассказы о том, как отважные воины других кланов совершали вылазки в стан врага и пытались поджечь деревянные дома. Но лишь в одном рассказе смельчакам удалось подобраться настолько близко, чтобы подпалить бревна забора. Дым во мгновение ока привлек стражей, и попытка закончилась, как всегда, гибелью лучших сынов клана. Фраки умели добывать огонь, но для победы этого было недостаточно.

Несколько дней назад, когда Нодж из клана Лопи бросил клич идти на дом *илюли* штурмом, Зорк поначалу решил послушаться охотно давших свое согласие на участие в битве старейшин, однако во время ночной стоянки накануне сбора с ним произошло то, что побудило его отменить собственный приказ и выждать более подходящего момента.

Дети бросали в костер коробочки *флакса*, и Зорк, подобрав одну из них и надорвав, стал задумчиво разминать податливые зерна. В это время жарившееся на огне мясо предательски зашипело и стало на глазах обугливаться. Зорк бросился спасать ужин. Выхватывая мясо из пламени, он не сразу заметил, что у него загорелись пальцы. Точнее не пальцы, а масло, выдавленное из зерен. Не замечая боли, Зорк едва сдержал смех. Почему дети, да и сам он, когда был таким же малышом, любили бросать *флакс* в костер? Да потому что коробочки громко лопались и вспыхивали. *Флакс* прекрасно горел! А маслом, полученным из него, можно было пропитать, что угодно. Из случайного наблюдения в голове Зорка стал рождаться план, воплощение которого в жизнь сулило

теперь поразительные перемены. И чем больше Зорк думал о том, какое этому открытию можно найти применение, тем очевиднее делалась для него необходимость до поры до времени держать все в тайне от родичей.

Клан Фраки насчитывал *эму-нош* человек – иначе говоря, столько, сколько пальцев было на мускулистых руках Кепта и его братьев.

Счета, превышающего десять пальцев, обитатели Леса не знали. Зато у каждого пальца было свое имя, и самым большим числом оказывалось, таким образом, *нош-нош*, то есть «мизинец мизинцев» или «десять десятков». Считали слева направо, от мизинца до мизинца: *ниш*, *гиш*, *эку*, *эму*, *герч*, *горч*, *ому*, *оку*, *гош*, *нош*.

Из сорока человек половину составляли женщины, дети и старики. Последних принято было называть «старейшинами» и почитать как мудрых советчиков. Но что могли противопоставить они, чья мудрость измерялась белизной седин и глубиной морщин, ему, приручившему огонь? Придет час, и он вообще перестанет замечать их. Клану понадобятся сильные воины, способные натягивать тугую тетиву луков. Да женщины, которые бы этих воинов рожали и вскармливали. Чтобы победить *илюли* один раз, достаточно его, Зорка, знаний. Однако чтобы уничтожить их без следа, стереть с лица земли вместе с деревянными и каменными домами, понадобятся воины, много воинов.

От этой мысли у Зорка заныл живот. Так происходило

с ним всякий раз, когда он вспоминал прекрасную дочь своего старого товарища по войне – вождя клана Лопи Ноджа – рыжеволосую Сану. С тех пор, как погибла мать Чима, Зорк одним своим уцелевшим глазом присматривал себе новую жену среди незамужних женщин других кланов. Вождю не годилось жить одному. Когда старейшины иногда заводили об этом разговор, он хмурился, но отшучивался, что «женат на войне с *илюли*». С ним не могли не соглашаться, зная, что он всю свою теперешнюю жизнь посвятил мести подлому врагу, и потому не слишком настаивали на следовании исконным традициями клана. Злоба и жестокость вождя придавали силы всему клану. А тем временем у Зорка не шла из головы Сана, которую он помнил совсем еще маленькой девочкой и которая при их недавней встрече на совете кланов предстала перед ним дикой и неуловимой женщиной, какой была когда-то и мать Чима. Можно даже сказать, что отчаянно смелое предложение Ноджа участвовать в налете на лесной дом *илюли* Зорк принял из-за нее. Особенно поразили его ее брови, хищный разлет которых придавал ее красивому почти детскому лицу выражение далеко не детской ненависти. Ее взгляд словно ножом полоснул его исподлобья, когда Зорк после совета попытался заговорить с ней наедине. Взглянула, хмыкнула и пошла прочь, дерзкая и независимая. А он смотрел вслед, на ее сильные бедра и думал, что нашел лучшую мать для будущих воинов Фраки.

И все-таки новый замысел оказался настолько впечатля-

ющ, что Зорк, хотя и с неохотой, после долгого размышления, предал ее. Он догадывался о том, что такая дочь непременно последует за своим отцом в самую гущу предстоящего сражения. И не опустит лука до тех пор, пока не кончатся стрелы. Где-то она теперь? Вероятно, по-прежнему подле отца, мертвая и прекрасная. Не знавшая страха и презиравшая боль. Интересно, ждала ли она прихода его, Зорка, во главе столь важной подмоги там, у стен дома *илюли*? Стен, которые он намерен превратить в угли в память о ее гибели и о гибели всех тех, кому не суждено дожить до его, Зорка, великой победы.

Зорк сам удивился глухому рыку, вырвавшемуся из его груди. Ему нужна была Сана. Нужна сейчас. Нужна до боли в яростно сжатых кулаках. Сильная и непокорная. Пропахшая лесом и солнцем. Умеющая ненавидеть. И еще не научившаяся любить.

Зорк оставил Кепта с братьями трудиться в предвкушении неотвратимо приближающегося часа возмездия, а сам направился обратно к стойбищу. Урчание в животе напомнило ему о том, что с самого рассвета он ничего не ел.

Стойбищем лагерь называлось потому, что Фраки, в отличие от многих других кланов обитателей Леса, предпочитали не задерживаться подолгу на одном месте. Старики рассказывали, что когда-то, когда их было такое множество, что для перечета не хватило бы пальцев на руках всех нынешних членов клана, Фраки могли себе позволить постоянно жить

в одних и тех же гнездах, свитых из прочных веток в кронах могучих *уков*. Это было задолго до того, как первые *илюли* пришли в Лес и принесли с собой Великую Засуху, погубившую и их бесхитростных предков, и сами *уки*, и память о жизни без войны. Новый опыт научил Фраки не сидеть сложа руки, как по-прежнему делали даже сейчас некоторые наиболее отдаленные и почти незатронутые войной кланы, а находиться в постоянном движении, то избегая таким образом врага, то напротив – угрожая ему в самом неожиданном месте. Ветки перестали служить им материалом для гнезд. Их заменили дубленые шкуры животных, позволяющие разбивать лагерь быстрее, чем варится на костре подбитая по пути дичь. Или сниматься с места и исчезать в чаще раньше, чем появятся предупрежденные лазутчиками первые отряды *илюли*.

Зорк вышел на залитую солнцем поляну и сразу уловил соблазнительный запах жаркого, исходивший от единственного костра, вокруг которого уже чинно восседали старики и суетилось несколько женщин. Стоявший чуть поодаль Чим всем своим видом говорил о том, что сегодня имеет к трапезе не последнее отношение. Заметив отца, он посерьезнел и присел на корточки.

Зорк убедился в том, что его увидел не только сын, но и все собравшиеся, и молча прошел мимо к наспех сплетенной накануне, но прочной лестнице, ведущей к гнезду вождя. Лестница свисала с толстой нижней ветви, расположен-

ной на высоте в добрых три человеческих роста от земли. Поднявшись по ней, человек оказывался на искусственной площадке, образованной туго натянутой между соседними ветвями шкурой. В гнезде Зорка эту роль выполняла шкура гигантского пещерного медведя, убитого им самим еще тогда, когда он имел возможность смотреть на мир обоими глазами. Обычно для большей долговечности шкура подвязывалась к веткам мехом вниз, однако Зорк, во всем остальном чтивший традиции, любил на отдыхе понежиться в мягких объятиях длинной бурой шерсти, вспоминая то утро, когда разбуженный охотниками зверь вышел наконец из своей берлоги и встал на задние лапы, угрожающе рыча и скаля пожелтевшие от крови клыки. Зорк поразил его выстрелом в глаз, тот самый, которой некоторое время спустя потерял сам. Убивая медведя, он испытал невольное ощущение связи с ним, но долг охотника и желание утвердиться вождем клана заставили его довершить начатое, чтобы теперь, спустя столько зим, лежать на подвешенной высоко в воздухе шкуре и думать о том, как бы все могло обернуться в жизни, не будь того утра и той злосчастной встречи с хозяином Леса.

Прямо над шкурой, служа ей навесом от солнца и дождя, располагалось собственно гнездо. Оно было сшито из таких же шкур и представляло собой замкнутое пространство из пола, стен и потолка. Прочное и долговечное, гнездо обычно шилось женщинами клана и могло иметь различные формы – от ровного прямоугольника до почти шара. В по-

следнее время Фраки шили в основном прямоугольные гнезда, поскольку для их растягивания требовалось меньшее количество завязок, чем для более сложных конструкций, а это в свою очередь означало быстроту сворачивания стойбища в случае внезапной опасности.

Гнездо Зорка шила ему его жена, мать Чима, синеглазая красавица Рагона, та, кого теперь ему больше всего не хватало в жизни. Рагона погибла, когда Зорк, получив донесение разведчиков о приближении *илюли*, во главе тогда еще многочисленного отряда отправился вперед, намереваясь застать врага врасплох. То ли он сам просчитался, то ли разведчики ошиблись в направлении, то ли *илюли*, заподозрив неладное, совершили хитрый маневр, однако когда Зорк, так никого и не повстречав, возвратился с отрядом к стойбищу, все уже было кончено. Самое страшное было то, что тело Рагоны найти не удалось. Чудом уцелевшие женщины впоследствии рассказывали, что видели, как она, стоя в гнезде, пыталась обрубить лестницу, по которой взбирались свирепые *илюли*, а Зорк обнаружил на шкуре – этой самой, на которой он сейчас лежал, вспоминая свой тогдашний ужас и не замечая слезы, катившейся из единственного глаза – целую лужу свежей крови. Крови было так много, что казалось, будто здесь готовили пир для всего клана. Кровавый пир, оставивший Зорка голодным на все последующие годы. Медведь мстил ему, а он мстил тем, кто подарил ему возможность не видеть Рагону мертвой…

– Почему ты не ешь, та? – послышался рядом долгожданный голос.

Зорк повернулся на бок и встретился лицом к лицу с насупленным сыном. Возвышаясь над шкурой по пояс, мальчишка покачивался на лестнице и старался избегать насмешливого взгляда отца. Судя по всему, он явился сюда не по велению сердца, а потому, что его послали старшие. Никто не хотел ссориться с вождем так, чтобы не иметь путей к отступлению.

– Забирайся, садись, – примирительно сказал Зорк. Взяв сына за тонкое запястье, он подумал, что дух воина и талант охотника соседствуют в Чиме с женственностью Рагоны.

Чим позволил втащить себя на шкуру и с неохотой улегся рядом с отцом.

– Что говорят старейшины?

– Зовут тебя к костру, та. Еда готова…

– Это я уже понял. Как и то, что ты почему-то решил дуться на меня пуще остальных.

Чим молча покосился на него и снова поднял глаза к небу, перечеркнутому паутиной веток.

– Обычно принято жалеть сыновей, у которых нет отца, – продолжал Зорк. – Мне же грустно, что тебя не видит сейчас твоя мать. Она бы тебе наверняка сказала, чтобы ты во всем доверял своему отцу, а не занимал противную сторону только потому, что не знаешь его планов. Я уже давно не требую от тебя, чтобы ты меня слушался, но я еще ни разу не давал

тебе повода не верить мне.

– Мне тоже грустно, что у меня нет матери, та. – В голосе Чима задрожали металлические нотки. – И что мой отец не дает мне за нее отомстить…

Так вот что его беспокоит…

– У тебя будет возможность, Чим. И гораздо раньше, чем ты думаешь. Просто я не хочу, чтобы ценой за нашу месть *илюли* стала наша смерть.

– Но другие-то кланы пошли!

– И где они теперь? – Зорк недобро усмехнулся. – Что об этом говорят старейшины? Или они так увлечены моим «предательством», что забыли о разуме? Наши братья совершили храбрый, но необдуманный поступок. И пусть мое поведение покажется кому-то трусливым, зато сейчас я могу позволить себе разговаривать со своим сыном, и мы оба живы и помним ту, кто… – Он не договорил. – Ладно, давай не об этом. Ответь мне, что бы ты предпочел: отомстить сейчас и погибнуть в бою с *илюли* как настоящий воин или подождать, пока я ни брошу клич, чтобы увидеть самому, как гибнут наши враги? Ну, отвечай.

По голосу отца Чим понял, что тот не шутит, и едва сдержал радостное восклицанье.

– Когда ты бросишь клич, та?

– Если ты поел, то ступай к Кепту. Скажи ему, что я послал тебя в помощь, и делай то, что он тебе скажет. Когда вы закончите, я поведу вас на *илюли*. Обещаю.

Чима как ветром сдуло. Славный малый, подумал Зорк. Надеюсь, я просто недооцениваю его.

Он спустился с дерева и снова подошел к костру. На сей раз не все соплеменники делали вид, будто не замечают его. Только самый дряхлый из старейшин, сухой и тощий, как жердь, Савдаким продолжал неподвижно сидеть боком к нему, не поворачивая головы с высоким лбом и резко очерченным орлиным носом. Даже если не знать предыстории, по его позе сразу можно было понять, кто здесь является зачинщиком недовольства.

Зорк обошел костер и сел напротив старика. Тонкий рот Савдакима превратился в узенькую щелку. Он смотрел, не моргая, поверх пламени, поверх головы вождя и всем своим видом давал понять, что занят важными размышлениями.

Зорк улыбнулся.

Чьи-то заботливые руки поставили перед ним металлическую миску с жирными кусками дымящегося мяса и вареными кореньями. Миска была древнее самого Савдакима. Она досталась Зорку от отца, тоже великого воина и вождя Фраки, а тот рассказывал, что получил ее в подарок от деда. Никто из обитателей Леса не умел обрабатывать металл. Зато это испокон веков умели делать *илюли*, и Фраки, в случае успешного нападения на их дома, всегда обогащались всевозможной утварью и столь необходимым оружием. Если бы он захотел, Зорк мог бы раздобыть миску и поновее, не та-

кую битую и мятую. Несколько раз он просил подавать себе еду в другой посуде, однако всякий раз замечал, что вкуснее и сытнее получается есть именно из отцовской.

– О чем думаешь, Савдаким?

Пережевывая мясо, он щурился одним глазом на старика и терпеливо ждал, что тот ответит. Не ответить Савдаким не мог: молчание в ответ на вопрос у Фраки считалось верхом неприличия.

– Я оплакиваю наших братьев, – через силу заговорил старик, медленно опуская веки, словно и в самом деле ожидал, что из-под них выкатится хотя бы одна слеза. – И наших сестер. Мне ведомо, что сегодня они все погибли, сражаясь.

Сидевшие здесь же старейшины утвердительно закивали, искоса поглядывая на Зорка, который как ни в чем не бывало продолжал запускать пальцы в миску и отправлять в рот кусок за куском. Вытерев кулаком подбородок, он облизал пальцы и откашлялся.

– Ты хочешь сказать, Савдаким, что не рад этой возможности? Может, ты хотел бы, чтобы оплакивать нас было вообще некому?

– Я только знаю, что оплакивать воинов – дело женщин и детей. А мы созданы для того, чтобы сражаться…

– … и погибать? – уточнил Зорк.

Старик поднял веки и впервые посмотрел прямо на собеседника.

– Да, если это необходимо…

– Необходимо? Кому? *Илюли*? Надеюсь, ты не заодно с ними? Пока вождь я, моей главной заботой будет оставаться жизнь, а не смерть всех Фраки.

– Не начинайте ваш вчерашний спор! – вмешался сидевший справа от Савдакима толстенький старичок. – По крайней мере до тех пор, пока не появится Кепт с братьями, чтобы вас разнять. Кстати, я что-то давно их не видел. Ты не знаешь, где они, Зорк?

– Готовят нашу победу, Крори, – ответил тот, довольный произведенным впечатлением, и повторил: – Готовят нашу победу.

Савдаким усмехнулся и снова закрыл глаза, давая понять, что дальше разговаривать бесполезно. Зорк представил себе это строгое, обтянутое сухой кожей лицо в тот момент, когда его план принесет свои плоды и Фраки воочию убедятся в том, чье решение было единственно правильным. А до тех пор он готов сносить недоверие и насмешки этих глупцов, кичащихся своей старостью.

Опустошив миску и запив ее содержимое травяной настойкой, Зорк окликнул двух стряпух и велел собрать еды на четверых и следовать за ним.

Кепт с братьями восприняли паузу в работе даже с некоторой неохотой. Пока они ели, Зорк наблюдал за сыном. Чим, ни на кого не обращая внимания, упоенно возился с доверенной ему ступкой. Между тем Зорк не мог не отметить, что спасительной жидкости в берестяной лохани значитель-

но прибавилось.

К вечеру лохань наполнилась целиком, и жидкость пришлось осторожно разливать по нескольким железным ведеркам и накрыть крышками, чтобы она не испарилась. Кепт, его братья и Чим валились с ног от усталости, однако отказывались расходиться. Они ждали, когда Зорк отдаст приказ выступать.

Однако он не спешил, снова передумав и изменив свой план буквально в последнее мгновение. Шестое чувства, не раз выручавшее его в самых трудных ситуациях, подсказывало, что нужно повременить. Ночью, в черноте леса любой огонек привлечет внимание бдительных стражей *илюли*. Лучше дождаться утра и нападать днем. А чтобы не тратить время зря можно заняться подготовкой стрел. Их понадобится никак не меньше *гиш-нош*. Дом *илюли* нужно запалить сразу с нескольких сторон, чтобы его защитники не успели загасить пламя.

Он отчетливо представлял себе, как засевшие в укрытии Леса воины поливают деревянные стены и постройки огненным дождем, а обезумевшие от ужаса и беспомощности *илюли* мечутся среди пожарища и падают замертво, сраженные меткими стрелками Фраки…

Что-то по-прежнему не сходилось…

Зорк почувствовал, как по спине, несмотря на вечернюю жару, бежит холодный пот. Конечно, он упустил главное: у него не хватит воинов, чтобы в одиночку перебить всех

илюли, пусть даже лишенных его хитрым планом укрытия. А уничтожить их надлежит во что бы то ни стало всех и сразу, поскольку в противном случае, придя в себя и изготовившись к отпору, они смогут не только уровнять силы, но и оказаться грозными противниками, которым, к тому же, нечего будет терять.

Злясь на себя, Зорк рубанул кулаком по дереву и не ощутил боли.

Что же делать? Он мог позволить себе промедлить еще одну ночь, но не более. Иначе даже братья Кепта решат, что им морочат головы, и обратят свой справедливый гнев против него. А тогда все его мечтания о главенстве в Лесу – да что там в Лесу, хотя бы над кланом – можно будет забыть, как укус комара. Воины ценят в вожде осмотрительность, но не прощают нерешительности.

Зорк выбрался из гнезда и тихо, чтобы никого не разбудить, спустился на землю. Костер был предусмотрительно прикрыт железной крышкой. Дозорных нигде не было видно, чего и следовало ожидать: они прятались где-то неподалеку от стойбища и сейчас наверняка наблюдали за ним.

Зорк послал в темноту Леса знак, что все в порядке, а сам отправился на поиски того дерева, в густую крону которого сам накануне отдал приказ спрятать клетки с *ичуйчу*. *Ичуйчу* назывались маленькие, ничем внешне не приметные птички, которые издавна использовались лесными кланами для передачи на большие расстояния важных посланий. Взращен-

ные тем или иным кланом и увезенные потом хоть за тридевять земель, они, будучи снова выпущенные на свободу, каким то замечательным образом умудрялись безошибочно находить своих бывших хозяев, куда бы те ни переместились и сколько бы времени ни прошло с момента расставания.

Найдя дерево и подобравшись к клеткам, в которых мирно спали *ичуйчу*, Зорк несколько мгновений рассматривал птиц. Метины на лапках, почти незаметные постороннему глазу, указывали на их принадлежность различным кланам. Вот две пичуги Фраки, что прилетели от Лопи и Олди с известием о готовящемся нападении на Дом *илюли* и призывом принять в нем участие. Зорк подумал, что они последние из живых, кто видел добром здравии простака Ноджа и красавицу Сану. А вот *ичуйчу* Олди, выпущенная этим утром старейшинами и еще до полудня успевшая вернуться ни с чем – верный знак того, что в живых из клана никого не осталось. Как странно… Олди больше нет. Отпущенная вместе с ней *ичуйчу* Лопи до сих пор не вернулась, но кто знает, что могло с ней приключиться по дороге или в пылу сраженья? Сумел же Чим подстрелить ворону на почти недосягаемой для стрел высоте.

Зорк отыскал клетку, в которой сидели две *ичуйчу* некогда далеких Тикали, которые не так давно переместились поближе к своим прямым родственникам – Фраки.

Зорк получил эту парочку из рук молодого Гела, нового вождя Тикали, возглавившего клан после гибели *Того, У Ко-*

го Нет Имени, брата Зорка по матери. *Тот, У Кого Нет Имени* был старшим братом и увел клан подальше от родных мест, когда Зорку было столько же зим, сколько сейчас Чиму. В то время *Того, У Кого Нет Имени* все звали Немирдом. Это имя он потерял за одну ночь, потерял из-за того, что убил мать и смертельно ранил отца. Тогда он еще принадлежал к клану Фраки, а Фраки не прощают смерти по вине родственников. Тем более что никто так и не узнал, почему Немирд взялся за топор. После его ухода в клане говорили всякое, но все это было домыслами и каждый верил в свою правду. Потеряв мать, Зорк возненавидел брата и, когда сам стал вождем, велел всем раз и навсегда забыть его настоящее имя. До Фраки доходили слухи о том, что Немирд несколько зим выживал в Лесу один, пока ни примкнул к известному своей независимостью и жестокостью клану Тикали. Никто не предполагал, что в конце концов Немирду удастся сделаться его вождем и пробыть в этом качестве долгих *гиш-нош* зим. Даже Зорк был вынужден сменить гнев на милость и признать, что брат – великий воин. А великому воину можно прощать многое. *Тот, У Кого Нет Имени* сокрушил не один Дом *илюли* и снискал в Лесу славу отважного и безжалостного вождя. Со временем Зорк стал невольно искать встречи с ним. Он не знал, что за этим последует – братание или поединок до смерти, – а когда пути двух их кланов в один прекрасный день пересеклись, оказалось, что место *Того, У Кого Нет Имени* достойно занимает юный Гел, сын

погибшего. Вожди обменялись птицами-вестниками и снова расстались, пообещав друг другу помощь в нужную минуту. Встреча их осталась в тайне от многих соплеменников, не говоря уж о вождях других кланов. Вот почему Гел до сих пор не догадывался о вчерашнем выступлении Олди и Лопи против *илюли*, если только ни оказался вблизи битвы по собственному почину. Теперь ему предстояло узнать, что от его решимости и храбрости зависит судьба этой бесконечной войны.

Зорк сунул руку под воротник кожаной рубахи и извлек кисет на длинной тесемке, перехватывавшей шею. Подобные кисеты имели только вожди кланов и некоторые из старейшин. Поскольку только они умели пользоваться их содержимым: тоненькими, короткими веревочками из длинной шерсти лесных барсуков. Язык веревочек и узелков хранили старейшины клана на тот случай, если вождь-отец не успеет передать всех его тайн сыну. Зорка в свое время научил премудростям сочинения из них осмысленных посланий толстяк Крори.

Отделив самую длинную нить, Зорк завязал на том ее конце, где был узелок, другую, бурую, с тремя желтыми полосками. По этой метке поймавший *ичуйчу* сразу поймет, что птица прилетела из стана Фраки.

Зорк задумался. Гел мог оказаться слишком молод, чтобы знать все правила чтения длинных посланий. В таком случае ему понадобится помощь кого-нибудь из старейших. Кото-

рому вовсе не стоит открывать всю правду. Правильнее будет ограничиться односложным предложением о скорейшей встрече.

Зорк выбрал красную веревочку с одним узелком посередине. Поскольку выпущенные на волю птицы сразу же отправлялись в путь и не останавливались до тех пор, пока не находили своих хозяев, то есть доставляли послание очень быстро, один узелок означал один день после его получения, а красный цвет – встречу.

Самым сложным было указать точное место, где она должна произойти. У всех жителей Леса были определенные ориентиры, часто невидимые для постороннего глаза. Их сочетание и указывало посвященному необходимую точку.

Зорк долго размышлял, прежде чем закончил завязывать последние узелки. Получилось нечто вроде виноградной грозди, с которой сорвали все ягоды. Послание сводилось к тому, что вождь клана Фраки приглашает вождя Тикали встретиться завтра с глазу на глаз у Холма, что под Дубом. При этом кланы должны быть достаточно близко, чтобы при согласии обеих сторон незамедлительно соединиться и выступить одним войском.

Зорк остался довольным сочиненным текстом. С одной стороны, коротко и ясно. С другой, никаких подробностей. Гел узнает его план только при личной встрече. Он аккуратно привязал главную веревочку к лапке разволновавшейся от предвкушения скорой свободы *ичуйчу* и вынул пичу-

гу из клетки. Стоило ему разжать руку, и маленькие крылья взметнули пернатого посланца ввысь, к залитому сиянием звезд черному небу.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – послышалось из темноты.

– Крори?!

Придерживая обеими руками брюшко, толстяк шагнул в полосу света. Вопреки обыкновению, он имел озабоченный вид и не скрывал этого. Седая бородка нервно подрагивала. Лысая голова блестела от пота, несмотря на ночную прохладу.

– Ты очень изменился с тех пор, как стал вождем нашего клана, Зорк. Иногда мне кажется, что я не узнаю тебя, не узнаю того любознательного юношу, который учился у меня разным лесным хитростям. Ты стал независим. Слишком независим. Почему ты не желаешь говорить с теми, кто старше тебя и многое понимают лучше, чем ты?

Зорк нахмурился.

– Изменился не я, Крори. И вся беда в том, что вы, старейшины, никак не хотите с этим согласиться. Изменился Лес. Изменились правила, по которым нам предстоит выживать. Если, конечно, ты не хочешь последовать за Ноджем и простаками вроде него. Савдаким тоже думает, будто знает, что делает. Ступай за ним. Только не толкай на гибель всех Фраки.

– Кому ты отправил послание? – Крори дергал себя левой

рукой за бородку, выдавая крайнее волнение. На собеседника он смотрел снизу вверх, насупившись и широко расставив ноги, будто готовясь к защите. В правой руке он сжимал сучковатую палку, мастером владения которой считался по праву. В детстве Зорк сам не раз испытывал на себе ее убеждающее воздействие. – Отвечай, или я тоже назову тебя предателем.

– Предателем ты меня не назовешь, – как можно тише и спокойнее ответил Зорк. – Завтра я назначил встречу вождю Тикали.

– Это хуже, чем предательство! – воскликнул толстяк, округляя глаза. – Немирд…

– Забудь о Немирде, – отрезал Зорк. – Он давно погиб, так что я сейчас говорю о его сыне. Нам понадобятся воины. Много воинов, Крори. И воины Тикали – лучшие из всех, кто может нам помочь. Ну что, теперь ты все знаешь? Ступай спать и не мешай мне.

– Хорошо, я уйду. Но только помяни мое слово, Зорк. Кто вступает в сговор с Тикали, тот гибнет от их бесшумных стрел.

– Мне нечего тебе возразить, Крори. Завтра же ты поймешь, что был неправ. И не рассказывай никому о том, что сейчас услышал. Ты ведь доверяешь мне, старик?

Толстяк грустно усмехнулся.

– Я доверяю только своим инстинктам. А они подсказывают мне, что у тебя дурная голова, Зорк. Ты храбр,

но глуп. Прошу тебя как старейшина, не предпринимай ничего, не спросив нашего совета. Чтобы потом не жалеть. Иначе ты погубишь Фраки.

– Если старейшины такие умные, Крори, пусть они расскажут мне, как сжечь Дом *илюли*.

Оставив озадаченного старика возле клеток, Зорк отправился проверять дозорных.

До утра ему не спалось. Ворочаясь на шкуре, он сквозь полудрему мучался видениями того, как весь его план оказывается придуманным вовсе не им, а Савдакимом, в результате чего Фраки попадает во вражескую западню, и *илюли* забирают раненых воинов в плен. В какой-то момент он понял, что это именно сон, поскольку на самом деле ему ни разу не приходилось слышать о том, чтобы *илюли* брали пленных. Однако он скоро позабыл о своей догадке, поскольку в плену его встретила прекрасная Сана. Девушка тоже была ранена, и этим объяснялось то, почему посланная в стан Лопи *ичуйчу* возвратилась обратно. Во сне Сана оказалась еще соблазнительнее, чем в жизни, и при том более сговорчивой и нежной. Зорк уже сжимал ее в объятьях, когда откуда ни возьмись появился Савдаким в сопровождении Крори, и толстяк со смехом заявил, что отныне их судьба зависит от Гела. Который был вовсе не Гелом, сыном *Того, У Кого Нет Имени*, а не менее жестоким предводителем *илюли*.

Проснувшись на рассвете, Зорк не сразу сообразил, где находится. Сон подействовал на него удручающе. Обитатели

Леса верили в то, что сны снисходят на них не просто так, а предвещают грядущее. Правда, вещих снов Зорк за собой до сих пор не замечал. Обычно он предчувствовал беду как воин, не во сне, но наяву. И умел противостоять ей.

Когда он спустился с дерева, первым, кто его приветствовал, был Кепт. Во взгляде своего верного помощника Зорк безошибочно угадал немой вопрос и решительно кивнул. Кепт едва сдержал радостную улыбку и побежал к остальным передать приказ вождя сниматься с места. Стойбище во мгновение ока ожило. Воспользовавшись суетой, Зорк украдкой лишний раз проведал клетки. Посланец до сих пор не вернулся. Значит, Гел получил его весточку и будет ждать в условленном месте. Путей к отступлению не осталось.

Передвижение клана по Лесу подчинялось правилам, установленным традицией. Сначала с места снимались лазутчики. Они налегке устремлялись вперед, проверяя, нет ли по пути следов врага. Один из них потом возвращался и становился проводником для женщин и детей, которых сопровождали наиболее сильные воины, несшие всю основную поклажу. За ними следовали старейшины, многие из которых, несмотря на преклонный возраст, при необходимости могли, как Крори, постоять за себя. Наконец, последними покидали стойбище остальные войны во главе с вождем. В их задачу входило следить за тем, чтобы враг не подобрался с тыла.

Сегодня Зорк поступил по-своему и возглавил отряд лазутчиков. Это было его право, и никто не стал ему перечить,

даже Савдаким, понимавший, что опасность похода, как всегда, сплачивает людей вокруг того, кто их ведет, каким бы неведомым ни было направление. А тем более когда они идут той самой тропой, которой должны были следовать накануне к месту встречи с Олди и Лопи.

Пробивавшиеся сквозь густую листву лучи солнца обещали горячий день. В тени Леса было пока что прохладно, однако после полудня кроны деревьев будут уже не столько прикрывать путников от солнца, сколько не пускать жаркий воздух, поднимающийся от земли.

Кепт держался все время поблизости от вождя, и у Зорка возникло ощущение, будто помощник не то опекает его, не то следит за ним. Собственно, отряд лазутчиков и состоял из четверых братьев. Все четверо – худые, жилистые, похожие друг на друга разве что длинными рыжими косами, хмурые и немногословные. Кепт был старшим. Остальные слушались его беспрекословно, хотя никто в клане не помнил, чтобы он когда-нибудь повышал на них голос или отчитывал за проступки. Правда, жить они предпочитали несколько особняком от остальных, так что едва ли кто знал наверняка, какие они заводят между собой разговоры, когда рядом нет посторонних. Вероятно, причиной подобной обособленности было то, что они не принадлежали собственно клану. Раньше, еще до начала изнурительных войн с *илюли*, в кланы могли входить только кровные родственники. Впоследствии, когда под градом вражеских стрел обитатели Леса стали гиб-

нуть целыми стойбищами, чтобы выжить, кланам пришлось объединяться. Клан, потерявший вождя, вынужден был принимать условия жизни новых «родственников». Таким образом, сегодня в клане могли собираться представители двух, трех, а то и более семей, и единственным определяющим символом оставался сам вождь и его род.

Размышляя на эту тему, Зорк подумал, не захочет ли Гел, чтобы Фраки примкнули к Тикали при условии полного объединения. Основания для этого у него есть: Тикали были одним из немногих кланов, численность которых в последнее время только росла за счет притока новых союзников. Тикали превосходили Фраки во много раз. Сила порождает силу: громя *илюли*, они без зазрения совести забирали оружие врага и постепенно превращались в могучую армию. Знакомство с Гелом и их предстоящая встреча должны были вселять в Зорка чувство гордости. Любой другой вождь счел бы за честь присоединиться к сильнейшему. Зорк думал об этой вынужденной мере с отвращением. Он готов был воспользоваться помощью Гела, если тот все же решит ее представить, но потом… Нет, у него на этот счет были свои планы. Мальчишка Гел их даже не поймет. Он всего лишь сын своего отца, получивший власть над кланом по праву наследия, а вовсе не по заслугам, потом и кровью. А то, что добыто без боя, труднее сохранить, чем потерять. Когда произойдет то, что задумал Зорк, все поймут, кто должен стоять во главе объединенных кланов.

– Впереди, – положил ему руку на плечо Кепт.

Разведчики застыли на месте, присев на корточки в вглядываясь вперед.

– Движение, – уточнил младший из братьев, хотя Зорк уже и сам заметил присутствие постороннего шагах в двадцати от себя, за густыми кустами орешника. – Я – назад. – И он, не дожидаясь одобрения Кепта, бесшумно лег в траву и пополз обратно: предупреждать остальных о возможной опасности.

Обмениваясь условными сигналами, оставшиеся лазутчики стали медленно растягиваться в линию. Зорк оказался с левого края. Поглядывая на братьев, он на какое-то мгновение выпустил из поля зрения кусты, а когда вновь поискал мелькнувшую за пышной зеленью тень, чуть не вскрикнул от изумления.

Нагло, не прячась, напротив, будто специально выставляя себя на показ и бравируя своей открытостью, из кустов прямо им навстречу выехал на гарцующем коне странного вида всадник.

Собранные в две косы длинные волосы стекали по плечам на широкую грудь черными змеями. Грудь же, кроме обычной для обитателей Леса меховой безрукавки, была прикрыта чешуйчатым панцирем, составленным из тонких металлических пластин, тоже выкрашенных в черный цвет. Мускулистые руки, свидетельствовавшие о недюжинной силе, пересекали черные линии боевой раскраски, которой больше

не пользовались в здешних местах и язык которой был позабыт еще предками Фраки. В правой руке всадник сжимал короткий топор, удобный как для ближнего боя в условиях Леса, так и для метания. Левую кисть сковывала причудливого вида металлическая рукавица, тоже черная, словно поглощающая чернотой солнечный свет. Загорелые ноги всадника оставались голыми, если не считать кожаных наколенников да туго перетянутых жилами коротких кожаных сапог, пятками которых он успокаивающе постукивал в крутые бока своего каурого жеребца. Из-за спины выглядывал необычным образом изогнутый лук со снятой как будто за ненадобностью тетивой и красные крылышки оперенья стрел. Голову незнакомца венчала совершенно неуместная широкополая соломенная шляпа, подвязанная под подбородком двумя – опять же черными – тесемками. Устремленный из-под нее на лазутчиков взгляд был спокоен и холоден, как если бы на их месте сейчас сидела семейка лесных кроликов, а не вооруженные до зубов воины с натянутыми наизготовку луками.

Не будь коня, делавшего его похожим на неприспособленных к лесной жизни *илюли*, и черных волос, по одежде и вооружению незнакомца можно было бы принять за представителя одного из дальних кланов обитателей Леса, о существовании которых Фраки знали только понаслышке. Но какой обитатель Леса окажется настолько глуп, чтобы в полном вооружении взбираться на лошадь да еще напяливать на го-

лову дурацкую соломенную шляпу? Ветки коварны, а между деревьями можно пробираться быстро только пешком, пригибаясь то и дело к земле и уж конечно не восседая в полный рост на спине неповоротливого животного.

Видя, что незнакомец не спешит нападать первым, Зорк окликнул его на *кен'шо* – языке, понятном в той или иной степени всем обитателям Леса, хотя и не используемом в повседневной жизни ни одним из кланов, предпочитавших говорить на его многочисленных диалектах, иногда совершенно не схожих друг с другом:

– *Черра са дан*?[7]

– *Дан имма чер*?[8] – не меняя вызывающей позы, ответил всадник хрипловатым, будто простуженным голосом и натянул поводья, заставив коня запрокинуть оскаленную морду.

Зорк невольно покосился на своих спутников. Все трое не ослабевали натяжения луков, готовые в любой момент отпустить тетиву. Незнакомец вел себя слишком нагло, чтобы это сошло ему с рук. Первым вопрос задали они, их было больше, и по правилам Лева ему надлежало ответить, прежде чем спрашивать самому. Поступать иначе считалось оскорб-

---

[7] Буквально означает «Кто ты?». При этом в вопросе подчеркивается не столько желание узнать имя или род деятельности собеседника, сколько его намерения: мирные или агрессивные. Кроме того, использованный порядок слов выражает предположение говорящего об отсутствии враждебности со стороны того, кому задается вопрос.

[8] «А вы кто?» – обращение к трем и более собеседникам, по сути, подчеркивающее безразличие спрашивающего. Нечто вроде «А вам-то чего надо?»

лением – поступком, за который следовало отвечать по всей строгости лесной жизни. Или, может быть, за его спиной в орешнике прячется невидимый отряд таких же как он сумасшедших всадников?

– *Анза ме ира гинч*![9] – громко, чтобы все слышали, приказал Зорк, следя за топором незнакомца. Ему совершенно не хотелось распрощаться с жизнью раньше, чем будут воплощены его дерзкие мечты.

– *Тра*[10], – качнулась соломенная шляпа, и всадник упредительно поднял руку в железной перчатке.

Зорку ничего не оставалось, как исполнить свою угрозу. В противном случае спутники имели полное право уличить его в трусости. Простой воин еще мог бы взять свои слова обратно, но вождь клана – никогда.

Зорка опередил Кепт. Тетива его могучего лука одиноко задрожала, послав стрелу точно в цель. С такого расстояния не промахнулся бы даже ребенок. Однако незнакомец лишь покачнулся в седле, которым служила ему потертая кожаная попона, и снова выпрямился. Ледяное выражение его глаз не изменилось, когда он вытянул вперед левую руку и показал опешившим воинам стрелу, зажатую в рукавице. В следующее мгновение он легко переломил ее пополам и брезгливо отшвырнул в сторону.

Но это было еще не все.

---

[9] «Отвечай или стреляю!»

[10] «Попробуй»

Рядом с Зорком послышался сдавленный хрип, и все увидели, что Кепт медленно заваливается на спину, силясь обеими руками вытащить из горла неизвестно как и когда пронзивший его кинжал с черной рукояткой.

Три стрелы одновременно спорхнули с луков и устремились в одну точку. Их встретила пустота. Всадник пропал. Словно растворился в сгущающемся влажном воздухе, и только топот удаляющихся копыт свидетельствовал о том, что это был не призрак.

– В погоню! – крикнул Зорк и крепко выругался, потому что оба брата, не слушая его, склонились над умирающим Кептом и пытались дрожащими пальцами извлечь смертоносный кинжал.

Махнув на них рукой, Зорк бросился следом за затихающим топотом. Не помня себя от ярости, он пробежал несколько сотен шагов, когда осознал, что в Лесу снова стоит тишина. Таинственный воин, покрывший его, вождя Фраки, несмываемым позором, улизнул от возмездия и теперь, вероятно, отсиживается где-нибудь в овраге или под прикрытием кустов и посмеивается, радуясь своему нечеловеческому проворству.

Обратно он брел понуро, зная, что предстоит нелицеприятный разговор с соплеменниками. Однако то, что он увидел, дойдя до места встречи с черным всадником, заставило его остолбенеть и потерять дар речи.

Незнакомец, тот же самый, в соломенной шляпе, только

уже без коня, стоял как ни в чем не бывало над поверженными телами Кепта и его братьев и вытирал о неподвижное плечо одного из них окровавленное лезвие топора. Появление Зорка он встретил ухмылкой, не предвещавшей ничего хорошего. Только сейчас Зорк заметил, что глаза у воина – две узкие щелки, хитрые и раскосые, каких ему не приходилось видеть ни у *илюли*, ни у обитателей Леса.

Он представил себе, как сейчас повернется и обратится в трусливое бегство. В незнакомце чувствовалась страшная сила и решимость, а то, что он сумел только что проделать с тремя лучшими воинами Фраки, доказывало его бесспорное превосходство над любым из них в отдельности. Зорк уже понял, что, как мальчишка, попался на простенькую уловку: соскочив с коня и позволив тому убегать сквозь чащу налегке, увлекая за собой незадачливого преследователя, незнакомец ловко расправился с потерявшими бдительность противниками и теперь был готов покончить с последним свидетелем своего жестокого мастерства.

Зорк чуть не упал на колени, готовый позорно молить о пощаде, но вовремя осознал, что любое унижение сейчас будет напрасно: настоящему воину легче взмахнуть лишний раз топором, чем утруждать себя праведным судом над безвольной жертвой.

– *Ком ви номана*?[11] – долетел до его слуха неожиданный вопрос, и Зорк заметил, что незнакомец поменял позу: те-

[11] «Как твое имя?»

перь топор чуть ли не миролюбиво лежал у него на плече, а рука в железной перчатке покоилась на поясе.

– Чим, – зачем-то смалодушничал Зорк.

– Передай вождю этого клана, Чим, – продолжал незнакомец на *кен'шо*, и в речи его теперь слышался явный акцент, не свойственный обитателям Леса, – что его люди погибли в схватке, как подобает всем тем, кто поднимет оружие на Токи Сину, прозванного в здешних землях *Незваным Гостем С Края Мира*. Я не питал и не питаю к ним никаких чувств и сожалею только о том, что вы позволяете вашему оружию говорить раньше вас. Надеюсь, когда наши пути пересекутся вновь, ты либо станешь умнее, чем они, либо вообще не увидишь меня, потому что потеряешь последний глаз. А теперь ступай прочь и даже не думай о том, чтобы призывать остальных пускаться по моему следу. Всякого, кто отважится на это, ждет мой топор. Иди!

Когда через некоторое время Зорк столкнулся с двигавшимся ему навстречу подкреплением, ведомым единственным уцелевшим из четверых братьев, его била совсем не наигранная дрожь, а ноги подкашивались от слабости. Ему не составило особого труда убедить своих соплеменников в истинности душераздирающей истории о том, как на них из укрытия напали подлые враги, вероятно, *илюли*, и как Кепт и остальные приняли героическую смерть под роем вражеских стрел, а самому ему удалось скрыться, чтобы предупредить остальных Фраки о необходимости затаиться

на время и изготовиться к обороне. Не мог же он позволить своим людям собственными глазами увидеть место воображаемой битвы и раны на трупах, нанесенные в рукопашном бою одним и тем же оружием, равно как и колчаны, по-прежнему полные неиспользованных стрел…

Смеркалось, когда Зорк, оставив весь клан на должном отдалении, поднялся на Холм и подошел к раскидистому Дубу.

Гел ждал его, сидя на земле и затачивая кривой кинжал. Зорку показалось, что он читает в устремленном на себя взгляде вождя Тикали затаенную усмешку, как будто тот уже знал о постигшем его позоре. Однако в голосе Гела, когда он встал и протянул Зорку руку ладонью вверх, не прозвучало ничего, кроме искреннего радушия:

– Надеюсь, вождь, я правильно истолковал твое послание, и мы здесь для того, чтобы объединиться против общего врага.

– Давно меня ждешь, вождь? – в тон ему ответил Зорк, вкладывая в его ладонь свою.

– С полудня. Но мой отец ждал этого всю жизнь.

Они обнялись, и Зорк, сдерживая слезы, почувствовал, как вместе с ними из глубин его естества с новой силой рвется наружу загнанная туда животным страхом ненависть. К оставленным у подножья Холма соплеменникам, посмевшим заподозрить его в предательстве, к путешествующему где-то по Лесу всаднику в соломенной шляпе, надругавшемуся над его честью воина и вождя, наконец, к Гелу, креп-

ко сжимавшему его в объятиях и наивно полагавшему, будто кровные узы сильнее жажды единоличной власти.

– Я тоже ждал этой встречи, – сказал он, отстраняясь и поспешно отворачиваясь в сторону заходящего солнца, чтобы собеседник не увидел его перекошенного лица с дергающейся верхней губой. – А теперь садись и выслушай мой план…

Когда он закончил говорить, наступила тишина, прерываемая разве что пением невидимых пичуг в кроне Дуба. Где-то внизу, под холмом оба клана терпеливо ждали их решения. Неотвратимо наступала ночь.

– Я согласен, – ответил, наконец, Гел, и у Зорка отлегло от сердца.

Он нисколько не сомневался в том, что его замысел произведет должное впечатление, а рассказ об изобретении способа изготовления огненных стрел повергнет неискушенного слушателя в трепет, однако все это было лишь прологом в главном для Зорка вопросе – кто будет руководить штурмом Дома *илюли*? И уж тем более – кто станет вождем объединенных кланов? Оставлять это решение до того момента, когда будет одержана победа, не имело смысла: Тикали во много крат превосходили численностью Фраки, и таким образом главенство само собой перешло бы к Гелу. Другое дело, когда решение остается не за кланом, а за вождем. Что и произошло благодаря удачно выбранному времени разговора и тону, которым Зорк «снизошел» до посвящения племянника в свои планы.

Они вместе спустились с Холма и разошлись по кланам, договорившись сразу же приступить к подготовке решительной атаки на *илюли*. Женщины, дети и старики должны были оставаться под прикрытием не более *нош*, то есть десятка воинов. Остальные немедленно отправлялись в путь, чтобы к полуночи добраться до стен Дома, где намедни сложили рыжие головы их товарищи. Только бы удалось под прикрытием ночи незаметно окружить всю постройку и до последнего момента прятать в ведрах горящие угли.

Относительно углей, масла и стрел и Зорк, и Гел условились хранить молчание. Зорк взял эту часть предприятия полностью на себя. Чим с радостью помогал отцу готовить для углей специальные ведра. Точнее, это были глиняные горшки с толстыми стенками, не пропускавшие ни света, ни тепла. Правда, стоило Чиму накрыть их плотными крышками, как угли в них погасли, и их пришлось высыпать обратно в костер. Наблюдавший за его неудачными попытками Крори поманил паренька к себе и что-то шепнул ему на ухо. Вернувшись к отцу, Чим сообщил, что, по мнению Крори, в крышках нужно сперва проделать дырки, чтобы угли могли «дышать». Зорк пренебрежительно фыркнул, однако внял совету и скоро смог убедиться в том, что старейшины тоже могут быть полезны: угольки мерцали сквозь дырки и не гасли.

Оставив сына дырявить остальные крышки, Зорк отправился проверять, каковы успехи у Малика, младшего, а те-

перь единственного, из братьев Кепта.

Малик сидел в одиночестве и остервенело скручивал из размоченных листьев *флакса* нечто похожее на веревки. Ему помогала Кора, его молоденькая жена, больше похожая на сестру или даже ребенка, чем на женщину, которой самой скоро предстояло рожать. Она брала конец получавшейся веревки и туго завязывала его в несколько оборотов вокруг наконечника стрелы. Сложность заключалась в том, чтобы в результате стрела не получалась чересчур тяжелой, а узлы не мешали правильности полета. На земле перед Корой уже лежало никак не меньше *эку-нош* стрел.

Зорк посидел у их костра, подбадривая и давая необходимые советы, и двинулся дальше.

Специальная группа из нескольких наиболее доверенных воинов сторожила ведра с маслом. Зорк собственноручно приподнял каждую крышку и убедился в том, что драгоценная жидкость не выдыхается и лишь немного густеет. Последнее было только на руку.

Гел ждал Зорка в своей палатке, сотканной из шкур и ставившейся прямо на земле (Тикали относились к тем немногим кланам обитателей Леса, которые не жаловали деревья и предпочитали ощущать под собой твердую почву).

– Твои люди готовы? – с порога поинтересовался Зорк, нагибаясь, чтобы не задеть низкий потолок, и подходя к горячим камням, разложенным вокруг бездымного костра.

– Мы готовы тогда же, когда и вы, – поднял на него уста-

лый взгляд Гел и потер руки. – Садись. Выпей с нами. – Он сделал знак одной из находившихся здесь же девушек, и та поспешно протянула гостю пахучую чашу. Зорк согласно кивнул и с охотой пригубил горячий напиток. Отвар из диких лесных трав прогонял сонливость и приятно пьянил.

– Давай еще раз договоримся, как мы будем действовать, Гел. Потом будет поздно. У меня гораздо меньше воинов, и каждый из них уже знает, что и когда ему делать. Ты говорил со своими?

Вместо ответа Гел издал негромкий условный свист, похожий на свист сойки. В палатку, согнувшись чуть ли не пополам, вошли четверо. Судя по сосредоточенным лицам, изувеченным шрамами, и тяжелому вооружению, это были военачальники. Гел велел им по очереди ответить на вопросы Зорка. Военачальники говорили коротко и ясно: незаметно подкрасться к стенам Дома *илюли* на полполета стрелы, вытянуться в цепь, постаравшись замкнуть ее в кольцо, занять наиболее выгодные положения на соседних деревьях и ждать сигнала. Сигналом будет «огонь», хотя никто из них точно не знал, что под этим подразумевается. По сигналу все открывали прицельную стрельбу по защитникам Дома. Стрельба велась до последней стрелы. После этого все брались за топоры, ножи и дубинки и бросались в рукопашную.

– Если к тому времени останется, с кем сражаться, – заметил один из военачальников и усмехнулся в бороду.

– Важно, чтобы было *кому* сражаться, – одобрительно кив-

нул Зорк, довольный всеобщей осведомленностью. – У тебя хорошие люди, Гел, – добавил он, когда воины покинули палатку. – Похоже, они знают свое дело и не подведут.

– Хотел бы я, чтобы и твои стрелки нас не подвели.

– За это можешь не беспокоиться. – Зорку стало даже обидно. – Их мало, но они помнят то время, когда их было гораздо больше, и знают, что послужило тому причиной. Если бы твои воины ненавидели *илюли* так, как ненавидят их Фраки, не думаю, что нам пришлось бы сегодня готовиться к штурму: твои лучники давно опустошили бы все их дома. Ну а пока я жду от тебя и твоих людей обещанному подчинению моих приказов.

– Я уже дал тебе свое слово. – Гел встал. – Выступаем?

– Да, пора. – Зорк пожал ему руку. – И да помогут нам души наших павших отцов и братьев!

Оба стойбища пришли в движение. Женщины с детьми сходились в центре воображаемого круга у подножья Холма, убеленные сединами старцы, сжимая тяжелые посохи, неспешно располагались вокруг них, и, наконец, молодые, полные сил воины рассредоточивались между ними, недоумевая, почему сегодня начальники оставили свой выбор не на них. Небольшая часть воинов поднялась на Холм, чтобы оттуда следить за успешностью предстоящего сражения. Расходившийся во все стороны Лес был тих и черен, однако противоречивые слухи о «неугасимом огне» давали оставшимся при стойбищах повод надеяться на то, что хотя бы

отсветы битвы их не минуют.

Между тем живая река молчаливых, хотя и ликующих в душе воинов, медленно потекла сквозь ночную чащу, прочь от Холма, в сторону безмятежно спящей заставы *илюли*. Зорк и Гел шли впереди, как подобало вождям не обремененного скарбом войска. Они тихо переговаривались, в последний раз согласуя свои дальнейшие действия. Оба надеялись на то, что недавний разгром сразу двух кланов притупит бдительность защитников Дома, и появление среди ночи нового противника застигнет их врасплох. Зорк про себя посмеивался, слушая рассуждения Гела о том, что, когда кончатся стрелы, его воины будут сражаться до последнего вздоха и не отступят, пока не перебьют всех *илюли* либо не погибнут сами, но только внутри вражеских стен. Подобные настроения были Зорку хорошо знакомы. Раз вступая в бой, обитатели Леса, как правило, считали ниже своего достоинства обращаться в бегство пусть даже перед лицом неотвратимого поражения. Слова Гела красноречиво свидетельствовали о том, что он до конца не верит в успех замысла Зорка. Интересно, что он запоет, когда увидит собственными глазами, как вражеские укрепления превращаются в пепел, а их некогда храбрые защитники в панике бегут навстречу верной гибели? Оценит ли он предложенную Зорком возможность уничтожать врага, самому оставаясь в безопасной недосягаемости?

– Только не забудь, Гел, что твои лучники не стреляют

до моего сигнала. Важно, чтобы пламя как следует занялось, а потом можно будет и позабавиться в свое удовольствие. Едва ли у *илюли* хватит воды, чтобы залить пожар. Для начала пусть убивают только тех, кто попытается сбить огонь.

– Соответствующие приказы уже отданы. Ты сам видел моих военачальников. Они никогда не говорят дважды. Все будет так, как мы решили, Зорк.

Уверенность обоих вождей поколебалась лишь тогда, когда Лес внезапно кончился, и они оказались стоящими на краю широкой просеки, отделявшей их от высоких стен долгожданного Дома. Стены, увешанные гирляндами фонарей, окружал глубокий ров. За стенами то тут, то там прохаживались тени часовых. Далекая деревянная башня, на бревнах которой плясали отсветы разведенных у ее подножья костров, казалась вообще недосягаемой.

Сглотнув предательский комок отчаяния, Зорк переглянулся с Гелом. Тот оставался внешне холодным и решительным. Весь в отца, подумал Зорк, отступая обратно в чащу и собирая вокруг себя своих людей. Чим слушал его так внимательно, будто слышал впервые.

– Разбивайтесь *эку-ка*, по трое. Один охраняет угли. Проверьте, у всех ли они по-прежнему горят. Так, хорошо. Второй отвечает за ведро. Если прольете хоть одну каплю впустую, ответите головой перед всем кланом, обещаю. Третий несет стрелы. Проверьте, чтобы пакля была прикручена туго и не отвязалась в полете. Сейчас, когда Тикали возьмут весь

Дом в кольцо, ваше дело разбиться на *герч*, пять, групп, и выбрать цели для первого выстрела. Три группы должны находиться в пределах полета стрелы вон до той башни, а оставшиеся две – вблизи вон тех главных ворот. Повторяю: заняв исходное положение, все трое достают луки, берут по стреле, макают наконечники сначала в ведра, потом поджигают паклю от углей и ждут моего сигнала. Первый выстрел все делают в стены. Если стены загорятся, считайте, что нам повезло. Второй выстрел поэтому – тоже в стены. До сих пор *илюли* не должны догадываться о том, что происходит. Когда они увидят огонь и поймут, что их атакуют, начинайте стрелять в башню. Те, кто будет ближе к воротам – в ворота. Говорите находящимся рядом с вами Тикали, чтобы ждали моего сигнала и зря не тратили стрелы. Пусть стреляют только в тех, кто появится на стенах с ведрами воды. И помните – сегодня победит не доблесть, а терпение и меткость. Как ваш вождь я хочу, чтобы вы все вернулись к своим очагам.

Воины ответили ему довольным гулом.

Чим остался с отцом. Он отвечал за стрелы. Зорк никому не доверял драгоценное ведро. Горшок с углями нес хранящий сосредоточенное молчание Малик. На всем пути своего следования вдоль опушки Леса, они видели спрятавшихся под прикрытием кустов лучников Тикали. Те по очереди оглядывались на них и провожали недоверчивыми взглядами. С Гелом, занявшим место прямо напротив ворот с негостеприимно поднятым мостом, Зорк обменялся быстрым ру-

копожатием. Он буквально ощущал, как напряжены нервы всех воинов. И переполнялся гордостью, сознавая свою ответственность за сегодняшнюю победу и испытывая радость от ее предвкушения. О противнике, скрытом за неприступными стенами он не думал. О нем достаточно будет вспомнить тогда, когда стены обратятся в никчемный прах. Скорее бы.

Наконец он дотянулся до плеча Чима, приказывая остановиться. Малик открыл крышку горшка и на всякий случай подул на угли. В темноте его лицо озарилось оранжевым жаром. Зорк поставил ведро рядом с горшком и выхватил из рук сына несколько стрел. Накануне он в тайне от всех испытал свое новое оружие и убедился в его действенности, однако сейчас ему не терпелось приступить к исполнению своего страшного замысла. Чим смотрел, как отец макает конец стрелы в ведро, поднимает, дает каплям упасть обратно, осторожно, чтобы не залить угли, опускает острие в горшок и вынимает обратно угрожающе потрескивающий факел. Спохватившись, он поспешил проделать то же самое и уступил место Малику. Все трое приложили огненные стрелы к тетивам и натянули луки.

Зорк с улыбкой набрал воздух в легкие и протяжно завыл. *Илюли* не могли не услышать этот вой, но, скорее всего, они поначалу примут его за волчий. Зато для Тикали, а тем более для Фраки он означал конец дороги войны и начало пляски смерти.

Со всех сторон просеки из-за деревьев один за другим стали вылетать огненные светлячки и с тихим стуком вонзаться в беззащитные бревна. За первым залпом последовал второй. Некоторые стрелы уже погасли. Зато другие разгорались, и пламя медленно, но верно переползало с них на толстые стены. Начинался пожар.

Стряхивая капли с третьей стрелы, Зорк поймал на себе восторженный взгляд сына.

– Теперь цельсяв башню, – нарочито спокойно сказал он, опуская наконечник в не на шутку разгоревшиеся угли. – Пусть этот погребальный костер запылает в честь наших погибших братьев.

Натягивая лук, Зорк подумал о Нодже и его дочери Сане. Они пали в бою, потому что всецело полагались на бесстрашие и красоту. Они были по-своему правы. Но где они теперь? Хитрость и ненависть – вот что будет отныне определять судьбу обитателей Леса. Его Леса.

Стрела взмыла сквозь ветви застывших в ужасе деревьев и понеслась в шлейфе огня навстречу деревянному боку башни.

Сколько впоследствии Хейзит ни вспоминал ту страшную ночь, он не мог припомнить, что именно заставило его нагнуться.

Скорее всего, очередная шутка стражника, имени которого он так и не узнал. Все стражники праздновали победу, были в хорошем расположении духа и сыпали всякими сально-

стями напропалую, вовсе не собираясь укладываться спать. Хейзит тоже не спешил желать им счастливых сновидений, поскольку впервые почувствовал себя принятым в компанию этих отчаянных молодцов, которые до сих пор видели в нем лишь мальчишку-подмастерья, неизвестно когда и кем удостоенного направления к ним на заставу. То, что он сносно знал строительное дело и уже успел кое-где внести необходимые улучшения в оборонительные редуты, мало о чем им говорило. Они верили разве что в силу своих клинков да меткость стрел, а улучшать стены и башни, полагали они, можно до бесконечности. Вот если бы он добился того, чтобы их деревянные укрепления заменили на каменные! Тогда бы ему цены не было. Но разве Ракли пойдет на то, чтобы где-то в лесу стояло подобие его родового замка? Да ни за что на свете! Однако сегодня, как и вчера, всех обитателей этой уединенной заставы переполняло необъяснимое благодушие, и Хейзиту по случаю всеобщего веселья даже налили крепкой горчичной настойки, от которой горело горло и приятно кружилась голова.

Итак, в очередной раз Хейзит схватился за живот и согнулся от хохота, а когда выпрямился, то чуть не спалил волосы на голове: в стене торчала невесть откуда залетевшая стрела. И эта стрела горела.

Решив, что это продолжение шутки, Хейзит оторопело покосился на собеседников, но те уже даже не улыбались. А тем временем в окна их комнаты под самой крышей баш-

ни со свистом и завыванием влетали новые стрелы – и горящие, от которых во мгновение ока вспыхивали сухие шкуры, обтягивавшие стены, и обычные, безразличные ко всему, во что впивались, наконечниками, не только железными, но и примитивными, каменными.

– *Шеважа*! – донесся откуда-то снизу душераздирающий крик, и в комнате все полетело вверх тормашками.

Стражники вскочили в поисках разбросанного в беспорядке оружия. Двое сразу же рухнули на пол, прошитые стрелами. Еще одному огненная стрела угодила точно в глаз, и он катался по полу, обжигая руки и пытаясь ее вырвать.

Хейзит ошалело посмотрел на стену над головой. Стена занималась пламенем. Сгоревшие шкуры падали на него из-под потолка и рассыпались в пепел.

Не вставая с четверенек, Хейзит бросился к лестнице. Кто-то толкал его сзади, норовя обогнать, кто-то выскакивал на улицу и пытался отстреливаться, кого-то разобрал сумасшедший хохот, и он катался в углу пытающей комнаты, не то смеясь, не то рыдая. И никто, ни один из воинов не боролся с огнем. Башня была обречена.

Подтверждение своему страшному подозрению Хейзит получил на следующем этаже, куда скатился по лестнице кубарем, так как сходу обжег руку о горящие перила. Здесь тоже хозяйничал огонь.

Хейзит устремился по ступеням вниз и услышал, как лестница за его спиной громко треснула. Его обдало облаком го-

рящих щепок. Оставшиеся наверху оказались отрезанными и были обречены, как и сам донжон.

На нижних уровнях огня не было, если не считать падающих сверху головешек, но зато здесь царило не менее пугающее запустенье: весь гарнизон донжона, едва услышав предупредительные крики со стен и осознав, что происходит, высыпал на улицу. Почувствовав наконец под ногами твердую землю, усыпанную уже тлеющими кое-где опилками, Хейзит, не задумываясь, последовал всеобщему примеру и выскочил наружу.

Справа и слева, спереди и сзади – повсюду летали смертоносные стрелы. Казалось, ни им, ни посылавшему их противнику нет числа. Хейзит в нерешительности попятился было обратно, в укрытие донжона, но за спиной его уже падали не отдельные головешки, а целые пылающие балки. Башня грозила вот-вот рухнуть.

Заставив себя снова выйти на открытое пространство и прикрываясь двумя подобранными тут же, при входе, длинными щитами арбалетчиков, Хейзит устремился вниз по помосту к внутренним воротам.

Краем глаза он с отчаянием замечал, что стены во многих местах тоже объяты пламенем. Самое страшное, о чем только в ночном кошмаре могли подумать защитники лесных застав, свершилось: *шеважа* научились управлять огнем. Отныне их нельзя будет остановить ни высоким частоколом, ни глубокими рвами, ни вырубкой просек. Сквозь охватившую

его панику Хейзит понимал главное – он стал свидетелем начала конца.

Наиболее храбрые из *эльгяр* пытались отстреливаться, прячась на *рантах*, однако в воцарившемся хаосе они едва ли метили наверняка. Град летящих во все стороны стрел, и обычных, и огненных, не иссякал. Стрелы сеяли смерть среди *вабонов*, не имеющих даже возможности защититься, кроме как внутри ставших совершенно никчемными домов и хозяйственных построек, которые с удивительной легкостью вспыхивали и выгоняли своих недавних хозяев обратно, навстречу верной гибели.

Нигде не находя ни спасения, ни врага, воины свирепели от бессильного бешенства.

Хейзит увидел впереди себя фигуру воина, в котором по зеленой повязке на окровавленной голове узнал Граки, предводителя заставы. После недавнего нападения *шеважа* многие думали, что Граки погиб и уже строили планы относительно нового распределения власти, проча на его место кто сына Ракли – Локлана, кто – хитрого командира лазутчиков Гейвена, кто – могучего Фокдана, однако в последний момент Граки объявился жив и здоров и снова взял бразды правления на заставе в свои железные руки. Первым делом он отослал юного Локлана восвояси, к отцу, под предлогом того, чтобы в целости-сохранности доставить в замок чудом найденные в Пограничье доспехи легендарного Дули. Вместе с Локланом ушел и странный человек по имени Вил,

эти доспехи нашедший. Хейзит с интересом присутствовал на допросах этого чужеземца, говорившего на языке *вабонов* так, что его с трудом можно было понять. Граки удивил всех еще и тем, что отпустил вместе с ними единственную уцелевшую после штурма пленницу – рыжеволосую девицу с простреленной ногой. Хейзит готов был признать, что в душе вовсе не желал ей смерти от руки палача, однако злые языки утверждали, что подобное происходит с Граки впервые. Сам Хейзит считал глупым убивать пленников только потому, что они враги. Привыкший больше думать, чем говорить, и оттого производивший впечатление тихони-школяра, Хейзит, если бы мог, оставлял бы в живых всех пленных *шеважа*, но поступал бы с ними по-своему: сперва как следует изучил бы их смешной язык, порасспросил о жизни в лесу, а потом часть, наверное, и вовсе отпустил бы на свободу, чтобы бывшие пленники разнесли по Пограничью молву о великодушии *вабонов*. Быть может, тогда схватки с *шеважа* стали бы не таким частым явлением, как рассказывали бывалые воины.

Словно почувствовав на себе взгляд, Граки резко оглянулся. Увидев Хейзита, он скривил губы в дикой усмешке и, разведя руками в стороны, крикнул:

– Вот, смотри, как убивают верных защитников Торлона! Где же твои камни, парень? – с горечью добавил он и уронил руки.

Хейзит вспомнил, что с самого первого дня своего прибы-

тия сюда убеждал новых товарищей в том, что мудрый Ракли внемлет его просьбам и разрешит начать строительство каменных укреплений. И вот чем обернулись промедленье и нерешительность.

– Я хотел…

Он не договорил, потому что в левый щит со стуком впились сразу две стрелы.

– Здесь вас убьют! – воскликнул Хейзит, машинально пригибаясь и прячась между щитами. – Бегите за мной! Я знаю, как можно спастись. Мы еще можем успеть!

Граки хотел было что-то ему ответить, скорее всего, что-то грубое и нелицеприятное, судя по насмешливому выражению испачканного кровью и грязью лица, но третья стрела засела у него в ухе, и все было кончено раньше, чем окаменевшее тело упало навзничь в пустоту с деревянного помоста.

Хейзит наивно полагал, что привык к виду трупов. Недавний удачно отбитый штурм закончился для него собиранием по всей территории заставы останков *вабонов* и *шеважа*, и он насмотрелся, казалось, самых невообразимых ликов смерти: расколотые пополам черепа, перерубленные шеи, вспоротые животы, люди, как ежи, ощетинившиеся десятками пронзивших их стрел, и кровь, лужи крови. И все-таки то, что происходило на его глазах сейчас, это побоище, в котором не было противников, а были только беспомощные жертвы, тщетно пытавшиеся отыскать хоть какое-нибудь укрытие, заста-

вило его содрогнуться от страха перед собственным бессилием и неизбежностью гибели.

Стараясь не обращать внимания на тяжелеющие под весом вонзаемых стрел щиты, Хейзит из последних сил бросился через внутренние ворота туда, где, как он рассчитывал, оставался единственный путь к спасению. При этом он чувствовал себя последним предателем. Далеко не все *эльгяр* знали о существовании подземного хода, который начинался в одном из амбаров, а заканчивался далеко за пределами заставы. Но Хейзит в свои двадцать зим стал подмастерьем строителя и был знаком со многими хитростями возведения укреплений. Да, предводители на заставах не обязаны были рассказывать своим подчиненным о возможности спастись бегством, в их задачи входило поддержание боевого духа воинов, однако в случаях крайней необходимости им разрешалось воспользоваться подземным ходом и увести с собой остатки гибнущего гарнизона. Разумеется, если на то было время. Сам Хейзит не слышал ни об одном подобном случае. *Вабоны* сражались до конца и почти всегда одерживали победы. Но до сих пор *шеважа* если и побеждали, то числом, а не хитростью, против которой у растерянных защитников, как выяснилось, не было иных средств, кроме храбрости и отчаяния.

Хейзит провел на заставе недостаточно много времени, чтобы знать по именам всех ее защитников. Тех троих, что увязались за ним сейчас, он видел несколько раз среди ар-

балетчиков донжона. Вероятно, они каким-то образом услышали их разговор с Граки, потому что один все не унимался:

– Куда, куда ты идешь? Где мы можем спастись? Ты уверен? Нас наверняка убьют! Скажи, куда мы идем!

Остальные двое молча бежали следом, прикрываясь, как и Хейзит, щитами с обеих сторон. Одному из них стрела угодила в ногу, но он будто не чувствовал боли, твердо решив выжить любой ценой. Третий был слишком толст и высок, чтобы рассчитывать на защиту за круглыми щитами, больше смахивавшими в его случае на налокотники. Его безмерный живот колыхался под короткой кольчугой, щеки и шея лоснились от пота, но он только морщился, слыша шорох пролетающих мимо стрел, и даже не пригибался, словно осознавая всю тщетность любых попыток от них увернуться.

Путь от ворот до заветного амбара показался Хейзиту бесконечным. Амбар был на месте, однако крыша его в двух местах уже занялась и грозила в скором времени рухнуть на голову любого, кто осмелится войти внутрь.

– Нет, я не пойду туда! – взревел паникер. – Уж лучше пусть меня убьют здесь, чем я сгорю заживо.

Тем не менее, он был первым, кто юркнул следом за Хейзитом в задымленное помещение амбара, и даже догадался упасть на четвереньки, чтобы дым не так сильно ел глаза.

Хейзит не сразу нашел то, что искал. По всей видимости, до них здесь уже побывал кто-то из *эльгяр*. Амбары нередко использовались в качестве хранилищ оружия. Ящи-

ки с провиантом были перевернуты, мешки с зерном вспороты, из опрокинутой бочки, как кровь, хлестало вино.

– Ищите подпол! – крикнул Хейзит, а сам бросился сдирать со стены потушенный факел.

Как странно, думал он, тыча факелом в дымящиеся балки крыши, горит все, кроме того, что должно гореть.

– Кажется, здесь, – закашлялся дымом раненный в ногу. Он лежал на полу и пытался просунуть руку под доски, придавленные пузатым бочонком. – Под ними пустота. Помогите же мне, тугодумы!

Паникер и толстяк дружно навалились на бочонок и откатили его в сторону. Под слоем соломы оказались не просто доски, а деревянная крышка люка. К счастью, никто не удосужился запереть ее на замок, и теперь беглецам не составило большого труда ее поднять.

На глазах потрясенного Хейзита крыша стала проседать. Столб огня, обернувшийся бревном, саданул толстяка по затылку. Тот только крякнул и потер пятерней опаленные волосы.

– Сюда, быстрее! – донеслось уже из-под земли. – Я ничего не вижу! Я не ослеп? Огня, дайте огня!

– *Тэвил*! – выругался раненый. – Нужен огонь – лезь обратно! Откуда только такие болваны берутся…

Ему никто не ответил. Хейзит с горящим факелом в руке соскочил в приятную прохладу подпола и уперся в спину неизвестно как обогнавшего его толстяка. Тот, раскинув

руки, ощупывал стены, словно до сих пор сомневался в возможности двигаться между ними и не застревать. Позади застонал приземлившийся на больную ногу раненый:

– Эй, впереди, пошевеливайтесь, а то у меня тут уже темечко дымится! – И добавил с невеселым смешком: – Надеюсь, закрывать за собой дверь мы не будем? В такой костер ни один *шеважа* не сунется.

Все четверо тронулись вперед по широкому, но низкому проходу, выкопанному первыми строителями заставы прямо в земле. Путь шел под наклон, и Хейзит сообразил, что таким образом они в какой-то момент должны будут оказаться ниже рва. А это значит, что на самом деле ход прорыли относительно недавно, поскольку сначала на этом месте возводились постройки и оборонительная стена, а уж ров появился примерно тогда же, когда и просека, отделявшая стены от леса. Хейзит размышлял об этом непроизвольно, как будущий строитель, хотя, наверное, в действительности он просто избегал мучительных мыслей о творившейся вокруг катастрофе. Катастрофе всего того, во что он верил, что и ему, и его спутникам еще вчера представлялось незыблемым.

Движение сзади замерло. Хейзит поднял чадящий факел над головой и оглянулся. Раненый сидел, ссутулившись, у стены и сосредоточенно пытался вытащить из ноги стрелу.

– Эй, не останавливайтесь! – донеслось из темноты впереди. – Дайте света!

Оказывается, толстяк тоже остановился и насуплено на-

блюдал за происходящим.

– Да погоди ты, Мадлох! – буркнул он, по-прежнему упираясь в противоположные стены руками. – Негоже человека вот так бросать.

– Идите, с сам справлюсь, – чуть не со злостью прервал его раненый. – Стрелу подцепить угораздило, мне и выкручиваться. Ступайте, не ждите.

Не обращая ни на кого внимания, Хейзит присел возле него на корточки и внимательно осмотрел стрелу, вызывающе торчащую прямо из ноги. Она вошла в плоть немного выше щиколотки, вошла настолько глубоко, что наконечника не было даже видно. Обыкновенная деревянная стрела с продольными красными полосками, какие за непонятной надобностью любят делать *шеважа*.

– Как тебя зовут? – спросил он раненого.

– Фейли. – Тот морщился, упорно дергая обеими руками за древко и причиняя себе лишнюю боль. – Я вас догоню.

– Так ты ее не вынешь, Фейли.

– Выну.

– Нет. Ее нужно не вынимать, а вырезать. И радоваться, если стрела окажется не отравленной.

– Что ты в этом смыслишь?

– Думаешь, раз ты умеешь с арбалетом обращаться, а я – подмастерье, то ты про стрелы больше моего знаешь? У меня мать еще не такие раны умеет выхаживать. Я видел, как она это делает. Нужно вырезать.

– Ножик дать? – поинтересовался толстяк.

– Нет, здесь мы только хуже можем сделать, – отмахнулся Хейзит. – Если грязь занесешь, потом всю ногу отрезать придется. Уж лучше потерпеть до замка.

– До замка я концы отдам, – закатил глаза Фейли. – Нет, идите, я ее когда-нибудь все-таки выдерну.

– Не трогай! – повысил на него голос Хейзит, удивляясь собственной решимости помочь этому совершенно чужому человеку. – Хуже будет. Идти можешь?

– Да не знаю я! По земле вроде бы ничего шел, а тут эта гадина за стену цепляется, шагнуть не дает.

– Все понятно. – Хейзит с силой отвел дрожащую руку Фейли от стрелы. – Есть веревка или на худой конец тряпка подлиннее?

Тот отрицательно мотнул головой.

– Вот держи, – снова вмешался толстяк и протянул кожаный ремешок. Обрадовавшись такому подспорью, Хейзит не сразу сообразил, что это перемычка одного из щитов: силач просто взял и оторвал ее, как будто то была не кожа, а тонкая марля. – Еще дать?

– Должно хватить.

– Что вы тут затеяли, Исли? – В отсветах факела появилась недовольная физиономия.

– Да вот, стрелы вынимаем. Ты бы, Мадлох, пока суд да дело сходил, проверил, все ли впереди чисто.

– Вот еще, буду я по подземельям один шататься! Без све-

та никуда не пойду.

– Чем болтать языками, лучше нож дайте, – прервал приятелей Хейзит.

– Все-таки будешь резать? – обреченно вздохнул раненый.

– Нет. – Хейзит оценивающе взглянул на факел. – Вообще-то мог бы, но ты потом совсем идти не сможешь. Так что поступим проще. – Он крест-накрест туго перетянул кожаным ремнем щиколотку, осторожно подрезал древко и одним резким движением переломил стрелу. – Ну вот, теперь хотя бы о стены цепляться не будешь. Встать можешь?

Фейли попробовал. Бледное лицо его озарило подобие улыбки.

– Постараюсь до замка дотянуть. Видно, мать тебя и точно кое-чему научила. Ладно, пошли, чего уставились?

Исли посторонился, пропуская обоих вперед. Хейзит предложил Фейли плечо. Предложение было нехотя принято.

Мадлох не без удовольствия завладел факелом и теперь шел во главе маленького отряда, то и дело останавливаясь и недоверчиво оглядываясь. У Хейзита возникло подозрение, что они все трое, хотя и каждый по-своему, с такой неожиданной для себя готовностью взялись выручать нового товарища лишь затем, чтобы отвлечься от происходящем наверху. Это еще счастье, подумал он, что воины отправляются служить на заставы без семей. Если бы он не знал, что сейчас его мать и сестра находятся под надежной защитой

замка доблестного военачальника Ракли, он бы вел и чувствовал себя совершенно по-иному. То, что где-то там, над головой, идет бой, вернее, побоище, кто-то с криком отчаяния гибнет под градом стрел, кто-то не менее громко радуется точному выстрелу – чудовищно и ужасно, однако *эльгяр* знали об опасности, на которую шли, когда давали присягу и отправлялись служить на лесную заставу вдали от дома и домочадцев…

Хейзит утешал себя. Он уговаривал свою запятнанную совесть не принимать происходящее близко к сердцу, не воспринимать побег как предательство – да, он спасает свою жизнь, но ведь он бежит не один, а кроме того, кто мешал и другим *вабонам* последовать за ним в горящий амбар. И Граки наверняка последовал бы, если бы не шальная стрела…

– Постойте, – громким шепотом сказал Исли. – Кажется, я слышу погоню. За нами кто-то идет.

Они замерли, прислушиваясь. Мадлох машинально попытался спрятать факел, однако скоро понял, что избавиться от него можно, только потушив огонь ударом о стену, но на это безрассудство он не готов был пойти даже перед лицом вернейшей опасности, хотя Хейзит вероятно так бы и поступил, если бы не был занят раненым: он знал, что подземелье представляет собой один-единственный коридор, в котором при самом большом желании просто невозможно заблудиться.

Теперь все четверо отчетливо услышали шаги. Шаги быстро приближались. На всякий случай беглецы вооружились, кто чем мог. В руках у Хейзита был только нож, которым он недавно перепиливал стрелу. Исли снял с пояса увесистую дубинку. Мадлох сжимал в руках факел, намереваясь при необходимости пустить его в ход. Оружия не оказалось лишь у Фейли, но и тот, судя по выражению лица, готовился дорого продать свою жизнь.

В проходе обрисовалась высокая фигура. Фигура не бежала, а торопливо шла прямо навстречу затаившейся четверке. Незнакомец не мог не видеть их с такого расстояния, которое с каждым мгновением сокращалось, и тем не менее не думал замедлять шаг.

– Эй, назови себя! – предупредительно крикнул Исли.

Ответа не последовало. Остановился незнакомец, только поравнявшись с угрожающе поднятой дубинкой, да и то явно не от страха, а потому что должен был перевести дух. Бритая голова великана – а он оказался одного роста с Исли, если не выше – была вымазана сажей, длинная борода спуталась и местами заметно обгорела, на прикрывавших широкую грудь доспехах виднелись свежие вмятины и глубокие царапины.

Теперь даже Хейзит, хоть и с трудом, узнал этого человека, неустрашимого Фокдана, сына проповедника Шигана. Фокдан не имел громких званий, но на заставе его знали все, знали как храброго и искусного бойца, быть может, несколь-

ко медлительного в мирной жизни, зато неудержимого в битве.

Исли опустил дубинку и уважительно попятился, не решаясь больше приставать к новому попутчику с вопросами.

Фокдан вытер кулаком рот, еще больше размазав грязь, выругался и спросил, куда это они собрались. Надо ли говорить, что беглецы не сразу решились ему ответить. В руке Фокдан все еще сжимал рукоятку широкого меча, похоже, так до сих пор и не обагренного вражеской кровью, и кто знает, как бы он отреагировал, услышав правду.

– Этот подземный ход выводит в лес, – осторожно начал Хейзит, надеясь, что Фокдан заметит присутствие среди них раненого. – А вы разве здесь не затем же?

Фокдан ошпарил его гневным взглядом.

– Тэвил! Я здесь потому, что сдуру угодил в яму, а выбраться обратно мне помешал пожар. Нам нужно срочно возвращаться и показать этим *шеважа*, кто здесь хозяин. Где ваше оружие?

– Нам не возвращаться нужно, а ноги отсюда делать, – подал голос Мадлох.

Хейзит почувствовал, что сейчас кому-то несдобровать. Меч в руке Фокдана предостерегающе задрожал. Но тут вмешался Фейли.

– При всем моем к тебе уважении, Фокдан, – тихо и как будто устало сказал он, – ты сейчас рассуждаешь, как мальчишка. Мы уже проиграли бой. После драки кулаками не ма-

шут. Раз уж ты тоже здесь, присоединяйся к нам, и постараемся добраться до замка, чтобы предупредить Ракли о надвигающейся опасности.

– Заставу мы все равно потеряли, – добавил Исли, опасливо косясь на меч.

Ко всеобщему удивлению, Фокдан в ответ встретился с каждым из говоривших взглядом и молча потупился в пол. Хейзит попытался, но так и не смог представить себе, что творится сейчас в душе этого бесстрашного воина. Пауза затягивалась.

– Хорошо. Сначала мы должны выбраться отсюда, а там посмотрим.

Беглецы украдкой переглянулись. Они молча двинулись по коридору дальше, только теперь группу замыкал Фокдан. Исли заметно подтянулся и нес дубинку на плече. Хейзит поймал себя на мысли о том, что внезапная сговорчивость Фокдана кажется ему подозрительной. С какой стати человек лезет в горящий амбар, чтобы там *случайно* провалиться в подпол? Почему он не старается выбраться обратно, а устремляется прочь, следом за ними? Уж ни слукавил ли великий воин, осознавший там, наверху, зажатый между пожаром и смертью, что от его отваги мало проку? Отчего храбрые люди стесняются здравого смысла и проявлений инстинкта самосохранения? Неужели они думают, будто остальные смертные их не поймут?

Коридор заканчивался крутым подъемом. Ожидавшихся

веревок или лестницы здесь не было, однако при свете факела в земле проступили уходящие вверх глубокие ямки.

Мадлох оставил факел Хейзиту и первым полез вверх.

– Тут опять деревянный люк, – крикнул он через некоторое время. – Только он чем-то завален. Я не могу его поднять.

– Придется попробовать мне, – вздохнул Исли, засовывая дубинку за пояс и плюя на ладони. – Эй, спускайся!

– Поищи там замок, – вспомнил Хейзит основной принцип устройства подземных ходов: защитники укреплений должны иметь возможность воспользоваться ими всегда, тогда как проникнуть снаружи внутрь можно только с их ведома.

– Погодите-ка, – снова донеслось сверху. – Тут, кажется, есть засов. Да, все в порядке! Он открывается.

Потянуло свежим лесным воздухом. При этом светлее в подземелье не стало: на улице стояла непроглядная ночь.

– Сможешь взобраться сам? – поинтересовался Хейзит у Фейли.

– Руки меня пока слушаются. Спасибо. На всякий случай отойдите в сторону, если мне придется падать.

Исли хмыкнул, оценив неуместный юмор.

Беглецы по очереди воспользовались ямками в склоне и благополучно выбрались наружу. Последним был Фокдан. Проследив, куда смотрят его товарищи по несчастью, он увидел высокое зарево пожара. В ночи стоял только треск горя-

щего дерева, да завывало предоставленное самому себе пламя. Ни лязга металла о металл, ни воплей сражающихся, ни стонов раненых. На заставе все было кончено.

Не сговариваясь, все пятеро побрели прочь, сначала медленно, будто неохотно, но постепенно ускоряя шаг. Никто не оглядывался. В этом не было смысла: как только зарево осталось позади, путников обступил кромешный мрак. Факел же пришлось бросить догорать в подземелье. Сейчас он мог разве что навредить.

– Я не понимаю, почему так темно, – ни к кому не обращаясь, шепнул Исли.

– Дым от пожара, – предположил Хейзит. – Он стелется по небу и закрывает звезды.

Через некоторое время их глаза все-таки постепенно привыкли к мраку, и вокруг стали проступать кое-какие очертания.

– Вы уверены, что мы правильно идем? – поинтересовался Мадлох.

– А кто нас ведет? – спохватился Хейзит.

– Разве не ты?

– Скажите спасибо, что я вывел вас из подземелья. Здесь я ничего не знаю.

– Замечательно! – чуть не взвизгнул Мадлох. – Избежать одной верной смерти, чтобы встретиться с ее подружкой! Тэвил! Кто-нибудь видит, куда нам идти?

– Да прекрати ты причитать, храбрец! – снова зашептал

Исли. – Во всяком случае не так громко. Кстати, какие будут соображения?

Они остановились и стали тщетно озираться по сторонам.

– Если появятся звезды, я всех выведу, куда надо, – сказал Фокдан.

– А если нет? – Мадлох все же перешел на шепот.

– Тогда мы останемся здесь и будем ждать утра.

– Чтобы нас сцапали *шеважа*?

– Едва ли они догадаются, что кому-то удалось сбежать. – Последнее слово далось Фокдану не без труда.

– Может, нам стоит разделиться? – предположил Исли.

Красноречивое молчание было ему ответом.

– Одно мы знаем наверняка – застава находится вон там, позади нас, – сказал Хейзит. – Если мы будем продолжать идти прямо, то уйдем от *шеважа* на безопасное расстояние. А на рассвете решим, что нам делать.

За неимением лучшего, предложение было принято. Возразил только Мадлох, которому *шеважа* мерещились теперь повсюду. В конечном счете он тоже оказался прав: не прошли они по лесу и тысячи шагов, как принимаемые издалека за светлячков огоньки превратились в многочисленные костры. Они приближались к стойбищу *шеважа*. Вероятно, здесь остались те, кто не принимал участия в огненном штурме. Фокдан немедленно высказал пожелание расправиться с тылом вражеской армии. Даже Мадлох поддержал его, заметив, что в подобных случаях в стойбищах остаются разве что жен-

щины да старики. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы их пыл не остудил Фейли.

– Хотите погибнуть героями, ступайте на здоровье. Однако сперва выслушайте человека, который, в отличие от вас, не всегда служил арбалетчиком на заставе. Раньше мне не раз приходилось ходить в рейды на подобные стойбища и могу со всей уверенностью заявить: там хватит *шеважа*, чтобы перебить нас еще на подступах. Они редко оставляют своих женщин одних с детьми. И даже если стойбище не охраняет никто из воинов, в чем я очень сомневаюсь, то их старики, сколько бы им ни было зим, тоже не подарок, скажу я вам. Я сам пару раз видел, как один старик, вооруженный обычным деревянным посохом противостоял двоим, а то и троим нашим воинам в полном вооружении. Причем довольно долго и успешно. Так что мой вам совет – давайте пройдем мимо, как будто мы ничего не видели. По количеству костров я могу судить, что там никак не меньше сотни человек. Наших сил хватит лишь на то, чтобы достойно погибнуть в бою. Вы этого хотите?

Даже Фокдан не решился возразить. Оставив костры слева, они осторожно двинулись в обход, опасливо поглядывая на черные макушки деревьев и ожидая оклика дозорных. К счастью, все обошлось. Только уже засыпая под прикрытием невесть как оказавшихся посреди леса валунов, Хейзит увидел во сне иной исход пережитых ими событий. Проснулся он под утро в холодном поту и долго не мог понять, куда

подевались горящие прямо в животе стрелы и седой старик с толстенным бревном в жилистых руках.

Солнце еще не встало, и воздух в этот краткий предрассветный час сделался особенно прохладным, если не сказать холодным. Укрыть озябшее с непривычки тело было нечем. На заставе у Хейзита остался весь его убогий скарб, состоявший из железной посуды, строительных инструментов, вроде отвеса и молотка, а также старого отцовского пледа. Теперь все это либо погибло в огне, либо досталось лесным дикарям. Особенно жалко было плед, который сейчас пригодился бы как нельзя лучше: сезон жары постепенно уступал место сезону дождей, дни снова становились короче, а ночи – длиннее и холоднее. На заставе плед, взять который с собой заставила его мать, так и не успел ему понадобиться. Никто же не предполагал, что ему придется вернуться, спустя чуть больше месяца. «Вернуться», конечно, сказано опрометчиво. До возвращения еще несколько дней пути. И все по лесу, причем практически в одиночку, а вовсе не под охраной хорошо вооруженных и знающих свое дело *виггеров*, как то было по пути *из* замка. Вон они, его нынешние провожатые, спят сном праведников между поросших мохом камней и даже не подумали о том, чтобы выставить караульных. Ему-то не помнить о подобных вещах простительно, он строитель-созидатель, а не воин-разрушитель, но Фокдан ведь не первый день носит свой широченный меч. Или этот Фейли, производящий впечатление далеко не глупого и сме-

лого человека. Выходит, не зря ему всю ночь снились ужасные картины резни и смертоубийства: окажись *шеважа* поворотливее да полюбопытнее, сегодня они все могли бы вовсе не проснуться.

Хейзит осторожно приподнялся на руках и выглянул из-за камня. Вокруг как будто ни души. Слышны только пересвистывания птиц да тяжелый храп Исли. Хейзит поспешил растолкать толстяка. Тот, не открывая глаз, повел во все стороны носом, чихнул, открыл глаза и резко сел.

– Что, горим?!

Вероятно, ему тоже снились события пережитой ночи.

– Уже сгорели, – ответил ему лежавший на боку Фейли, не открывая глаз и не меняя позы. Похоже, он давно проснулся и просто делал вид, что спит. Это открытие несколько уязвило самолюбие Хейзита, только что возомнившего себя самым проницательным из своих спутников.

– Лучше бы не просыпался, как жрать хочется, – заметил сладко зевающий Мадлох. – Кто пойдет на охоту?

– Все пойдут, – рявкнул спросонья Фокдан. – Но не на охоту, а домой, в замок. И пойдут быстро-быстро. А если тебе так хочется жрать, вон целый лес ягод и орехов. – Фокдан встал, осмотрелся и на всякий случай присел на корточки. – Луков у нас, чтобы дичь бить, нету, а если бы были, то пришлось бы тебе есть ее сырой, потому что костра разжечь мы себе позволить не можем. Все понятно?

Хейзит перелез через валун и остановился, ожидая

остальных.

– Ты куда это? – окликнул его Мадлох.

– Домой. А вы что, тут решили остаться?

Позевывающие беглецы переглянулись и нехотя последовали за Хейзитом. Все, кроме Фейли. Тот тоже перебрался через камни, но только с противоположной стороны.

– К *шеважа* пошел? – поинтересовался ему в спину Исли.

Фейли остановился, пожал плечами и небрежно махнул рукой в сторону остальных:

– *Шеважа* – там. – После чего повернулся и указал перед собой. – А замок – там. Так что кому домой – присоединяйтесь, я не гордый.

И, не оглядываясь, зашагал прочь.

Хейзит посмотрел на Фокдана. Фокдан поискал за деревьями солнце. Не найдя, выругался и поспешил следом за Фейли.

– Наверное, они правы, – неуверенно заключил Исли.

– Чтобы вернуться, нужно держать солнце слева и чуть за спиной, – пояснил с видом знатока Мадлох. – Кто-нибудь видит солнце?

В конце концов, возобладала та твердость, с которой Фейли, прихрамывая, уходил в единожды выбранном направлении. А я и не спорю, подумал Хейзит, увязываясь за остальными. Просто если бы не я, все бы вы еще спали. Брр, какая холодрыга!

– Как нога? – спросил он, поравнявшись через некоторое

время с новым проводником.

– Как будто родился со стрелой, – отмахнулся тот, однако, заметив, с кем говорит, поменял тон: – А ты, похоже, неплохо в этих делах разбираешься. Мать, значит, научила? Смышленая у тебя мать.

– Да уж куда смышленее, – потеплело на душе у Хейзита. – Нас с сестрой одна вынянчила да выходила, а теперь еще всем соседям болячки лечит. На всю округу ее травяные настойки славятся. Вы, видать, не из наших мест, раз ее не знаете?

– «Из ваших» – это из каких?

– Мы при замке живем, шагов двести от стен, – не без гордости ответил Хейзит.

– Ты случаем не про хозяйку таверны «У Старого Замка» говоришь? – вмешался в их разговор Исли. – Кажется, ее зовут Гверна.

– Это моя мать и есть, – кивнул Хейзит, про себя удивившись, что никогда раньше не замечал такого видного постояльца, а вслух спросил: – Вы у нас бывали?

– Пока не довелось, – признался Исли. – Но слышать слышал. Говорят, она и повариха что надо.

– Они с сестрой на пару готовят. Велла лучше мясные блюда, а мать – рыбные.

– Вот только о еде нам еще не хватало заговорить! – взмолился до сих пор молчавший Мадлох. – Давайте лучше про *шеважа*. От них не так есть хочется.

– Кстати, а почему ваша таверна называется «У Старого Замка»? – сказал Фейли, бросая на Мадлоха неприязненный взгляд. – В честь нынешнего замка или в честь прежнего?

– А разве у Ракли не всегда один и тот же замок был? – не побоялся выказать свою неосведомленность Фокдан.

– Один-то один, да только сам Ракли был не всегда, – заметил Фейли и добавил, чтобы не обидеть не слишком сведущего в таких вещах вояку: – Умные люди рассказывают, что в незапамятные времена на месте теперешнего замка, стоял другой, чуть ли не в два раза выше и мощнее.

– Враки, – хмыкнул Исли. – Не может быть такого.

Хейзит тоже вспомнил интересные истории, которые в детстве рассказывал ему о замке отец, мастер строительных дел и большой любитель собирать всякие древние притчи и сказания. Именно он назвал их таверну так, как она называлась теперь, однако едва ли он стал бы увековечивать на железной вывеске при входе что угодно, кроме как творение своих рук. Ведь отец Хейзита начинал на строительстве замковых укреплений еще простым каменщиком и дорос до мастера, когда над неприступными стенами поднялись круглые дозорные башни. С одной из них он и сорвался, как говорили, по неосторожности в заполненный водой ров, на дне которого незадолго перед этим Ракли распорядился вкопать острые колья…

Сейчас, идя по лесу и возвращаясь мысленно в те безоблачные дни, Хейзит впервые подумал о том, что почти

все, с кем ему когда-либо приходилось общаться, будь то дома или на заставе, не сговариваясь, предпочитали говорить о замке, как о Замке, то есть, не упоминая его общеизвестного имени – *Вайла'тун*. Не без влияния отца заинтересовавшийся прошлым своего народа Хейзит знал, что на древнем языке *вабонов* «вайла» означало «правильный», так что в названии замка не было ничего такого, почему кому-то взбрело бы в голову утаивать его. Однако он также хорошо усвоил неписаную истину, что язык человека дан ему не только затем, чтобы излагать, но и чтобы скрывать свои мысли. Вот и отец зачем-то додумался вместо «У Вайла'туна» выбить на вывеске «У Старого Замка». При этом он и был одним из тех немногих, кто обычно величал замок по имени. Еще бы, для него это было чуть ли не живое существо! Высунувшись по утрам из-под теплого одеяла, Хейзит не раз видел, как отец, отправляясь на работу, бережно складывал в мешок остатки завтрака. Повзрослев, он узнал, что отец вовсе не доедает завтрак днем, как ему думалось в детстве, а вмуровывает между камнями стен, считая, до придает тем самым постройке дополнительную прочность. Он кормил замок, отдавая ему свои силы, а замок отплатил ему тем, что в один далеко не прекрасный день равнодушно убил. Интересно, почему эта странность в названии семейной таверны пришла Хейзиту на ум только сейчас? Ведь, действительно, если следовать необъяснимой народной традиции, то таверна должна была бы называться просто «У Замка». Отку-

да здесь «старый»? И уж тем более невероятно, чтобы строитель, трудами которого возводились стены, счел свое собственное детище «старым».

– Я не из тех, кто будет по пустякам спорить, – заявил между тем Фейли. – Считаешь, что нынешний замок стоял там всегда – считай на здоровье. Но только знай, что это вовсе не так.

Исли открыл было рот, чтобы снова возразить, но его опередил Хейзит.

– Мой отец строил этот замок. На стройке и погиб, когда все почти было готово. Он мне тоже, когда я был совсем еще ребенком, помнится, рассказывал про какую-то гигантскую крепость, где задолго до нас жили великие герои. Правда, как ни удивительно, но про этих героев я ни от кого больше, кроме как от отца, не слышал. Даже позабыть успел. Вы вот напомнили. Выходит, это мог быть тот старый замок?

Вопрос ни к кому не обращался и остался без ответа.

Некоторое время они шли в молчании, прислушиваясь к лесу. Хейзит, хотя и не был воином, слишком хорошо знал, что это совершенно бесполезное занятие, поскольку приближение врага они едва ли услышат. Безраздельными хозяевами леса были *шеважа*. Они могли скрываться повсюду, ничем не выдавая своего присутствия. *Вабоны* чувствовали себя в относительной безопасности, только когда передвигались от замка до заставы или между заставами большими, вооруженными до зубов и закованными в броню отрядами.

Лес для них был полон нераскрытых тайн, лабиринтов и западней. Ни теперь, ни раньше они не имели возможности достаточно глубоко изучать его, не подвергая свою жизнь смертельной опасности быть застреленными с дерева или из-за ближайших кустов. С *шеважа* они предпочитали встречаться разве что у стен укрепленных застав, разбросанных по Пограничью и оказавшихся со вчерашнего дня не такими уж неприступными. Пленных *вабонам* брать издавна воспрещалось, так что мир их злейших врагов до сих пор оставался для них неведомым и потому еще более пугающим. Хорошо бы Локлану удалось довести свою рыжую пленницу до замка и убедить отца не отправлять ее в ледяные объятья безжалостной *Квалу*. Правда, едва ли кто разберет ее грубый говор и поймет, о чем она говорит, однако была бы хоть предпринята попытка разобраться в происходящем вокруг. А ведь даже Хейзит, чья голова с утра до вечера не бывала занята ничем, кроме вопросов более совершенного и надежного строительства, догадывался, что за пределами заставы творятся перемены – неведомо кем, неведомо какие, неведомо почему, но свидетелями одной из них они все стали вчера, под страшным дождем огненных стрел. И это могло быть только началом неминуемого конца. Если продолжать отгораживаться от врагов стеной непонимания и неприятия. Если делать вид, будто *вабоны* – самые сильные и непобедимые. Если не признавать очевидного: война неудержимо выплескивается из лесной чащи и не сегодня-завтра придет –

страшно подумать – в Вайла'тун.

Мадлох издал радостное восклицание и устремился вперед. Последовав за ним, путники вышли на тропу, по которой могло бы пройти, выстроившись в ряд, трое человек. Это была заветная дорога, ведущая к замку. Теперь можно было не плутать по лесу, а двигаться по ней, надеясь на скорое воссоединение с родными и близкими.

– Это прямой путь к могиле, – невесело заметил Фокдан, останавливаясь при виде тропы и сворачивая в сторону. – Только последний дурак с такими силами, которые у нас остались, пойдет по ней. Подумайте о том, с какой скоростью выпускают стрелы *шеважа*. Одного стрелка где-нибудь вон на том дереве хватит, чтобы мы не успели даже спохватиться.

– Что вы предлагаете? – Хейзиту не терпелось ступить на тропу, которой как будто вчера он шел вместе с отрядом Локлана, предвкушая долгую и интересную службу на заставе Граки. Теперь не стало ни Граки, ни заставы. И нужно было возвращаться домой с надеждой, что *шеважа* не рыщут где-то поблизости.

– Я согласен, – заговорил Фейли, придирчиво оглядывая соседние деревья. – Сейчас тропа будет работать против нас. Пусть она указывает нам правильное направление, а пойдем мы рядом с ней, по лесу. Глядишь, дня за два доберемся до замка.

– За два дня – вряд ли, – покачал головой Фокдан. – Нам бы хорошо за это время успеть добраться до заставы

Тулли.

Хейзиту невольно вспомнился розовощекий крепыш, меньше всего походивший на предводителя *эльгяр* на одной из важнейших застав Пограничья – последней преграде на пути к замку. Тулли и внешне, и по выполняемым обязанностям больше напоминал гостеприимного хозяина харчевни, который искренне рад любому гостю – кроме непрошеного. Через его заставу проходили почти все отряды *вабонов*, отправлявшиеся на службу в Пограничье или возвращающиеся к положенному сроку домой. Вероятно, они будут чуть ли не первыми, кто за все эти годы вернется раньше срока. Если, конечно, им вообще удастся вернуться.

Во главе их отряда снова хромал Фейли. Похоже, остальные не имели ничего против его хромоты, как бы сильно она ни сдерживала их продвижение. Все как будто, не сговариваясь, сошлись на том, что самая быстрая дорога не есть самая правильная и безопасная. *Лучше потерять день в укрытии, чем жизнь – на свободе*, гласила одна из нелюбимых пословиц *вабонов*. Раньше Хейзиту она тоже представлялась слишком обидной, но теперь он не мог не отметить заключенной в ней мудрости. Интересно только, кто и когда ее выдумал, если *вабонам* отродясь не приходилось ни от кого прятаться?

Замыкал вереницу беглецов Исли, бесконечно потеющий от ходьбы, волнения и подпрыгивающей на плече дубинки. По-видимому, он потел, даже когда стоял на месте. Оглядываясь на него, Хейзит прикидывал, сколько подобный гость

мог бы съесть в таверне «У Старого Замка». Одним рябчиком мать едва бы отделалась.

Мадлох то и дело пытался заговорить, однако, шедший за ним Фокдан молча толкал его в спину и тихо шикал. Мадлох сердито отмахивался и тыкал пальцем в небо. Вероятно, он хотел дать понять, что среди бела дня *шеважа* можно не опасаться. Хорошо бы он оказался прав. Но и предосторожности Фокдана не помешают.

Фейли поднял руку.

Все дружно присели на корточки и прислушались.

Впереди явственно слышался конский топот. И этот топот неотвратимо приближался.

Прячась за деревьями, беглецы в недоумении переглядывались. *Шеважа* не пользуются лошадьми. Для живущего в лесу лошадь – ненужное бремя. *Вабоны*, хоть знают в верховой езде толк, не станут совершать подобных глупостей: скакать через Пограничье во весь опор да еще не замотав копыта тряпками.

Вскоре на тропу вылетел облаченный во все черное всадник. Только на голове у него красовалась светлая широкополая шляпа, больше похожая на плетеную из соломы тарелку для просеивания семян, какими пользовались миролюбивые крестьяне.

Попридержав коня, всадник остановился напротив тех самых деревьев, за которыми таились потрясенные такой встречей беглецы, покачал полами шляпы, будто принюхи-

ваясь к напоенному солнцем и сосновой смолой воздуху, и снова пришпорил дрожащее от долгого бега животное.

Гулкий стук копыт быстро удалился и затих в лесной чаще.

– Кто-нибудь разглядел его лицо? – первым подал голос Фейли.

Выяснилось, что лица не видел никто. Исли заметил притороченный к седлу обоюдоострый топор. Мадлох клялся, что у незнакомца были черные, заплетенные в две косы волосы, какие не носит ни одно из известных племен *шеважа*, ни тем более *вабоны*. Хейзиту запомнился черный панцирь и черная металлическая перчатка, сжимавшая поводья. Фокдан промолчал, но было заметно, что появление всадника заставило его глубоко задуматься.

– Даже если это был не *шеважа*, – продолжал Фейли, по-прежнему не решаясь выйти из-за дерева, – ему осталось недолго гулять по здешним местам. Тэвил, с таким пренебрежением к опасности он либо безумец, либо самоуверенный дурак! В обоих случаях к добру его это не приведет. Предлагаю пока о нем забыть и двигаться дальше, пока не стемнеет.

– А вам не показалось, что он нас видел? – заговорил, наконец, Фокдан, когда они тронулись в путь. – Даже если и не видел, то определенно почувствовал.

– Что ты хочешь этим сказать? – оглянулся через плечо Фейли. – Что мы легко отделались?

– И это тоже, раз мы испытали схожие ощущения. – Фокдан помрачнел. – Возможно, парень слишком хорошо знает свои собственные силы, чтобы бояться подвоха. Хотел бы я с ним потолковать. Только сдается мне, что он не из наших.

– Доберемся до замка, расскажем обо всем Ракли, пусть он решает.

– А что тут решать? – напоминая о мерах предосторожности, зашептал Исли. – Быстрее сматываться из этого окаянного леса – и по домам.

Никто не стал ему возражать, однако Хейзит был готов побиться об заклад, что хотя бы двое из их попутчиков – Фейли и Фокдан – после возвращения в замок не собираются отсиживаться и делать вид, будто все так и надо. Сам он уже решил для себя, как будет действовать: несмотря на молодость, испросит разрешения на встречу с Ракли и выложит ему все, что видел и знает. А вдобавок предложит заняться скорейшим укреплением деревянных застав каменными стенами. Каким бы сложным и дорогостоящим предприятием это ни казалось, переходить на камень придется. В противном случае очень скоро с высоты наблюдательной башни Вайла'туна каждый день будет открываться вид на Пограничье со столбами черного дыма над гибнущими островками последних пристанищ *вабонов*.

– Кажется, тропа уходит влево, – заметил Мадлох. – Если я правильно помню, впереди овраг. Пойдем прямо или выйдем на тропу?

– Пересечем тропу и будем двигаться слева от нее, – отозвался Фейли. – Мне только по оврагам с простреленной ногой прыгать не хватало!

Пригнувшись и опасливо озираясь по сторонам, они гуськом перебежали через открытое пространство и нырнули в ближайшие кусты. Пятеро взрослых мужчин, еще вчера думавших, что не боятся ничего на свете, а теперь больше похожих на отставших от обоза оруженосцев, предчувствующих неминуемую взбучку от хозяев, нежели на опытных воинов. Морально Хейзиту было немного легче остальных, поскольку он никогда не причислял себя к знатокам военного искусства и только уже на заставе впервые взял в руки меч и лук, да и то лишь потому, что этого требовали суровые законы Пограничья.

Сколько ни брели они в ожидании ночи и столь необходимого привала, встреча с черным всадником не шла у Хейзита из головы. Неужели, размышлял он, Фокдан прав, и этот незнакомец вполне отдает себе отчет в том, что творит, когда взбирается на коня и мчит галопом через лес, полный коварных ловушек и кровожадных *шеважа*? От стрелы одним топором, пусть даже обоюдоострым, не отмахнешься. Может быть, где-то неподалеку от того места расположилось его племя, состоявшее из таких же необузданных наездников, племя *шеважа*, о котором никто и никогда доселе не слышал? Но как пробраться незамеченными с целым табуном через гущу леса так, чтобы не осталось даже следов?

Не по воздуху же они летают на своих широкополых шляпах! Однако чем больше он рассуждал, тем крепче становилась его уверенность в том, что черный всадник путешествовал по лесным тропам один.

Хейзиту вспомнился случай из детства, когда на него напала целая ватага соседских ребятишек, решивших расправиться с ним за то, что он накануне забросал двоих из них грязью. Вражда эта тянулась настолько долго, что ни одна из противоборствующих сторон не помнила, кто же первым начал, в то время как первым заканчивать ее не хотел никто. Среди соседской детворы были и его одногодки, и ребята постарше. Они главным образом мстили маленькому Хейзиту тем, что обзывались всякими обидными прозвищами или демонстративно не замечали, чем только еще сильнее его раззадоривали. Все это едва ли осталось бы в его памяти, если бы в тот день расправе над ним не помешало появление никому не известного белобрысого мальчугана. Тот не кричал, не махал кулаками, никого не пугал и никому не угрожал расправой. Он просто подошел к дерущимся, и все его сразу же заметили. А заметив, оторопели, потому что прочитали в насупленных бровях и смеющихся голубых глазах такую решимость, что повскакивали на ноги и один за другим убежали восвояси. Спасителем Хейзита оказался Локлан, старший сын Ракли. Свое вмешательство он объяснил изумленному малышу тем, что видел его пару раз на стенах возводимого замка и знал, что его отец – мастер Хо-

кан. Не мог же он позволить свершиться несправедливости и не защитить сына того, кто дружен с его собственным отцом.

Раньше Хейзит вспоминал это не самое приятное событие из своей жизни исключительно в связи с тем, что оно подарило ему знакомство не только с важным, но и нужным человеком. Ведь никто иной как Локлан сперва предложил осиротевшему Хейзиту подумать над проектами укрепления лесных застав, а затем сам сделал так, чтобы Ракли о них узнал и заинтересовался юным строителем. Вряд ли без подобной поддержки Хейзиту посчастливилось бы заполучить столь прибыльную работу. Сидел бы сейчас на шее у матери да время от времени помогал соседям чинить покосившиеся от старости изгороди. Конечно, теперь смешно и грустно об этом думать, но ведь никто же не знал, что все так плачевно обернется…

Сейчас же Хейзит вспоминал другое: нечто в характере и манерах Локлана, что обратило превосходившие его силы противников в постыдное бегство. То же самое, что должны были почувствовать тогда они, почувствовал Хейзит сегодня, когда прятался за шершавым стволом дерева, а всадник в черных доспехах и несуразной соломенной шляпе смотрел мимо него и вместе с тем как будто знал, что он, Хейзит, беглец с сожженной заставы, съеживается от страха где-то там, в ложной безучастности леса.

– Вот бы мне мою фляжку, – мечтательно проговорил

Мадлох, выводя Хейзита из задумчивости. – Опять жара и пить хочется.

Фокдан раздраженно цыкнул на него, однако когда через некоторое время ту же песню затянул Исли, похоже, ни у кого из путников не нашлось сил, чтобы ему возразить.

– Попить бы и пожрать чего-нибудь, – вздохнул толстяк, потирая обеими ладонями брюхо. Дубинку он давно сунул за пояс, чтобы удобнее было продираться сквозь заросли орешника. – Может, поохотимся чуток? Ну что мы все премся да премся! Никто же за нами не гонится.

– Скажи спасибо, что за тобой никто не охотится, – вытер пот со лба Фокдан. – А вот источник или на худой конец ручей нам бы не помешал.

– Вот и я говорю, – подхватил Мадлох. – Давайте сделаем привал. Хотя бы короткий.

– Я знаю эти места, – оглянулся на спутников Фейли. Раненая нога не мешала ему по-прежнему идти впереди всех. – Если готовы потерпеть еще немного, обещаю привал у ручья.

Ему не поверили, но спорить никто не решился.

Откуда этот *эльгяр* так хорошо знает лес, подумал Хейзит. Не в лесу же он учился искусству владения арбалетом. Спросить бы напрямик, да как-то не с руки. Придется подождать привала.

Ждать и в самом деле пришлось недолго. Орешник кончился, и выбившиеся из сил путники увидели невысокий, поросший неяркими лесными цветами холм, вокруг которо-

го соблазнительно журчал неприметный в траве ручей. Все дружно полегли на животы и стали жадно пить прохладную воду, мимоходом разглядывая испещренное круглыми камешками дно. Напившись, перешагнули через узкую полоску воды и облегченно сели, привалившись спинами к холму. Только сейчас до их слуха стало доноситься щебетание невидимых птиц. Жизнь в лесу была не так уж плоха, как казалось поначалу.

– Даже есть расхотелось, – довольно сообщил Мадлох.

– Только не мне, – усмехнулся Исли, высматривая что-то между цветов. – Если ты все тут так хорошо знаешь, – обратился он к Фейли, – скажи на милость, нет ли где поблизости коровы или хотя бы молоденького бычка. Сейчас я бы съел его, не жаря.

– Фу, какая гадость! – поморщился Мадлох. – Ну почему ты считаешь, что имеешь право портить всем аппетит? Было бы мясо, а костер развести – плевое дело.

Хейзит вопросительно смотрел на Фейли. Тот лежал на спине, прикрыв глаза, и пощипывая зеленую травинку. Казалось, разговоры о еде волнуют его куда меньше, чем раненая нога, о которой он почти забыл.

– Предлагаю заночевать здесь, – неохотно подал голос Фокдан. – Уже вот-вот начнет смеркаться. Охоту отложим до утра. Еще одна ночь без еды вряд ли нам сильно повредит.

Фейли выплюнул травинку.

– Орехи, – сказал он, не открывая глаз. – И ягоды.

Остальные путники переглянулись.

Первым на ноги вскочил Исли. Перепрыгнув через ручей, он на удивление прыткой трусцой устремился обратно, туда, где заканчивался орешник. Утоленная жажда возвратила способность воспринимать мир таким, каков он есть, и недавним воякам оставалось лишь посмеиваться в душе над своей недогадливостью, наивностью и полнейшей неприспособленностью к дикой жизни. На заставе их кормили специально обученные этому ремеслу повара, причем кормили мясом, лепешками, кашами да соленьями – пищей мужской и сытной, – а дома они привыкли к тому, что о них заботятся жены и матери, так что мыслей довольствоваться лесными ягодами и орехами у них отродясь не возникало.

Вскоре у Хейзита устала нижняя челюсть, а зубы ныли от постоянного раскусывания твердой скорлупы. Нельзя сказать, чтобы хотеть есть стало меньше, однако появившаяся приятная тяжесть в желудке и снятая рубаха с завязанными рукавами, наполненная зелеными орехами, придавали уверенности в завтрашнем дне. Судя по всему, остальные его спутники испытывали то же самое. Исли сидел в гуще кустов, окруженный горками темнеющей скорлупы, и блаженно развлекался тем, что раскалывал орех об орех. Хейзит попробовал проделать то же самое, но у него ничего не вышло: требовалась просто-таки недюжинная сила в руке и твердость пальцев, потому что орехи, кроме того, что не желали ломаться, норовили выскользнуть на свободу. Фокдан

приспособил для этих целей пень, на котором, как заведенный, колол орехи рукояткой ножа. Не все орехи поддавались с первого удара, но он упорствовал и добивался своего. Мадлоха не было видно. Равно как и Фейли.

Прижав превращенную в мешок рубаху к груди, Хейзит вернулся к холму.

Фейли сидел там, где они его оставили, и как будто спал. Хейзит тихо сел рядом, решив не будить нового товарища. Если тот проснется, у него хватит орехов, чтобы его угостить.

Что-то в облике спящего насторожило Хейзита. Сначала он принял это за катящиеся по щекам слезы, но, приглядевшись, понял, что это бусинки пота. У Фейли был жар.

Хейзит потрогал раненого за плечо. Фейли тяжело поднял веки и попытался улыбнуться.

– Сглупил я. Не надо было мне пить. Ничего, скоро пройдет.

– Как бы не прошло вместе с ногой, – беспокойно оглянулся на шевелящиеся кусты орешника Хейзит. На его памяти было несколько случаев, когда ему приходилось помогать матери, вынужденной принимать последнюю меру, чтобы спасти человеку жизнь: отрубать палец или руку, или отпиливать зараженную неизлечимой заразой ногу. Зрелище было не для слабонервных, и Хейзит старался не отводить глаз от сосредоточенного, забрызганного чужой кровью лица матери. – Нога болит?

Вопрос прозвучал глупо, однако Фейли, подумав, мотнул головой.

– Плохи дела, – потер подбородок Хейзит. – Если не болит, значит, уже немеет. Все от наконечника. Трудно ожидать от этих дикарей, чтобы они кипятили каждую стрелу, прежде чем выпустить ее в нас.

К ним подошел явно посвежевший после импровизированной трапезы Фокдан. Сразу почувствовав неладное, покосился на торчащий из щиколотки кусок стрелы и перевел взгляд на Хейзита.

– Заражение?

– Боюсь, что похоже на то. Есть, правда, надежда, что жар через некоторое время спадет, но я не знаю, что придется делать с ногой, если мы опоздаем.

– Да знаешь ты все, – подал голос Фейли, продолжавший лежать с закрытыми глазами. – Чикнуть топориком – и вся недолга.

– Если тебя эта мысль не смущает, – заметил Фокдан, усаживаясь, – давай свистну того сумасшедшего всадника, он тебе с удовольствием обе укоротит. – И, посерьезнев, продолжал, обращаясь к Хейзиту: – Что ты предлагаешь?

– Вынимать надо, – коротко ответил тот. – Вынимать и прижигать. Других средств я не знаю.

В душе Хейзит удивлялся тому, что оказался самым разбирающимся в подобных вещах. Отправляясь на заставу, он наивно предполагал, что несущие там службу *эльгяр* лучше

любого лекаря умеют залечивать раны и делать все необходимые операции. А тут выходило, что ему все придется брать в свои малоопытные руки.

Скоро вернулся Мадлох. Выяснилось, что он пожалел зубы, не отличавшиеся крепостью, и занялся поиском и поеданием ягод, в чем весьма преуспел, хотя теперь, придя в себя после приступа жадности, пожалел о том, что не внял голосу рассудка: по размышлении некоторые из ягод показались ему несъедобными. Оставалось разве что ждать неминуемых последствий. Тем не менее, он, пусть и не с готовностью, согласился на просьбу Хейзита побродить еще некоторое время по округе и подыскать побольше стеблей травы, образец которой был ему не только продемонстрирован, но и вверен для сличения.

– Помогает забыться, если будет больно, – пояснил Хейзит.

– А может быть и не больно? – недоверчиво заметил Мадлох, косясь на лезвие ножа, которое раскалял над маленьким костерком Фокдан.

Мать называла эту траву *вербена*. Из вербены обычно приготавливался густой отвар, приводивший пациентов в настолько слабое и сонливое состояние, что они на время буквально теряли сознание и приходили в себя уже тогда, когда операция была позади. Вербена встречалась в лесу в довольно больших количествах, и Хейзит не сомневался в том, что Мадлох с честью выполнит доверенное дело. Сложность за-

ключалась в другом: у беглецов не было ничего, в чем траву можно было сварить. Была вода, был костер, но ни котелка, ни даже каски.

Решение пришло в голову Хейзита само, когда он увидел тяжело выбирающегося из орешника Исли. Щеки толстяка мягко покачивались в такт ходьбе, а сам он лучезарно улыбался, не ведая о происходящем.

– Жуй, – сказал Хейзит, чуть ли не насильно засовывая в рот Фейли ту вербену, которую удалось наскоро собрать вокруг холма. – Глотать не обязательно. Можешь сплевывать. Главное – глотай сок.

– Какая гадость! – поморщился раненый, но спорить не стал.

Судя по тому, с каким смирением он принял из рук вернувшегося Мадлоха охапку травы, ему и впрямь полегчало, а вид раскаленного лезвия возбуждал разве что желание забыться и заснуть.

Не дожидаясь, пока вербена начнет действовать, Хейзит принялся осторожно разматывать раненую ногу. Когда тряпки спали, открывшаяся под ними картина чуть не вынудила всех собравшихся пожалеть о том, что они поели. Посиневшая кожа, запекшаяся кровь, вздутость и зеленоватое нагноение. И посреди всего этого – деревянный кончик стрелы.

Спохватившись, Хейзит бросился к ручью мыть руки. Он понятия не имел, с чего начинать. Вырывать стрелу силой было опасно: наконечник по-прежнему прятался где-то

в глубине раны, а потерять его при неловком движение значило обречь Фейли на долгие муки с непредсказуемым исходом.

– Надо резать, – повернулся Хейзит к Фокдану, на что тот, пожав плечами, протянул ему нож.

Опущенное в воду ручья, лезвие зашипело. Прижигать рану имело смысл после операции, если она пройдет более или менее удачно. Пока же нужно только чистое и острое оружие, которым можно лезть в живую рану, резать гниющее мясо и делать вид, будто знаешь, как это делается.

Фейли стонал и остервенело жевал траву. Исли с ужасом прижимал его ногу к земле и старался не следить за действиями Хейзита. Он стал таким бледным, что казалось, его вот-вот вырвет. Мадлох сидел рядом на корточках, на всякий случай держа в дрожащих ладонях воду.

Надрезав в двух местах рану и выдавив прямо на землю густой гной, Хейзит легонько потрогал обломок стрелы. Стрела шаталась, но сама выходить наружу отказывалась.

– Жуй, жуй как можно больше, – приказал вяло кивающему пациенту Хейзит.

Поиграл стрелой еще раз. Из раны хлынула кровь, что было первым хорошим признаком. Если проявить решительность и не совершить ошибку, ногу удастся спасти.

Хейзит уже удостоверился в том, что стрела не задела кость и засела где-то рядом. В противном случае пришлось бы делать надрез в ладонь шириной и полпальца глу-

биной, чтобы высвобождать наконечник. Который тем не менее не поддавался.

– Зазубрины мешают, – предположил Фокдан, все это время наблюдавший за мучениями лекаря и пациента с деланным равнодушием. – Если не вырезать с мясом, обратно не пойдет.

– Спасибо за совет, – не оглядываясь, процедил сквозь зубы Хейзит. – Есть еще один способ.

Он подумал о нем сразу же, стоило Фокдану упомянуть про зазубрины. Если стрела не желает уступать и выходить обратно, почему бы ни помочь ей двигаться вперед? Тем более что Фейли уже почти не подает признаком жизни, а Исли давно отпустил его колено и теперь молча сидит спиной к происходящему.

Хейзит положил ногу Фейли к себе на колено и постарался прикинуть на глаз, куда нацелена стрела. В этом месте он двумя взмахами сделал глубокий надрез в виде креста.

– Брось воду и разогрей второй нож, – сказал он Мадлоху. – Раскали до красна, если получится.

Не обращая больше ни на кого внимания, он подобрал с земли кусок твердой коры, приложил его к торчащему концу стрелы, набрал побольше воздуха, и что было сил надавил. Раненый взвыл, разбуженный болью, и отдернул ногу, опередив Исли, но дело было сделано: похожий на мелкую рыбешку с острыми плавниками наконечник выглянул с противоположной стороны щиколотки.

– Ногу, ногу держите! – крикнул, забыв об осторожности, Хейзит, а сам вцепился в наконечник окровавленными пальцами.

Обломок стрелы медленно ушел в ногу и потом плавно выскользнул следом за наконечником.

– Нож!

Хейзит чуть не обжегся, перехватывая рукоятку. Кровь под раскаленным лезвием зашипела. Аппетитно потянуло жареным мясом. Операция закончилась. Только теперь все увидели, почему Фейли в самый тяжелый момент сохранил молчание: Фокдан отнял от его рта прокушенную до крови ладонь и с кислой миной направился к ручью ее мыть. Хейзит кинул ему использованную тряпку, велев заодно ее простирнуть.

Пока Фейли заново перевязывали ногу – на сей раз не туго, просто, чтобы случайно не попала грязь, – Мадлох и Исли брезгливо, но внимательно изучали стрелу.

– Либо *шеважа* научились ковать железо, – сделал заключение толстяк, – либо они используют против нас наши же собственные наконечники. Нужно будет при случае подсказать оружейникам, чтобы делали поменьше зазубрин – себе дороже выходит.

– А лучше вообще делать стрелы без наконечников, – неудачно пошутил Мадлох и сам же перевел разговор на другую тему: – Что теперь будем с ним делать? – Он кивнул на Фейли, который находился под воздействием вербены

и мирно спал на спине, вытянув ноги и разметав руки по цветочному склону холма.

– Кажется, он уже это делает. – Хейзит указал в сторону кустов орешника, где Фокдан, орудуя ножом и здоровой рукой, срезал стволы подлиннее да потолще, превращая их в жерди. – Если я не ошибаюсь, у нас скоро будут вполне приличные носилки.

Можно было бы отложить сборы на утро, но всем явно хотелось завтра отправиться в путь поскорее, так что если Мадлох лишь наблюдал за действиями Фокдана, хотя и с благодарностью, то Исли не стал сидеть сложа руки и решил ему помочь. Вдвоем они быстро соединили две самые длинные жерди двумя покороче, и стали оплетать получившийся прямоугольник гибкими прутьями.

– Надо было поймать того наездника и отобрать у него лошадь. Тогда бы мы давно уже на заставе у Туллии отдыхали, а не здесь сидели, – с недовольным видом вздохнул Мадлох.

– Что ж ты его не поймал? – откликнулся Исли, затягивая прутья в тугие узлы.

Вместо ответа Мадлох отмахнулся и улегся рядом с Фейли.

– Почему у нас такая дурацкая погода? – заговорил он через некоторое время снова. – Днем от жары подыхаешь, а под утро дубеешь от холода. Видать, что-то в природе меняется.

– А давно ль ты последний раз на земле просыпался? – возразил ему, не прерывая работы, Исли. – Сдается мне, что

все больше под крышей да возле костра. Вот и не замечал холода. А *шеважа*, те давно это заметили и теперь только на деревьях и живут.

– А ты почем знаешь? Можно подумать, с твоим ростом кто-нибудь решится взять тебя с собой в рейд на их стойбища.

Исли нисколько не обиделся и только покачал головой, продолжая мастерить носилки. Теперь он делал это один, поскольку Фокдан нашел себе новое занятие: сидя у ручья, он собирал камешки и пригоршнями носил их к затухающему костру. Когда набралась довольно приличная куча, он выбрал самые крупные, разложил их по кругу, наковырял в ручье рыжей глины и принялся мастерить нечто вроде маленькой избушки из камня. В конце концов, у него получился эдакий глинобитный домик с одним единственным отверстием сбоку, предназначения которого Хейзит не понимал до тех пор, пока Фокдан ни перенес в него несколько чадящих головешек и ни развел новый костер. Глина быстро высохла и затвердела, а вмурованные в нее камешки стали впитывать жар огня и распространять вокруг себя умиротворяющее тепло.

– Печка! – догадался Хейзит.

– Сегодня придется выставлять охрану, – не разделил его воодушевления Фокдан. – Если даже не вернется с подкреплением тот всадник, остальные *шеважа* наверняка почуют наше присутствие и пожалуют погреться. Кроме того, костер

надо поддерживать.

С ним согласились. Начинало смеркаться. Исли подложил под себя носилки и улегся доедать орехи. Заерзал Мадлох. Почувствовав неладное в животе, он с кислой миной сообщил, что никуда далеко не уходит и скрылся в кустах. Когда он наконец вернулся, на лице его ясно читалось облегчение. Есть он отказался, сославшись на отвращение после пережитой операции.

Как ни странно, вопреки всем опасениями, ночь прошла относительно спокойно. Разве что под утро их разбудил не холод, а олень или лось, пришедший на водопой и наткнувшийся на спящих людей. Ломая ветки, он бросился обратно в чащу, а Хейзит, чья очередь была сторожить, успел открыть заспанные глаза раньше, чем остальные заметили его промашку, которая могла бы им всем дорого обойтись, окажись это животное не на четырех ногах, а на двух.

Фейли почувствовал себя выспавшимся и бодрым настолько, что не удостоил изготовленные специально для него носилки вниманием и попробовал сам спуститься к ручью. Хейзит только пожал плечами, когда он, не сделав и двух шагов, со стоном повалился на спину, держась за ногу.

– От пития я бы на вашем месте тоже пока воздержался. Сегодня потерпите, а завтра, глядишь, мы уже будем вне опасности, и Тулли угостит вас каким-нибудь полезным отваром.

Мадлох снова всех удивил, первым вызвавшись нести но-

силки. Сзади ему помогал Исли. Маленький отряд был вынужден покинуть гостеприимный холм с ручьем и отправиться в путь, стараясь не упускать из виду тропу.

Фейли получил на завтрак новую порцию вербены и всю дорогу дремал, просыпаясь и порываясь встать, лишь когда очередные носильщики клали его на землю, чтобы смениться новыми. Хейзит на правах лекаря цыкал на него, и отряд двигался дальше.

По мере приближения к заветной заставе путники начинали чувствовать себя в большей безопасности и временами утрачивали бдительность. Обычным явлением стали разговоры, скрашивавшие время не только коротких стоянок, но и долгих переходов.

Хейзит исподволь расспрашивал своих спутников о том, откуда они родом и чем занимались до прихода в Пограничье. Он не только предпочитал знать, с кем имеет дело, но и живо интересовался всем новым и необычным. А что может быть необычнее жизни и взглядов на нее другого человека!

Выяснилось, к примеру, что Исли с Мадлохом, несмотря на разительную разницу в облике и поведении, не просто друзья, а самые что ни на есть братья. Правда, по отцу. Матери у них были разные, однако это не помешало обоим сдружиться с самого детства. До вступления в пору возмужания и прихода на службу к Ракли они жили в маленькой рыбацкой деревеньке неподалеку от замка и честно думали про-

должать дело отца, имевшего собственную сеть и все необходимые для этого ремесла снасти. Отец тоже не возражал, но судьбе было угодно, чтобы новый муж матери Исли вернулся из похода на стойбища начинавших в то время смелеть *шеважа*, и принес вместе с трофеями настоящий боевой арбалет, из которого можно было насквозь прострелить не только зимнюю меховую куртку отца, но и целую собаку. Это открытие знаменовалось для обоих крепкой взбучкой, почему-то не отбившей желания сделаться из рыбаков арбалетчиками. Упорство братьев заставило взрослых безнадежно опустить руки и заложило основу всем последующим событиям. Сначала в гарнизон Граки попал Мадлох, научившийся к тому времени всаживать в деревянную мишень размером с ладонь подряд по пять стрел с расстояния в пятьдесят шагов. Исли долго не брали в Пограничье из-за его чересчур внушительных размеров, грозивших его самого превратить в слишком удобную цель для вражеских луков. Таким образом, начал он свою службу среди *эльгяр* замка, где, собственно, и понаслушался хвалебных историй о поварских талантах матери Хейзита, хотя сам в ее таверне, действительно, не был ни разу. Нельзя сказать, чтобы все это время он роптал на судьбу, поскольку многим известно, в чем по большей части заключается служба в гарнизоне замка: подольше спать, дышать свежим речным воздухом, передразнивать крики чаек, слетавшихся под самые стены в поисках легкой добычи, да есть от души трижды в день. Исли умудрялся

на дню есть раз по пять. При этом ему не представлялось ни малейшего шанса показать на деле свое искусство арбалетчика, не говоря уж о том, чтобы совершить нечто героическое, что послужило бы причиной его перевода поближе к брату.

– Но ведь тебя в конце концов перевели, – уточнил Фокдан. – Значит, что-то все-таки произошло?

– Да нет, – неловко пожал плечами Исли. Он бы и руками развел, да мешали носилки. – Я просто оказался слишком приметным. Вот Ракли и распорядился меня отправить туда, где я был нужнее.

– Что, сам Ракли? – не поверил рассказчику Фокдан. – Не слыхал, чтобы он принимал такие решения просто так да еще собственнолично. У него на это другие начальники имеются. Я в свое время тоже при замке начинал, так ни разу с ним даже поговорить не пришлось. Не желаешь рассказывать правду – не надо, но я тебе не верю.

Исли надулся и некоторое время молчал. Наконец не выдержал и неохотно сообщил:

– Ракли запретил мне об этом говорить.

Фокдан чуть не расхохотался, но спохватился.

– Давай подменю тебя, – внезапно предложил он. – Уж больно ты меня развеселил своими штучками.

– Это не штучки, – продолжал тащить носилки Исли. – Не могу же я все выбалтывать первому встречному. Я даже от матери до поры до времени скрывал, что у отца появилась

новая женщина – мать Мадлоха.

– До поры до времени? А потом, знать, все-таки раскололся?

– Он сам ей во всем признался.

Фокдан не нашел, чем возразить, и тема была закрыта. Что до него самого, то Фокдан не баловал слушателей подробностями своего жития-бытия. Родился при замке, служил при замке, потом вместе с отцом скитался от заставы к заставе, пока не осел там, где теперь царило пепелище. Воспоминание об отце вынудило Фокдана закончить и без того немногословный рассказ и погрузиться в себя. И он, и его теперешние товарищи по несчастью не сомневались в том, что все прочие защитники заставы погибли. Да и не нуждался старый Шиган, отец Фокдана, в лишних представлениях. На заставе его знали и уважали как мудрого помощника Граки и проповедника культа Кедика, его убиенного брата.

– А ты, если не ошибаюсь, каменщик? – прервал затянувшееся молчание Мадлох, уступая Хейзиту свое место у носилок.

– Строитель, – поправил тот и поправился сам: – Пока что в чине подмастерья.

– «В чине подмастерья» звучит впечатляюще, – хохотнул Исли. – С таким чином впору замки возводить. Я вашего брата, извини, не слишком жалую, – добавил он, смачно сплевывая в сторону. – Может, хоть ты теперь сможешь доказать кому следует, что *вабонам* в Пограничье нужны на-

стоящие заставы, а не те деревянные игрушки, что горят – ты и сам видел как.

– У нас мало каменоломен, – пробурчал Хейзит, самолюбие которого было больно задето.

– Но на замок, похоже, хватило? – снова сплюнул Исли.

– Без замка нам всем была бы хана, – неожиданно заступился за юношу Фокдан. – А деревянные заставы вон уже сколько времени служили нам верой и правдой. Его вины тут нет.

– Вина будет, если я не скажу об этом Ракли. – Голос Хейзита прозвучал на удивление твердо. – Я прекрасно знаю, что вы все думаете о нас, строителях, а тем более после того, что произошло. И хочу сказать, что это несправедливо, потому что мы говорим об одном и том же. Надеюсь, теперь у нас, к сожалению, есть неопровержимые доказательства нашей правоты. Нужно добиться незамедлительной встречи с Ракли.

– Исли нам поможет, – усмехнулся Фокдан. – У него с Ракли общие секреты. Правда, Исли?

– Кривда! – Толстяк от обиды тряхнул носилками так, что Фейли застонал и проснулся. – Ракли любого примет, если сочтет нужным.

– Надо добиться этого во что бы то ни стало, – повторил Хейзит. – Мой отец был у него мастером по постройке стен. Я сам рассказывал ему о своих задумках насчет укрепления нынешних застав. Он не может меня не выслушать

и на этот раз.

– Вот ты куда хватил! – протянул Мадлох. – Уж не с Локланом ли ты дружен, что у тебя все так запросто выходит?

– А вам то что с того? Пусть и с Локланом. – Хейзит перевел дух. Он не привык пререкаться со старшими, и начавшийся спор давался ему нелегко. – Локлан ничуть не хуже, а то и получше отца знает, что нужно делать.

– Локлан знает, что нужно ему, – подал слабый голос Фейли, приподнимаясь на локте и с интересом разглядывая своих носильщиков. – В остальном я не был бы настолько уверен. Где мы находимся?

Его прямой вопрос поставил всех в тупик. Путники переглянулись.

– Я не вижу тропы, – продолжал Фейли. – Если вы умудрились ее потерять, то в лучшем случае мы ходим по кругу. Лес не прощает невнимательности к себе.

Фокдан понимающе кивнул и скользнул за деревья. По возвращении он с нескрываемым облегчением сообщил, что тропа никуда не делась, хотя и стала шагов на сто правее.

Фейли стало заметно лучше. Он первым предложил сделать привал и, воспользовавшись тем, что его добровольные носильщики устроили передышку с поеданием орехов и набранных по дороге ягод, попытался походить самостоятельно. Ему было по-прежнему больно и неудобно переставлять перевязанную ногу, однако не настолько, чтобы при необходимости отказаться от носилок. Сам он считал, что такая

необходимость давно назрела, тогда как остальные полагали обратное и призывали его не гневить судьбу.

В спор вмешался Хейзит, подошедший к Фейли с несколькими сорванными листьями бурого цвета и заостренной формы.

– Вот что вам должно обязательно помочь. Это растение называется *эколи* и листья его просто замечательно заживляют раны. Давайте подложим их под повязку и очень скоро вам будет гораздо лучше.

– Где ж ты раньше был со своими *эколи*? – присвистнул, забыв об осторожности, Мадлох.

– А вы пойдите и найдите сами, – огрызнулся Хейзит, не обращая внимания на успокаивающий жест Фейли. – Я, между прочим, искал его всю дорогу от самого холма и случайно обнаружил только здесь. Не нужно обвинять других в том, чего не можете сделать сами.

– Парень верно говорит, – кивнул Исли. – А ты перестань брехать, братец. Мы должны быть ему благодарны за то, что он нас вывел из того пекла, и теперь мы можем надеяться на скорое избавление от этих напастей.

– Судя по всему, – заметил Фокдан, – ты собираешься вернуться в свою деревню и продолжить ремесло рыбака?

– А почему бы и нет? С меня всей этих приключений довольно. Можно подумать, вы со мной не согласны. Всем хочется пожить в покое.

– Пожить в покое? – переспросил Фейли, завязывая

на щиколотке последний узел и блаженно вытягивая ногу. Он сидел, прислонившись спиной к стволу дерева и пробегал взглядам по кронам соседних, словно именно оттуда ожидая подвоха. – Да, о покое мечтает всякий. Только объясни-ка мне, о каком покое ты говоришь, если нетрудно догадаться, что завтра *шеважа* будут жечь очередную нашу заставу, отрезанную где-то в лесу, потом – еще одну, а потом наведаются и к тебе в деревню. Когда они спалят и ее, со всеми вашими удами, сетями и рыбаками, то подступятся к замку и когда-нибудь возьмут его если не силой, то измором. Для кого тогда наступит покой?

– Для всех, – в тон ему добавил Фокдан и усмехнулся. – И для наших павших братьев и сестер, и для переселившихся в наши дома *шеважа*.

Исли почесал затылок и хмуро умолк.

– А что предлагаете вы? – пришел ему на выручку Мадлох. – Бегать по лесам целым войском и пытаться побить врага на его же территории? Могу только пожелать вам удачи.

– Это уж, во всяком случае, будет полезнее, чем ловить рыбку. – Фокдан извлек из ножен кинжал и проверил остроту лезвия.

– Если так рассуждать, – снова заговорил Фейли, – то мы и сейчас на его территории. Только когда-то *шеважа* в этих местах не водилось. И *вабоны* могли жить спокойно – в покое, как выражается Исли – повсюду, а не только вдоль берегов Бехемы. И я бы дорого дал, чтобы эти времена вер-

нуть. Или кто-нибудь будет со мной спорить, что Пограничье должно принадлежать *вабонам*? – Никто спорить не стал, и Фейли продолжал: – Пускай *шеважа* убираются туда, откуда пришли их дикие предки. Не знаю, но думаю, что места на земле хватит всем. Только у каждого она должна быть своя. И, по-моему, сейчас наступает как раз тот момент, когда нам сподручнее всего положить *шеважа* конец. Ждать еще – опасная ошибка. Мы ведь даже не знаем точно, сколько их развелось по лесу. Так что, отвечая на твой вопрос, Мадлох, я бы сказал да, мы должны воспользоваться тем, что в Пограничье пока еще существуют наши заставы, и объявить *шеважа* войну. Войну до последнего. Быть просто соседями мы больше не можем. За нами наблюдают.

Последнюю фразу он произнес с тем же спокойным выражением на лице, что и все предыдущие, но она заставила всех дружно запрокинуть головы и осмотреться. Никто ничего не увидел. Пели птицы, да кронами деревьев шелестел вечерний бриз.

– Кто наблюдает? – сглотнул Исли, переходя на шепот.

– Сидите тихо и не вертитесь, – пропел Фейли, не сводя глаз с одной точки. – Если бы это были *шеважа*, мы бы давно пересчитывали воткнутые в нас стрелы. А пока просто делайте вид, будто ничего не замечаете. Там определенно кто-то прячется.

– Да где? – вспылил Мадлох.

– Сиди смирно, я сказал! – прошипел Фокдан, продолжая

рассматривать свой кинжал. – Ты их видишь?

– Я тоже вижу, – сказал Хейзит и потупился в землю. – Соснах в пяти от нас. Довольно высоко. Голова в зеленом колпаке. Выглядывает из-за ствола и снова прячется.

– Неплохое зрение, – хмыкнул Фейли. – Похоже, ты не только перевязки умеешь делать да стены из камня класть. В зеленом колпаке, говоришь? Я этого пока не разглядел. Ну да ладно, стоит рискнуть.

Остальные, кто с удивлением, кто с плохо скрываемым страхом, следили за тем, как он медленно встает на ноги, широко разводит руки в стороны и, ни к кому не обращаясь, громко кричит в чащу леса:

– Выходите, люди добрые! Не прячьтесь, покажитесь! Мы, поневоле странствующие *виггеры*, не причиняем зла никому, кроме *шеважа*.

Деревья вокруг словно ожили, и к изумлению путников, не по одному, а сразу по многим стволам стали быстро спускаться люди в бурых лоскутных плащах и с зелеными повязками на головах, которые издалека можно было легко принять за колпаки. Через мгновение их маленький лагерь обступила добрая дюжина бородатых молодцев с луками наперевес. Только тогда Фейли опустил руки и безмятежно сел на траву. Бородачи переглянулись и тот, кто был старшим, сказал:

– Кто вы?

– Честно говоря, мы рассчитывали на более дружескую

встречу, – ответил Фейли, подмигивая Хейзиту, у которого нижняя челюсть никак не хотела подниматься на место. – Далеко ли до вашей заставы, ребята?

– Кто вы? – повторил свой вопрос бородач, хотя по его голосу чувствовалось, что он уже сомневается в уместности соблюдения подобающих формальностей.

– Меня зовут Фейли. А это Фокдан, Мадлох, Исли и Хейзит. Остальные подробности мы изложим в личной беседе с вашим предводителем, которого, если я не ошибаюсь, по-прежнему зовут Тулли.

Бородачи снова переглянулись. На суровых, обветренных лицах заиграли улыбки. Старший опустил лук и, следуя обычаю, тоже представился:

– Я – Ковдан, командир лазутчиков на заставе упомянутого тобой Тулли. И если ты покажешь мне того из моих людей, которого тебе удалось заметить, я готов тут же доказать, что умею вершить справедливый суд.

– Ничего вершить не надо, – остановил его праведный пыл Фейли, невольно взявший на себя роль главного переговорщика – роль, которую никто из его спутников не спешил оспаривать. – Мы просто знали, что вы должны вот-вот появиться, и потому были готовы к встрече. Как видите, мы уже не первый день в пути и порядком истощали на одних орехах да полудиких ягодах. Так что было бы просто замечательно, если кто-нибудь из вас, Ковдан, смог отлучиться с дежурства и препроводить нас к Тулли, для которого, бо-

юсь, у нас не самые радостные новости.

– Откуда путь-то держите? – вмешался с вопросом высокий лазутчик с худым лицом, борода на котором смотрелась жиденьком мочалкой.

Фокдан собрался было ответить, но Фейли положил ему руку на плечо и кивнул в обратном направлении:

– Вон оттуда. Если хочешь, пойдем, покажу.

– Да ты, Фейли, похоже, и ходишь-то с трудом, – заметил Ковдан, метнув на выскочку грозный взгляд. – Подстрелили?

– Была незадача. Да вот друзья меня к носилкам привязывают и тащат. Далеко до заставы будет?

Ковдан посмотрел на сереющее небо, призадумался и предположил, что если прямо сейчас трогаться в путь, то дойти можно еще засветло.

– Только надо поспешать, а то сдается мне, что погода портится и будет дождь с грозой.

– К этому нам не привыкать, – вздохнул Исли, непонятно что имея в виду.

Между тем Ковдан отдал необходимые распоряжения. Троим лазутчикам, включая худолицего, который звался, разумеется, Килем[12], было велено в целости и сохранности довести гонцов до заставы и лично представить Тулли.

Хейзит сперва даже удивился тому, что Фейли под предлогом секретности донесения всячески избегает рассказывать лазутчикам о том, что же с ними произошло на самом

[12] На языке *вабонов* «киль» означает «худой»

деле. Ему представлялось справедливым, чтобы о грозящей опасности знали все *вабоны*. Однако, поразмыслив на досуге, которого у него теперь стало значительно больше, благодаря тому, что появились три пары лишних рук, способных нести носилки, он пришел к выводу, что Фейли и здесь проявил завидную мудрость. Об участи, постигшей их заставу, должен в первую очередь узнать человек, от правильностей решений которого зависит дальнейшая судьба ей подобной. Сейчас этим человеком был Тулли. В противном случае дурная весть облетела бы все Пограничье и, обрастя всевозможными домыслами и небылицами, только помешала бы правильное решение принять.

Теперь путники продвигались по лесу гораздо быстрее. Лазутчики хорошо знали местность и шли уверенно, не тратя времени на поиски ориентиров. Плохо себя чувствовал разве что Фейли, да и то лишь потому, что всячески порывался слезть с носилок и идти самостоятельно. Друзья с удовольствием не обращали на него внимания, давая красноречиво понять, что он вовсе не является их предводителем.

К сожалению, Ковдан оказался прав: когда путники уже видели впереди долгожданные факелы на стенах заставы, с неба на них полил проливной, хоть и теплый, дождь. К воротам с предупредительно поднятым мостом они добрались мокрые до последней нитки. Со стен их окликнул невидимый за бойницей стражник. Киль назвал себя и добавил, что надерет спрашивающему задницу, если тот сейчас же ни опу-

стит мост. Хотя ответом ему был дружный хохот приятелей незадачливого стражника, мост со скрипом пополз вниз.

Двор, в который они вступили, мало чем отличался от двора их собственной заставы: те же деревянные избы, хозяйственные постройки, амбары с провиантом, вооруженные кто чем стражники, неторопливо прогуливающиеся по *рантам*. Только холм, на котором возвышалась высокая деревянная башня, был насыпан в самом центре двора, да к звукам леса и солдатской жизни примешивалось тихое ржание лошадей.

Тулли оказался, как ему и следовало по чину, в башне. Он сидел на втором ее этаже, в трапезной, за широким дубовым столом и ужинал, запивая бараньи ребра добрым хмельным пивом. Сказывалась относительная близость заставы к замку и проистекающие от этого возможности по части снабжения.

При виде Киля розовощекое лицо Тулли нахмурилось, но когда следом за лазутчиком в помещение один за другим вошли усталые путники, он просиял, поднялся из-за стола и приветствовал их с распростертыми объятьями. Именно такой, каким его запомнил Хейзит во время своего предыдущего визита.

Тулли отпустил лазутчиков подкрепиться с дороги с условием, что они, не откладывая, вернутся в лес к исполнению своих прямых обязанностей, а сам усадил нежданных гостей за стол и позвал слуг, чтобы те позаботились о достойном угощении.

– Вы едва разминулись с Локланом и его свитой, – первым заговорил он, когда все заняли свои места и машинально взялись за наполненные до краев бокалы. – Похоже, он так спешил показать свою новую знакомую отцу, что переночевал у меня прошлой ночью, а утром отправился в замок. Надеюсь, дождь не успеет его замочить. Вы ведь видели его рыжую красотку, не так ли?

– Видеть-то видели, – ответил Фейли после короткой паузы. Он словно выждал, не захочет ли кто взять вынужденную необходимость портить столь гостеприимному хозяину настроение на себя, однако желающих не нашлось, и он продолжал: – Да только думаю, про нее все забудут, когда узнают о том, о чем сегодня знаем, увы, только мы. – Заметив, что Тулли поставил бокал на стол и насторожился, он посмотрел на своих спутников, будто призывая их в свидетели. – *Шеважа* перешли в наступление. Они научились управлять огнем. Наша застава сгорела. Ее больше нет. Боюсь, нам придется, не откладывая, поспешить следом за Локланом, чтобы предупредить Ракли.

– Нет уж, сидите! – резко повысил голос Тулли и даже закашлялся. – О таких вещах на скорую руку не говорят. Голод и усталость – плохие друзья и советчики. Так что давайте-ка ешьте как следует да запивать не забывайте, а пока суть да дело расскажите мне поподробнее, что случилось и что вы об этом знаете. Только говорите о том, что видели сами. А то есть тут у меня всякие умники, которые горазды языком тре-

пать, да все больше байки разносят.

По мере того, как гости по очереди описывали выпавшие на их долю события, лицо Тулли из розового становилось пунцовым. Он больше не прикасался к пиву и только сосредоточенно грыз давно обглоданную баранью кость. Прервал их рассказ он лишь однажды, когда Хейзит упомянул про встречу с черным всадников.

– Это что еще за пострел такой по лесам нашим шатается! Надо будет Ковдана настропалить, чтобы отыскал его.

– Как бы тот сам кого ни отыскал, – усмехнулся Фокдан. – Парнишка-то явно боевой. Его сперва увидеть надо, чтобы так просто о поимке говорить. А вот Хейзит с Фейли твоих лазутчиков еще на деревьях углядели.

Последнее замечание было лишним, подумал Хейзит, живо представив, что теперь грозит незадачливому Ковдану и его людям, однако Тулли претворился слишком увлеченным их рассказом, чтобы обратить на него должное внимание.

– Вы кому-нибудь уже говорили о том, что случилось? – спросил он, когда последний из гостей выжидательно замолчал.

– Сеять панику – не наше дело, – снова взял слово Фейли. – Теперь ты все знаешь и можешь усилить охрану своей заставы. Ракли узнает – ему решать, что делать с остальными.

– Правильно рассуждаете, – хлопнул Тулли ладонью

по столу и только сейчас позволил себе сделать глоток. Глоток затянулся. Отняв от влажных губ пустой бокал, Тулли вытерся рукавом и поковырял пальцами в зубах. – А раз я тут главный, слушайте мою команду. Как говорили наши предки, утро вечера мудренее. Вам постелют здесь, в башне. Ступайте спать, а завтра я дам вам лошадей, и вы в два счета доскачете до замка. Передайте Ракли и Локлану от меня поклон и скажите им, что происходит ровно то, о чем я их давно предупреждал. А тебя, малый, Локлан, помнится, мне каменщиком представлял, – обратился он к Хейзиту.

– Я просто строитель, – уточнил тот, радуясь, что теперь-то среди спутников поубавится сомневающихся в его правдивости.

– Может, останешься у меня? – внезапно предложил Тулли. – Оглядишься, посмотришь, что к чему, а там и с укреплениями поможешь. Сам понимаешь, умные головы на дороге не валяются.

– Я бы рад, – не покривил душой Хейзит. – Но только я надеюсь, что мне удастся выпросить у Ракли помощь не для одной лишь вашей заставы, а для всех. Если он мне потом позволит, я с удовольствием к вам вернусь.

– На том и порешим, – кивнул со вздохом Тулли. – Доедайте, допивайте, а я пойду пока немножко на ночь покомандую.

Он встал и вышел из трапезной, предоставив гостей самим себе и улыбчивым слугам.

– Как поступим? – обратился к спутникам Фокдан. – Подчинимся этому доброму человеку и воспользуемся его гостеприимством, или же попросим посадить нас на лошадей прямо сейчас и отправимся в путь?

– Я бы сперва отдохнул да поспал, – чистосердечно признался Исли. – Здесь все ж спокойнее, чем в лесу, да и под дождем не охота мокнуть.

– Я готов в путь хоть сейчас, – сказал Хейзит, хотя по его кислому виду было понятно, что он надеется на сопротивление большинства.

Мадлох только плечами пожал. Ему определенно нравилось местное пиво.

Все ждали, что ответит Фейли.

– Если я хоть что-то смыслю в людях, – заговорил он наконец, – то наш добрый Тулли уже снаряжает гонцов в замок. Не станет же он ждать, пока мы выспимся, подкрепимся, прискачем за полдень к Ракли и сами расскажем ему о столь важных событиях. Думаю, мы сделали все, что было в наших силах, и теперь со спокойной совестью имеем право вздремнуть.

Его слова были встречены согласными позевываниями и потягиваниями.

Предназначавшееся для гостей помещение находилось на третьем этаже башни, сразу над трапезной. Разумеется, здесь находили приют далеко не все гости заставы, а лишь те, которых Тулли принимал сам. В прошлый раз, когда Хейзит

путешествовал в свите Локлана, он останавливался здесь же. Тогда их было больше дюжины, однако места хватило всем.

Сейчас Хейзит поспешил занять дальний от лестницы угол, где, как он отчетливо помнил, между бревнами имелась невесть откуда взявшаяся дыра, через которую снаружи проникал свежий ночной воздух с улицы и сквозь которую изнутри были хорошо видны озаряемые факелами укрепления и часть черного леса.

Не успел он как следует устроиться на грубой холщовой подушке, повернувшись на бок, лицом к стене, как сзади послышался тихий голос Фейли:

– Сразу спасть надумал, строитель?

Хейзит удивленно оглянулся. Фейли сидел рядом с приложенным к губам пальцем, что должно было означать необходимость соблюдать тишину. Хейзит покосился на остальных своих спутников. Те уже разбрелись по другим углам и гасили последние лампы. Помещение на глазах погружалось во мрак.

– Я вижу, ты парень смышленый, – так же тихо продолжал Фейли. – Больше думаешь, чем говоришь. И немало, надо признаться, успел для своего возраста. Во всяком случае, знаешь и чем хочешь заниматься дальше и нужных людей. Не возражаешь, если я тут прилягу и кое о чем с тобой на сон грядущий поболтаю?

– Ложитесь. – Хейзит инстинктивно подвинулся.

Фейли усмехнулся.

– Хотя и наивный, – заметил он, словно продолжая незаконченную фразу. – У Тулли здесь можно полгарнизона разместить без особых хлопот. И еще для Исли полно места останется.

Хейзит ответил улыбкой, правда, едва ли собеседник увидел ее в темноте.

– Честно говоря, я не то чтобы душу излить или посоветоваться пришел, – снова заговорил Фейли, подкладывая под голову вместо подушки руки и глядя в потолок. – Просто пока вы меня через лес тащили, я кое о чем мог спокойно подумать и вот теперь, оказавшись здесь, в некоторой безопасности и покое, как выражается наш упитанный товарищ, лишний раз убедился в том, что некоторые мои сомнения не беспочвенны.

– Сомнения? – переспросил Хейзит, глядя через дыру на группу охранников, которые сидели на рантах неподалеку от ворот и играли во что-то под дождем при тусклом свете факела.

– Вот то-то и оно, что сомнения. – Фейли положил ногу на ногу. – Думаю, не нужно даже быть строителем, чтобы понять, о чем я говорю. Тебе ведь наверняка приходилось подниматься на башню? Я имею в виду вроде этой, на заставе.

– Конечно. И в замке тоже.

– Я хоть в основном по земле да по стенам ходил, а на башню раз-другой все-таки захаживал. Вот у меня и возник сам собой вопрос: что с нее видно?

– Лес, – ответил первое, что пришло на ум, Хейзит, не понимая, в чем подвох.

– А еще?

– Не знаю. Еще лес?

– А если как следует присмотреться? Можно сказать, у самого горизонта. Ну?

Хейзит вспомнил, как в первый день приезда на заставу поднимался на башню вместе с Локланом, и тот показывал ему окрестности. Что же они там видели у горизонта?

– Другие башни! – осенило его.

– Именно, – кивнул потолку Фейли и призвал собеседника соблюдать тишину. – А теперь скажи мне, что здесь не так.

– В каком смысле?

– Признаться, старина, я был о твоих способностях несколько лучшего мнения. Ногу ты мне, во всяком случае, почти починил. Ну да ладно, не обижайся. Так вот слушай, что я по этому поводу думаю. – Он помолчал, нарочно затягивая паузу, но когда наконец продолжил, голос его звучал по обыкновению буднично и спокойно. – Представь себе, что видно с башни, если одна из застав объята пожаром? Могу тебе точно описать: если дело происходит днем, то над лесом ты наверняка увидишь целый столб дыма, а если ночью – то яркое зарево. А теперь ответь мне: как могло случиться, что о пожаре на нашей заставе Тулли впервые услышал от нас?

Хейзит задумался. В размышлениях Фейли был определенный смысл, однако он пока не улавливал, какой именно.

Оставалось разве что предположить вслух:

– Дозорные проглядели.

– В лучшем случае.

– Или видели, но не поняли, что это.

– Что ж, и такое случается. Не каждый ведь день пожары.

– Или видели, поняли, но не доложили.

– Вот это объяснение самое нежелательное. А больше ты ничего придумать не можешь?

– Кажется, нет. А вы?

– Видели, поняли, доложили.

Хейзит оторвался от созерцания двора и перевернулся на спину.

– То есть как? А он что?

– А вот этого мы с тобой уж точно не знаем. Просто не верится мне, что наш добрый Тулли сидит в своей трапезной целыми днями и только и делает, что ест да пьет в компании гостей или самого себя. Я под его командой не стоял, но слышал, что он человек толковый и до предводителя заставы дослужился не просто так. Выходит, он у себя слепых дозорных не держит и сам ни к чему не слеп и не глух.

– Нет, хоть все это мне теперь тоже представляется довольно странным, однако не хотите же вы сказать, что здесь есть какой-то умысел, какой-то заговор?

– О, молодой мой друг, если бы я усмотрел в этом заговор, то мы бы с тобой сейчас не разговаривали! – повысил голос Фейли и осекся. – В домах предателей я редко ночую. Я бы

уже был далеко и беседовал вовсе не с тобой. А потому меня сейчас еще больше интересует, знает ли о том, что произошло на нашей заставе сам Ракли. Как ты полагаешь, с башен его-то каменного замка лес виден куда лучше, чем с наших, деревянных?

– Вы думаете…

– В том, что я думаю, пока нет никакого смысла. Если Тулли знал, что случилось, зачем ему было делать вид, что он удивлен нашему рассказу? Если Ракли долгие годы сражается с *шеважа*, почему его отборные воины не встретились нам по дороге сюда? Будь я на его месте, то первым делом снарядил бы войско, чтобы разведать, в чем дело, и помочь пострадавшим.

– Мне кажется, вы спешите делать выводы, – сказал Хейзит, поразмыслив и снова повернувшись лицом к дыре. – Мы же не знаем, что предпринял Ракли, если ему успели донести о пожаре.

– Но согласись, что прошло уже без малого два дня. Или даже три, поскольку я сбился со счета. Мы шли сюда почти по прямой дороге и все равно никакой армии не видели. Я немного знаком с Локланом и уверен, что уж он-то наверняка повернул бы с полпути, чтобы возглавить карательный отряд.

– И все же я бы на вашем месте лег сейчас спать, – удивился собственному спокойствию Хейзит. – Тулли, да, я согласен, ведет себя, пожалуй что странно, хотя и ему можно

при желании найти оправдания. А про Ракли я бы пока вообще не стал говорить. – Буквально ощущая затылком ироничный взгляд собеседника, он добавил: – Ну сами посудите. Ракли мог все узнать и послать, как вы говорите, отряд для проверки. Но не большой, карательный, а маленький, разведывательный. Если это были лазутчики, им ничего не стоило проскользнуть мимо наших стоянок незамеченными, к примеру, под кровом ночи. А Тулли он вообще мог велеть держать язык за зубами.

После его слов воцарилось молчание.

Фейли ворочался с боку на бок и что-то неразборчиво бормотал себе под нос. Хейзит успел даже придумать и отбросить еще более простое объяснение: наблюдатели с башен и из замка могли принять зарево пожара за предрассветные зарницы. Но для этого им пришлось бы перепутать восток с западом.

– Может, ты и прав, строитель, – послышался, наконец, глубокий вздох Фейли. – Надеюсь, что прав. Очень надеюсь. – Иначе, боюсь, мы зря преодолели весь это путь через лес. Похоже, я слишком долго не видел никого, кроме виггеров.

Он умолк, и скоро из-за спины Хейзита донеслось мерное похрапывание.

Наутро Хейзит пробудился с мыслью о том, стоит ли посвящать в их ночной разговор остальных спутников. Не успел он об этом подумать, как обнаружил, что проснулся

вовсе не сам, а его разбудили: Фейли тряс его за плечо и что-то говорил.

– Нас зовут? – не понял Хейзит.

– Никто нас, к счастью, пока не зовет. Слишком рано. И дождь до сих пор не перестал. – Фейли отпустил его плечо и придвинулся поближе, чтобы их не услышали. – За ночь у меня возникла новая мысль, и я теперь не знаю, стоит ли вообще дожидаться, пока все проснуться.

– То есть?

– Похоже, нам лучше уносить отсюда ноги, причем даже не в сторону замка.

Хейзит окончательно проснулся и теперь смотрел на собеседника широко открытыми глазами.

– Вы в своем уме?!

– Погоди, строитель, не горячись. Послушай меня. – Фейли приложил палец к губам. Если бы Хейзит не помнил ту целесообразность, которой до сих пор были исполнены все его соображения и советы, он бы решил, что имеет дело с помешанным: глаза Фейли ввалились, лицо осунулось – все говорило о ночи, проведенной без сна. – Мне не дают покоя всего две вещи. Подумай сам. Во время штурма заставы ты хоть одним глазком видел, кто на нас нападал?

– Кажется, видел, – неуверенно ответил Хейзит.

– «Кажется» или видел? Думаю, что «кажется». Потому что я тоже никого не видел. И никто из нас не видел. Стреляли из-за стен. Странно?

– Не сказал бы. Если бы мы увидели *шеважа*, это означало бы нашу верную смерть. Просто нам удалось спастись быстрее, чем *шеважа* прорвались через стены.

– Я даже рад, что делюсь своими сомнениями с тобой первым. Ты всему умеешь найти подходящее объяснение. – Фейли скорчил улыбку. – А теперь сопоставь два факта: с одной стороны, мы не можем быть уверены в том, что на нас напали шеважа… – Он поднял руку, останавливая все возможные возражения. – А с другой, стрела, которую ты вытащил у меня из ноги, принадлежала кому?

– *Шеважа*.

– Разве? А мне почему-то кажется, что я помню, как Исли узнал по наконечнику стрелу *вабонов*. Или я опять ошибаюсь?

Нет, он не ошибался, Хейзит сам присутствовал при том разговоре. Теперь и ему сделалось не по себе. Но он не хотел так легко сдаваться.

– Если вы помните тот разговор, мы пришли к выводу, что *шеважа* просто-напросто используют наши стрелы. Исли даже пошутил, что впредь наши оружейники должны делать наконечники без зазубрин. Что скажете, плохое объяснение?

– Плохое. Очень плохое. – Фейли так нервничал, что не мог больше лежать и сел. – Оно было бы ничего, если бы не все остальные совпадения. *Шеважа* внезапно научаются управлять огнем. Затем сжигают таким образом нашу заставу и при этом никто из нас их не видит. При этом они исполь-

зуют наши же собственные стрелы. При этом на остальных заставах пожара не видят или отказываются замечать. При этом наш подробный рассказ воспринимается как новость, но не настолько важная, чтобы бить тревогу и мчаться собирать карательные силы в замок.

– Последнее мы не можем утверждать наверняка, – попытался возразить Хейзит.

– Не можем? Да скоро мы вообще ничего не сможем, если будем сидеть здесь и ждать, чтобы нас разбудили да накормили вкусным завтраком.

– Вы считаете, это заговор?

Страшное слово само сорвалось с языка. Хейзит прикусил губу и огляделся: кроме них, все по-прежнему спали.

– Я этого не говорил. Но сейчас ты, боюсь, недалек от истины. Я предлагаю бежать отсюда.

– А потом?

– А потом скрываться до тех пор, пока мы ни убедимся в том, что наши подозрения не оправдались.

Предложенный план был привлекателен своей простотой.

Хейзит выглянул в дырку в стене. Серый рассвет. Дождь. Воины в мокрых плащах, чинно прохаживающиеся по *рантам*. Возле стены пасется несколько коней.

– Второй побег с заставы за последние несколько дней – не многовато ли? Да и не сбежишь отсюда так просто: ворота подняты, *эльгяр* на посту.

– И это говоришь мне ты, знаток тайных ходов?

Хейзит решительно сел, почесал обеими руками давно не мытую голову и встал на ноги.

– Если бежать, то всем.

– Не уверен. – Фейли прошелся между спящими. – Некоторым это может не понравиться, а кто-то начнет задавать слишком много глупых вопросов. Я бы оставил их в покое.

Исли заворочался. Во сне задел ногой брата, и тот открыл один заспанный глаз.

– Это кто же задает глупые вопросы? – в довершении всего поинтересовался бодрым голосом Фокдан, оставаясь лежать с закрытыми глазами.

Хейзит поймал сокрушенный взгляд Фейли и ответил пожиманием плеч. Они дождались, когда вся троица окончательно проснется, и в двух словах изложили ход своих мыслей.

– Я это предвидел, – сказал Мадлох.

– Чушь собачья, – открыл глаза Фокдан.

– А как же наши семьи? – спохватился Исли.

Последнее замечание заставило Хейзита снова посмотреть на Фейли. Он выпустил из виду, что в случае нового побега вернуться к матери и сестре получится нескоро.

– Именно поэтому я и не настаиваю на том, чтобы вы все следовали моему плану, – проговорил Фейли. – У каждого теперь должна быть своя дорога. Кто-то из вас слепо верит нашим правителям. Для кого-то важнее всего дом и родные. У меня семьи нет, а обитателям Вайла'туна я не верил от-

родясь. Поэтому предлагаю на этом и расстаться. Хейзит, у меня к тебе будет единственная просьба: если ты не собираешься прислушиваться к здравому смыслу и уйти вместе со мной, будь добр, помоги мне отыскать подземный ход. А если уйдут не все, тем лучше: Тулли не сразу спохватится, и у меня будет возможность выбраться на свободу.

С этими словами он направился к лестнице. Хейзит последовал за ним. Мадлох, как ни странно, тоже.

– Ты-то куда поперся? – огорошено окликнул его Исли. – Совсем сдурел?

– Может и сдурел, да только уж лучше я посмотрю на тебя со стороны, когда ты будешь докладывать о пожаре Ракли, а он велит заковать тебя в кандалы как смутьяна и отправить на работы в каменоломню. Мне мой арбалет как-то ближе, чем кувалда.

Исли надулся от обиды, но смолчал.

Фокдан оставался равнодушно лежать на полу.

Втроем они спустились по лестнице в трапезную и не обнаружили там никого, кроме слуг. Выйдя из башни, они попытались напустить на себя независимый вид, и двинулись в направлении ворот, переходя от дома к дому. Хейзит только предполагал, где может скрываться потайной ход, но не знал наверняка. Попадавшиеся им на пути воины косо взирали на мокнущих без плащей чудаков, однако с расспросами не приставали. Сказывалась безмятежная жизнь на самом краю Пограничья, куда с незапамятных времен не сту-

пала нога ни одного *шеважа*.

– Простые *эльгяр* явно ни о чем не догадываются, – отметил Хейзит.

– Думаю, так было и будет всегда. Те, кто обладают даром догадываться о сути происходящего, либо становятся нашими предводителями, либо гибнут раньше времени при загадочных обстоятельствах, – назидательно заметил Фейли.

– Интересно, догадывается ли наш провожатый, где находится люк в подземелье? – не слишком обходительно вставил Мадлох. – Мы так можем кружить до ночи.

– Сюда, – решительно надавил плечом на покосившуюся дверь Хейзит. В душе он был даже рад тому, что некоторые из бывших спутников покидают его. Мадлоха он невзлюбил с самого начала их трудного пути.

Они оказались в обычном деревенском хлеву, где в загонах похрюкивали свиньи, а в узких ящиках с решетками вместо стен, прогуливались нахохлившиеся курицы. Строители застав избегали размещать вход в подземелье в жилых избах, чтобы их обитатели не могли его обнаружить даже случайно. Это и был один из принципов, которым руководствовался Хейзит, во время поисков. Другим принципом была близость постройки к стене. Существовали и некоторые иные хитрости, однако Хейзиту хватило и первых двух. Он сам порадовался в душе произведенному на Фейли и Мадлоха впечатлению, когда отодвинул в дальнем углу хлева тяжелый с виду ящик и указал на скрывавшийся под ним лаз.

– Как видите, здесь они даже не стали делать люка. – Он посторонился. – Ну, бывайте.

– Ты уверен, что не хочешь последовать нашему примеру? – Фейли был серьезен и не обращал внимания на Мадлоха, который уже по пояс скрылся под землей.

– Мне будет грустно, если вы окажетесь правы, – ответил Хейзит.

– Смотри, как бы ни было слишком поздно, строитель. – Он положил ему руку на плечо. – Что ж, желаю тебе успеха в разговоре с Ракли.

Дождавшись, пока его голова ни скроется в дыре, Хейзит задвинул ящик на место и, не оглядываясь, вышел из хлева.

Только на улице он подумал о том, что будет говорить Тулли, когда тот спросит, куда подевались остальные гости. Не скажешь ведь, что они решили еще ночью податься в замок: для этого нужно либо перелезать через совершенно не приспособленные для этого стены заставы, либо ломиться в запертые ворота, возле которых всегда есть охрана. Да к тому же легко выяснить, что мост ночью никто не опускал.

Вернувшись в башню, он застал своих спутников в трапезной. Тулли был тут же и выглядел усталым и не выспавшимся.

– А мы уж заждались, – сказал он, указывая Хейзиту на место возле себя. – Осталось дождаться скольких, двоих?

По лицами Фокдана и Исли Хейзит понял, что они избежали объяснений с Тулли и признались в собственном неве-

дении.

– Не думаю, что мы их дождемся, – сказал он первое, что пришло ему в голову, и сел за стол. – Я искал их повсюду, но нигде не нашел.

На самом деле Тулли было достаточно бросить клич и расспросить своих *эльгяр*, чтобы уличить Хейзита во лжи: слишком многие видели, как они втроем разгуливают под дождем по заставе. Однако Тулли этого не сделал.

– Странные у вас сотоварищи, – пожал он плечами. – Видать, им, как и мне, не спится. Ну да ладно, давайте побыстрее расправимся с нашей скромной трапезой – и в путь. Лошади уже оседланы. Вон в углу лежат ваши плащи: скакать под дождем – удовольствие для избранных. А когда появятся ваши спутники, я отправлю их следом.

Хейзита так и подмывало спросить у Тулли, не посылал ли он в замок своих гонцов еще ночью, пока все спали. Осторожность взяла верх над любопытством, и он смолчал.

Больше они почти не разговаривали.

Лошади послушно дали вывести себя из стойла и терпеливо ждали, когда на них усядутся новые хозяева, не слишком привычные в езде верхом. Пока ничто не говорило о том, что Хейзита и его спутников собираются не пустить дальше, схватить и бросить в тюрьму. На счет Тулли страхи Фейли были явно напрасными. Хорошо бы так было и дальше, подумал Хейзит, постукивая пятками в бока своей неторопливой коняги и направляясь к распахнутым воротам, за кото-

рыми со скрипом опускался мост.

– И не забудьте передать Ракли, что сбываются мои худшие опасения, – крикнул вдогонку Тулли.

Оказавшись за пределами заставы и отъехав на должное расстояние, всадники поравнялись и перешли на ходьбу.

– Я же говорил, что Фейли померещилось, – начал Исли. – Если так хотелось убежать, убегал бы сейчас, на лошади. Никто не держит.

– Полагаю, это его личное дело, – кутаясь в плащ, заявил Фокдан. – Похоже, он не из тех, кто меняет свои решения так же легко, как заставы.

– А что, вы знавали его и раньше? – поинтересовался Хейзит, довольный тем, что вот уже который день на равных правах участвует во взрослых беседах. – Признаться, я его так до конца и не понял.

– Да что там понимать, – усмехнулся Фокдан. – В иное время таких как он назвали бы «перебежчиками». В том смысле, что ему не сидится на одном месте. Насколько мне известно, он перебывал чуть ли не на всех заставах Пограничья и отовсюду под тем или иным благоприятным предлогом рано или поздно делал ноги. Иногда ему приходилось путешествовать по лесу в одиночку. Благодаря этому, он получил достаточно опыта, чтобы его ценили на любой из застав, несмотря на сомнительную репутацию. Мне даже приходилось слышать, будто он жил среди *шеважа*, но думаю, это все чушь собачья. Увидев его тогда, в подземелье, я ни-

чуть не удивился. А вот чему я точно удивился, так это тому, что вывел всех с заставы не он, а ты. Видать, вы с ним чем-то похожи. Чутьем что ли.

Хейзиту это неожиданное сравнение польстило, но он промолчал и перевел лошадь на рысь.

Скоро дорога то здесь, то там стала прерываться полянами, полян становилось все больше, а сами они – все просторнее, пока, наконец, впереди ни забрезжил долгожданный просвет: Пограничье заканчивалось, дальше лежала открытая степь, по которой далеко-далеко впереди несла свои воды широкая Бехема. Правда, уже с опушки леса, если как следует присмотреться в нужном направлении, можно было разглядеть у самого горизонта острые башни неприступного Вайла'туна.

Фокдан первым пришпорил своего коня и веселым гиканьем устремился вниз по пологому склону, поросшему высокой сочной травой. Хейзит, радуясь вместе с ним, хотя и не отдавая себе отчета в том, чему именно, последовал его примеру. От скорости и бьющего в лицо свежего ветра захватывало дух. Исли едва поспевал за ними на выбивающейся из последних сил под бременем его богатырского веса кляче.

Они и не заметили, как дождь перестал. Лучи невидимого пока солнца, веером вспоровшие черные космы туч, озарили степь причудливым светом. Прямо впереди всадников, на фоне уходящей восвояси грозы, выгнулось через все небо коромысло многоцветной радуги.

Хейзиту при виде всей этой красоты, этого безбрежного простора сделалось так хорошо и вольно, что на какое-то время он даже забыл о том, кто он, где он и куда и зачем скачет. Хотелось всегда мчаться вперед, вдыхать полной грудью пропитанный влагой воздух, слушать, как хлопает за спиной раздуваемый ветром плащ и со смехом кричать своим спутникам, что жизнь – не такая уж скверная штука.

Скачка продолжалась недолго. Вскоре степь то здесь то там стала прерываться возделанными участками, на которых сутулились трудолюбивые *вабоны*: сухой сезон подходил к концу, и нужно было не слишком задерживаться со сбором пережившего невиданную доселе жару урожая. Хозяева более рачительные еще и умудрялись заниматься новыми посадками: тех злаков, которые вызревают быстро и почву предпочитают изобильно политую дождями. Некоторые участки были обнесены простенькими изгородями, некоторые – очерчивались неглубокими канавами, но в любом случае путники, уважавшие труд своих соплеменников, перешли с галопа на неторопливую рысь, чтобы ненароком не потоптать чужое добро.

Крестьяне, или *фолдиты*, как их здесь называли, при виде всадников устало разгибали спины и, опираясь на лопаты и мотыги, провожали их кто любопытными, кто тревожными, а кто и сердитыми взглядами. Хейзит приветливо кивал всем без разбору, но в конце концов не смог не задать донимавший его вопрос вслух:

– Почему они так недоброжелательно на нас смотрят?

– Сразу видно, что ты не жил в деревне, – отозвался Исли, обрадованный возможностью не спешить и почесать языком: верховая езда была явно не самым сильным его увлечением. – Многие *фолдиты*, к которым раньше относился и я сам, считают, что все остальные *вабоны* только и знают с утра до ночи, что бездельничают. Среди тех же рыбаков можно найти немало противников того, чтобы *вабоны* вообще уходили далеко от замка, на лесные заставы. Они считают, что дел всем хватит и здесь, а жизнь будет спокойнее.

– Как же тебя угораздило пойти в арбалетчики? – усмехнулся Фокдан. – Похоже, обратно в деревню тебе дорога закрыта.

– Вот уж нет! – Исли обиженно отмахнулся и чуть не упал с лошади, но вовремя ухватился за гриву. – Я, между прочим, даже сейчас в замок с вами ехать вовсе не собираюсь. А арбалетчиком я стал больше потому, что хотел поддержать брата, в смысле – Мадлоха. Этого раздолбая, который теперь известно с кем, но неизвестно где шляется вместо того, чтобы поспешить домой, где мы уже хрен знает сколько не были и где нам всегда рады. А потом, – спохватился он, – я же сказал, что так думают «многие» *фолдиты*, а это не значит «все».

Его прервали бранные выкрики нескольких стариков, столпившихся на расположенном впереди участке и размахивающих своими нехитрыми орудиями.

– Что им надо? – не расслышал Хейзит.

– Похоже, мы сбились с дороги, – оглянулся на него Фокдан, лицо которого озаряла неуместная для складывающейся ситуации улыбка. – И эти милы люди желают нам провалиться сквозь землю, потому что мы вот-вот растопчем плоды их тяжкого труда.

Старики горланили в один голос, так что разобрать слов было почти невозможно, хотя общий смысл угадывался безошибочно. Черенки лопат красноречиво указывали то направление, в котором всадником надлежало незамедлительно повернуть, а иначе – подпрыгивали в жилистых руках мотыги и грабли – поворачивать будет не на чем и некому.

Фокдан послал им в ответ военное приветствие, каким на заставах обмениваются заступающие на караул и уходящие на покой *эльгяр*, и направил своего жеребца в сторону от грозного участка.

Последовавший за ним Хейзит не преминул обратить внимание спутников еще на одну бросившуюся ему в глаза особенность, в которой он никогда прежде не отдавал себе отчета:

– Или мне уже начинает мерещиться, или здесь и в самом деле живут в основном одни старики.

– Похоже на то, – озадаченно почесал подбородок Исли. – Старики. Да старухи.

– А то вы не знаете общепринятой подоплеки, – попридержал коня Фокдан. – Здесь же самые плодородные и наи-

более легкие для обрабатывания земли.

Разумеется, они об этом слышали, однако в тоне бывалого воина отчетливо прозвучала непонятная ирония. Хейзит не преминул ему на это указать.

– Земли тут, говорят, и в самом деле неплохие, – помолчав, будто в нерешительности, ответил Фокдан. – Но стоило нам сейчас сбиться с проторенной дороги, как вы сами не могли не заметить второго предназначения всех этих участков. Если не заметили, из вас получатся никудышные *виггеры*.

– А я и не спорю, – отозвался Исли. – Метко из арбалета стрелять – его еще не значит быть *виггером*. И тем более – хотеть им быть. Так что валяй, рассказывай, меня не обидишь.

Хейзит промолчал, не считая нужным лишний раз признаваться в любви к созиданию, а не разрушению.

– Все эти участки, – огляделся, гарцуя на одном месте, Фокдан, – на самом деле призваны быть естественной преградой на случай вторжения врага из Пограничья.

У Исли открылся рот, а Хейзит поморщился, как от боли.

– Что? Вы хотите сказать, что этим старикам придется первыми встречать *шеважа*, если те надумают атаковать замок? И Ракли это знает?

– Придется, – кивнул Фокдан. – И Ракли знает. А что еще прикажете делать? Дороги до замка булыжные прокладывать?

– Убивать! – вырвалось у Исли. – Убивать этих *шеважа*,

пока они торчат в своем лесу!

– Решение мудрое, но не слишком просто выполнимое, – сказал Фокдан, снова пуская коня рысью вдоль кривых жердей очередной ограды. – Пройдет немало времени, прежде чем *вабоны* смогут чувствовать себя в лесу хозяевами. Мы слишком часто отсиживаемся на заставах, до сих пор казавшихся нам почти неприступными, и слишком редко первыми нападаем на *шеважа*, когда воины, кроме вражеских стрел, получают еще и столь необходимый опыт. Вон дорога!

Хейзит узнал тот путь, которым он не так давно проследовал в противоположном направлении. Сейчас его было не узнать: земля взрыта копытами многочисленных лошадей и совершенно расклякла после недавнего проливного дождя.

– Хорошо бы не свалиться в лужу, – заметил Исли. – Уж лучше бы мы блуждали и дальше, чем месить эту грязь.

– Кстати, теперь мы точно знаем, что Фейли говорил не только глупости, – прервал его Фокдан. – Нас действительно опередили. Полагаю, если Ракли остался в замке, ему будет недосуг с нами разговаривать.

– С чего вы взяли? – насторожился Хейзит.

– Насколько я умею читать следы, тут навстречу нам еще ночью прошел довольно большой отряд всадников и тяжелой пехоты. Фейли оказался прав: сразу после разговора с нами Тулли послал в замок гонцов, а Ракли, не откладывая, собрал войско, достаточно мощное, чтобы расправиться с *шеважа*, захватившими нашу заставу.

В первый момент, услышав это предположение, Хейзит облегченно вздохнул. Ну и что же с того, что Фейли не ошибся? Да, их опередили, но зато не сбылись его худшие опасения: Ракли никого не предавал, напротив, он отреагировал молниеносно, как и подобает настоящему военачальнику. Теперь *шеважа* несдобровать! Однако уже в следующее мгновение он слишком отчетливо осознал, что подобную наивность может позволить себе разве что восторженный мальчишка, наслушавшийся от стариков историй о героизме своих предков, и готов был повернуть коня и пуститься вдогонку за посланным в Пограничье войском.

– Их же всех там перебьют! – воскликнул он. – Или Ракли не понял, что заставы больше нет? Если *шеважа* не перестреляют их по дороге, то уж наверняка сделают это, когда отряд выйдет на место, где раньше была застава.

Фокдан ничего не ответил, но вид у него тоже сделался встревоженным. Исли бессмысленно изучал лужи и помалкивал.

– А если они собираются всю дорогу пройти по лесной тропе, – продолжил Хейзит, – то им может повстречаться тот черный всадник, на сей раз, допустим, со своими подручными, и тогда вообще неизвестно, удастся ли кому выжить и дойти до места. Ох, и не нравится мне все это!

Между тем Исли как будто нашел, что искал. Пришпорив коня, он подскакал к тянущемуся вдоль дороги участку, засаженному низкорослыми яблонями, и громко закри-

чал вглубь деревьев:

– Эй, хозяева, есть кто живой!

Ему пришлось повторить свой призыв трижды, прежде чем из-за яблонь появилась худенькая смуглая старушка с большущей, правда, пока пустой корзиной в загорелых натруженных руках. Хейзит и Фокдан слышали, как Исли спрашивает ее, не видала ли она здесь войско из замка.

– А как же, милок, видела, своими вот глазами нынче ночью и видела, – прошамкала старуха. – Они еще разбудили меня, подлецы, так оружием своим бряцали. А ты от них отбился что ль?

– Не помнишь, мать, вечером это было или уже под утро? – не обратил внимание на ее вопрос Исли. – И сколько их было?

– Под утро, милок, точно под утро. Я еще козам воды налила – они за ночь все выдули. А сколько людей было, не скажу. Много. И на конях, как ты вон, и пешие. Долго мимо шли, я аж до конца не достояла, пошла опять ложиться.

Исли поблагодарил старушку за беспокойство и вернулся к озадаченным спутникам. Озадаченным тем, что в нужную минуту он оказался из них самым сметливым.

– Ну, что теперь скажите? – с гордым видом поинтересовался он. – В замок поскачем или вдогонку?

– Вывода два, – подумав, предположил Фокдан. – Если отряд прошел под утро, выходит, тревогу подняли гонцы Тулли: узнай Ракли о случившемся в лесу сам, послал бы вой-

ско раньше. И второе: людей Ракли не пожалел. В том смысле, что отправил в Пограничье достаточно сил, чтобы отбить любое из племен *шеважа*, а заодно попытаться отстроить заставу. Если бы ты порасспросил свою старушку поподробнее, то наверняка бы выяснил, что кое-кто из пехотинцев был вооружен широкими топорами на длинных рукоятках. Вот и Хейзит кивает, понимает, о чем я говорю. Наверняка вместе с войском Ракли отправил и лесорубов. Я дважды участвовал в постройках новых застав и представляю себе, как это делается.

– И тем не менее, – подхватил Хейзит, – это лишний раз доказывает, что Ракли нужны более точные сведения о произошедшем. В противном случае, сколько бы лесорубов он ни послал, все их труды пойдут насмарку. Пограничью нужны не лесорубы, а каменотесы.

Не дожидаясь, последуют ли за ним спутники, или нет, он развернул коня в сторону замка, пригнулся к самой гриве и погнал, что было сил, вперед. Оглянувшись через некоторое время, с облегчением увидел, что оба скачут наперегонки во весь опор сзади.

Залитая грязными лужами дорога вилась между полями, то поднимаясь на холмы, то сбегая пологими склонами. С одного из холмов неожиданно открылся вид на широкую гладь реки, на ближнем берегу которой, у самой воды, на неприступном утесе, возвышался удивительный и прекрасный Вайла'тун – родовой замок семейства Ракли.

Хайзиту показалось, что даже с такого расстояния он видит разноцветные знамена, реющие на шпилях многочисленных крепостных башен. Их было такое количество, что издалека да еще на фоне сверкающей речной глади замок походил на чудом взобравшегося на высокий утес белого ежа. На самом деле при его возведении использовался бледно-желтый камень – единственный, какой удалось отыскать в округе в нужном количестве. Хейзит знал это лучше кого бы то ни было. И тем не менее сейчас, наблюдая замок в лучах с трудом прорывающегося сквозь черную мглу грозовых туч солнца, он не мог отделаться от впечатления, будто это застывший над крутым обрывом еж-альбинос или запорошенное снегом каменное гнездо какой-то неведомой, но наверняка хищной птицы.

Над замком висела путеводная радуга.

– Ну что, здесь заночуем или все-таки двинемся дальше? – поинтересовался над ухом голос Фокдана.

Хейзит только сейчас заметил, что любуется замком, сидя на коне, который от безделья уже начал пощипывать травку, запивая ее водой прямо из лужи.

– Давайте не так быстро, – взмолился подъехавший Исли.

Глядя на его бледное, вспотевшее лицо, трудно было сказать, кому эта скачка дается труднее: взмыленной лошади или всаднику.

Они пустили коней вниз по склону легким аллюром.

Замок теперь сопровождал их повсюду, то плывя над зо-

лотистыми пашнями, то скрываясь за высокими придорожными кустами, то вновь выныривая в просветах между грядами развешенного на деревянных подпорках хмеля.

Вскоре быстрому продвижению вперед стали мешать то и дело попадавшиеся на дороге неторопливые открытые повозки. Те, что катились навстречу, как правило, оказывались пусты, те же, что им приходилось обгонять, везли разнообразные плоды упорного труда неутомимых *фолдитов*. Сидевшие в повозках люди взирали на всадников с интересом и опаской: *виггеры* встречались здесь не настолько часто, чтобы к ним привыкли, но уж когда встречались, это неминуемо означало определенные сложности в Пограничье.

Постепенно возделанные участки начали уступать место старым, покосившимся от времени избам, в которых попрежнему кто-то жил. В детстве Хейзит никогда не оказывался в здешних краях и почти ничего о них не знал, а по пути на заставу те, к кому он обращался с расспросами из свиты Локлана, лишь отнекивались или говорили, что тут селятся разные неудачники и лентяи. Воспользовавшись случаем, Хейзит не преминул задать тот же вопрос Фокдану.

– Это грустные места, – ответил Фокдан и повернулся к Исли: – Ты знаешь, о чем я?

– В деревне у нас поговаривали, что сюда переселяются те из *виггеров*, которые стареют и заканчивают нести службу в замке или на заставах.

– На заставах, – уточнил Фокдан. – Из замка сюда едва ли

кто переселяется. И еще поправочка: не только заканчивают нести службу, но и просто не могут. Вон посмотрите, – кивнул он в сторону избы, возле которой голый по пояс человек пытался выкопать что-то в земле, держа лопату одной рукой; в другой он сжимал клюку, на которую опирался – у человека была всего одна нога. – Ему едва ли больше сорока, но он уже не может быть полноценным *виггером*. Причем ногу, смею вас уверить, он потерял не просто так, а защищая на какой-нибудь далекой заставе и эти поля, и этот замок. Скорее всего, сердобольных родственников у него не оказалось, и он был выслан сюда и предоставлен сам себе. Кстати, Хейзит, хочу упредить твой юношеский пыл: Ракли едва ли захочет с тобой говорить на эту тему, если ты ее попытаешься затронуть. Если даже он вообще захочет с нами говорить.

Хейзиту сделалось не по себе.

Раньше ему представлялось, что все *виггеры*, получившие на войне с *шеважа* те или иные ранения, а тем более тяжелые увечья, и выжившие – герои, достойные того, чтобы у них появлялся и свой культ, и свои проповедники. Пусть не такие, как у легендарных Дули или Адана, но тоже достойные памяти потомков. А теперь выяснялось, что изувеченные войной *виггеры* могут прозябать в таких вот всеми забытых лачугах, одни, без друзей и видимой помощи из замка. Поистине: век живи – век учись. Неужели и Локлан ничего не знает о действительном происхождении всех этих «неудачников и лентяев»?

Пока он размышлял о том, что видел и слышал, придорожные постройки по мере приближения к замку стали преображаться. Теперь это уже были прочные одноэтажные, а то и двухэтажные дома из толстого бруса, с островерхими крышами, с которых так быстро стекал дождь или стаивал снег, иногда обнесенные невысокими изгородями, за которыми утопали в цветах и зелени уютные садики, иногда – отдельно стоящие, большие и маленькие, раскрашенные в разные яркие цвета, а подчас – и отделанные причудливыми резными орнаментами вокруг окон или даже по всему обращенному к дороге фасаду.

Здесь Хейзит впервые почувствовал, что возвращается домой. Именно среди таких изб он и вырос и сам кому угодно мог бы сейчас поведать о том, что в домах за изгородями живут люди, а те, что ничем не обнесены, постройки для всех: кузницы, пекарни, лавки преуспевающих торговцев всякой всячиной, часовни, оружейные мастерские, постоялые дворы и, конечно же, – таверны. В одной из таких таверн, только не ярко-вишневой, как вон та, что виднеется за мельницей, а темно-зеленой, трудится сейчас его родная мать. Трудится и не знает, что он уже вернулся, вернулся значительно раньше положенного срока, но зато живой и здоровый, а не изувеченный или даже раненый, каким наверняка был бы, если бы не удачный побег из самого пекла войны.

На душе у него заныло и захотелось домой, в тепло привычной комнаты под крышей, в запах пивных дрожжей и ва-

реного лука.

Но тут его обожгла новая внезапная мысль: а что если слух о гибели их заставы уже разнесся по округе? Что если мать и сестра решили, будто их сын и брат погиб вместе с остальными *эльгяр*? Смогли ли они пережить эту страшное известие? Ведь Велла так жалобно плакала, когда он собирал вещи, готовясь в поход.

Вероятно, Исли испытывал сейчас нечто подобное. Тоскливо оглядываясь по сторонам, он наконец не выдержал и натянул повод своей выбившейся из сил коняги.

– Поступайте, как знаете, а я хочу с вами тут распрощаться. Не пойду я в замок. Нечего мне там делать. Если кого долг зовет, я такого долга за собой не чувствую. Мне бы поскорее семейство мое увидеть. Думаю, они меня и без мешка денег рады будут обратно принять. Скажу, Ракли заплатил мне сполна, да только теперь мы в расчете. Буду, как прежде, рыбачить да уловом торговать. Авось на старость наторгую. Да и Мадлох, дурачина, думаю скоро объявится. Не будет же он по лесам с этим чокнутым воякой отсиживаться. Ну, бывайте здоровы.

Не встретив возражений, он пожал обоим спутникам руки, что далось ему не без труда, поскольку все это время он оставался в седле, и неторопливо, как будто даже с удовольствием, поскакал прочь и скоро его грузная фигура затерялась между разноцветными домиками.

– Ну, что скажешь? – помолчав, осведомился Фокдан,

не глядя на собеседника. – Как у тебя с чувством долга?

Хейзит невольно растерялся, осознав, что ему впервые за долгое путешествие предоставляется возможность самому сделать выбор.

– Мне обязательно нужно поговорить с Ракли, – не слишком уверенно начал он. – Без камней в лесу больше нечего делать. Он должен это понять.

– А правильно ли понимаю я, что, на твой взгляд, все это может и подождать? Допустим, до вечера. Или до завтра? – Неожиданно Фокдан дружески улыбнулся и подмигнул Хейзиту. – Знаешь что, парень, не кори ты себя и поступай по примеру Исли. Тебя ведь наверняка дома заждались. Даже если не догадываются о том, что произошло. Как там, бишь, твоя таверна называется?

– «У Старого Замка»…

– Вот и поезжай-ка ты лучше домой. А я уж, так и быть, довершу начатое нами дело еще сегодня и постараюсь свидеться с Ракли. Не думаю, что он откажется от встречи с сыном Шигана.

Воцарилась неловкая пауза.

Фокдан думал, что Хейзит не решается внять внутреннему голосу, а тот смотрел на своего старшего товарища по несчастью и понимал, что слишком мало узнал за время пути об этом мужественном человеке, даже не успевшим схоронить отца и наверняка оставившим вместе с пепелищем и службу, и дом, и семью. Что он будет делать теперь?

Как и где жить? Куда отправится?

– Вы правы, – сказал он, не опуская глаз под внимательным взглядом собеседника. – Мой долг зовет меня показаться матери и обнять сестру. А потом я пойду в замок. Но мне бы не хотелось, чтобы вы посчитали, будто я кого-нибудь или что-нибудь предал. – Он поднял руку, останавливая возможные возражения. – Поэтому я предлагаю сделать следующее. Если все у вас пройдет благополучно, встретитесь вы с Ракли или нет, но сегодня вечером я буду ждать вас в нашей семейной таверне, название которой вы, я надеюсь, все же запомнили. Поверьте мне, вы не пожалеете. – Увидев на лице Фокдана хитроватую улыбку, он добавил: – А заодно ваш приход будет означать, что наш общий знакомый по имени Фейли ошибся в своих подозрениях, и мы не стали жертвами придуманного им заговора.

– Что ж, давай на том и порешим, – ответил Фокдан, почти не раздумывая. – Только навари к моему приходу побольше пива: после разговора с Ракли у меня наверняка пересохнет в горле.

Он рассмеялся и, похлопав Хейзита по плечу, направил коня в ту же сторону, где недавно скрылся Исли.

Провожая его встревоженным взглядом, Хейзит подумал, что это вовсе не прямая дорога к замку. Прямая дорога находилась здесь, под копытами его коня. Он даже хотел было окликнуть Фокдана, однако не решился. У того вполне могли быть свои планы. В сущности, при желании он мог бы сей-

час навсегда исчезнуть из жизни Хейзита, не только не заглянув к нему вечером в материнскую таверну, но и не придя на встречу с Ракли. Правда, Хейзит не верил в то, что такое могло произойти. Особенно последнее. Фокдан еще во время их бегства через лес разительно отличался от того же Фейли, с которым они во многом остальном были весьма похожи, своей прямотой в суждениях и предсказуемостью в поступках. Окажись сейчас на месте Фокдана Фейли, он повел бы себя совершенно по-иному. К примеру, поскакал бы во весь опор по дороге к замку, но в итоге так бы никогда до него не добрался и на вечернюю встречу не пришел.

– Кто разберет этих вояк? – произнес себе под сон Хейзит, поворачивая и пришпоривая коня.

Постоянная жизнь в лесу, подумал он, заставляет их и среди своих соплеменников вести себя подозрительно, как в осаде. Хотя в чем-то, быть может, они и правы. Особенно, если в конце концов выяснится, что война с *шеважа*, до сих пор ограничивавшаяся пределами Пограничья, добралась и до Вайла'туна. Каким образом это могло произойти, он понятия не имел, однако события последних двух дней слишком многое явили ему в новом свете, чтобы наивно полагать, будто в окружающем мире ничего не изменилось.

Пытаясь всячески отбросить эти тревожные мысли, Хейзит не без гордости гарцевал по грязи, осматриваясь по сторонам. Уходил-то он отсюда в свое время пешком, следуя за обозом, везущим на заставу все необходимые припасы,

а теперь под ним был усталый, но по-прежнему грациозный конь, ну, пусть и не грациозным, но зато под седлом, настоящий, как у богатых *виггеров*, громко фыркающий, косящийся на своего молодого хозяина и обращающий на себя внимание многочисленных прохожих. Хейзит даже приосанился, когда две пробегавшие мимо девчушки растерянно попятились от нависшего над ними стремени и присели в реверансах, смущенно улыбаясь снизу-вверх. Мужчины постарше качали головами, полагая, видимо, что такому лоботрясу не престало разъезжать верхом там, где могут сгодиться и ноги. Женщины поглядывали на него с любопытством, но при этом не отрывались от своих повседневных дел: кто присматривал за непоседливыми малышами, кто развешивали на веревках припрятанное на время дождя белье, кто выливал в ямы ведра с помоями, кто сыпали золотистое пшено в кормушки для домашней птицы, а кто просто шил или штопал что-то, сидя прямо под окнами своих ухоженных домиков на широких лавках, накрытых по традиции красивыми толстыми коврами.

Человек посторонний, если бы таковой когда-нибудь сюда попал, непременно запутался бы, пытаясь отыскать тот или иной определенный дом. Все постройки вокруг замка располагались хаотически, без плана и правил, кому как удобнее. Так было здесь всегда, и никто в обозримом будущем ничего с этим делать не собирался. Дети рождались, дети росли, дети покидали родительский очаг, на свободной зем-

ле строились новые избы, замок получал с этого подобающие денежные выплаты, как считалось, на содержание армии, и все были вполне довольны существующим положением дел. Что до выплачиваемых замку денег, то условия были тоже предельно просты: селись дальше от укрепленных стен – плати меньше, живи ближе – плати больше. Хейзит не знал наверняка, но предполагал, что обитатели рыбацких деревень, раскиданных вдоль побережья Бехемы, вроде той, откуда был родом Исли, вообще ничего за свою воображаемую безопасность не платили, а если и платили, то, скорее всего, не деньгами, а в виде доли от улова.

Выражение «воображаемая безопасность» еще давно в обиход Хейзита ввел один из завсегдатаев «У Старого Замка», зажиточный и всегда холеный торговец оружием Ротрам. Поговаривали, что в таверну он частит не столько за пивом и закусками, сколько в надежде завоевать расположение самой хозяйки. И что будто бы привязанность эта зародилась в нем задолго до того, как Гверна вышла замуж и нарожала двоих детей. Только теперь, когда она осталась без кормильца, привязанность и неразделенная в свое время любовь превратились у стареющего телом, но не душой Ротрама в навязчивую манию. Хейзит обо всем этом слышал и посмеивался. Ротрам был человеком добрым, на удивление щедрым и не чурался подсмеиваться не только над маленьким попрошайкой Хейзитом, но при случае и над самим собой.

– Мой товар, – говорил он, раскладывая прямо на столе таверны замечательной работы клинки с инкрустированными драгоценными камнями рукоятями, – куда надежнее тех стен, что возводит вот уже который год твой замечательный папаша, малыш. – Хейзит в восторге детского непонимания хлопал глазами и осторожно трогал холодный металл. – Когда-нибудь они все-таки рухнут, а мои ножички еще долго будут служить тем, кто не пожадничает их купить.

Гверна считала Ротрама чудаком, но Хейзит знал, что она всегда старается угостить его чем-нибудь особенно вкусным, что ей наилучшим образом удалось прожарить или отварить. Правда, точно таким же образом она вела себя со всеми завсегдатаями «У Старого Замка».

Разглядывая разноцветные домики – а некоторые хозяева умудрялись раскрасить весь дом разными красками, выделяя наличники вокруг окон, ставни, двери, чуть ли не каждое бревнышко отдельной краской, – Хейзит поймал себя на мысли, что воспринимает их теперь в несколько ином свете. То, что сказал Фокдан еще в степи, глубоко врезалось ему в память и заставило лишний раз призадуматься. Похоже, расплачиваться за весь этот хаос застройки, причем расплачиваться в прямом смысле, должны были не строители и обитатели с замком, как сейчас, а сам замок – с ними. Все равно внутри его неприступных стен едва смогла бы найти укрытие – то бишь «воображаемую безопасность» – даже треть нынешнего населения так называемого *Большого*

Вайла'туна. Другое дело, что сегодня никто из этих людей не принимал подобную необходимость в расчет и наслаждался, кто как мог, чуть ли не сказочной удаленностью лесной войны. Но если же в один совершенно не прекрасный для *вабонов* день обнаглевшие от своих огненных побед над разрозненными деревянными заставами *шеважа* выплеснутся из чащ Пограничья в степь и устремятся на замок, им придется преодолеть на пути слишком много преград. Уж если кто и находился в безопасности, причем самой что ни на есть реальной, так это обитатели замка, или *Малого Вайла'туна*, то есть жители тех домиков, что исторически оказались в черте Стреляных Стен – деревянного частокола, обязанного своим причудливым названием тому способу, благодаря которому он был несколько зим назад возведен: Ракли распорядился расставить вдоль настоящих, каменных стен замка лучших лучников гарнизона, и те из своих знаменитых ростовых[13] луков должны были стрелять на дальность. В тех местах, куда падали стрелы, были вкопаны заостренные бревна, между которыми дюжина плотников за считанные дни возвела из прочных березовых жердей сплошной забор – Стреляные Стены.

---

[13] «Ростовыми» они назывались потому, что делались точно по росту каждого лучника. Считалось, что совпадение роста хозяина и длины лука (в распрямленном виде, то есть без тетивы) придает последнему особенную силу и точность. Ростовые луки использовались *вабонами*, главным образом, при обороне укреплений, однако, иногда к ним прибегали и в сражениях на открытых пространствах, чаще всего, как к средству защиты от атакующей конницы противника.

К счастью, таверна их семейства оказалась «У Старого Замка» не только по названию: Хейзит отчетливо помнил, как выпущенная в том направлении стрела, находясь, правда, уже на излете, смачно впилась в висящую над самым входом деревянную табличку. Гверна потом даже попросила, чтобы ее оставили торчать там в память о том знаменательном дне. Плотники шутили, что придется пускать забор прямо по крыше таверны, но они слишком хорошо знали хлебосольную мать Хейзита, чтобы привести свою угрозу в исполнение, да и по неписаным правилам Стреляная Стена не должна была становиться причиной сноса той или иной постройки. Зато, пройдя сразу за окнами таверны, она немилосердно отрезала Хейзита от значительной части того мира, к которому он привык за проведенные здесь годы детства и отрочества. Поскольку ближайшие ворота решено было прорубить довольно далеко от таверны, в том самом месте, куда теперь вела его утопающая в лужах проселочная дорога.

Вообще же ворот в Стреляных Стенах было сделано трое: одни смотрели вниз по течению реки, и ими чаще остальных пользовались доставляющие свой улов рыбаки, другие, через которые по утрам выводили пастись стада коров и овец местные пастухи, – вверх, и, наконец, третьи – в сторону Пограничья, откуда целый день, а порой и ночью шел основной поток посетителей замка, точнее, посетителей тех благ, которые с замком соседствовали: оружейные мастерские, ры-

ночная площадь, лавки кондитеров и – опять-таки – славящиеся собственным пивом таверны.

Интересно получается, думал Хейзит, подъезжая к воротам и с трудом сдерживая нетерпение. Замок дал имя всей округе и в то же время определенно противопоставил себя ей. Раньше, живя здесь постоянно, он этого не замечал, но стоило взглянуть на вещи со стороны да еще глазами более взрослых, более опытных и не в пример ему, восторженному юнцу, циничных воинов, как знакомый мир из пестрого, ничего не значащего многоцветия стал превращаться в извечное противоборство белого и черного, причем, в отличие от однозначности границы между ними там, на заставе, здесь это разграничение оказывалось отнюдь не таким очевидным, как вырастающий впереди с каждым шагом утомившегося коня частокол.

Поскольку при всей своей прочности и внешней неприступности Стреляные Стены выполняли довольно условную роль, на них не только не было *эльгяр*, как, собственно, и *рант*, по которым те могли бы ходить, но даже караул приближался к воротам лишь затем, чтобы изредка закрывать их на ночь. Поэтому Хейзит нисколько не удивился, когда никто не окликнул его, и он преспокойно проехал, разве что машинально пригнув голову, внутрь.

Пригибаться, и в самом деле, не стоило: высота ворот была рассчитана на то, чтобы через них мог без труда проехать всадник да еще гордо держащий в руке древко того или

иного живописного флага, к которым *виггеры* издавна питали неподдельную и необъяснимую слабость. Однако Хейзит все же пригнулся, как делает человек, вынужденный ошибочно соизмерять свой рост с новой для себя обстановкой, и это заставило его вспомнить о том, что он по-прежнему сидит верхом. Нет, обычаи Малого Вайла'туна вовсе не требовали от всадников, чтобы те спешивались, пересекая границу. Напротив, находиться в седле всегда считалось среди *вабонов* занятием почетным и достойным, поскольку говорило либо о заслугах, либо о достатке хозяина, либо о его принадлежности к *мергам*, как сокращенно, но оттого ничуть не менее уважительно величали тех, кто состоял на службе в легендарной кавалерийской гвардии замка. Именно вопрос достоинства и смутил сейчас Хейзита. Конь ведь принадлежал не ему, а был одолжен исключительно ради дела, причем неотложного: прискакать в замок и доложить Ракли о случившемся. И если первая часть была почти выполнена, то со второй Хейзит в последний момент решил не спешить. При этом он открыто продолжал пользоваться доверенным ему конем. Хейзит, откровенно говоря, понятия не имел, что надлежит делать в подобных случаях. Вместе с тем, он был свидетелем того, как Исли, без зазрения совести, преспокойно ускакал на своей коняге домой, в деревню, и, похоже, совершенно не собирался ее кому-то возвращать. Вероятно, он посчитал вполне справедливым, чтобы за все его военные заслуги замок расплатился с ним хотя бы этим, пригодным

для многих полезных вещей животным. Фокдан отправился по назначению. А что теперь делать ему? Спешить в замок, сдавать коня на конюшню, возвращаться к матери, а назавтра снова брести в замок с докладом? Выглядит довольно глупо. Кстати! Ведь Фокдан должен до вечера объявиться в таверне. Вот у кого можно будет спросить совета. Он-то наверняка в курсе установленных порядков. А до тех пор не стоит порот горячку. Итак, домой! Верхом! Но-о, залетная!

Конь весело заржал и припустил по лабиринту тесных проулков между чуть не соприкасающимися крышами домиков.

Если по хорошему, продолжал думать о своем Хейзит, продолжая выискивать с высоты седла кратчайший путь, то в свете последних событий имеет смысл взяться и за перепланировку всей застройки Малого Вайла'туна. Дело нешуточное и вызовет бурю протеста местных жителей, но зато в случае нападения *шеважа* о нем будет кому вспомнить с благодарностью. В противном случае стоит от метко пущенной стрелы загореться хотя бы одному дому, и оглянуться не успеешь, как запылают все. Не помогут и те не горючие растворы, которыми сегодня при строительстве пропитываются бревна. Надо будет обязательно выложить эту идею Ракли.

– Хейзит! Какого рожна ты тут делаешь? – услышал он не слишком любезный оклик. – Да еще на конягу взобрался.

Поискав взглядом среди спешащих мимо людей того, кто

к нему обращается, Хейзит увидел хитро улыбающееся лицо Дита, старого друга отца, до сих пор подрабатывавшего тем, что помогал закупать и доставлять в таверну свежие съестные припасы. Когда-то он тоже работал строителем, но незадолго до гибели отца Хейзита сам получил серьезные увечья, чуть не лишился левой ноги и, в конце концов, стал по мере сил помогать Гверне по хозяйству. Зим ему было, судя по всему, немало, однако всегда насмешливое выражение глаз и курносый нос придавали его внешности мальчишеский задор.

– Я тоже рад тебя видеть, Дит! – приветственно поднял руку Хейзит и, не обращая внимания на посторонних, продолжал: – Как там матушка?

– Рвет и мечет, – отмахнулся тот. – И виноват, разумеется, я, старый дурак. Видите ли, не досмотрел за крышей нашего амбара, а она возьми да прохудись в самый неподходящий момент. Вот дождь за ночь и подпортил чуть ли не все запасы хмеля. Теперь, как видишь, иду за пополнением.

– Подвезти? – неожиданно для самого себя предложил Хейзит. Судя по всему, и с матушкой, и с таверной все и вправду было в порядке, и это известие несказанно взбодрило его после утомительного пути.

– Еще чего надумал! – возмутился Дит. – Сто зим верхом не сиживал – нечего и начинать. Ты вот, я вижу, в большие люди метишь, поезжай-ка лучше домой, да порадуй мать. Глядишь, к моему возвращению у нее на сердце полегчает,

и я отделаюсь лишней прогулкой на рынок. Ты, кстати, не обратил внимания, там хмеля завезли? Я имею в виду сухого. – Он хохотнул, как будто сказал нечто остроумное.

– Да я вообще-то не через площадь ехал, – сознался Хейзит, вспомнив, что впервые с тех пор, как стал зарабатывать, возвращается домой с пустыми руками. – Как там Велла, Дит?

– Как пчелка! С утра до ночи хлопочет. Видать, во вкус вошла. А может, кто из прихожан приглянулся. Кто ее теперь знает. Взрослая стала. Своенравная. Ты бы на нее по-братски повлиял при случае.

Дит почему-то называл всех посетителей таверны «прихожанами». Вероятно, в память о тех временах, когда работал в непосредственной близости от Ракли и бывал свидетелем встреч военачальника с простым народом.

Хейзит в ответ только улыбнулся, представив себе сестренку, расторопно разносящую между столиками полные кружки пива, которые она отказывалась ставить на поднос, а держала всегда прямо в руках. Велла была младше его, но при этом могла умело заменить мать, как в смысле готовки на кухне, так и по части воспитания любимого братца. Что, интересно, она скажет, когда увидит его на коне?

Распрощавшись с Дитом, он с легкой душой отправился дальше.

Скорее всего, раз все живы и здоровы и никто его возвращения не ждет, то не ждут от него и подарков, подсказывал

Хейзиту внутренний голос.

Чувствовать себя среди пешей толпы ловко ему помогали попадавшиеся то здесь, то там другие всадники. В большинстве своем это были уже упомянутые *мерги*, имевшие вид суровый и неприступный. Они следили за порядком на улице – довольно важная и нужная обязанность, которую многие из них, тем не менее, считали повинностью. На Хейзита они бросали подозрительные, если не сказать недружелюбные взгляды, но молча проезжали мимо, вероятно, узнавая, благодаря сбруе, коня с заставы Тулли и принимая молодого наездника за гонца, каковым тот, по сути, и являлся.

Однако попадались навстречу Хейзиту и всадники особого толка. Это был весьма немногочисленный, но заслуживающий отдельного рассказа разряд обитателей *Вайла'туна*, которых можно было встретить преимущественно здесь, в непосредственной близости от замка. Узнать их не составляло труда не только по безупречным нарядам и горделивой осанке, но и по роскошно вышитым, как правило, ярко-красным попонам, под которыми в стужу и зной вынуждены были ходить их послушные лошади. Простой народ называл их *эделями*, для удобства сокращая общепринятое понятие – *эдельбурны*. К ним относились целые семьи, корни которых уходили в историю *вабонов* и прослеживались летописцами и проповедниками культа того или иного легендарного героя до самого́ этого героя. Короче говоря, *эдели* считались прямыми потомками знаменитых предков нынешних *вабо-*

нов, и в силу уже одного этого обстоятельства причислялись к знати, ставя себя даже выше также относящихся к ней зажиточных торговцев и оружейных дел мастеров. Некоторые из них владели не просто домами, а великолепными особняками с большими участками и утопающими в зелени садами, имели в своем распоряжении целую свиту вооруженных до зубов *виггеров* и еще множество всяческих благ, недоступных простому люду. Вместе с тем, Хейзит встречал и таких *эделей*, у которых, кроме коня под попоной, ничего за душой толком и не было. Да и конь содержался на средства замка, поскольку, будучи раз причисленным к *эдельбурнам*, его хозяин в качестве безвозмездного поощрения за славные деяния почившего пращура получал в придачу к титулу жалование, правда, на совершенно определенные вещи, к коим относилось и достойное содержание коня. Таким образом, среди *эделей* попадались и те, кому приходилось ютиться за пределами Стреляных Стен, хотя в последнее время стали поговаривать о том, что, напротив, двери в разряд избранных открываются не только по праву глубоких родовых корней, но и по праву глубины кошеля. Тем более что окончательно и бесповоротно титул объявлялся вступающим в силу никем иным как Ракли, род которого шел от самого знаменитого из героев сказов и преданий – Дули, *Темного Бойца*. Верить подобным слухам Хейзиту не хотелось, однако даже он не мог не заметить, что количество лошадей в попонах на улочках Малого Вайла'туна выросло изрядно, при-

чем восседают на них не только украшенные полученными в боях рубцами и убеленными сединами благородные воины, но и кокетливые дамы, и вздорные юнцы, и почтенные мужи, единственным достоинством которых является обтянутое дорогим камзолом далеко не боевое брюшко. А ведь еще отец объяснял Хейзиту, что *эдельбурном* может называться только прямой потомок возведенного в культ героя да и то лишь по мужской линии. То есть настоящими и единственными *эдельбурнами* из потомков, к примеру, того же Дули были Ракли, Локлан и его младший брат Ломм, если бы его в свое время не казнили как преступника. Ни их жены, ни дочери не имели ни малейшего права претендовать на подобный титул. Однако, если разобраться, разве мог кто запретить всем этим дамочкам, не будучи *эдельбурнами* по сути, пользоваться благами, а тем более конями своих знатных родственников?

Так, сам того не подозревая, Хейзит набрел в своих содержательных размышлениях на образ представительницы одного из подобных благородных семейств, имени которой он не знал, но забыть которую, как теперь выяснялось, не позволили ему даже сумасшедшие перипетии последних дней. Она попадала в поле восторженного зрения будущего строителя неоднократно незадолго до его отъезда в Пограничье, и всякий раз он терял дар речи и не отваживался воспользоваться малейшим поводом, чтобы заговорить с ней. Девушка на вид была ровесницей его сестры, но, в отличие от Вел-

лы, ее нельзя было назвать даже хорошенькой. Она была прекрасна. Каштановые волосы ниже плеч, большущие карие глаза, всегда почему-то грустные, прямой, быть может, чуть-чуть хищный носик, изящная фигурка, не столько скрываемая, сколько подчеркиваемая коротким приталенным платьем. Иногда робкий взгляд Хейзита замечал на ней необычные для здешних женщин узкие шаровары, позволявшие девушке сидеть в седле верхом, а не боком, как того требовал обычай, иногда же – о чудо! – она не стеснялась показывать свои загорелые голые ноги, до колен затянутые шнуровкой маленьких кожаных *ско*[14] на гладкой подошве. Чудесная незнакомка обращала на себя внимание не только своей красотой, грустным выражением одухотворенного лица или не совсем обычной манерой одеваться и сидеть на лошади, но и тем, что никогда рядом с ней не было видно спутников. Она каталась по Вайла'туну одна. Нет, конечно, Хейзит не предполагал, что на нее кто-нибудь осмелится внезапно напасть, обворовать или поранить – подобное могло случиться разве что за пределами Стреляных Стен, да и то едва ли, – однако ему казалось удивительным, что следом за ней не скачет суровый отец или на худой конец парочка зорких братьев. Не будучи знаком ни с кем из *эдельбурнов* лично, он рисовал себе их жизнь по рассказам завсегдатаев таверны, и у него складывалось твердое убеждение, что

[14] Как правило, легкая женская обувь наподобие мокасин, но с длинной шнуровкой.

в благородных семьях девушкам не должны позволять пусть даже конные прогулки в одиночестве.

Вот бы повстречать ее сейчас, подумал он и даже невольно вздохнул, завидев впереди знакомую табличку с застрявшей в ней длинной стрелой. Он наконец-то добрался до дома, но теперь ему придется спешиться, а это значит, что знакомство с девушкой «на равных» откладывается на совершенно неопределенный срок.

Навстречу ему никто с распростертыми объятьями не выбежал, что тоже было по-своему хорошим признаком: это означало, что домочадцам даже сейчас, белым днем, некогда смотреть в окна. Обычно наплыв посетителей происходил по вечерам, но раз на раз не приходился, и Гверна была рада, а главное – готова попотчевать гостей в любое время дня и ночи.

Спрыгнув на землю, Хейзит подвел коня к специальной балке, стоявшей при входе на двух деревянных опорах. Думал ли он когда-нибудь, что ему придется ею воспользоваться? Балка предназначалась для высокопоставленных гостей, которые могли бы привязывать к ней своих лошадей, будь то с попонами *эделей* или без, и чаще всего пустовала, поскольку большинство посетителей таверны предпочитали ходить пешком. Даже торговец оружием Ротрам, имевший в своем стойле, вероятно, не одного породистого рысака, пользовался «лошадной дужкой», как величали *вабоны* это незатейливое приспособление, лишь в тех редких случаях, когда зара-

нее был уверен в том, что не выпьет лишнего.

Велико же было изумление Хейзита, когда он обнаружил, что из специальной кадки, подвешенной между опорами балки, угощается свежим овсом длинноногий и поджарый жеребец необычной дымчатой масти. Подняв красивую морду и покосившись на нового соседа, жеребец выразительно фыркнул и невозмутимо продолжил трапезу.

С порога посетитель попадал в просторное помещение, правда, с низковатым, чуть ли не в рост высокого человека потолком, поддерживаемым во многих местах специальными деревянными подпорками, которые с годами хозяйки заведения сумели превратить в увитые плющом и цветами колонны. Помещение было сплошь заставленное дубовыми столами, вдоль которых тянулись лавки. Ближе ко входу лавки были самые простые, без спинок, но чем глубже заходил посетитель внутрь, тем гостеприимнее выглядело убранство: кроме спинок, у лавок появлялись подлокотники и подушки для удобства долгого сидения, столы были накрыты полосатыми, желто-серыми скатертями, воспроизводившими основные цвета знамени замка Вайла'тун, точнее, рода Ракли, им владевшего, стены украшало где оборонительное оружие *эльгяр*, в большинстве своем подаренное любимому заведению щедрым Ротрамом, где орудия каменотесов и каменщиков, бережно собранными еще отцом Хейзита, где – почетные кружки, из которых в свое время пивали пиво известные люди. На особом месте, поближе к кухонной двери, стояла

на специальной подставке маленькая и невзрачная кружка, которую, по семейному приданию, в день праздничного открытия таверны пригубил сам Ракли.

За барной стойкой в дальнем конце зала, где вершилось главное таинство приготовления угощений, хозяйничала средних зим женщина вполне заурядной наружности, но зато с густой копной роскошных высветленных волос, для удобства перехваченных на затылке широкой синей лентой. Хейзит никогда еще так долго не отсутствовал дома, и сейчас мать с непривычки показалась ему моложе своих зим. Он невольно застыл на пороге, однако опытный глаз Гверны, умевшей еще от дверей не только подмечать, но и оценивать очередного гостя, скользнул по Хейзиту с головы до ног, и лицо хозяйки преобразилось.

– Будешь поскребыши, сынок? – вместо приветствия поинтересовалась она, поспешно вытирая замасленные руки о чистенький фартук. – Как ты любишь, целая сковорода, горяченькие.

Она не договорила, на мгновение задохнувшись в крепких объятиях сына. За спиной Хейзита послышались подбадривающие смешки и улюлюканье немногочисленных посетителей.

Он снова был дома.

– Дит сказал, что ты рвешь и мечешь, мам. Неужели так много хмеля попортилось? – Хейзит начал не с того, с чего собирался, но запахи таверны и улыбка матери перемешали

в его голове все заготовленные заранее слова. – Вроде ж амбарную крышу недавно чинили.

– Недавно. Куда там! За месяц до твоего отъезда, не позже. Время-то уж сколько прошло.

– Это тебе кажется, что долго, – хитро подмигнул Хейзит. – Видать, скучала, оттого дни и тянулись.

Взгляд Гверны на мгновение сделался внимательным, она пристально посмотрела на сына, еще раз вытерла передником руки, и тихо, так, чтобы никто за соседними столами не слышал, спросила:

– У тебя все в порядке?

Хейзит едва заметно покачал головой, а вслух спросил:

– А сестричка где?

Гверна выразительно округлила глаза и ткнула пальцем в дальний угол, где за одним из трех почетных столиков, рассчитанных всего на четырех персон каждый, хорошенькая девушка, с убранными на материнский лад светлыми волосами, кружилась вокруг одного-единственного гостя, сопровождавшего каждое ее изящное движение широкой улыбкой.

Гость был весьма молод, едва ли намного старше Хейзита, однако его довольно приятное худощавое лицо уже украшали тонкие усы, переходившие в остренькую бородку, какие по последней моде носили заботящиеся о своей внешности ничуть не меньше, чем о военной подготовке *мерги*.

Хейзит сразу сообразил, чьего коня он видел на улице.

Облачен гвардеец был в длинную кольчужную рубаху, поверх которой был надет хорошо сшитый полотняный камзол – до кожаного не дотянул, ехидно заметил про себя Хейзит, – перехваченный на узкой талии поясом из металлических бляшек. Из-за края стола виднелась рукоятка пристегнутого к поясу меча с круглым набалдашником. На правой стороне широкой груди *мерга* четко вырисовывалась ярко-желтая нашивка в виде перевернутого лепестка, означавшего для посвященных определенный чин. В чинах и регалиях Хейзит никогда не был силен, а потому просто запомнил этот знак, чтобы потом, на досуге, поинтересоваться его значением у всеведающего Ротрама. Зато он с завистью обратил внимание на один из тех предметов, которые привлекали его в *виггерах*, и особенно в *мергах*, самого с детства: прямо на стол сбоку от себя юноша положил блестящий стальной шлем в форме перевернутой луковицы и с фигурной прорезью для лица, напоминавшей человеческое сердце, каким его изображают на знаменах, благодаря пересекающему ее вертикально наноснику. Схожий вид имели разбросанные по всей округе каменные или глинобитные *беоры*, то есть часовни для отправления культа того или иного легендарного героя. И уж кто-кто, а Хейзит точно знал, что именно луковичные шлемы конных гвардейцев, не менявшиеся со стародавних времен, стали прообразом *беор*. А вовсе не наоборот, как долго уверяла его упрямая Велла. Конечно, она делала это исключительно из желания поспорить, ну да теперь-то,

похоже, ей придется досконально разобраться в том, что откуда взялось!

– Это еще что за птица? – понизив голос, поинтересовался Хейзит.

– Только прошу тебя, не начинай сразу лезь на рожон, – предупредила Гверна, машинально хватая сына за рукав. – На мой взгляд, прекрасный молодой человек, бывает у нас теперь чуть ли не каждый день, всегда при деньгах, ссор не затевает. Велле он тоже нравится.

– В этом я не сомневаюсь, – хмыкнул Хейзит.

– А коня его ты видал?

– Да, видал. Там вон и мой теперь рядом твой овес жует.

Последнее замечание он сделал наигранно небрежным тоном, предполагая приятно удивить мать. Гверна выглянула в окно, всплеснула руками, но как будто не обрадовалась, а вовсе даже встревожено посмотрела в лукавые глаза сына.

– Что случилось? – прямо спросила она. – Тебя выгнали с заставы?

Хейзит не успел ответить, как его сзади обняли две сильные, нежные руки, пахнущие сушеными грибами, а знакомый женский голосок пропел над ухом:

– Вот вернулся к нам домой драгоценный братец мой!

Хейзит резко вывернулся из объятий и со смехом запечатлел на румяной щечке сестры быстрый поцелуй. При этом он не преминул найти взглядом лицо *мерга* и не без удовольствия удостовериться в том, что его правильные черты иска-

зила гримаса ревности. Ничего, пусть помучается.

– Велла, – цыкнула на детей посерьезневшая Гверна, – не забывай, что на тебя все смотрят. Веди себя, как подобает хозяйке.

– А чем я не хозяйка? – подбоченилась девушка и озорно подмигнула сидевшей за соседним столом шумной компании рыбаков. Те ответили ей громкими шутками-прибаутками и застучали по столу кружками, требуя добавки пива.

– Вот и займись тогда этими молодцами, а я отлучусь пока на кухню. Мне нужно переговорить кое о чем с Хейзитом.

Не снимая фартука, она подтолкнула сына вперед, и он послушно проследовал за кухонную дверь, по пути бросив взгляд на подставку с кружкой Ракли. Интересно, из чего он пьет теперь?

В кухне, у большой плиты возилась с кипящими кастрюлями толстуха Мара, жена Дита, к помощи которой Гверна раньше прибегала лишь в тех случаях, когда таверна оказывалась переполнена и они вдвоем с дочерью не справлялись со всеми заказами. Теперь, похоже, Мара чувствовала себя здесь, как дома. Хейзит ничего против ее присутствия не имел, памятуя о том, что она пуще родной матери баловала их с сестрой в детстве, поскольку отменно умела печь всякую вкуснятину, а своих детей с Дитом так и не нажила.

– Какие гости к нам пожаловали! – заиграла всеми складочками своего круглого лица улыбчивая толстуха. – Мы и не чаяли тебя увидеть раньше первого снега.

– Говоря по правде, я и не собирался, *вифа*[15] Мара, – вздохнул Хейзит, до конца не будучи уверенным в том, стоит ли выкладывать все при посторонних ушах.

– Ты не постоишь за меня у стойки? – без лишних проволочек попросила подругу Гверна. – Велла зашивается, а у меня тут разговор важный.

– С удовольствием передохну после этой парилки, – понимающе кивнула Мара и чинно удалилась, по пути игриво ущипнув Хейзита за мягкое место.

Первым делом Гверна не удержалась и заглянула по очереди во все кастрюли. Помешивая содержимое одной из них большим деревянным половником, она вопросительно оглянулась на сына.

– Ну, выкладывай, что там у тебя стряслось?

Хейзит на всякий случай помедлил с рассказом и поинтересовался, не доходило ли до таверны каких-нибудь слухов о Пограничье.

– Слухов? – Гверна оставила в покое половник и накрыла кастрюлю крышкой, смахивающей размерами на заправский щит *виггера*. – Слухов тут у нас всегда, что мух в жару. Не далее как вчера Норлан заявился к нам с целой ватагой таких же, как он бравых, гвардейцев, так они рассказывали, будто в Пограничье были найдены доспехи самого Дули, а теперь они хранятся в замке.

– Норлан? – нахмурился Хейзит. – Уж не тот ли это *мерг*,

[15] Вежливое обращение к замужним женщинам

что зарится на Веллу, а ты этому, похоже, с радостью потакаешь?

– Перестань молоть чушь! Не твоего ума дела, если хочешь знать. Велла уже достаточно взрослая, чтобы за себя решать, с кем ей водить знакомства. А тебе я бы искренне советовала, чем руками махать, лучше бы сам с Норланом пообщался: парень неглупый и в замке, видимо, на хорошем счету.

– То-то ему даже кожаного камзола не дали! – усмехнулся Хейзит. – Между прочим, доспехи Дули я своими глазами видел. Их лазутчики с нашей заставы нашли. – Он запнулся.

– Вот видишь, а Норлан вчера говорил, что их чуть ли не на Мертвом Болоте отыскал какой-то чужеземец, который говорит на нашем языке, но его почти никто не понимает. Спрашивается, кто из вас придумывает? Ну, что замолчал?

Хейзит почесал щеку, взглянул на мать и невесело прищурился.

– Хорошо, пусть будет прав этот *мерг*. Доспехи и вправду принес довольно странный малый, с которым я, признаться, хотел бы перемолвиться гораздо больше, чем с твоим Норланом. Может, Норлан и имя его упоминал? Ах, нет? Ну, так знай на всякий случай, что зовут этого чужеземца Вил. Хотя вообще-то дело совсем не в нем, не в твоем замечательном Норлане и даже не в доспехах Дули. Как я теперь понимаю, главного пока здесь не знает никто. Наша застава сгорела. Кроме меня и еще нескольких *виггеров*, которым уда-

лось бежать со мной через подземный ход, в живых, думаю, не осталось никого. А самое жуткое во всей этой истории то, что застава сгорела не сама по себе, а была сожжена *шеважа*. Мама, они научились управлять огнем.

Гверна прикрыла ладонью рот и тяжело опустилась на табурет. Потом ухватила Хейзита за руку и долго гладила, словно лишний раз убеждаясь в том, что он стоит перед ней, живой и невредимый.

– И что теперь? – только и смогла выдавить она.

– Если честно, ума не приложу. Прошлой ночью мы заночевали на заставе у Тулли. Он-то и дал нам сегодня утром лошадей, чтобы мы быстрее передали эти дурные вести Ракли. Но мы думаем, что Ракли уже и без того знает. Похоже, даже отряд в Пограничье снарядил. Правда, боюсь, их там тоже всех перебьют.

– Так ты должен спешить в замок?

– Не совсем. По пути я и мои спутники разбрелись кто куда. Мы с одним из них доехали почти до самых Стреляных Стен, а оттуда я прямиком к вам. Я же не знал, что вы ничего не слышали. Думал, волнуетесь, думал, не до Норлана вам…

– Дурачок ты мой! – сквозь слезы засмеялась Гверна, притягивая сына к себе и целуя в лоб. – Говоришь глупости – зато поступаешь по сердцу. За что и люблю.

– Да погоди ты, – смутился Хейзит, успевший отвыкнуть от подобных ласк. – Я-то к вам, да этот *виггер* поскакал все же к Ракли. Не спокойно у меня на душе за него. Мы дорогой

чего только ни надумали. Мужики все бывалые, не в таких передрягах оказывались, ну и годили-рядили отчего да почему все так произошло. Короче, может и не *шеважа* тут вовсе замешаны.

– Что ты такое несешь?

– Сам не знаю. А узнаю ближе к вечеру. Мы с тем, что к Ракли поскакал, договорились, чтобы он, если все в порядке, сюда, к нам в таверну приходил, тогда и порешим, как дальше быть.

– И пусть приходит. Отчего ж нет, если твой друг. Мы его за так угостим да напоем. – Гверна поднялась с табурета и покосилась в сторону двери, из-за которой донеслись раскаты хохота. – Только не нравится мне все это, ой как не нравится!

– У меня к тебе одна просьба, мам: никому раньше времени не проговорись о том, что я рассказал.

Гверна укоризненно покачала головой.

– За кого ты меня принимаешь? Хотя, на твоем бы месте я обратилась бы за советом к Ротраму. Он вот-вот должен прийти. Ему-то ты доверяешь?

Хейзит кивнул, правда, как-то неопределенно. Больше всего ему сейчас хотелось есть и спать, причем желательно и то и другое сразу.

Они вернулись в залу и обнаружили, что гостей прибавилось. Вокруг стоял шум и гам, от дверей доносились обрывки пьяных песен, компания рыбаков, получив свое пиво, гром-

ко чокалась кружками и недобрым словом поминала портящуюся погоду, Велла стремглав носилась между столиками, норовя то и дело оказываться неподалеку от пребывавшего по-прежнему в одиночестве и глуповато улыбающегося Норлана, а толстуха Мара от души хохотала, глядя на все это из за барной стойки.

Хейзит с молчаливого одобрения матери занял край соседнего с баром столика и вскоре получил заполненную до краев тарелку любимой мясной каши с разваренными овощами и жареным луком. Буханка хлеба показалась ему слишком маленькой, зато холодное пиво – именно таким, каким он его помнил: пенным и душистым. И еще оно имело вкус вишни. Такого пива не варили нигде ни в Малом, ни в Большом Вайла'туне. Секрет его знала только Гверна. Она умела подмешивать в дрожжевой отвар ровно столько ягодного сока, чтобы, с одной стороны, не превратить пиво в сладкий компот, а с другой, придать ему неповторимый привкус и аромат, не лишив при этом необходимой горечи. Она могла проделывать это с совершенно любыми ягодами, однако наибольшим спросом в таверне пользовалось пиво вишневое, сливовое и рябиновое. Последнее почему-то особенно любили *виггеры* и рыбаки.

Обслуживала брата Велла. Несколько раз она успела даже подсесть к нему и порасспросить о жизни в Пограничье, а заодно поведать о местных новостях. Очевидно, ей не терпелось узнать, о чем Хейзит шептался на кухне с матерью,

но он осторожно помалкивал, а она не настаивала.

– Вижу у тебя новый ухажер появился? – заметил он, когда она устало присела на лавку в очередной раз.

– Можно подумать, что у меня когда-то были старые! – надула губки девушка. – Тебе что, завидно?

– Еще бы! Всегда мечтал водить дружбу с *мергом*! Норлан, если не ошибаюсь?

– Откуда ты знаешь?

– Мать сказала. Она считает, ты должна нас познакомить, потому что я дурак, а он очень умный.

– Тонко подмечено! Познакомить?

– Только этого мне не хватало! И без него дел по горло. А ты давай поосторожней с этими *виггерами*. Я на них достаточно насмотрела. Правда, не на тех, что в замке сидят да по тавернам шатаются, а на настоящих, и тем не менее не считаю, что они тебе пара.

– А по-твоему, я всю жизнь должна в девках ходить?

Хейзит посмотрел на сестру. Нет, такая милашка в девках не задержится. Как же быстро они растут, эти девчонки! Вслух же он сказал:

– Давай договоримся, что со своим *мергом* ты меня все-таки познакомишь. Но только тогда, когда он сделает тебе предложение. Не раньше, но и не позже. Ты ведь помнишь, что у нас тут я за отца. Без моего одобрения…

– Без твоего одобрения, – прервала его Велла, – я буду поступать так, как считаю нужным и правильным. А Норлан,

между прочим, мне уже предложения делал, так-то!

– Предложения или предложение? Это разные вещи.

– Сначала было одно, потом другое, потом третье. Потому что каждый раз я отказывалась. – В глазах девушки мелькнули лукавые огоньки. – Говорила, вот вернется братец-умник, тогда и решим. А ты как будто меня услышал и раньше времени пожаловал.

– Ну, извини, если попортил твои планы, сестрица, – повеселел Хейзит. – Кстати, может у этого твоего Норлана тоже сестра есть? Тогда я бы с ним точно побратался.

Велла рассмеялась и поспешила дальше.

А на ее место вскоре грузно опустился седобородый мужчина с такой же седой копной вьющихся волос. На нем был роскошный бархатный камзол густого синего цвета, пересеченный от левого плеча к правому бедру широкой золотистой перевязью. Перевязь заканчивалась у пояса прекрасными ножнами из черной кожи, в которые был вставлен короткий, с загнутым лезвием меч, видимый только своей инкрустированной рукояткой, поскольку Хейзит не помнил, чтобы меч хоть раз в его присутствии извлекался наружу. Лицо мужчины было сплошь покрыто глубокими морщинами, которые, однако, отнюдь не уродовали его, а, напротив, придавали выразительности и почтенности. Большие, слегка на выкате голубые глаза, казались насмешливыми и немного грустными.

Это был торговец оружием Ротрам.

Хейзит искренне обрадовался его появлению и с готовностью пожал протянутую через стол мягкую, но сильную ладонь.

– Ну, чем тут нас нынче угощают? – начал по своему обыкновению Ротрам, устраиваясь поудобнее, поправляя под собой подушку и проверяя прочность подлокотников, как будто не ходил сюда чуть ли не каждый день вот уже зим десять кряду. Хейзит догадывался, что благодаря этому его постоянству Гверне удалось медленно, но верно превратить таверну «У Старого Замка» из простенькой забегаловки, каких в округе было большинство, в то, чем она являлась сегодня – достойный для подражания образец вкуса и благополучия. – Пиво не горчит?

– В самый раз, – не сдержал улыбку Хейзит, облизывая губы.

– Что там слышно в Пограничье? – без лишней раскачки поинтересовался Ротрам, когда Велла поставила перед ним сразу две кружки, пена из которых переползала аж через край и растекалась двумя мокрыми пятнами по скатерти. – Война усиливается?

– Почему вы так решили? – удивился осведомленности собеседника Хейзит.

– Мне ли не знать, что творится, если я за последнее время беру на работу вот уже третьего помощника и попрежнему еле справляюсь с заказами, которые все поступают и поступают из замка. Хорошо, конечно, с одной сторо-

ны – дела идут хоть куда, но ты ведь знаешь, что старый Ротрам не из тех торговцев, которые радуются лишним монетам в кошеле сегодня, если они означают чью-то беду завтра. Вот и тебя, признаться, никто так рано не ждал. Видно, и тому своя причина. Выкладывай, я слушаю.

Он до половины осушил одну кружку и вопросительно посмотрел на юного собеседника, который не знал наверняка, как поступить и куда деваться от пронизывающего взгляда голубых, по-рыбьи выпуклых глаз.

– На нас напали, *вита*[16] Ротрам. Вся застава сгорела, а *эльгяр* погибли. Мне с несколькими *виггерами* чудом удалось бе… спастись. Сегодня вечером один из них будет здесь после того, как расскажет обо всем Ракли.

– Погоди-ка, погоди-ка! Уж не хочешь ли ты сказать, – понизил он голос до шепота, хотя в общем гаме его едва ли кто мог услышать, – что погибли все люди Граки? Ты у него ведь на заставе служил, если мне не изменяет память?

– Думаю, что да, хотя сам я успел скрыться, когда стало понятно, что пожар не остановить. Но стреляли в нас со всех сторон. Целый град стрел. Боюсь, вырваться оттуда можно

---

[16] Вежливое обращение к собеседнику мужского пола, подчеркивающее уважительное отношение к его опытности и уму (в отличие, например, от *керл* – при вежливом обращении к зажиточному мужчине вообще, будь то торговец, ремесленник или крестьянин, или *хелет*, когда говорящий хочет подчеркнуть героические заслуги собеседника, или *хевод* – при обращении к стоящему выше по званию, или *маго* – при обращении к более молодому, но достойному уважения собеседнику)

было разве что по воздуху, превратившись в птиц.

– Значит, и Шиган погиб? – поморщился торговец.

– А вы его что, знали, *вита* Ротрам?

– Тэвил, а то как же! Неужели и его к себе Квалу прибрала? Не верится мне что-то.

– Кстати, тот воин, что должен сейчас разговаривать с Ракли, а вечером прийти к нам сюда, его сын.

– Фокдан?! Хоть одна хорошая новость. Вот за кого держись, Хейзит, если нужда заставит. Фокдан весь в отца пошел: не человек – кремень. Постой-ка, мне послышалось или ты сказал «пожар»? Откуда ему было взяться?

– В том-то и дело, *вита* Ротрам, что, похоже, *шеважа* научились делать огненные стрелы. – Он запнулся, увидев, как изменилось лицо собеседника. – Как вы считаете, что теперь с нами будет?

Ротрам не сразу нашел, что ответить. Мгновенный испуг сменился озабоченностью. Он осушил кружку и взялся за вторую.

– Вот что я скажу, Хейзит. Ты молодец, что пришел сюда и все мне рассказал. Но теперь держи язык за зубами и, поверь, я тоже до поры до времени буду помалкивать. Если то, что ты говоришь, правда, нас ждут еще более скверные деньки, чем я предполагал, когда получил рано утром заказ из замка на покупку такого количества оружия, будто Ракли собрался вооружать всех *вабонов* без исключения. Теперь-то я вижу, что к тому все идет. – Вторая кружка опустела еще

быстрее первой. – Что и говорить, пиво отменное! О чем это я? Ах, ну да, насчет будущего. Для меня оно, конечно, неплохо. Я давненько присматривался к парочке оружейников, которых теперь наверняка перекуплю вместе с их мастерскими. Если грядет настоящая война, то лучшее средство позаботиться о толщине кошеля – от одной лишь торговли оружием перейти к его изготовлению. Хотя, с другой стороны, большая война грозит большим разорением и потерей всего того, что пущено в ход, а не спрятано по кубышкам. Хотя, – возразил он сам себе, – какой тогда вообще будет прок от денег?

К счастью, вопрос этот адресовался не Хейзиту, потому что правильного ответа Хейзит не знал. Он только видел, что перед ним сидит старый добрый Ротрам, в котором, как всегда, врожденная жажда выгоды борется с совестливостью простого *фолдита*, поскольку и отец, и дед его всю жизнь копались в земле, любовь к которой передали сыну и внуку, избравшему, в конце концов, собственный путь, но никогда не забывавшему о своих корнях.

– Ты матери сказал? – продолжал Ротрам, знаками подзывая Веллу. Хейзит кивнул. – И правильно. Ты бы знал, как она переживала, когда ты уехал! Так что теперь уж ты давай, не подводи ее, раз вернулся.

– Я хочу завтра сам поговорить с Ракли и настоять на том, чтобы как можно скорее переделать все наши заставы из деревянных в каменные. Думаете, он меня послушает?

Ротрам задумчиво пригладил бороду и смахнул с усов капельки пивной пены.

– Во-первых, имей в виду, что ты едва ли сможешь на чем-нибудь *настоять*. Рассказать, да, предложить – наверное, но не настоять. Во-вторых, не мне тебе объяснять, чего ты требуешь. После завершения строительства замка хорошего материала в нашей каменоломне осталось всего ничего. А если бы даже и осталось, кто и как потащит камень через весь лес? Вот если бы ты предложил, допустим, пропитать все заставы теми растворами, которыми мы пропитываем бревна наших домов.

– *Вита* Ротрам, неужели вы думаете, что эти растворы не используются, что ими не была пропитана каждая дощечка нашей заставы? Которая на моих глазах вспыхнула, как факел. Нет, спасти *эльгяр* могут только каменные постройки. На худой конец, глиняные, но глина слишком непрочна. Нужно искать новые каменоломни. И не посылать отряд за отрядом в Пограничье, чтобы те гибли при восстановлении пепелищ. Так в Вайла'туне скоро останутся одни женщины.

– Что было бы по-своему неплохо, – невесело пошутил Ротрам.

– Я даже думал о воде, – продолжал Хейзит, – но и она – не выход. В лесу одни ручьи, сделать запруду и окружить заставу водой не получится. Наступят холода – вообще все замерзнет: второй Бехемы нам самим не создать.

– А ты, случаем, не забываешь, что все заставы строятся вокруг источников? Это всегда было одним из главных условий. Иначе что бы там пили такие как ты?

– Все так, да что толку, если огненные стрелы перелетят любую преграду. Не будут же *эльгяр* целыми днями только и делать, что обливать все стены и постройки водой на случай прихода врага. Курам на смех! Без камня не обойтись. Откуда вот только его взять?

– А ты предложи Ракли разобрать его замок, – поднял одну бровь Ротрам и усмехнулся. – Ладно, не обращай на меня внимания. Я не знаю, что сказать, а когда я не знаю, что говорить, то начинаю умничать.

Хейзит понял, что пиво сделало свое дело и слегка развезло собеседника. Вот бы и ему так: выпить и забыться!

– Ничего страшного, *вита* Ротрам. Мне бы только Фокдана дождаться, а там мы чего-нибудь придумаем. Лишь бы Ракли его выслушал. А завтра – меня.

– Выслушает, не переживай. У него, конечно, свои причуды, как же без этого, но дельных людей он всегда умел слушать. Это я тебе говорю. Кстати, ты ведь вроде бы был дружен с его наследником, Локланом?

– Ну, не то, чтобы дружен, но знаком, – кивнул Хейзит.

– Я слышал, он в последнее время стал оказывать на отца влияние. Конечно, не так, чтобы очень, но тот все больше ему доверяет. Особенно теперь, когда мальчишка привез ему из леса доспехи и меч самого Дули. Слыхал об этом?

– Не только слыхал, но собственными глазами видел. Их лазутчики с нашей заставы и нашли. Вернее, нашли человека, который их нашел на Мертвом Болоте. Вскоре после этого застава и сгорела. Локлан буквально накануне успел уйти.

– Ну и как? – оживился торговец.

– Что как?

– Доспехи, разумеется. Я жду не дождусь, когда Ракли соберется показать их народу. Сколько про них все с пеленок слышали, а в глаза не видели! Меч-то хоть красивый?

– Да обычный, по-моему, – замялся Хейзит.

– «Обычный», – передразнил его Ротрам. – Много ты понимаешь! Изумруды с рубинами видел?

Хейзит задумался.

– Видел, кажется. Мы все у Граки сидели, темно было.

– «Кажется»! Ты меня без ножа режешь! Разве может «казаться», когда перед тобой лежит меч, которого касалась рука Дули?!

– Так ведь ночь была, темно, говорю.

Ротрам только сокрушенно отмахнулся и прочитал речитативом:

– *Камнем двойным украшалась его рукоять: рубин упирался в ладонь, изумруды под пальцем горели. Над ними – двуглавый орел, шар величья когтями сжимавший. Змеиное жало клинка к охране и крепи взывало…* – Он остановился, и его взгляд, устремленный на Хейзита снова сделался пронзительно внимательным. – Никогда не мог понять, что зна-

чит это последнее выражение. Почему «змеиное» и как это оно «взывало»?

– У меча острие раздвоенное, – вспомнил отличавшийся врожденной наблюдательностью Хейзит. – Как бы два острия вместо одного получается. А по лезвию надпись сделана: «охрани да укрепи», кажется…

Теперь Ротрам воззрился на юношу с нескрываемым восторгом и некоторое время не мог ничего сказать. Потом вспомнил про новую кружку, которую за время их предыдущего разговора незаметно поставила на стол Велла, и выпил ее залпом.

– Ну, считай, я у тебя в долгу, *маго*! Никогда бы сам не догадался до такой простоты. Похоже, ты и правда его видел. Могу только позавидовать.

– Я бы не стал себе завидовать, – заметил Хейзит, стараясь сохранить почтительный тон. – А что до долга, то я, так и быть, готов вам его забыть, если вы мне расскажете вон про того молодчика в наряде *мерга*, который сейчас делает вид, будто в сто сорок шестой раз заказывает пиво у моей сестры.

Ротрам с интересом перевел взгляд туда, куда указывала двузубая вилка Хейзита.

– Ты имеешь в виду *аби'мерга* Норлана?

– Вероятно. Имя его я уже слышал от матери. А что значит «аби»? Вы это поняли по тому желтому лепестку, что вышит у него на груди?

– Этот лепесток «аби» и называется. Странно, что в своем

возрасте, да еще успев послужить в Пограничье, ты не знаешь таких простых вещей.

– Зато у меня есть, кого спросить, – подыграл собеседнику Хейзит и изобразил на лице напряженное внимание, как в годы детства, когда хотел, чтобы взрослые продолжали захватывающую сказку и не отвлекались. – То есть, если он «аби», значит, он над кем-то главный?

– Не совсем так, – позабыв про совсем недавно охватывавшие его переживания, степенно разглагольствовал Ротрам. – Давай я лучше все тебе по порядку расскажу, чтобы ты впредь не попал ненароком впросак по недомыслию. Хочешь общаться с Ракли, а как там все устроено, ни ухом ни рылом, извини за прямоту. Если тебя берут на службу в конную гвардию, то ты становишься *мергом*. Это, надеюсь, понятно. Всего, насколько мне известно, *мергов* в замке четыре сотни. Причем это количество держится вот уже много зим постоянным. Ни больше, ни меньше. Быть может, в свете теперешних событий Ракли этот порядок и пересмотрит. Не берусь судить. Но это что касается *мергов.* Те в свою очередь делятся на дюжины, а десять дюжин поставляют сотню.

– Как-то странно вы складываете, – не преминул поправить собеседника Хейзит.

– Ничего странного. Я к этому и клоню. Должен же во главе каждого десятка кто-то стоять. Вот и получается, что одиннадцатым в дюжине считается *тэн'мерг*, или *брегон*, у которого всегда бывает еще и помощник, тот самый две-

надцатый, что стоит чуть выше, чем простой *мерг*, то есть *аби'мерг*. *Брегона* легко узнать по двум желтым лепесткам, а у *аби'мерга* желтый лист перечеркнут красной дугой.

– И почему *виггеры* так любят разводить все эти сложности с чинами и званиями? – поморщился Хейзит. – Почему у нас все просто: есть мастер, а есть подмастерье, его помощник? И вполне хватает.

– Об этом ты лучше не меня спрашивай, а тех, кто соглашаются служить в гвардии.

– Почему «соглашаются»? Как я слышал, от желающих обзавестись бесплатным конем, доспехами да всеобщим уважением отбоя нет.

– То-то и оно! А ты говоришь «зачем сложности»! Кому-то нравится камни класть, а кому-то другими командовать. Но ведь сразу тебе людей никто и никогда не доверит. Вот и приходится набираться опыта, поднимаясь по лестнице из чинов и званий. Ты еще не забывай, что у каждой сотни свой глава – *хеа'герефа*. Еще его же называют *херетога*. Почему так и в чем разница, признаться честно, понятия не имею. У *хеа'герефа* сразу три красных лепестка, тогда как у *херетоги* – один красный, но перечеркнутый желтой дугой.

– А во главе всех стоит сам Ракли?

– По сути, да, но вообще-то у него есть для этого особый помощник, которого зовут, насколько я знаю, Тиван. Тиван ведает только конной гвардией, однако никаких специальных чинов или отличий у него, вроде бы, нет. Во всяком слу-

чае, мне слышать о них приходилось. Да они ему и вряд ли когда потребуются. Приближенные Ракли – люди особого сорта. Им и без чинов неплохо. – В словах Ротрама послышалась если не зависть, то откровенное раздражение, какое, по мнению Хейзита, больше пристало простым *фолдитам*, нежели богатому торговцу.

– А разве не он закупает у вас оружие для всех этих *мергов*, *херетогов* и кого там еще?

– Не хочу жаловаться на жизнь, но если бы мне удалось быть накоротке с такими *виггерами*, как Тиван, уверяю тебя, мои дела шли бы еще лучше! Увы, за снабжение оружием у Ракли отвечают совершенно другие люди. Причем, похоже, никакого отношения к ратным подвигам не имеющие.

Хейзит припомнил, что и строительством в замке ведали отнюдь не опытные каменщики. Хокан, его покойный отец, был хоть и мастером, но всего лишь одним из доброго десятка ему подобных, каждый из которых вел отдельную часть работ: кто занимался башнями, кто мостами, кто внутренними постройками, кто земляными укреплениями. При всей своей заинтересованности в результате их совместных усилий Ракли нечасто вмешивался в повседневные нужды строителей. С ними все мастера шли к человеку по имени Эдлох, который сам принимал решения, улаживал споры и выделял деньги на закупку необходимых материалов. Даже сделавшись подмастерьем, Хейзит никогда не разговаривал с ним лично и только раза два видел издали. В свое время отец от-

зывался о нем как о руководителе грамотном и смелом. Последнее качество Хокан ценил в представителях всех ремесел, кроме собственного. Он считал, что строитель должен быть в первую очередь осмотрительным, чтобы потом никому не приходилось исправлять за ним допущенные в спешке ошибки.

– А о самом Норлане вы что-нибудь слышали, *вита* Ротрам? – вышел из задумчивости Хейзит. – Давно он сюда повадился? Что-то мне не приходилось видеть его у нас раньше.

– Я некоторое время назад приболел по глупости, а когда выздоровел, он уже тут сидел. Когда же это было? Хм, да пожалуй что вскорости после твоего отъезда. Выходит, давненько. Меня твоя мать тогда тоже просила о нем справки навести. Очень беспокоилась за Веллу. Это она сейчас к парню благосклонна, а поначалу сестричку твою к нему не подпускала, сама норовила обслужить.

– И что вы такое ей рассказали, что она теперь готова его мне в пример ставить?

Ротрам лишний раз заглянул в пустую кружку и призывно поднял руку. Подбежавшую Веллу он удивил тем, что отказался от новой порции, а попросил принести ему чего-нибудь эдакого закусить.

– Мама давеча новое блюдо придумала, – сообщила девушка, строя глазки брату. – Куриные потроха, запеченные прямо в репе. Я еще не пробовала, но многие хвалят.

– Из твоих уст, дитя, даже потроха звучат соблазнительно, но я надеюсь, что не обижу ни тебя, ни Гверну, если воздержусь. Не завалялось ли у вас там пожевать чего-нибудь попроще?

– Есть огуречная каша с мясом поросенка. Есть куриная грудинка, нашпигованная грибами в вашем любимом остром соусе.

– Вот оно! Конечно, грудинку! Тут и думать нечего. Ай, молодец какая! – Последнее замечание относилось уже к самой Велле, которая упорхнула в направлении кухни, чересчур, как показалось Хейзиту, откровенно виляя бедрами. – Пиво без закуски все равно, что… ну да ладно, тебе это пока рановато. Так о чем мы бишь?

– О том, что вам удалось выяснить по этого Норлана? – подсказал Хейзит, уже успевший узнать на заставе продолжение поговорки, но не ставший возражать.

– А все оказалось очень даже просто. Я тебе про Тивана только что рассказывал?

– Рассказывали.

– Ну, так вот это его сын.

– Сын?!

– А что тебя удивляет? У него, говорят, и дочь имеется. – Ротрам пожал плечами, поискал глазами Веллу и продолжал: – А, кажется, понимаю. Ты удивлен, что сын главного *мерга* ходит с одним желтым лепестком. Не знаю точно, но думаю, что это заслуга Ракли. Он не допускает, чтобы *виг-*

геры, а тем более из его ближайшего окружения, а тем более из среды гвардейцев перепрыгивали через звания и становились командирами по праву рода, а не по заслугам и опыту. Собственные его дети, разумеется, другая история, но что до остальных *эделей*, то для них никаких исключений он не делает.

– А Норлан – *эдель*?

– Самый что ни на есть! – Ротрам даже присвистнул, правда, это уже относилось к принесенной Веллой грудинке, из которой на тарелку соблазнительно вытекал красный соус. – Спасибо, дитя! Хоть на склоне зим душу отведу. Мы тут, кстати, о тебе говорим.

– И что вы обо мне такого говорите? – подсела девушка на лавку к брату, делая жест матери, что, мол, помнит о своих обязанностях. – Небось, гостей моих обсуждаете?

– А у тебя уж и свои гости появились? – хмыкнул Хейзит. – С каких таких пор? И почему это, интересно, твои?

– Да потому, что если меня нет, то и они уйдут, вот почему.

– Это она точно говорит, – подтвердил Ротрам. – Я сам наблюдал, как тот же Норлан заглядывал с улицы в дверь, видел, что сестренки твоей след простыл, и поминай, как звали.

– Так вот вы о ком! – стукнула ладошкой по столу Велла. – *Вита* Ротрам, и вы туда же!

– Так я любя, – расплылся в улыбке торговец.

– Вот посмотрите лучше, что он мне подарил сегодня. –

И с этими словами девушка достала из кармашка фартука довольно большой, гладко отшлифованный камень серого цвета со сквозными прозрачными прожилками. Казалось, камень распилен на несколько частей и снова склеен густой древесной смолой, в которой виднелись даже крохотные пузырьки воздуха. – Правда, чудо? – Хейзит попытался рассмотреть камень из своих рук, но девушка не отдала, опасаясь потерять такую красоту навсегда. – Вам нравится, *вита* Ротрам?

– Забавная штучка, – согласился старик. – Хотел бы я знать, где такую можно найти. Как будто камень, а и не камень вовсе.

Велла с гордостью сунула подарок обратно и продемонстрировала брату розовый язычок.

– Если хотите, я еще раз попробую спросить, откуда он его взял. Но он вряд ли сознается.

Заметив жесты, которая делала ей уже некоторое время мать, Велла покинула призадумавшихся об увиденном собеседников и подошла к барной стойке.

– Шесть кружек унесешь? – деловито спросила Гверна, строго глядя на дочь.

– Кому? – вместо ответа поинтересовалась девушка, ловко подхватывая обе троицы сильными пальцами и поворачиваясь чуть более напряженным, чем обычно, лицом к галдящему на все лады залу.

– Вон у окна новая компания засела. Отдай им пиво,

но пока про горячее не спрашивай. Мы с Марой и так зашиваемся. Скорей бы Дит приходил, – услышала за спиной Велла, отправляясь в путь между столиками.

Ей нравилось обслуживать гостей. В детстве – потому что она чувствовала себя взрослой и становилась похожей на любимую матушку, теперь – потому что взамен принесенному пиву и кушаньям получала многозначительные улыбки и внимание зрелых мужчин и тем самым обретала подтверждение тому, о чем всегда мечтала и на что надеялась: она выросла в настоящую красавицу, своей юностью и свежестью способную заставить всех этих бородатых мужиков забывать о домашних неурядицах и сварливых женах. Велла почему-то полагала, что с возрастом все жены становятся сварливыми. Гверна не раз упрекала дочь в излишней наивности и, как могла, объясняла, что мужчины видят в ней вовсе не то, что она предполагает, что их восторженные взгляды и замечания вызваны гораздо более прозаическими причинами, а доверяться им – значит подвергать себя неминуемой опасности. За все свои семнадцать зим жизни, проведенной главным образом в этих стенах, Велла только недавно познакомилась с гостем, против более близкой дружбы с которым мать возражала на удивление недолго. До него у нее был один знакомый, тоже *виггер*, красивый и сильный, правда, в летах, но о его существовании ни мать, ни брат ничего так и не узнали, поскольку в таверне он вел себя как обыкновенный гуляка, каких пруд пруди, а с Веллой встречался

по ночам, чаще всего у реки. Между ними ничего не было, кроме нежных объятий, изредка сопровождаемых поцелуями, но Велла до сих пор не могла без приятной дрожи в коленях вспоминать мускулистые мужские руки и дерзкие слова, которые этот бородатый, бритоголовый детина любил нашептывать ей на ушко. А потом он исчез из ее жизни так же внезапно, как появился, и вот уже почти два года Велла довольствовалась лишь воспоминаниями от тех незабываемых мгновениях.

Сидевшая у окна компания молодых *фолдитов* встретила появление девушки да еще с шестью тяжеленными, доверху наполненными пенистым пивом кружками сдержанным гулом одобрения.

– Посиди с нами, красавица! – пригласил ее самый старший, вероятно, местный заводила. – У нас, понимаешь, сегодня праздник. Удачно поторговали, можно сказать.

– Садись, не пожалеешь! – поддакнул другой.

– Сегодня мы при деньгах! – добавил третий.

Велла знала, что должна стараться не разочаровывать гостей, чтобы не возникало ненужных обид, под воздействием пива часто переходящих ссоры, однако сейчас у нее не было ни желания, ни времени им подыгрывать.

– Рада бы посидеть с такими богатыми да видными, а только зовут меня дела неотложные. Извиняйте.

– Э-э, хитришь, красавица! – шутливо погрозил ей пальцем первый. – Сам видел, как ты вон за тем столиком с дву-

мя гостями сидела. А нас, значит, избегаешь?

– Между прочим, там сидит мой брат, – заметила Велла. – И если вы будете проявлять настойчивость, то придется вам с ним познакомиться поближе.

Заводила отдернул протянутую было к девушке руку и подул на пальцы, как будто обжегся. Остальные *фолдиты* расхохотались, однако никто больше к ней с предложениями приставать не стал.

Велла прошлась по залу, получила плату с громкоголосых рыбаков, которые наконец-то решили убраться восвояси, наскоро смахнула крошки и лужицы пива с досок освободившегося стола, заново накрыла все чистой скатертью и, подмигнув улыбающемуся Ротраму, пошла дальше, как бы невзначай оказавшись в результате возле столика Норлана.

Тот пребывал во хмелю, однако при виде девушки поднял на нее лучистые глаза и без малейшей тени опьяненья сказал:

– Мне ты тоже откажешься составить кампанию?

Он явно слышал мой разговор с *фолдитами*, мелькнуло в голове у Веллы. Как бы чего ни вышло.

– Только если ненадолго. – Она с удовольствием присела напротив юноши и почувствовала, что не хочет больше вставать и таскать эти дурацкие кружки. Никогда. – Ты опять хочешь мне что-то рассказать?

Норлан сверкнул ровными белыми зубами и потрогал бородку, словно проверяя, на месте ли она.

– Нет, теперь я хочу тебя кое о чем спросить, если не воз-

ражаешь? – И продолжил, не дожидаясь ответа, который едва ли был бы отрицательным: – Кто тот парень, с которым ты так мило воркуешь и, если мне не изменяет зрение, на виду у всех целуешься?

– А ты, можно подумать, ревнуешь? – Велле стало еще приятнее сидеть напротив Норлана и наблюдать, как он сердится.

– Можно подумать. На тебя непохоже, чтобы ты целовалась-миловалась с первым встречным, да еще в присутствии своей строгой матушки, которая, кстати, насколько мне тут стало известно, разведала обо мне все, прежде чем разрешила тебе первый раз принести мне вишневого, как сейчас помню, пива. Выходит, ты с ним хорошо знакома. Я прав?

– Разумеется, ты, как всегда, попал в самую точку, стрелок. – Девушка прыснула и покрутила в пальцах пустую кружку, пахнущую хмелем и вишней. – Мы знакомы с ним вот уже семнадцать зим. Это мой брат Хейзит. Теперь доволен?

Было чуть ли не воочию заметно, как гора сомнений свалилась с плеч юноши. Он посмотрел на того, кого еще мгновение назад мыслил своим злейшим противником и не смог сдержать смешка облегчения.

– А я уж хотел было пригласить его на свидание с моим мечом, – признался он, потирая затылок и ловя насмешливый взгляд девушки. – Ладно, ты ему про это ничего не говори. Не хочу выглядеть перед твоими родственниками пол-

нейшим глупцом.

– Кстати, он тоже интересовался твоей персоной и, думаю, был бы не прочь скрестить с тобой мечи, если бы таковой у него имелся. Он пошел по стопам отца и выбрал мирное ремесло: Хейзит у нас строитель.

Норлан понимающе кивнул и уже другими глазами посмотрел на своего несостоявшегося противника, который о чем-то увлеченно беседовал с седым стариком в синем бархатном камзоле.

– Я бы сегодня не называл ремесло строителя таким уж мирным. Но насчет меча ты права: он ему едва ли в ближайшее время будет доверен. Хейзит, говоришь? Ты нас как-нибудь при случае познакомь, ладно?

– Надеюсь Ротрам, который сейчас как раз рассказывает ему о тебе, тоже рассеет некоторые его предубеждения, и знакомство в скором времени состоится.

– Простите, что помешаю, – прервал их разговор высокий мужчина средних зим, облаченный под стать Норлану, с той лишь разницей, что вместо одного желтого листа на его кожаном камзоле было вышито два. Шлем он держал на сгибе левой руки, накрыв правой ладонью рукоятку меча.

Велла узнала в нем начальника Норлана, а заодно и доброго друга, которого тот в свое время представил ей как «*брегона* Аларда». Ей всегда казалось довольно странным, что со стороны подтянутый и четкий в словах Алард выглядит скорее помощником даже говорящего с некоторой ленцой

Норлана, а не наоборот.

– Какого пива вам принести? – задала обычный вопрос девушка, поспешно освобождая место к явному неудовольствию обоих мужчин.

– Как всегда, вишневого, – с поклоном ответил Алард, дождался, пока Велла отойдет, и только тогда сел, положив шлем рядом со шлемом Норлана. – Прервал что-то важное?

– Вы крайне проницательны, *хелет* Алард. Смею предположить, ваши новости не требуют отлагательств?

– Большую часть ты уже знаешь по утреннему сбору.

– Неужели отец передумал и решил все-таки отпустить нас в Пограничье? – Лицо Норлана оживилось.

– Не знаю, что решил *хевод* Тиван, но нас вызывает к себе Ризи.

– Он разве в замке?

– Сейчас в замке, насколько мне известно, собрались и *херетоги,* и все советники Ракли, и чуть ли не *аолы*, хотя насчет последних я сомневаюсь. Говорят, после ночных гонцов от Тулли к Ракли пожаловал еще кто-то из Пограничья, и теперь они все сидят и совещаются. Потом Ризи будет нас ждать у себя.

Брови Норлана поднялись.

События, и в самом деле, развивались быстрее, чем он предполагал, когда ночью вел по коридорам замка двух промокших до нитки посланцев с соседней заставы, потребовавших срочной встречи с Ракли. Они предъявили страже, ко-

торую в тот час выпало нести людям Норлана, верительную грамоту, подтверждавшую срочность порученного им задания, и были незамедлительно препровождены прямо в покои Ракли. Вышли они оттуда очень скоро. Ракли еще крикнул из-за двери, чтобы измученных долгой скачкой гонцов отвели на кухню, что Норлан и сделал, вспомнив заодно о Велле и необходимости во что бы то ни стало ее навестить. А теперь еще их, видите ли, вызывает Ризи, этот вечно неумытый сотник, все заслуги которого сводились к тому, что когда-то на охоте он помог Ракли справиться с ни в чем не повинным, но рассвирепевшим от боли кабаном.

– Идем прямо сейчас? – переспросил он.

– Сиди, пожалуйста. У нас еще есть время. К тому же, не могу же я уйти, не отведав хмельной вишни.

Алард с благодарностью принял из рук подошедшей Веллы холодную кружку и сунул ей в кармашек передника монету. Монета звякнула обо что-то твердое.

Наверняка дал как всегда больше, чем требуется, подумала девушка и посмотрела на Норлана. Тот выглядел озабоченным и как будто позабывшем о ее присутствии. Странно, что могло так его взволновать?

Она оставила *мергов* вести одним им понятную беседу и опять поспешила к матери, которая уже расставляла на стойке дымящиеся блюда с отварной рыбой и тушеной капустой – заказ не распускавших больше в ее присутствии рук и языков *фолдитов*. Блюда по очереди перекочевали на ви-

давший виды поднос, а с подноса – на забрызганный пивом стол.

– Как поживает твой братец? – не сдержался заводила.

– Прекрасно, чего и вам желает, – отмахнулась подносом Велла, и тут ее взгляд упал на только что вошедшего в зал воина, который неловко застыл на пороге, не то не решаясь войти, не то высматривая кого-то.

Девушка так опешила, что машинально села на лавку к радости изумленных *фолдитов*.

Как будто не было двух зим разлуки, как будто только вчера она видела перед собой освещаемое костром это мужественное лицо с рано начавшей седеть бородой и высоким лбом, переходящим в гладко выбритый затылок. Неужто он вспомнил о ней и вернулся? Теперь, когда она смогла встретить и полюбить другого. Что же делать? Пойти навстречу? А как же Норлан? Его подарок так приятно оттягивает передник…

Потом она увидела нечто еще более удивительное: гость, заметив того, кого все это время искал, направился через весь зал к стойке и, не дойдя до нее двух шагов преспокойно сел за стол Хейзита. И, что уж совсем не лезло ни в какие ворота, братец обрадовано вскочил, пожал ему руку – ту самую руку, которая когда-то так сладко обнимала ее за талию – и оживленно о чем-то заговорил, представляя Ротраму.

Продолжать сохранять спокойствие было выше ее сил, и, не обращая внимания на огорченные возгласы *фолдитов*,

Велла поднялась и, как во сне, пошла навстречу своей судьбе.

– Какого пива вам принести? – услышала она свой голос и увидела серые глаза, которые смотрели на нее, не мигая, узнавая, восхищаясь.

Он узнал, узнал ее!

– Велла, не спрашивай, а неси лучшее, что у нас есть! – безжалостно прервал этот немой разговор Хейзит, дергая сестру за передник. – Это человек, с которым мы вместе служили на… – Он поперхнулся, закашлялся и, понизив голос, добавил: – Мы его угощаем, с матерью я уже договорился. Его зовут Фокдан, и он мой друг.

Велла как-то странно посмотрела на брата и поспешно убежала.

– Твоя сестра? – поинтересовался гость, глядя в стол.

– Как вы догадались? – Хейзит хохотнул, хотя истинная причина его радостного возбуждения заключалась в том, что Фокдан все-таки пришел, причем, судя по его заговорщицкому виду, не с пустыми руками. – *Buma* Ротрам, разве мы с Веллой чем-нибудь похожи?

– Внешне она получше тебя, это точно, – ухмыльнулся торговец, с интересом разглядывая нового собеседника.

– Не ломай зря голову, – вздохнул тот. – Я догадался потому, что бывал здесь раньше. Велла – красивое имя. – И добавил прищурившись: – Не то, что Хейзит.

Теперь рассмеялись все трое. За столом восстановилась

непринужденная обстановка.

– Фокдан, я уже кое-что рассказал Ротраму о нашем деле, так что спокойно можете говорить при нем. Встреча состоялась? Что он сказал?

– Судя по тому, как забегали в замке, скоро о том, что случилось с нашей заставой, не будет знать только глухой. Так что и скрытничать не придется. Почему у тебя пустая кружка, Ротрам?

– Я уже не одну опустошил перед твоим приходом. Но знаешь что, ты прав. Эй, Велла, будь добра, захвати-ка и мне пивка за компанию! Я хочу выпить, – продолжал он, когда на столе перед каждым возникло по новой кружке, а перед Фокданом – еще и тарелка с толстой яичницей и луковыми колбасками. – Выпить за того человека, которого мне посчастливилось узнать и которого, как я понимаю, больше нет с нами – за твоего отца Шигана, да будет милостива к нему Квалу!

Фокдан изменился в лице, но взял себя в руки и сделал несколько жадных глотков.

– Там погибло немало достойных *вабонов*, – с неожиданно возникшем в горле комком проговорил Хейзит. – Надеюсь, для *шеважа* это будет началом конца.

Воцарилось молчание. Каждый думал о своем. За соседним столом захохотали.

– Ну, так что вы сказали Ракли? – поспешил загладить неловкость Хейзит. – Вернее, что он сказал вам?

Фокдан откинулся на удобную спинку и попробовал прочность подлокотников. Еще раз, как бы на всякий случай, глянул вокруг и только тогда ответил:

– Он все уже знал. Фейли оказался прав: меня опередили двое гонцов. Они прискакали еще на рассвете. Уж не знаю, что они там ему передали и насколько подробно их Ракли их выслушал, но когда я постарался поподробнее описать то, что мы с тобой видели, он пришел в гнев и, похоже, раскаялся в своей поспешности.

– В смысле отправки карательного отряда?

– Ну, разумеется. – Фокдан снова придвинулся к столу, оперся в доску могучими локтями и заговорил еще тише. – Когда я выходил, к нему сбегались все главные военачальники, многих из которых я даже не знаю. Вероятно, он созвал их на большой совет, чтобы решить, как поступить. Быть может, они еще успеют отозвать отряд и спасти несколько сот совсем не лишних жизней.

– Несколько сот? – поразился Хейзит.

– А я о чем тебе тут весь вечер талдычил? – воскликнул до сих пор внимательно слушавший *виггера* Ротрам. – Уж не берусь судить, был ли Ракли готов к тому, что услышал, или нет, но я давно наблюдаю за замечательно растущим спросом на оружие и доспехи. Увы, замечательно растущим, – добавил он, сделав ударение на первом слове.

– Одних только *мергов* в отряде под сотню да *сверов*[17]

---

[17] *Сверами* у вабонов называлась тяжелая пехота, вооруженная, как правило,

не меньше полусотни. Прибавь сюда *фултумов* – итого уже почти триста душ. Да лесорубов с плотниками десятка два. Да обоз с провиантом. Вот и считай.

– Да, погорячился Ракли, – сокрушенно протянул Ротрам. – Но зато ты, пожалуй, прав: такое воинство далеко не уйдет. *Сверы* – народ небыстрый. Их еще можно успеть остановить.

– Я тоже на это надеюсь. Хотя…

– Что?

– Мы же не знаем наверняка, кто их там поджидает. У страха глаза велики. Может, *шеважа* при виде такой силы дадут драпака, и заставу удастся восстановить хотя бы в дереве?

– Не на то надеетесь, – покачал головой Хейзит. – Я слишком хорошо помню, сколько в нас летело стрел. Хорошо бы на них по дороге кто не напал. Вроде нашего незнакомца в шляпе и ему подобных.

– Что за незнакомец? – поинтересовался Ротрам.

арбалетами. Тяжесть возникала за счет почти сплошных металлических доспехов, делавших воина одновременно и неуязвимым для стрел врага и опасно неповоротливым при рукопашной. Поэтому в лесных сражениях при каждом *свере* находилось по нескольку помощников (*фултумов*), вооруженных длинными мечами или копьями. Тактика боя заключалась в том, чтобы предоставить возможность *сверу,* пользуясь прикрытием лат, выпустить как можно больше стрел в противника, прежде чем тот окажется в непосредственной близости. Тогда в дело вступали более подвижные помощники, в зависимости от обстоятельств дававшие *сверу* необходимое время либо для перезарядки арбалета, либо для отстегивания сковывающих движение доспехов, либо для отступления.

Хейзит кратко пересказал ему странную встречу на лесной тропе. Торговец только и смог, что пожать плечами.

– Впервые о таком слышу, – признался он. – Хотя я никогда не был сторонником всех этих глупых убеждений, будто, кроме нас да шеважа, никто больше в здешних местах не обитает. Ну, пусть не в здешних, но ведь может же где-нибудь жить народ, о котором мы ничего до сих пор не знали. И не один может жить.

– Ты сегодня помянул моего отца, – прервал его Фокдан, словно стряхивая с себя очередной приступ оцепененья. – Так вот он придерживался тех же взглядов, что и ты. Говорят, он в пору своей молодости немало пострaнствовал, а иногда даже брал с собой моего старшего брата. Тот мне по секрету рассказывал, что они видели разных людей, языка которых не понимали. Только я долго думал, что все это не более чем сказки, под которые меня укладывали спать. Что ты думаешь?

– Твой отец умел держать язык за зубами, это точно. – Ротрам выпил, не дожидаясь собеседников. – Но и скрывать ему наверняка было что. Я никогда к нему с расспросами на эту тему не приставал, хотя и догадывался, что иногда он проводит время вовсе не там, где все думают – в лесу, охотясь, или на реке с рыбаками. Иногда он показывал мне интересные вещи, которых я в наших краях не видел. Вроде того камня, что подарил твоей сестре Норлан.

Хейзит навострил уши.

– Но напрямки я его, увы, никогда не расспрашивал. Вы же сами знаете, как у нас относятся к тем, кто надолго покидает свои дома, а тем более без видимой причины. Шигана вечно куда-то тянуло, и он этого стеснялся. Помню, както я в шутку попросил его привезти мне при случае образчик какого-нибудь оружия поинтереснее. Я в ту пору уже начинал приторговывать и был бы не прочь заказать у знакомого кузнеца эдакую диковинку, которая бы принесла мне известность и деньги. Так твой отец сделал вид, что не понял меня. Мол, шутишь, ну и шути. Зато потом как-то раз я застал его в задумчивом расположении духа и услышал из его уст мысль, которая, признаться, не дает мне покоя и по сей день. Он сказал, глядя на замок: «От кого мы строим такие стены? И кто научил нас строить такие стены? Видать, были у *вабонов* враги посерьезнее *шеважа*. Где-то они теперь?». Так и сказал.

– А мы вот Хейзита спросим, – заметил Фокдан. – Он у нас строитель. Ну-ка скажи, кто научил твоего отца стены возводить?

– Его отец, – не задумываясь, ответил Хейзит. – А того – отец отца. Всегда так было.

– Всегда-то оно, может, и всегда, да только Ротрам верно говорит: с какой такой стати? Это сейчас мы с тобой знаем, что без камня не обойтись, и завтра ты попробуешь доказать это Ракли, а ведь раньше как бы *шеважа* ни наглели, как бы сильно ни доставалось нашим заставам, о защите замка ни-

кто серьезно не думал. Потому что ни один *шеважа* никогда не покидал Пограничья, не говоря уж о том, чтобы добраться до Бехемы. Откуда бы *шеважа* ни пришли, они – жители леса. И, если мы не обманулись, они только что научились управлять огнем.

Хейзит не совсем понимал, к чему Фокдан клонит. Ротрам между тем задумчиво кивал и нервно теребил бороду.

Хейзиту пришел на ум их разговор по дороге сюда, когда не то Фейли, не то Исли поставили под сомнение древность Вайла'туна. В смысле того самого замка, о котором сейчас шла речь. Ведь если на месте нынешнего Вайла'туна некогда стоял другой Вайла'тун, старый, то значит… А что это, собственно, значит? Что *вабоны* строили из камня всегда? Только почему обязательно из камня? Может быть, тот, старый замок, давший имя этой таверне, был глиняным? А то и вовсе деревянным. Может, он потому и разрушился, что не был каменным. Но тогда в словах Фокдана звучит странная правда: когда, как и почему предки нынешних *вабонов* научились добывать и класть камень, если на них никто не нападал, во всяком случае, с огненными стрелами? Нет, слишком много вопросов для одного длинного дня! И слишком много пива, которого обычно никогда не бывает много! Где Велла? Неужто опять сидит со своим Норланом! Норлан? Куда это он подевался? Ведь совсем недавно вон там болтал с кем-то из таких же, как он, расфуфыренных *мергов* и поглядывал исподтишка в их сторону.

– Шел бы ты спать, сынок, – услышал он голос Ротрама и только сейчас заметил, что упирается щекой в твердое дерево стола. – Уморили тебя переезды.

– Да и с пивом ты переборщил, дружище, – донесся чей-то смеющийся бас, вероятно, Фокдана.

– Где мой конь? – спохватился Хейзит и попытался выглянуть в проем двери. – Куда он делся? Мой конь!

– Дит увел его в хлев. – Это уже как будто мать, поднимающая его за плечи. – Все в порядке.

– Дит на рынке! – напомнил он, улыбаясь появившейся откуда ни возьмись сестре. – Я его точно там видел. Нет, погоди, не точно. Он туда шел. Хотя да, это было давно. Значит, он вернулся?

Кто-то заботливо придерживал его, пока он поднимался по внезапно ставшей шаткой и неудобной лестнице на второй этаж, точнее, это был не этаж, а еще точнее, этаж, только не в таверне, как ее там бишь, «У Старого Замка», вот, а этаж в башне на заставе, куда он сейчас должен обязательно забраться, чтобы посмотреть, нет ли где еще дыма, но это еще успеется, а пока вот она, его кровать, его старая кровать, так что название отец придумал все-таки неправильное, надо было писать на вывеске «У Старой Кровати», а не простреливать ее стрелой, как это сделал тот придурок со стены, причем каменной, кто же это был, точно, Норлан, это он не умеет стрелять, то есть промахиваться, придется Велле про него рассказать, чтобы она не делала глупостей и не вы-

ходила за него, лучше за Фокдана, у того хоть борода мужская, только зачем мне борода, когда я вот сейчас лягу и забуду про нее, и буду спать.

Той ночью ему снилась сестра. Она смеялась и все куда-то убегала. А потом появился Норлан. Он протягивал Хейзиту руку в холодной железной перчатке, но из-за шума над ухом рукопожатия так и не получилось. Хейзит открыл заспанные глаза и увидел, что лежит на животе на полу, а над ним нависает угол кровати. Оказывается, разбудивший его шум был шумом падения.

Он с неохотой поднялся на ноги и потянулся. В окно уже пробивались первые лучи солнца. Пора было умываться и седлать коня, которому он так и не успел придумать достойного имени. Главное, что осталось у него в памяти после вчерашнего кутежа, – что с Ракли все в порядке, и дорога ему, Хейзиту, открыта.

Кадка с холодной водой стояла тут же в комнате. Наскоро ополоснувшись и надев чистую рубаху, он подпоясался отцовским ремнем и спустился по лестнице вниз.

В такой ранний час посетителей еще не было. Из кухни уже доносились аппетитные ароматы, а Велла будто и вовсе не ложилась – она деловито протирала столы и стелила скатерти.

– Слабак ты, однако, – приветствовала она брата, не прерывая работы. – Я уж решила, тебе совсем худо стало. Хорошо мужики сообразили, что это тебя от усталости развезло.

Правда Мара считает, что от недоедания. А мне так кажется, что наоборот, от переедания: ты раньше никогда так не лопал.

– Я не ослаб, и худо мне не было. Я все прекрасно помню. Куда девался Фокдан.

Только сейчас Велла остановилась и посмотрела на тряпку.

– Мать пустила его переночевать в хлеву. Ротрам звал его к себе, но он остался. Пока не выходил. Наверное, все еще спит.

– Я должен с ним поговорить. – Хейзит потянул носом воздух и взгляд его заметно оживился. – Слушай, пойду-ка я его разбужу, а ты дай нам чего-нибудь перекусить. Ротрам, говоришь, ушел? Жаль.

И, не обращая больше внимания на сестру, он направился к двери.

Ночью, судя по лужам и прохладному бризу с реки, снова шел дождь. Хлев находился в трех шагах от таверны, однако Хейзиту это не помешало кое-что обдумать и, когда Фокдан, разметавшийся на стоге сена, который с удовольствием подъедали два фыркающих от удовольствия коня, открыл глаза, задать ему вместо обычного приветствия прямой вопрос:

– Что, по-вашему, скажет Ракли, если я заявлюсь к нему сейчас с моими предложениями?

– Какого рожна?..

– Нет, я серьезно.

– Что? – Фокдан сел. – И я серьезно. Какого рожна ты меня будишь, когда все нормальные люди еще спят после вчерашней попойки? Признаюсь, меня давеча тоже неплохо забрало. Что твоя мать подмешивает в пиво? Пока пьешь, вроде все как надо, а потом раз – и вслед за журавлями.

– Ничего не подмешивает. – Хейзит не мог судить об этом наверняка, однако сейчас ему хотелось быть трезвым и решительным. – Так что мне скажет Ракли?

– А что он тебе такого скажет?

– А то, что я не просто беглец, но еще и лодырь. И что если у меня были действительно важные для него сведения, то, как вы правильно заметили, какого рожна я топчусь у него на пороге сегодня, а не примчался накануне, чтобы попытаться хоть что-то изменить, может быть, даже предотвратить гибель наших *виггеров*.

Фокдан почесал бороду, обнаружил в ней несколько соломинок, выругался и посмотрел на юношу глазами бодрыми и серьезными.

– Об этом я не подумал. Звучит и вправду довольно подозрительно. – Он спрыгнул со стога и огляделся, словно в поисках ответа. – Ты уже ел?

Хейзит понял, что Фокдан разделяет его ощущение странной пустоты в желудке.

– Идемте, я уже распорядился, чтобы нам накрыли.

– Распорядился? – Фокдан поморщился. – Ты уже в замке что ли?

– Ну, попросил. Сути это не меняет. Поедим, а там видно будет.

За завтраком они, как и думали, обрели способность рассуждать более здраво.

– Я ничего ему не говорил о тебе, – вслух размышлял Фокдан. – Правда, он спросил, сколько нас было человек, и я сказал, что пятеро, но я также сказал, что по дороге мы все разбрелись. Именами он не поинтересовался. Так что на твоем месте я бы просто сказал, что отстал и только теперь добрался до замка.

– Хорошо, конечно. Но откуда тогда у меня конь? Он сразу сообразит, что я тоже воспользовался гостеприимством Тулли, а, следовательно, должен был приехать еще вчера, вместе с вами.

– Послушай, неужели ты веришь в то, что ему досуг вдаваться во все эти подробности? Куда важнее то, что ты намерен ему сказать.

– Только не сейчас, когда дорого каждое мгновение. А я, как последний дурак, прохлаждаюсь здесь. Может, мне вообще не ходить? А, как вы считаете?

– Считаю, что это малодушие, друг мой. И ты себя за него еще будешь потом корить. Так что, в крайнем случае, лучше сознаться, чем промолчать.

– Согласен, но боюсь, что тогда все мои доводы влетят ему в одно ухо, а вылетят из другого. Кто вообще захочет меня после этого слушать?

– А я знаю кто! – посветлели серые глаза Фокдана. – Локлан. Ведь ты, кажется, вместе с ним приехал к нам на заставу? Значит, ты с ним знаком?

– Немного, – поскромничал Хейзит.

– Вот с ним тебе и надо говорить. Пусть он сам потом разговаривает с Ракли. Может, так получится даже лучше. Я видел его вчера в замке. Если за ночь не было принято никаких важных решений, он, вероятно, все еще там.

– Вы правы, его запросто могут отправить обратно на заставу как человека, которой только что оттуда вернулся. Нужно поспешить. Вы со мной?

– Здесь мне особо нечего делать, – кивнул Фокдан, поискав кого-то глазами за спиной Хейзита, где никого, кроме занятой своими хозяйственными заботами Веллы, не было. – Доедай и пошли, посмотрим, что у нас получится.

– Кстати, я все хотел узнать, а что мне делать с конем? Своего вы, я вижу, отдали в замок?

– Да, возьмем его с собой и там оставим, как этого требует заведенный порядок. Кони в любом момент могут понадобиться новым гонцам. Думаю, они не принадлежат даже Ракли. А тем более нам с тобой.

– А как же Исли?

– Пусть это останется на его совести. – Фокдан встал из-за стола и поклонился Велле. Та ответила ему едва заметным кивком и убежала на кухню. – Едва ли Тулли спохватится. Уверен, что ему уже прислали новых. Его положению теперь

не позавидуешь: опять через заставу потянутся обозы с харчем в одну сторону и с трупами – в другую. Ну, готов? Тогда пошли. Матери потом передай от меня искреннюю благодарность. Она у тебя настоящая хозяйка. А она и вправду не возьмет с меня за стол и постой?

– Раз она мне так сказала, значит, нет. – Хейзит с грустью подумал, что теперь всю дорогу до замка предстоит идти пешком, а не красоваться в седле, как он предполагал, рисуя в мыслях случайную встречу с прекрасной незнакомкой. – Я подобающим образом одет?

– Ты не девица, чтобы думать о подобной ерунде. – Фокдан положил ему руку на плечо и подтолкнул к дверям. – Чисто – и этого достаточно. Иди-ка вперед.

На улице им повстречался Дит.

– Куда такую рань? – Он поставил на землю ведро с водой и недоверчиво покосился на Фокдана. – Мать не успел порадовать, а уже уходишь.

– Мы ненадолго, Дит, – махнул ему рукой Хейзит, проходя мимо. – Надеюсь, что ненадолго.

– Что, и конягу забираешь? – поинтересовался старик, пронаблюдав за ними до самого хлева.

– Так она ж не моя, Дит. Чужого брать не приучен.

– Это ты правильно говоришь. Хотя нам в хозяйстве вторая лошадка ой как пригодилась бы! Нынче хорошие кони в цене. Я вчера на рынке такую видел!

Они не стали слушать, что именно видел Дит на рынке,

кивнули на прощанье и побрели в ту сторону, где за домами реяли на фоне все еще грозового неба разноцветные знамена.

Путь до замка оказался небыстрым.

Чем ближе они подходили к мосту, перекинутому через специально вырытый канал, служивший естественной преградой, тем меньше вокруг оказывалось жилых домов и тем больше лавок торговцев, ремесленников и разных прочих нужных всем и каждому заведений, а значит – здесь было особенно людно. Хейзит невольно вглядывался в лица прохожих, однако замечал в них лишь повседневную озабоченность. Никакой паники, никакого страха от ожидаемой беды. Это вселяло надежду.

– Они узнают обо всем последними, – заметил Фокдан, уловив мысли своего молодого спутника. – Эти люди привыкли думать о мелочах, которые составляют их жизнь, и о хлебе насущном. Все, что находится вне Вайла'туна их не заботит и не волнует. Типа нашего знакомого Исли. Не удивлюсь, если он уже где-нибудь здесь и ищет новые снасти.

– Интересно, где-то сейчас его братец с Фейли? Неужели до сих пор прячутся в лесу? Кстати, вы хорошо этого Фейли знали?

– Не так, чтобы очень, но знал. Человек Граки.

– Что это значит?

– Куда Граки, туда и он. Нечто вроде личного помощника.

Наподобие Олака, слуги Локлана, если ты с ним знаком.

Хейзиту вспомнился этот довольно неприятный тип, который был у Локлана на побегушках и отличался тем, что всегда делал все молча. Будучи слугой, то есть, полностью завися от своего хозяина, он умудрялся держаться со всеми остальными обитателями заставы независимо, если не сказать надменно.

– Если он бежал вместе с нами, видать, Граки и в самом деле убит, – продолжал Фокдан. – Жаль. Сильный был *виггер*.

– Его застрелили на моих глазах, – проговорил Хейзит, вновь переживая тот ужас от сознания собственной беспомощности и невозможности никому помочь.

Они шли некоторое время, глядя по сторонам и думая каждый о своем.

Фокдан не стал делиться со слишком неопытным еще в подобных тонких вопросах спутником уже давно донимавшими его сомнениями. На память ему пришел разговор, произошедший между ним, Гейвеном и Олаком сразу после первого, успешно отраженного нападения на заставу, когда все решили, будто Граки погиб. Фокдан за глаза назвал тогда Олака «крысой, почувствовавшей дохлятину». На самом деле дружба его отца, Шигана, с Граки в свое время сблизила Фокдана и Фейли. При всей своей скрытности Фейли умел с теми, кому доверял, быть откровенным, и потому Фокдан оказался первым и, вероятно, единственным, кто услышал от него не слишком воодушевленные слова, когда к ним

на заставу пожаловал с многочисленной свитой сын Ракли. Фейли ко всему относился скептически и ничего не принимал на веру, а потому, несмотря на то, что большинство *эльгяр* восприняли приезд Локлана как добрый знак, он сделал собственный вывод и придерживался его впредь: Ракли выискивает промахи в руководстве заставами, причем специально, чтобы сменить опытных, но по тем или иным причинам неугодных ему предводителей своими людьми. А кто лучше справится с этой ролью, чем его сын, тем более единственный? Фокдан не спорил, однако Локлан был ему симпатичен и не производил впечатления преследовавшего собственные выгоды подлеца, каких в последнее время, как он догадывался, в замке развелось предостаточно. Произошедшие на заставе вслед за приездом Локлана события иначе как подозрительно необъяснимыми назвать было трудно. Среди племен *шеважа* должно было произойти нечто из ряда вон выходящее, чтобы они напали на заставу так, как это получилось во второй раз. Мало того, что они в одночасье научились управлять огнем и изготавливать огненный стрелы – а иначе как объяснить, что чуть ли не за день до этого никакого огня у штурмовавших ворота и в помине не было? – так они еще и изменили своей извечной тактике: нападать большим числом, но не по всему фронту, а в одном месте и притом открыто. По сути эти их дикарские привычки спасли жизнь не одному *вабону*. И вдруг все переменилось. Новые возможности оружия повлекли за собой рез-

кую смену тактики нападения: стрельба наугад, из-за стен, по всей их длине. И куда смотрели в это время стражники, у которых под носом враг разводил костры и поджигал стрелы? Причем, если судить по количеству выпущенных той страшной ночью стрел, вокруг заставы собралась не одна сотня *шеважа*. Почему, спрашивается, они накануне решились на отчаянный штурм столь скромными силами? Обо всей этой несуразности Фейли говорил с Фокданом по пути через лес, по ночам, когда все остальные беглецы мирно спали. Тогда же они условились не открывать посторонним, даже невольным друзьям по несчастью, связывавших их отношений и, более того, попытаться разделиться, чтобы тем сподручнее было докапываться до истины. Фокдан до сих пор не получил весточки от Фейли, однако предполагал, что тот прячется, один или все еще с Мадлохом, где-то поблизости и лишь выжидает удобного момента, чтобы объявиться и поделиться полученными сведениями. Фокдан же пока не выяснил ничего, что могло бы подтвердить или опровергнуть их нехорошие подозрения. Тем интереснее будет сегодня поприсутствовать при разговоре Локлана и этого славного паренька Хейзита, который искренне хочет помочь, хотя едва ли сам до конца понимает, кому и как. Фейли попытался смутить его наивный ум во время ночевки на заставе у Тулли и подспудно призвать к осторожности, однако тот, похоже, слишком молод и горяч, что, правда, может, и к лучшему. Во всяком случае Фокдан не видел, как и чем улучшить и без

того удачно складывающуюся ситуацию: строительное дело Хейзит знал, соображения свои высказывал смело, к замку еще не прикипел, то есть был независим, наблюдателен и по-своему полезен. Фокдан решил просто держаться к нему поближе, а при случае попытаться кое-что объяснить. Кроме того, его порадовало, что с семьей Хейзита водит дружбу торговец Ротрам, о котором Шиган всегда был высокого мнения как о человеке честном и далеком от интриг, но далеком настолько, чтобы неплохо в них разбираться. Вчера, когда они совместными усилиями уложили опьяневшего Хейзита в постель, им довелось посидеть за столом вдвоем до самого закрытия таверны и обменяться мнениями о происходящем. Порасспросив об огненном штурме поподробнее, Ротрам, разбиравшийся в оружии получше любого *виггера*, предположил, что собеседник все же сгущает краски. Он отмел мысли о том, что в огненном штурме могли быть замешены сами *вабоны*, кто бы их ни посылал, как необоснованно чудовищные, однако согласился с возможной целью приезда на заставу Локлана: опасные времена, сказал он, рождают героев, а кем как не героем назовет молва предводителя заставы, давшей отпор опасному врагу. В этом смысле Граки, конечно, мешал планам Ракли – если таковые и вправду существовали – собрать под свое крыло как можно больше героических личностей, будь то живых или павших в бою, а заодно и рождаемые ими или во славу им культы. На вопрос Фокдана, зачем все это человеку, власть и главенство кото-

рого никто не оспаривает, Ротрам понизил голос до шепота и философски заметил, что если сегодня – никто, то кому ведомо, что будет завтра. Он допускал мысль о том, что среди некоторых наиболее известных и почитаемых военачальников, добившихся определенных успехов в противоборстве с *шеважа*, но не удостоенных, по их мнению, подобающих почестей, могло возникнуть нечто вроде заговора, и что усилия Ракли на протяжении последних зим были направлены на поиск и устранение вероятных зачинщиков. Фокдану такое объяснение поначалу показалось чистой воды выдумкой, однако, чем дольше он теперь о нем думал, тем охотнее был склонен с ним согласиться. Ведь он, как и все прочие *эльгяр*, не обремененные семьей, подолгу не покидали застав и толком не знали, какая и где складывается обстановка. Ракли же получал своевременные донесения отовсюду. Единственное, в чем Фокдан был по-прежнему уверен, так это в том, что если заговор и существует, Граки не имел к нему ни малейшего отношения. Хорошо бы поскорее встретиться с Фейли и осторожно расспросить его на этот счет. Однако, настолько он и сам знал, Граки вполне хватало того, что в его роду уже был герой – Кедик, его старший брат, проповедником культа которого стал верный Шиган. Фокдану с трудом верилось, что у Граки могла даже в мыслях появиться неудовлетворенность результатами своих «героических трудов», поскольку для *виггеров* его склада все эти стычки с дикими обитателями Пограничья были не более, чем заведенным порядком ве-

щей. Примечательно, что вчера, когда Ракли расспрашивал его о подробностях той ночи, Фокдан не уловил даже намека на злорадство. Перед ним стоял погруженный в безрадостные думы воин, добившийся своего нынешнего положения не путем мелочных интриг и подножек, а доблестью и прямотой, иногда граничащей с жестокостью. И в этом Граки и Ракли были похожи. Вот только смог бы Граки, если бы у него были дети, отстоять честь рода, принеся в жертву одного из них, как то сделал Ракли, казнив Ломма, своего младшего сына, заподозренного в заговоре против старшего, Локлана?

– Знаешь что, – сказал Фокдан, прервав свои размышления, когда они ступили на поскрипывающие доски моста. – Полезай-ка ты на коня. Чем вести его просто так, давай уж лучше воспользуемся им как преимуществом.

– В каком смысле? – не понял Хейзит.

– В прямом. Стража узнает его и будет задавать нам меньше вопросов. Тем быстрее мы попадем внутрь.

Действительно, когда они входили под низкие своды первых ворот, образованные деревянным надвратным домиком, метко прозванным в народе *каркером*[18], то есть «тюрьмой»,

---

[18] Речь идет сооружении, соответствующее которому в средневековой Европе называлось «шателет» или «бастилия», а в случае временной постройки – «бастид». Оно преграждало подступы к замку и представляло собой своеобразную крепость в миниатюре, снабженную подъемным мостом и воротами. Деревянная постройка возводилась на двух каменных опорах-башнях с внутренними или внешними лестницами. Могла являться как частью крепостной стены, так и от-

их окликнули. Проявивший бдительность *эльгяр* в длинной кольчуге и круглой каске сбежал по узким ступеням лестницы, выложенной из камня с противоположной от моста стороны укрепления, и преградил им дорогу. Вчера в этом месте Фокдан проехал совершенно беспрепятственно. Вот что значит дневная усталость в сравнении с утренней бодростью, подумал он, делая приветственный знак. Стражник ответил ему тем же, но поинтересовался:

– По какому делу? К кому?

– По какому, не скажу, а к кому, пожалуйста. К Локлану. Знаешь такого? Ладно, давай, брат, не задерживай нас, а то смотри, Ракли осерчает.

– Ты меня тут не пугай, – хмыкнул стражник, однако посторонился. – Ехать-то знаете куда?

– Да уж не впервой.

Фокдан похлопал коня по крутому боку, и они тронулись дальше. Последняя из обычных построек осталась на той стороне рва, а здесь все поросло низенькими кустами, среди которых вилась неширокая тропинка, правда, мощеная хорошо утрамбованной галькой. Тропинка вела через просторное поле к высокому, в полтора человеческих роста, частоколу, или палисаду, сделанному из плотно подогнанных друг к другу бревен с заостренными маковками. Если бы Хейзит не бывал здесь раньше, он бы решил, будто тропинка упира-

---

дельно стоящим сооружением в случае, если охраняло переправу через ров, сам по себе являющийся преградой.

ется прямо в частокол, и бедной лошади придется с разбегу преодолевать этот опасный барьер, однако хитрость строителей заключалась в том, что в частоколе имелась почти незаметная для непосвященных подъемная калитка, открывавшаяся усилиями двух *эльгяр* изнутри.

Обычно калитка оставалась поднятой с утра до позднего вечера, но сегодня Фокдану снова пришлось вступать со стражниками в перепалку, чтобы их впустили.

– Похоже, коня я мог бы оставить матери, – сказал Хейзит, спешиваясь, чтобы не задеть калитку головой. – Его здесь все равно не признают.

– Откуда ты знаешь? Может быть, без него нас бы сейчас вообще слушать не стали. Впечатление такое, что тут уже во всю готовятся к осаде.

За частоколом, до самого подножья утеса, на котором громоздился замок, тянулось еще одно поле, только лишенное кустов и называемое «ристалищным». Предназначалось оно для ежедневных упражнений *мергов* и прочих *виггеров*, составлявших постоянный гарнизон замка. Здесь же располагались многочисленные конюшни. Местами поле было изрыто неглубокими траншеями для скачек с препятствиями, кое-где виднелись ряды укрепленных на столбах квадратных мишеней для совершенствования меткости лучников и арбалетчиков. Неподалеку от калитки путники увидели недавно установленных здесь деревянных чучел людей с беззащитно раскинутыми в стороны руками. С десяток копейщиков

отрабатывали на них выпады. В стороне несколько тяжелых пехотинцев в полном обмундировании, разбившись на пары, упорно старались зарубить друг друга здоровенными деревянными мечами.

– Полюбуйся на этих умников, – сказал Фокдан. – Мне всегда грустно смотреть на людей, которые занимаются тем, для чего не предназначены.

– Когда я был здесь в последний раз, *виггеров* в замке было гораздо больше, – заметил Хейзит.

– Думаю, это потому, что многие из них побросали свои деревянные мечи и тупые стрелы и перебрались в башни и на стены.

– Или ушли в Пограничье.

Фокдан неопределенно пожал плечами.

Вскоре они подъехали к последнему серьезному пропускному пункту, за которым начиналась крутая каменная лестница, огражденная по бокам невысокими стенами с бойницами и называвшаяся поэтому «предмостным укреплением». Пропускной пункт имел форму барабана, на который забыли натянуть кожу, то есть он состоял из сплошной круглой стены, был лишен крыши и впечатлял любого в него вошедшего количеством лучников, лениво прохаживавшихся по замкнутой галерее и с интересом поглядывавших вниз. В стене было двое ворот: одни, через которые путники вошли, другие – ведущие на лестницу в гору.

Но сперва могучего телосложения стражник с увесистым

топором, больше смахивавшим на остроносую кирку, отобрал у них поводья коня, а второй, не менее внушительного вида, вооруженный длинной дубиной с торчащими во все стороны железными шипами, осведомился, куда и зачем они собрались.

Почувствовав, что Хейзит от такого приема опешил и не знает, с чего начать, Фокдан ткнул себя пальцем в грудь, обращая внимание стражников не то на ее ширину, не то на зеленый потрепанный камзол, являвшийся отличительной особенностью *виггеров*, служащих на лесных заставах, и в не слишком любезных выражениях дал понять, что если их сейчас же не пропустят к Локлану, то в ближайшее время обоим придется вынимать из того места, на котором они обычно сидят, то самое оружие, которым они тычут в лицо уважаемым гостям.

Угроза не возымела ожидаемого действия. Вероятно, богатыри оказались не робкого десятка. Смерив Фокдана с головы до ног свирепеющими взглядами, они дружно схватили его за руки и попытались завалить на землю. Их ждало разочарование, поскольку Фокдан был еще сильнее, чем выглядел, так что оба отлетели к противоположным дверям и не сразу вскочили на ноги. Когда же притяжение земли было ими преодолено, чаша весов склонилась вовсе не в пользу выхватившего из-за пояса кинжал Фокдана и повисшего на его руке Хейзита, потому что с галереи крикнули, что сейчас будут стрелять в любого, кто шелохнется. В доказатель-

ство своей угрозы кто-то из лучников выпустил стрелу точно под ноги Фокдана, и она, выбив пучок оранжевых искр, вонзилась между булыжниками мостовой.

Неизвестно, чем бы закончилась эта неожиданно яростная стычка, если бы ворота, перед которыми отряхивались раскрасневшиеся от возбуждения стражники ни открылись, и в их проеме ни возникла до боли знакомая Хейзиту фигура пешего *мерга*. Даже если бы сейчас тот был в шлеме, а не держал свою железную луковицу по привычке на сгибе руки, Хейзит безошибочно узнал бы *аби'мерга* Норлана.

Не моргнув глазом при виде происходящего, он молча вышел в центр круга, выдернул из-под ног Фокдана стрелу и, подняв бледное лицо с подрагивающей бородкой, негромко сказал, обращаясь к застывшим на галерее лучникам:

– Враг может быть ближе, чем мы думаем, но не настолько близко, чтобы стрелять в своих братьев по оружию. – И добавил, поворачиваясь к охранникам. – За бдительность вам будет объявлена благодарность, но за бездумное нападение на гонцов из Пограничья вас ждет строгое наказание.

Только сейчас он повернулся к удивленным таким поворотом событий «гонцам» и встретился взглядом с Хейзитом.

– Кажется, я уже имел удовольствие видеть вас вчера при значительно более приятных обстоятельствах, – сказал он спокойным голосом и протянул окончательно смутившемуся «знакомому» руку. – Разве что нас забыли представить. Я – Норлан.

Он не назвал своего звания, предполагая, что собравшиеся здесь люди сами прекрасно разбираются в количестве и цвете лепестков.

– Хейзит, – ответил Хейзит, пожимая узкую, но сильную кисть. – А это Фокдан. Мы оба прибыли с заставы Граки и должны срочно встретиться с Локланом. Если, конечно, он может нас принять.

– Так что же мы тогда здесь стоим? – продолжал Норлан, терпеливо наблюдая, как Фокдан засовывает кинжал обратно за пояс. – Примите у гонцов Граки коня, – бросил он через плечо успевшим поостыть стражникам и, не обращая больше ни на кого внимания, пошел вперед, указывая дорогу.

Хотя Хейзит не нуждался в провожатом, поскольку бывал в замке бессчетное число раз и знал здесь если не все закоулки, то уж путь в покои Локлана отыскал бы безошибочно, он сам удивился тому, что рад встрече с Норланом. И тому, что тот первым признал его вслух. Надо будет при случае с ним все-таки перемолвиться парой слов. Во всяком случае, с этими неотесанными обалдуями он расправился просто лихо.

Шедший рядом Фокдан думал примерно о том же, но от его опытного взгляда не ускользнул тот примечательный факт, что у обоих стражей на камзолах были вышиты по две вертикальные полоски. Если у него не двоится в глазах, то это означало, что он только что стал свидетелем прелюбопытнейшей сцены, когда *виггер* младшего звания, не моргнув глазом, отчитал сразу двоих более заслуженных

эльгяр. И что само удивительное, те как будто не слишком по этому поводу возмутились и бросились выполнять полученные распоряжения. По крайней мере ржание коня уже слышалось со стороны ристалищного поля. И когда только Хейзит успел с этим молодчиком познакомиться?

Она миновали несколько пролетов извилистой лестницы, откуда, если оглянуться, уже открывался живописный вид на простершиеся по другую сторону обводного канала Малый и Большой Вайла'тун, и остановились: лестница заканчивалась крутым обрывом. С противоположного края к ним уже с лязгом опускался обшитый железом широкий щит главного замкового моста.

– Почему вы сказали, что пришли с заставы Граки? – поинтересовался Норлан, дожидаясь, пока мост опустится. – Разве вы не знаете, что она сгорела?

– Именно поэтому мы и пришли, – ответил Хейзит. – Мы знаем, почему это случилось и хотим предупредить Локлана. Я строитель, то есть, подмастерье, но…

– Твоя сестра кое-что мне про тебя рассказывала. Только почему ты не пришел сюда вчера, а первым делом наведался домой?

– Это я его отговорил, – вмешался Фокдан, которого не сбило с мысли даже упоминание этим странным юношей Веллы. – Я сам говорил вчера с Ракли, и решил, что в поднявшейся суматохе лучше обождать.

– Так это ты был тем гонцом, после приезда которого

Ракли спешно созвал совет, отменил свои прежние приказы и надавал кучу новых?

– Не знаю насчет совета, но, вероятно, я. – Фокдан взялся за край моста и сделал вид, будто помогает ему опуститься. – Кстати, спасибо, что осадил тех придурков внизу. Меня учили никому не спускать обид, так что ряды защитников замка могли сегодня поредеть.

– Возможно, хотя вряд ли, – покачал головой Норлан и улыбнулся своим мыслям. – Да и глупо было бы проделать весь этот непростой путь с заставы, чтобы погибнуть от своих же стрел. Извини за прямоту, но тебе бы не дали даже сойтись в рукопашную.

– Так Локлан нас примет? – перевел разговор на другую тему Хейзит, первым ступая на опустившийся мост. – Честно говоря, я опасался, что его пошлют обратно в Пограничье.

– Это может произойти в любой момент, – согласился Норлан. – Но пока он здесь. Слишком много событий для нескольких дней, чтобы пытаться реагировать на все, что происходит. Вы про доспехи Дули слышали?

– Их нашли на нашей заставе, – как можно небрежнее сказал Хейзит и отметил, что спокойное выражение лица Норлана впервые «дало трещину». – И про пленную *шеважа*, которую Локлан привез в замок, мы тоже знаем. Осталось только поведать ему о том, чего *не знает* он.

Фокдан покосился на провожатого. Во взгляде Норлана теперь безошибочно читалась белая зависть. Казалось, стоит

ему открыть рот, и он признается в том, что вот уже сколько времени всеми правдами и неправдами пытается получить назначение в Пограничье, а его все держат при замке и не дают показать, на что он способен. Это болезненное ощущение было хорошо знакомо Фокдану по собственному прошлому. До тех пор, пока его старший брат, Кинвел, ни пропал без вести, отец даже слушать не хотел о том, чтобы забрать Фокдана с собой на заставу. Не было бы счастья, да несчастье помогло… Кто же удерживает в замке столь горячего бойца, распоряжений которого слушаются даже стоящие выше его по званию? Вслух Фокдан спросил:

– Не слыхал, послали кого-нибудь следом за отрядом?

Глаза Норлана сверкнули.

– Даже мой отец не сумел убедить Ракли. Может быть, хоть теперь у Локлана получится. Почему я так хотел бы поприсутствовать при твоем разговоре с ним.

Отец? Вот она, отгадка головоломки!

– А кто твой отец?

– Тиван, – бросил юноша и отмахнулся от подбежавших стражников.

Фокдан чуть было ни присвистнул. Тиван, помощник Ракли, отец Норлана, каким-то образом знакомого не только с Хейзитом, но и с его сестрой. Нечего сказать, причудливые круги описывает иногда выдумщица-судьба! При всем при этом Ракли не слушает одного из ближайших своих помощников, а сын этого помощника не уверен в том, что ему

удастся самому принять участие в беседе с сыном Ракли. А ведь было время, когда вопросов кому с кем разговаривать и кому кого слушать не возникало. Нет, что-то в Вайла'туне творится неладное. Причем теперь совершенно непонятно, стоит ли находиться от него подальше, или, наоборот, чем ближе к главным действующим лицам, тем лучше.

Они взошли по булыжной мостовой, проложенной между двумя рядами стен, к арке внутренних ворот с гостеприимно поднятой зубчатой решеткой.

Если Фокдан думал о воцарившемся здесь безлюдье, чего никогда, насколько он помнил, не бывало прежде, то Хейзит подмечал, с какой щедростью строители использовали столь необходимый сегодня камень, будто получили от хозяев негласный приказ готовить замок к яростным штурмам. Раньше ему это даже не приходило в голову. Он восхищался мастерством отца и той тщательностью, с какой желтоватые глыбы, проделавшие весь путь от далекой каменоломни, были подогнаны одна к другой и превращены в единый монолит. Теперь же он смотрел на торжество камня иными глазами. Внешние стены, разумеется, нужны, хотя замок и без них вполне можно было назвать неприступным благодаря высоте и крутости того прибрежного утеса, на вершине которого он был построен. Но зачем нужно было городить еще и внутренние, тем самым сужая и без того довольно скудное пространство? В крайнем случае, вполне хватило бы добротного деревянного частокола, какой встретился им по пути. Внутрен-

няя стена скрадывала отнюдь не лишнее место и свидетельствовала о недальновидности и расточительности хозяев. Если когда-нибудь *шеважа* окрепнут и обнаглеют настолько, что им взбредет в голову обрушиться на Вайла'тун, в замке не сможет укрыться и треть его жителей. Тогда, спрашивается, ради чего все эти укрепления, если за ними спасутся всего несколько семейств, причем спасутся ненадолго, пока ни умрут голодной смертью, поскольку неоткуда будет получать провиант и воду? Правда, с водой, скорее всего, перебоев не будет: ее, как и сегодня, станут поднимать в ведрах из Бехемы. А вот запасы еды, которые сейчас поступают через специальные ворота, проделанные прямо во внешней стене, с деревянной, легко и быстро убираемой рампой, способной выдержать вес мешка с мукой или свиную тушку, но не взрослого воина, иссякнут раньше, чем *шеважа* сумеют преодолеть все эти мыслимые и немыслимые преграды. Одним словом, Хейзит лишний раз удостоверился в правильности своей идеи о том, что нужно укреплять мир *вабонов* вокруг замка, и тогда у самого замка будет куда больше шансов выстоять перед любым врагом. Кроме, пожалуй что, внутреннего, мог бы добавить Фокдан, но Фокдан хранил молчание и только хмурился.

Площадь, на которую они вышли, была не лишена изящества пропорций и красоты, которую ей придавали высаженные посередине, прямо между булыжниками, высоченные кедры. Среди стволов прятались каменные луковицы *беор*.

По традиции семейство Ракли не могло отдавать предпочтение культу какого-то одного героя, и потому, насколько знал Хейзит, их там стояло в тени не меньше десятка. По бокам, вдоль стен, располагалось несколько деревянных и потому выпадавших из общей картины пристроек, в которых находились склады продовольствия и оружия, собственная кузница и оружейная мастерская, а также жилые помещения для гарнизона. Строения эти производили впечатление времянок и выполняли вспомогательную роль, поскольку дублировали все то, что вмещало в себя главное здание – вздымающаяся из-за кедров на противоположной стороне площади могучая башня – *Меген'тор*, Тор Великий. Собственно, башней ее можно было назвать разве что по привычке, поскольку, возведенная здесь за той же надобностью, что и деревянные башни на заставах, она являла собой настоящую крепость в крепости и включала в свою мощную конструкцию еще несколько дозорных башен, придававших этому символу неприступного, тяжеловесного могущества некоторую архитектурную изысканность.

К удивлению Хейзита Норлан не повел их к каменным ступеням, поднимавшим гостей замка сразу на первый этаж, минуя высокий цокольный, а нырнул в стенной проем, за которым вверх уходила витая лестница. Проход был узким, поднимавшийся параллельно ступеням потолок – низким, так что им пришлось двигаться друг за другом, изучая подошвы впереди идущего.

Здесь мечом не помашешь, думал Фокдан, шедший последним.

Почему мы взбираемся на стену, задавался вопросом Хейзит, вдыхая запахи камня и отчетливо представляя себе, как где-то здесь его отец вмуровывал остатки своих скудных трапез. Ведь семейство Ракли всегда жило на первом этаже Меген'тора, между складскими помещениями подвального и цокольного и вторым, где размещался гарнизон.

Лишь бы он не попросил меня уйти, как заклинание повторял про себя Норлан и упорно лез вверх. Особенно сейчас, когда удача сама идет ко мне в руки.

Наконец, они вышли на залитую внезапно пробившимся из-за туч солнцем галерею внутренней стены и столкнулись лицом к лицу с тем, кого искали. Голубые глаза Локлана приветливо улыбались. Заметив за спиной *аби'мерга* Хейзита, он просиял.

– Дружище! Какими судьбами? Ты жив! – Он заключил вконец смутившегося Хейзита в объятья. – Вот уж не ожидал встретить тебя здесь! Кажется, это лучшая новость за последние дни. А новостей у нас тут – через край! Постой, как ты меня нашел?

– Нас привел Норлан, – оглянулся Хейзит и добавил, поймав умоляющий взгляд гвардейца. – Он мой хороший знакомый и помог нам почти без препятствий пойти в замок.

– А то нас порубали бы еще при входе, – поддакнул Фокдан.

– А это Фокдан, которого вы наверняка помните по заставе. – Хейзит все не мог взять в толк, подобает ли ему в присутствии посторонних обращаться к Локлану на «вы», к чему обязывали правила хорошего тона, или на «ты», как того требовала связывавшая их давнишняя дружба.

– Разумеется, – кивнул Локлан, пожимая протянутые руки.

– Если у вас есть лишнее время, – продолжал Хейзит, – мы бы хотели вам кое-что рассказать и кое-что предложить. Я считаю, это может быть крайне важно.

– Что же мы тут стоим? – спохватился Локлан. – Пойдемте ко мне, там мы нас никто не побеспокоит.

Да и беспокоить-то некому, хотел уже было вставить Фокдан, но тут мимо них пробежал отряд пехотинцев, чуть не сбивший с ног шедших ему навстречу трех лучников в полном вооружении. Пришлось Фокдану прикусить язык и последовать за остальными.

Локлан привел их в неожиданное и весьма примечательное сооружение. Это была деревянная сторожевая вышка, вероятно, не так давно установленная в том месте, где внутренняя стена делала поворот под прямым углом. Приставная лестница вела изнутри на открытую смотровую площадку, продуваемую всеми ветрами, но зато и предоставляющую замечательный вид в любую сторону от замка. По краям прямоугольной площадки стояли лавки, а в центре было водружено толстое древко с желто-серым флагом.

– Лучше всего здесь, конечно, в жару, – сделал широкий жест Локлан, приглашая гостей рассаживаться кому куда удобнее. – Но я готов торчать здесь хоть до самого снега: мне на ветру лучше думается.

Прежде чем сесть, Хейзит не удержался, чтобы не поглядеть в ту сторону Пограничья, откуда они накануне примчались на взмыленных лошадях. Потом он обменялся взглядом с Фокданом, который поджал губы и незаметно мотнул головой: увы, как бы высоко ни находилась смотровая вышка, с нее была видна разве что башня заставы Тулли. Из замка не могли заметить пожара.

– Это очень хорошо, – сказал Хейзит. – Потому что думать нам всем придется много.

– Тогда приступай, не откладывая, – скрывая внутреннее напряжение, улыбнулся Локлан. – Кстати, если вы не успели позавтракать, я распоряжусь что-нибудь нам принести.

Все вежливо отказались.

– Пива?

Кивнул один Фокдан. Локлан рассмеялся и позвал:

– Олак!

Из отверстия в полу, к которому была приставлена лестница, появилась знакомая всем голова слуги, хотя любой мог поклясться, что когда они забирались сюда, поблизости никого не было.

– Принеси-ка нам чего-нибудь выпить. А заодно постарайся разведать, где сейчас отец.

Голова скользнула по всем присутствующим недоверчивым взглядом, кивнула и снова скрылась.

– Ну, Хейзит, выкладывай! Только давай сразу договоримся, перестань обращаться ко мне на «вы». Терпеть не могу этих дурацких церемоний.

– Ладно. – Хейзит откашлялся, позабыв, с чего собирался начать. – Тебе уже должно быть хорошо известно, что случилось на нашей заставе вскоре после твоего отъезда.

– *Шеважа* вас подожгли.

Говоря такое, он продолжает улыбаться, отметил про себя Фокдан.

– Они подожгли заставу стрелами, огненными стрелами, Локлан. Они принесли с собой огонь, а наши стражи этого даже не заметили, хотя после известного тебе штурма были начеку. Все стены и дома на заставе были пропитаны негорючей смесью, я сам их проверял чуть ли не накануне. И что? Полыхнуло с первой попытки. Локлан, пусть я еще не строитель, а всего лишь подмастерье, но я был там, и видел все своими глазами. Кроме нас с Фокданом, никто тебе этого не скажет. И теперь я боюсь, Локлан, очень боюсь того, что такая же участь постигнет остальные заставы. Мы не знаем, сколько *шеважа* натянули против нас свои луки. Одно могу сказать наверняка: на нашей заставе их была не одна сотня.

– Если только у каждого не выросло по три паре лишних рук, – вставил Фокдан. – Стрел была целая туча. Никогда ничего подобного не видел.

– И если они остались поджидать у пепелища, наш отряд, как бы хорошо он ни был вооружен, обречен.

– Нужно его отозвать, – рубанул рукой воздух Норлан.

– А если не стали никого ждать и пошли дальше, – продолжал Хейзит, – обречена любая встречающаяся им на пути застава.

– Мы должны предупредить остальных, – подхватил Норлан.

– Наверное. – Хейзит старался понять, о чем думает Локлан. – Но это дело *виггеров*. А дело строителей, я считаю, – укреплять заставы камнем. Нам нужен камень, Локлан, много камня. Без него мы очень скоро потеряем и заставы и людей. И еще одно, о чем я подумал, когда уже вернулся в Вайла'тун. Наши дома. Они все из дерева. И стоят слишком близко друг к другу.

– На что ты намекаешь? – Локлан больше не улыбался.

– Я вовсе этого не желаю, но если нам не удастся укрепить заставы, и война в Пограничье будет проиграна, ничто не помешает шеважа напасть на нас здесь. И тогда…

– И тогда мы спалим их лес! – рявкнул Локлан. – Неужели ты думаешь, что мы допустим, чтобы какие-то дикари пошли войной на Вайла'тун? В Пограничье у нас и раньше гибли *виггеры*. А когда-то не только *виггеры*, но и их семьи.

Пока твой отец ни запретил брать семьи с собой, подумал Фокдан. Хороший выход из положения.

– И неужели ты думаешь, что посланный сейчас отряд на-

столько мал и плохо обучен, что не справится со стаей дикарей, пусть даже у них в руках появилось такое грозное оружие, как огонь? Наверное, ты лучше многих разбираешься в строительном ремесле, но в ратном деле мы тоже кое-что смыслим. Почему ты решил, что единственная задача этого отряда – во что бы то ни стало отстроить заставу или погибнуть?

– Потому что с ними отправились лесорубы и плотники.

– Так вот, чтоб ты знал, я лично отдавал им приказ о выступлении и хочу сказать, что строительством они займутся не раньше того, как уничтожат всю эту нечисть. Или мы уже забываем, что *шеважа* смертны?

– Все смертны, – заметил Фокдан.

Он уже некоторое время незаметно для остальных похлопывал Норлана ладонью по ноге, призывая держать себя в руках, поскольку видел, как молодой воин рвется возразить своему сверстнику, правда, наделенному по праву рождения куда большей властью.

– То есть, Локлан, ты считаешь, что все идет, как надо, и никаких усовершенствований в постройке застав делать не требуется? – уточнил Хейзит, искренне радуясь лишь тому, что сидит сейчас здесь, а не в зале Ракли. – И что гибель всех наших воинов – просто очередной эпизод войны? Что нужно только за них отомстить, и все сразу встанет на свои места?

– Мы побеждали их раньше, победим и теперь. Разве

не это ты хотел от меня услышать? Мы победим.

Локлан слишком хотел говорить строго и решительно, чтобы Фокдан не почувствовал в его голосе нотку неуверенности и не вмешался в возбужденную перепалку, сохраняя при этом спокойствие и даже определенную леность, свойственную людям, уверенным в своей правоте.

– Хейзит, конечно, не *виггер* и стратег из него так себе, но сейчас он говорит дело, Локлан, поверь мне на слово. А я хоть и не заслужил особых чинов, честно сражался бок о бок с твоим отцом, еще когда вы с Норланом только-только брались за деревянные мечи. Так что ты волен поступать, как считаешь нужным, и даже не передавать смысла нашего теперешнего разговора Ракли, но если ты думаешь, что, сидя здесь, на этой замечательной башне, с которой открывается не менее замечательный вид на весь Торлон, ты в состоянии предугадать или хотя бы увидеть действия *шеважа*, то ты ошибаешься. Я был очень рад, когда увидел тебя на нашей заставе, потому что где как не в Пограничье любой *виггер* постигает свое истинное призвание. Мы ведь, если откровенно, боялись, что после гибели Ломма – извини, что напоминаю об этом – ты и носа из Вайла'туна не покажешь. Но ты все-таки пожаловал к нам и всем приглянулся. Даже Граки, – усмехнулся он, внимательно следя за реакцией собеседника. – Наши *эльгяр* воспрянули духом. Если ты этого не заметил, то теперь знай. Однако их нет больше, как нет и заставы. Все произошло значительно быстрее, чем Хейзит

тут тебе об этом рассказывал. А люди, Локлан, гибнут быстрее, чем дерево превращается в пепел. Им достаточно одной меткой стрелы. И если ты не знаешь, кто и откуда в тебя стреляет, а вокруг все полыхает, то ты не можешь ответить тем же и покарать *шеважа*, будь они трижды неладны. Ты можешь только погибнуть. И я буду последним лгуном, если скажу, что в ту ночь, когда мы опрометью бежали через подземный ход из горящей заставы, мне не было страшно. Никому не пожелаю испытать такого, ни себе еще раз, ни тебе, ни даже Норлану, который, похоже, несмотря на мои слова, по-прежнему рвется в бой. А тем более не пожелаю нашим братьям с других застав, которые могут еще не знать о том, что им грозит. – Фокдан сделал паузу. Его никто не стал прерывать, и он продолжил: – О том, что когда-нибудь *шеважа* смогут раскрыть секрет огня и обратить его против нас, говорили давно. Но все наивно думали, будто это «когда-нибудь» не наступит. Оно наступило. Оно там, в Пограничье. Мы с Хейзитом видели его и потому так смело теперь боремся с твоей слепотой. Мы знаем, что нам нечего терять. Если мы не убедим тебя, а через тебя – твоего отца, вот тогда начнутся настоящие потери. Они уже начались. И не прекратятся, как бы ты ни желал этого. Можешь посылать в Пограничье отряд за отрядом, но знай – это не выход. Увы, нужно пересмотреть всю стратегию этой затянувшейся войны. Я слышал, будто среди *шеважа* сумели прижиться наши лазутчики. Если это так, мы должны использовать их. Ис-

пользовать немедленно. Но еще раньше мы должны сделать все, чтобы укрепить деревянные заставы. И Вайла'тун. Я сам об этом не думал, но сейчас понимаю, что Хейзит и тут прав. И еще, наверное, последнее, пока не забыл. Вчера, когда я разговаривал с твоим отцом, он, похоже, пропустил мимо ушей мою историю о сумасшедшем воине, который носится по лесу верхом, не снимая соломенной широкополой шляпы. Очень странный воин. Не *шеважа*. И не *вабон*. Для *вабона* у него слишком узкие глаза. Для *шеважа* он… хмм… слишком хорошо сидит в седле. И он производит впечатление. Это нельзя объяснить, это можно только ощутить. Я убил много *шеважа*, иногда я умудрялся расправиться с несколькими дикарями сразу, но я не хотел бы выйти против него один на один, не знаю почему, но очень бы не хотел. Если таких как он в Пограничье много, нам нужно либо постараться привлечь их на свою сторону, либо обрастать каменными стенами еще быстрее. Это все, что я хотел сказать.

Было заметно, что Локлан растерян. Норлан пожирал Фокдана восторженным взглядом. Хейзит не знал, краснеть ему или бледнеть: он слишком отчетливо осознавал, что после такой не терпящей возражения тирады они теперь все должны либо дружно отправиться в объятья Квалу, либо получить важные назначения. Причем и то и другое – за храбрость.

Появившийся из отверстия в полу Олак положил на лавки фляги с пивом, замер, ожидая дальнейших распоряжений,

постоял, пожал плечами и, озадаченный, нырнул обратно.

– Не пойму, – заговорил наконец Локлан, – то ли ветер прекратился, то ли свежий воздух больше не помогает думать. Слишком много решений нужно принять и при этом не ошибиться настолько, чтобы потом нельзя было исправить. – Он первым пригубил флягу и призвал последовать своему примеру остальных. – Хорошо, Фокдан. Раз ты уже некоторое время обо всем этом размышляешь, посоветуй, что мне предложить отцу?

Хейзит облегченно вздохнул.

Фокдан сохранил равнодушный вид и только причмокнул, сделав маленький глоток.

– Предложи отцу для начала сделать три вещи. Либо отозвать отряд, который отправился к нам на заставу, либо, наоборот, послать ему вдогонку подмогу из полусотни, а лучше сотни хорошо обученных пешему бою *мергов*, одинаково владеющих луком и мечом. В бою кони им не понадобятся, зато они смогут нагнать отряд. Это первое и самое важное, что нужно сделать как только мы закончим говорить.

Локлан понимающе кивнул, ожидая продолжения.

– Второе. Успеть до полудня послать на все заставы гонцов с предупреждением о новой угрозе. Хотя, вероятно, есть какой-нибудь способ, сделать это быстрее, чем ждать, пока всадники обскачут все лесные закоулки.

– С помощью сигнальных дымов на башнях, – предположил Норлан.

– Да, если только удастся этими огнями объяснить, что нужно повысить бдительность стражей, повсюду расставить лазутчиков и запастись водой, чтобы время от времени поливать ею деревянные стены. Наконец, третье. Отправить Хейзита на поиски новой каменоломни. Я понятия не имею, как это делается, но уверен, что мы зря не позаботились об этом раньше.

Фокдан замолчал и на сей раз как следует запрокинул фляжку над жадно открытым ртом. Все смотрели, как он пьет, словно ожидая продолжения.

– Я готов искать камни, – первым вышел из оцепенения Хейзит.

– А я – собрать лучших *мергов* и соединиться с отрядом, – вскочил на ноги Норлан.

– То есть мне вы оставляете распоряжаться гонцами и сигнальщиками? – уточнил Локлан и натянуто рассмеялся.

Кажется, я все же сумел сказать то, что следовало, подумал Фокдан. Если мне предоставят право выбора, то я с большей охотой составлю компанию Хейзиту, чем останусь здесь или поскачу обратно в Пограничье. Правда, меня могут неправильно понять и решат, будто я не рвусь мстить за отца. Хотя, кому какое дело!

Распоряжайся, кем хочешь, подумал Норлан, но только не чини мне препятствий и позволь расправиться с *шеважа*. Я достаточно прослужил в *мергах*, чтобы знать, на что мы годимся. До сих пор мы никак не могли победить в этой,

действительно, затянувшейся войне только потому, что Ракли недостаточно доверяет нам. Он по традиции считает главной силой *вабонов* пехоту. Молодец, этот Фокдан! Первый не *мерг*, который видит дальше своего носа. Хорошо бы взять его с собой. Он мог бы пригодиться в лесу. Главное, чтобы теперь, в который раз, отец не помешал мне исполнить мое предназначение. Я докажу, что заслуживаю культа. И Велла узнает об этом подвиге и согласится стать моей.

Фокдан всегда казался мне простоватым *виггером*, подумал Хейзит, а тут поди ты, так гладко все изложил и, похоже, ничего не забыл! Теперь все зависит от Локлана. Сможет ли он так же горячо вступиться за нас перед Ракли? Или его веселость и деловитость – напускные? У него ведь явно были другие планы, когда я попытался убедить его по-своему. А что теперь делать мне? Или моя совесть отныне чиста, и я могу вернуться домой и рассказать Велле о том, как ее Норлан предотвратил кровопролитие в замке?

– У отца была бессонная ночь, – продолжал между тем Локлан. – Надеюсь, что он еще не залег спать и сможет меня принять. – Он встал с лавки. – Вам будет лучше дождаться меня здесь, если хотите узнать, чем все закончится.

– К сожалению, чем все это закончится, мы узнаем нескоро, – потряс пустой фляжкой Фокдан.

– О чем ты будешь с ним говорить? – спросил Хейзит.

– О чем он едва ли будет рад меня слушать. Но я попробую. – Локлан кивнул Норлану, вскочившему следом. –

Не уверен насчет каменоломни, но ваш узкоглазый всадник мне откровенно не понравился. Посторонние люди в землях вабонов – это непорядок. А любовь к порядку я унаследовал от отца. Так что ему, думаю, будет полезно меня потерпеть. Еще пива?

Они вежливо отказались и остались прогуливаться по смотровой площадке, изучая знакомые, но никогда не виданные прежде с такой заоблачной высоты окрестности. Выше них было только желто-серое полотнище гордо развевающегося флага.

– Если Ракли хоть раз поднимался сюда, – заметил Хейзит, – он должен наверняка согласиться с твоими предложениями, Фокдан.

– С чего ты взял, строитель?

– Отсюда Пограничье выглядит гораздо ближе, чем на самом деле.

– Да уж, пожалуй. Кстати, что-то я не вижу отсюда твоей замечательной таверны.

– Вы не в ту сторону смотрите. Вон мост, через который мы переходили. Берите выше и правее. Видите Стреляную Стену?

– Ну?

– Ведите взглядом вдоль нее от канала до трубы с дымом. Это кузница. Теперь еще три крыши вверх. Четвертая крыша и есть «У Старого Замка».

– Далековато, однако.

– Мне сейчас тоже что-то не верится, что дотуда могла долететь обычная стрела.

– Луки, которыми пользуются в замке, – напомнил Норлан, – будут помощнее обычных арбалетов.

Фокдан хмыкнул, однако спорить не стал. Что же до Хейзита, то еще в детстве, играя с мальчишками, он подмечал, как стрелы, пущенные с высоты дома или холма летят дальше пущенных с земли. Но чтобы мечтать о такой дальности полета!

– Не будем терять время, – сказал он так, словно был здесь главным. – Если Локлану удастся найти нам достойное занятие, а тем более, если он послушает Фокдана, мне бы не мешало присмотреть отсюда местечко для будущей каменоломни.

Он перешел к той стороне площадки, откуда открывался вид вдоль по течению Бехемы. Теперь ветер дул ему в затылок.

Часть берега загораживал угол Меген'тора. Однако Хейзит и так знал, что в том направлении расположены рыбацкие домики, отрезанные от Большого Вайла'туна пестрым ковром полей, вроде тех, которые им пришлось миновать по пути из Пограничья. Где-то там, где лес подступал к реке особенно близко, отец отца Хейзита вместе с другими мастерами много-много зим тому назад обнаружил залежи того самого бледно-желтого камня, из которого теперь был построен весь замок. Или почти весь, поскольку у *вабонов* бытова-

ло предание, будто *Тор Великий* стоял здесь всегда. С близи и в самом деле становилось видно, что камень, из которого он сложен, темнее и не такой крупный, как камень стен и сторожевых башен.

Хейзит подумал, что сейчас, в этот самый момент за узкими прорезями окон решается дальнейшая судьба не только его, но и всего Вайла'туна.

– Ну что, углядел новую каменоломню? – напомнил о себе Фокдан.

– Нет, но считаю, что нужно просто попробовать отойти еще дальше, за старую. Камень притягивает камень, говаривал мой отец. Может быть, он именно это и имел в виду. Где одна залежь камня, там поблизости должна быть и другая. Во всяком случае, стоит попробовать.

С этой мыслью он перешел к стороне, обращенной на Бехему.

С земли, и даже с крыш домов, стоявших неподалеку от края берега, река выглядела бесконечной водной гладью, уходившей далеко к горизонту, очерченному изломами заснеженных гор, то есть огромных утесов. Хейзит когда-то даже думал, что это стены огромного замка с острыми зубцами, угрожающими солнцу. Но отец объяснил, что, по словам *аолов*, это тоже каменные укрепления, хотя и нерукотворные. Никто и никогда из *вабонов* возле них не бывал, поскольку подступы к ним надежно оберегает Бехема, печально знаменитая своими стремнинами. Действительно, с высоты

смотровой площадки было видно, что никакой водной глади не существует, а есть лишь один никогда не стихающий поток, изборожденный множеством мчащихся наперегонки завихрений из серебристых бурунов, белой пены и искрящихся брызг. Неужели и в самом деле находились смельчаки, отваживавшиеся бросать Бехеме вызов? Сам Хейзит знавал одного, но тот был тронут умом и мог с утра до ночи сидеть на берегу, вглядываясь в горы и что-то бормотать себе под нос. Однажды он просто вошел в воду и попытался плыть, но течение подхватило его, и *эльгяр* замка рассказывали потом всем желающим о том, как видели со стен, будто его не то засосало водоворотом, не то проглотило подводное чудовище. Как бы то ни было на самом деле, тела его так и не нашли. Достаточно каждому, кто решится на подобное, подняться сюда, размышлял сейчас Хейзит, чтобы у него отбило всякую охоту лезть в реку. Поплавать у берега или половить рыбу – еще куда ни шло, он и сам был не прочь в жаркий день искупаться в тихой заводи под утесом, но чтобы мечтать добраться до другого берега, нет уж, себе дороже! Даже холодными зимами, когда вода в ведрах на улице замерзает, а обводной канал покрывается таким толстым слоем льда, что по нему можно ходить, не боясь провалиться, даже в самую лютую стужу река продолжает смывать едва успевающую образовываться у берега тоненькую ледяную корку. Кстати, при всей неподступности Бехемы, ее противоположная сторона выглядела сейчас с наблюдательной площадки

не такой уж и далекой. Из лука, даже самого мощного, конечно, не дострелить, но расстояние сравнимо с расстоянием отсюда и до начала полей *фолдитов*. И берег сам по себе похож: утесы, кусты, местами пологий спуск к воде.

Хейзит присмотрелся.

В одном месте, прямо напротив замка, зеленый ковер травы как будто приподнимался, и из-под складки выглядывала длинная сероватая полоска. Словно белая рана на теле зеленого воина. И хотя издалека Хейзит не видел наверняка, ее происхождение не могло объясняться ничем, кроме одного – это вышедшая из земли на поверхность каменная залежь. Каменоломня под самым носом! И значительно больше той, из которой *вабоны* построили свой замок. Хватило бы на два Вайла'туна. Вот это да!

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – спросил Фокдан, незаметно подошедший к Хейзиту сзади. – Соблазн велик, а подобраться к нему никто не сможет.

– Необходимо что-то придумать! Неужели мы никогда не переправимся на ту сторону Бехемы и обречены теперь вечно смотреть на то, что могло бы принадлежать нам по праву. Ведь стоит построить там каменоломню – и Вайла'тун будет спасен.

– А перелетать камни будут по воздуху? – поинтересовался Норлан. Его явно больше интересовала та сторона площадки, которая была обращена к Пограничью, однако сейчас он стоял рядом с остальными и постукивал пальцами

по гладкой поверхности шлема. – Или наши мастера строительных дел прокопают под Бехемой подземный ход?

Хейзит странно посмотрел на него.

А ведь подземный ход, подумал он, и вправду был бы не самым глупым предприятием. Неизвестно, конечно, сколько уйдет на такую затею времени, но может статься, что не дольше, чем на попытку переправиться по воде или поиски каменоломни на этом берегу. Только вот как укрепить потолок подземелья, чтобы река не размыла грунт и не затопила весь проход одной волной? Подобных работ не вел до сих пор ни один из известных Хейзиту строителей. Здесь длина одного коридора наверняка будет превосходить длину подземных ходов всех застав вместе взятых. Сколько же зим пройдет, прежде чем они смогут дотащить сюда первый камень?

– Ты что, серьезно об этом думаешь?! – поразился Норлан, заметив, каким рассеянным стал взгляд Хейзита после неосторожно брошенного вопроса. – Перестань! Я пошутил! – Он рассмеялся недобрым смехом. – Да и если Ракли позволит мне с моими людьми отправиться в Пограничье, обещаю, что нам не придется думать о новых укреплениях. Мы уничтожим всех *шеважа*, сколько бы их ни было. Только если мы, как всегда, не будем ждать, чтобы *шеважа* ушли или вымерли сами по себе.

– А ты заметил, на что в моем рассказе обратил внимание Локлан? – сел на лавку спиной к реке Фокдан. – Кажется, он

понял, что сегодня уже недостаточно говорить о пусть даже полном истреблении *шеважа*. У нас, судя по всему, появились новые соседи. И это тем хуже, чем меньше мы о них знаем.

– А на что нам тогда *мерги,* умеющие убивать врага, не сходя с коня, на что *сверы*, силе которых может позавидовать любой? А твои сомнения, *виггер*, я нахожу опасными.

– Благодарю за откровенность, – ответил Фокдан. – В твоем возрасте я рассуждал примерно также. И сейчас твердо знаю, что опаснее всего – отсутствие сомнений. Если бы мы не были уверены в том, что *шеважа* никогда не познают секретов огня, мы бы строили заставы из камня. А теперь сам видишь, что выходит.

– Ракли зовет, – сказала появившаяся из-под пола голова Олака. – Я провожу.

– Всех зовет? – уточнил Норлан. – И меня?

Но Олак уже скрылся.

– Пошли, там разберемся, – поднялся с лавки Фокдан. – Удивительно, как быстро про нас вспомнили.

Они снова спустились по приставной лестнице, но пошли по стене не туда, откуда привел их Норлан, а в противоположном направлении, миновали несколько групп *эльгяр*, вооруженных ростовыми луками и многозначительно умолкавших при приближении посторонних, и неожиданно оказались перед деревянным мостиком, переброшенным прямо из стены Меген'тора. Две прикованные к его углам цепи

соединялись с толстой балкой, которая могла подниматься, когда внутри башни опускали ее противоположный конец. Специально для балки в стене была выбита узкая ниша, в которой она утопала полностью, когда мост поднимался, загораживая, как щитом, сводчатый вход внутрь. Именно через этот вход они теперь и прошли следом за Олаком, который всю дорогу даже ни разу не оглянулся.

Хейзит никогда прежде не бывал в Меген'торе, однако слышал от отца и других строителей достаточно, чтобы сообразить, что сейчас они находятся между первым и вторым этажами. Вверх и вниз вела винтовая лестница, по которой, как по печной трубе, поднимались всевозможные запахи, свидетельствовавшие о том, что в замке есть жизнь. Если бы не они, холод камней и тишина, нарушаемая лишь шуршанием шагов, производили впечатление заброшенности и необитаемости.

Олак повел их вниз.

Хейзит воспользовался случаем и провел ладонью по шершавому камню стены. Как ни странно, поверхность камня больше напоминала обожженную глину, как на сколах глиняных горшков, которых он немало перебил в детстве к праведному возмущению матушки. Она крошилась, если поддеть ее ногтем посильнее. Что бы это могло значить? Неужели камень со временем теряет свою былую прочность? Ему приходилось об этом слышать, но ведь не настолько же. Еще Хейзит не преминул отметить форму камней в кладке. То

есть не столько саму форму – почти ровные прямоугольники, – сколько их небольшой размер и взаимную схожесть. У каждого камня в стенах, которые возводил отец, был свой характер, а здесь они настолько походили один на другой, что возникало ощущение, будто их сделали чуть ли не руками, чуть ли не вылепили из глины.

Хейзит остановился, как вкопанный, и стал ощупывать стены, проверяя свою сумасшедшую догадку. Ведь если из глины лепить не кувшины и чаши, а камни, которым можно заранее предать необходимые размеры, то, сложенные вместе и промазанные клейким раствором, они будут куда надежнее деревянных бревен. Тем более, что, однажды прошедшие через огонь обжига, они больше не будут подвластны пламени. Камни, рожденные огнем! Почему же он раньше до этого не додумался? Ведь *вабоны* давным-давно разрабатывают огромный глиняный карьер, вырытый вверх по течению Бехемы, но строители, пользовавшиеся плодами труда гончаров в повседневной жизни, никогда не брали этот их метод на вооружение. Хотя, так тоже нельзя сказать: ведь если сейчас Хейзит, сам того не желая, разгадал секрет постройки Меген'тора, это лишь означает, что о нем просто забыли. Кто же и когда возвел эту башню на самом деле?

– Ты так и будешь там стоять, лапая стену? – выглянул из-за поворота Фокдан. – Идем, еще успеешь насмотреться.

Хейзит поплелся следом, но мысли его были уже далеко. Он представил себе, как строители складывают *лиг'бурны* –

он даже придумал подобающее название этим *рожденным в пламени* камням – в штабеля, обвязывают их веревками и погружают в повозки, чтобы везти через Пограничье на заставы. Новых камней так много, что те, которые не успевают отправлять, продают обитателям Вайла'туна, а они в свою очередь нанимают строителей, чтобы строить себе красивые дома, прохладные, как Меген'тор, летом и теплые зимой. Первым делом он отстроит матери новую таверну, в которой будет еще просторнее и уютнее, а сам поселится по соседству в маленькой башне, построенной специально для его любимой жены – той самой одинокой всадницы с загорелыми ногами и длинными каштановыми волосами. Ведь пусть она из *эделей* – у него появится столько денег с продажи *лиг'бурнов* и последующих заказов на строительство, что он сможет позволить себе приблизиться к ней и сделать предложение, не боясь быть отвергнутым. К тому времени он уже станет знаменитым строителем, наконец-то избавившим *вабонов* от угрозы нашествия *шеважа*, и любой отец согласится отдать за него свою дочь. Но ему нужна будет только она, смелая и независимая наездница в коротком платье.

Фокдан дернул его за руку.

– Что ты улыбаешься? Очнись! Если Ракли сейчас тебя увидит, он решит, что ты совершенно сбрендил и не будет нас даже слушать.

– Будет, – сказал Хейзит уверенно, скрывая, однако, охватившую его радость от неожиданного открытия, которое

нельзя было назвать иначе как «внезапное озарение». – Только вас, а не меня. Так что лучше я постою и помолчу.

«Внезапное озарение» относилось к тем вещам, о которых любили упоминать проповедники того или иного культа. Герой оказывался лицом к лицу с войском неприятеля, в решающий миг его посещало озарение, и он обрушивался на врага с удесятеренной силой, громя превосходящие его по численности ряды *шеважа* и обращая их в позорное бегство. Проповедники описывали это ощущение как «знание победы». Не было у *вабонов* героя, хотя бы раз не испытавшего его. Вот и Хейзиту теперь мерещилось, что он безошибочно *знает* ответ на тот самый важный вопрос, которым никогда прежде даже не задавался.

Их провели по сумрачной галерее, занавешенной пыльными коврами и скупо освещаемой через узкие прорези в стенах под высоким потолком. Торчавшие из стен факелы были погашены.

Из галереи вело четыре двери, за которыми, как догадался Хейзит, находятся опочивальни для гостей, для хозяев, для прислуги и тронная зала для приемов и советов.

Олак подвел спутников к дальней двери, которая оказалась приоткрыта, и постучал. Ему не ответили. Заглянув внутрь, он поманил их пальцем, открыл дверь и вошел…

За дверью, как и предполагал Хейзит, оказалась круглая зала со сводчатым потолком. Посередине стоял вырезанный из цельного ствола дуба массивный стол, окруженный пятью

креслами с высокими, обтянутыми мягким синим бархатом спинками. Все кресла были помечены отличными гербами, представлявшими собой сочетания доспехов, оружия, растений и животных. Они ярко выделялись на синем фоне и первыми привлекали к себе взгляд вошедшего. Затем гость обращал внимание на стулья попроще, выстроенные двумя рядами вдоль стен. Если кресла предназначались для наиболее приближенных советников Ракли, то стулья – для всех остальных, кто имел право участвовать в совете.

Было похоже, что Норлан, как и Хейзит, ступил на каменный пол легендарной тронной залы впервые. Он внимательно озирался по сторонам, не то вспоминая слышанные об этом месте истории, не то стараясь получше запомнить увиденное.

Из центра свода вниз опускалась цепь, на которой над самым столом висело здоровенное деревянное колесо, сплошь утыканное толстыми свечами. Сейчас свечи были погашены за ненадобностью, поскольку из единственного бокового окна на стол падал косой солнечный луч, показавшийся Хейзиту пыльной радугой. Пыль здесь происходила от мебели и растянутых по стенам шкур убитых хозяевами на охоте животных, а цвета радуги свет приобретал, проходя через затейливый витраж, больше похожий на распустившийся прямо в стене цветок, нежели на окно.

– Я привел их, – громко сказал Олак, но ему никто не ответил.

Тогда он по-хозяйски обогнул стол и направился к дальней от входа стене, в которой, поспешившие за ним гости, увидели еще одну дверь, прикрытую от посторонних глаз красивым желто-серым пологом. За ней находилась укромная комнатка с низким деревянным потолком, расписанным затейливыми разноцветными узорами, и стенами, сплошь затянутыми толстыми коврами. Ковер лежал и на полу, так что Хейзит, когда вошел, не услышал даже собственных шагов. Зато он увидел перед собой длинную лавку, заваленную подушками, на которой полулежал неопределенного возраста бородатый мужчина в просторной полотняной рубахе, закрывавшей его плотную фигуру по самые щиколотки и отличавшейся от одежды простого *фолдита* разве что богато вышитым воротом да тонкой работы медными бляшками на широких рукавах. Мужчина был босиком, что делало его еще более схожим с обитателем окраин Вайла'туна. Сидевший у него в ногах Локлан производил впечатление благородного *эделя*, снизошедшего до разговора с простолюдином. Волосы Ракли – а в роли «простолюдина», как нетрудно было догадаться, выступал именно он – всегда такие же пышные и кудрявые, как у сына, хотя и более темные, сегодня выглядели всклокоченными и отданными на откуп ветру, напоминавшему о своем существовании завыванием в трубе горевшего здесь же, у стены, очага. Воспаленные глаза с красными белками, недоверчивый взгляд которых встретил входящих, выдавали бессонную ночь. Нехитрое убранство ком-

наты довершали несколько железных канделябров, расставленных по углам. Если не считать пламени очага, они единственные разгоняли царивший здесь полумрак неровным, мерцающим светом.

– Ты можешь ступать, Олак, – сказал Локлан, вставая с лавки и делая несколько шагов навстречу гостям.

Слуга послушно, хотя и с некоторой неохотой, исчез за дверью.

– Вот те, о ком я тебе говорил, отец, и чьи смелые соображения заставили меня помешать твоему сну, – продолжал Локлан, ободряюще подмигивая Хейзиту. – Ты сам изъявил желание побеседовать с ними, и они явились по твоему зову.

– К чему такие сложные выражения, сын? – раздраженно отмахнулся Ракли, облокачиваясь на подушки и не предлагая гостям сесть, поскольку садиться было не на что. – С Фокданом я имел несчастье встретиться вчера, про Норлана я слышал от его отца с самых пеленок, а подмастерье Хейзит был надеждой и опорой безвременно ушедшего от нас мастера Хокана. Вспоминаешь его, мальчик?

Хейзит не сразу сообразил, что обращаются к нему, но незаметный шлепок Фокдана по ноге привел его в чувства, и он поклонился:

– Да, *хевод* Ракли. И теперь даже чаще, чем раньше.

– Хорошо. О родителях надо помнить всегда. И стараться поступать так, как поступили бы они. – Ракли встал и подошел к очагу. Подол рубахи скрывал его босые ноги. – Как ты

думаешь, твой отец предложил бы то, что, по словам Локлана, предлагаешь ты?

Хейзит безошибочно угадал в вопросе скрытый подвох. Вынужденный отвечать, он решил не юлить, а слушаться внутреннего голоса.

– Думаю, что нет.

– Вот и мне так кажется. – Ракли протянул к огню руки, как будто ему было холодно, хотя в комнате стояла удушливая жара. – Он был честным строителем, знавшим свои силы, и никогда не стал бы предлагать того, чего не смог бы осуществить сам.

– Я могу сделать то, что предлагаю, – окончательно осмелел Хейзит. – И готов это доказать.

Ракли оставил его замечание без ответа и повернулся к Фокдану.

– А ты почему не сказал мне вчера всей правды, *виггер*? Разве у тебя не было возможности убедить меня в том, что нужно отозвать наш отряд?

– Была, *хелет* Ракли, – поклонился в свою очередь Фокдан. – Но я не уверен в том, что это правильное решение даже сейчас.

– Не уверен? – Теперь Хейзит точно знал, что означает выражение «сверкнуть глазами».

– Мне представляется более разумным не отзывать отряд из Пограничья, а усилить его надежными людьми, которые знают, что их ждет в лесу.

– А что их там, по-твоему, ждет? – Ракли прищурился и стал похожим на загнанного в западню волка, сознающего свои силы и выбирающего, на кого из охотников наброситься первым.

– Мы не знаем, в каком состоянии осталась наша застава. Думаю, что на ее месте пепелище. Укрыться там будет негде: ни *шеважа*, ни нам. Зато без укреплений все пространство, которое она занимала раньше, слишком хорошо простреливается из-за деревьев, так что у *шеважа,* если они ждут нас в засаде, будет бесспорное преимущество. Мы не знаем наверняка, сколько их. Вероятно, ваши лазутчики докладывают вам более подробные сведения об их перемещениях. Что до меня, то я полагаю, племена *шеважа* начинают объединяться, чего никогда не было прежде.

– Почему ты делаешь такой вывод? – Ракли отошел от очага и остановился напротив собеседника. Руки он заложил за спину.

– Локлан участвовал в отражении первого штурма. Он видел, как все происходило. *Шеважа* напали на заставу среди бела дня, открыто. Их внезапность чуть не застала нас врасплох. По прошествию времени я прихожу к мысли, что с их стороны это была разведка боем. Нападавшие знали, что за ними идут более крупные силы.

– И обрекли себя на верную гибель? – Ракли покачал головой и посмотрел на Фокдана с сомнением, которому как будто подвергал все его последующие слова.

Однако тот не смутился и продолжал:

– Именно в этом-то все и дело. Может быть, я неправ, но мне кажется, что если бы их племена по-прежнему действовали разрозненно, как встарь, ни один вождь не обрек бы своих людей, как вы говорите, на верную гибель. Если же власть теперь не у отдельных вождей, а у кого-то одного, он мог бы пожертвовать частью своих сил, чтобы осуществить более важный замысел. Что, как мы теперь, увы, знаем, и произошло. А если судить по тому количеству дикарей, которыми таким образом было пожертвовано, но нетрудно прикинуть, сколько их осталось и рыскает сейчас по Пограничью в поисках наших застав.

Хейзита от всего услышанного пробирал озноб. Фокдан никогда не делился с ним подобными соображениями. Почему? Или, припертый к стенке суровым взглядом Ракли, он сочиняет их на ходу?

– С чего ты взял, что мои лазутчики… – начал Ракли, но остановился. – Хотя ладно, это к делу не относится. Локлан, – повернулся он к стоявшему поодаль сыну. – Та девица, что ты приволок из леса, все еще жива?

– Хотя ты распорядился ее казнить, отец, я подумал…

– Так ты ослушался меня?!

– Да. То есть, нет. Я просто не стал спешить.

Фокдан и Хейзит переглянулись. А они-то всю дорогу до Вайла'туна терялись в догадках о судьбе этой рыжей красотки! Кто бы сомневался, что Ракли не падет жертвой ее

прелестей и не изменит себе! Странно, что он так спокойно выслушал признание сына в неповиновении приказу. В душе Хейзит обрадовался. И тому, что у Ракли появился наконец достойный противник, и тому, что девушка по-прежнему жива и ее можно будет когда-нибудь снова увидеть. Если только Ракли не отважится казнить ее собственноручно. Но он, похоже, возмутился лишь для острастки.

– Хорошо. Ты, наверное, прав: убрать ее с глаз долой мы всегда успеем. Не думаю, что завтра к нам пожалуют ее родственники. – Ракли даже позволил себе улыбнуться. Улыбка не предназначалась никому из присутствующих. – Надо бы ее как следует выспросить. Ты говорил, что пробовал с ней пообщаться?

Локлан кивнул, сдерживая радость от своей маленькой победы.

– Пробовал. Но она отказывается открывать рот. Как для еды, так и для разговоров. Только злобно шипит и зубами скрежещет. А потом теряет сознание.

– Значит, сама рано или поздно помрет. – Ракли подобный исход нисколько не трогал. – Где она сейчас, в *каркере*?

Он имел в виду одну из замковых башен, служивших временным пристанищем для тех, кто совершил ту или иную провинность. Из нее было только две дороги: в лапы палача или на свободу.

– Не совсем. – Локлан потупился. – Я перевел ее в свой чулан.

В комнате повисла тишина. Стал слышен треск ни о чем не подозревавших дров в очаге. Хейзит понятия не имел, в чем тут подвох, но догадывался, что Ракли готов взорваться, невзирая на присутствие посторонних.

– В чулан? Она тебе что, любимая собака? Думаешь, раз девица да еще смазлива, то чулан – самое безопасное для нее, то есть для тебя, место?

– За время переезда она очень ослабла, а там за ней присмотрят лучше, чем в *каркере*.

– Ну, еще бы! Может, ты ее еще и в постель к себе уложишь? Вот уж истинно кто-то сказал, что глупость неистребима. – Ракли повалился на подушки и расхохотался.

Хейзит решил, что он плачет, но когда понял, что ошибся, удивился еще больше. Раньше он представлял себе Ракли другим. Резким в словах, да, но сдержанным в проявлениях чувств. Теперь же перед ним сидел человек измученный бессонницей, усталый от постоянных забот и срывающийся, выходящий из себя по мелочам. Уж не усталость ли заставила его принять их сегодня в надежде услышать не просьбы о том, о сем, а готовые решения. Сколько же ему зим? Не такой уж он и старый? Вряд ли старше его отца, для которого грядущая зима стала бы пятьдесят первой по счету.

– Ладно, не хочу я этого обсуждать, – сказал Ракли, отсмеявшись и вытирая кулаком слезы. – Если она воткнет тебе нож в спину, сам будешь виноват. Но раз уж она по-прежнему жива, нужно ее использовать. Пусть ее заставят есть и за-

лечат рану.

– Рана уже заживает, отец.

– Я хочу знать, что она может нам рассказать. Фокдан прав в одном: до меня из Пограничья доходят самые что ни на есть противоречивые слухи. Хорошо бы разобраться, как там обстоят дела с *шеважа* на самом деле. А пока ты будешь любезничать со своей красавицей, было бы неплохо поддержать наш отряд. Только ста *мергов* я для этого не дам. Норлан.

– Да, *хевод* Ракли, – вытянулся тот в струнку.

– Хотя Тиван мне этого и не простит, я думаю, тебе пора как следует проветриться и послужить своему народу.

– Да, *хевод* Ракли! – Щеки юноши зарделись. – Я готов, *хевод* Ракли!

– Ты в чьей десятке?

– Бегона Аларда, *хевод* Ракли.

– Сотня Ризи?

– Именно так, *хевод* Ракли.

– Вчера, как ты, вероятно, знаешь, мы совещались по этому поводу и в конце концов пришли к выводу, что сил послано в Пограничье достаточно.

– Ризи вызывал нас вчера, *хевод* Ракли. – Норлан с нетерпением ждал, в какую сторону подует ветер.

Хейзиту его рвение и откровенное подобострастие показались малоприятными. Обязательно надо будет рассказать об этом Велле. Едва ли ей стоит переживать, когда он отправится восвояси, к чему все как будто и идет, тем более что

его, похоже, ничего здесь не держит. Пусть она знает.

– Локлан, ступай, позови Ризи, – продолжал Ракли, словно обретая в необходимости отдавать приказы свежие силы. – Я объясню ему свой замысел. Ты, Фокдан, полагаю, будешь только рад найти прах отца и отомстить за него.

Фокдан наклонил голову. Насколько же выигрывает человек дела, подумалось Хейзиту, в сравнении с человеком чина! Сразу видно, что выслуживаться перед начальством ему претит, да и привык он к тому, что Ракли далеко, а враг постоянно рядом. Хорошо бы он преподал при случае урок этому выскочке Норлану.

Локлан, замешкавшийся было на пороге, перехватил взгляд отца и торопливо вышел. Хейзиту показалось, что он даже рад возможности покинуть эту жаркую комнату. Сам Хейзит с удовольствием последовал бы за ним, если бы рассмотрение его вопроса ни было отложено на неопределенное время. Вот так всегда: сперва дела военные, потом – все остальное. Хейзит никак не мог решить для себя, стоит ли посвящать собравшихся – и в первую очередь Ракли – в идею с обжиганием глины. С одной стороны, она представлялась ему наиболее практичным решением, однако, с другой, Ракли вел себя так, что делиться с ним сокровенным, особенно сейчас, было сродни кощунству.

Не успел Хейзит собраться с мыслями и снова поймать нить разговора, завязавшегося между Ракли и Фокданом, как Локлан вернулся. Стало понятно, что он не собирался

выполнять поручение отца буквально, а послал за Ризи своего слугу. Значит, ему все же важнее уличной прохлады – знать, о чем идет речь.

– Ваш незнакомец в шляпе не слишком мне нравится, – рассуждал вслух Ракли. – Я почти уверен, что это кто-то из *шеважа*, но в некоторых вещах я предпочел бы избегать «почти». Меня смущает его конь, хотя коня этот человек мог просто украсть. Что скажешь, Фокдан?

– *Шеважа* не ходят в одиночку. И уж тем более не сидят в седле так уверенно, как делал этот парень. Он не из наших мест.

Ракли поморщился.

До чего же наши правители не любят допускать даже мысли о том, что не они одни живут на этом свете, улыбнулся про себя Хейзит. Уж не боятся ли они, что кто-нибудь из пришлых отнимет у них власть? До сих пор чужаков среди *вабонов* было не больше одного на целое поколение, да и те становились героями изустных преданий настолько быстро, что про реальность их происхождения забывали.

Последним из их череды был силач Мали, человек с черной кожей, поселившийся среди *вабонов*, когда дед Хейзита еще не родился. Пришел этот Мали неведомо откуда, говорил так, как будто пел, черты лица имел странно приплюснутые, волосы носил кучерявые, длинные и никогда не мылся. Реки он боялся как огня, а потому *вабоны* решили, что пришел он не с другого берега, а откуда-то из Пограничья. В дет-

стве Хейзит больше всего любил слушать историю о том, как Мали забрел в огород к какому-то *фолдиту*, и тот, позвав соседей, наверняка расправился бы с ним, если бы они ни увидели, что произошло с собакой, которая от удивления при виде черного человека, попыталась укусить его за ногу. Собака была поднята на вытянутых руках в воздух и разорвана пополам, причем Мали при этом с невинным выражением на лице улыбался потрясенным зрителям. Его на всякий случай не тронули, а он оказался совершенно не кровожадным, можно сказать, добряком, никогда не прибегавшим к силе, если этого удавалось избежать. Он так никогда не выучился языку *вабонов*, но зато научил их некоторым приемам рукопашного боя, которые впоследствии весьма им пригодились. После смерти Мали от стрелы *шеважа*, настигшей его, когда он помогал возводить укрепления той заставы, которой теперь руководил Тулли, появились даже сторонники дать его имя новому культу, однако возмущенные *аолы* не позволили этому случиться. Правда, до Хейзита доходили слухи, что некоторые строители до сих пор умудряются втайне поклоняться его памяти и даже обладают какими-то знаниями ремесла, которыми отказываются делиться с непосвященными.

И вот за несколько дней – аж двое незваных гостей, если не считать попавшую в плен и все еще не казненную воительницу *шеважа*. Есть от чего прийти в замешательство и заподозрить неладное.

В комнату неспешной походкой вошел полноватый воин

с короткой стрижкой и, как показалось Хейзиту, нарочито тщательно выбритым подбородком. Он приветствовал присутствующих едва заметными кивками и остановил спокойный взгляд по-рыбьи холодных глаз на Ракли. У Хейзита возникло ощущение, что он вот-вот зевнет со скуки.

– Ризи, – без чинов и вежливых обращений начал Ракли, – сколько у тебя осталось людей?

– Четыре десятка.

– Распорядись, чтобы сегодня же они покинули замок и отправились вслед за остальными. Сам-то сможешь с ними быть?

– Разумеется, *хелет*.

Было заметно, что он не слишком рад только что полученному приказу, хотя бы и отданному исподволь, под личиной вопроса.

– Эти люди, которых привел Норлан, принесли нам вести о том, что наш отряд может ожидать засада. Кроме того, есть опасность вмешательства в войну нового, неизвестного нам пока противника. Нужно быть начеку.

– Я понимаю.

– Никаких поблажек Норлану. Пора ему на деле испытать все то, чему он думает, что научился.

– Хорошо, *хелет*.

– С Тиваном я поговорю сам. – Ракли ходил взад-вперед, от очага к лавке. – Так, это еще не все. Сколько у нас свободных коней?

– Полсотни в стойлах. Еще столько же на пастбище. При необходимости, думаю, можно будет набрать сотни полторы.

– Возьми половину от того, сколько удастся найти. Посади на них самых опытных пехотинцев и поспешай за остальными. И еще. С тобой поедет вот этот *эльгяр*, которого зовут Фокдан и который неплохо разбирается в премудростях выживания в Пограничье. Во всяком случае, ему удалось спастись, и хоть этот поступок нельзя назвать героическим, проку от него живого будет куда больше, чем от мертвого. Все ясно?

– Судя по тому, что вы решили усилить отряд довольно серьезно, я понимаю так, что главной моей задачей будет уничтожение всех *шеважа* в той округе, а уж потом отстройка заставы?

Хейзиту показалось, что Ракли, прежде чем ответить, бросил взгляд на равнодушно слушающего их разговор Фокдана.

– Да, именно так. Если только не удастся быстрым возведением укреплений способствовать главной задаче. Но учти, что *шеважа* научились обращаться с огнем.

На лице Ризи не отражалось ничего, кроме полнейшей безучастности. Вероятно, Ракли слишком хорошо знал своего сотника, чтобы обращать на это внимание. Он сел на лавку, откинулся на подушки и, оглядев собравшихся, объявил:

– Жду хороших вестей из Пограничья. Вы все можете идти.

Хейзит, понявший, что военачальнику не до него, первым повернулся к двери, но на пороге услышал:

– Локлан и ты, подмастерье, задержитесь-ка.

Проходя мимо Хейзита, Фокдан дружески подмигнул ему и шепнул, что постарается дождаться снаружи. Сам он выглядел далеко не окрыленным новым назначением.

Когда комната опустела, с тонких губ Ракли слетел вздох облегчения. Оставшись наедине с сыном и безвестным юношей, он снова мог чувствовать себя так же раскованно, как если бы был один. Завалившись спиной на подушки, он вытянул ноги, поиграл босыми пальцами, заложил руки за голову и прикрыл глаза.

Хейзит решил, что собеседник собрался спать, но взгляд Локлана ободрил его.

– Так что ты там придумал, подмастерье? – не открывая глаз, спросил Ракли. – Если ты и в самом деле пошел в отца, то должен быть настоящим выдумщиком. Ведь если я не ошибаюсь, именно он придумал, как он говорил, «кормить» камень. Правда, я так и не понял, зачем.

– Ему казалось, что стены живые, – пробормотал Хейзит.

– А ты как считаешь?

– Я считаю, что здесь они хорошие и надежные, а на заставах – теперь совсем никчемные.

Ракли приоткрыл один глаз, словно хотел убедиться в том, что с ним по-прежнему разговаривает желторотый подмастерье, а убедившись, вновь прикрыл.

– Ну и что ты предлагаешь?

Локлан едва заметно наклонил голову.

– Я не вижу другого выхода, как только укреплять наши заставы. Если мы этого не сделаем, рано или поздно их сожгут.

– Это и ребенку понятно. Скажи – как? Камнем? У нас его нет. Как еще?

– Камень можно найти. – Хейзит все еще не знал, стоит ли делиться с Ракли своими сокровенными мыслями, но, судя по всему, иного выхода не оставалось. – Одну каменоломню я нашел прямо напротив Вайла'туна.

– Это где же? – встрепенулся медленно погружающийся в сон главный *виггер* Торлона. – Если ты не врешь, мне будет впору казнить моих каменщиков за то, что проглядели.

– Много камней находится на той стороне Бехемы.

Ракли присвистнул и досадливо махнул рукой, будто прогоняя собеседника.

– Великое открытие! На той стороне! Может, ты еще расскажешь, как собираешься их оттуда доставлять?

– Если нельзя переправиться через реку, то можно выкопать подземный ход. – Заметив, что теперь на него внимательно смотрят все четыре глаза, Хейзит осмелел: – Я сумею сделать так, что потолок не провалится под тяжестью воды. Можно рыть не ровный проход, а со сводами, как в этой башне. Такой потолок будет прочнее. Да и дерева на подпорки жалеть не стоит.

– А время? Ты прикинул, сколько на твой проход уйдет зим?

– Смотря, как глубоко рыть и сколько людей вы сможете на это выделить, *хелет* Ракли.

– Мало, потому что мы не можем забывать о заставах. Пока ты будешь копать яму, их, как ты справедливо заметил, сожгут. Как видишь, каменоломня близко, да только камня нам не видать.

– Тогда я смогу его сделать. – Вот оно, сорвалось.

– Сделать? – Ракли аж подскочил от такой наглости. – Локлан, ты слышал, что он говорит? И ты настаивал на том, чтобы я его выслушал? Знаете что, друзья хорошие, дайте-ка мне лучше поспать! Ступайте! Оба!

Хейзит отпрянул так, словно ему влепили пощечину.

– Из камня, который я готов сделать собственными руками и показать вам, построена эта башня. Только ведь она слишком древняя, чтобы найти строителя, который ее возводил. Он давно умер, никому так и не передав своего секрета. Когда мы сегодня шли сюда, я его разгадал.

Ракли недоверчиво погрозил Хейзиту пальцем, спустил ноги с лавки, подошел к ближайшему ковру и, отогнув его край, внимательно изучил стену. Локлан стоял у него за спиной, подсвечивая отцу факелом.

– Это настоящий камень, – наконец заключил Ракли, оглядываясь на Хейзита. Локлан утвердительно кивнул.

– Нет, – сказал Хейзит. – То есть, это камень, но я тоже

смогу такой сделать.

Надо ли пояснять, что творилось в эти мгновения в его душе. Он совершенно не был уверен в том, что говорит. Он чувствовал, что у него получится, если ему дадут время и глину, но ведь сейчас он стоял перед самим Ракли и настаивал на своей правоте, так что если, в конце концов, он не справится, кто знает, какова будет расплата за подобную дерзость? Да еще допущенную в присутствии свидетеля.

– И ты придумал этот способ только что?!

– Да, на лестнице.

– Расскажи.

Больше всего он боялся именно этого естественного приказа. Естественного со стороны того, кто владеет Вайла'туном, и от кого зависит слишком многое, чтобы он церемонился. Для тех, кто привык зарабатывать на жизнь не поборами, а ремеслом, сохранение некоторых особенностей своей работы считалось само собой разумеющимся. Даже Ротрам никогда не делился с Хейзитом подробностями мастерства торговца, заключавшегося всего лишь в том, чтобы знать где, у кого и когда купить подешевле, а кому и когда продать подороже. Что уж тут говорить об оружейниках, пивоварах или строителях, соревнующихся друг с другом в легкости, аромате и прочности? Их секрет можно было иногда выкупить, но никогда – выспросить.

– Давайте я вам лучше покажу, когда у меня получится, – не веря, что отважился на такие слова, пробормотал Хейзит.

Если он теперь уступит, то навсегда останется жалким подмастерьем. Если нет – ему могут открыться такие горизонты, о которых он и не мечтал.

– А ты, я вижу, не так прост, как прикидываешься, – задумчиво покачал головой Ракли, кладя ладонь на плечо сына. – Как ты полагаешь, чего он добивается?

Локлан улыбнулся, давая Хейзиту понять, что никто не собирается на него сердиться.

– Обычно люди хотят славы или денег. Не удивлюсь, если он не прочь подзаработать.

– Ты ошибаешься: обычно люди хотят и славы, и денег. Чего же хочешь ты, подмастерье?

Ему предлагали сделать выбор. Вернее, назвать свою цену. И Хейзиту внезапно сделалось так спокойно и нестрашно, словно он всю жизнь ждал это мгновение. Почему бы не ответить, когда тебя спрашивают?

– Я хочу стать строителем. А если мне удастся с вашей помощью наладить изготовление камней, то зачем отказываться от лишних денег?

Ракли оставил плечо Локлана в покое. Подойдя к очагу, он положил в него толстое полено из тех, что лежали тут же, и некоторое время наблюдал, как языки пламени облизывают сухое дерево.

– Вот видишь, теперь он заговорил по-взрослому! – Ракли поковырял в очаге кочергой. – И что тебе нужно, чтобы начать?

Хейзит ответил сразу, не задумываясь.

– Я знаю, что при замке есть своя гончарная мастерская. Мне понадобится глина, но я не могу пока позволить себе ее купить. Одолжите мне ее для работы, а через несколько дней я принесу вам готовые камни.

– А потом?

Он похож на Ротрама, когда тот слышит о готовящейся вылазке в Пограничье, мелькнуло у Хейзита в голове. Деньги, жадность и расчет. А я-то что делаю? Неужели торгуюсь с самим Ракли?

– Потом вы дадите мне еще глины, а я сделаю еще камней.

– А потом – еще?

– Да.

Ракли отставил кочергу в сторону, отряхнул ладони и скрестил руки на груди. Когда он повернулся к собеседнику, лицо его не выражало ничего, кроме усталости.

– Ты думаешь, твой секрет изготовления камней из глины надолго останется секретом для других строителей? Не скрою, я приятно удивлен тем, что мой молодой подмастерье умеет рассуждать здраво и придумывать новые средства строительства, а также достаточно дерзок, чтобы делать из них тайну от своего правителя, коим меня по-прежнему считают в этих местах. Однако я не менее огорчен тем, что он лишен дальновидности и не понимает, что желание обогатиться за счет неведения других еще ни к чему хорошему никого не приводило.

Хейзит мысленно прощался с родными и не спускал глаз с бороды Ракли. Он поспешил, конечно, поспешил с изложением своего замысла, а тем более в такой неприемлемой форме да к тому же сейчас, когда Ракли явно мается после бессонной ночи под грузом навалившихся забот.

– Поэтому, – продолжал тот, не меняя позы и глядя то на одного, то на другого юношу, словно сравнивая, – я предлагаю тебе покровительство Меген'тора. Вижу, что ты удивлен, но зато теперь ты будешь знать, как делаются у нас важные дела. Я говорю с тобой так откровенно потому, что нас не может услышать никто из посторонних. А Локлан будет тому свидетелем. Он, кстати, рассказывал мне о тебе и до поездки в Пограничье, и после. А поскольку я знавал старого Хокана, то мне известно, откуда ты родом. Мои люди, особенно *виггеры*, частенько бывают у вас в таверне. Так что я надеюсь, что могу на тебя полагаться и считать, что твое молчание не требует лишних клятв – оно в твоих же интересах. Ты пока все понимаешь, что я говорю?

Хейзит сглотнул подступивший к горлу комок, взглянул на посмеивающегося за спиной отца Локлана и поклонился.

– Все будет, правда, не совсем так, как ты, наверное, думаешь. Но об этом нам еще представится случай поговорить. Для начала, действительно, тебе придется доказать, что ты тот, за кого себя выдаешь. Даю тебе три дня, чтобы превратить мою глину в камень. Через три дня я жду тебя здесь же, в замке. Принесешь камень – будем решать дальше. Не при-

несешь – лучше не приходи и не отвлекай меня своими бредовыми идеями.

– А как насчет подкопа под Бехемой? – напомнил Локлан. – Мне эта идея бредовой не показалась.

– Что ты говоришь! Не показалась! – Ракли оглянулся через плечо. – Вот ты тогда ею и займешься. Надеюсь, не все землекопы ушли в Пограничье. Пусть берут мотыги и копают. Только мне почему-то кажется, что в лучшем случае у них получится еще один колодец, доверху наполненный водой, а вовсе не подземный ход, по которому мы когда-нибудь будем носить с того берега камни.

Локлан почесал затылок и вопросительно посмотрел на Хейзита.

– А лучше все-таки не трать время зря и займись нашими пленниками. Их есть о чем порасспросить.

– Пленниками? Ты считаешь пленником и того безобидного парня, что пришел к нам через Мертвое Болото и принес то, что осталось от нашего предка?

– Разве не ты говорил мне, что он все время порывается куда-то уйти, вспоминает каких-то никому не известных людей и вообще действует и ведет себя подозрительно?

– Мертвое Болото, если не убьет, кого хочешь сведет с ума. Этот Вил – славный малый. И я с удовольствием потолкую с ним.

– Вот и порешили. – Ракли в который раз уже прилег на лавку, поелозил, устраиваясь поудобнее, поменял подуш-

ку под головой и, повернувшись на бок, спиной к гостям, пробурчал: – А теперь оставьте меня в покое и дайте поспать. Если кто меня до вечера разбудит, я огрею его кочергой и зажарю.

Локлан показал Хейзиту на дверь.

Они тихо вышли в тронную залу. Локлан плотно задернул за собой желто-серый полог. При их появлении из-за стола встал Олак, похоже, нисколько не смущенный тем, что его застали сидящим на месте, которое ему не предназначалось.

– Сходи к Скелли и принеси для подмастерья Хейзита верительную грамоту, чтобы он имел возможность проходить в замок в любое время, когда сочтет нужным. Это распоряжение Ракли.

Олак понятливо кивнул и, как показалось Хейзиту, исчез прямо в стене. В свое время тот наслушался от строителей всяких историй о тайниках и замаскированных ходах, позволявших знающим про них перемещаться по замку в считанные мгновения. После всего увиденного и услышанного он бы не удивился, если бы сейчас в одном из коридоров столкнулся лицом к лицу с Ракли, которого они только что оставили в лишенной даже окон комнате. Ходили слухи, что у хозяина замка существует двойник. Кто-то даже говорил, что у него есть брат-близнец и что вообще Ракли – это не один человек, а два разных.

Между тем Локлан повел Хейзита не тем путем, через стену, каким привел их сюда Олак, а по внутренней лестни-

це башни, через цокольный этаж, где неожиданно оказалось полным-полно народу. Здесь находились хозяйственные помещения, склады оружия и провианта, какие-то мастерские, если судить по доносившимся из-за дверей перестукиваниям молотков, и кухня, щедро распространяющая во все стороны запахи, ничуть не менее аппетитные, чем кухня Гверны. Наряду с озабоченными и как будто ничего не замечающими вокруг мужчинами Хейзит был поражен множеством не менее погруженных в свои дела женщин. При виде стремительно проходившего мимо Локлана, они учтиво расступались и кланялись. Все эти люди были слугами замка.

Уже на улице Локлан задержался, и Хейзит решил, что он дожидается Олака с грамотой. Однако причина была в другом.

– Похоже, нас ждут новые времена, *маго*. Как видишь, отец выслушал нас и пересмотрел свои вчерашние решения. Я бы, конечно, с большим желанием вернулся в Пограничье, чем торчал здесь, допрашивая так называемых «пленников» или подстегивая к работе над подкопом Эдлоха и его землекопов, но, вероятно, таково мое нынешнее предназначение. Отнесись к полученному предложению со всей серьезностью. Честно говоря, я не очень понимаю, как ты намерен получить из глины камень, пригодный для строительства, но в том, как ты об этом говорил отцу, звучала уверенность, достойная уважения. В любом случае, я желаю тебе успеха с этой затеей. – Он похлопал ладонью по стене, словно про-

веряя ее прочность. – Если нам не суждено стать героями на бранном поле, то пусть о нас сложат легенды те, кто будут жить в каменных домах. В этой связи у меня к тебе только одна просьба: поступай впредь так, как поступил сегодня, то есть иди в первую голову ко мне, а уж я сам разберусь, что и когда доносить до отца. Как ты смог сегодня удостовериться, он с возрастом слабеет, а забот меньше не становится. Пожалеем его.

– А если он через три дня вспомнит про меня и спросит о камнях?

– А я очень надеюсь, что ты не рассказывал ему сказки, и сможешь уложиться в отведенный срок. Любой *вабон* понимает, как нужен нам камень, но тот, кто сможет добыть его, хоть из глины, хоть из воздуха, получит столько благ, что хватит его детям и внукам. Ты же понимаешь, какие это могут быть деньги! – Он скрыл лукавую улыбку. – Так что твое дело – не разочаровать замок. А тогда замок не останется в долгу и поможет тебе эти блага получить, сохранить и приумножить. И неважно, как будут звать его хозяина.

Хейзит хотел было переспросить, что означает последняя не к месту оброненная фраза, однако только кашлянул и промолчал. В это время следом за ними выскользнул из башни как будто даже не запыхавшийся Олак. Локлан взял у него из рук маленький кожаный свиток. Через один из углов свитка, оказавшегося кожаным, был продет красивый серый шнур с золотистой прожилкой. Образовывая пет-

лю, шнур скреплялся посередине толстой сургучной печатью с изображением профиля Ракли, напоминающим оригинал весьма условно. Короткая надпись на свитке гласила: «Подателю сего – свободный вход».

– Но здесь ничего не сказано, – удивился Хейзит, чем вызвал недружелюбный взгляд Олака.

– Тут сказано все, то тебе потребуется, – похлопал его по плечу Локлан. – «Свободный» означает «в любое время».

– Только один раз, – не сдержал ехидного замечания слуга.

– Это правда. Когда ты придешь сюда через три дня, этот пропуск у тебя отберут вон на тех последних воротах. Поэтому здесь не указано твоего имени. Но ведь Норлан к тому времени уже будет далеко, да и я могу отлучиться. Так что лучше с ним, чем без него.

Хейзит послушно спрятал свиток под рубаху, в специальный кисет, который носил на шее.

– Кто мне даст глины? – спохватился он, чуть было не распрощавшись с Локланом здесь же, на пороге Меген'тора.

– Никто не даст. Тебе придется взять ее самому. Гончара, который тебе в этом поможет, зовут Ниеракт. Знаешь такого?

– Кажется, слышал. – Хейзит озадаченно призадумался. – Это не его мастерская стоит по соседству от мельницы Сварливого Брыса, что на обводном канале неподалеку от моста?

– Его самого. – Локлан сложил руки на груди и стал похож

на отца. – Сварливый Брыс, говоришь? – Он прищурился. – Почему ты так называешь всеми уважаемого *брегона* Брома?

– Да потому, что когда этого самый Бром потерял ногу, он превратился в Сварливого Брыса! Его так прозвали мальчишки за то, что он никогда не мог на своей клюке за нами угнаться и только и делал, что кричал вслед: «Брысь, гады, брысь!».

– Это зачем же ему было за вами гоняться?

– А ты разве не знаешь, что у него там еще до истории с ногой жила одна добрая женщина, которая вырастила целый сад из замечательных яблонь. Ну, вот мы с ребятами туда и наведывались…

– Теперь понятно. Сварливый Брыс! Неплохо придумано. – Глядя на улыбающееся лицо собеседника, Хейзит подумал, не стоит ли сознаться в том, кому именно Бром обязан этим прозвищем. – Мне остается только пожалеть, что мое детство проходило не в Вайла'туне. Уж не от тех ли ребят мне пришлось тебя однажды спасать?

Хейзит смутился и промолчал.

– Ладно, давай о деле. Ты можешь прямо сейчас отправляться к Ниеракту и сказать ему, что тебя послал я. В крайнем случае, покажешь ему печать на свитке, чтобы он окончательно поверил. Я часто заказываю у него посуду. Возьми у него столько глины, сколько сможешь унести, и приступай к работе. Если нужна печь для обжига или что-нибудь в этом духе, можешь договариваться с ним же.

– Но…

– Об оплате не переживай. Скажи ему, что я заплачу. А уж если у тебя что-нибудь получится, ну, тогда, предполагаю, нам об этом не придется беспокоиться.

Они пожали друг другу руки – жест, принятый у хорошо знакомых *вабонов* и означающий доверительные отношения, – и Хейзит сбежал по каменным ступеням на площадь перед башней. Кисет под рубашкой приятно щекотал грудь. Вот как просто и буднично начинается моя новая жизнь, подумал он, оглядывая стены и поднимая голову к прояснившему небу. Как в тот день, когда он узнал, что ему предстоит с первым собственным заданием отправиться в Пограничье, сейчас он постарался запомнить охватывающие его ощущения и проносящиеся в голове необратимым потоком мысли. И как и в тот день он пожалел лишь об одном: что ничего этого не знает и не видит его отец. Вот уж кто бы наверняка смог подсказать ему, как быть и кому верить. Потому что слишком уж гладко складывалось одно с другим, чтобы не заронить у человека рассуждающего определенных сомнений.

Хейзит предполагал, что встретит по пути из замка Фокдана или, на худой конец, Норлана, однако те как сквозь землю провалились. Дойдя до моста, он вспомнил, что Ракли в своих распоряжениях случайно или нарочно упустил одну из важных задач, на которых настаивал опытный *виггер*: он ничего не сказал о необходимости доставить весть о *шеважа* до остальных застав. Судя по всему, он считал, будто одно-

го сильного отряда вполне хватит, чтобы искоренить опасность превращения войны в огненную бойню. А Фокдан почему-то ему не напомнил. И Локлан смолчал. Локлан вообще вел себя на протяжении всего разговора, будь то на обзорной площадке, в спальне Ракли или при выходе из башни, странно, словно выжидая чего-то. Ни сейчас, ни раньше он не производил на Хейзита впечатления человека рассеянного, а потому его поведение должно было что-то означать. Чего стоит его последняя фраза, когда он пожалел, что провел детство не в Вайла'туне? Что он хотел этим сказать? Что просидел все детство в замке? Но ведь замок – не просто часть Вайла'туна, он его сердце. В остальном же его слова сводились к однозначному пожеланию покровительствовать начинанию Хейзита, что должно было устраивать обоих: один предлагал нужный всем, хотя и никому пока неизвестный товар, а другой обещал блюсти его интересы – если они будут общими.

Тебе не нужно думать обо всем сразу, одернул он себя. Пусть о судьбе застав позаботятся другие. Твое первейшее дело – раздобыть глину правильной жирности и приготовить несколько *лиг'бурнов*. Глина должна быть не слишком тощей, чтобы не рассыпаться при падении, и не слишком жирной, чтобы после высыхания не образовывались трещины. Наверняка, у Ниеракта найдется то, что нужно. Теперь он припоминал, что гончарная мастерская, куда он направлялся, идя вдоль отвесного края обводного канала, пользу-

ется у жителей Вайла'туна доброй славой, а ее хозяин, мастер Ниеракт, несколько раз захаживал в таверну «У Старого Замка» и всегда принимался Гверной если не с почетом, то уж с искренним радушием так точно. Хороших гончаров в Вайла'туне было куда больше, чем хороших кузнецов или оружейников, однако посуда их при правильном обращении служила долго, а стоила гораздо дешевле железных плошек и поварешек. Это и понятно: в пойме Бехемы выше по течению *вабоны* издавна черпали вполне сносную глину ведрами, а некоторые ставили гончарный круг дома, пытаясь изготавливать все необходимое самостоятельно, тогда как за железом приходилось спускаться в глубокие шахты, а мастерству ковки мечей или отливки посуды и украшений учились много зим, причем далеко не каждый пробовавший свои силы достигал желаемого. Как подмастерье строителя Хейзит имел определенные навыки работы с глиной и дома предпочитал есть из вылепленной собственными руками чаши, которую, правда, неоднократно склеивали по кусочкам, потому что маленькая Велла тоже любила играть ею, а когда та надоедала – бросать на пол. Повзрослев, она отплатила брату тем, что расписала бедную чашу красивыми узорами. Однако сейчас, глядя на гордо плывущих вдоль берега откормленных и лоснящихся уток, он размышлял, какие вопросы задаст гончару, если тот и в самом деле не откажется помочь.

Мельница Сварливого Брыса привычно поскрипывала из-за яблоневой чащи. Это большущее колесо, почти до полови-

ны опущенное в воду, медленно вращало деревянными лопастями и передавало движение тяжелым каменным жерновам, запрятанным где-то во чреве одноэтажного домика огненно-красного цвета. С улицы домика не было видно, однако Хейзит прекрасно знал, как он выглядит, потому что раньше не только прибегал сюда воровать наливные яблоки, но и чуть позже бывал здесь по поручениям от матери, которая для некоторых сортов булок предпочитала покупать свежую муку и не довольствовалась тем, что привозил с рынка Дит. В Вайла'туне было еще две водяные мельницы – одна на канале и одна на берегу Бехемы, однако Гверна предпочитала посылать сына к Сварливому Брысу, потому что тот брал с нее за один мешок, как за один из десяти. На самом деле Сварливый Брыс только производил впечатление сварливого – все время что-то шамкал себе под нос и неприветливо хмурил седые кусты бровей – тогда как в действительности самое большое удовольствие ему доставляло сознание своей полезности. Мельницу он отстроил еще в бытность *брегоном*. Тогда же его названная жена высадила вокруг нее целую рощу яблонь, начавшую плодоносить уже со второго лета. Потом со Сварливым Брысом произошла темная история, в результате которой ему пришлось отрезать ногу. По версии, которую многие считали, выдумкой, он был ранен отравленной стрелой *шеважа* и ничего иного сделать просто не представлялось возможным. Однако Хейзиту доводилось слышать и другое объяснение, отвергавше-

еся, в частности, Гверной, лично знавшей ту женщину: будто бывший мельник, нанятый Сварливым Брысом для работы в его отсутствие, сошелся с тоскующей из-за частых разлук красивой садовницей и подстроил все так, чтобы соперника загрызли дикие собаки, что иногда выходят стаями из леса и нападают на пасущийся поблизости скот. Покушанный воин выжил, но потерял ногу и стал от безысходности мельником, а настоящий мельник сбежал, прихватив с собой его сбережения и любимую женщину. Гверна называла все это глупостями и говорила, что он сам виноват, потому что после того, как стал одноногим, взъелся на жену, и она была вынуждена уйти, чтобы избежать постоянных ссор и даже побоев. Правда, в обоих случаях никто о дальнейшей ее судьбе ничего не ведал: садовница исчезла, зато раскидистые яблони остались. И теперь щекотали ноздри Хейзита сладким ароматом перезревших плодов.

Мастерская Ниеракта занимала сразу три дома, образовывавших подобие подковы. Центр этой подковы занимала маленькая площадь, сплошь уставленная горшками и тарелками. Некоторые, самые большие, стояли прямо на земле, другие, поменьше и поизящнее располагались длинными ярусами на деревянных полках. За всем этим хлопотным хозяйством присматривал сторож – молоденький паренек младше Хейзита, толстопузый и деловитый. При виде нового гостя он ловко соскочил с лесенки, взобравшись на которую проверял готовность верхнего ряда тарелок, вылепленных в фор-

ме не обычного круга, а многогранника, и засеменил ему навстречу.

Хейзит остановился, предполагая услышать отповедь за то, что «шляются тут всякие незваные шалопаи, которых хлебом не корми – дай только трудовым людям мешать работу делать», однако сторож встретил его улыбкой и чуть ли не поклоном, сказал что-то невнятное о плохой погоде, полюбопытствовал, нравится ли гостю расписная посуда или он предпочитает чистую форму, и наконец поинтересовался, что гость, собственно, желает.

«Гость» желал увидеть мастера Ниеракта.

– Мастер Ниеракт сейчас в печном цеху и никого не может принять, – сказал на это сторож, поправляя вихрастый чуб. – А меня зовут Шилох. Давайте я вам пока, как могу, помогу.

К Хейзиту впервые обращались на «вы». Это было неожиданно и не сказать, чтобы неприятно, однако что-то во взгляде и повадках сторожа его нервировало и смущало.

– Меня послали сюда из замка. Локлану нужна глина. Немного, но самой лучшей.

– А вы в таком случае кто будете? – Шилох при упоминании сына Ракли слегка подобрал живот и стал с Хейзитом почти одного роста.

– Я Хейзит. – Он помешкал и добавил: – Строитель.

– И вам нужна глина?

– Совершенно верно. Отборная. Локлан посоветовал обратиться именно к мастеру Ниеракту.

– Для обжига или сушки?

– Что?

– Для сушки или обжига? – Шилох удрученно покачал головой, вероятно, сокрушаясь, что такие благородные люди, как Локлан, вынуждены пользоваться услугами таких неучей, как этот самозваный строитель. – Что вы будете из нее делать?

– Не думаю, что это относится к делу, приятель, – заметил Хейзит, уже жалея о том, что вообще вступил с парнем в разговор вместо того, чтобы дождаться Ниеракта и изложить все ему. – Для обжига, разумеется.

– Много?

– Мешок.

– Мешок? И на чем вы его потащите?

Об этом Хейзит не подумал. Глина всегда представлялась ему материалом легким, не сравнимым по весу с железом или камнем. Но ведь такой она становилась в готовой посуде, а из карьера на берегу Бехемы ее добывали при помощи могучих быков и развозили по мастерским на телегах, запряженных лошадьми. Локлану, пославшему его сюда, подобное неведение простительно, но он-то должен был все предвидеть.

– Разве у мастера Ниеракта нет лишней тачки? – попытался он в свою очередь изобразить удивление.

Шилох сцепил пальцы на груди, похрустел костяшками, почесал затылок и предложил гостю подождать, а заодно

присмотреть за посудой. Сам же он скрылся в дверях приземистого домика с дымящейся на крыше трубой, в котором скорее всего и помещался печной цех. Вскоре он вышел, а следом за ним – высокий мужчина в кожаном переднике, с голым, как у кузнеца, торсом, потный, весь перемазанный сажей и улыбающийся.

– *Маго* Хейзит! – с порога начал он, вытирая о передник и протягивая гостю для рукопожатия широкую шершавую ладонь. – Как поживает твоя достопочтенная матушка?

– Хорошо, *вита* Ниеракт. Кланялась вам, – слукавил на всякий случай Хейзит, прекрасно понимая, что если все получится по его задумке, то матушка с радостью предоставит гончару открытый счет в своей таверне, которая к тому времени превратится в уважаемый всеми трактир. Опережать события было не в его привычках, но уж больно хотелось помечтать.

– И ты ей привет передавай. Давненько я к вам не захаживал. Ну да ладно, тебя-то что привело. Шилох говорит, ты теперь на замок работаешь. Поздравляю.

– У меня срочное поручение от Локлана. Он сказал, что готов оплатить вам лучшую глину, какую я только смогу у вас найти. Для обжига, – поспешно добавил Хейзит. – Мне и нужно-то всего ничего: от силы мешок.

– Глину найдем. Тачку дадим, – усмехнулся Ниеракт, кивая своему помощнику.

Тот снова нырнул в печной цех, пошумел там чем-то

и, в конце концов, выкатил на улицу не слишком чистую, но прочную на вид тележку на двух вихляющих колесах.

В этот момент за спиной Хейзита послышался стук копыт, и во двор неторопливо въехала телега, распространяющая вокруг себя сильный запах рыбы.

– Вот еду с рынка, Ниеракт, и решил тебя проведать, – крикнул возница, натягивая поводья и осторожно спуская с телеги свое грузное тело. – Как там, готова моя посуда? – Увидев застывшего в недоумении Хейзита, он просиял и смачно плюнул себе под ноги: – Тэвил, если это не мой лесной спаситель! Какими судьбами?

Возницей оказался никто иной как толстяк Исли, решивший сменить арбалет *виггера* на сети рыбака. Без доспехов и оружия он казался сейчас простым добрым увальнем, таким же далеким от ратного дела, как рыба – от стрелы. Хейзит был рад этой нечаянной встрече, хотя отъезд Исли перед самым Вайла'туном оставил у него в душе неприятный осадок, слишком уж смахивая на предательство. Да и коня, полученного на заставе Тулли, он похоже, присвоил и даже запряг в телегу без зазрения совести. Однако кто такой был Хейзит, чтобы обвинять своего бывшего сотоварища в во всех тяжких? Разве сам он не пытается пристроиться поудобнее при замке и обеспечить себе безбедное будущее за счет ни в чем не повинных *вабонов*, пользуясь сложившимся положением и всеобщей нуждой в защите? Ведь он не стал хвататься за меч и проситься, чтобы Фокдан с Норла-

ном взяли его с собой в Пограничье. Он забыл даже напомнить Ракли об остальных заставах, безоружных перед лицом страшного врага, готового вот-вот застать их врасплох и безжалостно уничтожить. Нет, он не имеет ни малейшего права упрекать Исли в желании забыть обо всем ради одной-единственной и понятной любому цели – выжить.

Обо всем этом он подумал, пожимая протянутую руку Исли и с завистью поглядывая на телегу.

Гончар с помощником в растерянности стояли, не зная, кому теперь уделять больше внимания и кого обслуживать в первую очередь.

– За глиной, говоришь, приехал? – уточнил Исли, выслушав короткий рассказ Хейзита и все поглядывая на полки с посудой, среди которой наверняка был и его заказ. – Так забирай и поехали. Я тебя куда скажешь довезу. Ниерakt, этот парень, что надо! Ты бы знал, в какие мы с ним попали тут давеча переделки! Врагу не пожелаю.

– Как лов? – поспешил прервать его словоизлияния Хейзит. – Что-то в телеге у тебя негусто.

– Так я все уж на рынке продал. – Исли самодовольно усмехнулся. – Кстати, Ниерakt, я тут и тебе рыбешки привез, как договаривались. В счет будущих заказов.

Гончар оживился и велел Шилоху разгружать телегу. Сам же он вооружился тачкой и завернул в проем между домами, где у него под деревянным настилом, как оказалась, высилась цела гора отборной глины.

Пока Исли помогал Шилоху выгружать рыбу, громко пересказывая рыночные слухи и небылицы, Хейзит, придерживая тачку, в то время как Ниеракт щедро перекладывал в нее лопата за лопатой свой драгоценный материал, как бы невзначай порасспросил его о свойствах глины, о том, как она ведет себя при обжиге и что нужно сделать, чтобы она, сохраняя легкость, выходила еще прочнее.

– Все зависит от того, что ты намереваешься из нее делать, *маго*. Если важнее всего легкость, то добиться прочности можно при помощи особого обжига. Я, к примеру, после первого обжига опускаю заготовки в ледяную воду. Если глина плохо схватилась, то она трескается и ломается. Зато если все было сделано правильно, стенки посуды получаются такими прочными, что даже ловкач Шилох не в состоянии ее разбить с первого раза. Можно добиваться прочности более легким способом: подмешивая в глину песок. Но и тут есть свои подвохи. Если переусердствовать с песком, глина выходит тощая и хрупкая. И водой тут дела не спасти. Воду я при замесе вообще стараюсь не использовать. Да и песком увлекаться не советую: он портит посуду.

– А как вы проверяете, что глина готова?

– Опять-таки смотря для чего? Чтобы не боялась ударов? Так это любая их боится, и какого-то одного способа тут нет. Чтобы огонь ее не портил? Или чтобы тепло еды подольше хранила?

Хейзит понял, что Ниеракт мыслит свойствами готовой

посуды и не видит более простого применения для своих навыков. Он совершенствует мастерство гончара, усложняет работу, радуется удачным результатам, но проходит мимо того, что лежит на поверхности и до чего смог додуматься только такой не обремененный знаниями и опытом подмастерье, как Хейзит. Однако Локлан совершенно прав: стоит гончарам вроде него прослышать о доставаемых их печи грубых, но зато удобных для строительства камнях, легких и прочных, как они, не сговариваясь, побросают свои хрупкие чашки да миски и примутся опустошать карьер ради простой и быстрой наживы. Вот тут-то ему и должно прийти на помощь покровительство замка. Хейзит еще не представлял себе, каким это произойдет образом, однако и Ракли, и Локлан дали ему понять, что так будет лучше для всех. Самостоятельности, когда речь заходит о больших деньгах, быть не может и в помине. Кто же это ему сказал?

– Вообще-то хорошая глина должна липнуть к пальцам, – продолжал между тем орудовать лопатой Ниеракт. – Если ты видел, как твоя мать печет хлеб, то можешь сравнить глину с тестом. Пока я ни научился смешивать глину на глаз, мне приходилось тратить по нескольку дней на опыты с шариками. Берешь глину после замеса, скатываешь из нее два шарика размером с кулак, один из них сплющиваешь в лепешку и сушишь обе заготовки дня два-три. Только ни в коем случае не на солнце, а в тени, чтобы равномерно получилось. Если за это время на шарике или лепешке заметишь трещи-

ны, значит, глина выходит слишком жирная. Если же трещин ни там, ни там нет, а при падении на землю с высоты опущенной руки шарик рассыпается, значит, глина, наоборот, слишком сухая.

Упоминание нескольких дней, по истечении которых результат по-прежнему оставался под вопросом, повергло Хейзита в унынье. А он-то собирался через три дня уже показывать Ракли готовый *лиг'бурн*! Придется, похоже, либо нести то, что получится случайно, либо просить продлить отведенный срок. И то и другое значительно уменьшало вероятность столь необходимого ему теперь успешного начала.

– А нет ли у вас глины, которая была бы уже вами смешана, чтобы не ждать так долго? – осторожно поинтересовался он, получив ответ, что глина есть разная да к тому же замешанная на самых разных добавках вплоть до деревянной трухи.

– Кроме того, – развел руками Ниеракт, – ты же не говоришь, зачем она тебе, а я не спрашиваю.

Хейзит вынужден был молча согласиться, что так будет лучше для всех. В противном случае, даже угадав пропорцию состава случайно или воспользовавшись чужим образцом, он рисковал не повторить полученного результата в дальнейшем и тем вызывать сомнения в своем заявленном мастерстве. В чем же тогда будет его личный взнос в создание камней? Ракли может все это не понравиться еще больше, нежели затяжка по времени.

Тачка была перевезена к телеге, которую Исли уже не только освободил от рыбы, но и бережно застелил мешковиной, чтобы не изгваздать в глине. Вчетвером они подняли тачку и постарались высыпать ее содержимое так, чтобы можно было завязать свободные углы материи в единый узел.

– Иначе вы ее потом просто не вытащите, – пояснил Ниеракт, руководивший работой.

– Когда ждать денег из замка? – поинтересовался на прощанье Шилох, игнорируя возмущенные жесты мастера. – Как мы поняли, их привезут люди Локлана?

– А сколько он вам должен? – впервые задумался о столь немаловажном вопросе Хейзит. Снова он думает не о том. Ведь в дальнейшем именно цена на глину будет определять, насколько дорого или дешево будут стоить его камни и насколько быстро он сумеет заработать на безбедную жизнь.

– За полную тачку простой глины, – не моргнув глазом, подсчитывал Шилох, – у нас положено пять *силфуров*.

– Но Локлан слишком хороший покупатель, – поспешил вставить Ниеракт, – чтобы мы не уступили ему за четыре.

– Четыре *силфура* – совсем не дорого, – заметил Исли. – Смотри-ка, эти честные люди даже не берут с тебя расписки! Я бы взял.

– Те, кому один раз доверил, никогда потом не обманут, – усмехнулся Ниеракт, дружески похлопав Хейзита по плечу.

По всей видимости, ему понравилось, с каким внимани-

ем тот слушал его наставления по поводу приготовления правильного замеса глины. Хейзит не раз замечал, что разговор на тему, близкую собеседнику – самый верный способ добиться его расположения. Правда, он не мог отрицать, что и ему самому симпатичен этот простоватый ремесленник, начисто лишенный какой бы то ни было заносчивости, свойственной тем людям, труд которых не только их кормит, но и позволяет вкладываться в расширение дела, не думая при этом о завтрашнем дне.

– Да и кожу на всякие никчемные расписки тратить жалко, – добавил гончар.

– Вот с этим я соглашусь! – подхватил Исли. – Ну да ладно, бывай, Ниеракт! Благодарю за посуду. И ты, Шилох, смотри веселее! Рыбки моей поешь, глядишь, девчонки сами к тебе на шею вешаться станут!

– Они и так вешаются, – неуверенно ответил пузан, явно недовольный тем, что Хейзит покидает их с товаром, не оставив взамен денег или расписки.

Исли всколыхнул вожжами, и телега медленно покатила со двора. Глиняные тарелки и миски хоть и были проложены травой, позвякивали на каждой кочке.

– Лучше бы Ракли занялся дорогами, – ворчал Исли, то и дело оглядываясь на свое добро, – чем попусту гоняться по Пограничью за *шеважа*, от которых нам здесь ни тепло, ни холодно. Вчера, полгарнизона туда отправил, сегодня, говорят, снова. Случаем, не твоих рук дело?

При всей своей благодарности к Исли за охотное согласие подвезти его с ценным грузом до самого дома, сделав таким образом немалый крюк, Хейзит испытал при этих словах недавнего *виггера* некоторое если не отвращение, то по меньшей мере недоумение. Неужели когда-нибудь он сам, обзаведясь собственным хозяйством и заведя достойный источник доходов, будет рассуждать так же мелочно и недальновидно?

– Может быть, и моих, – ответил он, глядя на проплывающие мимо яблони в саду мельника. – А может, и Фокдана. Так уж получилось, что Ракли нас принял и выслушал. А мы с Фокданом считаем, что если не обезопасить Пограничье, то уже завтра *шеважа* будут ловить вашу рыбу вашими же сетями.

– Ну, это ты передергиваешь, братец! – сплюнул, точно попав на круп лошади, Исли.

– Кстати, а ваш брат не вернулся еще? – перехватил инициативу разговора Хейзит. По опыту он понимал, что если не направлять беседу, то новоиспеченный рыбак будет трепать языком почем зря. – Они ведь с Фейли должны были давно понять, что никаких заговоров ни со стороны Ракли, ни против него нет. Если только сами не попали в руки *шеважа*.

Исли, позабыв про осторожность, погнал лошадь быстрее. Теперь позвякивание позади них стало угрожающим.

– Мадлох дураком родился, дураком и помрет. Повстречал его сегодня на рынке. Домой, видите ли, он не спешит!

Ходит по лавкам да жратвой побирается. Денег, мол, у него нет, вот в долг и берет. Знаю я, какой этот долг! Тем более что я не помню случая, когда в карманах у него было пусто. Позорище!

– А Фейли с ним?

– Да не видел я этого Фейли и видеть, по правде сказать, не жажду! Один ходит. Даже от моей колымаги отказался. Говорит, сам, когда нужно будет, приду. А чего тянуть-то? Рыба на нерест пошла. Можно хоть руками голыми ловить. Да рук-то и не хватает.

– Может, ему что-нибудь все-таки удалось разведать, о чем мы не знаем? – предположил Хейзит. – Неужели вообще ничего вам не сказал?

– Отчего же, сказал. Что в лесу полным-полно наших лазутчиков – чуть их с Фейли ни сцапали. И что, похоже, затевается большая заварушка.

– Это мы и сами знаем, – кивнул Хейзит.

– Ничего мы не знаем. Куда! – Исли попридержал лошадь, которая чуть было не протаранила оглоблей угол дома. – Чумная скотина! Не привыкла под ярмом ходить. По седлу скучает.

– Возвращать не собираетесь? – Хейзит с укоризной посмотрел на собеседника.

– С какой же стати? – удивился тот. – В замке таких еще знаешь сколько! А мне она крайне нужна. Тем более сейчас, когда улов пошел ну просто немереный. Ты бы ко мне как-

нибудь в гости заехал что ли. Сам бы посмотрел, как нынче рыбаки честные живут. Рыбы полная река, а возить на рынок не на чем. Беда одна. Мои как эту конягу увидели, так про меня позабыли. Но я, конечно, им напомнил. Теперь вот за себя и за соседей работаю. Они сети таскают, а я буду на рынок мотаться. Правда, тут другая слабинка возникает, от которой никуда ты не денешься: чем больше рыбы, тем меньше за нее дают.

– То есть? – навострил уши Хейзит, уже слишком хорошо осознавший, что изготовление камней не принесет выгоды, если не стать еще и торговцем. А это уже не ремесло, а «целая наука», как любил выражаться Ротрам. Поэтому теперь его живо интересовали не только любые мало-мальски значимые сведения о свойствах глины, песка и печей для обжига, но и те вопросы, которые изо дня в день заботят рыночных завсегдатаев, вроде Дита или Исли.

– А ты сам посуди: кто будет платить мне по десять *силфуров* за кадку рыбы, как вчера, когда рыбы не хватало всем желающим, если сегодня ее столько, что она никому не нужна? Ты думаешь, почему наши рыбаки еще в старину научились рыбу вялить и солить? Потому что вкусно? А вот и не только! Если в рыбный год весь улов одним махом на рынок вываливать, да никто больше трех *силфуров* за ту же кадку не даст. Меня еще отец учил, что рыбы должно всегда немножко не хватать. Это я тебе, сам понимаешь, по дружбе рассказываю, – спохватился он. – Об этом рыбаки обычно

помалкивают. А на самом деле как получается: часть рыбы свежачком идет на рынок и продается по хорошей цене, потому что ее ровно столько, сколько надо сегодня, а завтра, когда улов не тот, в ход пускаются сделанные заранее запасы. Так мы рынок и держим. Есть, правда, отдельные умники, которые этих вещей не понимают и лезут на рожон, но им же хуже бывает. Поговаривают, в скором времени рыбаки собственный совет изберут и будут совместно все эти вопросы решать, а не так, как сейчас, кто как успеет выкрутиться.

– Насколько я понимаю, при таком положении дел лошадь дает вам определенные преимущества. – Хейзит внимательно следил за предметом их разговора, опасаясь, что он вот-вот припустит вскачь по узеньким проулкам между домами и покалечит шарахающихся в стороны прохожих.

– Кто бы спорил! – самодовольно поддакнул Исли и во мгновение ока помрачнел. – Тэвил! А эти-то за какой радостью тут крутятся?

Замечание это относилось к двум *мергам*, неторопливой рысцой едущим им навстречу. Судя по их настойчивым жестам и нежелании куда-либо сворачивать с дороги, они хотели заставить шальную телегу остановиться.

– Ну вот ты и накаркал, – снова сплюнул сквозь обнажившиеся в притворной улыбке зубы Исли и потянул лошадь за вожжи.

Телега жалобно скрипнула напоследок и встала. *Мерги* приблизились. Тот, что ехал впереди, недобро ухмыляясь из-

под опущенного на самые глаза шлема, положил руку в железной перчатке на оглоблю и поинтересовался:

– Откуда лошадь?

– Оттуда, – не нашел ничего лучшего, как показать назад, в сторону реки Исли.

– Сетями что ли выловил? – посуровел *мерг*.

– Да нет, рыбу вот на ней вожу. Жить-то на что-то надо.

– Жить всем надо, – выглянул из-за спины товарища второй всадник. – А только знаешь ли ты, что за воровство бывает?

– А кто говорит, что я ворую? – вспыхнул Исли, как показалось Хейзиту, вспомнив свою недавнюю бытность таким же грозным *виггером*. – По какому праву вы нас тут задерживаете да еще допрос чините?

– По тому праву, рыбак, что лошадь эта не твоя и должна быть незамедлительно возвращена хозяину. Распрягай.

– Что?! – Исли поднялся на телеге во весь свой могучий рост, и кони *мергов* опасливо попятились. – Это уж не вы ли, случаем, хозяевами будете?

– Сам знаешь, кто ее хозяин – замок. А если будешь пытаться оказывать нам сопротивление, так я тоже по-другому могу с тобой поговорить.

С этими словами он с лязгом вытянул из ножен убедительно длинный меч и взял его наперевес, направив острым концов прямо в необъятный живот Исли.

Молчавший до сих пор Хейзит понял, что сейчас может

потерять не только доброго знакомого, как выяснилось, разбирающегося в торговых премудростях, но и с таким трудом приобретенную глину, а потому сунул руку за пазуху, нащупал кисет и вынул заветный свиток.

– Эй! – негромко окликнул он *мерга*, слишком занятого внезапным противником, чтобы обращать внимание на каких-то юнцов. – Вы вот это видели? – Он покачал перед шлемом всадника сургучной печатью и отдернул руку, когда железная перчатка потянулась к свитку. – Мы с вами служим одним хозяевам, а потому давайте не будем друг другу грубить и мешать. Этот груз ждут в замке. Если не верите, поехали с нами.

Последнюю фразу он произнес лишь потому, что заметил, как опустились уголки губ заносчивого *мерга*, сообразившего, что просчитался. Самому ему в замок возвращаться, конечно же, не хотелось. Однако прозвучало это предложение, подкрепленное свитком, вполне убедительно. Оба всадника молча приняли вбок, Исли сел, не веря в чудо столь быстрого избавления, и тронул вожжи. Весело поскрипывая и погромыхивая посудой телега покатила прочь.

– Ну, ты даешь, малый! – воскликнул Исли, когда они отъехали на безопасное расстояние и свернули на дорожку, что вела прямиком к таверне «У Старого Замка». – Здорово ты отшил этих мордоворотов! Если бы не твоя штукенция, не видать мне лошади, посуды, а заодно и почетного места в совете рыбаков. Это уж как пить дать! Что ты там им по-

казал? Покажи-ка и мне, не бойся.

Хейзит развернул свиток.

– «Податели сего – свободный вход»? Неплохо! Это куда ж вход-то?

Пришлось в двух словах рассказывать о договоре с Ракли и Локланом. Исли слушал, не перебивая, а когда слушать больше было нечего, почесал подбородок, поиграл задумчиво бровями и хмыкнул.

– Интересно излагаешь, братец. И что ты намереваешься из этой глины делать? Ведь не горшки же нужны Локлану.

– Не горшки. Есть одна вещица, которая всем нужна, но никто ее раньше не видел. Вот я и додумался, как ее слепить, – уклончиво ответил Хейзит.

– Загадками выражаешься, однако! «Всем нужна, но никто не видел»! Эко хватил! Уж не женщина ли тут замешана? – Он игриво ткнул спутника локтем в бок. – Если чем помочь, так ты только скажи, я мигом! Хотя с глиняными бабами мне покамест общаться не доводилось.

Продолжить разговор на эту тему им, к немалому облегчению Хейзита, помешал вышедший из дверей таверны навстречу телеге Дит.

– Мы уж волноваться стали, – сказал он, по-хозяйски беря лошадь под уздцы и подводя прямо к балке при входе. – Решили, Ракли тебя ночевать оставил. – Он хохотнул и как будто только сейчас заметил Исли. – А ты кем будешь, приятель?

– Это мой друг Исли, – ответил за товарища Хейзит. – Он рыбак и помогает мне в одном важном деле. Дит! Не спеши ты привязывать! Нам еще разгрузиться нужно. – Он принял из рук слегка оробевшего Исли вожжи и потянул лошадь назад. – Но-о, давай к хлеву, звездочка!

Почему он назвал лошадь «звездочкой», он и сам не понял. Просто так само собой получилось. Как бы то ни было, Дит при упоминании груза, который приехал в его хозяйство, отпустил поводья и подбоченился. Он проследовал за телегой до хлева, то и дело заглядывая внутрь и пытаясь понять, с какой стати им вдруг могло понадобиться столько посуды, а когда Хейзит сообщил, что на самом деле нужно вытаскивать ничем не примечательный, кроме неподъемного веса, мешок, точнее даже узел, приуныл, но от помощи не отказался.

– Что это за гадость вы сюда приперли? – поинтересовался он, когда узел благополучно занял свое место посреди хлева.

– Это очень важная гадость, Дит, – похлопал Хейзит его по плечу. – Еще мне понадобится мешок песку, стол и несколько полок пошире.

– А выгонять всех гостей из таверны тебе, случаем, не понадобится. И за то благодарствую! – картинно поклонился он в ответ на отрицательный жест улыбающегося юноши.

– Только первым делом давай-ка как следует угостим Исли. Мы с ним давнишние знакомые, и нам есть, о чем потрепать языком.

Хейзит с удивлением заметил, что начинает выражаться под стать Ротраму и тому же Исли. Верно говорит старая пословица: «Хочешь быть купчиной, будь его личиной». Раньше он не понимал слова «купчина», но потом узнал, что это тоже своего рода торговец, но только покупающий товар не на продажу, а для себя. Оказывается, когда-то торговцев не было и в помине, а были только купчины или купцы. Из них потом торговцы и появились. Сперва их даже поднимали на смех, поскольку *вабоны* искренне не понимали, как можно зарабатывать деньги, ничего самостоятельно не производя. Говорят, против первых торговцев один раз затеяли целую свару и щедро поколотили палками. Было это, правда, давным-давно, а потом стало постепенно выясняться, что от торговцев всем только польза: им не приходилось думать об изготовлении тех или иных вещей, зато они знали кому эти вещи сейчас нужнее, то есть, кто готов предложить за них лучшую цену, и в результате сам ремесленник получал больше денег в виде доли от сделки. Со временем стихийно образовался первый рынок, и теперь за многими товарами *вабоны* больше не рыскали по закоулкам Вайла'туна, как встарь: достаточно было прибыть в одно место и там найти все, что тебе нужно. Некоторые торговцы умудрялись даже наваривать не только на продажах готовых вещей, но и сырья для их изготовления. Кое-кто из *вабонов*, в особенности старики, с возмущением предрекали скорое отмирание всех ремесел, кроме одного, – торговли. Ротрам по этому пово-

ду посмеивался, заверяя Хейзита и его домочадцев в том, что торговли без товара не бывает, а значит, развитие одного обязательно тянет за собой развитие другого. Обо всем этом Хейзит знал и прежде, но сейчас давно забытые разговоры и споры предстали перед ним в ином свете: если дела пойдут по его задумке, ему придется вникать в премудрости не только производства, но и продажи. Так что самое время осваивать чужую до сих пор «личину».

Первым делом уставшую лошадь распрягли прямо в хлеву и поставили к стогу сена подкрепляться. Исли тем временем с интересом осматривал остальное хозяйство Дита, представлявшее собой целые стеллажи, доверху заполненные всевозможным провиантом, гирлянды всего того, что требовало хранения навесу, ровные ряды бочек с закваской и соленьями – одним словом, все то, что составляло гордость востроносого старичка и что хранилось, разумеется, уже не в хлеву, а в длинной пристройке к нему, переполняя ее дурманящими ароматами.

– Что-то не чую рыбы, – заметил Исли, пуская слюни под свисающим с потолка огромным окороком и принюхиваясь.

– Так она в подполе у нас живет, – усмехнулся Дит, притоптывая ногой. – Его еще сам Хокан, отец Хейзита, прорыл. Знатный подпол получился! А ты, видать, рыбой промышляешь?

– Как ты догадался?

– Что у меня, носа что ли нет! От твоей телеги рыбой

за сто шагов разит.

– Почем берешь?

– Не понял.

– Рыбу почем на рынке берешь? – Исли сложил руки на груди.

– Двенадцать за кадку последний раз было, – насупился Дит, ожидая подвоха.

– Слыхал, Хейзит? А меня нынче заставили по девять в лавку сдавать. Вот тебе и рынок-спаситель! Похоже, скоро в нем никому, кроме лавочников, выгоды не будет. – Исли понизил голос. – Хочешь, Дит, я тебе буду сам рыбу с реки привозить? Сколько кадок возьмешь разом?

– Смотря, почем? – Глаза Дита азартно загорелись.

– По десять телегу уступлю.

– Телеги многовато будет. Давай десять кадок по десять.

– Можно подумать.

Наблюдая за торгующимися, Хейзит только посмеивался. Раньше его подобные разговоры вгоняли в сон. Теперь же он видел, как преображаются, изменяясь почти до неузнаваемости, знакомые тебе люди, поглощенные общим делом, из которого каждый хочет выйти со своей выгодой. Получалось забавно и увлекательно. В голове у него уже начинал медленно прорисовываться план того, как будет вернее обустроить его собственное предприятие. Дит в нем окажется незаменим как закупщик глины и песка, неутомимый в сбивании цен и аккуратном хранении добытого сырья. Исли сможет

при желании вспоминать про рыбу разве что за столом, а так заниматься доставкой глины из карьера и развозом готовых камней по покупателям. Со временем можно будет прикупить еще лошадей и телег, чтобы ускорить дело. А потом и охрану нанять, чтобы никто не позарился на столь ценный товар. Между тем, сам Хейзит посвятит себя производству *лиг'бурнов* и станет мастером, у которого в подчинении будет несколько умелых подмастерьев. Ведь очень скоро придется стоить целый цех с печами для обжига, чанами для замеса и стеллажами для просушки – такими, как он успел заметить в гончарной мастерской Ниеракта, только значительно больше по размеру и количеству. От заказчиков наверняка не будет отбоя – знай, поспевай. Вопрос один: справится ли он своими силами? Хорошо, конечно, если Локлан так или иначе поддержит, как обещал, но сможет ли он запретить другим делать то же, что делает Хейзит? Или помочь Хейзиту в одиночку снабжать всех желающих. С другой стороны, понятно, что если удовлетворять всех, то есть, если камней будет всем хватать, их цена, как цена на рыбу, о чем рассказывал по дороге Исли, пойдет вниз, а это хорошо для Вайла'туна, но плохо для Хейзита и его детища. Тэвил, замкнутый круг получается!

За мечтами о будущем Хейзит не заметил, что Дит с Исли сошлись на стоимости одной кадки для следующей поставки напрямую от рыбаков и, как закадычные друзья, чуть ли не в обнимку направились обмывать сделку в таверну. Спо-

хватившись, он поспешил за ними, втайне надеясь, что застанет там Фокдана, а то и Норлана, с которыми не успел толком даже попрощаться.

Его ждало разочарование. Несмотря на обеденное время, таверна оказалась полупуста. Исли с Дитом от этого, правда, только выиграли: встретившая их в дверях Велла, скучавшая от нежданного безделья, поспешила накрыть стол поближе к кухне, и пошла звать Гверну, которая – о чудо! – отдыхала на втором этаже, чего с ней не случалось с тех пор, как родилась дочка. В баре вместо нее снова хозяйничала Мара, похоже, не слишком довольная тем, что муженек нашел себе нового собутыльника. Кроме них троих, Хейзит заметил в зале двух незнакомых *виггеров*-пехотинцев в полном облачении, что должно было свидетельствовать об их готовности по первому зову отправиться если не в бой, то в расположение своего отряда, да одного из завсегдатаев «У Старого Замка», жившего по соседству писаря по имени Харлин. Заметив Хейзита, он приветливо помахал ему рукой и снова уткнулся в тарелку с супом. С тех пор, как у него выпала половина зубов – не то по старости, не то по недосмотру, – он с завидным постоянством заказывал только суп и ел его долго, не спеша, зажевывая хлебным мякишем, а корки забирал с собой и кормил ими своего слепого филина, которого Хейзит в детстве жутко боялся. Когда-то отец Хейзита помог Харлину отстроить новый дом, и тот в благодарность взялся научить мальчишку грамоте. Филин, сидевший в клетке,

время от времени гулко ухал, и Хейзиту хотелось лезть под стол или без оглядки бежать домой. Однако грамота и то, как рассказывал про нее Харлин, оказывались сильнее страха перед слепой птицей – которую, кстати сказать, никак не звали, – и Хейзит с трудом, но высиживал отведенное для занятий срок. Последний раз он навещал Харлина прошлой зимой, когда тот долго болел, и они с Веллой по очереди носили ему супы от Гверны. Судя по тому, что сейчас рядом с тарелкой снова складывалась горка из хлебных корок, с филином тоже все было по-прежнему в порядке.

При таком скудном наполнении зала Хейзит даже удивился, зачем Велла пошла за матерью, поскольку они на пару с Марой вполне здесь справлялись, однако выяснилось, что причиной тому является он сам. Появившаяся на лестнице Гверна была взволнована и желала знать, где это Хейзит так долго пропадал.

– Нигде не пропадал. В замке был. Вот друга встретил. Исли зовут. Он рыбак. Они с Дитом уже нашли общий язык, и скоро у нас того и гляди появится свежая рыбка подешевле рыночной.

– Все это хорошо, но я думала, ты только до замка и обратно. А тут жду-жду, а тебя все нет.

– Да что случилось-то? Сколько меня дома не было – и ты не переживала. А теперь стоит на полдня отлучиться – ты отчитывать начинаешь. Так не пойдет. Я уже, если ты заметила, не маленький мальчик.

– Ты-то, может, и вырос, да только времена нынче пошли неспокойные. – Она обвела безрадостным взглядом таверну и даже не окликнула по своему обыкновению дочь, которая за неимением другого занятия, снова вышла за порог и села на балку, к которой гости привязывали лошадей. – Думаешь, куда все подевались? – Хейзит пожал плечами. – А я тебе скажу. По домам сидят. А почему? – Хейзит поднял бровь, дожидаясь ответа. – А потому что с самого утра по всей округе ходит слух, что *шеважа* перебили целую заставу.

– Нашу или еще одну?

– Полагаю, что вашу. Бедняжка Шелта места себе от горя не находит: несколько дней назад ей донесли, что погиб ее Хид, от которого она должна скоро родить, а сегодня прибежала Мев и заголосила, что убит и Дайлет, ее отец. Они ведь с тобой служили? – Она пытливо посмотрела на сына.

– Да. – На него нахлынули воспоминания, от которых он все хотел и никак не мог отделаться. – Хида *шеважа* застрелили при первом штурме. Потом его даже попытались обвинить в том, что штурм произошел по его вине, мол, именно он вышел за ворота, опустив мост. Дайлета я потом пару раз видел.

– Люди в ужасе, – продолжала Гверна, машинально завязывая за спиной передник. – Чувствую, сегодня день вообще пустой получится. Как стало в таверне известно о случившемся, так всех точно ветром сдуло. Кто-то даже сказал, будто *фолдиты* видели нескольких *шеважа* на опушке леса.

Как ты думаешь, это может быть правдой?

– У страха глаза велики, – попытался принять равнодушный вид Хейзит и невольно вспомнил про уханье филина. – Наверное, это нас за *шеважа* приняли, когда мы вчера из Пограничья возвращались.

– Так вы верхом, а то пешие.

– Все равно вряд ли, – не слишком уверенно успокоил мать Хейзит. – А если даже и так, то моя задумка насчет одного дельца получается как раз к спеху.

Гверна начала было обвинять сына в бездушии и чуть ли не кощунстве по отношению к памяти тех, кого следует уважать как соседей, однако Хейзит насильно усадил ее за самый дальний от посторонних ушей стол и выложил начистоту все, чем собрался заняться, причем заняться, не откладывая. Гверна слушала его сперва принужденно, чтобы только дать сыну выплеснуть поток странных мыслей и спорных выводов. Но по мере того, как он перешел к описаниям их будущей жизни в случае успеха, она вся подобралась, обратилась в слух и ни разу не перебила.

– Теперь про это знаешь только ты да я, – закончил Хейзит, откидываясь на спинку стула. – Как тебе?

– Звучит уж больно просто, – не сразу ответила Гверна. – Боюсь, твои опасения могут оказаться не напрасными: придумать такое – ума как будто особого не надо, а уж слямзить придуманное – только ленивый откажется. И твои Ракли с Локланом будут в первых рядах.

В отличие от многих знакомых Хейзиту *вабонов* Гверна откровенно недолюбливала Ракли. Хейзит никогда не спрашивал ее о причинах, но догадывался, что виной тому мог быть отец, погибший на стройке. Сам он ее чувств не разделял, да и она не слишком сопротивлялась, когда прослышала о дружбе сына с Локланом.

– Я же тебе говорю, что в замке мне обещали помочь!

– Вот когда помогут, тогда и поговорим. А пока нужно поскорее сделать эти, как ты их назвал, *лиг'бурны*, и назначить правильную цену. Ты об этом еще не думал?

Хейзит признался, что все его размышления пока ни к каким результатам не привели. Гверна стала водить пальцем по столу, словно записывая свои мысли вслух:

– Считать можно по количеству, по весу или по объему. Говоришь, тачка обошлась тебе в четыре *силфура*?

– Вообще-то в пять, но гончар дал скидку. Кстати, Ниеракт передавал тебе привет.

– А сколько стоила бы тачка камней? – не обратила внимания на последнее замечание Гверна.

– Смотря сколько в нее бы вошло. За цельный кусок дали бы больше, чем за щебень, пусть даже его и вошло бы больше.

– Ну, на вскидку.

– Думаю, *силфуров* двадцать-тридцать.

– Нет уж, знаешь что! – возмутилась мать. – Так дело не пойдет! Если хочешь заниматься торговлей серьезно, ты

обязан знать все цены на рынке и подстраивать под них свои.

– Так ведь такого второго товара на рынке пока нет, – справедливо напомнил Хейзит. – Какую цену установлю, такая и будет.

– Как бы не так! Установлю! Ишь, оценщик выискался! – В пылу спора Гверна напрочь забыла о совсем недавно донимавших ее опасениях. – Ну, попробуй, установи цену за свои глиняные поделки выше, чем за камень. Кто их тогда купит?

– Так ведь кабы камень был, я, глядишь, и не придумал бы ничего подобного. В каменоломне его осталось шагов на десять стены такой высоты, как наши Стреляные. За ним теперь либо на другой берег Бехемы добираться надо, либо искать неизвестно где. – Видя, что этот довод смутил мать, он продолжал: – Вот я и думаю, что пока мои «поделки», как ты говоришь, не к чему привязывать. К тому же я рассчитываю, что мой камень окажется легче настоящего, а это само по себе сама знаешь, какая выгода.

– Хорошо. Но в любом случае двадцать или тридцать *силфуров* – разница приличная. Не ошибиться бы.

– Кажется, я придумал, какой способ оценки будет наиболее честным и понятным всем, – подскочил Хейзит. – Представь себе, что мои *лиг'бурны* будут оцениваться не поштучно или по тому, сколько их влезает, допустим, в ту же тачку, а по весу камня.

– Поясни-ка.

– Берется камень, ему присваивается цена. Камень кла-

дется на весы, а потом уравновешивается *лиг'бурнами*. Так цена камня переходит на соответствующее количество *лиг'бурнов*. Тем более что я собираюсь делать их по одной форме. Так что полученная в итоге цена может быть закреплена за определенным их количеством. Кстати, ма, ты разрешишь мне на первых порах воспользоваться нашей печкой?

– Ну, если и завтра будет такой же наплыв гостей, как сегодня, то боюсь, что да. – Она улыбнулась. – В кого ты у меня такой?

– Какой?

– Выдумщик. – Гверна перегнулась через стол и потрепала Хейзита по волосам. – Давай, не засиживайся только. Перекуси и за дело. Сейчас важнее всего получить то, что нужно, и заручиться одобрением твоего разлюбезного Ракли. А уж пока до этого дойдет, с остальным что-нибудь придумаем.

Пока он ел, то и дело переглядываясь с довольными жизнью Исли и Дитом, к нему подсела Велла.

– Ты был в замке? – поинтересовалась она, облокачиваясь на стол и подпирая кулачками подбородок, как делала всегда, когда готовилась к долгому разговору.

– Да, был, и приятеля твоего железного видел, – добавил Хейзит, упреждая вопрос. – Ты его теперь в ближайшее время не жди. Он как прознал, что можно в Пограничье отравиться, так чуть в пляс не пустился от радости. Видать, не слишком он обратно к тебе спешит.

К его удивлению, Велла сдержалась и не набросилась

на него с подзатыльниками. Даже в лице почти не изменилась.

– Норлан что, один туда отправился? – только и уточнила она.

– Отчего же? – даже опешил Хейзит. – Почитай, с целым войском.

– А кто там еще в этом войске из тех, кого я знаю? – не унималась девушка.

– Да никого ты не знаешь. Откуда тебе их знать! Или откуда знать мне, с кем еще их *эльгяр* ты знакома?

– А тот, высокий и лысый? Как ты его назвал? Фокдан?

Ну, дела, подумал Хейзит. Никогда не думал, что у Веллы такая шикарная память на имена. С чего это он ей запомнился?

– Этот тоже с ними заодно, – сказал он, только сейчас уловив в чертах сестриного лица линии грусти. – А Фокдан-то чего тебе дался?

Она ничего не ответила, в сердцах стукнула кулачком по столу, встала и ушла.

Провожая взглядом ее ладную стремительную фигурку, Хейзит заметил поднятую руку Харлина: тот делал ему жесты, приглашая к себе. Подхватив тарелку с кашей и ломоть хлеба, Хейзит поспешно, хотя и с некоторой брезгливостью, пересел за стол писаря. К счастью, Харлин уже доел свой суп и теперь скрадывал хлебные корки в специальный мешочек, так что Хейзиту не пришлось прятать глаза и избегать смот-

реть на его шамкающий рот.

– *Шеважа* на нас скоро нападут, – ни с того ни с сего начал Харлин, хитро поглядывая на собеседника.

Произнес он эту фразу так, что сделалось непонятно, утверждает ли он или, наоборот, спрашивает. На всякий случай Хейзит отрицательно помотал головой.

– Пока не осмелятся.

– Осмелятся. Люди говорят, что видели, как их передовой отряд вышел из леса и долго смотрел в нашу сторону. Сбываются пророчества.

– Пророчества? – чуть не подавился кашей Хейзит. – Какие еще пророчества?

Харлин не ответил, сгреб со стола последние крошки, подмигнул открывшему от изумления рот Хейзиту, и поплелся восвояси. Врожденная сутулость, с годами лишь усиливавшаяся, делала его похожим на горбуна.

Совсем старик сбрендил, подумал Хейзит, отчетливо понимая, что совершенно потерял аппетит. Еще бы, когда всю жизнь общаешься с филином и сидишь с утра до ночи чуть ли не в кромешной темноте! Странно, что он до сих пор не ослеп за компанию с глупой птицей. Видать, филин-то ему про эти самые пророчества и накаркал. Чушь какая-то!

Чтобы выбросить из головы разные нехорошие мысли, Хейзит решил, послушавшись совета матери, не откладывая, взяться за дело.

Подходя к хлеву, он заметил, что стало вечереть.

Где-то сейчас Фокдан и Норлан, размышлял Хейзит, проверяя при свечах содержимое узла и поглядывая на прилегшую у сеновала лошадь, за которой вот-вот должен был вернуться Исли. Он снова представил себе ночной лес, полный ловушек и опасностей, и ему сделалось не по себе. Хотя, быть может, их отряд тоже остановился на ночлег у Тулли и теперь греется у костров под защитой частокола. А если мать с Харлином правы, и *фолдиты* на дальних полях действительно видели *шеважа*? Может, уже произошла первая битва. Может, среди наших уже есть раненые или даже убитые.

Он не сразу заметил, что с остервенением мнет обеими руками глину, рассыпающуюся под пальцами.

Нужно добавить воды. И песка. По дороге глина растряслась и сделалась слишком сухой. Когда он загружал ее у Ниеракта, она была влажной и липкой. Значит, наверное, просто воды будет достаточно.

Чтобы не испортить все сразу, Хейзит снова завязал глину в узел, взвалил узел на плечи и перетащил в соседний амбар, столь понравившийся Исли. Здесь он расчистил один из столов, взял меньшую часть глиняного запаса и опрыскал ее отстоянной водой из кадки, подставленной под дыру в прохудившейся крыше. Глина на глазах размякла и стала похожей на тесто.

Первым делом Хейзит, как учил его гончар, скатал два шарика, правда, поменьше, чем с кулак, но достаточного раз-

мера, чтобы послужить наглядным пособием. Один из них он сплющил между ладонями и отложил оба на дальний край стола. Ниеракт говорил про солнце, но ночью солнца не бывает, зато в любой момент может опять зарядить дождь, так что уж пусть они посохнут здесь, под какой-никакой, а все-таки крышей. Да и ветер здесь гуляет что надо. Авось, и так высохнут.

Еще по пути домой у Хейзита родился план, как лучше подступить к задаче так, чтобы подстраховаться на все непредвиденные случаи жизни. Теперь он действовал уверенно, будто занимался подобными вещами отнюдь не первый раз. Он ловко скатал полдюжины одинаково маленьких, с фалангу указательного пальца, шариков и придал им форму квадратных камушков. Подумал и слепил еще столько же. Первую порцию он положил дружка на дружку, по два в ряд, и получил нечто вроде игрушечной стены. Рассмотрел со всех стороны и сообразил, что ошибся. Поспешно разломал не успевшую слипнуться «стену», выложил на стол сперва три кубика, еще приплюснул их, увеличив продолговатость, потом положил сверху два шарика, положил посередине, чтобы таким образом прикрыть стыки нижних. Наконец, последний разрезал острым ножом для разделки куриных тушек пополам и обе половинки вдавил к в верхних ряд с обоих концов. Получился прямоугольник, состоящий их пяти цельных *лиг'бурнов* и двух половинок по бокам верхнего ряда. Эту заготовку он положил сохнуть и отправился

бродить по амбару в поисках досок для формы.

За этим занятием его застал Дит.

– Ты мне тут только ничего не попорть, – с порога заметил он. – Исли отказался остаться ночевать и сейчас запрягает телегу. Не хочешь попрощаться?

Работа уже увлекла Хейзита настолько, что он и думать забыл о времени, однако Исли был ему симпатичен, да и лишнего внимания к своему новому занятию он привлекать совершенно не хотел, а потому, как заправский гончар, вытер руки и пошел следом за Дитом.

– Ну, бывай, братец, – сказал уже с телеги Исли. – Надеюсь, мне попадутся те же *мерги*, что и днем. Эти-то хоть признают, а то ведь другие так просто, без охранной грамоты, не отпустят.

– Если у меня все получится, – заговорчески понизил голос Хейзит, – я попробую выхлопотать для вас такую же. Тем более, если вы захотите тоже поучаствовать в этом деле.

– Не знаю, не знаю. Звучит заманчиво, да только не привык я соваться в воду, не зная броду. Ты уж пойми меня правильно.

– Понимаю. Потом поговорим об этом. Вы к нам когда намерены заехать?

– Завтра точно нет, – посмотрел на заинтригованного их невнятным разговором Дита. – Послезавтра – не знаю. А там, глядишь, нагряну. Рыбу-то еще отловить надо.

– А нам гостей обратно вернуть, – вздохнул Дит. – Если

дальше пойдет так, как было сегодня, мы не то что рыбу у тебя не купим, а старые запасы на рынок потащим.

– И без рыбы приезжайте, – уже вслед удаляющейся телеге крикнул Хейзит. – Всегда найдется, о чем поговорить.

– Это точно! – бросил через плечо Исли.

– О чем это ты с ним толковал? – спросил Дит, когда они остались на улице одни. Темнело быстро, так что теперь их освещали лишь тусклые окна таверны. – Он мне тут тоже сказал, что ты какую-то хитрую вещицу затеял.

Вместо ответа Хейзит потянул его за собой обратно в амбар. Молча осмотрев заготовки, Дит почесал затылок и сделал неутешительный вывод, что вместо строителя юноша превращается в заурядного гончара.

– Не думаю, что Хокан был бы тобой доволен, – заключил он.

Хейзит не стал с ним спорить, но спросил, нет ли у них в хозяйстве какого-нибудь небольшого ящика или хотя бы нескольких досок. Ворча себе под нос, Дит порылся в углу амбара и к радости Хейзита извлек из-под груды мусора именно, что ему было нужно: крепко сбитый сундучок с давным-давно отломанной крышкой и дырявым дном.

– Когда-то здесь хранились рыболовные снасти твоего деда, – сказал Дит. – Все никак не соберусь разобраться здесь и все повыбрасывать. Пользуйся, коли делать больше нечего.

И он ушел, сокрушенно вздыхая.

Хейзиту только это и было надо. Он никогда не страдал

оттого, что кто-то считает его пустомелей и выдумщиком. Он вовсе не собирался нравиться и угождать всем, пусть даже близким людям. Близкие в конце концов сами поймут, что к чему, а до чужих ему дела не было. Особенно сейчас, когда слишком многое зависело от его скорости и умения держать язык за зубами.

Он со скрежетом отодрал дно сундучка, мысленно прося прощение перед памятью деда, которого не знал, и поставил получившийся каркас на стол. Попробовал наполнить его глиной и прикинул, что из привезенного узла полноценных камней такого объема получится не менее десятка штук. Оставалось только правильно всем этим распорядиться.

Пока Хейзит вытрясал из каркаса первый *лиг'бурн*, ему пришло на ум, что получившаяся у него вначале игрушечная стенка обречена на провал: если сейчас глина все-таки схватится и для соединения камней не понадобится раствора, обычного при строительстве, то где в реальной жизни найти такое место, чтобы подобные камни делались прямо при постройке здания? Пока их изготовишь, продашь и доставишь по назначению, они окончательно высохнут. Кроме того, большие сомнения у него вызывала долговечность камней, не прошедших обжига. Разве не могут они, оказавшись под сильным дождем, снова превратиться в клеклую глину? Вот будет история, если построенный из его камней дом на глазах у всего Вайла'туна осядет и погребет под собой всех незадачливых жильцов. Его еще того и гляди в тюрьму

за такое упекут. И будут правы.

Тем не менее, ломать первую заготовку Хейзит не стал из любопытства. Уж больно хотелось ему позже сравнить результаты разных опытов. Нового замка, разумеется, таким способом не простроишь, но если вода все же будет камнем отталкиваться и без обжига, то впоследствии не самые имущие жители на отсутствии раствора смогут неплохо сэкономить.

Трудясь не покладая рук, Хейзит далеко за полночь вышел из амбара с железными противнем, на котором лежало полдюжины маленьких кубиков и три больших. Их предстояло попытаться обжечь в кухонной печи, совершенно для этого не предназначенной. На столе амбара остались лежать пять больших кубов, слипшаяся игрушечная стенка и шарик с блином, исход высыхания которых уже ничего не мог бы изменить: Хейзит рисковал, полагаясь на везение. И Дит был не прав: с таким подходом гончара бы из него точно не получилось. Поглядим, получится ли строитель.

Малую толику привезенной глины он не стал трогать вообще, вовремя рассудив, что нужно оставить себе хоть какой-то путь к отступлению на случай, если ни одна из заготовок не окажется удовлетворительной.

В доме уже все спали, и только мать по привычке не спешила ложиться. При виде сына с противнем, она вышла из-за стойки бара, где лишний раз перемывала посуду, и подержала перед ним дверь на кухню.

– Получается? – спросила она.

– Пока не знаю. – Хейзит вошел в жаркое помещение, где ему, похоже, предстояло провести остаток ночи, и осторожно положил противень на пол. – А Дит уже спит?

– Сегодня я отпустила их с Марой за ненадобностью домой. А что ты хотел?

– Да мне утром может понадобиться раствор, которым обычно скрепляют камни.

– Дело нехитрое. Когда Дит появится, я попрошу его этим заняться.

– Только не говори, для чего. Похоже, он не верит в то, что у меня что-нибудь получится. До поры до времени пусть так и будет.

– Ты зря переживаешь. Что-что, а секреты Дит хранить умеет. Сам-то справишься? – Гверна кивнула на печь. – Я специально не стала тушить ее для тебя.

– Справлюсь, ма. Ты иди, ложись. Я тут еще долго возиться буду.

Уже когда противень лег на крюки внутри весело потрескивающей жаровни, Хейзит передумал и переставил его таким образом, чтобы кубики поменьше оказались ближе к дверце. Мать давно ушла к себе, а он все сидел на полу и то и дело трогал длинной палочкой твердеющие заготовки. Хорошо, что он догадался еще в амбаре обмазать все дно противня бычьим жиром, а то глина наверняка бы умудрилась прилипнуть к железу, да так, что ее потом не оторвешь,

не поломав.

Мелочь «поджарилась» довольно быстро. Обжигая пальцы, Хейзит при помощи широкого ножа и палочки один за другим извлек все шесть заметно покрасневших кубиков из печи и положил прямо на пол остывать. Остыли они на удивление быстро, и Хейзит, прикрыв дверцу, с трепетом поднял один и вышел из кухни в пустой зал. После жары и духоты ему стало холодно, однако сейчас это не имело никакого значения. Под барной стойкой стояло ведро с водой. С замирающим сердцем Хейзит опустил в него кончик *лиг'бурна*. Камень в этом месте заметно потемнел. Но не размягчился! Совершенно! А это значит, что дождь ему тоже больше не страшен.

Возбужденный от предчувствия победы, Хейзит вернулся на кухню и собрал с пола все оставшиеся кубики. Какие же они легкие и удобные! Правда, в некоторых местах пошли трещинки, но ведь это, в конце концов, не посуда, носить воду и пить из них никто не будет, да и настоящие камни нет-нет, да и ломались под ударами каменотесов.

Чтобы случайно не заснуть, он вышел не только из кухни, но и из таверны на улицу, сделал несколько глубоких вздохов и отчетливо услышал в ночи уханье филина.

О каких же все-таки пророчествах говорил старый Харлин? О том, что *шеважа* когда-нибудь нападут на Вайла'тун? Так этого со страхом ждали все *вабоны*, считая, правда, что ничего подобного с ними никогда не случится. Иначе не ста-

ли бы строить замок и возводить Стреляные Стены. Обычная мера предосторожности. Причем здесь пророчества?

Хейзит продолжал прислушиваться, однако филин затих.

А может быть, Харлин вспомнил какие-то одному ему ведомые истории, в которых устами того или иного легендарного героя, уже тогда сражавшегося с дикими предками сегодняшних – не менее диких – *шеважа вабоны* предупреждались не просто о нападении на замок, но и об условиях, при которых замок падет? Только откуда Харлину знать эти истории? Он ведь давно, еще при отце Ракли, был выслан из замка и больше не имел доступа к собранным в тамошнем хранилище свиткам, в которых рассказывалось о жизни *вабонов* с незапамятных времен. Ну и что? Хейзит, ты что, так устал, что разучился рассуждать? Разве не мог он прочитать их тогда, в бытность писарем самого Меген'тора, и запомнить? Или даже втихаря переписать. Мог, конечно. Вот бы разузнать, о чем в этих свитках говорится!

Пора было идти проверять три больших камня. А потом спать. Веки тяжелели и поднимались с трудом. Даже свежий воздух улицы не помог.

Хейзит бросил прощальный взгляд на освещенный всполохами рассвета замок.

Вон она, неприступная твердыня на краю отвесного утеса. Сколько тайн хранят твои коридоры и залы? Сколько поколений *вабонов* повидала ты на своем веку? Кстати, сколько? И почему он снова ловит себя на том, что думает о зам-

ке как о чем-то древнем, хотя эти розовые стены закладывал не кто-нибудь, а его родной отец? Коротка память людская. Пусть даже что-то происходит на твоих глазах – скоро ты воспринимаешь это новое так, будто оно существовало всегда и не задумываешься о том, что было здесь прежде. Вот бы сейчас поговорить с отцом! Показать ему, что можно сделать из глины. Интересно, что бы он сказал? Наверное, будь он жив, сам бы первым додумался до такого простого способа получить столь необходимый камень. Почему же он этого не сделал? Потому ли что камня было в достатке? Или потому, что только такой неопытный строитель, как Хейзит, мог поверить в прочность «обжаренной» глины?

– Ну что, закрылась лавочка? – услышал он сзади незнакомый мужской голос и, оглянувшись, увидел сгорбленную фигуру в длинном буром плаще и с наброшенным на голову капюшоном. – Разбежались, говорю, завсегдатаи?

Хейзит невольно попятился, но фигура осталась стоять на месте, и он взял себя в руки.

– А вам-то что?

– И это ты называешь гостеприимством?

Не успел Хейзит и глазом моргнуть, как фигура выпрямилась, отбросила с лица капюшон, и арбалетчик Фейли, собственной персоной, зашелся тихим, но оттого не менее наглым смехом.

– Не узнал старого знакомого, строитель? А я-то держал тебя за востроглазого!

– Меня ваш голос сбил, – признался Хейзит, протягивая Фейли руку.

– Ну, изменить голос – пара пустяков! – Тот крепко пожал грязную ладонь и подтолкнул юношу назад, к двери в таверну. – А вот напроситься в гости, когда все домочадцы уже легли спать – это настоящее искусство. Надеюсь, ты меня впустишь или будем здесь стоять? Я, собственно, к тебе пришел.

– Заходите, конечно, заходите! – Хейзит посторонился, однако Фейли не спешил воспользоваться приглашением. – Я, правда, не уверен, что на кухне осталось что-нибудь горячее вам перекусить, но печка еще не погасла, и если вы немного подождете…

– Благодарствую, строитель, но я не хочу есть.

– Тогда пива? – Хейзит пожал плечами и первым вошел в таверну. – Я как раз недавно про вас вспоминал.

– Уж не с Исли ли?

– Так вы его видели?!

– Я наблюдаю за этим входом с того момента, когда еще не начало темнеть. – Фейли даже не огляделся и так, будто бывал тут много раз, сел за любимый стол Хейзита, справа от прохода, возле окна. – И нахожу твою сестру очень даже привлекательной.

– Вы и с ней успели познакомиться?!

– Для этого вовсе не нужно знакомиться, строитель. Достаточно посмотреть на нее, чтобы понять, что у Фокдана

губа не дура.

– А при чем здесь Фокдан?

Фейли замялся лишь на какое-то мгновение.

– Ты разве не был с ним сегодня в замке?

– Был. Вам какого пива налить?

– Какого-нибудь попроще, без всех этих ягодных добавок. Не люблю сладкое пиво.

– Могу предложить горчичное: вообще вырви глаз. Пользуется особым спросом у молочников.

– Боюсь, молочник из меня некудышний.

Хейзит попробовал содержимое нескольких бочонков и обнаружил лишь одно, которое могло бы прийтись Фейли по вкусу – ржаное. Себе он налил такого же, хотя пить в столь поздний, точнее, ранний час не хотел совершенно. Зато хотелось спать. Собеседник же этого как будто не замечал.

Он стал дотошно выспрашивать Хейзита о том, что он видел в замке, как воспринял его историю Ракли, каковы были его распоряжения – одним словом, дал почувствовать себя пленником на допросе с пристрастием. Хейзит сперва отвечал подробно, но в конце концов подобная форма разговора ему надоела, да и оставленные в печи глиняные заготовки требовали, чтобы о них вспомнили.

– Я сейчас, – сказал Хейзит. – Наливайте себе еще пива, если захотите. Мне тут надо кое-что проверить.

Фейли пожал плечами и проводил юношу понимающим взглядом. Когда тот скрылся за дверью соседнего помеще-

ния, судя по расположению, кухни, Фейли встал из-за стола и двинулся следом. Дверь оказалась запертой изнутри. Хейзит не хотел, чтобы за ним подсматривали. Что ж, здесь он полноправный хозяин. И слишком наивен и простоват, чтобы скрывать что-нибудь действительно важное. Нужно во что бы то ни стало расслабиться и не воспринимать все в свете заговора.

Фейли возвратился к столу, подобрал кружку и направился к указанному бочонку. Его томила жажда. А вовсе не желание напиться, как могло показаться со стороны. Жажда после целого дня, проведенного в личине горбатого старика, праздно шатающегося вокруг да около рыночной площади. В означенный час Фокдан так и не появился. Теперь ясно, почему: Ракли решил отправить его обратно в Пограничье и совсем не дал времени на сборы. Надо было ждать его у каменного моста через канал, и тогда не пришлось бы тратить всю ночь на поиски этой дурацкой таверны. Хотя, почему дурацкой? Какая-никакая, а крыша над головой всегда лучше звездного неба. Чего он там так долго возится!

Фейли выпил вторую кружку залпом и нацедил новую. Голова стала немного кружиться, а ноги – предательски подгибаться. Пиво-то крепковатое. Да еще на голодный желудок. Не стоило отказываться от дармовой закуски. Все его гордость, будь она неладна! Предлагают – бери, взял – благодари, как гласит старая поговорка.

Он сел за стол, поставил кружку рядом и уронил голову

на руки. Ничего, посижу так немного, авось не засну. Как он там рассказывал? Толстяк Исли занялся-таки рыбной ловлей? Ну, молодец! Дорогой через лес Мадлох предполагал именно это. Сам он тоже подумывал о возвращении домой и даже жалел, что послушался Фейли и не остался на заставе Тулли до конца: сейчас бы в его распоряжении тоже был далеко не лишний конь. Правда, если верить Хейзиту, у Исли его чуть было ни отобрали. Кстати, он упомянул о том, что удалось им выкрутиться только благодаря пропускному свитку. Видать, Ракли жутко боится нападения и перевел-таки замок на осадное положение. Вот бы узнать, со стороны кого он это нападение ожидает. Ведь не *шеважа* же он опасается. Кто как ни его люди пустили среди *фолдитов* слушок о появлении чужаков на самом краю Пограничья. Жаль, что никто не догадался спросить самих *фолдитов*. А те, как всегда, не видят ничего дальше своего участка земли. И не понимают, что им уготовано, приди *шеважа* в эти края и в самом деле. Они с Мадлохом по пути в Вайла'тун пытались заводить с ними беседы, однако не выяснили ничего того, о чем уже ни знали из собственных наблюдений. Ракли отправил в Пограничье отряд, рассчитывая восстановить заставу и покарать осмелевших *шеважа*. Он явно не понимал, на что обрекает своих ни в чем не повинных *виггеров*, среди которых Фейли увидел немало *мергов*. Им-то в лесу вообще делать нечего. Лучше бы отправил побольше *сверов*, чья тяжелая броня и мощные арбалеты мог-

ли бы хоть как-то противостоять *шеважа*. Разумеется, в том случае, если Ракли действительно хотел с ними сразиться. Если же он знал нечто, чего не знал наверняка, но о чем подозревал Фейли, тогда, конечно, большого войска не понадобится. А заставу можно восстановить еще до наступления холодов. И замести следы. Уже добравшись до Вайла'туна и смешавшись с толпами праздно шатающихся по улочкам вокруг рыночной площади соплеменников, они подумали, что наиболее верным, хоть и небезопасным, решением было бы попытаться проследить за отрядом, пусть бы даже до самого пепелища с тем, чтобы хотя бы выяснить, кому Ракли доверил это непростое дело. Фейли был уверен в том, что этим военачальником окажется кто-нибудь из ближайшего его окружения. Поэтому сейчас его удивило то обстоятельство, что, судя по не слишком связному рассказу Хейзита, Тиван по-прежнему находится в замке. Нет, все-таки нужно было не слушать увещевания Мадлоха, а последовать за отрядом и все выяснить самостоятельно. Теперь же остается полагаться на Фокдана, которому, если он и вправду сейчас спешит с новым отрядом вдогонку первому, предстоит увидеть истинное положение вещей. Почему их застава? В чем они провинились перед Ракли? Каким его планам могли они помешать? Заодно ли с отцом Локлан или лишь слепое орудие в его руках? Не зря же с его появлением спокойная лесная жизнь в одночасье превратилась в безумную круговерть роковых событий: сначала появление чужака

с драгоценными находками, о существовании которых никто не подозревал, потом дневной неудавшийся штурм, больше смахивающий на разведку боем и, наконец, огненный дождь и гибель всех *эльгяр*. Всех, кроме них. В таком случае Фокдану сейчас угрожает нешуточная опасность: он уцелел, хотя и не должен был. Значит, от него могут избавиться по пути. Никто потом не будет разбираться в причинах его гибели. Как в свое время не разбирались в причинах гибели нескольких доблестных *виггеров* на охоте с Ракли. После чего последний сразу повысил до чина *херетоги* никому доселе неизвестного *мерга* Ризи. И как еще раньше, сразу после окончания строительных работ, при неизвестных обстоятельствах погибло несколько каменщиков, среди которых, о чем недавно узнал Фейли, был и отец Хейзита. Тогда отдельных наперсников Ракли тоже постигла его внезапная милость. Так руководивший строительством Эдлох, и без того человек в замке далеко не последний, получил одно из всего пяти мест за столом совета в тронной зале Меген'тора, а вместе с ним – почетный герб как высшую почесть, которой только может удостоиться *эдельбурн*. Фокдан обо всем этом знает, и все-таки пошел на риск. Хуже было бы, если бы не знал. Мадлох и Исли не знают, однако они, вероятно, вне опасности. По меньшей мере, до тех пор, пока кто-нибудь из их знакомых ни начнет на всех углах болтать об их чудесном возвращении из Пограничья. Или пока Ракли ни донесут, что один из рыбаков пользуется лошадью, место кото-

рой – на заставе Тулли или в замке. Проще всего Ракли, если бы он того захотел, было избавиться от лишнего свидетеля в лице Хейзита. Почему же он не стал этого делать? Почему выслушал да еще отпустил? Похоже, парень может ему пригодиться для другого дела. Того самого, ради которого он сейчас заперся на кухне. Нужно во что бы то ни стало выяснить, в чем оно заключается. И попытаться все-таки обратить молодого строителя в свою веру. У беззубого Харлина не вышло. Правда, упоминанием о пророчествах, он смутил Хейзита, а значит, заинтересовал. Но этого совсем не достаточно. Не кто иной как Харлин учил в свое время Фейли доводить любое начинание до конца. При этом Хейзита он почему-то не стал учить ничему, кроме грамоты. Нечего сказать, странный старик: просвещает других, а сами своими знаниями не пользуется. Филин его и то куда мудрее: знай себе ухает, а у самого глаз, как у человека. Надо будет с Харлином поговорить по душам. А пока – найти отмычку и открыть дверь на кухню. Вот и отмычка: железный пруток, хитро изогнутый, чтобы проникать в любые дверные щели. Так, подцепим щеколду. Сдвинем. Дверь открывается. Никого нет. И печь холодная. Куда же подевался Хейзит. И как здесь оказался филин. Сидит на печи, без клетки, смотрит по сторонам надменно вылупленными глазищами – вот-вот заухает, предатель. Фейли развернулся на месте и бросился прочь из кухни. В дверях забыл пригнуться и врезался лбом в косяк. От боли чуть не вскрикнул и проснулся.

В зале было уже светло. Рядом со столом стояла улыбающаяся сестра Хейзита и убирала разлившееся из опрокинутой кружки пиво. Голова, похоже, болела не от него, а от твердости досок, в которые он во сне упирался лбом. Вот те раз!

– Хейзит просил вас не будить, – сказала Велла, машинально прикрывая рукой мягко дышащую под вырезом платья грудь. Фейли отвел глаза. – Вам что-нибудь принести?

Только сейчас Фейли заметил, что все соседние столы уже заняты первыми посетителями. После вчерашних волнений жизнь Вайла'туна как будто возвращалась в прежнее русло. Или просто подтверждалось правило: что бы ни случилось, а есть хочется всегда. В таком случае заведение их матери обречено на успех. Даже *шеважа* знакомо чувство голода.

– Нет, благодарствую, я, пожалуй, пойду. – Он предпринял попытку встать.

– А как же Хейзит? Он сейчас спит без задних ног, но, наверное, расстроится, если вы уйдете.

Она была хороша, именно такая, какой описывал ее обычно неразговорчивый Фокдан. Улыбчивые губы так и просят поцелуя.

– К сожалению, я должен идти. Тебя ведь Велла зовут, не так ли?

– Да.

– Тебе привет от Фокдана. – Неужели еще не перевелись девушки, которые умеют так очаровательно краснеть? –

А брату своему передай, что меня он при желании сможет найти у Харлина. Знаешь такого?

Тэвил! Это прозвучало как намек на встречу с ней самой, а не с Хейзитом! Мол, он-то разберется, а ты, красавица, давай, приходи.

Растерянная Велла только кивала. Фейли пожелал ей хорошего дня и поспешил, насколько позволяла все еще побаливавшая нога, вон из таверны.

Нельзя сказать, чтобы сам он не был смущен этой неожиданной встречей. Никогда не интересовавшийся ничем, кроме боевого искусства *виггеров*, запутанной историей войн с *шеважа* да развязыванием узелков тайных помыслов самых разных людей, включая обитателей Меген'тора, при взгляде на милое лицо ни о чем не подозревающей девушки, почти ребенка, он почувствовал, что до сих пор вольно или невольно лишал себя многих радостей жизни. С детства он считал семью обузой. Не проронил ни единой слезы, когда одна за другой умерли из-за страшного голода, постигшего Вайла'тун после задержавшейся зимы, обе сестры и мать, а отец так и не вернулся из Пограничья, куда его, лучшего лазутчика замка, послали на верную смерть. Вероятно, он увидел то, чего ему видеть не полагалось, и об этом стало известно Ракли, тогда еще молодому наследнику. С возрастом Фейли и вовсе перестало хватать времени на свидания и прочую ерунду, только отвлекавшую от раз и навсегда избранной цели – сделаться таким же ловким и хитрым лазут-

чиком, каким он помнил отца, вернее, превзойти, чтобы тем вернее отомстить за его гибель. Встреча с Харлином, произошедшая много зим назад, упрочила эту решимость. Харлин служил писарем в замке еще при отце Ракли, но попал в немилость за свое любопытство и поплатился выгодным во всех отношениях местом. Каким-то чудом судьба неугодных замку людей обошла его стороной, и он сумел поселиться в Малом Вайла'туне да еще и продолжить свои писательские труды. Занятия грамотой и просто разговоры с ним темными ночами в обществе древнего филина дали Фейли больше, чем все предыдущие годы упорных тренировок тела и духа. Вскоре выяснилось, что его подозрения по поводу творящихся в замке беззаконий и козней – не выдумки обиженного на судьбу ребенка, а нечто, о чем догадываются и за чем наблюдают издалека не только они с Харлином. Харлин оказался проповедником почти никому не известного и тщательно скрываемого от посторонних глаз культа Эригена. Молва считала Эригена изгоем, предавшим дружбу с легендарным Дули и тем обрекшим последнего на верную гибель на Мертвом Болоте. Харлин придерживался иного мнения и превозносил Эригена как первую жертву заговора против истинного героя. Тому существовали письменные доказательства, однако Харлин по понятным причинам не открывал их даже ближайшим своим последователям, коих у него было не так уж мало. Фейли, правда, знал лично только двоих, которые сейчас несли службу на разных

заставах Пограничья. Интересно, как поворачивается судьба! Бегство с объятой пожаром заставы свело его с подмастерьем строителя. Думающего паренька имело смысл попытаться обратить в свою веру. Он и предпринял несколько заходов, но так ничего путевого и не добился. А потом оказалось, что Хейзит сам когда-то был учеником Харлина, однако старик по каким-то соображениям не стал приоткрывать перед ним завесу своего основного предназначенья. Об этом он узнал от Харлина, когда навестил его накануне, расставшись на рыночной площади с Мадлохом. Вместе они решили, что с Хейзитом все же имеет смысл осторожно поговорить. Харлин так и сказал: «Парень далеко пойдет. Так пусть он пойдет с тем, что знаем мы, и добавит к этому то, чего мы пока не знаем». Что поделать, он любил выражаться путано. Сперва в таверну наведался Харлин и не нашел ничего лучшего, как заинтриговать Хейзита упоминанием о пророчестве. Теперь, если Велла передаст брату предложение Фейли о встрече, это должно помочь завладеть его вниманием. Вот бы еще заранее понять, в каких отношениях Хейзит с нынешними хозяевами замка. Уж больно озабоченным, если не сказать деловым, вернулся он оттуда на телеге Исли, груженой, правда, обыкновенной глиной. Похоже на то, что ему было дано какое-то важное задание. В разговоре с Фейли он умолчал о его сути, но было заметно, что оно крайне его занимает. Примечательно и то, что он вскользь обмолвился о своем непонимании Ракли, который упустил из виду

необходимость отправить хоть какую-нибудь весточку *эльгярам*, пребывающим в опасном неведении на других заставах. А примечательна эта обмолвка в двух отношениях: во-первых, она красноречиво доказывает, во всяком случае, для Фейли, что Ракли мало переживает о судьбе остальных застав, как если бы он наверняка знал, что им ничего не угрожает; во-вторых, очевидно, что это упущение смущает самого Хейзита, хотя и не настолько, чтобы очертя голову бросаться обратно в замок и требовать пересмотра отданных при нем приказов. Об этом как раз и можно будет при случае поговорить с Хейзитом в присутствии Харлина. Если, конечно, Велла не забудет о его просьбе. Ах, Велла, Велла! Как жаль, что первой ты повстречалась Фокдану! Глядишь, сейчас многое было бы по-другому.

Что именно могло бы быть по-другому, Фейли не стал уточнять даже мысленно. В одной из ранних своих проповедей Харлин говорил о тщетности желания повернуть жизнь вспять и о необходимости воспринимать ее такой, какова она есть. Тогда Фейли эта истина показалась чересчур бесспорной, чтобы посвящать ей отдельную беседу со вполне взрослым учеником. Теперь же, бредя между разноцветными домами обитателей Малого Вайла'туна, он испытывал трудности, соглашаясь с ней. Что он сделал не так? Какой его шаг получился ложным? Отчего никогда прежде он не заглядывал в таверну «У Старого Замка»? Дом Харлина находился от нее совсем рядом. Причем дом, судя по рассказам Хар-

лина, заново выстроенный не кем-нибудь, а отцом Веллы и Хейзита. Нет, кажется, они вместе с Харлином все-таки сиживали там несколько зим назад, но тогда никакой девушки не было и в помине. Или была? Сколько ей самой-то зим? Пятнадцать? Семнадцать? Едва ли больше. В таком случае, ему не следует себя винить: в ту пору она была еще совсем ребенком и не могла заинтересовать никого, кроме, разве что, сердобольных монахинь из *Айтен'гарда*, Обители Матерей. Фокдану в этом смысле повезло больше: он застал тот период, когда она еще не перестала быть ребенком в душе, но уже превращалась в женщину внешне. И, судя по его рассказам, оказалась созданием не только привлекательным, но и влюбчивым. Дорого бы Фейли дал, чтобы провести с ней хотя бы один из вечеров, живописно описанных Фокданом, когда они коротали ночи у костра. На заставе эти его воспоминания не вызывали у Фейли ничего, кроме снисходительной улыбки, которой обычно награждают поглупевшего от любви товарища его более рассудительные друзья. Теперь же, воочию увидев предмет чужих переживаний, Фейли мог разве что грустно вздыхать. Даже если бы он знал, как общаться с юными девушками и завладевать их живым воображением, он стал бы этим пользоваться. Бедняга Фокдан не заслужил такой подлости. И пусть в своих рассказах он давал понять, что сознательно отрекся от продолжения каких-либо отношений с маленькой Веллой, а сейчас еще и вынужден снова покинуть ее, ведомый чувством долга, Фейли

ни за что не перейдет ему дорогу.

– Смотри, куда идешь! – отвлек его от размышлений грубый оклик *эделя*, горделиво проезжающего мимо на великолепном коне в желто-красной полосатой попоне.

Фейли вовремя вспомнил, что изображает горбатого старика, и не стал возмущаться. Он лишь невольно прикрылся палкой, словно ожидая удара, и бросил на всадника недобрый взгляд из-под капюшона.

Эдель был ему незнаком, но он на всякий случай запомнил дорогой зеленый камзол, новенькую серебристую кольчугу, длинный нос с горбинкой и надменные глаза под прямым разлетом густых бровей. Едва ли этот наглец обрадуется их следующей встрече, если ей суждено случиться. Кричать на немощного старика – последнее дело, каким бы прославленным ни был твой род. Жаль, что подобные типы, как правило, избегают разборок с теми, кто готов за себя постоять.

Эдель неторопливо скрылся за углом пекарни, оставив после себя тонкий аромат духов. Фейли сплюнул. Он привык считать, что с природными запахами борются исключительно те, кому приходится скрывать собственное зловонье. Лучше бы мылись почаще! Кстати, ему самому не мешало бы испросить у Харлина разрешения воспользоваться лоханью и мылом. А еще вернее – сходить на реку и как следует искупаться. Лишь бы не попасться на глаза, кому не следует.

Вот и дом писаря. Рановато, конечно, его будить, но ничего не поделаешь, сам виноват: по привычке обязательно

запирает на ночь дверь на засов.

Фейли осторожно постучал концом палки в прикрытую ставню. Условным стуком, как договаривались: четыре длинные паузы, три короткие.

Никто не ответил.

Фейли повторил попытку, поглядывая на окна ближайших домов. Харлин не любил, когда о некоторых его гостях знали посторонние. В особенности соседи. Для них он был старым, выжившим из ума писарем, до сих пор не разучившимся разве что переносить слова на выдолбленную кожу свитков. Собственно, Харлин и жил-то тем, что писал под диктовку послания на свитках, которые сам изготавливал и по дешевке продавал.

Внутри дома послышались шорохи. Недовольно крикнула разбуженная птица. Фейли подошел к двери и прислушался. Дважды коротко постучал. Дверь приоткрылась, и голос из темноты прошамкал:

– Когда ты торчал у себя на заставе, нам было спокойнее.

Фейли ничего не оставалось, как прошмыгнуть внутрь. Здесь царил не только кромешный мрак, но и удушливо затхлый воздух, в котором перемешивались запахи долбленых шкур, пыли и птичьего помета.

– Я все-таки поговорил с Хейзитом.

Не видя вокруг себя почти не зги, Фейли знал, что стоит в узких сенях, откуда можно было пройти в не менее душную комнату, где обитал хозяин дома, или подняться по при-

ставной лестнице на более или менее приспособленный для жизни чердак с низким потолком, под которым приходилось чуть ли не ползать на четвереньках. Но зато там была постелена мягкая солома, а сквозь щели в крыше проникал ветерок с улицы.

– Потом расскажешь, – почувствовал он на запястье крепкие пальцы Харлина: старик словно лишний раз проверял, тот ли он, за кого себя выдает. – Отоспись, пока снова дождь не пошел. А дождь будет наверняка: у меня всю ночь кости ломит.

Он даже не дал себя поблагодарить за столь своеобразное гостеприимство и удалился, прикрыв за собой дверь. Фейли же, не долго думая, взобрался по скрипучим ступенькам лестницы, улегся на солому и с наслаждением вытянул ноги. Лежа на спине с закрытыми глазами, попробовал заснуть, однако сон не шел. Очевидно, того короткого времени, что он продремал за столом в таверне, хватило, чтобы его привыкшее к лишениям лесной жизни тело восстановило израсходованные за день силы.

Однако, когда Фейли вновь открыл глаза, весь потолок над ним был пронизан косыми солнечными лучами. Как же так? Неужели он все-таки продрыхал до полудня? Если судить по отчаянной пустоте в желудке, то да, последний раз он ел целую вечность назад.

Но первым делом, спустившись, точнее, чуть не кубарем скатившись по не успевшей даже скрипнуть лестнице в се-

ни и добежав до общей уборной, расположенной в закутке между соседними домами, он с наслаждением справил нужду. Вот чем хорошо пиво, думал он, заглядывая через опущенные руки в глубину сточной ямы: пьешь в охотку и избавляешься с радостью!

Когда он вышел, ему на смену объявилась жена пекаря, нестарая, но уже дородная женщина с лукавыми глазами. Фейли уступил ей дорогу, но обмениваться любезностями не стал: подобные матроны, уж слишком охочие до общества мужчин, вызывали в нем оторопь.

– Не пора ли проветрить дом, *вита* Харлин? – поинтересовался он, осторожно заглядывая в обиталище писаря.

«Обиталище» – иначе и не скажешь. Покосившийся от старости стол у занавешенного пыльной мешковиной и никогда, даже летом, не открывавшегося окна; два грубо сколоченных стула с надтреснутыми спинками и шатающимися ножками; большой потертый сундук, служивший одновременно вместилищем всякого рванья и кроватью хозяина; очерченный закоптелыми камнями полукруг у боковой стены, внутри которого лежали давно не поджигавшиеся угли, с нависшей прямо над ними жестяной воронкой дымохода; рядом с этим подобием очага – на удивление ровная стопка тщательно выделанных кроличьих шкурок; и всюду, где только можно и нельзя – пузырьки с разноцветными чернилами, заточенные, перепачканные и переломанные палочки для письма, мешочки с присыпкой и свитки, свитки, свит-

ки. На почетном месте, в углу, справа от стола висела проржавевшая до состояния хрупкости большая клетка, в которой на новенькой деревянной жердочке, явно прилаженной совсем недавно кем-то из его немногочисленных последователей или учеников, гордо восседал слепой филин, не имевший ни имени, ни возраста. Харлин любил рассказывать историю, давно ставшую легендой, о том, как его далекий-далекий пращур поймал эту птицу на равнине, теперь занимаемой Вайла'туном. Рассказывал он ее вкрадчиво, исподволь наблюдая за слушателем и радуясь изумленным восклицаниям, когда до собеседника доходил смысл повествования. А разве вы думали, что Вайла'тун был здесь всегда, как бы спрашивал его рассеянный взгляд. И Харлин не без удовольствия пускался в еще более пространные рассуждения о значении степи для древних *вабонов*, охоте на филинов, почитание которых было со временем позабыто, и о смысле жизни вообще. Сейчас филин отрицательно крутил головой и недовольно хохлился, будто в ответ на предложение Фейли.

– Свежий воздух вредит свиткам, – наставительно прошамкал Харлин, сидевший за столом спиной к двери и что-то писавший. – Что сказала тебе Эльха?

– Кто? – не понял Фейли.

– Эльха, жена простофили пекаря. Только не говори, что не встретил ее на улице. – Спина писаря задрожала от бесшумного смеха.

– Откуда вы знаете? – искренне поразился Фейли, прохо-

дя внутрь и без приглашения усаживаясь на сундук.

– Она всегда норовит занять отхожее место раньше нас, мужиков, чтобы потом сделать вид, что уступает его по доброте душевной.

– Кажется, сегодня я ее опередил.

Харлин оглянулся и погрозил Фейли палочкой.

– Не пойми меня превратно, но и ее можно понять, – сказал он, не изменяя своему обыкновению использовать в одной фразе одинаковые слова. Вероятно, Харлин считал подобные речевые обороты особенным изыском. – Между прочим, вот эту галиматью я пишу по ее просьбе.

– Что-нибудь заслуживающее внимания? – вытянул шею Фейли.

– Только не твоего. Под предлогом отчета о работе пекарни за последние несколько дней наша соседка дает понять одной благородной особе, что питает к ней не одни лишь деловые чувства.

– И вы все это пишите для нее?!

– А ты считаешь, что два лишних *силфура,* не считая трех за свиток, могут мне помешать? – Харлин начертил в спертом воздухе закорючку и вернулся к работе. – Так что сказал наш добрый Хейзит?

– Мне подождать, пока вы закончите, или рассказывать прямо сейчас?

Фейли спросил его об этом из вежливости. Все, кто когда-либо пользовался услугами писаря, знали, что Харлин

любит заниматься несколькими делами одновременно, причем, чем больше у него находилось забот, тем безупречнее он с ними справлялся. Фейли не раз был свидетелем того, как старик читает про себя один свиток, делает записи в другом, разговаривает с посетителем и свободной рукой кормит хлебными корками проголодавшегося филина. При этом он помнил прочитанное, не делал ошибок в написанном, отвечал впопад на любые вопросы и успевал отдернуть руку прежде, чем острый клюв слепой птицы больно тыкался в палец.

– Вижу, что жизнь на заставе заставляет человека глупеть, – сочувственно сказал старик, изящно поставив рядом два созвучных слова. – Рассказывай.

Фейли о общих чертах передал услышанное от юного строителя и от себя добавил:

– По-моему, он выполняет какое-то поручение для замка.

Харлин дописал свиток, придавил его по углам круглыми камешками, чтобы сох, и сел на стуле боком.

– Какое поручение мог получить строитель, кроме как строить?

– Скорее всего, – неуверенно согласился Фейли.

– Мне Хейзит всегда казался мальчуганом головастым. Готов поспорить, что из него когда-нибудь выйдет толк.

– Тогда тем более непонятно, – начал Фейли, – почему вы не воспользовались этим и не обратили его в нашу веру.

– Не все сразу, друг мой, не все сразу. – Тон старика как

будто смягчился. – Торопить человека – все равно, что раньше времени вырывать из земли саженцы и проверять, не принялись ли корни. Ему еще предстоит кое-что понять самому, а уж потом не мы его, а он нас найдет. Помяни мое слово. И чем больше он будет крутиться в замке, тем скорее какой-нибудь пустяк подскажет ему, что гибель его отца не была роковой случайностью. У нас с тобой нет доказательств, хотя мы понимаем, что иначе быть не могло. Он же пока этого не понимает, но у него будут доказательства. Он почувствует. И тогда даже мы с тобой не сможем его переубедить в обратном. Он захочет проверить свои догадки, а никто, кроме нас, не станет его слушать. Он тебе доверяет?

– Так вот как вы заманили и меня в свои сети! – рассмеялся Фейли.

– Он тебе доверяет? – повторил свой вопрос Харлин.

– Это мы поймем, если он придет.

– Ты что, сказал ему, у кого остановился?

– Я просто объяснил, где меня можно при желании найти.

– Меня не спросил!

– Вы разве против?

– Это мы тоже поймем, когда он придет. – Харлин скривил в беззубой улыбке рот. – Значит, Ракли послал вдогонку второй отряд, в котором очутился твой приятель Фокдан и сын самого Тивана? Занятная картина! И при этом не спешит гнать гонцов на другие заставы, надеясь, что общими усилиями двух отрядов удастся разбить *шеважа*? Видать, не один

я к старости глупею.

Он начал долго и нудно рассуждать, какую Ракли совершает ошибку. И ни слова о том, в чем может корениться ее причина. Фейли слышал нечто подобное еще накануне, когда впервые с прошлой зимы постучал к нему в дверь и рассказал о случившемся в Пограничье. Едва ли это стоило называть глупостью, но что старость берет свое, и не только зубы, было очевидно.

Фейли хотелось есть и с каждым мгновением все больше.

В доме Харлина еды отродясь не водилось, а рассчитывать на то, что хозяин изменит своему обыкновению и сходит на рынок ради нежданного гостя, было бы наивно. Вспоминать о том, что пора-таки перекусить, ему помогал филин. Если только не спал, как то происходило сейчас и могло продолжаться несколько дней. Иногда Фейли казалось, что птица потому так долго и не умирает, что живет двумя жизнями: в реальной и во сне. Что будет с Харлином, когда однажды она не проснется, он старался не думать.

– …героев больше не осталось, – закончил писарь свой пространный монолог и посмотрел на слушателя. – Ты чего-то ждешь?

– Нет, я только хотел спросить, что вы делаете, когда проголодаетесь?

– Не помню, чтобы подобное случалось с тех по, как мы с Хоканом, отцом известного тебе теперь Хейзита, строили этот дом. – Он почесал затылок палочкой и постучал крюч-

коватым пальцем по решетке клетки. Филин резко повернул лишенную шеи голову, но глаз так и не открыл. – Иногда хожу к ним в таверну. Там неплохой суп.

Не идти же и мне туда, подумал Фейли. Только ушел – и на тебе, здрасьте вам снова. Чего доброго, девчонка решит, будто я к ней специально наведываюсь. Навязчивость – худший порок. После глупости. В этом Харлин прав.

– Ладно, хватит сидеть, сложа руки! – Старик бодро шлепнул себя по коленкам и встал со стула. – Клянусь именем Эригена, я сумею помешать планам Ракли. Даже если он сам о них пока не знает, – добавил он с многозначительной ухмылкой. – Ты со мной?

Этот вопрос на самом деле означал, что Фейли в любом случае придется убираться на все четыре стороны до тех пор, пока Харлин ни вернется. Без него в доме имел право оставаться только филин.

У *вабонов* двери обычно запирались изнутри, на щеколды и засовы. Снаружи на косяк мог крепиться разве что крючок, который набрасывался на металлическую или деревянную петлю и таким образом, скорее, символизировал, что хозяева отсутствуют, нежели действительно охранял дом от вторжения. Другое дело, что подобного крючка с петлей обычно бывало достаточно, чтобы непрошеные гости проходили мимо. По отношению друг к другу *вабоны* старались избегать лишних ссор и нелицеприятных разбирательств и не имели привычки вторгаться в чужую жизнь без спроса. Разумеется,

иногда хозяева по возвращении домой обнаруживали ту или иную пропажу, обычно, еду, но случалось это крайне редко, а если воров удавалось все же найти, ими, как правило, оказывались *фолдиты* из числа бывших *виггеров*, ранения которых не позволяли им полноценно трудиться на земле. Поймав, их почти всегда отпускали из жалости. Нет-нет, да и наступали, правда, времена, когда многим *вабонам* оставалось только жалеть о своей беспечности, но это было связано в основном с неурожаями, провоцировавшими голодные бунты, и тогда как ни старайся, ни один крючок не мог удержать рассерженной толпы. А так, в обычное время, роль соглядатаев выполняли соседи, чьи дома почти соприкасались стенами, и нужно было изловчиться, чтобы пробраться в один из них незамеченным.

При этом Харлин изобрел некий способ запирать дом в свое отсутствие на внутреннюю щеколду, а потом так же незаметно отпирать длинным железным гвоздем, который он носил под рубахой на шее. В двери для этого имелись сквозные отверстия, однако, даже обладая возможностью рассмотреть весь механизм изнутри, Фейли до сих пор не сумел понять принципа, по которому тот срабатывал.

– Пожалуй, мне не мешает тоже кое-чем заняться, – сказал он, снимая со стены плащ и набрасывая его на плечи. – Если я вам, конечно, не нужен.

– Думаю, я справлюсь сам, – кивнул Харлин. – Увидимся вечером.

А как же быть, если придет мальчишка, спохватился Фейли. Не успел он об этом подумать – в дверь раздался стук: не условленный, но довольно настойчивый.

– Открыто! – крикнул старик, останавливаясь в нерешительности посреди комнаты, и добавил, поскольку ничего не происходило: – Да входите! Кто там?

– Доброе утро, вита Харлин, – послышался знакомый обоим голос, и из-за приоткрытой створки выглянула голова Хейзита. Новый гость с неприязнью повел носом и собрался было податься назад, однако заметил обращенные на него взоры и был вынужден открыть дверь настолько, чтобы робко протиснуться внутрь. – Сестра передала, что вы хотели меня видеть. Я не вовремя? – Он покосился на Фейли, кутавшегося в плащ.

– Ну уж проходи, раз пришел, – не слишком любезно приветствовал гостя Харлин. – Ты-то как, останешься?

Это относилось к Фейли, который охотно повесил плащ на место, успев заметить в руках новоприбывшего узелок, вернее, почувствовать доносившийся из него аппетитный запах. Похоже, его собирала предупредительная мать, знавшая обыкновения Харлина, а может, кто знает, и сестра. Бывают же на свете чудеса!

Хейзит чувствовал, что нарушил замыслы собеседников. Он тоже прекрасно помнил привычку писаря закрывать перед уходом дом, так что убираемый обратно за пазуху гвоздь о многом ему поведал. Но ведь Велла передала ему слова

Фейли как просьбу, а он только рад был подчиниться, потому что хотел прояснить для себя вопрос с загадочными пророчествами да скоротать сегодняшний день в кругу приятных ему людей. Главное было сделано: обожженные в кухонной печи *лиг'бурны* вышли на славу и теперь дожидались своего часа вместе с сохнущими на открытом воздухе собратьями. Завтра он будет готов воспользоваться верительной грамотой и предстать перед Ракли с решением многих вопросов. Только бы перебить чем-нибудь этот спертый дух и не разбудить спящего филина…

– Как тут у вас душно! – робко, чтобы не обидеть хозяина, сказал он, подходя к столу и кладя рядом со свитками принесенный узелок.

– Вот и я о том же, – поспешил поддакнуть Фейли, довольный, что у него появился товарищ по несчастью. Не дожидаясь, пока писарь сообразит, что к чему, он широко распахнул дверь и сделал вид, будто наслаждается свежим воздухом с улицы. Оглянувшись, он подмигнул Хейзиту и, кивая на узелок, заметил: – С чем пожаловал?

Хорошо, что я не отказался прихватить с собой эти пироги с грибами и капустой, подумал Хейзит, развязывая узелок и выкладывая теплое еще содержимое прямо на стол между свитками и чернильницами.

– Угощайтесь, – сказал он, отступая и присаживаясь на сундук. – Мать велела кланяться и передать, что ждет к ужину.

– Хорошая у тебя мать. – Фейли уже с нескрываемым наслаждением жевал пирог, роняя на пол кусочки капустных листьев и делая вид, что не замечает укоризненного взгляда Харлина. – Я так и не успел поблагодарить ее за преподанную тебе науку врачевания ран. – И он в двух словах пересказал историю их лесной операции. – Как сестра?

Хейзит только плечами пожал. В душе ему было приятно внимание к Велле посторонних мужчин, однако было в этом внимании нечто, что заставляло его испытывать странное чувство, иногда казавшееся ему отвращением, иногда – ревностью.

Теперь он сидел на сундуке и наблюдал, как оба собеседника, один – медленно и растирая в беззубом рту каждый кусочек, другой – торопливо, будто боясь, что ему не хватит, расправляются с принесенными пирогами.

– А ты что не присоединяешься? – спохватился Фейли, вытирая кулаком губы и не решаясь взять со стола последний кусок.

– Да я все утро ел, – соврал Хейзит, рассчитывавший перекусить вместе с ними, поскольку после долгого сна в таверне и возни с лиг'бурнами ему хватило времени только на простенькую яичницу, но слишком поздно осознавший свою ошибку. – Так я правильно понял, что вы меня звали?

Харлин посмотрел на Фейли, хмыкнул и подошел к Хейзиту.

– Встань-ка.

Тот послушался, а писарь нагнулся, приподнял крышку сундука, покряхтел, шаря внутри рукой и, в конце концов, извлек глиняную бутыль с длинным горлышком. На столе откуда-то появились три металлических стакана, старинных и помятых временем, с красивой резьбой по верхнему и нижнему краю. Харлин откупорил тугую деревянную пробку и плеснул в стаканы мутной красноватой жидкости. К приятному удивлению Хейзита комната наполнилась терпким ароматом перебродившего винограда.

Щедрость не была свойственна Харлину, однако сейчас это исключение оказалось как нельзя кстати.

– Угощайтесь, – сказал он, первым делая глоток и поднимая взгляд к потолку. – Этому вину уже много зим, но всякий раз, когда я пробую его, оно становится все вкуснее и вкуснее. – Как ни странно, он не убрал бутыль обратно в сундук, а подождал, пока все распробуют напиток, и разлил по новой. – Когда-то им торговал на рынке один молоденький *фолдит*, но потом с ним что-то, наверное, случилось, потому что теперь на месте его лавки вот уже года два предлагают свои кольчуги и ножи двое оружейников. Хорошо, что я успел прикупить у него целый бочонок.

– Вероятно, это бутылка – последнее, что от него осталось, – предположил Фейли, не помнивший случая, чтобы старик проговорился о столь непохожей на него покупке.

Они определенно не хотят открывать передо мной цели моего прихода, думал между тем Хейзит. Он до сих пор ни-

как не мог взять в толк, каким образом Фейли оказался знаком с Харлином. Последний представлялся ему нелюдимым затворником, трудно сходящимся с новыми людьми, тогда как Фейли слишком хорошо в людях разбирался, чтобы заподозрить его в замкнутости. Кроме того, Харлин неоднократно высказывался пренебрежительно по поводу *виггеров*, *мергов*, *сверов* и всего того, что так или иначе связано с боевыми действиями, в то время как Фейли был явно опытным воином, у которого чесались руки сейчас, когда он не по своему желанию ходил без оружия. Да и помощником Граки едва ли просто так станешь.

– Вовсе нет, – гордо ответил Харлин. – И если кто-нибудь из вас удосужится запереть эту дурацкую дверь, я покажу вам кое-что, чего никто из вас не видел.

Фейли изумленно поднял бровь, а Хейзит бросился выполнять выдвинутое условие. Он не стал трогать странного механизма, с помощью которого старик умудрялся закрывать вход в дом снаружи, и просто задвинул проржавелый засов. Скрежет заставил его оглянуться. Харлин изо всех сил тащил на себя сундук, пытаясь выдвинуть его на центр комнаты. Фейли пробрался к стене и толкал сундук вперед. Хейзит поспешил было им на выручку, однако старик уже выпрямился и со словами «Хватит, а то потом обратно не поставим» полез через крышку к присевшему на корточки Фейли. Под сундуком обнаружился люк, точь-в-точь как те, что позволяли им дважды покидать заставы незамеченными.

– Да тут у вас подвал! – воскликнул Фейли, поднимая крышку люка и заглядывая в образовавшийся лаз.

– Так я и думал, – усмехнулся Харлин, первым ступая на перекладины отвесно уходившей вниз приставной лестницы. – Кроме меня, о нем знал только твой отец, Хейзит. Он сам выкопал его, трудясь по ночам втайне от соседей. Сперва мы построили с ним этот дом, а потом решили рыть подвал. К тому времени у меня уже было, что там хранить.

Он скрылся под землей, и несколько долгих мгновений было слышно, как он бродит в темноте, бормочет что-то себе под нос, тщетно чиркая кремнем, пытаясь разжечь огонь, и наконец кричит:

– Поройтесь-ка в очаге! Там должны заваляться угли.

Хейзит предполагал, что старик просто спустится в подвал, и вернется с недопитым бочонком, однако, похоже, тот собрался что-то им показать. Порывшись в углях специальной железной ложкой, он выудил один, при дутье на который его черно-серое брюшко краснело и начинало дымиться, и передал ложку Фейли, а тот в свою очередь протянул ее Харлину. Вскоре отверстие лаза озарилось неровным светом факела.

Хейзит спустился следом за Фейли по лестнице и оказался стоящим у начала короткого коридора, выводившего тускло освещенную одним-единственным факелом комнату с низким потолком и невидимыми стенами. Здесь было свежо и прохладно.

Да уж, подумал Хейзит, если иметь такой подвал, то совершенно необязательно выходить на улицу, особенно в жару. Интересно, зимой тут тепло?

Стоявший рядом Фейли нерешительно переминался с ноги на ногу. Судя по его бегающему взгляду, он тоже не ожидал ничего подобного.

– Идите сюда, – окликнул их из темноты голос писаря. – Я обещал вам кое-что показать.

Харлин стоял посреди комнаты и водил из стороны в сторону факелом. В его пляшущем свете проступали очертания стен, и эти очертания наводили на мысль, что они очутились внутри гигантского пчелиного улья: все стены, как сотами, были испещрены ячейками, из которых на гостей таращились выпуклые донышки глиняных сосудов.

– Упиться можно! – ахнул Фейли.

Харлин отечески погрозил ему пальцем и, сделав широкий жест, с едва скрываемой гордостью добавил:

– Это все – моя жизнь. И хранилище памяти Вайла'туна. Второе такое есть только в замке. Но туда вам едва ли когда-нибудь попасть по своей воле.

Хейзит недоверчиво погладил ладонью шероховатые донца. В самом деле, подобного запаса вина не было даже у его матери, хотя та и считала, что, в отличие от пива, не обладавшего долгой жизнью, вино – неплохое вложение денег. Для таверны отец тоже прорыл нечто вроде подвала, но там вино хранилось в небольших деревянных бочках, которые до и по-

сле зимних заморозков нужно было как следует взбалтывать.

Словно услыхав его мысли, Харлин вынул из ячейки одну бутыль и встряхнул. Бутыль издала булькающий звук. Харлин проделал то же самое со второй, с третьей. Теперь становилось понятно, почему он с такой тщательностью охраняет свой дом от непрошенных гостей, однако какое ко всему этому имеет отношение «память Вайла'туна»?

Хейзит так прямо и задал сам собой напрашивающийся вопрос. Вместо ответа писарь взял очередную бутыль, легко потряс ею в воздухе и для пущей убедительности перевернул вверх дном. Все эти действия сопровождались тишиной. Бутыль была пуста.

Вконец сбитый с толку Хейзит молча ждал объяснений.

Харлин пронес бутыль мимо него и посветил факелом на оказавшийся здесь же деревянный стол, причем значительно более прочный, чем тот, которым он пользовался ежедневно, и низенький табурет, накрытый пыльной подушкой. На столе стояло несколько свечей. Писарь поджег их от факела, уселся на табурет и принялся возиться с пробкой. Только сейчас стало заметно, что в руках у него не простая бутыль, а емкость, лишенная горлышка. Пробка была глиняной, вся в засохшей смоле и шириной с выпуклое донце. Справившись с ней, Харлин снова опрокинул бутыль, потряс, и на стол вывалился перетянутый пестрой тесемкой свиток.

Фейли присвистнул.

Хейзит склонился над столом, наблюдая, как писарь аккуратно развязывает тесемку и разворачивает широкую ленту кожи, не желавшую выпрямляться после долгого лежания в заточении.

– Что это? – спросил он, хотя не мог не знать ответа.

– Именно то, что я называю «памятью Вайла'туна», – ответил Харлин, ставший как будто даже меньше шепелявить. – И чего в свое время не смог найти ни один из людей, подосланных Ракли. Писарь замка на старости лет занялся собиранием и хранением вина! Вот что они в один голос говорили ему, пока он не потерял ко мне всякого интереса. – Он развернул свиток до конца, разгладил рукой и пробежал жадным взглядом по изломам местами расплывающегося, местами бледнеющего текста. – В замке его называли *Сид'э*.

– Река времени?

– Вижу, ты неплохо усвоил наши давнишние уроки, Хейзит. Именно так, «река времени». – Харлин причмокнул и облизал губы. – Это – только его часть. Остальные части – вон там. – Он, не оглядываясь, указал себе за спину. – И вот здесь. – Крючковатый палец почесал морщинистый лоб. – Я прочел его весь, когда служил писарем в замке. И почти весь успел переписать, прежде чем Ракли распорядился его сжечь.

– Сжечь?!

Харлин кивнул.

Фейли продолжал смотреть на свиток, внешне сохраняя

полное спокойствие.

Хейзит не верил своим ушам. Непреходящей гордостью *вабонов* всегда было их прошлое, их герои, их подвиги. Легенды передавались от деда к внуку, из уст в уста, ими заслушивались долгими зимними вечерами, они придавали мужество воинам, которые вырастали из внуков, а потом сами становились дедами, и так продолжалось из поколения в поколение. *Вабоны* знали, что многие, если не все легенды и предания увековечены в длинных свитках и находятся за стенами замка, под бдительным присмотром *эльгяр*, наиболее грамотных и доверенных писарей и, конечно, самого Ракли. Подробности того, где и как эти свитки хранятся, не разглашались, однако даже подумать о том, что кто-то мог покуситься на них, а тем более уничтожить, было кощунственно.

– Но зачем?!

Харлин покачал головой.

– Боюсь, об этом мы можем разве что догадываться. Или задать вопрос самому Ракли. А когда он не ответит, в чем я не сомневаюсь, то его главному писарю, сочинителю новой истории Вайла'туна, Скелли.

Хейзит где-то уже слышал это имя. Ах да, ведь именно он выписывал по поручению Локлана верительную грамоту, которая сейчас лежала у него в кисете под рубашкой.

– В мое время, – продолжал старик, – Скелли был всего лишь младшим писарем, нечто вроде ученика подмастерья, если подобная должность существует в вашей строительной

иерархии.

Хейзит согласно кивнул, вспомнив свою бытность учеником, когда ему позволяли разве что подтаскивать вместе с рабочими камни или мешать в котлах безжалостно вонючий раствор для их скрепления.

– Именно ему я обязан тем, что оказался выброшенным из замка и теперь зарабатываю на жизнь тем, что пишу записки разным безграмотным умникам и потрошу ради них безобидных животных.

Здесь он, насколько знал Фейли, слегка преувеличил, поскольку шкурки доставлялись ему с рынка уже готовые, и он только доводил их качество до необходимого для своих нужд.

– А в то время Скелли казался всем, кто работал в замке, самым безобидным и недалеким писарем, правда, наделенным одним неоспоримым даром: он умел не только переписывать тексты слово в слово, почти не допуская ошибок и не делая помарок, от которых не убережен ни один даже самый маститый мастер, но и в точности копировать почерк, которым писался тот или иной свиток. Ничего подобного от нас никогда не требовалось, и потому поначалу все считали его дотошность в воспроизведении старых текстов излишней, хоть и забавной. И все было бы ничего, если бы в один далеко не прекрасный день, еще задолго до вашего рождения, друзья мои, в замке произошел пожар. Вернее, замка, каким вы видите его теперь, тогда не было, а была только од-

на-единственная главная башня, Меген'тор, в которой и обитали потомки нашего главного предка – Дули. Кто-то из *эльгяр* по неосторожности разлил на оборонительной площадке на крыше котел со смолой, поставленный там на случай защиты от вероломных *шеважа*, которые, как все мы хорошо знаем, никогда из Пограничья дальше опушки не выходили. Ну да ладно. Так вот, смола каким-то образом пролилась внутрь и загорелась, а хранилище находилось тогда на верхнем этаже. Пламя удалось быстро сбить, но некоторые свитки все же пострадали. Это теперь их спустили в подземелье под Меген'тором и хранят в особых сундуках, которые, говорят, даже воду не пропускают, а я, как видите, в глиняных бутылях, тоже вполне надежных, а главное – неприметных. Тогда же никто о сохранности рукописей не думал, и любой из нас, писарей, имел к ним доступ. Отец Ракли, Гер Однорукий, после пожара решил навести порядок и, не долго думая, поручил мне как старшему писарю разобраться с тем, что уцелело и что требовало ремонта.

Харлин умолк и посмотрел на притихших слушателей. Было заметно, что для них обоих этот рассказ в новинку. Хейзит застыл на месте и выглядел так, будто увидел спрятавшегося под столом страшного зверя, а Фейли задумчиво почесывал подбородок и смотрел в потолок.

– Вот тут-то и начались все эти злоключения, приведшие меня в столь плачевное состояние, что моим нечастым гостям хочется теперь первым делом проветрить мое жилье,

а задерживаются в нем только самые преданные. – Он грустно усмехнулся и продолжал: – Мне представилось самым правильным, раз уж речь зашла о сохранности свитков, сразу приступить к тому, чтобы сделать с них списки, то есть копии, и впредь хранить оба варианта в разных местах. Гера это не слишком заботило, но и возражать моему предложению он не стал. Несколько свитков погибло полностью. По той описи, которую начали составлять еще мои предшественники, я выяснил, что недостает, в частности, истории про силача Мали, но ее и так знали наизусть и стар, и млад, а потому я просто отрядил нескольких писарей записать ее со слов сказителей заново. Некоторые из погибших свитков даже я знал только по названиям. Помнится, там был свиток, озаглавленный *Эфтан'дун*.

– За горами? – не слишком уверенно перевел Хейзит.

– Что-то в этом роде. Другой назывался еще более странно – *Дун'дун*.

– Удвоение одного и того же слова, если не ошибаюсь, в древности могло означать увеличение размера или количества того предмета, о котором идет речь.

Слушая их разговор, Фейли подумал, что мальчишка зря тратит время, увлеченно занимаясь строительством. Шел бы в помощники к Харлину, глядишь, толку было бы больше.

– Ты забываешь, что слово «дун» имело несколько значений, в том числе, при соседстве с указанием места, могло обозначать направление движения вниз. Так что я бы пере-

вел тот свиток как «С гор» или «Вниз по склону».

– Вот бы его почитать! – Глаза Хейзита восхищенно горели.

– К сожалению, как я упомянул, от этих свитков остались только названия. Надо сказать, что я по этому поводу не слишком переживал тогда и не слишком убиваюсь теперь. Ведь если содержание их соответствовало названию, то в огне погибли не более чем сказки, которыми наши предки развлекали своих детей.

– Тогда почему я никогда не слышал их в детстве? – заметил Хейзит. Он невольно вспомнил замечательный вид со стен замка на горную гряду у самого горизонта и еще что-то, о чем ему рассказывали совсем недавно, вот только он вдруг запамятовал, кто и где.

Харлин пожал плечами.

– Мне никогда не приходилось отвечать за то, что рассказывали *вабоны* на ночь своим внукам и внучкам. Признаться, я тоже про горы никаких сказок не знаю, а видел их, как, наверное, и все мы, разве что далеко за Бехемой. Однако, если ты не против, я продолжу, поскольку сгоревшие рукописи к моему рассказу отношения не имеют.

– Но, *вита* Харлин, вы же сказали…

– До этого я все никак не доберусь. Имей терпение дослушать до конца, *маго*. Первым делом я взялся за те свитки, которые были лишь отчасти подпорчены пожаром. Таковых оказалось большинство. Я распределил их между остальны-

ми писарями, и мы принялись за работу. Мне тогда достался вот этот самый свиток, который сейчас лежит перед вами, только оригинал его был изрядно опален по одному краю, а местами смола растопила чернила, и слова смазались. Я не сразу понял, с чем имею дело. Ведь это была третья часть рукописи о происхождении *вабонов* и первая, в которой упоминался Дули как наш родоначальник. – Харлин поднял руку, заметив, что оба слушателя вот-вот завялят его вопросами. – Если никто из вас никуда по-прежнему не торопится, я расскажу все по порядку. Раз уж начал говорить, не прерывайте по пустякам. Мне и так не слишком-то легко вспоминать эти не самые приятные события моей никчемной жизни, но почему-то я думаю, что настало время поделиться правдой с теми, кому я доверяю, и кто едва ли обратит ее против меня. Правда, я уже слишком стар, чтобы бояться новых преследований, а тем более смерти. Было бы кому завещать мое хранилище. И моего филина. – Он улыбнулся и продолжал: – Рукопись называется *Сид'э,* Река времени, как правильно сообразил Хейзит. Надо сказать, что исстари за ее пополнение отвечает старший писарь замка. Только он ведет летопись основных событий, происходящих с *вабонами* и потомками рода Дули. Мой предшественник, *вита* Фланн, говорил, что существует поверье, по которому ни один старший писарь не должен заглядывать в более ранние свитки летописи, соблюдая правило реки: в одну и ту же воду нельзя войти дважды. Все мы должны были писать даль-

ше о том, что знаем и что видим, и не возвращаться вспять, чтобы лишнее знание не мешало нам понимать происходящее вокруг таким, какое оно есть. И вот после пожара у меня в руках оказался свиток, не имевший даже названия. О том, что это одна из ранних частей *Сид'э* я догадался лишь тогда, когда погрузился в чтение, точнее, переписывание. Первые летописцы не утруждали себя присвоению свиткам названий. Еще бы, они не могли знать, что начинают труд, который будет продолжаться из поколения в поколение! Лишь в самом конце рукописи я впоследствии обнаружил более позднюю приписку, сделанную, вероятно, *вита* Фланном, и почти размытую смолой. Она гласила: «*Тут и заканчивается третья волна Сид'э*».

Харлин поднял нижний край свитка с пола и продемонстрировал эту надпись, аккуратно выведенную теперь уже его собственной рукой.

– Но ведь вы же сказали, – не сдержался Хейзит, – что никто из ваших предшественников на посту старшего писаря не имел права нарушать поверье и заглядывать в то, о чем писалось в *Сид'э* до него!

– Да, это так, однако я думаю, что первым этот запрет нарушил сам Фланн. Хотя утверждать наверняка не берусь. Просто я очень хорошо помню, как он имел привычку называть отдельные свитки *Сид'э* «волнами».

– Кажется, я понимаю, что вы сделали дальше, – заговорил Фейли. Ему приходилось слышать о том пожаре, но он

не знал всех этих подробностей. – Вы забрали у своих помощников все остальные части.

– А что мне оставалось делать? Они ведь не были посвящены в секреты старших писарей и привыкли исполнять то, что им велели. За это им неплохо платили и не требовали, чтобы они с утра до ночи махали мечами на ристалище. Тем их них, у кого я обнаружил недостающие свитки *Сид'э*, я сказал, что есть более важные рукописи, требующие незамедлительного восстановления. Признаюсь, я поддался этому искушению с легкостью, которой не ожидал от себя. Мне внезапно захотелось узнать то, о чем многие *вабоны* даже не догадывались. Мы ведь все считаем, что неплохо знаем нашу историю по песням сказителей и легендам, в которых сказка перемешана с реальностью. В моих же руках оказался первоисточник, хроника, изложенная сухим языком свидетелей описываемых событий. Вот, взгляните сами, что я, к примеру, имею в виду. – Он ловко переложил свиток так, чтобы всем была видна его середина, и стал водить по нему пальцем, читая вслух: – «*Спустя две луны после отбытия Дули, Эриген взвалил на плечо свой лук и отправился по следам Руари*». Что скажете?

– Действительно, суховато звучит, – согласился Фейли, для верности заглядывая через плечо, будто затем, чтобы лично убедиться в правильности прочтения.

– И вообще довольно странно, – добавил Хейзит.

– Ну-ка, ну-ка! – повернул к нему раскрасневшееся

от возбуждения лицо Харлин. – Что еще необычного ты тут заметил?

– Просто мне всегда раньше казалось, что в тот последний поход, во время которого Дули погиб на Мертвом Болоте, они с Эригеном отправились вместе. Да и не вдвоем, а с отрядом лучших *виггеров*. Почему вы улыбаетесь? Разве не так?

Харлин сиял и не скрывал этого. Похлопав Хейзита по руке, он сказал:

– Фейли был прав, когда говорил, что тебе в наблюдательности не откажешь. – Хейзит не помнил, чтобы арбалетчик когда-нибудь хвалил его за это качество, а тем более – в присутствии старика, но промолчал, слушая дальше. – Но ты не заметил еще более странную на первый взгляд вещь, делающую этот рассказ совершенно не похожим на привычные нам сказки. Что такое «спустя две луны», как ты считаешь?

– Через два дня?

– Сначала я тоже так думал. Но потом пришел к выводу, что раньше время измерялось не просто лунами, а полными лунами. Ведь из полной луны довольно скоро получается серп, который никто луной не назовет. И если я прав, а на мою правоту указывают многие другие места в тексте, то между отъездом из замка этих двух героев прошло не меньше пятидесяти, а то и больше, дней. Согласитесь, за это время с Дули могло произойти все, что угодно, о чем Эриген, которого теперь обвиняют в предательстве, даже не предпо-

лагал.

– Но ведь это меняет всю историю! – воскликнул Хейзит, воспринимая услышанное как настоящее откровение и переглядываясь с внешне невозмутимым Фейли.

– История, к сожалению, уже изменена, – вздохнул Харлин. – История, которую по заказу Гера Однорукого, а теперь и Ракли, правит своей уверенной рукой старший писарь Скелли. Перед вами единственный свиток, где она изложена такой, какой застал ее я, без пропусков и вставок. И если кто-нибудь, кто сменит Скелли на его посту, заглянет в восстановленные после того злосчастного пожара рукописи, в этом самом месте он узнает, что Эриген отправился в поход вместе с Дули и что в решительный момент он повел себя как последний предатель и обрек великого друга на бесславную смерть. Разве не эту легенду рассказывают *вабоны* уже сегодня, хотя прошло не так уж много зим? Правда, этот пример не самый удачный, поскольку я тоже знал именно такое толкование еще с детства, поскольку оно лучше всего устраивало род Ракли. Но когда нужда заставила взяться за старые свитки, они воспользовались ею, чтобы исправить все лишнее. И я оказался всего лишь тем, кто обнаружил весь этот обман.

– И вы им не помешали? – Хейзит сел прямо на пол и водил отсутствующим взглядом по ячейкам.

– Помешал, – усмехнулся писарь. – Результат этого ты видишь перед собой. В то время я был наивен и недооце-

нивал многих вещей. А папаша Ракли оказался прозорливым и спохватился почти вовремя. Сам он писать и читать не умел за ненадобностью, но насчет меня и моей молчаливой работы у него закрались кое-какие подозрения. Почему-то его выбор пал на Скелли. Вероятно, он решил, что парень несмышлен и безобиден настолько, чтобы выведать правду и при этом ничего толком не понять. Без моего ведома они вдвоем прошли в хранилище и стали разбираться, что к чему. Я так и представляю себе эту картину: старый Гер возвышается на стуле старшего писаря, а Скелли, устроившись у него в ногах, звонко читает ему плоды моих бессонных ночей. Например, о том, что у Дули, в отличие от общеизвестной легенды, была не одна, а целых две жены: Рианнон, от которой и берет начало род Ракли, и Лиадран, у которой от него тоже успел родиться сын.

– Но ведь Лиадран была сестрой Дули! – не сдержал удивленного восклицания молчавший до сих пор Фейли.

– Да, но только по той версии, которую передают из уст в уста и которая теперь красуется на видном месте в хранилище замка. А на самом деле его младшая сестра умерла в детстве, о чем мы узнаем, когда сегодня читаем про то, как Дули оплакивает ни с того ни с сего попавшую под копыта его Руари маленькую девочку. Переписывая историю по заданию Гера и Ракли, Скелли поступил хитро, сохранив основной ход событий, но изменив их порядок или суть. Так родная сестра гибнет по его вине, но в облике никому не из-

вестной девочки-простушки, а законная жена превращается в не менее законную сестру и тем самым ее потомки уже не считаются потомками Дули.

– А если они живы? – Хейзит пытался осознать то, о чем говорил старик.

– Кто живы?

– Ну, ее потомки. Разве тогда у Ракли не появятся противники, которые имели бы право оспорить его главенство над *вабонами*?

– Мне нравится, что ты все схватываешь на лету, – рассмеялся Харлин, хотя ничего веселого в их разговоре Хейзит не видел. – Попал в самую точку!

– Что вы имеете в виду?

– Потомки Лиадран живы и по сей день. Только сами они об этом не догадываются. Потому что их родословная изменена той же рукой, что переписала нашу историю, и повторяет лишь изустные предания, никогда не соответствовавшие действительности.

– Но кто они?

– Я не знаю.

– То есть? – опешил Хейзит.

– Очень просто. Вот Фейли уже понимает, к чему я клоню. С одной стороны, существуют потомки Лиадран как сестры Дули. Ведь по легенде, как мы знаем, она незадолго до своей безвременной кончины сочеталась браком с Рилохом, приставленным Дули охранять его малых детей в замке на вре-

мя ставшего роковым похода. От него, как считается, берет свое начало род Тивана, командующего *мергами*.

– Норлан? – поразился Хейзит.

– Что? Ну да, его сын, он самый. Странно, что ты с ним знаком.

– Просто виделись тут как-то в таверне. А кто еще?

– Так получилось, что маленькой девочке, затоптанной конем Дули, молва приписывает брата, а это уже само по себе наводит на размышления: с чего совершенно незначительной фигуре повествования, прославившейся лишь тем, что омрачила расставание Дули с семьей, уделять столько внимания, чтобы придумывать какого-то брата. Удалившись на покой и получив незаслуженную возможность более подробно изучать переписанные мною свитки, я пришел к выводу, что в роли ее брата в *Сид'э* выступает еще один герой наших сказаний – тот самый Оган, благодаря усилиям которого в Пограничье была построена первая застава.

– И предок Эдлоха, руководившего возведением замковых стен? – догадался Хейзит.

– Не сомневаюсь, что отец рассказывал тебе про него, – кивнул Харлин. – Да, именно он. Таким образом, в Вайла'туне живет два семейства *эделей*, одно из которых ничуть не менее родовито, чем семейство Ракли.

Собеседники смотрели на него так, будто впервые увидели и теперь пытаются понять, кто этот ехидно улыбчивый старичок, раскачивающийся на табурете.

– А кто-нибудь, кроме вас, *вита* Харлин, об этом догадывается? – Фейли почувствовал себя обиженным тем, что услышал столь вопиющие подробности только сейчас, вместе с подмастерьем, даже не посвященным в долгую предысторию их с писарем тайных отношений.

– Не просто догадывается, а знает наверняка. Знает Ракли. Возможно, и Локлан. Разумеется, Скелли.

– А Тиван? А Эдлох? – начал было Хейзит.

– Не смеши меня, *маго*! При том мастерстве, с которым в наши дни многочисленные смерти маскируются под несчастные случаи, любой из них был бы уже покойником. На свое счастье, они никогда не видели оригинала *Сид'э* и честно верят тому, что говорят не менее узколобые проповедники культов Рилоха и Огана. А я буду последним человеком, который их в этом разубедит. Надеюсь, что и вы умеете держать языки за зубами. И тот и другой живы, пока пребывают в неведении. Но и Ракли может не опасаться их праведного негодования за чудовищный обман и претензий на замок. Представь, что начнется, если написанное в этих безобидных свитках, оригиналы которых давно сгорели в руках того, кто был призван их беречь, станет известно в Вайла'туне.

Хейзит представил и не получил ни малейшего удовольствия.

– *Вита* Харлин, – сказал он, подумав еще некоторое время, будто воцарившееся молчание тому способствовало, –

а мой отец? Это тоже не было несчастным случаем?

Писарь грустно посмотрел на застывшего в ожидании ответа юношу и пожал плечами.

– Этого я тебе наверняка сказать не могу. Как ты понимаешь, он погиб уже после того, как меня удалили из замка.

– Но ведь он дружил с вами, общался. Неужели вы не слышали от него ничего такого, что могло бы заставить вас думать, что его убили? Вы рассказывали ему то, что рассказали сейчас нам?

Харлин покачал головой.

– Нет, не рассказывал. И может быть, в этом была моя ошибка. Если бы он знал коварство Ракли и его приспешников, то и вел бы себя осторожнее. А я молчал, не желая ему навредить лишними знаниями.

– Но мы считаем, – снова взял слово Фейли, глядя на писаря, словно спрашивая его разрешения продолжать, – что всех неугодных Ракли людей рано или поздно постигала одна и та же участь. У меня у самого когда-то погиб отец, и я до сих пор не знаю, почему. А первой жертвой, о которой красноречиво умалчивает наша история, был Эриген. И мы…

– Вам не кажется, что кто-то стучит в дверь? – прервал его Харлин.

Все замолчали и прислушались.

Действительно, сверху доносились настойчивые, но не угрожающие удары в дверь.

– Я пойду, посмотрю, – вызвался Фейли.

– Хорошо, только не открывай. Лучше пусть думают, что мы все ушли, чем увидят, где мы находимся.

Фейли осторожно выбрался по лестнице из подвала. Через несколько мгновений в проеме появилась его перевернутая голова.

– Это Велла, твоя сестра. Что будем делать?

– Что ей надо? – вырвалось у Хейзита, меньше всего ожидавшего подобного поворота событий. – Ей что, делать нечего?

– Спроси у нее сам.

– Будет лучше, если мы дадим ей уйти, – заметил Харлин, на всякий случай сворачивая свиток и убирая его обратно в бутыль. – Если только она ни поднимет такой шум, что сбегутся все соседи.

– Хейзит! – услышали они с улицы женский голос. – Я знаю, что ты здесь! Открой!

– Тэвил! – выругался Харлин. – Хейзит, иди открой ей, чтобы она не кричала на всю округу, только постарайся не впускать внутрь, пока мы не закроем подпол.

– *Вита* Харлин, оставайтесь здесь, – предложил Фейли. – А я сверху прикрою вход сундуком, пока она ни уйдет.

Хейзит уже был на лестнице и карабкался наружу.

– Ну, что стряслось? – спросил он, приоткрывая дверь и загораживая собой вход. – Что расшумелась?

– Приходили люди из замка, – выпалила девушка, понизив

голос до шепота. Она раскраснелась и явно нервничала.

– За мной? Что им было надо?

– Нет, они искали Фейли.

Хейзит невольно оглянулся на арбалетчика, который в этот момент задвигал на место сундук. Услышав свое имя, тот выпрямился и недоверчиво посмотрел на свои руки. На лице его возникла рассеянная улыбка. Сделав знак Хейзиту пропустить гостью, он сел на сундук и почесал заросший подбородок. Велла вошла и, не обращая внимания на тяжелый воздух, с порога поведала о том, что в таверну нагрянули какие-то наглые *виггеры*, чуть было не перевернули все вверх дном, а на вопрос Гверны о том, кого они ищут, сказали, что по их сведениям здесь ночевал беглец из Пограничья.

– И ты решила, что беглец – это я? – невесело усмехнулся Фейли.

– Они вас описали, – возразила Велла, обиженная тем, что к ее словам не относятся серьезно. – Причем как старика, которым вы прикидываетесь.

– Они уже ушли? – помрачнел Фейли. – Не могли они выследить, куда ты побежала?

– Ушли. Мать сказала, чтобы я предупредила Хейзита. Она боится. И я тоже. Их было четверо, и вели они себя очень нагло. Вам угрожает опасность.

– Об этом я давно подозревал, – хмыкнул Фейли. Проснувшийся филин утвердительно ухнул. – Ну вот, теперь

ты сам все видишь, Хейзит, и можешь сделать соответствующие выводы. Вам обоим сейчас лучше поспешить обратно к матери и на некоторое время забыть дорогу сюда.

– А вы?

– Я уж как-нибудь разберусь. Не скажу, что приятно чувствовать себя в роли лисицы, на которую устроили охоту, но и не скажу, что эта новость застала меня врасплох. Выкручусь. Ступайте! – Он встал, давая понять, что разговор окончен. – Встретимся, когда придет время. – И добавил, положив ладонь на плечо юноши: – Надеюсь, ты не забудешь, о чем мы сегодня говорили. Все взаимосвязано.

– Я понимаю, – сказал Хейзит, больше всего расстроенный тем, что им не дали договорить с Харлином. – Обещаю, что сохраню это в тайне.

– Можешь не обещать. Как видишь, от этого зависит твоя собственная безопасность. Держи язык за зубами, как тебя предупредили, и думай, больше думай. Ну, бывай, *маго*.

Они пожали друг другу руки, и Велла чуть ли не силой потащила брата на улицу. Сзади с лязгом задвинулся засов.

Когда они свернули за угол, чуть не сбив с ног идущую им навстречу женщину, в которой Хейзит безошибочно узнал пекарскую жену Эльху, Велла замедлила шаг и отпустила брата.

– Почему она на тебя так посмотрела?

– Кто? Эльха?

– Ты с ней знаком?

– Впервые в жизни вижу.

– И уже знаешь по имени?

– Харлин нас давным-давно познакомил. Послушай, – взорвался он, – не слишком ли много ты задаешь вопросов?

– Наоборот, недостаточно. – Она надула губки. – Ты еще должен мне рассказать, какую это тайну ты обещал этому странному беглецу так тщательно хранить?

– Тайну о том, что у меня сама болтливая и бестолковая сестра во всей округе.

– Дурак!

Они пошли молча, делая вид, что незнакомы. Хейзита это устраивало как нельзя лучше. Правда, ему было жалко Веллу и обидно, что пришлось так грубо с ней говорить, но он утешал себя тем, что действует ей же во благо. Чем меньше она будет догадываться об истинном положении вещей, тем лучше для нее. В этом Харлин тоже был прав. Сколько же новостей, не успел день даже начаться!

Тут он ошибался. Солнце, которое он принял за поднимающееся из-за горизонта, оказалось закатывающимся, а длинные тени от домов и редких прохожих смотрели на восток.

В таверне «У Старого Замка» было все по-прежнему: Дит у дверей, гости за столами, мать с подносом. Если дела пойдут хорошо, мелькнула мысль, нужно будет обязательно нанять кого-нибудь в помощь ей и Велле. Какую-нибудь девушку посимпатичнее да порасторопнее. И чего только посторонние мужчины находят в его сестре?

– Они вернулись, – шепнула Гверна, когда он проходил мимо нее, направляясь в свою комнату на второй этаж.

– Вернулись? Кто?

– Те, кто расспрашивал о твоем приятеле. Не оглядывайся.

Она незаметно кивнула ему за спину и прошла дальше, а Хейзит на предательски ослабевших ногах добрел до лестницы и только там сделал вид, будто что-то вспомнил, и повернул назад.

Он сразу же понял, о ком предостерегала его мать. Двое *виггеров* в тяжелых латах, хотя и без шлемов, сидели за ближайшим к входной двери столом и смотрели прямо на него. Оба длинноволосые и бородатые, только у одного, молодого, волосы были черными и блестящими, словно облитые маслом, тогда как второй был пепельно-седым, но оттого нисколько не менее грозным. *Сверы*, подумал Хейзит. Хотя где это видано, чтобы *сверы* занимались поиском неугодных замку *вабонов*? Для этого наверняка существуют лазутчики и еще невесть кто. Хейзит поймал себя на том, что впервые не то что сталкивается, а даже слышит о подобной ситуации. Чтобы врагов искали в самом *Вайла'туне* – это уж слишком! Тем более в их тихой таверне. Однако, как бы то ни было, седовласый воин не только был здесь вместе со своим подручным, но и манил его, Хейзита, железным пальцем к себе.

Он вспомнил о верительной грамоте, которая лежала в кисете у него на груди, и это придало ему немного храбрости.

Конечно, верно говорят: одна рука дает, другая – отбирает, и, тем не менее, она является далеко не лишним доказательством его благонадежности.

– Вы меня? – взяв себя в руки и не повышая голоса, поинтересовался он, останавливаясь в непосредственной близости от стола, так, чтобы их разговора не слышали посторонние уши.

– Садись, – сказал седой, глядя ему прямо в глаза. – Садись и рассказывай нам все, что знаешь.

– А вам кто нужен? – удивился Хейзит, продолжая стоять. – Я вас знать не знаю, а в таком тоне общаться не намерен вовсе. Вероятно, вы меня с кем-то путаете.

– Садись, – еще более грубо повторил молодой *виггер* и, ухватив Хейзита за запястья холодными стальными пальцами, с силой дернул вниз. – Смотри, как бы тебя мамаша потом ни с кем не перепутала.

Это была угроза, но, судя по лицам обоих собеседников, вполне реальная. Хейзит сел и приготовился слушать. Вероятно, первое слово ожидалось от него, поскольку *сверы* тоже молчали, постукивая по столу. Хорошо еще, что их не догадались угостить пивом, а то с матери стало бы.

– Ну что, воды в рот набрал? – снова начал седой. – Выкладывай, где твой дружок?

– Смотря кого вы имеете в виду, – отпарировал Хейзит. – Если Локлана, то, насколько мне известно, он все еще в замке. Спросите у Ракли.

Произнесено это было с таким простодушием, что воин не сразу нашел, что ответить. Он переглянулся с напарником, и тот взял роль допрашивающего на себя.

– Имя Фейли тебе что-нибудь говорит?

– Разумеется. Это один из самых метких арбалетчиков, которых мне приходилось видеть на заставе Граки, – пожал плечами Хейзит. – К сожалению, это все, что я могу сказать людям, чьи имена и намерения мне неизвестны. Опасные времена наступают, знаете ли.

Молодой *свер* вскипел от такой неприкрытой наглости, но седой отодвинул его локтем и тяжело опустил на стол железный кулак.

– Про опасные времена мы тебе сами расскажем, если потребуется. Пока же ты должен отвечать на наши вопросы, а если нет, то мы отведем тебя в замок. Там для таких, как ты, есть *каркер*.

– А если у вас возникнут сложности с проходом внутрь, – в тон ему ответил Хейзит, запуская руку за пазуху, – то вот эта грамота, подписанная Ракли, откроет перед нами все ворота. – Он помахал свитком перед носом у изумленных слушателей и, не разворачивая, сунул обратно в кисет. – Ну так что, пойдемте?

Как он и ожидал, пыла у *сверов* поубавилось. Было бы счастье, да несчастье помогло, подумал Хейзит. Если бы не та встреча с патрульными *мергами*, когда он воспользовался любезностью Исли и заодно отстоял его лошадь, он бы ед-

ва ли догадался прибегнуть к тому же способу сейчас.

– Погоди, – нашелся первым седой. – Не торопись. Дайка поглядеть, что у тебя там.

Он, небось, еще и читать умеет, подумал Хейзит, неохотно подчиняясь и протягивая собеседнику кожаный сверток. Тот развернул его, бегло проглядел, правда, не как читатель, а скорее как торговец, рассматривающий товар, повертел в пальцах толстую сургучную печать с профилем Ракли и перевел строгий взгляд на беспечно улыбающегося юношу.

– Кто это тебе дал?

– Там все написано, – слукавил Хейзит.

– Кто тебе дал, я повторяю?

Нет, видать, с грамотой у него все-таки туго, решил Хейзит. Тем лучше.

– Главный писарь замка, Скелли. А Локлан ждет меня с донесением только завтра. Так что я не знаю, будет ли он доволен, увидев меня раньше времени. Чем еще могу быть вам полезным?

– Послушай, что я тебе скажу, малый. – Седой подался всем телом вперед, уперевшись круглым панцирем в край стола, и перешел на куда как более доверительный тон. – Ты занимаешься своими делами, мы – своими. Похоже на то, что заказчик у нас один. – Он прикусил язык, почувствовав, что сболтнул лишнего, однако невинная физиономия Хейзита развеяла его сомнения, и он продолжал, только еще тише: – Тем более ты должен содействовать нам, а не прере-

каться. Что ты знаешь о Фейли?

– Я вам уже все сказал, что знаю.

– Вы ведь вместе бежали из Пограничья?

– Можно подумать, что если сейчас у вас над головами проломится потолок, и все вокруг вспыхнет ярким пламенем, вы будете спокойно сидеть на месте и ждать, когда поджаритесь. Готов поспорить, вы тоже быстро-быстро побежите.

– Меня не слишком интересуют твои предположения, парень. Я хочу знать, кто такой этот Фейли и где его можно найти.

– Позвольте спросить, кто именно хочет знать? – окончательно справился с нервами и перешел в наступление Хейзит. – Доспехов на вас много, но для меня вы первые встречные, а с первыми встречными я не привык откровенничать.

– Меня зовут Лин, – пошел на попятную седой *свер*. – Лин Трехпалый, если точнее. – Хейзит бросил взгляд на обе руки говорящего, сжатые в кулаки и лежащие на столе. Все пальцы были на месте, однако то пальцы железные, а ведь даже у такого броненосца должно быть человеческое тело. – А это мой напарник Керли. – Черноволосый неприветливо кивнул, продолжая смотреть на Хейзита враждебно. – Теперь ты знаешь, с кем разговариваешь. Так где этот Фейли прячется?

– Прячется?

– Только не говори, что он не заходил сюда сегодня ночью и не разговаривал с тобой, – взял слово Керли.

– Сегодня? Я не виделся с ним с тех самых пор, как мы заночевали на заставе у Тулли. А до того мы провели вместе несколько отвратительных ночей в лесу, и это все наше знакомство.

– Но сегодня здесь был старик.

– А их и сейчас тут много, – заметил Хейзит, указывая на соседние столы, за которыми сидели посетители всех возрастов.

– Ты понимаешь, о чем мы спрашиваем, – покачал бородой Лин.

– Не вижу связи, между стариком, который под утро попросился посидеть в тепле да промочить горло пивом, и вашим драгоценным Фейли. Насколько я помню, Фейли намного моложе вас, *хелет* Лин.

– То есть, ты хочешь сказать, что это был не Фейли?

– Честно говоря, он так же, как и вы, не спешил представляться, а я был слишком усталым и хотел спать, чтобы настаивать. Может, его и звали Фейли, но тогда это просто совпадение.

Мороча им головы, Хейзит судорожно думал, кто же мог на него донести. Без доноса здесь явно не обошлось. Причем это кто-то должен был лично знать Фейли, чтобы разглядеть его в личине старика. Но при этом быть достаточно ленивым, чтобы не проследить за тем, куда он направится из таверны. Жаль, что сам он, действительно, поспешил уйти спать и не видел, кто сидел в зале, когда Фейли уходил.

Разве что Велла что-нибудь да вспомнит?

– Откуда ты сейчас пришел? – поинтересовался Лин. – Ведь ты же куда-то уходил? Или нам показалось?

Вопрос был слишком неожиданным, чтобы Хейзит успел сообразить, как лучше ответить.

– Гулял. Если вы меня в чем-то подозреваете, то так и скажите, но только сперва объясните, в чем именно.

– Если бы мы подозревали тебя в том, в чем подозревается твой приятель, то разговаривали бы сейчас не здесь.

– Это я уже слышал. А в чем, интересно, подозревается он?

– В заговоре, из-за которого погибли наши люди. В связях с *шеважа*.

Рот Хейзита так и открылся, причем на сей раз ему не пришлось это удивление разыгрывать.

– С *шеважа*?! С какой стати?

– Вот и нам бы хотелось это знать. – Керли с силой сжал рукоятку выглядывающего из-под стола меча. – Очень может быть, что это у него в крови. Его отец был убит при попытке переметнуться на сторону дикарей. Слышал об этом?

– Нет.

– Теперь знай. Похоже, сынок пошел по стопам отца. Ты говоришь, вы вместе служили на заставе Граки?

– Ну да.

– Не приходилось замечать, как он отлучается с заставы?

– До пожара я и видел-то его всего раза два. Понятия

не имею. Не думаю, чтобы кто-то мог отлучиться без ведома Граки.

– А с ведома мог?

– На что вы намекаете? – Хейзит слишком хорошо понимал, на что намекают незваные гости. Послушать их, так *эльгяры* с их заставы сами привели к себе в дом врага. Разве нет более простых способов свести счеты с жизнью? – Думаете, и Граки был с ним заодно? В таком случае, это был очень странный заговор, потому что *шеважа* застрелили Граки у меня на глазах. Сделали из него ежа своими поющими стрелами.

– Давай не будем сейчас об этом, – сказал после паузы Лин. – Лучше намотай на ус, который у тебя еще не отрос, что нужно держаться от человека по имени Фейли подальше. А если он снова появится здесь, не угощать его пивом, а посылать за нами. Понял?

– Не совсем. Куда посылать?

– Знаешь колодец возле рыночной площади? Скажешь тамошнему стражнику, чтобы нашел нас, или передай ему весточку. Теперь понял? – Хейзит ярко представил себе обоих *сверов* сидящими в ржавых от влаги доспехах внутри колодца и не смог сдержать улыбки. – Зря зубоскалишь, парень. Не искушай судьбу. Появится Фейли, сразу зови нас.

– А вознагражденье, значит, пополам? – пошутил он.

Виггерам эта шутка смешной не показалась, и они с лязгом встали из-за стола, злые, что их так и не угостили пивом,

а единственный свидетель оказался скользким, как улитка.

– Мы еще вернемся, – заверил Лин, опуская ладонь на плечо Хейзита и придавливая к лавке. – А ты, если не будешь дураком, сделаешь так, чтобы наш приход не был напрасным.

Уже второй раз меня называют дураком, подумал Хейзит, глядя вслед неторопливо удаляющимся железным воинам. И второй раз я чувствую, что они в чем-то правы.

– Что им было нужно? – поинтересовался вошедший в таверну Дит. – Подозрительные ребята.

– Да уж куда как подозрительные!

– С ними шутки плохи.

– Вы их знаете?

– Нет, но я вспоминаю твоего отца, который считал, что у *сверов* весь ум ушел в силу.

Дит что-то жевал, а его вздернутый нос словно принюхивался к Хейзиту.

Сзади неслышно подошла Велла. Хейзит почувствовал прикосновение ее руки и невольно поежился от удовольствия.

– Они вернутся?

– Ну, что до меня, то я их больше не приглашал. А ты была бы не против?

– Перестань говорить глупости! – Велла поправила непослушную прядь и стукнула брата кулачком в грудь. – Думаешь, они его найдут?

Хейзит отчетливо уловил сопение Дита. Тот по-прежнему стоял рядом и слушал их разговор.

– Кого найдут? – Хейзит внял внутреннему голосу, а голос этот нашептывал: «Будь осторожнее!». – Они спрашивали про одного арбалетчика, которого я последний раз видел на заставе. С таким же успехом они могли бы спросить, как мне понравился прошлогодний снег.

Велла нахмурилась, однако Хейзит выразительно покосился на Дита, и она промолчала.

Подошла Гверна.

– Похоже, ты так до сих пор и не научился выбирать друзей.

– Мама!

– А что мама? Тебе еще отец об этом говорил. – Гверна вытерла руки о передник. – Ужинать будешь?

– Нет, я сыт. Пироги получились на славу. Особенно с грибами.

– Представляю, как Харлин их жевал, – прыснула Велла.

Хейзит кашлянул. Вероятно, виной тому была удивительная история свитков и события последних дней, но только сейчас ему хотелось подозревать всех и каждого. Подозревать в предательствах, изменах, заговорах и убийствах, завуалированных под несчастные случаи. Кстати, в чем разница между предательством и изменой?

Он машинально задал этот вопрос Диту. Тот фыркнул, вздернул нос еще выше и, пробурчав что-то насчет измен-

чивых цен на рынке и предателях-лавочниках, поплелся обратно на улицу.

– Я бы не стал при нем откровенничать, – заметил Хейзит и, увидев на лицах обеих женщин изумление, добавил: – И при Маре тоже. Нет, это не глупости, Велла! – поднял он руку, предупреждая возражения, готовые сорваться с уст сестры. – Прошли те времена, когда можно было делиться новостями с мало знакомыми людьми. Правда, думаю, таких времен никогда и не было. Нужно держать язык за зубами и больше думать, – повторил он чужие наставления. – Когда я во всем разберусь, то дам вам знать.

Девушка начала было возмущаться, однако, к удивлению Хейзита, Гверна довольно резко одернула ее и тихо проговорила:

– Не забывай, что здесь таверна, а уши есть даже у стен и столов. А ты, сынок, обещай мне быть осторожнее. Уж больно мне все это не нравится.

Они разошлись, и каждый занялся своим делом. Велла скоро позабыла об этом разговоре, летая между столиками и кокетничая с посетителями, которых сегодня выдалось как-то особенно много. Гверна вернулась за стойку к вящей радости толпящейся перед ней компании: жаждущие холодного пива плотники, судя по болтовне, приступили к ремонту крыши в лавке лекаря и теперь гуляли на полученный задаток. Хейзит отправился в амбар проверять свои драгоценные *лиг'бурны*. Камни лежали на полках и производили впе-

чатление вполне удавшихся. На всякий случай он сложил их в угол и накрыл невзрачной тряпкой. Только сейчас ему пришло в голову, что завтра их придется каким-то образом доставить в замок. По отдельности они казались легкими, однако не будет же он таскать их по одному. Необходимо заранее подумать о телеге или хотя бы носилках.

– Дит! – окликнул он, в полной уверенности, что тот где-то поблизости.

Никто не ответил.

Хейзит вышел на улицу, и увидел, что темнеющее небо уже пронизали первые звезды.

Мать давно собиралась потратить отложенные деньги на покупку лошади да все никак не решалась. Насколько Хейзит знал, Дит в случае необходимости пользовался услугами извозчиков, для которых перевозка грузов с места на место была основным источником заработка. Большинство из них своих лошадей из-за дороговизны тоже не имели, а брали взаймы из замковых конюшен, чтобы ежедневно отдавать часть выручки специально предназначенным для этого служками, которых в народе так и называли – *ана'хабаны*, иначе говоря «отбирающие». Вместо общепринятого *фра'ниманы*, то есть «принимающие». Цены на лошадей прыгали в зависимости от сезона, однако Хейзит не слышал, чтобы кто-нибудь из извозчиков сколотил себе приличное состояние. Зажиточные торговцы и богатые ремесленники лошадей покупали, а те, кто не мог себе этого позволить,

старались обходиться собственными силами. Тем не менее, в некоторых случаях, как правило, при больших разовых перевозках, нанимать извозчиков оказывалось выгодно. Если только ты не знаком с владельцем конной повозки, которая именно сейчас ему не нужна. Тогда можно было договориться о какой-нибудь взаимной услуге и обойтись вообще без лишних трат. Жаль, что Исли не собирался появляться раньше, чем дня через два-три. Ну да ничего, Дит что-нибудь обязательно придумает. Куда же он запропастился?

В таверне было шумно и жарко. Хейзиту не хотелось спать, и он решил побродить по округе, подышать свежим воздухом, а заодно придумать что-нибудь насчет завтрашней поездки в замок.

Хорошо бы, конечно, знать заранее, как отнесется к его изобретению Ракли. Это будет зависеть, скорее всего, от того, кто в его натуре преобладает: истинный военачальник, пекущийся о благоденствии своего народа, или расчетливый торговец, знающий всему цену и умеющий преумножать и без того немалые богатства. У *вабонов* было не принято об этом говорить, однако Хейзит, любивший счет ничуть не меньше, чем чтение, временами прикидывал в уме, сколько *силфуров* мог получать замок изо дня в день. И всякий раз он сбивался, не зная наверняка, каково на самом деле население Большого Вайла'туна, включая *фолдитов* и рыбаков. Но цифры, даже если учитывать один только Малый Вайла'тун, получались умопомрачительные. Каждые десять дней

в таверну «У Старого Замка» являлся *ана'хабан* по прозвищу Кислый Токи, получивший его за вечно недовольное выражение на морщинистом лице. Он приходил к ним еще в те времена, когда был жив Хокан. Впоследствии мать жаловалась, что после гибели отца с них стали брать даже больше, чем прежде, когда дела в таверне только-только набирали обороты. Кислый Токи оправдывался тем, что с тех пор слишком многое изменилось, и растущее количество застав Пограничья требует большей поддержки. Нет, разумеется, он вовсе не оправдывался, как бы ни хотелось этого Гверне и ее семейству, а вкрадчиво и терпеливо объяснял, морща лоб и все время словно выискивая что-то в своих многочисленных свитках, где значились вверенные ему плательщики оброка – *гафола*, начислявшегося еще одним нелюбимым всеми *вабонами* человеком, имени которого Хейзит не знал. В обиходе его принято было называть просто – Казначей. Казначей ведал делами замка и точно исчислял, кому и сколько следует отдавать *силфуров* за право беспрепятственно вести торговлю, заниматься ремеслом или, как в их случае, кормить и поить людей. Когда Хейзит вырос и узнал о подобных порядках, он крайне удивился тому, что его родители, такие взрослые и сильные, отдают свои деньги какому-то неказистому человечку, вооруженному одним-единственным кинжалом и тыкающему любому недовольному в нос скрепленные сургучными печатями свитки. Отец тогда поведал ему, что за покой в жизни и делах приходится

платить, но это вовсе не страшно, поскольку Кислый Токи забирает только излишки, без которых они запросто могут обойтись. Хейзит отказывался это понимать.

Однажды он на собственном опыте узнал, что означает тот самый покой, о котором говорил отец. Неподалеку от таверны находилась лавка медоноса, с сыном которого Хейзит был в приятельских отношениях. В один вовсе не прекрасный вечер, когда мальчишки беспечно играли в садике перед домом, через изгородь перелезла ватага незнакомых им подростков и учинила настоящий погром расположенным здесь же ульям. Пчелы взбесились и стали набрасываться на всех и вся. Хейзиту чудом удалось избежать их укусов, равно как и палок зверских молодчиков, сбежавших так же внезапно, как и появившихся. Гверна еще два дня не позволяла ему выходить на улицу, а Хокан только сжимал кулаки и сокрушался, что был в это время на стройке и не мог разобраться с нахалами. На вопрос испуганного сына, а не нагрянут ли они, как пчелы, и к ним в таверну, отец покачал головой и ответил загадкой:

– Мы еще ни разу не выпроваживали Токи с пустыми руками.

Связи между сборщиком *гафола* и нападением на пасеку, кроме него, никто тогда вслух не высказал, однако Хейзит со свойственной ему внимательностью не пропустил этого замечания мимо ушей. Со временем он сам стал догадываться о том, что уклонение от постоянных выплат в пользу

замка – «на нужды застав Пограничья» – чревато крупными неприятностями. Кислый Токи всегда был вежлив и никогда не угрожал. Однако Хейзит слишком хорошо помнил еще один случай, когда им с приятелями стоило зазеваться в яблоневом саду Сварливого Брыса, и их тут же сцапали выросшие словно из-под земли вооруженные *мерги*. Родители, получившие своего сорванца из их в полном смысле слова железных рук, устроили Хейзиту показательную трепку, а он между тем сделал собственный вывод: видать, одноногий мельник исправно платит установленный ему Казначеем *гафол*.

Поскольку размер *гафола*, однажды назначенный, мог не изменяться на протяжении многих зим и не зависел от прибылей плательщика, хуже всего приходилось *вабонам* в неурожайные сезоны, когда цены на продукты взлетали до небес по причине очень скудного предложения этих самых продуктов на рынке, а чтобы все-таки платить за них, все остальные торговцы и ремесленники делали со своими расценками то же самое. *Гафол* же каким был, таким и оставался. Кислый Токи уклончиво отвечал, что, мол, по его прогнозам следующее лето обещало быть урожайным, и Гверне остается лишь дождаться его прихода. Ему было легко говорить, а все содержатели таверн, трактиров и пивных оказывались зажатыми между двух огней. Дорожало их сырье, так что для сохранения хотя бы маломальских прибылей приходилось поднимать цены для посетителей. Посетителями же

являлись не менее скованные в средствах *вабоны*, поток которых в эти столь любимые ими в обычное время заведения заметно иссякал. Чтобы окончательно не остаться на бобах, Гверна изыскивала всяческие возможности цены снижать. Не в ущерб качеству еды, конечно, но за счет введения дешевых блюд и пива попроще. В ход шли всякие заготовки с прошлых зим, вяленое мясо да высушенные фрукты. В итоге многое приходилось продавать чуть ли не по себестоимости, а с появлением Кислого Токи прибыль превращалась в убыль.

Неплохо сводили концы с концами лишь те из знакомых Хейзита, кому удавалось совмещать под одной крышей несколько источников прибыли. Особенно, если Казначей знал только об одном из них. К примеру, тот же Бром, то есть Сварливый Брыс, если верить рассказам Дита, подрабатывал тем, что установил на своей мельнице специальные сита, через которые процеживалась замутненная мельничными лопастями вода и в которых нет-нет, да и застревал какой-нибудь драгоценный камешек, а то и золотой песок. Впоследствии все это так или иначе оказывалось в руках ювелиров, тогда как для замка Сварливый Брыс оставался законопослушным мельником. Дит предполагал, что тамошний *ана'хабан*, отвечающий за сбор *гафола* с обитателей обводного канала, осведомлен об этих хитростях, но либо жалеет Брома, что вряд ли, либо участвует в доле, что более правдоподобно, хотя и недоказуемо. Странно, думал Хейзит,

почему Дит так уверен в том, будто мельник не отдает двойной *гафол*? А если, действительно, уверен, почему не донесет на него? Сам Хейзит не донес бы ни на кого, даже если бы знал, но Дит – другое дело. Он такой правильный, такой честный, всегда возвращает Гверне все до последнего *силфура*, чтит порядки Вайла'туна и не чурается сплетен!

Как подмастерье Хейзит пока не платил ничего, хотя и готовил себя к работе вне родительской таверны. Деньги, которые он получил накануне недавней поездки в Пограничье, не облагались *гафолом*, поскольку считались потраченными на благо замка. Если же теперь, вернувшись не только с позором и сомнениями, но и с интересными идеями, Хейзит возьмется за производство *лиг'бурнов*, ему надлежит проявить сознательность и самому направить Казначею грамоту с просьбой учесть его в обходном списке Кислого Токи, то есть, разумеется, просто Токи или даже уважаемого *фра'нимана* Токи. Когда грамота вернется обратно, в ней будет прописана сумма, которую ему придется вручать Кислому Токи через каждые десять дней. Обидно, а что делать? Не отбиваться же потом *лиг'бурнами* от шайки невесть кем подосланных подростков.

Сам того не замечая, Хейзит вновь приближался к дому Харлина. Делать этого явно не стоило. Хотя бы сегодня ночью. Если ищейки замка, кем бы они ни были, уверены в том, что ему известно местопребывание Фейли, они без сомнений устроили за ним слежку и теперь прячутся где-нибудь

в тени соседних переулков, наблюдая за каждым его шагом.

Это надо же было додуматься подозревать Фейли в заговоре с *шеважа*! Ни одному здравомыслящему *вабону* подобная мысль не придет даже в голову. Зачем? Чтобы их руками отомстить Ракли? Но так не мстят: гибнут ни в чем не повинные воины, а Ракли далеко и, похоже, вовсе не спешит собственными глазами увидеть место первого за много зим крупного поражения. Есть о чём задуматься. Только чем мог на самом деле провиниться Фейли? Почему Ракли не предпринимал никаких попыток схватить его, когда тот верой и правдой служил народу *вабонов* на заставе Граки, и почему вспомнил о нем теперь? Потому, что раньше он не вызывал подозрений? Но тогда, простите, и Фокдан, и сам Хейзит должны заслуживать подозрения не меньше его. Их всех можно назвать «беглецами». Однако Ракли не тронул их. Правда, сегодня нет, а завтра – кто знает?

Хейзит не помнил, чтобы ему когда-либо приходилось слышать о том, что замок устраивает охоту за неугодными ему жителями Вайла'туна. Начать, конечно, никогда не поздно. И Фейли, по сути, не худший выбор. Он дружен с бывшим главным писарем, а тот, похоже, знает слишком много того, о чем ему знать не следовало. И потому опасен. Однако с Харлином опять-таки до сих пор ничего не сделали, хоть он, судя по всему, и боится каждого шороха. Нет, что-то во всей этой истории с заговором и *шеважа* определенно не сходится. Как там говорил Фейли? Все взаимосвязано?

Нагулявшись и надышавшись свежим воздухом, Хейзит уже собрался было повернуть домой, когда сначала услышал крики, а потом увидел над крышами домов яркие всполохи. Не будь той страшной ночи на заставе, он бы принял их за всполохи вечерних зарниц или на худой конец за вспышки праздничных огней, которыми обычно возвещают о начале представления уличные музыканты. Но сейчас Хейзит сразу понял: в Вайла'туне пожар.

Внезапно нахлынувший ужас погнал его домой, в таверну, к ни о чем не подозревавшим сестре и матери, однако отчаянное любопытство одержало верх над здравым смыслом, и он, застыв на мгновение в нерешительности, стремглав бросился туда, откуда доносились все усиливавшиеся крики.

Вскоре он уже был в толпе спешащих в одном направлении людей.

Он даже удивился тому, сколько их может оказаться на улице в столь позднее время. По вечерам Малый Вайла'тун обычно почти вымирал: *вабоны* постарше или обремененные семьей оставались дома, а те, что посвободнее отправлялись в соседние трактиры и таверны скоротать время за кружкой-другой пива и обменяться мнениями по поводу произошедшего за день. Сейчас у Хейзита возникло ощущение, что сюда сбежались чуть ли не все жители. Поскольку существовало выражение «бояться больше огня», понятно, что самого огня здесь боялись куда сильнее.

Кто-то сунул ему в руки ведро с водой. В спешке он расплескал половину, а потом долго не мог пробиться к столбу огня из-за обступившей его плотной толпы, пока ни сообразил, что ведро нужно просто передать по цепочке дальше.

Снова схватил ведро.

Снова передал.

Обратно вернулось пустое ведро.

– Быстрее! – кричали впереди.

– Не лейте в огонь! Лейте на дома! – кричали сзади.

Приток полных ведер иссяк.

Гомон толпы заглушался треском пламени.

Хейзиту захотелось зажмуриться и закрыть уши, настолько явственно он вспомнил свои ощущения тогда, в лесу, у подножья охваченной пламенем башни, которая грозила вот-вот обрушиться ему на голову.

Единственная разница заключалась в том, что на заставе постройки стояли достаточно далеко друг от друга, а здесь даже при слабом ветре огонь грозил в любой момент перекинуться на соседнюю крышу. И пусть сейчас завывания огненной стихии и крики людей не перекрывало пение разящих насмерть стрел, Хейзита с новой силой охватило желание развернуться и без оглядки кинуться прочь.

Остановило его только то, что он, несмотря на скопление народа, узнал это место: погребальный костер пылал над останками дома Харлина.

Это открытие настолько поразило Хейзита, что он снача-

ла не поверил своим глазам. Совсем недавно он был здесь, разговаривал с писарем и его тайным гостем, вместе с ними ел принесенные из дома пироги, слушал удивительную историю свитков – и вот все это полыхает оранжевой гривой всклокоченных огненных волос.

В происходящем был какой-то смысл, однако Хейзит не улавливал его.

Почему никто больше не тушит дом?

Почему толпа отхлынула от огненного столба и делает вид, будто вовсе не замечает его?

А, понятно! Теперь вода из ведер с шипением выплескивается на стены ближайших построек, не позволяя им заняться от тянущихся к ним языков неутолимого пламени. Вон в толпе мелькают знакомые лица. Растрепанная Эльха, не замечая, что на ней почти нет одежды, мечется между костром и своим домом с мокрыми простынями, которые уже начинают дымиться от жара. Ее плачущих муж, вместо того, чтобы помогать ей, горестно заламывает руки и умоляет соседей спасти его жилище. Кто-то окатывает его с головы до ног водой и бежит дальше, к расположенному тут же колодцу, возле которого толпятся люди с пустыми ведрами, а Дит и еще несколько добровольцев с остервенением вращают рукоятку подъемного механизма.

– Не стой на дороге! – орет ему в ухо здоровенный детина, похожий на Исли, и чуть не сбивает с ног длинной жердью.

Вот уже одна за другой жерди возносятся над пожаром

и начинают монотонно подниматься и опускаться, с грохотом руша обугленные балки перекрытий.

– Искры! Прекратите! Они нас спалят! – раздается истошный визг, но удары жердей только убыстряются, а мириады огненных жучков взлетают к черному небу и кружат там в поисках новой добычи.

Между тем, жерди возымели свое действие: пламя опало вместе с обрушившимися стенами, жар поубавился, опасность распространения огня прошла. Толпа с ведрами снова переключилась на единственный пострадавших дом. Не просто пострадавший, а почти стертый огнем с лица земли.

Толпа на глазах редела. Крики постепенно стихли, уступив место возбужденному гулу. Опасность миновала, и люди наконец-то смогли задуматься о том, что же произошло.

– Чей это был дом?

– А ты не знаешь разве? Писаря.

– Писаря?

– Харлина Шепелявого.

– Да будет милостива к нему Квалу! Как же это случилось?

– Не знаю. Я уже собирался спать, когда услышал крики.

– Посмотрите на эту Эльху! Она и здесь не упускает времени, чтобы продемонстрировать свои прелести.

– Отчего произошел пожар?

– Скорее всего, старый Харлин сам его устроил. Он постоянно по ночам лучину жег.

– За что и поплатился.

– Зря вы так. Хороший был человек. Мухи не обидит.

– Я ему до сих пор за два свитка должен.

– Считай, что уже не должен.

– Да брось ты! Может, все еще обойдется.

– Эй, никто Харлина не видел?

– Нет.

– А я видел, как от его дома кто-то с факелом горящим убегал перед пожаром.

– Хочешь сказать, его подпалили?

– Да брехня все это! Кому старый писарь сдался?

– А раз видел, чего ж не поймал?

– Не слушайте вы его! Какой дурак специально дом поджигать будет?

– А враги у него были?

– Был. Один. Старость.

– А я вот вам что скажу. Если и был поджигатель, то, знать, не из наших мест.

– Ну и хватил! Это почему ж так?

– Да у нас любой знает, чем один пожар может обернуться. Смотри, как всем миром навалились и затушили в конце концов. Потому что иначе все полыхнуло бы. Нет, свой поджигать бы не стал.

– *Шеважа*!

– Что?!

– Где?!

– Откуда им тут взяться?

– А мне почем знать? Только кто еще мог такое устроить?

– А ты не слышал, как они целую заставу намедни спалили?

– То застава в лесу, а то дом посреди Вайла'туна. Отсюда и до замка рукой подать.

– Вот и я про то же.

– Про что?

– Да не про что. Иди лучше спать.

Хейзит слушал эти обрывки разговоров, а сам судорожно пытался понять, что же могло случиться в самом деле. Поискал в толпе Дита. Может быть, он знает?

Возле колодца остались лишь наиболее упорные. Медленно накручивалась на бревно железная цепь с плескающимся ведром. Чьи-то руки выхватывали его из колодца и опорожняли в другое, которое передавалось по рукам дальше и выливалось одним последним взмахом на жертвенный костер.

Еще одна ночь потеряна, подумал Хейзит. Сейчас он не мог просто взять и уйти отсюда, не дождавшись возможности побродить по пепелищу и удостовериться в том, что вместе с Харлином погибло все его достояние, заваленное грудой углей в подвале. Если так оно и окажется, что ж, увы, тайну замка и владеющего им рода постигнет предписанная ей судьбой участь: сгореть в пожаре. Если же нет, тогда он тем более хотел бы попасть в подвал первым, чтобы вынести оттуда драгоценные рукописи. Ведь неизвестно, кому они

могут достаться, и что будет, если заключенная в них правда в прямом смысле слова выйдет наружу.

Цокот копыт возвестил о приближении отряда *мергов*.

Толпа попятилась. Продолжали свою работу только те, кто впряглись в переливание ведер из колодца на догорающий костер.

Во главе отряда, вышедшего в блеске лат и с копьями наперевес из-за дома пекаря на внезапный простор пепелища, гарцевал всадник, в котором Хейзит, присмотревшись, признал одного из тех двоих, что вчера останавливали телегу Исли. Сегодня он имел еще более угрожающий вид и взирал на происходящее поверх голов.

– Что это за безобразие? – начал он, не без труда удерживая коня на одном месте. Конь с ужасом косился на тлеющие угли и норовил податься назад.

– Приехал бы раньше, сам бы все увидел, – бросил кто-то из толпы.

Мерг свирепо огляделся, но не поддался на провокацию. Едва ли он осознавал свою вину за то, что пожаловал к месту событий только сейчас, когда все уже было кончено.

Подгоняя коня шпорами, он приблизился к ближайшим углям, привстал на стременах и заглянул вперед.

– Чей это был дом?

Хейзиту показалось, что он вновь и вновь переживает одну и ту же минуту. Вот сейчас, кто-нибудь ответит, что, мол, писаря, а он спросит, отчего произошел пожар.

– Там прятались заговорщики, – выкрикнули из толпы.

Поднялся гул.

– Кто сказал? – *Мерг* развернул коня. – Какие заговорщики?

Ему не ответили.

Однако Хейзит был готов поклясться, что узнал голос кричавшего. Он юркнул за спину стоявших плотным кольцом людей и принялся осторожно пробираться туда, где надеялся застать бывшего друга своего отца и бескорыстного помощника матери – востроносого Дита.

Мерг отдал между тем своим подчиненным приказ спешиться и приступить к расчистке образовавшейся площади от дымящихся обломков дома и посторонних. Никто не спешил расходиться, но и помогать *виггерам* взялись лишь немногие добровольцы.

В народе считалось, что ежедневная и еженощная охрана спокойствия в Малом Вайла'туне – обязанность *мергов*, отряды которых замок исправно отряжал на патрулирование запутанных улочек. В Большом Вайла'туне они тоже изредка появлялись, но там *вабоны* брали заботу о своей безопасности в собственные руки и не ждали ни от кого помощи. Зато и *гафол* они традиционно платили гораздо меньший. Нельзя сказать, чтобы конные отряды, гарцевавшие вдоль Стреляных Стен и обводного канала по ночам и разбивавшиеся на пары днем, были всегда при деле. Кроме незначительных потасовок в районе рыночной площади да редких домашних

скандалов, в которые никто из посторонних не спешил вмешиваться, ничего обычно не происходило. Однако *вабоны*, а тем более те их них, кого относили к разряду *эделей*, чувствовали себя под надежной охраной. Тем обиднее им было обнаруживать, как, например, сейчас, что в нужный момент помощь может опоздать или не прийти вовсе. А ведь пожар в Вайла'туне был событием из ряда вон выходящим. Оставшемуся на коне *мергу* и его подручным можно сказать повезло, что поблизости не оказалось ни одного *эделя*. Не то уже до рассвета в замке стало бы известно об их непростительном опоздании. Простые жители едва ли пойдут на это. Пожар удалось потушить, а чьими усилиями – да кому какая разница?

Размышляя на эту тему, Хейзит упорно продолжал свои поиски. Дита нигде не было видно. Неужели это и вправду его рук дело? Хейзит считал, что его. Уж больно гладко складывалось в единую картину все, что он знал: Дит запросто мог видеть Фейли, когда тот впервые зашел вместе с Хейзитом ночью в таверну и на время избавился от личины старика; он присутствовал при разговоре Хейзита с сестрой и матерью, когда Велла неосторожно упомянула Харлина; он бы одним из первых, кого Хейзит заметил на пожаре; наконец, этот голос в толпе, произносящий слово «заговорщики», которым с такой уверенностью пользовались те двое *сверов*, что разыскивали в их таверне Фейли. Теперь ему нужно во что бы то ни стало отыскать и призвать Дита к от-

вету.

Люди неохотно уступали ему дорогу. Возникшая на пути Эльха стала единственной, кто при виде него выразила радость, но он шарахнулся в сторону от ее пышной груди и… заметил Дита. Тот отступил в темноту прохода между домами и разговаривал с кем-то, кого Хейзит никогда прежде не видел. Собеседник Дита оживленно жестикулировал, то и дело указывая на пепелище, потом кивнул, подхватил длинные полы своей рубахи и поспешил не куда-нибудь, а к стремени *мерга*.

Хейзит притаился, наблюдая за тем, что последует дальше, и стараясь не спускать глаза с Дита, который остался стоять в темноте.

Мерг наклонился к лысеющей голове посыльного, молча выслушал его, отмахнулся, но, выпрямившись в седле, громогласно объявил:

– Представление закончено! Всем расходиться по домам! Того, кто не выполнит моих распоряжений, ждет наказание. Здесь больше нет ничего интересного.

Люди возмущенно загалдели, однако не нашли, что возразить тому, на чьей стороне была сила, и стали разбредаться восвояси.

Хейзит не придумал ничего лучше, как перемахнуть через изгородь ближайшего дома и залечь под кустом. Сквозь щели в досках он продолжал лицезреть то, что осталось от жилища Харлина, хотя и упустил при этом из вида Дита.

Мерги принялись тщательно разгребать дымящиеся завалы. Одни пользовались копьями, другие предпочитали топорики на длинных рукоятках, до сих пор притороченные к лукам седел, третьи не гнушались рубить не прогоревшие до конца поленья мечами, хотя Хейзит всегда предполагал, что использовать оружие не по прямому назначению все равно что осквернять его. Это навело его на мысль, что если вдруг из пекла восстанет хозяин дома или сам Фейли, горе-спасатели прикончат их с такой же незатейливой решимостью.

Главный *мерг* по-прежнему сидел на спине своего рысака, которому явно наскучило топтаться на одном месте, и он то и дело воротил морду в сторону замка. Всадник настойчиво удерживал его сильной рукой в железной перчатке и продолжал переговариваться с посыльным Дита.

Хейзит постарался запомнить черты этого человека.

Кроме длинной, чуть ли не волочащейся по земле рубахи, на нем был пояс из простой веревки, несколько раз обмотанной вокруг намечающегося живота и заканчивающейся довольно странными не то кожаными, не то металлическими шарами размером с половину кулака. Подобные пояса Хейзиту приходилось видеть на заставе у двух или трех *эльгяр*, и он знал, что мирно они только выглядят, а на самом деле предназначены для боя сразу с несколькими противниками. Пояс распускался, перехватывался посередине и превращался в умелых руках в грозную двойную палицу с тяжелы-

ми грузилами на концах. Хейзит за ненадобностью позабыл названия этого примечательного пояса, однако помнил, как один из *эльгяр* показывал свое мастерство во владении им: он умудрился не подпустить к себе двух нападавших, оглоушить одного, вырвать меч из рук другого, а когда тот обратился в постыдное бегство, метнуть пояс вслед и перехлестнуть ему ноги так, что бедняга кубарем покатился по траве.

Внешность у незнакомца была самая что ни на есть заурядная, если не считать проплешины на макушке, делавшей его старше своих зим. Еще Хейзит отметил слишком тонкий рот, больше походивший на щель, с плаксиво опущенными углами.

Хейзит был совершенно уверен в том, что никогда не встречал этого человека прежде, ни в Вайла'туне, ни тем более в таверне «У Старого Замка». Откуда же его мог знать Дит, считавшийся домоседом и выходивший прогуляться разве что до рынка? Может, там они и познакомились? Правда, какое это теперь имеет значение? Дит, хоть и прячется сейчас в укрытии домов, выдал себя с головой. Именно он узнал и выследил Фейли. Именно он подослал в таверну тех двух *сверов*. Именно он воспользовался наивностью Веллы и понял, где тот прячется. Именно он, скорее всего, был тем, кого заметили убегающим с факелом от уже горящего жилища Харлина. И теперь он, как стервятник, нацеливающийся на падаль, готовился полакомиться тем, что останется после выполняющих по сути его же приказ *мергов*.

Некоторые бревна из пепелища были оттащены к изгороди, за которой прятался Хейзит. Он слышал, как вконец измотанные *мерги* втихаря кляну своего начальника, бубня себе под нос, что с охотой уступили бы ему место, а то уж больно чистеньким он умудряется выходить даже из пожара. Один из *мергов* удосужился назвать его по имени – Андохас. Хейзит запомнил. Пересчитав по головам отряд, он удостоверился в том, что, скорее всего, это Андохас занимает пост десятника.

Прошло довольно много времени, прежде чем незнакомец отклеился от стремени Андохаса и, осторожно переступая через тлеющие то здесь, то там головешки и смешно задирая подол, принялся бродить по пепелищу, что-то явно выискивая. Хочет найти трупы, догадался Хейзит. Интересно, что он будет делать, если таковых не окажется?

Предчувствия Хейзита не обманули.

Время шло, и незнакомец становился все раздраженнее. Он уже пользовался не только переданным ему копьем, но и ногами, расшвыривая в разные стороны ни в чем не повинные угли и поднимая облака пепла. Наклонившись, брезгливо подцепил копьем какой-то предмет, поднес к самому лицу и возмущенно отшвырнул, да так, что тот, погромыхивая, докатился до изгороди, из-за которой Хейзит со внезапным облегчением признал в нем клетку с обгоревшим трупиком филина.

Хоть какая-то польза от пожара, подумал Хейзит и стал

во все глаза смотреть, удастся ли незнакомцу отыскать вход в подвал. Через некоторое время ему стало ясно, что вряд ли, поскольку все поиски ограничивались задачей найти тела хозяина и его гостя.

Помогавшие по мере надобности ворошить угли воины первыми объявили об этом вслух.

– Похоже, никто, к счастью, не погиб, – сказал один из них, убирая меч в ножны и обращаясь к Андохасу, который не мог скрыть своего равнодушия по этому поводу.

Зато если бы *мерг* заметил взгляд, брошенный на него человеком в длинной рубахе, он бы наверняка выхватил меч обратно и принял защитную стойку. Хейзит все это видел и ехидно посмеивался.

– Здесь нам больше нечего делать, – принял решение Андохас. – Пусть утром сюда приходят другие, а мы двинемся дальше. Ночь только начинается, и кто знает, где еще могут оказаться все эти ваши заговорщики.

Незнакомец хотел было возразить ему, однако *мерги* уже повскакивали в седла и потянулись вереницей прочь, прихватив с собой факелы, оставленные давно заснувшими в своих постелях *вабонами*, довольными уже тем, что на сей раз беда обошла их стороной.

Неужели никто так и не понял, что тут только что произошло, думал Хейзит, следя за удаляющейся кавалькадой. Говоря по правде, самого его тоже одолевали сомнения относительно причин всех этих неожиданных событий, но он хоть

знал, кто за ними стоит. Немного терпения, и ему откроется истина. Кроме терпения, понадобится осторожность. И везение. Последнего ему не занимать, судя по тому, что до сих пор он оказывался в самой гуще круговерти загадок, намеков и подозрений. Теперь крайне важно не упустить нить.

Когда последний всадник скрылся за домом, Хейзит встал на ноги и смог выглянуть поверх изгороди, доходившей ему до плеча. Не успел он заметить, куда направился незнакомец и где прячется Дит, как позади раздался грубый окрик:

– Тэвил! Кого это носит по моему саду! Ну, погоди у меня, сейчас я выйду!

Ждать Хейзит не стал. Метнувшись в сторону, чтобы не свалиться прямо на черные головешки, он ловко перемахнул через изгородь и, пригнувшись, обежал дом с другой стороны, спугнув нескольких мальцов, которые, очевидно, тоже прятались в темноте, надеясь покопаться в пепелище, когда все разойдутся. Дети с визгом разбежались, что было Хейзиту только на руку: пусть хозяин дома и все, кто сейчас прислушивается, думают, будто это всего-навсего проделки ребятни.

Только бы не натолкнуться на Дита и его тайного приспешника, мелькнула мысль. Кстати, где они?

Он обогнул дом, потом второй, оказавшийся жилищем пекаря и его выдающейся во всех отношениях женушки, заглянул в ближайшие проулки, однако никого там не застал. Неужели они тоже убрались восвояси, наивно решив, что

на сегодня их задача по поиску заговорщиков выполнена?

Стоило Хейзиту поставить себя на место того, кто не знал о наличие в доме писаря большого погреба, как он осознал, что едва ли околачивался бы сейчас здесь в ожидании сам не зная чего. Вероятно, он поспешил бы обратно в таверну рассказать обеспокоенной его долгим отсутствием матери о том, что их добрый знакомый Харлин погиб в огне, а вместе с ним – мятежный арбалетчик Фейли, бежавший из одного пекла, чтобы попасть в другое.

Кстати о таверне! Если Дит ушел отсюда, очень может быть, что он направился именно туда. И если выяснится, что Хейзит до сих пор где-то бродит, это вызовет у Дита справедливые подозрения. Хотя, какое ему дело? Диту выгодно, скорее всего, продолжать разыгрывать полную непричастность к происходящему и таким образом оставаться в роли доносчика замка, роли, которую он исполняет неизвестно с каких пор.

Хейзит подобрался к одиноко стоящему посреди дороги колодцу, сел на влажную от разлитой вокруг воды землю и призадумался.

Почему же неизвестно? Разве Харлин не намекал при их последнем разговоре на то, что большинство несчастных случаев таковыми вовсе не являются? То есть, если он прав, гибель отца, его падение с собственноручно выстроенной стены в ров, не было случайностью. Хокан дружил с опальным писарем Харлином. Даже построил ему дом, который

теперь лежит грудой углей. Не означает ли это, что Хокан мог знать то, о чем знает Хейзит: про переписанные свитки, двух жен Дули и еще многое другое, про что Харлин не успел упомянуть? И на свою беду поделился этим открытием с ближайшим другом, тоже строителем – Дитом. А тот, не долго думая, выложил все Ракли и получил доходное место личного осведомителя с заданием продолжать слежку за всеми подозрительными личностями, которые вступают в связь с бывшим старшим писарем замка.

Нового замка.

Хейзит аж подскочил от внезапной догадки.

Ну, конечно! Какого же еще? Отец погиб от руки предателя, но успел незадолго до смерти передать ему, своему сыну, весточку, смысл которой он постиг только сейчас, сидя в грязи у сослужившего сегодня добрую службу колодца.

«У Старого Замка». Это не просто название таверны. Это гораздо больше, чем название. Это – своего рода завещание ему, сыну. И всем тем, кто знает правду об истории *вабонов*. Завещание настолько хитрое, что даже Дит не понял его смысла. Подобные ему наверняка сочли «У Старого Замка» выражением преданности старине Меген'тора, и потому никто до сих пор не додумался заставить Гверну сменить табличку при входе. «У Замка» звучало бы слишком очевидно. «У Нового Замка» – слишком вызывающе, чтобы не привлечь внимание преданных Ракли людей. А вот «У Старого Замка» было именно тем выражением, между слов которого

скрывался намек на разницу между просто «замком» и тем, каким ему надлежало быть.

Хейзит в возбуждении стукнул кулаком по каменной кладке колодца. Он разгадал! Он понял отца! Теперь он точно знает, что все рассказанное Харлином – правда. Во всяком случае, так считал его отец. Кто же еще из завсегдатаев таверны догадываются об истинной природе ее названия?

Что-то было не так…

Хейзит осмотрелся. Вокруг все было тихо.

Опустил взгляд на свою руку. Снова сжал ее в кулак. Кулак ныл от удара. Колодец-то был из камня. Здесь, где все постройки из дерева, а камень ценится превыше всего уже потому, что его запасы давно иссякли, обыкновенный колодец имеет каменные стены!

На всякий случай он провел ладонью по шершавой кладке.

В темноте не разглядишь, но ошибки быть не могло. Колодец из камня. причем, судя по узкой форме выступов, из того же, что и Меген'тор.

Это открытие настолько поразило Хейзита, что в первый момент он схватился за голову, словно боясь ее потерять.

Жить всю жизнь поблизости, учиться в доме Харлина, иногда захаживать сюда за водой, стоило матери заподозрить содержимое ближайшего к таверне колодца в недостаточной чистоте для варки ее знаменитого пива, чтобы только сейчас заметить это совпадение! Да и совпадение ли? События

последних дней красноречиво намекали на то, что во взрослой жизни, к которой он с некоторых пор имел непосредственное отношение, почти любое совпадение можно объяснить, если знать, зачем оно нужно. Насколько Хейзит помнил, крупных пожаров в Малом Вайла'туне не происходило за его бытность ни разу. Таких, чтобы дом сгорал целиком да еще грозил подпалить соседние постройки. И вот, стоило *шеважа* научиться обращаться с огнем и сжечь их заставу, а ему – вернуться домой, как пламя словно идет по его следу. Или по следу кого-то из его новых знакомых, точнее – одного из них: Фейли. Домыслы? Хейзит первым усомнился бы в существующей здесь связи, если бы все это ни происходило у него на глазах. И вот теперь перед ним оказалась еще одна загадка вопиющая о том, чтобы ее не оставили без внимания. Колодец и Меген'тор. Что между ними могло быть общего? Материал, из которого они сложены. Но раз главная башня замка – единственная в своем роде, во всяком случае, считается таковой, значит, колодец связан с ней по крайней мере временем постройки. Если бы Ракли позволил тратить на колодцы камни, он был бы сложен из природного камня, а не из этого, искусственного. Не зря же все остальные колодцы в обоих Вайла'тунах деревянные. И те, которые были вырыты до рождения Хейзита, и те, что роются сегодня. Существовало даже расхожее мнение, будто деревянные брусья – единственный пригодный для постройки колодцев материал, поскольку дерево способствует очистки подземных вод.

Те, кто рыл в свое время этот колодец, придерживались, вероятно, иного мнения. Или просто-напросто не были с ним знакомы.

Предаваясь всем этим размышлениям, Хейзит пытался сделать из них хоть какой-нибудь правдоподобный вывод, но тщетно. Колодец был перед ним, его можно было пощупать, в него можно было при желании заглянуть и послушать эхо собственного голоса, но как он оказался здесь, когда и, главное, зачем, если иметь в виду, что из замка сюда едва ли кто-нибудь когда-нибудь спускался за водой, непонятно.

Хейзит лежал животом на холодном колючем камне и пытался увидеть отсветы луны на далекой поверхности, когда его рассеянное внимание привлек блик света, исходившего явно не сверху. Блик был оранжевым и трепетал, как если бы внутри колодца кто-то невидимый додумался развести костер. Что за чудеса, мелькнуло в голове, неужели опять пожар? Только на сей раз, похоже, пожар подводный…

Ничего подобного ему видеть не приходилось. Заглядывая в любой колодец днем, ты видишь собственное маленькое, неразборчивое из-за ряби отражение на фоне белого квадрата неба. Ночью, если повезет – звезды. Но чтобы в колодце горел огонь – нет, такого еще не было.

Присмотревшись, Хейзит сообразил, что оранжевый отсвет падает скорее не на воду, а на стенку колодца глубоко внизу. Игра теней на ровной кладке завораживала. Возникало ощущение, будто в колодец упал, но почему-то не погас

факел.

Свесившись над краем колодца так, чтобы только не свалиться следом за воображаемым факелом, он, сам не зная зачем, крикнул:

– Есть там кто-нибудь?

Разумеется, ему никто не ответил, но оранжевые блики подозрительно заметались, словно не могли решить, погаснуть или вспыхнуть с новой силой.

Из окружающих домов его едва ли могли услышать, так как он кричал прямо вглубь колодца, перевалившись в него всем телом и рискуя потерять равновесие и загреметь в воду.

– Эй, кто там прячется? – повторил Хейзит, удивляясь собственной наивности.

Ему, однако, пришлось удивиться еще сильнее, когда через мгновение вместо эха из глубины колодца донеслось:

– Сначала назови себя.

Голос звучал приглушенно. Между тем Хейзит отчетливо слышал каждое слово. Более того, ему показалось, что он узнает говорящего, хотя в правильность догадки было трудно поверить.

– Фейли?! – Собственный шепот чуть ни оглушил его.

– Хейзит?..

Оранжевый свет запрыгал по стенкам колодца, как будто факелом яростно размахивали, потом послышалось неразборчивое бормотание, и снова наступила тишина.

Не решаясь ее нарушить, Хейзит ждал, судорожно сооб-

ражая, что же делать. Если он не сошел с ума окончательно, в колодце каким-то непостижимым образом очутились и почему-то не спешили взывать о помощи его погибшие в пламени недавнего пожара друзья. Хейзит был уверен, что Харлин там же и что бормотал именно он. Не хватало только услышать уханье филина.

– Вы живы? – Глупее вопрос трудно было придумать, однако он задал его, надеясь тем самым поддержать столь внезапно начавшийся разговор с невидимым собеседником.

– Ты там один? – после паузы донеслось снизу.

– Один. – Разумеется, они боятся обнаружить себя еще больше, чем он – свою причастность к ним. – Как мне помочь вам выбраться?

– С чего ты решил, что нам не терпится попасть с руки к *мергам* и прочим приспешникам замка? – разразился шепелявой тирадой второй голос из колодца. – Уж лучше я просижу здесь до и без того скорого конца моих дней, чем порадую Ракли и его палачей.

Дальше снизу полетела приглушенная брань, заставившая Хейзита невольно улыбнуться: если Харлин не позабыл всех этих слов, видать, он не так уж плох, как то можно было предположить.

– Эй, что ты там забыл у колодца?

Хейзит отпрянул назад и оглянулся.

Из переулка между ближайшими домами на него смотрела невысокая фигура в длинном плаще с капюшоном, скры-

вавшим голову и лицо. В первый момент он подумал, что это вернулся подельник Дита, однако на том была рубаха, а не плащ, да и грозную веревку с грузилами на концах теперь заменял настоящий кожаный пояс с ножнами, из которых слишком заметно торчала толстая рукоятка кинжала.

Не успел Хейзит предупредить прятавшихся в колодце друзей или хотя бы ответить незнакомцу, как тот уже был рядом и с хозяйским видом заглядывал внутрь. Хейзит понял, что он не может не заметить горящий внизу факел, и хотел уже было вмешаться, отвлечь незнакомца, может быть, даже напасть на него, не имея ни малейших шансов на успех, но тут последний извлек из-за пазухи моток веревки и, не раздумывая, бросил его в колодец.

– Поймали? – крикнул он вслед мотку, не обращая ни малейшего внимания на потрясенного свидетеля. Конец веревки он держал в руке.

– Где ты достал такую труху? – донеслось из-под земли. – Хоть привязать покрепче догадайся.

Незнакомец ловко просунул конец мотка в железную скобу, к которой крепилась цепь с ведром, и быстро завязал тугой узел.

– По моей команде начинай крутить, – тоном, не терпящим возражений, обратился он к Хейзиту. – Если нас заметят, нам всем конец. *Мерги* недалеко ушли.

Хейзит машинально взялся за холодную дугу подъемного ворота. Что-то в голосе и нервных движениях незнакомца

показалось ему странно узнаваемым. Где-то он уже встречал этого человека, который ползал теперь на брюхе по краю колодца и, отбросив всякую осторожность, громко вещал в пустоту:

– Надеюсь, вы там не все припасы слопали, и веревка вас выдержит. Фейли, на твоем месте, я бы пропустил старика вперед. Нет, не так нужно. Обвяжи лучше его за пояс или на худой конец за плечи. Харлин, как дотянетесь до ведра, хватайтесь и держитесь. Цепь попрочнее будет. И не разжимайте рук, пока мы вас не вытянем. Ты готов?

Он оглянулся на Хейзита. Тот охотно закивал, в ужасе осознавая, что допускает ошибку за ошибкой. Не нужно было, как угорелый, спешить на пожар. Чему быть, того не миновать. Не нужно было задерживаться, когда толпа разбрелась. Не нужно было прятаться и подходить к колодцу. И уж тем более не стоило помогать какому-то невесть откуда взявшемуся человеку в капюшоне.

– Крути!

Сейчас вернутся *мерги* и всех их повяжут. Придется ему раньше времени предстать перед Ракли, но только уже в ином качестве: как пленник, пойманный на месте преступления и заслуживающий неминуемой кары. Что-то и в самом деле веревка тяжеловата. Может, они оба на ней висят? Ну, еще поворот! Еще!

Над краем колодца появилась чья-то взъерошенная голова.

– Отвяжите меня от этой штуковины или я сейчас задохнусь, – прошепелявил Харлин, брыкаясь и тщетно пытаясь разорвать руками спасшую его петлю вокруг пояса.

Незнакомец довольно бесцеремонно ухватил его за плечи, перевалил через каменный бортик и уронил на землю. Выхватив из ножен кинжал, полоснул по веревке и велел Хейзиту крутить рукоятку в обратную сторону. Ведро ушло обратно под землю, но веревка зацепилась, и незнакомцу пришлось ее судорожно распутывать.

Между тем Харлин зашевелился и перевернулся на бок. Хейзит поспешил ему на выручку. Старик ловил ртом воздух и мог говорить с большим трудом. Все лицо и вся одежда его были в саже, как будто он выбрался не из колодца, а из печной трубы.

– Рукописи… они остались там… если их найдут, они погибнут…

– Тише вы! – зашипела фигура в плаще, стоящая в полный рост на краю колодца и пытающая развязать веревку. – Иначе погибнем мы все. А ты давай обратно и отматывай назад, пока не скажу. Погоди, Фейли, до тебя мы тоже доберемся.

От усердия капюшон с головы незнакомца упал за плечи, и Хейзит узнал в нем того, кого меньше всего ожидал здесь да еще при подобных обстоятельствах увидеть: Мадлоха. Так вот почему голос этого человека казался таким знакомым. Но Мадлох ни разу за все путешествие из Пограничья не проявил себя отважным воином, а тут он, похоже, не раз-

думывая, действовал, словно по хорошо отработанному замыслу. И рисковал наравне со всеми.

Ему наконец удалось распутать веревку. Заметив, что Хейзит оставил свое место ради помощи Харлину, он выругался, но мешать не стал.

– Нож, мне нужен нож, – попросил Хейзит.

Мадлох бросил ему кинжал. Разрезать петлю на поясе старика было делом одного мгновения. Рукоятка кинжала лежала в ладони приятной тяжестью. Нет, определенно в обладании оружием есть что-то чарующее, мелькнуло в голове у Хейзита. Во всяком случае не чувствуешь себя таким беззащитным, как всегда. Это «всегда» возникло у него только сейчас. Раньше оружие представлялось ему разве что обременительной ношей, таившей в себе опасность. Теперь опасности подстерегали его повсюду, так что завести что-нибудь острое и хорошо заточенное больше не казалось ему столь уж глупой мыслью.

Между тем Мадлох в одиночку справился с воротом и ждал, когда Фейли подаст сигнал с подъему. Тот все медлил, вероятно, опасаясь за прочность веревки.

Хейзит на всякий случай зажал продолжавшему слишком громко бредить Харлину рот и напряженно озирался по сторонам, ожидая в любой момент увидеть патрульный отряд или сбежавшихся на шум жителей ближайших домов. Пока все было на удивление тихо.

Цепь с резким лязгом стала наматываться на ворот. Ве-

ревка предательски потрескивала, но держалась. Мадлох крутил рукоятку из последних сил и наверняка выпустил бы ее, если бы ни Хейзит, успевший ухватиться за нее и повиснуть всем телом. Вместе они поднимали Фейли до тех пор, пока тот ни перебросил через край колодца ноги, после чего сел и попытался высвободиться. Петля, которой он тоже обвязался вокруг талии, съехала к подмышкам, так что вид Фейли имел довольно беспомощный и забавный. Мадлох сам разрезал его петлю и на всякий случай отвязал от ворота веревку, чтобы не вызвать у тех, кто придет утром к колодцу, лишних подозрений.

– Нам нужно как можно быстрее уходить отсюда, – сказал он, склоняясь над Харлином и заглядывая ему в глаза. – Вы можете передвигаться?

Старик только кивал, хватаясь худыми пальцами за горло.

– Он нахлебался дыма. – Фейли спрыгнул с колодца и кулаком размазал по вспотевшему лицу сажу. – Хотел тащить с собой все свои бутылки. Я убедил его, что жизнь дороже.

– Не совсем, – прохрипел Харлин и закашлялся.

– В любом случае в ближайшее время вам туда дорога заказана. – Мадлох махнул рукой в сторону пепелища.

– Молодец, что выручил нас, – сказал Фейли, протягивая арбалетчику руку.

– Это не повод, чтобы сидеть здесь и радоваться спасению, – буркнул тот вместо рукопожатия. – Чем дальше мы окажемся отсюда в самое ближайшее время, тем лучше.

– Мои рукописи… – умоляюще заломил руки Харлин.

Не обращая на его слабые причитания должного внимания, Мадлох и Фейли подхватили старика и чуть не силком поволокли прочь. Хейзит последовал за ними, однако внезапно услышал:

– Лучше ступай домой и сделай так, чтобы тебя ни в чем не заподозрили. И присматривай за своим Дитом. Мы не хотим, чтобы ищейки Ракли по твоей милости еще раз садились к нам на хвост.

– По моей?! – возмутился Хейзит, но осекся, потому что в словах Фейли была правда: если рассуждать здраво, то виновницей свалившихся на их голову неприятностей стала не кто иной, как его несмышленая сестра, имевшая неосторожность говорить не с теми и не о том.

Он стоял и растерянно смотрел, как три фигуры сворачивают за угол ближайшего дома. Он помогал им, но они отказались от его услуг. Они больше не хотят водить с ним дружбу, потому что пепел и сажа, запачкавшая их лица, души и жизнь – его рук дело. Он был слишком наивен, чтобы серьезно относиться к их предостережениям. И теперь наказан за это отлучением от их трудного, но захватывающего своей непредсказуемостью пути, от их веры, от их знаний. И пусть их мысли могут показаться большинству странными и нелепыми, таких как они, вероятно, много, во всяком случае, достаточно для того, чтобы везде и всюду находить кров и поддержку. А он, хотя и склонен больше верить в то,

во что верят остальные, пребудет в одиночестве, среди чужих ему людей, не доверяя никому, кроме занятой своими делами матери да слишком юной сестры, под одной крышей с предателем и доносчиком, водя знакомство с тем, кто, как теперь выясняется, мог быть причастен к смерти его отца, и делая вид, будто так и надо.

Хейзит посмотрел на свои руки. Они тоже были перепачканы сажей. При поднятии из колодца ведро расплескалась, однако на дне еще сохранилось немного воды, и он торопливо сполоснулся.

Может быть, сегодня вообще не возвращаться домой? Переспать где-нибудь на улице, но так, чтобы никто случайно не наткнулся, а утром первым делом сходить к Бехеме или обводному каналу и как следует искупаться. Ничего, если мать попереживает, зато улягутся все остальные страсти, а уж причину своего отсутствия он как-нибудь придумает. Он же не ребенок, чтобы по каждому поводу оправдываться. Да и мало ли у него теперь в Вайла'туне неотложных дел!

Решив, что ничего лучше ему в его нынешнем положении не придумать, Хейзит на всякий случай последний раз заглянул в колодец. Что нового он собирался там увидеть, неизвестно. Вероятно, проверить, не остался ли непотушенным факел. Но никакого факела в черной шахте колодца больше не было. Скорее всего, Фейли предусмотрительно бросил его в воду. Правда, если завтра он окажется вынутым вместе с ведром и попадет не в те руки, люди обязательно начнут

задавать друг другу вопросы, и кто-нибудь из местных умников захочет забраться в колодец, чтобы случайно наткнуться на проход, ведущий под пол сожженного дома, туда, где среди бутылей с вином остались лежать заветные свитки.

Хейзиту показалось, будто он слышит тоненький писк, многократно отраженный стенками колодца, писк животного, похожий на писк младенца. Ему даже померещилась остренькая мордочка крысы, подслеповатые глазки которой сверкнули среди кромешной темноты и снова спрятались между каменной кладкой. Увидеть крысу ночью считалось у *вабонов* дурным знаком, и он поспешно отпрянул, убеждая себя в том, что она ему только почудилась.

Однако это было не совсем так. Крыса и в самом деле выбегала из задымленного подземного коридора на свежий воздух колодезной шахты, но впереди был обрыв и страшная вода, и она, скользя по земле и острым камням длинным, все подмечающим хвостом, развернулась и поспешила обратно в душную, зато хорошо ей знакомую темень. Наконец-то исчез этот ужасный огонь, ослепивший ее некоторое время назад, когда она высунула из своего излюбленного лаза головку, и увидела, как мимо ползут на четвереньках двое людей, один из которых держал в руке пылающую палку. Ей пришлось прятаться в укрытии до тех пор, пока они оба ни убрались куда-то наверх, откуда мгновение назад на нее смотрела чья-то черная фигура. Пахло гарью. Лучше убираться отсюда да поживей, а то и не заметишь, как тебя огреют чем-

нибудь тяжелым или напустят диких кошек. Собственно, кошек крыса не боялась. Это они побаивались ее, щетинили шерсть и шипели при встрече, правда, не нападали, полагая, вероятно, что следом за ней идет целая стая. Откуда им было знать, что она вот уже долгое время живет в этих подземных лабиринтах совершенно одна, старая и слабеющая, давно позабывшая смысл всех этих ежедневных перебежек с места на место, повидавшая на своем веку немало врагов и хитростью и проворством избежавшая многих опасностей. Теперь она уже не такая прыткая, как прежде, и сторонится чужой жизни, чтобы еще хоть немного продлить свою, хотя и непонятно зачем. Зато она прекрасно изучила все здешние лазы, норы и переходы и всегда знала, куда идет. Иногда дорогу подсказывал ей хвост. Иногда зрение заменяли острые волосатые ушки. Но когда она начинала испытывать голод, как сейчас, на помощь приходил безошибочный нюх. Накануне она плотно подкрепилась в доме старика. Съела с пола все крошки, пока глупый филин тщетно хлопал в клетке крыльями и отвлекал хозяина от разговора с гостем. Когда начался пожар, она первой почувствовала неладное, юркнула под сундук, сбежала по лестнице под пол и с трудом пролезла между холодными бутылками. Теперь отыскать дорогу, по которой она сюда пришла, мешал тянущийся под потолком дым, перебивавший все остальные запахи. Крыса замерла, понюхала воздух и представила себя в комнате, сплошь заставленной мешками с зерном и мукой, рядом с которы-

ми из прокусанных ею дыр высыпались душистые пирамидки. Сейчас запах был очень слабым, но она почувствовала его, хотя, быть может, это ей только показалось. Но есть хотелось все сильнее, и она засеменила по коридору, задрав мордочку и приглаживая грунт напряженным хвостом. Крыса знала, что путь ей предстоит неблизкий, однако ничего иного не оставалось. С тех пор, как сюда перестали спускаться люди, она бессчетное число раз преодолевала в темноте это расстояние между любимой кладовой с мешками, дурманящим винным погребом и опасным колодцем. Коридор, по которому она сейчас бежала, имел и другие ответвления, но часть из них была теперь либо завалена по причине проводившихся наверху строительных работ, либо пересечена подземными водами, в которые не войдет ни одна уважающая себя крыса, а то и вовсе затоплена. Чтобы избежать ненужных случайностей, лучше не сбиваться с дороги, разменяваясь по пустякам, а придерживаться раз и навсегда заведенного маршрута: кладовая – погреб – колодец – погреб – кладовая. Крыса спешила со всех своих коротеньких лапок. Хорошо еще, что она не испугалась филина и успела подкрепиться прямо у него на глазах. Пучеглазый урод! Больше всего на свете она ненавидела голод. Лучше упасть в воду и дважды переплыть подземный ручей, чем томиться от желания откусить собственный хвост. На памяти у нее были случаи, когда по возвращении кладовая оказывалась пустой, так что вся стая, в которой она раньше жила, по-

кружив по полу и не найдя ничего, кроме ржавых гвоздей да трухлявых веревок, выбирала из своего числа слабейших и больных, набрасывалась на них и с голодным остервенением пожирала, пьянея от собственной силы и чужой крови. Со временем некоторая часть стаи, в основном молодые крысы, отбилась от основной. Хотя им как будто удалось найти место, куда люди снаружи стаскивали себе подобных и оставляли умирать в темноте и одиночестве, под собственные крики и дикий смех, остальные крысы посчитали более благоразумным не рисковать и не менять заведенных традиций. С некоторых пор в кладовую стали поступать не только мешки, но и вкусные до безумья головы сыра. Стоило их понадкусывать, как расточительные люди брезгливо отрезали от них и выбрасывали целые куски, и те быстро плесневели, становясь от этого только еще желаннее. Сейчас крыса спешила в кладовую и знала, что в укромном уголке ее ждет потаенная норка, в которую она заблаговременно натаскала и сыра, и сухих ягод, и обрезков колбасы – всего того, что раньше она, не задумываясь, сожрала бы в один присест, лишь бы только ни крошки не досталось ее не менее прожорливым сородичам. Теперь сородичей больше не было. Одни погибли по вине зловредных людей, другие сдохли от старости, третьи утонули в подземных стремнинах, четвертых загрызла она сама, пользуясь своим превосходством в ярости и силе. И вот она осталась единственной крысой, повелительницей этого бесконечного подземелья, обречен-

ной на одиночество, но зато предоставленная самой себе, своим мыслям и своим желаниям. Те, что ушли питаться человеческими трупами, больше не возвращались. Или они просчитались, и люди, прежде чем умереть, всех их переловили и съели, оттянув свою агонию, или, напротив, возлюбили свой выбор, давший им столько мяса, что они не успевали его поедать, позволяя гнить и разлагаться. Крысе не было до них дела. Она принюхивалась к земле, хвостом заметала за собой следы, остававшиеся на вековой пыли, и торопилась домой, в кладовую. Запахи становились все отчетливее, и это могло означать только одно – ее цель приближалась. Наступил самый сложный участок пути, когда коридор резко пошел вверх, и пришлось взбираться на высокие ступени. Выбиваясь из сил, крыса карабкалась на них, где-то в глубине тускнеющего сознания понимая, что проделывает это в последний раз. Она даже заставила себя передохнуть, чего с ней прежде никогда не случалось. Будь она по-прежнему в стае, ее бы наверняка уже давно съели как лишнее бремя. А сейчас она вольна останавливаться столько, сколько ей хочется, и бегать вдоль одной-единственной ступеньки, принюхиваясь и готовясь к новому броску. Упорства ей всегда было не занимать. Вот и щель между стеной и дверью. Дверь это всегда заперта, потому что снаружи висит длинный пыльный гобелен, заставленный тяжелым сундуком. Теперь достаточно пробежать через комнату в тот угол, где стоят ржавые рыцарские латы, отыскать там узкий лаз в соседнее по-

мещение – и вот она, кладовая! Но только почему здесь так сегодня светло? Обычно она не видит доспехов и разве что догадывается об их существовании. Неужели она…

– Эти крысы окончательно обнаглели, – заметил Локлан, ловко протыкая волосатое тельце острием меча и показывая добычу предупредительно застывшему при входе Олаку. – Не боятся ни света, ни людей.

– Не знаю, как вы, – заметил Олак, – а я последнее время встречаю их разве что в *каркере*. Думал, они совсем перевелись.

Локлан брезгливо передернул плечами, вспомнив свое недавнее посещение упомянутого *каркера* и то зрелище, которое ему там открылось. По натуре он был, к сожалению, не так жесток, как отец, и ему не доставляло ни малейшего удовольствия видеть последние муки умирающих в бессильной злобе людей. Если уж на то пошло, он был готов встретиться с любым из них в чистом поле и исполнить роль палача в равном бою, на коне или пешим, с мечом или копьем на выбор жертвы, но гноить своих противников в кишащих крысами казематах, без еды и воды, посаженными на ржавые от крови цепи в маленьких клетушках, запирающиеся на старые, хотя и прочные замки, было ниже его достоинства. Отец придерживался иного мнения. Он считал, что победитель волен поступать с побежденным не так, как, быть может, подсказывает ему совесть *виггера*, а как велит долг победителя, ратующего за безопасность свою и своего

потомства. Зачем терпеть изменника в доме или предоставлять ему нелепую возможность защитить свою жизнь, если проще эту возможность у него отнять, замкнув на ноге короткую цепь и предоставив времени и крысам делать за него всю грязную работу? Разумеется, речь шла о подземных помещениях *каркера*, о которых знали далеко не все обитатели замка. Для остальных *каркер* был лишь временной темницей в одной из башен, откуда существовала возможность выйти, пусть и с подпорченной репутацией. Обычно там оказывались нерадивые *эльгяры*, так или иначе нарушившие присягу, или жители Малого Вайла'туна, пожаловаться на которых был досуг кому-нибудь из наиболее близких замку *эделей*. Бывали, правда, отдельные случаи, когда в *каркер* попадали сами *эдели*, но случаи эти были крайне редки и, как правило, заканчивались устной угрозой и крупным выкупом. Если только «потерпевшей стороной» ни был Ракли. Тогда дело принимало совсем другой поворот, о чинах и регалиях забывали, а о выкупе ответчику приходилось только мечтать.

– Как бы то ни было, позаботься о том, чтобы это была последняя крыса, замеченная мною в кладовой, – сказал Локлан, стягивая мертвое тельце с острия меча мыском башмака и отворачиваясь. – Я никогда не любил этих животных.

– Совершенно с вами согласен. – Олак равнодушно нагнулся и поднял крысу за хвост. – Полагаю, вам бы не хотелось напугать даму.

– Дама сама кого хочешь напугает, – усмехнулся Локлан,

невольно касаясь тыльной стороной ладони правой щеки, куда пришелся подлый удар этой маленькой бестии во время его последней попытки поговорить с ней по душам. – Рыжая стерва!

Олак рассудительно промолчал.

Он не присутствовал при их встречах, но догадывался, что дела Локлана в этом отношении идут вовсе не так успешно, как тот пытался изобразить. Девица была на редкость хороша внешне, но под дикарской одеждой в ней клокотала не менее дикарская натура. Нога ее, простреленная при штурме заставы, достойно отбитой *вабонами*, почти прошла, несмотря на полное нежелание подчиняться специально приглашенным в замок лекарям из Малого Вайла'туна, которым Локлан почему-то доверял охотнее, нежели тем, что верой и правдой служили у его отца. У пленницы оказалось отменное здоровье и хорошая кровь, что позволило ей еще в походе через Пограничье предпринять несколько неудачных попыток к бегству. При всем при этом Локлан до сих пор обращался с ней, как с раненой, вместо *каркера* поселил в своих собственных покоях, чем немало удивил остальных домочадцев и обозлил вынужденного смириться со столь неслыханном безрассудством Ракли, заходил к ней хоть и робко, но явно чаще, чем того требовала необходимость, и задерживался достаточно долго, чтобы дать повод самым разным кривотолкам. Вслух, разумеется, никто посмеиваться не смел, однако Олак по роду своих занятий рас-

полагал сведениями о том, что Локлан медленно, но верно теряет былое расположение обитателей Меген'тора. И что самое обидное – расположение его основных сторонников и защитников – *мергов*. *Виггеры* вообще относились к женщинам – если, конечно, это не касалось их матерей и сестер – с сознанием собственного превосходства, а уж о женщинах злейших врагов, коими являлись *шеважа*, и говорить не приходилось. Насколько Олак знал, истинной причиной, побудившей в свое время Ракли издать закон, строго-настрого запрещавший брать пленных, было вовсе не опасение таким образом привести своими руками опасность бунта в собственный дом, а неудачный опыт подобного плененья, когда уже через день все дикарки были использованы мужчинами по прямому назначению и вслед за тем перерезаны, как свиньи. Ракли такой исход едва ли смутил бы, если бы ни два крайне неприятных обстоятельства, сопутствовавших казни: во-первых, ставшие свидетелями убийств своих сестер и жен воины *шеважа* пришли в ярость и чуть было не учинили в замке, куда их всех легкомысленно привели из Пограничья, нешуточный погром, при усмирении которого погибло еще несколько ни в чем не повинных *виггеров*, а во-вторых, первая часть надругательств вывела из себя женское население Вайла'туна, поскольку, как водится, кто-то из участвовавших в изнасилованиях, проговорился, и его никчемная похвальба на много дней лишила обитателей замка и половины Вайла'туна покоя. Именно поэтому появление в зам-

ке Локлана и его рыжей красавицы привело одних в излишнее возбуждение, а других – в не меньшее негодование. Все решили ждать, что скажет Ракли, однако тот, если и пожурил сына, то так, что об этом не стало известно даже Олаку. Увы, Ракли слишком многое прощал своему любимцу из того, чего не простил бы никому. Исключением не стал даже бедняга Ломм, младший брат Локлана, которого вечно подозрительный ко всем и вся Ракли не уличил, а лишь заподозрил в измене, что явилось вполне достаточным основанием для смертельного приговора. Правда, следует признать, что Ломм не отрицал вины, но и не сознавался в ней, предоставив свою недавно начавшуюся жизнь в руки отца и его ближайших советников из числа наиболее преданных *эделей*. Вспоминая эту невнятную и обросшую разными слухами историю, Олак по сей день всякий раз ежился, поскольку главную роль – роль палача – Ракли в последний момент отвел именно ему. Обычно исполнявший эти нехитрые обязанности *эдель* по имени Роджес как назло сделался больным и присутствовать на церемонии не смог. Ракли не простил ему подобного проявления малодушия: в свое время могучий старик Роджес был боевым наставником юного Ломма, так что внезапная болезнь палача многим показалась откровенно мнимой, однако это уже другая история. А тогда Олаку было велено безотлагательно облачиться в доспехи и длинную мантию Роджеса, чтобы простой люд не заметил подмены и не породил лишних пересуд. Лицо палача во время каз-

ни всегда скрывала кожаная маска. У *вабонов* бытовало поверье, будто жертва не должна видеть лица своего убийцы, иначе она заберет с собой его образ, и о последнем станет известно Квалу, что неминуемо приведет к его скорой гибели. Разумеется, речь шла об убийствах себе подобных, и на *шеважа* запрет ни в коем случае не распространялся. Мертвые *шеважа* отправлялись к своим богам. И *вабонам* не было дела ни до тех, ни до других. Олак справился с возложенной на него задачей без излишних переживаний. Самым сложным, как оказалось, было взвалить тяжеленный топор себе на плечо, что получалось у Роджеса легко и непринужденно, хотя одно топорище весило столько, что удар по лежащей на плахе шее не нужно было даже наносить: достаточно было направлять топорище, подкинув его плечом и удерживая за длинную рукоятку. Олак верил в то, что бедняге Ломму не пришлось мучиться: его отрубленная с первого же удара голова подскочила над свежевыструганной плахой и, брызгаясь кровью, упала в ловко подставленную кем-то корзину. «Петуха убили», выкрикнул кто-то из толпы, но шутка не удалась. Ракли же как будто остался доволен. С тех пор Олак был приставлен к Локлану и ходил за ним тенью, исполняя любые поручения и делая вид, будто ему эта роль совсем не в тягость.

– Полагаю, ты лучше меня знаешь, что нужно делать, – заметил Локлан, поеживаясь, хотя в кладовой было сухо и не так уж прохладно.

По-прежнему держа дохлую крысу за хвост, Олак с поклоном удалился восвояси.

Проводив недоверчивым взглядом его прямую фигуру в легкой кольчуге, которую он не снимал, кажется, никогда, даже в Меген'торе, и с неизменным длинным кинжалом, заткнутым за пояс, Локлан снова провел ладонью по щеке и улыбнулся, вспомнив, при каких обстоятельствах получил звонкую оплеуху.

Все эти дни, особенно с того самого момента, как отец не просто разрешил ему отложить казнь пленницы, а настоял на том, чтобы вытрясти из нее правду о замыслах ее соплеменников, Локлан исправно заглядывал в свой чулан, расположенный сразу же за стеной его опочивальни. В обычное время он хранил там оружие и доспехи, иногда коротал время с приглянувшимися ему девушками из Большого Вайла'туна, которых исправно доставлял в Меген'тор под видом торговок или новых служанок все тот же Олак, или просто запирался от посторонних глаз, читая и размышляя в одиночестве о разных интересующих его вещах, благо в спальню мог зайти почти любой обитатель замка, однако, не застав там хозяина, должен был немедленно удалиться. Разумеется, с появлением рыжей пленницы все оружие и все доспехи из чулана были незамедлительно перенесены в покои Олака. Саму же пленницу, слишком быстро оправившуюся от раны, пришлось, как собаку, посадить на цепь, чтобы она не наломала дров и знала свое место. Цепь поначалу замкнули

у нее на шее, но Локлану это показалось слишком унизительным, и тогда металлическим кольцом ей сковали щиколотку на больной ноге. Кто-то из присутствовавших смело предположил, что при сильном желании пленница может оттяпать себе ногу и таким образом высвободиться, что будто бы в истории войны с *шеважа* уже случалось. Его дружно подняли на смех, заметив, что для подобного действия ей по меньшей мере потребуется какое-нибудь орудие, чего она была лишена. Зубы у девушки были на удивление ровные и острые, она щедро скалила их на окружающих, готовая впиться мертвой хваткой в первого, кто отважится к ней приблизиться, однако едва ли ей хватило бы мужества и сил перегрызть ими собственную кость. Тем не менее, всякий раз, отпирая дверь чулана, Локлан испытывал необъяснимое волнение перед тем, что ему предстоит увидеть. Как ни странно, проведя несколько дней в полном одиночестве и отказываясь от еды, девушка стихла и очевидно лишилась сил к сопротивлению. Она только и делала, что лежала на специально выделенной ей тонкой подстилке и отвечала Локлану полными ненависти взглядами. Теперь он все чаще заходил к ней в сопровождении своей старой няньки Фреды, которая еще застала то время до прихода к власти в Вайла'туне его отца, когда малочисленные пленные *шеважа* жили среди *вабонов*, и худо-бедно помнила некоторые из их писклявых слов. Они вдвоем подолгу просиживали перед пленницей, всячески пытаясь ее разговорить, однако, по утверждению

Фреды, та только ругалась. В итоге выяснить удалось лишь то, что зовут ее Сана и что отец ее – вождь одного из кланов. Локлан поначалу обрадовался, получив возможность доказать Ракли, что не зря потратил на девицу столько времени: ведь каким-то образом можно даже исхитриться и затребовать за нее выкуп. Увы, Сана с ненавистью насупив хищные брови, что-то добавила, и Фреда, столкнувшись с немым вопросом в глазах Локлана, перевела:

– Она говорит, что твои люди убили ее отца, и опять ругается. – Видя, что эта новость расстроила его, старуха добавила от себя: – На твоем месте, сынок, я бы не стала с ней церемониться и для начала как следует ей всыпала.

Следующий раз Локлан пришел на допрос в одиночестве. Ему казалось, что девушка лишь прикидывается, будто не понимает языка *вабонов*. Уж слишком ее собственная речь звучала затейливо. При желании она наверняка сможет объясниться без посредничества порядком поднадоевшей толмачихи. Выяснилось, однако, что Сана так вовсе не считает. Напротив, оставшись с Локланом наедине, она вообще замкнулась в себе и избегала даже смотреть на него. Когда же он протянул к ней руку, чтобы повернуть к себе испачканное пылью и слезами лицо, она изловчилась и неожиданно влепила ему ту самую пощечину, о которой он сейчас не мог не думать. К счастью, рядом никого не было. Иначе подобный позор он, воин и сын военачальника, смог бы смыть разве что кровью обидчицы. Но он правильно рассудил, что ото-

мстить никогда не будет поздно, и в ответ лишь рассмеялся, чем явно привел девушку в замешательство. Было похоже, что она сделала это, рассчитывая на быструю смерть и избавление из плена. Она обманулась в своих ожиданиях. Локлан ушел, как бы невзначай наступив на цепь и заставив ее звякнуть, подчеркивая тем самым, кто здесь играет какую роль. И вот только сейчас ему пришло на ум, что с тех пор он ни разу не посылал пленнице еду или хотя бы воду. Это входило в обязанности все того же Олака, а тот, разумеется, привык слушаться приказов и в своих действиях старался проявлять минимум самостоятельности. Фреде же Локлан не то чтобы не доверял, но хотел свести на нет вероятность общения девушки с кем бы то ни было из обитателей замка. В особенности с теми, кто способен ее понять. Мало ли о чем она с такой завидной настойчивостью молчит!

Выйдя из кладовой и заперев за собой дверь на щеколду, Локлан, вместо того, чтобы отправиться по боковой лестнице прямиком в покои, а оттуда – в чулан, как намеревался поступить мгновение назад, свернул на запахи, доносившиеся из кухни.

Он ничуть не удивился, обнаружив с столь ранний час кухню пустой. В обычное время здесь трудился добрый десяток поваров, кухарок и их помощников, поскольку им приходилось готовить еду не только для обитателей башни, но и для всего многочисленного гарнизона замка.

Аппетитный аромат проистекал не из больших котлов,

стоявших сейчас на холодной плите, а от развешенных вдоль стен связок вяленой рыбы, копченых окороков, колбас да гирлянд сушеных грибов. Все это перемешивалось с терпкими запахами сухих трав, добавлявшихся главным образом в супы, свернувшегося молока и перебродившего пива.

Раньше, когда кухни гарнизона и обитателей башни были разделены, здесь готовили гораздо вкуснее. Локлан хорошо помнил это время, потому что дед, стоявший тогда во главе *вабонов*, не только сам любил поесть, но и баловал своих внуков. С приходом же к власти его сына, Ракли, расходы на гарнизонную кухню были пересчитаны, и прежний тамошний повар получил расчет, чему остался несказанно доволен, опасаясь более строгих мер: Ракли решил, что тот злоупотребляет положением и перерасходует отводимые ему средства. Так обе кухни оказались объединенными под одной крышей, закупка ингредиентов и готовка перешли под контроль назначенного Ракли нового повара, однако, увы, еда от этого лучше не стала. Не только исчезла половина любимых Локланом сладостей, но и многие обычные блюда утеряли былую «изюминку».

Он обошел огромный длинный стол, заваленный зеленью, посудой, неубранными ошметками от вчерашней готовки, горками перьев ощипанных в спешке птиц, широкими ножами, больше похожими на топоры, и всякой прочей всячиной, создававшей не только дурной букет запахов, но и ощущение, будто все это брошено в спешке нерадивыми или чем-

то напуганными кухарками и поварами. Обязательно нужно будет при случае указать на это безобразие отцу. Он теперь слишком увлечен казной и внутренними распрями Вайла'туна, чтобы заботиться о собственном благополучии, и в результате не уделяет должного внимания благополучию своих близких. Не хотелось бы, чтобы из-за таких пустяков люди постепенно отвернулись от него. Особенно теперь, перед лицом медленно, но верно растущей угрозы большой войны.

Локлан снял с крюка и переложил в кожаную сумку наполовину обрезанный батон колбасы, подобрал со стола зачерствевшую за ночь булку, забрал с полки головку пахучего, но очень вкусного, чуть с кислинкой сыра, и заглянул в соседнюю комнату, где в глиняных бутылках хранилось старое вино. Сам Локлан вино почти не пил, предпочитая пиво, однако сейчас он отправлялся в гости к даме, а для той как раз сгодится этот утонченный напиток, разгоняющий тоску и освежающий кровь.

Поднимаясь по винтовой лестнице на первый этаж, Локлан удивился, увидев сидящего в узком пролете высокого окна своего второго пленника, который таковым, в сущности, не являлся, однако, застать его здесь, да еще сладко спящим в сидячей позе, было по меньшей мере странно. Вил сидел в окне боком, прислоняясь спиной к холодной стене, с закрытыми глазами, и грудь его мерно раздувалась и опадала. Одна нога была согнута в колене и служила упором, вторая болталась в воздухе, не доставая до пола. На нем был но-

вый костюм, подаренный Ракли вместо тех жалких лохмотьев, в которых он явился из леса на заставу, и старые башмаки Локлана, из которых тот давно вырос, но которые уже не достались по наследству младшему брату. Странный человек. Похож на *вабона*, речь понятна с трудом, делает вид, будто не знает, какое сокровище принес, и ведет себя так, словно тяготится Вайла'туном и рвется домой, правда, неизвестно куда. В замке его встретили с должным почетом. Локлан лично представил его большинству *эделей*, пришедших хоть одним глазком взглянуть на легендарные доспехи и меч Дули, а Ракли распорядился предоставить ему как гостю отдельные покои и даже приставил слугу. При этом, разумеется, парня лишили любого оружия, даже сломанного ножа, которым он, похоже, весьма дорожил, а роль «слуги» досталась одному из лучших *сверов* гарнизона, прославившегося своей недюжинной силой и умением разделываться с противником голыми руками. Того, что он не пленник замка, не понимал, вероятно, только сам Вил.

При всей невнятности своих ответов, из двух пленников он был наиболее разговорчив. Локлан провел с ним не один вечер, задавал вопросы, терпеливо выслушивал сбивчивые ответы, сам рассказывал внимательному собеседнику о вещах, про которые в Вайла'туне знали даже малые дети, но которым тот искренне изумлялся, постепенно становясь все грустнее и грустнее. Особенно сильное впечатление на него произвело то обстоятельство, что Локлану незнакомы такие

странные названия, как «Англи» и «Ирланди». Судя по его словам, так называлась страна, откуда он был родом, а также страна, где жили люди, подобные *шеважа*, такие же рыжие, правда, не такие дикие. Когда Локлан попытался уточнить, где же эти страны расположены и на всякий случай вывел гостя на свою обзорную площадку, тот растерялся и пришел в еще большее унынье. Он не узнавал ничего из того, что открывалось с высоты замка, и лишь подавленно молчал, когда Локлан спрашивал, каким же образом ему удалось попасть в Торлон, страну *вабонов*, если он не знает, в каком направлении лежит его собственная Англи.

Позже выяснились еще более странные обстоятельства. Вил начал плести что-то о своей смерти и глупых родичах, которые, решив, что он умер, взяли и, недолго думая, закопали его в ящике под землю. *Вабоны* хоронили покойников как есть, без всяких ящиков, разве что те, которые умерли своей смертью, закапывались лежа, чтобы не растревожить их сон, а погибшие на поле брани – сидя или стоя, как правило, с оружием в руках, чтобы в случае необходимости, отразить нападение убитых ими в прежней жизни противников. Каким образом оказалось, что Вил умер, а теперь жив-здоров, было неясно, похоже, самому рассказчику. Локлан терпеливо выслушивал его сбивчивые истории лишь потому, что в одном не могло быть сомнений – именно Вил, каким бы чудным и сумасбродным он ни казался, принес на заставу замечательные доказательства героической гибе-

ли Дули, предка рода Локлана. Даже сомневавшийся всегда и во всем Ракли при виде заветного меча со знаменитой надписью «Охрани да укрепи», сделанной сказочным мастером железных дел, кузнецом Эшем, пришел в восхищение и, не раздумывая, объявил кольчугу, шлем и меч истинными и священными. Более того, вскоре Локлану удалось выяснить у Вила, что тот обнаружил в Мертвом Болоте не только эти вещи, но и скелет великого воина, причем в полном облачении, и просто поленился захватить с собой все остальное. Щита и копья, правда, он как будто не видел. Тем самым Вил выдал себя как человека и в самом деле совершенно не причастного к традициям *вабонов*, незнающим их сказаний и не чтящим их истории. Да он этого и не скрывал, с откровенным интересом удивляясь многим вещам, представлявшимся Локлану более чем заурядными.

Пожалуй, единственное, что удивило Локлана неприятно и что не давало покоя, было то неподдельное равнодушие, с каким Вил вступил в стены замка. На прямой вопрос, неужели он не поражен его мощью и размерами, гость с примечательной непосредственностью заметил, что, мол, «у нас в Англи замки встречаются сплошь и рядом, хотя, конечно, таких красивых мало». Его удивил разве что светлый цвет стен и башен. По его словам, в Англи, где бы она ни была, замки строят темные и мрачные, а светлый камень отдают… тут он перечислил названия построек, неизвестных Локлану, нечто вроде «сборов» или «заборов». Зачем расходовать

на заборы столь драгоценный материал, Локлан не понял, однако решил переспросить в следующий раз.

Он потрепал спящего по плечу.

Вил открыл глаза и чуть не упал, потеряв равновесие. Вид он имел заспанный и растерянный, но пытался улыбнуться.

– Почему ты не у себя? – поинтересовался Локлан. – Не понравилась кровать?

– Кровать хорош. Чисто ложе. – Вил даже руками всплеснул. – Смотреть хотел на улица. Надо дом искать. Идти надо.

– Куда же ты отсюда пойдешь? Или не слышал, что творится? *Шеважа* в лесу, нас, говорят, обложили со всех сторон. Сперва с ними совладаем, дорогу расчистим, а там уж можно будет и о доме твоем подумать.

– Лихие всюду есть, – махнул рукой Вил, косясь на кожаную сумку Локлана, из которой торчал батон колбасы. Было непонятно, называет ли он «лихими» *шеважа* или рассчитывает на смелость своих новых друзей. – Завтрак?

– Это не мне. – Локлан замялся, вовсе не собираясь откровенничать с посторонним. – Если проголодался, могу угостить. А то сам на кухню сходи, что найдешь – твое.

Уил не понял, чего от него хотят.

Этот Локлан говорил приветливо, медленно и разборчиво, но в словах его то и дело слышался какой-то подвох. Так что Уил предпочитал не переспрашивать, а молчаливо соглашаться. Увидев, куда его привели из лесной чащи, всех

этих закованных в броню пеших и конных рыцарей, большой город у подножья утеса и неприступный замок на его вершине, он с огромным трудом скрыл от посторонних глаз охвативший его трепет, точнее, страх, и теперь все больше помалкивал, опасаясь сболтнуть лишнего. На всякий случай, правда, он сделал вид, будто на родине лицезрел подобную каменную мощь чуть ли не каждый день, однако, похоже, ему не слишком поверили.

Здешние люди вообще выглядели недоверчивыми и подозрительными. В комнату, которую ему отвели в этой башне, сразу же нагрянуло несколько слуг, пожелавших не столько помочь ему обустроиться, сколько поглазеть на нового жильца. Среди них было несколько довольно миловидных девушек, однако взгляды их показались ему чересчур заинтересованными, чтобы ответить им вежливым отказом или ничего не значащей улыбкой. Одним словом, оказавшись в центре внимания, он с непривычки так растерялся, что наверняка произвел на всю честную компанию впечатление заносчивого барчука, каковым отродясь не был даже в наиболее удачные с точки зрения торговли года. Деньги у него водились всегда, пусть и не настолько много, чтобы ему оказывали такой почет, как здесь, но достаточно для того, чтобы превратить кого-нибудь другого, менее совестливого, в самолюбивого выскочку и ловеласа. Он был верен своей Мэри тогда и не собирался изменять сейчас, пусть даже нынешнее его положение вызывало целую кучу вопросов, обращенных

к ней и ее семейству. Не без труда выпроводив слуг и служанок, он с любопытством осмотрел свое новое жилье, поклявшись, что не задержится в нем надолго. Однако прошло вот уже сколько дней, а он все еще пользуется гостеприимством странных хозяев и, страшно подумать, постепенно свыкается с подобной жизнью!

В Уинчестере их с Мэри дом стоял в общем-то неподалеку от замка градоначальника, всеми почитаемого графа Годвина, которого ему не раз приходилось видеть скачущим мимо их калитки впереди почетного эскорта с охоты или на охоту, но в самом замке он был всего лишь однажды, когда жене графа вздумалось облачить свою дворовую в одинаковую одежду. Уил был приглашен на смотрины, привез с собой целый ворох ткани и так нервничал, надеясь получить заказ, что почти не смотрел по сторонам, а когда в последний момент графиня передумала, с позором удалился, ругая себя еще и за то, что ничего как следует не увидел. Ему всегда казалась, будто жизнь в замке необыкновенна и замечательна, особенно если проводишь все дни то на рынке, то на соседних овчарнях, выгадывая на мелочах из боязни проиграть по-крупному и мечтая так поставить дело, чтобы на тебя работали другие, а ты бы только и знал, что считал барыши да путешествовал. Например, в Лондон. А то и дальше, на собственном баркасе, через пролив, в далекую Францию, откуда, как говорят, давным-давно на острова переселились первые их обитатели. Чего только ни рассказывают умные люди!

И вот он очутился, словно в ярчайшем из своих снов: спит на мягком ложе, в отдельной келье, занавешенной старыми гобеленами, ест досыта с серебряной посуды, отказывается от хорошеньких служанок и целыми днями только и делает, что ничего не делает, считая ворон на башенных зубцах да ведя пустые беседы с сыном местного графа, который только посмеивается, когда слышит названия перечисляемых Уилом стран и народов. И при этом у него нет сил радоваться жизни, его гнетет совесть и обуревает тоска по дому, а открывающаяся за узким окном живописная картина со стремительной рекой под отвесным утесом и цепью гор у самого горизонта неумолимо зовет бросить все и отправиться дальше, на поиски невесть как покинутой родины. Он до сих пор не открыл этого своего желания никому из здешних обитателей. Может быть, сейчас как раз подходящий случай?

– Локлан, скажи, я считаюсь в вашем городе пленником или гостем?

– Как ты говорил? «Гостем»? Ах, да-да, понятно, нет, не пленником, не совсем, да.

Вот заладил! Так пленником или нет? Слова вроде бы знакомые, а смысл ускользает. Еще хорошо, что этого всегда можно переспросить. Его отец выражается еще сумбурнее и считает, что все обязаны его понимать. Попробуем спросить попроще.

– Локлан, я могу уйти, если захочу?

– Куда ты идти?

– Домой, в Англию. Я же тебе рассказывал. У меня там осталась жена и полсарая нераспроданных тюков с бурелью. Не знаю, как для вас, а для меня это большие деньги.

Опять он про свои домашние заботы! Как вдолбить в его лысую голову, что сейчас не лучшее время шляться по лесам? Что вокруг враги, а впереди и того хуже – зима. Или он думает, будто сумеет добраться до дома раньше нее? В таком случае его жилище должно находиться где-то на землях *вабонов*, а любому ребенку известно, что это невозможно. *Шеважа* не строят замков. Они даже едва ли знают это слово. Тогда как Вил, ехавший в седле бок о бок с ним, при виде Вайла'туна, привстал в стременах и безошибочно назвал замок «замком». Разве что ударение неправильно поставил. Нет, пускай многие не верят ему и за глаза называют сказочником, он, Локлан, склонен думать, что Вил не так прост, как кажется, и что где-то, хотя бы за тридевять земель, хоть за Бехемой, хоть за горами, стоят в чужих землях такие же замки, и он, Вил, видел их. А если так, если он верит в то, что сможет найти к ним дорогу, непростительной глупостью со стороны Локлана будет отпускать его восвояси, не использовав этой нежданно подвернувшейся возможности раз и навсегда превзойти отца и со временем, кто знает, сделаться властелином не только Вайла'туна и Торлона, но и неведомых до сих пор земель.

– Тебе здесь разве плохо? – Локлан заглянул в серые гла-

за собеседника, будто надеясь увидеть в них то, что видел и о чем думал последний. Глаза смотрели прямо перед собой, не замечая Локлана, сквозь него. – Если хочешь, мы бы, наверное, смогли подыскать тебе хорошую жену. Или ты женат?

Вил пожал плечами, посмотрел на свои руки и оглянулся на узкий проем окна. Локлан повторил вопрос.

– Да, есть жена, – кивнул Вил. – Мэри зовут. Добрый жена. – И, подумав: – Был добрый. Щас не знаю я. Кто гроб делал, кто клал, зачем клал? Ничего не знаю.

– Тогда тем более нужно новую найти! Судя по всему, ты немного от этой перемены потеряешь. А торговцы у нас на хорошем счету. Будешь в своем доме жить. А можешь у меня тут остаться. В замке понадежнее будет. – Локлан вспомнил, что назавтра у него с отцом назначена встреча с Хейзитом. Интересно, что тот придумал? – Посуди сам, куда тебе спешить, когда скоро зима? У тебя дома бывает зима? Снег?

– Да, холод, лед, скот гибнет, плохо.

– Вот видишь, а у нас скот не гибнет. Мерзнет – это да, но зим мы давно уже не боимся. Да и на заставах, как ни странно, обычно спокойнее делается. *Шеважа* от снега и холода по своим берлогам прячутся, носа не показывают.

– Значит, спокойно? – сделал из услышанного собственный вывод Вил. – Можно уходить?

– Если бы ты знал, куда, то, наверное, да, – уклончиво со-

гласился Локлан. – Но поскольку ни ты, ни я не знаем, где твоя Англи, я не могу послать с тобой своих людей, а без провожатых ты в наших местах точно погибнешь. Зимой многое по-другому.

– Да, и звезды тут другие, – кивнул Вил. – И луна другая. Все другое.

– Ну, вот видишь, – похлопал Локлан его по плечу, призывая успокоиться и не тратить зря время. – Давай завтра об этом поговорим. Иди-ка лучше спать.

Вил как будто согласился, но, поднявшись было на несколько ступенек, остановился, повернулся к Локлану и, указав на его сумку, заметил:

– Надо кухня. Кухня можно?

– Разумеется. Я же давно предлагал. Сходи, подкрепись. Только по замку потом не шатайся, сразу к себе иди. А то стражники теперь на боевом посту, нервничают, еще того гляди не за того тебя примут. И не увлекайся вином.

Вил, вероятно, поняв из сказанного не больше, чем ему хотелось, махнул рукой и стал спускаться по лестнице. Локлан продолжил путь наверх, с каждым новым шагом теряя недавнюю уверенность.

Вила он хотя бы через слово, но понимал. Рыжую воительницу он, сколько ни старался, не понимал вообще. Ее язык был словно отголоском языка *вабонов*, отраженным многочисленным эхом и вернувшимся в неузнаваемом виде: грубом, шипящем и свистящем, временами схожим с клекотом

птицы, резким и неуловимым. Когда она не скрывала слез и говорила, всхлипывая через каждое слово, ее речь напоминала тихую дождевую капель по листьям, под которыми шипит и стрекочет выводок змей. Когда же верх над отчаянием в ней брала ненависть, ее слова превращались в град камней, чиркающих по стене и высекающих искры.

Перед тем, как войти к себе в спальню, он допустил предательскую мысль: не послать ли за Фредой. Нет, та могла помочь, но могла и помешать. Тем более, что он не собирается тратить время на разговоры, а хочет лишь накормить пленницу.

Так он думал, пока зажигал свечи в изголовье своей постели и шарил под рубахой, отыскивая ключ от чулана. Однако, когда он потянул на себя за щеколду позвякивающую железной ручкой дверь и, придерживая кожаную сумку с провизией, шагнул в темное, с виду необитаемое пространство, его охватил непередаваемый и необъяснимый трепет.

В ноздри ударил спертый запах лишенного окон помещения, перемешенный с запахом человеческой плоти. Чужой плоти. Ее плоти.

Это не было ароматом, приятно щекочущим обонянье, как то неоднократно случалось с ним прежде, в объятьях нежных женских рук, когда, казалось, само тело сиюминутной возлюбленной источает едва уловимые токи, умело сдобренные травяными отварами и всевозможными медовыми притираниями, какие сопровождают купальные обычаи осо-

бо внимательно относящихся к своей внешности *вабонских* дев. Не было это и вульгарным запахом продажной любви, подобным тому, какой он вдыхал в пору не столь уж давно закончившейся юности, когда сопровождал в нескольких лесных рейдах отца и, по примеру старших, дважды воспользовался услугами чудом допущенных в поход *хорен*.

Это был запах ярости, страха и желания одновременно. Запах пота, холода, влажной от слез кожи, безрассудно пролитой крови, высохшей мочи и несвежего дыханья.

Локлан растерянно застыл на пороге, пристально вглядываясь во мрак чулана.

Она была там, бессильно раскинувшаяся на полу, с прикованной к полу ногой, озверевшая от одиночества и голода. Он не видел ее, но слишком хорошо представлял себе. Копна рыжих волос превратилась в бесформенное бурое месиво. Некогда красивое лицо осунулось, еще резче выступили высокие скулы, а глаза стали еще больше и еще выразительнее. Искусанные до крови губы, по-прежнему манящие к поцелую. Изодранная в клочки одежда, которую она с боем отказывалась заменить на более скромную и пристойную для роли пленницы замка. В кровь исцарапанные о каменный пол пальцы. Ноги, голые, длинные, все в синяках и кровоподтеках, не говоря уж о грязной перевязке на бедре, под которой заживала рана от арбалетной стрелы.

Наконец Локлан ступил внутрь и поднял над головой свечу.

Так и есть. Сана лежала на спине, головой к двери, неподвижно, словно мертвая, разметав в стороны руки, и только колыхание слишком большой для столь хрупкого тела груди свидетельствовало о том, что ее хозяйка все еще жива. Даже если она не спала и уловила появление Локлана, поза ее не изменилась. Она словно ждет смерти, подумал Локлан, и ей безразлично, откуда и когда та снизойдет к ней и заберет из этих мучительных оков.

– Я принес тебе еды, – с порога объявил он, втыкая свечу в железный подсвечник на стене чулана.

В ее мерцающем свете распростертая на полу девушка как будто извивалась, приглашая разделить с ней это странное ложе.

Локлан открыл сумку и переложил ее содержимое на коврик, находящийся в пределах досягаемости пленницы. Глиняную же бутыль с вином откупорил и, присев на корточки, наклонил горлышком над сомкнутыми губами девушки. Он не знал наверняка, спит она или следит за его действиями. Глаза ее были закрыты, движения под опущенными веками не прослеживалось.

Первые же капли влаги заставили запекшиеся губы приоткрыться, после чего Сана принялась жадно глотать вино до тех пор, пока ни захлебнулась. Закашлявшись, она только сейчас открыла глаза, покосилась на того, чьи руки сжимали полупустую бутыль и одним рывком перекатилась на живот.

Локлан отпрянул, ожидая нападения, но у девушки хва-

тило сил лишь на то, чтобы приподняться на локтях и оскалить зубы.

– Вон я положил тебе. Ешь. – Он отошел подальше, насколько позволяло узкое пространство чулана, предоставляя пленнице свободу выбора. – Думаю, тебе понравится не только колбаса. Нужно есть. Зачем морить себя голодом? А потом мы смоем с тебя грязь, и ты снова станешь похожа на человека.

Он не слишком отчетливо представлял себе, каким образом ему удастся заставить ее вымыться и при этом остаться в живых, однако мысль о бочке с мыльной водой и сидящей в ней девушке придала ему решимости.

– Ну, давай, жри, что тебе дают, и не вороти нос, *хорена*! – внезапно повысил он голос и испытав при этом прилив сладкого отвращения, не то к ней, не то к себе.

То ли окрик подействовал на девушку, то ли выпитое натощак вино – неизвестно. Известно лишь, что помутневший взгляд ее упал на коврик, и она молча поползла к нему, подтягиваясь на локтях и издавая какие-то горловые звуки, мало похожие даже на слова ее языка. Пока она ползла по полу эти жалкие шаг или два, Локлан лишний раз смог удостовериться в том, что тело ее, хотя и хрупкое да еще ослабленное голодом, хорошо развито, руки и ноги играют мускулами, каких не встретишь ни у одной здешней женщины, а тяжело покачивающаяся под рваной во многих местах безрукавкой из вывернутой внутрь мехом шкуры грудь наводит на мысли,

которые едва ли достоин испытывать потомок Дули к своей беспомощной пленнице. Тем не менее сознание ее беспомощности только еще сильнее ударило хмельной волной ему в голову, как будто вино из бутыли выпила только что не она, а он сам.

Не успела девушка дотянуться до коврика, как Локлан нагнулся и ловко убрал его, оттянув подальше от ее грязных, дрожащих пальцев.

Девушка зарычала.

Локлан отпустил край коврика и стал наблюдать, что она предпримет дальше, согласится ли на эту унизительную игру или гордо отвернется от принесенных угощений и будет дальше морить себя голодом.

Сена, похоже, забыла про гордость. Не отрывая глаз от пола, она поползла следом за ковриком и ползла до тех пор, пока натянувшаяся на ноге цепь ни заставила ее несколько раз дернуться и остановиться.

– Если ты хочешь получить эту еду, тебе придется слушаться меня, *хорена*, – сказал Локлан снова садясь на корточки и наблюдая за искаженным ненавистью лицом пленницы. – А для этого тебе придется понимать, что тебе говорят: я не намерен ради этого учить твой дикарский язык.

Она как-то странно посмотрела на него, маска ненависти сменилась гримасой боли, и девушка неуверенно, но совершенно отчетливо произнесла:

– *Сана хочет есть…*

– Я знал, что ты прекрасно меня понимаешь! – Локлан вскочил на ноги и с восторгом уставился на распростертое перед ним тело. – Вы все прекрасно нас понимаете и только делаете вид, будто у вас свой собственный язык! Мерзкие *шеважа*! Водить меня за нос вздумала! Ишь ты! Думала, я с тобой играть намерен? Ты у меня еще не так разговоришься, *хорена*!

– Дай есть…

Он ногой пододвинул к ней коврик. Девушка набросилась на разложенное на нем скудное угощение и проглотила все, почти не разжевывая. Перевалившись на бок, громко рыгнула и потянулась к бутыли. Локлан было снова опередил ее, собираясь продолжить эту спонтанно начатую забаву, однако почувствовал на щиколотке цепкое объятье сильных пальцев: девушка держала его за ногу и не собиралась выпускать.

– Дай пить!

Он протянул ей бутыль. Она отпустила его ногу и снова приникла губами к узкому горлышку. Вино потекло по ее дрожащему подбородку, по шее, оставляя грязный след, в глубокую ложбинку на груди, от которой Локлан не мог оторвать взгляда.

Допив вино до последней капли, девушка ошалевшими глазами посмотрела снизу вверх на своего выжидательно застывшего над ней мучителя, еще раз смачно срыгнула, расхохоталась и, позванивая цепью, отползла к стене. Там она свернулась калачиком, прикрыла веки, потянула носом

и расслабилась. Раздосадованный подобным поворотом дел, Локлан приблизился к ней и потрогал мыском ботинка голову девушки. Пленница пробормотало сквозь сон что-то невнятное и осталась лежать, подложив под ухо обе ладони.

Чего он ожидал? Выпить бутылку вина и не опьянеть настолько, чтобы забыть, где находишься! Пожалуй, этого не удалось бы и ему самому. К тому же она перед этим ничего не ела почти два дня. Тэвил! Ему всегда претило общество пьяных женщин. Ему становилось их жалко, и он понятия не имел, как к ним подступиться, пока они ни протрезвеют. Женщины в Вайла'туне пили мало, а те, что позволяли себе лишнего, делали это либо от отчаяния, либо с умыслом. Считалось что женщина, пьющая в присутствии мужчин, одновременно доверяет им и согласна на продолжение с ними отношений более откровенного характера, нежели ничего не значащий разговор или даже мимолетный поцелуй или рукопожатие. Он же предпочитал иметь дело с ничего не подозревающими девушками, которым можно шепнуть на ушко что-нибудь эдакое и потребовать решения прямо сейчас, на месте, не перекладывая ответственность на вино с его непредсказуемым воздействием или на пиво, от которого самое нежное любовное свидание может в любой момент оборваться непреодолимым желанием срочно справить нужду.

Сейчас она лежала у его ног, спящая и доступная, но пьяная и с ног до головы перепачканная пылью.

Локлан почувствовал, что возбуждается.

Ведь он может сделать с ней все, что ему взбредет в голову. А ему так многое хочется! Хочется так, как никогда не хотелось прежде, даже с той кареглазой девушкой с соломенными волосами, по имени, кажется, Шелта, что легко уступила его нежным домогательствам на прошлом празднике весны, и образ которой он долгое время хранил в своей памяти, так и не решившись продолжить эту спонтанно возникшую связь. Хранил до тех пор, пока верный Олак ни донес, что она замужем и ждет ребенка. Он даже показал Локлану ее мужа, который служил на заставе Граки дозорным и погиб от первой же стрелы атаковавших заставу *шеважа*. Почему он вспомнил про него? Наверное, потому, что у парня, лежавшего во рву со стрелой в груди была такая же рыжая шевелюра, как у этой вражеской лгуньи.

Выходит, она знает их язык! Стоило морить ее голодом, чтобы выяснить это. Откуда? Кто научил ее? Или же на самом деле все *шеважа* способны понимать речь *вабонов*? Может быть, не так уж далеки от истины те древние легенды, нелюбимые, если не сказать запрещенные в Вайла'туне, в которых дикари Пограничья предстают дальними сородичами *вабонов*, однажды утратившими веру и превратившимися в лесных изгоев, а потом и в злейших врагов? Он, Локлан, никогда раньше не разделял этих крамольных взглядов, но разве не стал он только что свидетелем косвенного доказательства их обоснованности? Уж одного этого будет вполь-

не достаточно, чтобы отец одобрил его решение не придавать пленницу казни, а выведать у нее все возможные подробности планов *шеважа* и тем самым попытаться предотвратить надвигающуюся катастрофу. Поскольку Локлан верил в то, что отказывался понимать Ракли: воевать с дикарями по старинке, за счет одной только силы оружия и воинской дисциплины больше не удастся. Какими бы доблестными ни были герои *вабонов*, чьи культы проповедуются буквально на каждом углу, воодушевляя и зовя к подвигам их потомков, с тех пор мир изменился, и нужно искать новые пути, которыми новые герои прошли бы к новым сокрушительным победам над растущим и крепнущим врагом. И если не найти этих путей вовремя, казавшееся еще вчера невероятным может произойти уже завтра: полчища *шеважа* покинут чащи Пограничья и хлынут второй Бехемой на застывший в ужасе Вайла'тун, неготовый к противоборству этому живому наводнению.

Он нагнулся над пленницей и повернул к себе ее лицо. Жест, за который в прошлый раз он заработал звонкую пощечину. Сегодня он дался ему без труда. Девушка даже не открыла глаз. Она крепко спала пьяным сном и не догадывалась о том, что с ней происходит. Было бы жалко упустить столь удобный момент.

Сгорая от едва сдерживаемого возбуждения, Локлан провел ладонью по красивому, несмотря на разводы грязи, лицу, по тонкой шее, по голому, исцарапанному плечу, нако-

нец, по груди, все еще надежно скрываемой шкурой, и попытался непослушными пальцами развязать тесемки безрукавки. У него почти получилось, и он уже предчувствовал чудо, которое увидит, когда проделает эту нехитрую операцию, много раз блестяще удававшуюся ему прежде, до конца, когда почувствовал подозрительный укол в шею и только сейчас заметил, что раскосые глаза с поразительно длинными ресницами пристально смотрят на него, а губы сложены в насмешливую улыбку.

– Шевельнись, и будешь убит…

Он не поверил, что это происходит с ним в действительности, но попытка двинуть рукой привела к режущей боли в шее.

Скосив взгляд, Локлан издал стон отчаяния. Если любовь сродни глупости, то он оказался глуп вдвойне.

Пока он, погрузившись в сладострастные мечты, возился с одеждой пленницы, та незаметно вынула из его собственных ножен кинжал и теперь держала его так, что любое неосторожное движение Локлана не помешает ей пронзить ему горло. Свободной рукой она торопливо расстегивала пряжку его пояса, освобождая от основного оружия – меча. Можно, конечно, испытать ее ловкость и постараться перехватить кинжал, но что-то в ее твердом взгляде говорило: «Не нужно».

Покрывшись в одно мгновение холодным потом, Локлан позволил пленнице обезоружить себя. Судорожно сообра-

жая, что же предпринять, он удивился еще больше, заметив в глазах девушки смешливые искорки и услышав:

– *Илюли боится. Сана побеждает илюли. Сана может убивать.*

В голосе ее звучало торжество ребенка, взявшего верх над уступившим ему в потешной схватке взрослым.

Они застыли, глядя друг на друга.

Теперь во взгляде девушки читался интерес и нетерпеливое ожидание. Что он предпримет в следующий момент? Она сделала все, что могла, и тоже оказалась в тупике, вывести из которого ее сможет только его подчинение, спокойствие или безрассудство. Но она не убила его сразу, и это тоже кое-что да значило. Скорее всего, она просто поняла, что это убийство не освободит ее от цепи и неминуемо приведет к собственной гибели. Зато их нынешнее положение замечательно способствует равным переговорам. Вот только о чем просить и на чем настаивать?

– Сана, я принес тебе еды и питья и не хотел причинять вреда. Если бы хотел, то давно бы причинил.

Нет, это должно было прозвучать вовсе не так. Сейчас это похоже на просьбу о помиловании.

– Без меня ты не получишь свободу. Опусти нож и отдай мне меч, пока не стало слишком поздно…

– *Сана знает. Если Сана не убивает илюли сразу, потом трудно.*

– Отдай мне оружие, и я не трону тебя. Клянусь. Если ты

обещаешь, что не убежишь, я велю снять с тебя цепь. Ты расскажешь мне о том, что я хочу знать, а потом я отпущу тебя к твоим родичам.

– *У Саны нет, куда идти. Сана одна. Илюли убили Ноджа. Сана не верит илюли.*

– Мне жаль, Сана. Но я не убивал твоего отца. Вы первыми напали на нашу заставу. Мы защищались. Мою мать тоже убили *шеважа*. – Если ложь во спасение, почему бы ни соврать? – Однако я не хочу мстить за нее тебе. Я только хочу поговорить с тобой. Тем более сейчас, когда узнал, что ты понимаешь наш язык. Отдай мне оружие и давай хотя бы на время забудем, кто мы.

Подобная беседа с клинком у кровоточащего горла выглядела, по меньшей мере, забавно, если бы не происходила в действительности. Пленница смотрела на него, не отрываясь, словно вдумываясь в услышанное и решая, как поступить дальше.

– *Сана не забывает*, – произнесла она наконец одними губами. – *Сана хочет верить илюли. Сана устала*.

– Я вижу, что ты устала. Я и сам устал. Ты можешь мне верить. Я до сих пор не казнил тебя, хотя мой отец хотел. Я принес тебе еды, чтобы ты не умерла.

– *И это*? – Она подняла ногу и звякнула цепью.

– Я освобожу тебя, если ты разрешишь мне уйти и раздобыть ключ. У меня нет от нее ключа. Ты понимаешь?

Он скорее почувствовал, чем увидел, как она опустила ру-

ку с кинжалом.

– Илюли уходит. Илюли возвращается. Сана свободна.

Не до конца веря в свою победу и избавление, Локлан осторожно поднялся с пола. Пленница поднялась следом за ним, повторяя каждое его движение и держа кинжал и меч наизготовку. Встала, пошатываясь. Вероятно, выпитое вино все еще бродило у нее в крови. Высокая. Стройная. И смертельно опасная.

Он начал медленно отступать он нее.

Сана следила, не двигаясь с места.

Он уперся спиной в косяк двери и понял, что отошел на безопасное расстояние. Здесь она даже при желании не достанет его мечом. Но в руке у нее по-прежнему был кинжал, которым она поигрывала, держа за лезвие, а *шеважа* славились своим умением не только стрелять из луков, но и метать в противника все, что летает – от ножа и топора до острых шишек.

– Я не могу позволить тебе оставить оружие. Брось его мне.

– Сана не убивает себя. Иди.

Об этом он не подумал. А ведь она действительно, того и гляди, обретет долгожданную свободу, просто-напросто сведя счеты с жизнью. И оставит его в дураках. По крайней мере, что-то подсказывало ему, что другую такую женщину он едва ли когда-нибудь найдет, будь то среди *шеважа* или даже среди *вабонок*.

Повернувшись к пленнице спиной, за что в другой раз сам бы отчитал любого *виггера*, он открыл дверь чулана и вышел в спальню.

На разобранной кровати сидела, поджав под себя ноги, длинноволосая пухленькая служанка, пришедшая сюда по обыкновению и теперь с ужасом взиравшая ему за спину. На ней была тонкая рубаха, под которой, как он знал, ничего нет.

Локлан резко захлопнул за собой дверь и с раздражением отмахнулся от девушки. Та поспешно соскочила с кровати и опрометью выбежала из спальни. Едва ли она поднимет тревогу, подумал Локлан, провожая взглядом ее босые пятки. А вот то, что служанки заходят к нему, когда им вздумается, плохой знак. Нужно распорядиться, чтобы Олак занялся их воспитанием.

– Олак!

Слуга появился не сразу, давая понять, что не дежурил под дверью. По-прежнему в кольчуге и с длинным кинжалом за поясом. Остановился на пороге, ожидая указаний.

– Олак, я совершил большую глупость. – Сосредоточенное лицо слушателя не выдало удивления. – В чулане закрыта моя пленница. Только теперь она вооружена моим оружием и требует, чтобы я снял с нее цепь.

– Она заговорила? – Бровь Олака поднялась.

– Да, хотя сейчас не это главное. Как ни странно, мне хочется ей верить.

– Женщинам нельзя верить.

– Знаю. Но иногда очень хочется. Нужно ее разоружить и попробовать освободить. Мне удалось заставить ее поесть и даже выпить бутылку вина, и мне кажется, что она благодарна.

– Настолько, что проткнула вам шею?

Локлан потрогал рану и взглянул на окровавленные пальцы.

– В этом я сам виноват. Не смог сразу найти общий язык и договориться. Ключ у тебя?

– Не думаю, что вы приняли правильное решение. На вашем месте я бы…

– Тебе едва ли получится оказаться на моем месте, Олак. Давай лучше предпримем все необходимые меры безопасности, выполним ее условие и посмотрим, что из этого получится.

– Сначала нужно отобрать у нее оружие. Полагаю, с живым *шеважа* это проделать невозможно. Разрешите мне сходить за подкреплением?

– Если ты испугался ее, то дай ключ мне, я сам все сделаю! А ты пока можешь заняться служанками, которых я уже устал обнаруживать у себя в спальне в самое неподходящее время. Утрой им хорошую порку, как умеешь, и пригрози, что в следующий раз та, кто ослушается, будет отправлена домой, к родителям, без денег и содержания.

Олак молча отцепил от пояса ключ, неохотно вручил его

Локлану, демонстративно спрятал в складках длинной одежды кинжал и, не оглядываясь, вышел. Вскоре из коридора донесся жалобный плач – это разбуженные служанки бежали вниз по главной лестнице башни в предвкушении неминуемого наказания, как за свои, так и за чужие проступки.

Локлан повертел в руке ключ. Неужели он боится этой ловкой, но слабой воительницы? Неужели он не чувствует в себе сил в одиночку обезоружить ее, покорить, заставить подчиниться своей воле? Или зародившееся желание играет с ним злую шутку, сбивая с мысли и не давая сосредоточиться на единственно верном решении?

Он приоткрыл дверь чулана.

Сана стояла там, где он ее оставил, возле стены, с мечом наперевес и кинжалом в откинутой в замахе руке. На таком расстоянии хозяйкой положения оставалась она. Чтобы лишить ее превосходства, нужно было приблизиться к ней.

Локлан показал девушке ключ. Она едва заметно кивнула, не меняя позы. Тогда он медленно пошел ей навстречу, стараясь не обращать внимания на два нацеленных на него клинка и две не менее выразительные выпуклости, вздымающиеся под безрукавкой.

Подойдя настолько близко, что мог почувствовать ее прерывистое дыхание, он опустился на одно колено и склонился к закованной в железное кольцо щиколотке. Сейчас она могла бы беспрепятственно вонзить ему меч между лопаток и освободиться самостоятельно. Однако она этого не дела-

ла. Ключ послушно провернулся в скважине, и кольцо распалось на две скобы. Только на коже остался круглый след.

Не успела наблюдавшая за его действиями пленница выпрямиться, как Локлан, воспользовавшись ее любопытством и радостным замешательством, резко выбросил вверх сжатую в кулак руку и нанес девушке сокрушительный удар в подбородок. Сана, как подкошенная, рухнула прямо на него, выронив оба клинка, торжествующе зазвеневших по камням пола.

Подобный удар сделал бы честь любому *виггеру*. Локлан научился ему у Роджеса. Палач пользовался им в тех редких случаях, когда его жертва осмеливалась оказывать сопротивление. Он лишал человека сознания на довольно длительное время и не оставлял следов. Но силу удара приходилось тщательно соизмерять, поскольку ее избыток мог привести к тому, что затылок запрокидывался слишком резко, позвонки заходили один за другой, и шея ломалась, что в лучшем случае приводило к параличу на всю оставшуюся жизнь, а в худшем – к ее моментальной потере.

Выбравшись из-под груза бездыханного тела, Локлан перевернул девушку на спину, подцепил подмышки и выволок из чулана в спальню. Сперва он хотел уложить ее на свою кровать, но побрезговал и оставил лежать на полу. Сев рядом, внимательно осмотрел бледное лицо, пощупал едва различимое биение пульса на шее, провел все еще испачканными собственной кровью пальцами вдоль позвоночника,

убеждаясь, что все кости на месте, вытянул плети безжизненных рук вдоль тела и принялся развязывать тесемки безрукавки. Пальцы не слушались. Тогда он вернулся в чулан, подобрал кинжал, на всякий случай не тронув меча, и, нагнувшись над неподвижной пленницей, больше похожей сейчас на огромную куклу, чем на живого человека, несколькими точными взмахами распорол на ней одежду.

Стараясь не смотреть на то, что получилось, и, отвлекая себя мыслями о грязи, которую ему еще только предстояло смыть, Локлан отошел к большой купальной кадке, обычно доверху наполненной водой. Так и оказалось: служанки заранее приготовили для него ванну, заполнив кадку до половины и расставив несколько ведер с водой и миски с целебными травами на деревянной лавке поодаль. Хорошо же он отблагодарил их за исполнительность: жалобные крики несчастных до сих пор слышались из подвальных помещений.

В сундуке у окна Локлан отыскал моток прочной веревки. Отрезав два куска в локоть длиной каждый, он одним туго завязал щиколотки девушки, а другим – запястья сложенных под грудью рук. Теперь, даже очнувшись после удара, она бы не могла ни причинить ему вреда, ни обратиться в бегство. Все, на что она была бы способна, – это ругать своего мучителя и покорно следить за его действиями.

Собственно, мучителем Локлан себя вовсе не считал. Напротив, он рассуждал, что оказывает чужеземке высочайшую честь тем, что не без труда усаживает ее в кадку, подли-

вает в воду целебных снадобий и принимается мыть и тереть жесткой мочалкой, как слуга – любимую госпожу.

Над поверхностью оставалась лишь ее взъерошенная голова, так что он не видел, что именно моет в данный момент и лишь с блаженством ощущал под пальцами то упругую мягкость, то укромную ложбинку, то твердую мышцу бедра, то выступающую кость таза, то ровный рельеф тонких ребер. Потом он перешел к ее волосам и первым делом намочил их как следует из ковшика. Вода в кадке и ведрах была принесена из колодца и еще не успела нагреться, однако девушка ничего этого не замечала. Положив ее запрокинутую голову на край кадки, Локлан пальцами расправил волосы, кончики которых легли в лужицы на полу, и долго расчесывал их деревянным гребнем, удивляясь пышности, мягкости и цвету. Отложив гребень, он стал водить по ним ладонями, испытывая при этом давно забытые чувства размеренности и покоя.

Пленница застонала. Действие удара заканчивалось. Девушка приходила в себя. Локлан окатил ее лицо водой из ковшика. С восхищением пронаблюдал, как трепещут длинные ресницы и приподнимаются веки. Захотел поцеловать в губы, но счел непозволительной слабостью. В любое мгновение в спальню мог войти кто угодно, да хоть тот же Олак с донесением об успешно выполненном поручении.

Первое, что она сказала, открыв глаза, было снова произнесено на ее чудно̀м языке и показалось Локлану ругательством, хотя проговорила она это тихо, чуть слышно. Вероят-

но, она еще не осознала, где находится, и прохладная вода была для нее лишь приятной прохладой.

И правда, подняв руки к лицу, она увидела, что связана, метнула взгляд на замершего в ожидании юношу, оскалилась и стала рвать зубами веревки. Локлан сообразил, что недооценил ее гнева и решимости. Он попытался ей помешать, но был обрызган водой и укушен за палец. Нет, ему все же не стоило вести себя так опрометчиво. Хотел, видите ли, уединиться со своей пленной красавицей! Ну вот, теперь сам расхлебывай кашу, которую с такой безоглядностью заварил.

У девушки был настолько разъяренный вид, что, казалось, наставь он на ее сейчас меч или арбалет, она бы не прекратила извиваться и заламывать руки в тщетной – пока – надежде освободиться. Сама кадка грозила опрокинуться, так сидевшая в ней пленница металась и неистовствовала.

Локлан взирал на нее издалека, потирая палец, и буквально не знал, что ему делать. Не бить же ее еще раз. Тем более что второй такой расчетливый удар у него явно не получится.

В порыве негодования девушка встала было из воды, однако, увидев себя со стороны, поспешно плюхнулась обратно, подняв бурю брызг.

Локлан расхохотался, чем только еще сильнее раззадорил ее.

Похоже, он принял единственно верное в подобной ситуации решение: ничего не предпринимать и терпеливо ждать, когда буря уляжется.

Поначалу он даже опасался, что девушка от отчаяния захочет утопиться прямо в кадке, но та как будто забыла о подобной возможности избавления и продолжала молотить по воде связанными руками и поджимать ноги, чтобы не высовываться над поверхностью выше плеч.

– Ну, красавица, побаловалась и будет с тебя! – сказал он через некоторое, довольно продолжительное время, за которое успел вдоволь натешиться зрелищем и вспомнить, что, в конце концов, мужчина, имеющий дело с привлекательной, разъяренной, опасной, но все же девушкой.

Выбившись из сил, она наблюдала, как он подходит к кадке, наклоняется и вынимает деревянную затычку, расположенную у самого дна. Из дырки прямо на покатый пол хлынула струя воды. Во мгновение ока образовавшаяся лужа стала стекать в сторону, к стене, где обнаружился желобок, по которому вода зажурчала в специально проделанное для подобных целей в полу отверстие. Куда вода девалась дальше девушку не интересовало, поскольку в этот момент она заметила, что сидит в кадке, лишенная теперь всякого прикрытия.

– Вот уж не думал, что ты умеешь краснеть! – воскликнул Локлан, со смехом протягивая к ней руки, чтобы помочь выбраться.

Девушка отчаянно завизжала и попыталась снова его укусить. Не тут-то было. Локлан ловко зашел ей за спину, подхватил подмышки и в два счета вытащил через край кадки,

которая угрожающе накренилась, однако почему-то не перевернулась.

– Если брякнешься на пол, – предупредил он, – придется тебя снова мыть.

Дотащив извивающуюся и упирающуюся девушку до постели, он бросил ее прямо на одеяло и, пока она поспешно поворачивалась к нему спиной и съеживалась калачиком, сорвал со стены чистое покрывало, которым сам пользовался после мытья, и набросил на нее. Она вздрогнула, осознав, что ее не тронули, а, напротив, помогли укрыться.

– У *вабонов* не принято применять к женщинам силу, – слукавил Локлан, останавливаясь в изножье постели и готовясь к любому выпаду. – Не знаю, что там наговорили тебе твои соплеменники, но предлагаю не верить им и испытать все самой. В том смысле, что испытывать тебе ничего не придется. Если не хочешь. То есть, я хотел сказать, если будешь вести себя подобающим образом.

Сана лежала тихо, словно прислушиваясь к тону его голоса, и не шевелилась. Вероятно, приступ отчаяния благополучно закончился, разница между каменным холодом пола и мягкой кроватью сделали свое дело, и она впервые за последние дни обрела здравомыслие. А оно подсказывало, что наступают моменты, когда сопротивление, подстегиваемое слепой гордостью, бесполезно, потому что ты толком даже не знаешь, где находишься, и уж тем более, сколько вооруженных стражей тебя охраняют. Разумеется, ты можешь по-

стараться распутать или перегрызть эти веревки, можешь усыпить бдительность – интересно, правда, как? – этого насмешливого юнца, мнящего себя победителем, можешь снова завладеть оружием и броситься с мечом наперевес прочь из этого огромного дома, вниз по склону, через посты вражеских воинов, через мост, в гущу множества мелких домов, между которыми ее не так давно привезли сюда, но едва ли все это закончится иначе, чем бесславной гибелью вдали от Леса, где никто и никогда не услышит о ее жертве. Нет, это хоть и выход, но вряд ли лучший.

Локлану показалось, будто он читает мысли своей присмиревшей пленницы. Она больше не будет оказывать сопротивления. Во всяком случае, до тех пор, пока не будет хотя бы отчасти уверенна в том, что имеет преимущество. А он постарается, чтобы этого не произошло. Никогда. Ради нее же самой, хотя она об этом и не догадывается.

Взгляд его упал на окно, за узкой прорезью которого уже розовел рассвет.

– Скоро утро, – сказал он, направляясь к чулану. – Под утро сон самый крепкий. Поспи, наберись сил, а днем я снова загляну к тебе, и тогда мы попробуем договориться. А за то, что пришлось ударить, извини.

Оглядываясь через плечо на неподвижную горку под покрывалом, он подобрал с пола меч, сунул его обратно в ножны, проверил, на месте ли кинжал, и на всякий случай тщательно осмотрел спальню. Все вроде бы в порядке, ничего ко-

люще го или режущего как будто не осталось. Даже деревянный гребень, хранящий ощущение от прикосновений к ее волосам, он сунул за пазуху.

– Веревки еще никому не мешали спать, – заметил Локлан, проходя мимо кровати. – Подумай о том, сколько раз только за это утро я мог бы тебя убить и не сделал этого. Пока ты со мной, ты в безопасности.

Он вышел из покоев, плотно закрыл за собой дверь и два раза повернул в замочной скважине ключ. Прислушался. Дверь была толстой, и даже если бы девушка сейчас подняла крик, он вряд ли услышал бы что-нибудь, кроме приглушенного стона. Но Локлан не слышал ничего и счел это верным признаком того, что пленница успокоилась, а может быть, и заснула. Как бы то ни было, сейчас он готов позволить себе расслабиться и встретить рассвет пусть и не с самой светлой головой, но зато с приятным ощущением исполненного долга.

Девушка заговорила.

Рано или поздно он выспросит у нее все, что может помочь его народу победить презренных *шеважа*. И отец не пожалеет о том, что не отдал приказа казнить ее в *каркере*, во внутреннем дворе замка или на ристалище у его подножья в качестве мишени для арбалетчиков.

И еще он увидел ее такой, какая она есть. Сильная, мускулистая, с крепкими ногами, широкими плечами и хорошо развитой грудной клеткой, развитой во всех отношени-

ях, при этом женственная и хрупкая, а порой, как сейчас, например, даже беззащитная. Как было бы замечательно, если бы когда-нибудь она перестала смотреть на него из под насупленных бровей с такой ненавистью и отвращением! Каким счастливым ощутил бы он себя, будь она не *шеважа*, а хотя бы просто чужеземка, вроде Вила, неизвестно откуда пришедшая и неизвестно куда и зачем стремящаяся! Или если бы в одночасье погибли все, кто знал о ее происхождении. Если бы он сам, один, нашел ее в Пограничье и привез в Вайла'тун, без сознания, притороченной к луке седла! Тогда ее не пришлось бы прятать в чулане от отца и собственных слуг, среди которых, кто знает, вполне могли найтись сумасшедшие фанатики того или иного культа, готовые выхватить из-под полы кинжал и сквитаться хотя бы и с пленным врагом за смерть близких и друзей.

Локлан вышел на витую лестницу и поднялся по ступеням до выхода на мост, ведущий на внутренние стены.

Мост был поднят.

Сидевший на карауле возле железной лебедки *эльгяр* дремал.

Локлан толкнул его в плечо.

Парень вскочил, ошарашено озираясь и лепеча извинения.

В другое время Локлан не пощадил бы его и немедленно отправил с надлежащим донесением к десятнику, который по-свойски наказал бы бедолагу да так, что тому не одну ночь

пришлось бы спать стоя. Но сегодня с утра у Локлана было более чем благодушное настроение, и он, для порядка уточнив имя горе-сторожа – Боквар, – велел ему опустить мост.

Из расширяющегося на глазах под скрежет цепей проема пахнуло ночной свежестью.

Не дожидаясь, пока мост опустится, Локлан взбежал по нему и спрыгнул на *ранты*. От его внимания не ускользнуло, как мирно сидевшие в укрытии стен *эльгяры* дружно преобразились, стряхнули с себя сонливость и сделали вид, будто так заняты дозором, что даже не замечают новоприбывшего. Просто они привыкли к царившей здесь до сих пор безмятежности, подумал Локлан, и никак не могут взять в толк, что времена спокойствия прошли, увы, безвозвратно. Стоило бы отправить их на зиму послужить в Пограничье, чтобы там они на собственной шкуре испытали, что значит спать на посту, когда в любой момент может появиться самый что ни на есть настоящий враг, вооруженный теперь не просто стрелами, сулящими смерть, а огненными, причиняющими непоправимые разрушения.

Он прошел по *рантам* до заветной башенки и взобрался на свою излюбленную смотровую площадку.

Уже окончательно рассвело, и стала видна вся округа.

Локлан опустился на лавку и с наслаждением вытянул ноги. Ходить в доспехах, пусть даже легких, целый день – непростая задача. Но отец отдал распоряжение, и его нельзя ослушаться. Ракли, как всегда, прав: подчиненным, как де-

тям, нужны не твои слова, а твой живой пример. Вот и приходится теперь носить на себе весь этот груз доспехов на случай внезапной тревоги вместо того, чтобы, как прежде, совать по утрам голову в просторную рубаху и целый день не знать забот. Хорошо еще, что прошло жаркое тело, а не то Локлану пришлось бы затевать мятеж.

Он с детства любил холод и, в отличие от большинства соплеменников, предпочитал засушливому лету морозные зимы. Здесь, на смотровой площадке, продуваемой ветром даже в самый знойный день, он чувствовал себя свободным от всех условностей этого странно устроенного мира и находил столь необходимый мир с собой.

Мир с собой! Это именно то, чего не хватало его отцу. Ракли был прекрасным, храбрым *виггером* и умелым правителем, достаточно жестоким и достаточно справедливым, чтобы вот уже сколько зим вести за собой *вабонов*, среди которых, как по собственному опыту знал Локлан, далеко не все были довольны существующим положением дел. Прежде было достаточно вести родословную от какого-нибудь героя, чтобы на твои права никто не посмел покуситься. Теперь же даже имя Дули не могло остановить всяких болтливых пройдох, распускавших слухи об обмане, царящем в замке, и о некоем неправедном пути, которым Ракли, а значит и он, Локлан, пришли к власти. Правда, ему было еще мало зим, когда отцу удалось подавить мятеж, вспыхнувший из-за каких-то поддельных свитков, причем пода-

вить так ловко, что в Большом Вайла'туне о нем не узнали вовсе, а обитатели Малого были настолько запуганы последовавшими за ним ответными действиями Ракли, что постарались про все забыть.

Локлан понимал, что отцу приходится сражаться на два фронта: один был очевиден всем и заключал в себе угрозу нападения на мирную жизнь *вабонов* извне, точнее, из Пограничья; другой давал немало пищи для сомнений, но почему-то представлялся Ракли более важным, нежели первый. Локлан никогда не вступал с отцом по этому поводу в споры, однако никак не мог понять, почему война с *шеважа* все меньше занимает его, тогда как долгие запирания в своих покоях с какими-то подозрительными людьми, беспрепятственно проникающими в замок, стали чуть ли не ежедневными. Однажды Локлан ради интереса даже выследил одного такого непрошенного гостя и, когда тот скрылся за дверьми тронной залы, поинтересовался у охранника, какие ему были предъявлены верительные грамоты. Тот замялся и начал нести полную чушь насчет некоего распоряжения Скелли. С каких это пор писарь, пусть даже главный, отдает распоряжения охране да еще такие, о которых неизвестно Локлану? Он попытался рассеять свои сомнения в разговоре с отцом, но запутался еще больше, поскольку услышал весьма грубую отповедь, смысл которой сводился к тому, что каждый должен заниматься сугубо своим делом. Выяснять же правду непосредственно у Скелли, этого

довольно мерзкого старичка с длинными жиденькими патлами и не сходящей с морщинистого лица улыбки, больше смахивающей на оскал трупа, Локлану совершенно не хотелось. Он предпочитал если уж и общаться с ним, то через посредство Олака, которому, похоже, было все равно с кем разговаривать, будь то Скелли, Ракли или последний из слуг, лишь бы исполнить поручение молодого хозяина, за что Локлан его особенно ценил. Однако даже Олак не сумел пролить свет на происходящее в замке. Иногда, правда, Локлану казалось, что верный слуга знает больше, чем говорит, однако доказательств у него не было. Да и вникать во все эти перипетии закулисной жизни замка Локлан искренне считал ниже своего достоинства как потомка великого Дули. Который погиб из-за своей беспечной отваги, но зато не разменивался по пустякам, был прямодушен и не заметил предательства своего близкого друга Эригена. Конечно, Локлан не считал это проявлением мудрости, однако немногие герои удостоились посмертного культа за свою сообразительность. Еще Роджес, наставник его младшего брата, говаривал, что «много ума мешает подвигу». Чтобы остаться в истории, требовалось действие, известное и понятное большинству. В противном случае твое имя могло быть вписано в хроники Вайла'туна, но становилось известным лишь узкому кругу писарей да Ракли, который потом выискивал твоих потомков и присваивал им титул *эдельбурна*. Хотя, быть может, все происходило в точности наоборот, и имена великих пред-

ков вписывались в летописи теми, кто оказывался в состоянии расстаться с увесистым кошелем, а за это приобрести столь недоступную в мирное время славу. В этом проявлялось еще одно качество отца, смущавшее Локлана, пожалуй, еще сильнее, чем любовь к тайным заговорам и склокам: его скаредность. Ракли терпеть не мог тратить накопленные деньги и самолично вел учет всем расходам и доходам, следя, чтобы первые не превышали вторых. Платить же с каждой зимой приходилось все больше: хотя бы на поддержание застав и растущего гарнизона замка, от чего Ракли никак не мог отказаться перед лицом как внутренних, мнимых, так и внешних, все более настойчиво заявляющих о себе врагов. Причем Ракли с непонятной настойчивостью оставлял это бремя расходов за собой. Локлан очень хорошо помнил недавнее заседание большого совета в тронном зале, на котором, кажется, Тиван, командующий конной гвардией и мудрый стратег, сам предложил остроумный ход, при котором содержание гарнизона перекладывалось с казны замка на расплодившихся по Вайла'туну *эделей*. Конечно, он не употреблял таких слов вслух, однако мысль его была воспринята Ракли неоднозначно, если не сказать «в гневе отвергнута». В отличие от молча слушающего Локлана, он понял ее как подрыв целостности обороны замка и чуть было не обвинил Тивана в заговоре. Тогда как, на взгляд Локлана, помощник предлагал Ракли тонкий ход, решавший сразу несколько задач: рост казны, занятость *эделей* нужным всем

делом, подвижность гарнизона, сегодня по большей части скованного стенами замка, и, наконец, приток в ряды *эльгяр* свежих сил, что пока тормозится опять-таки нежеланием Ракли тратиться на новобранцев. Интересно, что большинство членов совета, разумеется, поддержали мнение Ракли. Они как будто даже не поняли и уж тем более не оценили, что Тиван, выдвигая такое смелое предложение, вольно или невольно подрубал сук, на котором сидел. Ведь в конечном итоге командовал гарнизоном именно он. И чем меньше в его непосредственном подчинении будет *виггеров*, тем слабее окажется его собственное положение в глазах тех же *эделей*, многие из которых входили в большой совет. Тогда Локлан приписал странность происходящего противоречивому характеру отца и трусливой нерешительности его советников, однако чем больше он думал, тем отчетливее понимал, что за всем этим должен скрываться далеко идущий замысел. Какой и кому он принадлежит – отцу, советникам или Тивану – Локлан определить не мог. Ясно было одно – не только в Торлоне, не только в Вайла'туне, но и в Меген'торе грядут серьезные перемены.

Он очнулся от рези в спине и яркого света солнца, уже всплывшего над зеленым ковром Пограничья. Вероятно, путаные размышленья навеяли на него сон, и он не заметил, как задремал в неудобной позе.

Поодаль стоял Олак, делавший вид, будто не замечает пробуждения хозяина, и дожидавшийся, пока его ни оклик-

нут.

– Что стряслось, Олак? – Локлан встал на ноги и потер ноющую спину. Ветер почти стих, так и не нагнав облаков. День обещал быть теплым. – Или ты пришел пожелать мне доброго утра?

– Ничего не стряслось, *хелет*. Если не считать того, что кто-то ломится в дверь изнутри вашей спальни, а, кроме того, в замок снова пожаловал тот юноша, которому вы давали верительную грамоту. Кажется, Хейзит его зовут.

Локлан усмехнулся.

– Так с чего ты бы посоветовал мне начать?

– Гость ждет недавно, а дверь вам ломают уже прилично. Я бы начал с покоев.

– Что ж, пожалуй, я так и поступлю. – Локлан подмигнул уже успевшему отвернуться от него Олаку и почесал затылок. – Знаешь что, проводи-ка Хейзита в тронную залу и пусть подождет меня там. Хотя, нет, лучше я сам пойду, поздороваюсь с ним. А потом мы с тобой вместе разберемся с девушкой.

У Олака вытянулось от недоумения лицо, однако он ничего не сказал и пошел следом за Локланом.

Оказалось, что Хейзита в башню не пустили, и он терпеливо ждет в тени кедров посреди площади. Рядом с ним лежал неприглядного вида мешок с наспех сделанными разноцветными заплатами.

При виде Локлана Хейзит поспешно поднялся с земли,

на которой сидел, прислонившись спиной к мешку, и неуклюже изобразил жест приветствия. По взъерошенной шевелюре и красным глазам было заметно, что ночь он тоже провел без сна.

– Я выполнил то, что обещал, – негромко сказал он, подозрительно косясь на Олака.

– Очень хорошо. Показывай.

Хейзит замялся.

Локлан выжидал, пряча улыбку.

– Ты не доверяешь мне?

– Доверяю. – Юный строитель потупился. – Но я бы хотел, чтобы мое новшество увидел и ваш отец.

Олак красноречиво фыркнул, однако Локлан только плечами пожал.

– Ладно, раз ты на этом настаиваешь, пусть так и будет. Тебе помочь?

– Нет, я уж как-нибудь сам. – Хейзит взвалил мешок себе на плечо. – Мне нетяжело.

Действительно, слишком легко, если там лежали камни, о чем свидетельствовали торчащие из мешка острые углы, грозившие прорвать ветхую ткань.

– Единственная сложность в том, – заметил Олак, – что вашего отца нет в замке. Я не успел вам сказать, что он еще на рассвете велел седлать коня и отправился на охоту.

– Что за чудачества! – не сдержался Локлан. – Какая теперь охота!

– Он так сказал, – пояснил Олак, как бы давая понять, что, в конечном счете, слова Ракли каждый волен истолковывать по-своему.

– Не думаю, что это надолго. – Локлан похлопал Хейзита по мешку. – Пойдем пока позавтракаем, а там, глядишь, он и возвратится. Если, конечно, ты ни передумаешь и ни покажешь свое, как ты выразился, «новшество» мне. Но и тогда я бы не стал забывать про завтрак.

– И про дверь, – загадочно напомнил Олак.

Локлан ничего не ответил. Приход Хейзита позабавил его. Он давно симпатизировал этому юному каменщику, одаренного пытливым умом и определенной храбростью. Во всяком случае, Локлан знавал немало храбрых в бою *виггеров*, которые бы никогда не отважились вести себя настолько независимо и естественно в присутствии Ракли, как то делал Хейзит во время их последней встречи. По всему было видно, что парень точно знает, чего хочет, а хочет то, что может. Тоже немаловажное качество. Многие из особо приближенных к Ракли людей не могли и половины того, за что брались. С некоторых пор их становилось все больше.

Теперь они шли бок о бок по лестнице башни, и Локлан невольно пытался понять, что же такое интересное придумал его молчаливый спутник. Судя по внешнему виду, он приволок сюда груду камней и собирается ими похвастаться. Вероятно, он умудрился набрести на их залежи и теперь помышляет о том, чтобы превратить свою находку в звонкие

силфуры. Однако даже дюжина подобных мешков не решат судьбу *вабонов*. Ведь не зря же в последний раз они разговаривали о невиданном по своему размаху замысле: сделать каменными не только все заставы, но и дома обитателей Вайла'туна. Разумеется, тех, кому хватит для этого средств. Да только где взять на все это столько материалов? Если Хейзит и нашел место для новой каменоломни, едва ли оно достаточно большое, чтобы удовлетворить всех желающих. Иначе его давным-давно бы обнаружили. За три прошедшие зимы Ракли дважды отправлял опытных каменщиков вдоль Бехемы в одном и другом направлении на поиски камней. Те, что пошли вверх по теченью, вернулись ни с чем. Те, что пошли вниз, не вернулись вообще. Очевидно, они осмелились дойти до того места, где лес Пограничья подступал к самому брегу, и пали легкой добычей тамошних *шеважа*. Вместе с каменщиками сгинули и два десятка *мергов*, сопровождавших их на всем пути.

Обычно Локлан завтракал у себя в покоях, но сейчас по понятным причинам об этом не могло быть и речи.

– Олак, пока мы с Хейзитом будем на кухне, сходи к Фреде и скажи ей, чтобы она подыскала нескольких служанок покрепче. Пусть они подождут меня возле дверей моей спальни, только не пытаются туда войти, что бы ни происходило. Похоже, я допустил ошибку, не достаточно прочно связав эту девчонку, так что нам придется применить к ней силу. Думаю, лучше всего для этого подойдут прачки. У них

железные руки.

– Мне тоже там вас дожидаться?

– Нет, пусть это тебя не касается, – как можно мягче ответил Локлан, представив себе зрелище, которое ждет их за дверью. – Я бы попросил тебя разведать, когда возвратится отец и по возможности его поторопить. Не говори про нашего гостя. Скажи только, что я волнуюсь, имея в виду последние события.

– Кстати, вы слышали о том, что сегодня ночью в Малом Вайла'туне был пожар? – покосился на закашлявшегося Хейзита Олак. – Чей-то дом сгорел дотла. К счастью, больше никто не пострадал.

– Дурные новости, – поморщился Локлан и продолжил, обращаясь к спутнику: – Похоже, твои новшества как никогда кстати. Если только мы сможем добыть необходимое количество. Олак, поторопи отца, сказав ему о пожаре.

– Сомневаюсь, что он о нем еще не знает.

Локлан не стал уточнять при посторонних, что имеет в виду Олак. Ему ли не знать, как надежно работают тайные осведомители отца, разосланные по всем уголкам Торлона. Иногда у Локлана даже возникало ощущение, что некоторые из них сумели втереться в доверие к *шеважа* и теперь скитаются по Пограничью вместе с ними. Правда, это не помешало Ракли оказаться застигнутым врасплох известием о гибели целой заставы. Теперь еще этот пожар под самым носом…

Олак незаметно ушел, а они продолжили свой путь, через

коридор и далее вниз, по витой лестнице, на кухню.

Хейзит есть не хотел. Утром, пока Велла штопала мешок, мать накормила его до отвала и еще дала в дорогу несколько булок, тепло которых он до сих пор ощущал за пазухой. Но отказываться от приглашения самого Локлана да еще в такой ответственный день он посчитал легкомысленным. От того, как все пройдет, зависело не только благополучие *вабонов*, скромно думал он, но и его собственное. Мать не зря выбрала далеко не самый новый из целой кипы хозяйственных мешков. Пусть уж лучше Хейзит производит впечатление вынужденного быть бережливым хозяина. Показать свой достаток он всегда успеет. Жалость – оно, конечно, не самое приятное из вызываемых чувств, однако выступать в роли просителя, обсуждающего цены и условия сделки, сподручнее с залатанным мешком и взъерошенными волосами, нежели свежим, чистым и дышащим богатством. Хейзит не мог с ней не согласиться. Они заранее, еще на рассвете обсудили с ней, как вести беседу, на чем настаивать, где при необходимости уступить, а главное – за что бороться. Хейзит лишний раз убедился в том, что Гверна не только умеет считать деньги, но и разбирается в человеческой натуре. Правда, теперь выяснялось, что ему придется действовать по обстановке, поскольку один из предполагавшихся собеседников отсутствовал. Зато он точно знал, с какой цены следует начать разговор, и ниже какой он не имеет права опускаться. Знай об этом Ротрам, он бы наверняка похва-

лил его как достойного ученика.

Однако упоминания ночного пожара и какой-то «недостаточно прочно связанной девчонки» сбили его с мысли и заставили лишний раз вспомнить, где он оказался. Прозрачный намек на ищеек Ракли и на его осведомленность относительно последних трагических событий укрепили Хейзита в невеселой уверенности относительно того, что он добровольно входит в логово дикого зверя, а позади него вот-вот захлопнется неприступная решетка. Единственная надежда оставалась на расположение к нему Локлана, в чем тот пока что не позволял усомниться, и на заинтересованность Ракли в выгодном предприятии.

Кухня встретила их громыханием сковородок, перебранкой поваров и запахами торопливой готовки: запаздывал завтрак для второй гарнизонной смены. Появление Локлана, к удивлению Хейзита, осталось незамеченным, если не считать нескольких поспешных поклонов да нарочито громких окриков зазевавшихся слуг. Все были при деле, и все хотели казаться еще более занятыми в присутствии сына своего самого главного господина. Который только кивал да улыбался, подталкивая спутника вперед.

Сколько же в замке *виггеров*, подумал Хейзит, сравнивая размеры помещения с кухней матери. Вот бы ее сюда! Она бы тут точно порядок навела.

Они пересекли кухню, лавируя между катающимися под ногами бочонками с соленьями, уворачиваясь от окороков,

подвешенных на жерди, которые парами вносила вереница слуг, и давая проход тележкам с испачканными в муке мешками.

– Ночью я убил в кладовой крысу, – бросил Локлан кому-то по дороге. – В следующий раз я заставлю эту крысу съесть.

Хейзит так и не заметил, к кому он обращается, но почувствовал, как пространства вокруг них стало больше, а слуги забегали еще быстрее.

Оказалось, что здесь же, за стеной при кухне имелось довольно просторное помещение, уставленное столами и скамьями, при виде которых Хейзиту снова вспомнилась недавно покинутая таверна. Только столы, как ни странно, не были прикрыты даже обычными скатертями, не говоря уж о двуцветных, желто-серых. Зато скамейки выглядели более изящными, сколоченными скорее всего не из дуба, а из какого-то более податливого дерева, поскольку, в отличие от ничем не примечательных скамеек таверны, эти были украшены красивой глубокой резьбой: на обратной стороне спинок Хейзит заметил многочисленные батальные сценки; подлокотники для удобства сидевших представляли собой длинные, чашеобразные лепестки папоротника; ножки и те не обошел вниманием инструмент плотника, превратив их в когтистые лапы невиданных трехпалых животных.

Не все, но многие места уже были заняты *виггерами*, пришедшими сюда с первой сменой. Появление Локлана, похо-

же, совершенно не смутило их, да и сам он явно не чурался их громкоголосой компании. Хейзит вспомнил, что на заставе Локлан вел себя в подобных ситуациях по-разному, то принимая живое участие в общих трапезах, то уединяясь вместе со слугой в башне и не приглашая никого, кроме разве что Граки, которому это не нравилось еще больше, нежели остальным.

На воспоминание о заставе Хейзита навело еще и то обстоятельство, что на одной из крайних лавок, почти в проходе, он заметил знакомую лысину и сутулую спину и сразу вспомнил странного человека, пришедшего из лесной чащи с легендарными доспехами и мечом Дули. Как же его звали?

– Привет, Вил! – сказал Локлан, поравнявшись с лысым и как ни в чем не бывало садясь напротив. – Сдается мне, что ты не выходишь отсюда с самой ночи.

Он рассмеялся и указал Хейзиту на место рядом с собой.

Действительно, его звали Вилом, и он, действительно, заметно располнел по сравнению с тем обтянутым кожей скелетом, которого Хейзит в последний раз видел на заставе: лицо округлилось, в серых глазах появился живой блеск, новый опрятный костюм казался маловатым.

Вил пробубнил в ответ нечто вроде приветствия. Он кивнул Хейзиту, и тот на всякий случай назвал себя.

– Хейзи, – повторил Вил, прислушиваясь к новому имени. – Привет, Хейзи.

– Вил пока живет в замке, – пояснил между тем Локлан,

поднимая руку и обращая на себя внимание одной из суетившихся между столами служанок в серых платьях и желтых чистеньких передниках. – Если поупражняться с ним в разговоре, то постепенно привыкаешь и начинаешь его понимать. Хотя думаю, что он понимает нас все же лучше, чем мы его. Правда, Вил?

Тот согласно кивнул, продолжая изучать нового знакомого. Хейзиту даже стало неловко. У *вабонов* считалось дурным тоном слишком пристально смотреть на собеседника, а тем более на того, с кем только что познакомился. Внимательный взгляд расценивался либо как признак враждебности, либо как немое признание в любви. Поскольку последнее между мужчинами было невозможно, Хейзит в любой другой ситуации имел полное право ответить Вилу грубостью и даже пустить в ход кулаки. Но только не теперь, поскольку перед ним сидел очень похожий на *вабона*, но все-таки чужак, не знакомый с их нравами, а значит, до поры до времени извиняемый в своем неведении.

Пока Локлан расспрашивал Вила о ничего не значащих вещах, вроде того, как тот спал и какого мнения он о местной кухне, благо перед ним уже стояли две опустошенные тарелки, а сам он за обе щеки доедал кусок малинового пирога, запивая не пивом, а кружкой горячего *крока*, Хейзит разместил под лавкой свой драгоценный мешок и задумался над тем, как ему вежливо избежать участия в трапезе.

Подошедшая в конце концов к ним служанка оказалась

полной противоположность Веллы. Она хмурилась, вероятно, от смущения перед Локланом, была немногословна и дважды рассеянно переспросила, что господа будут пить. Локлана это нисколько не разозлило, напротив, ему как будто доставляло удовольствие присутствие девушки и необходимость повторять, что гости хотят *крок* да погорячее.

– Ты и в самом деле ничего не будешь есть? – лишний раз поинтересовался он у Хейзита. – Возьми хотя бы пирог, как у Вила.

– Нет, Локлан, спасибо, но я никак не рассчитывал на то, что у нас будет время на второй завтрак, и потому перекусил у матери.

– Ах да, у вас ведь, если не ошибаюсь, целая таверна?

– В том-то и дело. Но вот от *крока* я, пожалуй, и, правда, не откажусь. Последний раз пил его на заставе.

Служанка отправилась выполнять заказ, а они еще некоторое время помолчали, вспоминая Пограничье.

– Хейзит, тебе никогда не приходилось слышать про такое место, которое наш гость называет «Англи»? – ни с того ни с сего начал Локлан. – Вил говорит, что там полным-полно замков вроде нашего. Я думал, раз такое дело, а ты у нас потомственный строитель, то должен был об этом слышать.

Уловив знакомые слова, Вил заметно оживился и уставился на Хейзита во все глаза. Тому ничего не оставалось, как пожать плечами и ответить, что впервые такое название слышит.

– Отец никогда мне ничего подобного не рассказывал. У *вабонов* всегда был один замок, тот самый, в котором мы сейчас сидим. Зачем бы нам понадобилось больше? А где находится ваша Англии? Далеко отсюда?

– Англи не знай, – закивал Вил. – Далек. Оч далек! Замки – да, много замки. Ваш красив, оч хорош, но в Англи много. Строитель хорош! – Перегнувшись через стол, он похлопал Хейзита по руке, и тот засомневался, хвалит ли он его или тех строителей, которые вообще строят замки.

– Из камня строите? – не мог не поинтересоваться он, проверяя пяткой, на месте ли мешок. – Должно быть, у вас в Англи много камня?

– Да, да, камень, много камень, – охотно согласился Вил, не заметив, как оба его собеседника болезненно поморщились. – Дерев тоже много, но для замки нужно много камень.

Затем последовала фраза, которую Хейзит не понял дословно, но смысл которой, по-видимому, заключался в том, что не то сам Вил, не то кто-то из его родственников занимался у себя в стране добычей камня.

– Хотел бы я хоть краешком глаза взглянуть на эту Англи! – сказал Хейзит и, покосившись на Локлана, добавил: – Пусть мое новшество и решит наши первостепенные задачи, но я бы все-таки не стал уповать на него настолько, чтобы не отправиться на поиски настоящей каменоломни. Может, Вил нам в этом поможет?

– Ты помнишь, что до сих пор происходило с теми, кто

отваживался искать камни вдоль Бехемы? Думаешь, стоит повторять эти ошибки?

Подошла служанка с заказом.

Отпив *крока*, Хейзит ощутил приятный прилив сил.

– Зачем нам повторять их ошибки? Мы почти наверняка знаем, что залежи камня есть на той стороне Бехемы, прямо напротив замка. Осталось придумать способ до них добраться.

– Мы об этом уже говорили, – заметил Локлан. – Копать подкоп под рекой можно уже сегодня, но доберемся мы дотуда, если доберемся, через много зим, а за это время… ты сам только что слышал о пожаре в Вайла'туне нынешней ночью. Уж коли мы сумеем переправиться на тот берег, то проще начать строительство прямо там, подальше от Пограничья.

Очевидно, эта мысль пришла ему в голову только что, потому что Локлан сразу посерьезнел, как бывает с людьми, на мгновение забывающими о том, что их окружает, а взгляд его сделался напряженно невидящим.

У Хейзита, предлагавшего не менее сумасшедший план – подкоп под Бехему, – затея строить новый замок и новый Вайла'тун не вызвала удивления. Гораздо больше его удивила реакция на нее самого Локлана. Если бы рядом внезапно оказался Харлин, он бы наверняка назвал его состояние «озарением». Что ж, в таком случае Локлан близок к тому, чтобы кто-нибудь провозгласил его «героем» и запустил в обращение новый культ. Если, конечно, раньше его не об-

винят в измене и трусости перед неприятелем.

– Можно построить лодки, – подал голос Уил. – Я никогда этим не занимался, но ведь у вас же наверняка есть столяры и плотники, которые смогли бы это сделать.

Речка, конечно, бурная, подумал он, но почему бы не попробовать? С парусом, пожалуй, не получится, но на весельной лодке, посадив в нее с десяток хороших гребцов, есть надежда, что течение не успеет отнести их слишком далеко в сторону. Да и начать можно всегда выше по течению. Видно, что ребята побаиваются воды, но ведь рыбу-то они как-то ловят. Не поверю, чтоб они обходились без лодок.

– Что ты сказал? – вышел из задумчивости Локлан. – Что построить?

Вил повторил незнакомое слово и попытался жестами пояснить, что под ним подразумевается. Выходило, что он имеет в виду некое средство переправы, снабженное какими-то большими ложками, которыми он предлагает отталкиваться не то ото дна, не то от самой воды. Последнее звучало особенно забавно.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что такие штуки плавают по твоей Англи? Хотел бы я на них взглянуть. Особенно на того смельчака, который захочет попытать счастье в нашей Бехеме. Советую как-нибудь погулять по стенам и посмотреть внимательно на реку. Мысль интересная, но я дав-

но перестал верить в сказки.

Вил как будто не обиделся такой отповеди, а может, просто не понял. Хейзит же решил, что в словах чужеземца есть зерно истины, до которого нужно только докопаться. Если многочисленные замки Англи не выдумка, то зачем называть сказкой плавание по реке? Парень не похож на человека, который говорит о том, чего не знает. С таким же успехом можно сказать, что не он принес на заставу доспехи Дули по той простой причине, что они – часть древней легенды.

Дальнейший разговор прервало появление Олака. Подойдя к их столу, он шепнул что-то на ухо Локлану. Тот выругался, громко поставил кружку и, объявив, что скоро вернется, поспешил следом за слугой.

Оставшись наедине с Вилом, Хейзит в первый момент смутился, однако несколько глотков *крока* развязали ему язык, и он принялся, как мог, расспрашивать собеседника о его стране. Вил охотно отвечал, но постепенно, обрадованный вниманием слушателя, пустился в такие словоизлияния, что Хейзит окончательно перестал понимать его речь, в которой половина слов проглатывалась, а другая была настолько исковеркана, что после нескольких кружек хмельного пива могла быть воспринята как издевательство над языком *вабонов*.

В какой-то момент Хейзит сообразил, что голос Вила – единственный источник шума. Все разговоры за соседними столами замолкли, а *виггеры* с укоризной смотрят на стран-

ного болтуна.

В дверях кухни стоял Ракли.

Заметив, что на него наконец обратили внимание, Ракли поднял руку и поманил Хейзита пальцем. Хейзит торопливо вытер рот и уже выбрался было в проход, но спохватился и вернулся за мешком. Замолчавший Вил вместе со всеми присутствующими наблюдал за его метаниями. Только в отличие от них он едва ли осознавал необычайность происходящего: сам Ракли оказывается на кухне, чтобы позвать его, никому не известного паренька с залатанным мешком. Обычно даже важные *эдели* вынуждены были ждать дозволения войти в тронный зал для заранее назначенной им встречи. Не иначе как теперь за ним у здешних обитателей закрепится слава «дружка Локлана». Ладно, была ни была…

Облаченный в охотничий костюм, состоявший из легких кожаных доспехов, Ракли сегодняшний отличался от того уставшего от жизни старика, каким Хейзит запомнил его во время последней встречи. Он приветствовал юношу крепким рукопожатием и выразил надежду о том, что тот пришел второй раз не с пустыми руками.

– Судя по той легкости, с которой ты несешь этот внушительный мешок, ты либо очень силен, либо у нас есть тема для серьезного разговора, – почти дружески усмехнулся он и жестом пригласил Хейзита следовать за собой. – Только хочу предупредить, что у меня крайне мало времени, так что попрошу быть кратким. Где Локлан?

Этот вопрос относился уже не к Хейзиту, а к одному из сопровождавших их *виггеров*.

– За ним послали, – ответил тот с поклоном.

– Хорошо. Пусть зайдет в тронную залу. Если мы найдем с этим молодым человеком общий язык, я хочу, чтобы дальше им занимался Локлан. Какие вести из Пограничья, Тиван?

Хейзит с любопытством посмотрел на высокого воина с узким лицом, кажущимся еще более вытянутым из-за длинной седой бороды с заплетенными по краям косичками. Так вот как выглядит отец Норлана! Похоже, Хейзит, вовсе того не желая, снова оказался в самой гуще событий.

– Вестей мы ждем сегодня к полудню, – отвечал между тем командующий конной гвардией замка, запросто перешагивая через две ступеньки. – Если все будет хорошо, и они нигде не задержались.

– То есть, ты хочешь сказать, что первый отряд по-прежнему молчит?

– Ему ставилась другая задача, *хевод* Ракли, – нахмурился Тиван.

– Чушь! Почему-то добрые вести мы получаем сразу, а как дело касается несчастий, я узнаю о них последним. Это никуда не годится. Знайте все, – оглянулся он через плечо на притихшую свиту, – если с нашим войском в Пограничье снова что-нибудь произойдет, кто-то за это поплатится головой. Мы обязаны знать, что происходит. Обязаны знать раньше,

чем это произойдет. Я устал прозябать в неведении. Дойдет до того, что мне самому придется отправляться в Пограничье, чтобы сберечь наших нежных гонцов, которые знают слово «быстрота», но забыли, что оно значит.

Оставшийся путь до тронной залы прошел в напряженном молчании. Хейзит уже смирился с тем, что ему придется рассказывать о своей выдумке в присутствии посторонних и тем самым ставить крест на секретности, однако в последний момент Ракли словно услышал его мысли и мановением руки распустил свиту, чем вызвал всеобщий вздох облегченья.

Дежуривший возле дверей стражник распахнул перед ними массивную створку. Ракли вошел первым.

Зала была точно такой же, какой запомнил ее Хейзит: дубовый стол в центре, радужный луч, падающий на него и бокового окна, ряды стульев вдоль стен. Только свечи в подвешенном на цепи круге еще горели.

Ракли сел в одно из пяти почетных кресел, украшенных гербами, и указал Хейзиту на стол.

– Выкладывай прямо сюда. Эй, закройте там дверь!

– Это я, отец, – послышался за спиной Хейзита голос Локлана. – Мне сказали, ты зовешь меня.

– Разве тебе не интересно взглянуть, что принес нам твой приятель? Где ты прячешься?

Локлан приблизился к столу и сел рядом с Ракли, украдкой подмигнув Хейзиту.

– Я не прячусь. Мне сказали, ты на охоте, вот я и решил,

что ты не вернешься так рано.

– Гони в шею того, кто тебе такое сказал. – Ракли брал в руки выкладываемые на стол странно легкие прямоугольные камни и внимательно их рассматривал. – Прохлаждался, небось, со своей рыжей пленницей, будь она неладна?

– Кстати, она заговорила.

– Вот как?! Похвально. Ты делаешь успехи. Надеюсь, она заговорила не как женщина, а как враг?

– Не знаю, что ты имеешь в виду, отец, но через некоторое время она расскажет нам все.

– И тогда, я надеюсь, ты послушаешься меня и избавишься от нее. – Он отложил в сторону последний камень и взвесил на ладони плитку из семи слипшихся. – Хейзит, я под впечатлением от того, что ты принес, но, признаться, не понимаю, как ты это сделал.

– Я назвал мои камни *лиг'бурнами*, – стараясь справиться с охватившим его волнением, начал пояснять Хейзит. – Хотя это не совсем так…

– «Рожденные в огне»? – переспросил Ракли, откашлялся в кулак и вопросительно воззрился на юного собеседника. – Которые не рождены огнем? Ладно, надеюсь, кое-что понимает мой сын. так что продолжай.

– Я только хотел сказать, что те, которые вы держите в руке, не прошли обжига. Они высохли сами по себе и прилипли друг к другу, поскольку сделаны из глины. Как и все остальные. – Хейзиту стало неловко при взгляде на грубые гряз-

ные камни, лежащие теперь не на полке в хлеву, а на столе, за которым собираются на совет самые уважаемые мужи Вайла'туна. – Но я не предлагаю поступать так при постройке зданий. Лучше их как следует поджарить на огне?

– Поджарить на огне? – Ракли недоверчиво снова перебрал все камни и поиграл маленькими, сложив из них нечто вроде колодца. – И ты хочешь сказать, что из них был построен Меген'тор?

– Разве ты не понимаешь, отец! – воскликнул притихший было Локлан, и Хейзит, переведя на него встревоженный взгляд, увидел в глазах своего негласного покровителя затаенный восторг. – Это же настоящее чудо! И настолько простое, что до сих пор никто из твоих строителей не смог до него додуматься.

Хейзит уловил, что между Локланом и Ракли ведется скрытое соперничество, в центре которого теперь оказался он сам. Он уже собрался открыть рот и заметить, что едва ли должен соглашаться на пальму первенства, поскольку задолго до него кто-то придумал именно таким образом соорудить не только башню, но и колодец, да вовремя осекся. Лучше прослыть тугодумом, чем сболтнуть лишнего, гласила одна из излюбленных поговорок его отца. Вслух же он сказал:

– Я только понял то, о чем другие успели забыть.

– Совсем неплохо для подмастерья, – усмехнулся Ракли, делая вид, будто не заметил выпада со стороны сына. – И тебе хватило на это трех дней.

– Если обжигать камни в хорошей печи, можно сделать гораздо быстрее…

– … и гораздо больше, – подхватил Локлан. Он посерьезнел и добавил: – А ты посчитал, во сколько обходится каждый такой, как ты выразился, *лиг'бурн*?

Хейзит решился. По дороге в замок он усиленно размышлял, что говорить, когда будет задан главный вопрос. Сколько это будет стоить? Смотря кому, разумеется: ему самому, Ракли с его сыном или простому обитателю Вайла'туна? Хейзит понял одно: сейчас он будет продавать не кусок затвердевшей глины, а секрет, тайну того, как заставить этот кусок стать полноценным камнем, из которого любой строитель в дальнейшем сможет построить и дом, и колодец, и башню. Хотя. наверное, насчет башни он все-таки погорячился.

– А сколько, на ваш взгляд, захочет заплатить *эдель*, чтобы перестроить свой деревянный дом в каменный? – уклончиво ответил он вопросом на вопрос. Это было дерзко, но Хейзит чувствовал, что прав, поступая так. Еще мать поутру предупреждала о том, что влиятельные люди предпочитают иметь дело если не с равными себе, то уж во всяком случае с теми. кто их не боится.

Отец с сыном переглянулись.

– *Эдели* бывают разные, – покачал головой Ракли, но в глазах его уже искрилась не насмешка, а живой интерес. – Кого ты имеешь в виду?

Хейзиту пришел почему-то на память один из тех выско-

чек, которых в последнее время развелось в Малом Вайла'туне больше, чем… ну, скажем, чем хороших людей, если вспомнить события прошлой ночи, Однажды Хейзит видел, как он проезжает на своем рысаке под синей попоной и чинно кланяется чудесной смуглоногой наезднице в коротком платье. Девушка, правда, оставила эту наглость без внимания, но Хейзит дорого бы заплатил, чтобы повстречать того *эделя* где-нибудь подальше от людских глаз.

Он заметил, что от него по-прежнему ждут ответа.

– Тачка глины обошлась мне у Ниеракта, к которому вы меня послали, в четыре *силфура*. Обычно он продает ее за пять, но мне один *силфур* скинул. При той форме, по которой я изготавливал эти камни, глины мне могло бы хватить ровно на двенадцать штук. Я все точно подсчитал.

– Вижу, – хмыкнул Ракли, внимательно слушая юношу и поглядывая на сына, который, как и он сам, уже смекнул, что речь идет о крайне выгодном предприятии. – Продолжай.

– Если не учитывать мою работу и печь, в которой камни обжигались… по придуманному мной способу, – поспешил добавить Хейзит, – то три *лиг'бурна* стоили мне один силфур.

– Это притом, что настоящий камень, если бы он у нас был, – задумчиво почесал нос Локлан, – продавался бы ровно наоборот: *силфура* по три за штуку.

Оказывается, он неплохо изучил этот вопрос, отметил про себя Хейзит и в ответ кивнул, ожидая дальнейшей реакции

слушателей.

– Где Эдлох? – поинтересовался Ракли.

– Вероятно, там, где ему и положено быть, отец: руководит работами по подкопу. Ты ведь пока еще не отменил приказ копать под Бехему.

– Зови его сюда и хватит ему заниматься всякой ерундой. Похоже, этот малый и в самом деле придумал, как надрать задницу *шеважа*, да еще с выгодой для нас.

Хейзит понадеялся, что Локлан не станет упоминать сейчас о том, кто был инициатором идеи делать подкоп, который только что назвали «всякой ерундой». При этом, он по-прежнему искренне верил в то, что возможность перехода на другой берег реки необходима для вабонов вне зависимости от того, удастся им обзавестись камнями по эту сторону или нет. Локлан промолчал и вышел, однако сразу же по своему обыкновению вернулся, очевидно, озаботив приказом верного Олака.

– Зачем нам понадобился Эдлох? – осведомился он. – Я не думаю, что пришло время посвящать его в наши дела. Будет лучше, если он сразу получит *лиг'бурны* в свое распоряжение как данность, а до тех пор он лишний.

– Не говори глупостей. – Хейзит уже почувствовал, что отец с сыном разговаривают в его присутствии, не таясь и не особо выбирая выражений, и терялся в догадках, хорошо это или плохо. Придется посоветоваться по этому поводу со всезнающим Ротрамом. – Кто как не Эдлох сможет оце-

нить качество этих камней? На мой взгляд, хотя они и похожи на настоящие, глина есть глина. Ты согласен со мной, строитель?

Хейзит не мог не отметить, что его не назвали «подмастерьем».

– Не совсем, *вита* Ракли.

– Почему? Или ты считаешь, что придумал нечто безупречное?

– Я уже сказал, что ничего не придумывал. – Хейзит старался, чтобы его голос звучал сдержанно и вежливо. Сейчас, когда чаша весов начала склоняться в его пользу, главное было не навредить. Но и сдаваться он не собирался. – Я сделал камень, из которого построен Меген'тор. А он, как вы видите, стоит прочно.

Ракли встал, подошел к стене, отвернул край старого ковра и погладил ладонью стену. Во взгляде его, когда он вернулся к столу, читалось удивление.

– Похоже, в твоих словах есть смысл, парень. Но мнение знатока я бы все-таки хотел услышать. Тем более что вот и он!

Хейзит оглянулся и увидел входящего в залу упитанного мужчину средних лет, с косой седеющих волос на затылке и редкой, выцветшей на солнце бороденкой. Он был невысок ростом и облачен в просторную, не сковывающую размашистых движений длинную рубаху и запыленные кожаные гамаши до колен. Глубоко посаженные глаза смотрели

исподлобья и оттого придавали выражению всего лица грозный вид, хотя через несколько мгновений разговора выяснялось, что это впечатление ложно. Тем более что голос Эдлоха, а это был не кто иной как он, бессменный руководитель строительными работами в замке, звучал по-женски высоко, чуть ли не фальцетом.

– *Халет* Ракли, мне передали, что вы хотите меня видеть, – учтиво, насколько позволял выдающийся живот, поклонился он.

– Скорее, слышать, – уточнил Ракли, чем вызвал понимающую улыбку на лице Эдлоха. – Скажи мне прямо, что ты думаешь по поводу вот этих камней.

– А это камни? – переспросил Эдлох, взвесив на ладони несколько *лиг'бурнов* и особенно заинтересовавшись миниатюрной стенкой. – Слишком легкие для камней.

– Это хорошо или плохо? – сразу же потребовал уточнений Локлан.

Эдлох задумался.

– Пожалуй что хорошо, – сказал он наконец, аккуратно устанавливая стенку на столе и пробуя раздавить ее большим пальцем. – Достаточно прочно. Удобная форма. Могу я спросить, где вы это нашли?

– Их изготовил вот этот молодой человек. – Ракли передвинул стенку к себе и стал проделывать с ней то же, что и Эдлох. – Зовут его Хейзит, и он сын строителя Хокана, которого ты не мог не знать.

Эдлох, казалось, только сейчас заметил присутствие в тронной зале постороннего. Он смерил юношу взглядом, еще более оценивающим, нежели тот, которым рассматривал камни, и кивнул. Хейзит поклонился. Что-то в облике Эдлоха коробило и раздражало его. Вероятно, слишком ухоженные для строителя руки.

– Ты бы взялся построить из них что-нибудь серьезное? – продолжал допытываться Ракли. – Скажем, дом или стену для заставы.

– На хорошем фундаменте, думаю, дом из этого построить можно. – Эдлох поскреб один из камней ногтем, как бы невзначай показывая всем, что на шершавой поверхности остается довольно заметный след. – Застав мы каменных еще пока не возводили, так что судить не берусь. В Пограничье из камня строить сложнее, чем из дерева. Много нужно расчищать…

– Зато, я полагаю, камни не так хорошо горят, как дерево, – усмехнулся Локлан.

– Что верно, то верно. Нам бы это сейчас не помешало.

– О том и разговор. – В голосе Ракли тоже прозвучали нотки раздражения. – Сколько бы ты дал за такой камень?

Эдлох как будто не ожидал такого вопроса, хотя Хейзит готов был поспорить, что на самом деле тот зачем-то строит из себя простака. Почесав за ухом и по очереди встретившись взглядом с каждым и присутствующих, он пожал плечами, подчеркивая неокончательность своей оценки, и об-

ронил:

– По *силфуру* за штуку, полагаю.

Ракли довольно расхохотался, чем немало изумил Хейзита, который ожидал от него большей сдержанности, если не сказать скрытности.

– Хорошо, это если бы ты их покупал! А если бы продавал?

– Кому?

Зачем Эдлох выставляет себя на посмешище? Разве он не понимает, что руководитель строительством не должен отвечать вопросом на вопрос, тем более в присутствии никому доселе почти не известного подмастерья? Почему он не боится, что Ракли разуверится в его качествах знатока? Или простофили в замке в особом почете?

– Мы тут перед твоим приходом рассуждали о том, сколько бы заплатил за подобный строительный материал кто-нибудь из *эделей*, – терпеливо уточнил Ракли. – Сколько бы ты запросил с него за постройку?

– А, это меняет дело! – Эдлох продолжал стоять, хотя ему давно уже указали на одно из кресел. – В зависимости от размеров, разумеется. Сегодня постройка из хорошего бруса одного дома, скажем так, средних размеров, обходится в пятнадцать-двадцать тысяч *силфуров*. Такой же дом из камня стоил бы никак не меньше чем тысяч сто. Скорее, больше, притом что камня для таких целей у нас просто нет. Сколько ушло бы его на постройку этих штукенций, я, признаться,

судить не берусь, но полагаю, что где-то между пятью и десятью тысяч. Вычесть отсюда работу, вот и остается тысяч семьдесят *силфуров* на тысяч семь этих камней.

– По десятке за камень, хочешь сказать? – Локлан, похоже, сам не ожидал подобного результата.

– Ну, во всяком случае, с *эделем*, как вы говорите, я бы начал торговаться именно с такой цены. И не стал бы опускаться ниже шести. Разумеется, если самому мне они бы обходились *силфура* в два-три. Я что-то не так сказал? – только сейчас спохватился он, подметив в выражении лиц слушателей нечто вроде ехидства.

– Нет-нет, я вижу, что не зря пригласил тебя высказаться по этому поводу, – поднял руку Ракли. – Благодарю за наглядность расчетов.

– Они совершенно приблизительны.

– Неважно. Я услышал то, что хотел. Можешь идти. Кстати, как там продвигается подкоп?

– Ушли под землю на два человеческих роста. Мешают залежи камня.

– Ты нашел камни под землей? И молчишь?

– Не совсем так, *халет* Ракли. Эти залежи образуют единый пласт, через который мои люди не могут прорубиться. Сейчас мы заняты тем, что пытаемся обойти этот пласт. Почва сырая, вязкая, быстро не получается.

– Поблагодари нашего юного выдумщика – это тоже была его идея.

Хейзита бросило в краску. Сейчас ему меньше всего хотелось обсуждать свои прежние планы, тем более с человеком, до положения которого в иерархии строителей ему не подняться даже если превратиться в птицу. Зато очень даже хотелось продолжить и закончить разговор о *лиг'бурнах*, тем более что, как выяснилось, выгода от их продажи могла оказаться гораздо привлекательней, чем кто-либо из них до сих пор предполагал.

Эдлох посмотрел на Хейзита с нескрываемым вызовом, отвесил общий поклон и отправился к выходу. Ракли дождался, когда его тучная фигура скроется за дверью и стукнул кулаком по столу.

– Я же говорил, что ты его недооцениваешь! – Обнажившиеся в улыбке зубы хищно блеснули. – Локлан, я все понял. Надеюсь, ты тоже. Забирай Хейзита с собой и до вечера решите, как приступить к производству и продаже наших замечательных камней. Да так, чтобы завтра в Вайла'туне не появилось еще с десяток умельцев, которые делали бы то же самое, если, как говорит Хейзит, это не слишком сложно. Иначе говоря, мы должны продавать кувшины, а не глину гончарам. *Лиг'бурны* должны покупать у нас. И только у нас.

– Конечно, отец. У меня по этому поводу уже есть кое-какие соображения. Вечером мы…

Ему не дал договорить появившийся на пороге тронной залы Тиван.

Вид у командующего конной гвардией был такой, будто

он только перед самой дверью перешел с бега на ходьбу.

– Гонец с донесением прибыл, – тяжело выдохнул он. – Второй отряд добрался благополучно и приступил к восстановлению заставы…

– Вот видишь, а ты переживал за своего сына. – Ракли сделал Локлану знак, что они с Хейзитом могут уходить.

– … но первый отряд так и не обнаружен.

– Что?!

Хейзит видел, с каким трудом Ракли удалось сдержать себя в руках и ограничиться стоном отчаяния. Казалось, он забыл о посторонних, забыл о сыне, застывшем на пути к выходу из залы, забыл о разложенных на столе камнях. Последнее, очевидно, к лучшему, поскольку взгляд его сверкал такой ненавистью, что попадись ему сейчас камень под руку, он бы, не задумываясь, запустил им в любого из присутствующих.

– От кого донесение?

– От Ризи.

– Где гонец?

– Он был ранен, и его оставили на заставе у Тулли. Здесь посланник с заставы.

– Ранен, говоришь? Тэвил! Почему? Кем? Хоть кто-нибудь может мне внятно рассказать, что творится у меня под носом?

– Он…

– Зови сюда человека от Тулли! Мне надоело слушать

сплошные истории о событиях, в которых никто из рассказчиков не принимал участия.

Теперь я уже не в счет, подумал Хейзит, надеясь, с одной стороны, что про него в суматохе забудут и он сможет узнать подробности происходящего в Пограничье, а с другой – что интерес к его детищу, столь явно только что выраженный, не рассеется под грузом плохих вестей.

Вбежал молодой *виггер*, слегка ошарашенный тем, что видит перед собой самого Ракли.

– Повтори, что говорил гонец Ризи. Слово в слово!

– Простите, я его не видел. С ним говорил наш начальник, Тулли. Он…

– Проклятье! – Было видно как белеют сжатые кулаки Ракли. – Ладно, что тебе велено передать?

– Отряд до заставы дошел. Приступил к восстановлению оборонительных сооружений. Никаких *шеважа* по ходу отряда обнаружено не было. Следов первого отряда тоже.

– Кто же ранил гонца?

– Говорит, на обратном пути попал под обстрел *шеважа*. Стрелявших не видел, но две стрелы пробили ему предплечье и бок насквозь.

– То есть, стрел тоже нет?

– Выходит, что так… – замялся *виггер*.

– Выходит, что мы не знаем наверняка даже того, были ли это *шеважа* или кто другой! – вскричал Ракли. – Признаться, я впервые слышу о том, чтобы стрелы этих дикарей про-

бивали наши доспехи насквозь.

– Он снял доспехи, чтобы скакать быстрее, – уточнил *виггер*, сутулясь и отступая перед гневным напором Ракли.

– Превосходно! Оказывается, у меня служат не *мерги*, а придурки! Только они умеют скакать по лесу, кишащему врагами, без доспехов. Не удивляюсь тогда, что у нас пропал целый отряд. Вероятно, они просто заблудились и на всякий случай решили форсировать Бехему. На мой взгляд, вполне правдоподобное объяснение! Тэвил! Тиван, это твои люди.

– Я разберусь, *хевод* Ракли…

– К сожалению, разбираться уже поздно. Свершилось! Мы потеряли целый отряд, которому ставилась задача очистить Пограничье от *шеважа*. Справились! Очистили! Очень может быть, что ваш простреленный в двух местах гонец – единственный, кто уцелел и из второго отряда. Приступили к восстановлению! Когда это было? Два дня назад? Да за это время их давно могли изрешетить стрелами, тем более если те настолько сильны, что пробивают наших людей насквозь.

На Тивана было больно смотреть.

Хейзиту вспомнилось удрученное лицо Фокдана, но потом он тоже подумал о Норлане. Неужели их могла постичь та же участь, что и защитников сожженной заставы? Ведь они рассчитывали не на самостоятельные действия, для которых их просто-напросто мало, а на задачу влиться в превышающий их по численности отряд. Среди них, насколько он понимает, нет даже толком ни одного плотника. Что же Рак-

ли предпримет теперь? Послать в Пограничье еще людей – значит, ослабить оборону замка. Если *шеважа* на поверку оказываются не такими дикими, какими их считали прежде, они могли именно этого и добиваться: выманить побольше *вабонов* в лес и перебить их порознь, а потом собраться и обрушиться на Вайла'тун. Жаль, что в последнем разговоре с Харлином он так и не задал ему прямого вопроса насчет пророчества.

– Если бы первый отряд действительно погиб, – заговорил молчавший поодаль Локлан, – они обнаружили бы место боя. Я не слышал, чтобы *шеважа* когда-нибудь заботились о наших павших и хоронили их или по крайней мере прятали от ворон.

Замечание сына отвлекло Ракли. Но не успокоило.

– Иными словами, ты хочешь сказать, что все в порядке, и они просто отправились куда-то погулять, пока остальные пытаются отстроить заставу? Прекрасное объяснение! Господа, я напрасно хочу отрубить вам ваши никчемные головы. Оказывается, это такая военная хитрость: прятаться от своих же в чаще леса и делать вид, будто тебя убили враги. Замечательно!

– Но мы не знаем наверняка, отец! – тоже повысил голос Локлан.

– Согласен! Наша сила в незнании! Иначе сейчас мы бы трепетали от ужаса перед надвигающейся на нас опасностью быть разгромленными какими-то дикарями. – Ракли уже хо-

дил по зале, сцепив за спиной пальцы рук и тем как будто сдерживая себя. – Давайте забудем о том, что наши люди сейчас находятся в Пограничье, отрезанные от остального мира, и нам наверняка станет легче жить. Ты это предлагаешь?

Раньше нужно было об этом думать, заметил про себя Хейзит, осторожно перекладываю *лиг'бурны* со стола обратно в мешок. Хотел бы я знать, отослал ли он в конце концов сигнал о тревоге на другие заставы.

– *Хевод* Ракли, – снова заговорил Тиван, нервно трогая косички на бороде, – я могу сам отправиться туда и все выяснить.

– Куда, в лес? Благодарю покорно – рассмешил!

– Я совершенно серьезно, *хевод* Ракли! У меня есть специально обученные для этого *виггеры*. Немного, но тем труднее нас будет заметить, пока мы не доберемся до места.

– Полагаю, они умеют превращаться в лошадей, эти твои *виггеры*, – отмахнулся Ракли и бросил сверкающий взгляд на сына. – Ты еще здесь? Забирай своего строителя и ступай заниматься тем, отчего всем нам будет больше пользы, чем от этих пустых разговоров. Расскажешь, что вы придумали, вечером. Или завтра. Сейчас мне некогда. Впору созывать новый совет.

– Я бы… – начал Локлан, но осекся, едва заметно поклонился и, ухватив Хейзита за рукав, потянул его вон из залы.

Когда они оказались в коридоре, Локлан в бессильной злобе рубанул рукой воздух и что-то пробурчал себе под

нос. Хейзиту послышалось, что он говорит: «Не так, все не так…», но точного смысла слов он разобрать не сумел. Не решаясь заговорить первым, он некоторое время молча следовал за своим раздраженным провожатым по извилистым лестницам башни и только когда в лицо пахнуло свежим речным бризом, сообразил, что вновь находится на наблюдательной площадке, а над головой гулко полощется серо-желтое полотнище флага.

Локлан сел на лавку, прислонился спиной к стене и устало вытянул ноги.

– Мне жаль, что тебе пришлось стать свидетелем несдержанности отца, – внезапно заговорил он, глядя поверх головы Хейзита на чистое голубое небо. – Не знаю, что происходит с ним в последнее время, но он слишком часто стал терять самообладание. Разумеется, – покосился он на своего единственного слушателя, – я говорю это тебе потому, что доверяю, а вовсе не затем, чтобы завтра слухи об этом поползли по Вайла'туну. Похоже, нам с тобой придется держаться вместе и научиться понимать друг друга с полуслова.

– Я вовсе не против этого… то есть, я хотел сказать, что почту это за честь.

– Говори, что думаешь, – усмехнулся Локлан, указывая на место рядом с собой. Хейзит сел. – В отличие от отца, я привык доверять людям. По крайней мере, на первых порах. Мы с тобой знакомы достаточно давно, и я не вижу необходимости в лишних церемониях. Ситуация, в которую мы

все попали за последние дни, действительно, более чем дурацкая. Но я не считаю, что ее можно успешно разрешить, если мы будем хвататься за все сразу, как это пытается сделать мой уважаемый отец. Собирать совет! Сплошные собрания, одно за другим! Уж если сейчас кого и собирать, то только *виггеров*, которые знают дело и умеют держать язык за зубами. Остальные только мешают. Хотя он прав в одном: твоя задумка в любом случае может сослужить нам всем неплохую службу. Камушки получились стоящие. Ты тоже слышал, что Эдлох сказал. Не смотри, что он дурака из себя строит, это у него манера такая, но дело он знает. Заметил, как глаза у него горели? Нет? Напрасно. Он быстро смекнул, что к чему. Не переживай, мешать тебе он не станет. Его отец не для этого держит. Но ты скажи мне честно, правда ли, что эти твои *лиг'бурны* так сложно повторить? Или любой гончар может наделать, сколько угодно?

– Любой не любой, а трудностей пожалуй что немного. – Хейзит решил подыграть собеседнику, хотя и прекрасно понимал, что приглашение к откровенности – удачная уловка. Не станет же Локлан рассказывать ему, к примеру, о переписанных свитках Меген'тора, даже если Хейзит прямо об этом спросит. Доверие доверием, но в жестких рамках. – Я удивляюсь, почему раньше меня никто до этого не додумался.

– Что для этого нужно?

– Глина. Большая печь. Формы. – Посмотрев на флаг, добавил: – Время.

– Которого у нас почти нет. – Свежий воздух благотворно сказался на настроении Локлана, и теперь он выглядел спокойным и рассудительным. – Дай-ка мне еще раз один из твоих камушков.

Пока он вертел *лиг'бурн* в руках, Хейзит с интересом разглядывал собравшуюся в нескольких десятках шагов от реки толпу рабочих с кирками и лопатами. Из земли торчали заранее вбитые сваи, но вбитые неглубоко. Очевидно, мешал упомянутый Эдлохом каменный пласт. Работа явно не спорилась.

– Послушай, а если мы сможем клеймить каждый камень? – спросил Локлан.

– Что? – не понял Хейзит, отвлекаясь.

– Смотри, у тебя получилась довольно гладкая поверхность. Печать на нее, даже сургучную, конечно, не поставишь, но вдавить перед обжигом что-нибудь выпуклое вполне можно.

– Можно.

– Камню это не повредит?

– Да не должно вроде. – Хейзит пока не представлял, к чему клонит собеседник.

– Ну, тогда осталось подыскать достойное клеймо, – деловито потер руки Локлан. – Чтобы в глаза бросалось и второе такое никто не смог бы сделать.

Хейзит понимающе кивнул. Он догадался-таки, о чем идет речь и оценил кажущуюся простоту выхода из положе-

ния. И все-таки не преминул заметить:

– Надо будет – сделают и второе, и третье.

– А уж об этом у нас есть кому позаботиться. – Локлан пошарил за поясом и вынул надежно спрятанный между складок кинжал с резной рукояткой. С противоположной от лезвия стороны рукоятку венчала искусно выполненная бронзовая шишка, на конце которой щетинилось тремя острыми лучами не то восходящее, не то заходящее прямо в нее солнце. – Такого, насколько мне известно, нет ни у кого. Хорошее получится клеймо?

Хейзит с некоторым трепетом принял из рук Локлана показавшийся ему с непривычки тяжеловатым кинжал, внимательно осмотрел филигранную работу кузнеца и так же осторожно вернул обратно.

– Не слишком удобно, потому что будет оставлять вмятину на кромке. Но сгодится.

Локлан спрятал кинжал и хитро прищурился.

– С чего ты предполагаешь начать?

– Правильно ли я понял, что все решено и мои *лиг'бурны* приняты? Конец встречи с вашим отцом оказался каким-то скомканным…

– За это не переживай. Я видел, что ему понравилось. Эдлох тоже свое мнение высказал. Стоимость в целом оговорена. Работа передана мне. Теперь дело за малым: начать изготовление камней, и чем скорей и больше, тем лучше. Мой к тебе вопрос: с какого конца заходить? Сколько нужно

людей? Нужно ли строить для этого специальную печь или, на твой взгляд, удобнее взять в долю кого-нибудь из гончаров со всем его хозяйством? Скажем, того же Ниеракта.

– Если бы мне дали выбирать, я бы все-таки начал с наших застав. Им каменные стены гораздо важнее, чем новые дома – здешним *эделям*.

– Согласен, – улыбнулся Локлан. – Хотя денежки *эделей* пойдут нам в доход, а заставы принесут разве что расходы.

– И сохранят жизнь многим честным *вабонам*, – добавил Хейзит.

– Я шучу. Само собой разумеется. – Он посерьезнел. – Как ты намереваешься решать вопрос со снабжением застав камнями? При каждой устраивать отдельное производство?

– Я уже над этим думал. – Хейзит был доволен тем, что Локлан мыслит в правильном направлении. – В любом случае на заставах своей глины нет, так что ее придется доставлять из общего карьера. С другой стороны, везти сырую глину тяжелее, чем готовые, прошедшие обжиг камни. Да и печь при каждой заставе – вещь накладная. Опять же, потребуется значительно больше людей для работы. Мое предложение: делать печь одну, большую, поближе к карьеру. Тогда и следить за продажами будет сподручнее, через одни ворота все пойдет. А начать я готов хоть завтра.

– Давай лучше сегодня.

Локлан вовсе не шутил. Вскочив с лавки, он стал деловито прохаживаться по площадке, то и дело поправляя спада-

ющие на лицо пряди. Таким он был особенно похож на своего отца.

– Как ты понимаешь, – продолжал он, – хотя меня и назначили ответственным, руководить всем придется тебе. Если ты, конечно, не боишься. – Утвердительный кивок насупившегося Хейзита остался незамеченным: Локлан смотрел вдаль, на скрытые за дымкой горы. – Я же будут тебе всячески помогать и устранять всевозможные препятствия, которых может оказаться больше, чем мы бы хотели. Для начала давай решим, кто нам нужен еще. На улице это можно делать?

– Нет. Печь должна быть под крышей. Считайте, что нам предстоит построить большую гончарную мастерскую.

– Все понятно, можешь не уточнять. Тогда я дам тебе в помощники Ниеракта. А он уж сам подберет плотников и печников, кого сочтет подходящим. До поры до времени мы даже его не будем посвящать в то, что задумали на самом деле. Чем меньше посторонних об этом знает, тем на первых порах лучше. Только ты должен точно знать, что именно нужно делать, поскольку советоваться будет не с кем. Хотя, если хочешь, я с Ниерактом поговорю, и он станет нем, как рыба.

– А как же его собственная мастерская? Ему ведь придется на время забросить собственные дела.

– У него, насколько мне известно, есть достойный приемник. Парню не мешало бы поработать самостоятельно. Шилох, кажется, его зовут?

– Вроде бы. – Хейзиту вспомнился толстенький и вихрастый подельщик Ниеракта.

– А потом – не задарма же он будет на нас работать. Почитай, больше, чем на торговле своими кувшинами и тарелками получит.

Хейзит почувствовал, что наступает удобный момент, чтобы обговорить еще один немаловажный вопрос. Отцовская природа звала его взяться за дело без оглядки, немедленно, чтобы только принести пользу дорогим его сердцу соплеменникам. Материнские же черты его характера требовали не забывать и о собственной выгоде. Отец, бывало, мог спокойно отказаться от денег даже за сложную работу, если считал, что выполнить ее было его долгом. Мать – никогда. Щедрой она умела быть разве что по отношению к своим детям.

– Локлан, как мы будем делить заработанное? Наверное, я понимаю, об этом еще рано говорить, но раз уж вы сами об этом начали…

– О деньгах говорить никогда не рано. И если ты думаешь, что в то время, пока ты лепил свои камни, я об этом не думал, то ошибаешься. Правда, я не знал до конца, что у тебя получится, но теперь вижу, что оказался прав. Все очень просто. И простота заключается в том, что, как ты сам выразился, все наши камни будут лепиться по одной форме. То есть они будут одинаковыми. И потому я предлагаю сделать их мерилом наших интересов.

– Не понимаю, – признался Хейзит.

– Посуди сам. Поскольку все камни одинаковые, мы на все можем установить одинаковую цену. Тогда нам достаточно вести учет проданных штук. Большинству работников нашей каменной «пекарни» я бы положил обычное жалование, а кого-то взял бы в долю. Разумеется, тебя. Может быть, Ниеракта, если мы решаем, что он нам подходит. С Эдлохом и прочими столующимися при замке я сам все решу.

– С Эдлохом?

– Ну, кому-то же надо будет дать нам своих людей, получать заказы на строительство, перевозить камни и так далее. Кроме того, все это придется довольно строго охранять. Расходы неизбежны. Но это я, повторяю, беру на себя. Тебе же как главному в этом деле я предлагаю каждый десятый *лиг'бурн*. Что скажешь?

Локлан явно ждал потока благодарности за подобную щедрость, однако Хейзит только удивленно хлопал глазами. Заметив наступившее молчание, Локлан оторвался от созерцания гор, посмотрел на собеседника и рассмеялся.

– У тебя вид обиженного ребенка, друг мой! Пора научиться скрывать свои чувства. Ладно, ладно, не куксись! Вижу, что ты опять меня неправильно понял. Я имел в виду, разумеется, не сами камни, от которых кошелек, естественно, не становится туже, а то, сколько они стоят. На самом деле я говорю об очень и очень больших деньгах. Причем не забудь, что ты не вкладываешь в них ничего, кроме своих

знаний и времени, тогда как оставшиеся деньги идут на покрытие всех расходов.

– Да нет, я все прекрасно понимаю…

– И тем не менее послушай, чтобы потом не переспрашивать. Каждый десятый камень твой означает, что после продажи сотни камней ты получаешь десятую часть их стоимости. Если Эдлох не ошибся в своих расчетах, и у нас камни пойдут, скажем, по шесть *силфуров* за штуку, вот уже, считай, шестьдесят у тебя в кармане. Неплохо?

Хейзит отчетливо ощутил, как что-то поднимает его невесомое тело в воздух, и он отправляется парить в свободном полете над Вайла'туном, над рекой, в безбрежную вышину голубого неба оттуда взирает на себя самого, потрясенного, безмолвно застывшего под обвисшим флагом, поглупевшего и безмерно счастливого.

– Совсем не плохо, – сказал он, когда вновь обрел способность говорить, в чем ему оказали посильное содействие все те же материнские черты. – С тысячи *лиг'бурнов* это получается шесть сотен *силфуров*. Да, совсем не плохо. – Что касается матери, то, насколько он знал, такие деньги она получала после оплаты всех расходов в лучшие месяцы, когда от посетителей таверны не было отбоя. А что такое тысяча камней для строительства? Тот же Эдлох назвал цифру десять тысяч для одного дома *эделя*. А сколько таких домов потребуется в одном только Вайла'туне! – Я согласен.

– А я уж думал, что откажешься, – рассмеялся Лок-

лан и похлопал вконец растерявшегося Хейзита по плечу. – Олак! – Слуга не заставил себя долго ждать. Хейзит подумал, что вот он человек, который наверняка слышал и теперь знает все их секреты. Только уж пусть о его доле заботится сам Локлан. – Ты ведь знаешь гончара Ниеракта, мастерская которого стоит поблизости от мельницы Брома на обводном канале?

– Знаю.

– Отправляйся к нему или пошли кого-нибудь из своих людей и передай, чтобы сразу же шел в замок. Мы будем его ждать. Это крайне важно.

– Я понял. – Олак помялся. – Если я вам пока не нужен, то лучше мне отправиться к нему самому. Так быстрее будет.

– Вот и отлично. Постой! Скажи ему, чтобы на время передал дела своему подмастерью, поскольку я хочу предложить ему кое-что серьезное. Подробностей ты не знаешь.

– Передам.

Слуга с легким поклоном исчез.

– Подозреваю, что у него в Вайла'туне завелась очередная подружка, – усмехнулся Локлан. – Сам того не замечая, он последнее время использует любой предлог, чтобы вырваться из замка.

В этот момент каждый подумал о своем: Локлану представилась снова связанная по рукам и ногам и отчаянно ругающаяся на птичьем языке пленница, а Хейзиту – одинокая наездница, которую он до сих пор не встретил на узких улочках

Вайла'туна. Специально искать он ее, конечно же, не станет, но увидеть хоть одним глазком – совсем не прочь. Хотя бы ради того, чтобы удостовериться в отсутствии спутников.

– Что мне делать теперь, пока Ниеракт ни подошел? – спросил он, с грустью отогнав чарующее видение.

– Прежде всего ты должен получить назначение.

– Назначение?

– Не будешь же ты каждый раз просить меня снабдить тебя верительной грамотой. – Локлан обвел прощальным взглядом округу и направился к лестнице вниз. – Пойдем я представлю тебя Скелли.

От внимания Хейзита не ускользнуло, что при упоминании этого имени Локлан брезгливо поморщился.

Они проделали весь обратный путь со стены в башню, прошли мимо тронной залы, за дверями которой звучали раскаты голоса Ракли, вышли на противоположную лестницу и неожиданно для Хейзита пошли не вверх, а вниз. Ему почему-то представлялось, что хранилище свитков должно находиться выше всего остального, а тем более не на этаже хозяйственных помещений. Однако они миновали и их и по крутой узкой лестнице спустились в подземелье. Отовсюду веяло холодом, и Хейзит вспомнил, как слушал рассказ Харлина, сидя у него в подполе. Вероятно, отец строил Харлину жилище по образу и подобию Меген'тора, правда, здесь, благодаря приподнятости над рекой, холод был сухим, а не влажным, как под землей Вайла'туна.

– Ты знаешь, куда мы идем? – оглянулся через плечо Локлан.

– Догадываюсь. Скелли, если не ошибаюсь, служит главным писарем.

– Служил. Теперь он не только главный писарь, но и особо приближенный к моему отцу человек. Чему я, между нами говоря, не слишком рад. Лучше бы каждый занимался своим делом. Раньше он просто выписывал грамоты на тех, кого ему называли, а сейчас ему видите ли, нужно самолично со всеми видеться и определять, насколько ты или кто другой благонадежен. Но таково распоряжение Ракли, а я ему пока перечить не собираюсь.

Хейзит машинально подмечал изменения тона собеседника, пытаясь понять, на чьей стороне его нынешний начальник. Пока все шло к тому, что он сохраняет активный нейтралитет, критикуя отца и его сподвижников, но и не отказываясь в нужную минуту прибегать к их помощи. Вот бы представить себе, что изменится в Торлоне, когда Ракли рано или поздно почиет-таки с миром, дай ему боги долгих зим жизни! Но Хейзит слишком мало знал о подковерной жизни замка, чтобы иметь возможность взвесить силы сына и отца. Да и не очень-то хотелось ему в этом копаться. Сейчас он был окрылен уже одним тем, что тяжелый камень, с которым он проснулся утром в предвкушении предстоящего разговора, как-то сам собой упал с плеч, и дальнейший ворох забот выглядит вполне подъемным. Правда, если при этом

сконцентрироваться на изготовлении *лиг'бурнов* вместо того, чтобы отвлекаться на то, кто с кем и почему ведет такую, а не иную игру. Разумеется, игры сильных мира сего тоже важны, от них многое зависит, ведь решать в конечном итоге все приходится людям, наделенным властью, но, попытался тяжело вздохнуть улыбающийся про себя Хейзит, негоже строителю указывать пахарю, как ловить рыбу.

Размышляя так, он не мог не любоваться неброской красотой и мощью подземного коридора, по которому они вот уже некоторое время целенаправленно плутали. Представляя себе, как все это когда-то давным-давно пробивалось в твердокаменной породе скалы, он искренне восхищался упорством и мастерством своих предков-каменотесов. Чтобы построить такое, требовалось работать каждый день и не одну зиму. Стены, как и пол, выглядели совершенно гладкими, как будто их ко всему прочему еще и специально отполировали. Потолка видно не было: постоянно горевшие здесь факелы зачадили его, и создавалось странное ощущение, словно над головой – пустое пространство. Хейзит с трудом сдержался, чтобы не проверить это ощущение рукой, однако вовремя спохватился, что после такой «проверки» ему едва ли удастся найти пемзу и воду, чтобы руку отмыть. На рукопожатие при знакомстве с главным писарем он не слишком рассчитывал, однако и поддерживать расхожее представление о строителях как о людях вечно в чем-то измазанных и моющихся разве что по большим праздникам

ему вовсе не хотелось.

Встречу со Скелли он представлял себе туманно, однако ему почему-то виделся эдакий внешне добродушный толстяк с хитрыми маленькими глазками, сидящий за большим столом, заваленным свитками, что-то жующий и пишущий длинным гусиным пером при свечах. Вероятно потому, что Локлан высказался по отношению к нему с неприязнью, а что больше всего раздражает *виггеров* в окружающих как ни полнота и обжорство?

Единственное, что он, как оказалось, угадал, была улыбка Скелли. Хотя на его лице она едва ли означала добродушие.

Поначалу Хейзит даже не понял, что они наконец-то пришли. Хранилище, если это было именно оно, являло собой продолжение коридора, вдоль одной из стен которого тянулись высокие буковые полки, сплошь уставленные кожаными бочонками, помеченными неразборчивыми надписями. Вдоль полок с мрачным видом ходили двое людей в плащах с надвинутыми на самые брови капюшонами, что-то выискивая среди бочонков, а еще один стоял на приставной лестнице и читал развернутый чуть ли не до самого пола свиток. Хейзит решил, что он и есть Скелли, однако Локлан, поздоровавшись со всеми одновременно, прошел дальше. Писари поприветствовали его в ответ, хотя и не так учтиво, как того следовало ожидать. Судя по всему, текущие дела представлялись им важнее признания в глазах сына хозяина замка. А может быть, они считали, что подземелье и замок – два

разных мира, неподвластных один другому?

По струнке перед Локланом вытянулся разве что широкоплечий, облаченный в доспехи страж, уныло дежуривший в месте раздвоения коридора.

– Скелли у себя? – поинтересовался Локлан, делая при этом вид, будто его ничуть не коробит необходимость задаваться подобными вопросами в собственном доме.

Страж кивнул и церемонно отступил в сторону. Его настороженный взгляд Хейзит расценил как тоску по общению с обитателями внешнего мира. Стоять здесь, в холоде, целыми днями нюхая затхлый воздух свитков, – удовольствие для избранных. Себя Хейзит к таковым отнести не мог. Его тянуло на улицу, на свободу, и если не в толпу людей, то уж во всяком случае к друзьям. Здесь он их явно не найдет.

Это стало тем более очевидно, когда, пройдя еще несколько шагов по второму коридору, они вошли в ничем не отгороженный закуток и там, в почти пустой келье, обстановку которой составлял сундук да крохотный стол, похожий на те, что наиболее усердные хозяйки используют как подставки для цветов, обнаружили паукообразного хиленького старичка с изъеденным глубокими морщинами маленьким лицом, казавшимся таковым еще и потому, что с него на вошедших смотрели неправдоподобно большие немигающие серые глаза. Схожесть с пауком ему придавали не только сухие тонкие руки, которыми он, не сходя с сундука, при желании мог достать до всего, что находилось в келье, но и принятые Хей-

зитом в первый момент за оборванную паутину длинные волосы и колышущаяся при малейшем дуновении бороденка.

По тому, что ему приходилось слышать раньше, Хейзит предполагал, что Скелли должен быть если и не молодым, то уж во всяком случае моложе Харлина, однако с первого взгляда впечатление складывалось обратное. Вот что значит делать всем гадости и жить вдали от людей и солнца, ехидно подумал он, наклоняясь в почтительном поклоне.

– Скелли, это Хейзит, наш новый строитель, – заговорил между тем Локлан, торопясь побыстрее покончить с ненавистной формальностью и вернуться к делам. – Ракли назначил его руководить одним важным проектом, и нам нужно, чтобы Хейзит имел возможность постоянного доступа в замок и Меген'тор. От этого теперь многое зависит.

– Хейзит? – вяло переспросил Скелли, вперившись в юношу немигающим взглядом, отчего тому стало не по себе. – Но ведь я уже выписывал на тебя верительную грамоту.

– Правильно, а теперь ему нужно право не разового, а постоянного входа, – повысил голос Локлан, едва скрывая раздражение.

– Я полагаю, мы сейчас сами постараемся разобраться, что к чему, – не глядя на него, продолжал Скелли. – Скажи мне, уважаемый Хейзит, каким таким делом ты намерен заняться, что тебе придется всякий раз являться в замок?

– Я… мне… – Хейзит понятия не имел, может ли он доверять столь важный секрет запершемуся в подземелье пауку,

однако стоявший рядом Локлан хмуро молчал, а это означало, что говорить ему не запрещено. – Мне предстоит организовать новое для Вайла'туна производство. И это важно…

– Какое производство? – Скелли смотрел с наивным вниманием, как большой ребенок, которому родители решили объяснить, каким образом он появился на свет. – У нас в Вайла'туне производят многое, но далеко не все мастера просят, чтобы их пускали сюда днем и ночью.

– Хейзит ничего не просит, – снова вмешался Локлан. – Это мне нужно, чтобы он бывал здесь всякий раз, когда это потребуется.

Скелли сделал паузу и воспользовался ею для того, чтобы медленно перевести взгляд на говорившего. Он поднял длинный сучковатый палец и стал наматывать на него кончик бороды. Хейзит подумал, что борода вот-вот оторвется.

– Насколько я понимаю, наш новый строитель является таковым уже не в первом поколении. Мне кажется, я даже вспоминаю имя его покойного отца, Хокана. Очень жаль, что он не дожил до этого знаменательного дня. – С этими словами Скелли пошарил в неприметном углублении в стене и достал баночку с чернилами, удивительной красоты перламутровое перо и маленький кожаный свиток. Открыв крышку и макнув кончик пера в чернила, он сделал одному ему понятную пометку в свитке. – Что ты собираешься производить?

– Я нашел способ изготавливать камни.

– Очень хорошо. – Еще пометка. – Где ты сейчас живешь?

– У матери. В таверне «У Старого Замка».

– «У Старого Замка», – повторил Скелли, продолжая что-то записывать. – У тебя есть жена?

– Нет пока, – удивился вопросу Хейзит.

– Но есть сестра.

– Откуда вы знаете?

– Как ее зовут?

– Велла.

– Так, Велла. Очень хорошо. Ты будешь продолжать жить с ними или переберешься на время в замок.

Хейзит замялся.

– Он будет жить там, где работает, – ответил за него Локлан.

– То есть в замке?

– То есть поблизости от карьера. Мы начинаем строить там большую мастерскую.

– Понимаю: камни из глины. Очень интересно.

В проницательности ему не откажешь, подумал Хейзит. Да и говорит так, будто для него это само собой, будто ничего нового он не услышал. И не скрывает этого.

– Тебе уже назначили жалование?

Хейзит с сомнением посмотрел на Локлана. Тот покачал головой и пояснил:

– Оно будет определено позже, когда мы построим мастерскую.

– Стоит об этом позаботиться в первую очередь, – наставительно заметил Скелли. – Кто еще примет участие в работе?

– Разве это относится к делу? – Голос Локлана звучал натянуто, как тетива, готовая вот-вот лопнуть.

– Да будет вам известно, – перламутровое перо замерло в воздухе, – что моя обязанность – заносить все мало-мальски стоящие события в нескончаемую летопись Вайла'туна. И сдается мне, что ваше смелое начинание по нынешним временам выглядит вполне того достойным. А потому я вынужден располагать некоторыми подробностями происходящего. Кто еще примет участие в работе?

– Мы пока не решили, – уклончиво ответил Хейзит. – Кто-нибудь из гончаров.

– Когда решите, не посчитайте за труд сообщить мне. Будем честны перед нашими потомками.

Скелли отложил перо, закрыл чернильницу и подул на свиток. Заметив, что оба гостя чего-то ждут, ответил им насмешливым взглядом и сказал:

– Все. Ваша просьба удовлетворена.

– Ты ничего ему не дашь? – напомнил Локлан. – Мы ведь пришли за пропуском.

– Раз вы настаиваете. – Скелли покрутил кончик бороды. – Хотя теперь в этом немного смысла. Я как раз ввожу новую систему пропусков. – Он снова запустил руку в углубление, порылся в нем, нащупал, что искал, и к немалому изум-

лению Хейзита извлек красивый пестрый шнурок. – Времена нынче пошли сложные. Вайла'тун разрастается. Но я считаю, что это не должно становиться причиной отгораживания от него, – бормотал он, словно разговаривая сам с собой. – Просто нужно лучше следить за порядком. И за теми, кто его нарушает. Вот, Хейзит, возьми и повяжи его вокруг левого запястья. Охрана не будет препятствовать тебе. Этот пропуск даст тебе проход повсюду, даже сюда, в хранилище.

– А стражи о нем точно знают? – с сомнением поинтересовался Локлан. – Что-то мне про такое слышать не приходилось.

– Вы были в это время в Пограничье. Я выполняю распоряжение Ракли, – добавил Скелли, как бы оправдываясь. – Многие уже носят подобные тесемки. Вы, наверное, просто не обращали внимания.

– В следующий раз я был бы признателен, если бы ты вовремя ставил меня в известность. – Локлан повернулся, собираясь уходить.

– Кстати, – бросил ему вслед Скелли, – я слышал, будто ваша пленница заговорила. Причем на языке *вабонов*. Если вас не затрудним, я бы тоже попросил как-нибудь сообщить мне подробности ее рассказов. Явление, прямо скажем, необычное, стоит занести в летопись.

Локлан, не оглядываясь, кивнул и вышел. Поспешивший следом за ним Хейзит почувствовал себя так, словно оказался между кремнем и хворостом. За откровенную неприязнь

к себе Скелли отплачивал сыну Ракли холодным презрением.

Они в молчании прошли мимо еще более погрустневшего стража, мимо полок с бочонками, в которых, как теперь сообразил Хейзит, покоились свитки, и только когда коридор остался позади, Локлан заговорил снова.

– Он, видите ли знает, что она заговорила! Тэвил! Держись от него подальше. Покажи-ка, что он тебе дал.

Хейзит разжал кулак и сам впервые как следует рассмотрел шнурок. Он был короткий – как раз чтобы в один оборот обвязать запястье – и сплетен из нескольких крашеных нитей. Плетение выглядело настолько замысловато, что, перехлестываясь, нити рождали затейливый узор, похожий на нечитаемую надпись.

Локлан повертел шнурок в руках и вернул Хейзиту.

– Занятная вещица. Помочь повязать?

– Я как-нибудь сам, потом. – Хейзит спрятал шнурок за пазуху. Ему не хотелось, чтобы Локлан подумал, будто он гордится подарком. – Вы думаете, Ниеракт уже пришел?

– Сомневаюсь. Хотя согласен, что несколько минут в подземелье могут показаться вечностью.

Поднявшись на стену, они увидели гонца с заставы Тулли. Покачиваясь от усталости, тот вышел из башни и направился в сторону казарм. Гонцам в замке полагался отдых и кров.

– Похоже, парень просидел весь совет. – Заметил Локлан, машинально приветствуя проходивших мимо стражни-

ков с арбалетами. – Натерпелся, бедняга, от моего взбалмошного родителя. А вон, кажется, ты оказался прав. Они, наверное, всю дорогу бегом пробежали.

Локлан имел в виду две фигуры, уже перешедшие мост и миновавшие первые ворота. В спешащей впереди угадывался Олак. За ним, судя по кожаному переднику и загорелому торсу, шагал гончар. Локлан помахал им рукой. Олак оглянулся на спутника, и оба пошли еще быстрее.

– Он даже не дал ему переодеться, – усмехнулся Локлан. – Ну да ничего, хотя Ниеракт и не карлик, здесь мы ему что-нибудь подыщем. Будет смотреться не хуже любого из моих *эльгяр*.

Хейзит подумал о том, стоит ли, не откладывая, заводить разговор об Исли, которому он при их недавней встрече намекнул на возможность более выгодной работы, чем перевозчика рыбы. Несмотря на тревожные известия из Пограничья и общение со Скелли, Локлан пребывал в хорошем настроении. Собственно, даже на заставе Граки Хейзит не помнил, чтобы Локлан когда-нибудь унывал или выглядел грустным. Он был явно не из тех, что считал наморщенный лоб, сдвинутые брови и хмурый вид признаком ума и высокого положения.

Налетевший порыв ветра донес до них тревожный запах костра. Хейзит поискал глазами его источник, однако вокруг все было безмятежно. Кто бы знал, что сейчас происходит в этих зеленых чащах? Неужели *шеважа* действитель-

но отважатся выйти из леса и обрушиться на Вайла'тун? Наверное, когда-нибудь это произойдет. Если их соберется так много, как о том судачат в таверне. Хорошо бы к тому времени Вайла'тун стал каменным. Чтобы не повторились события вчерашней ночи. Говорят, *шеважа* в пять раз больше, чем всех *вабонов*. Слухи, конечно, ведь никто их не считал. Но кто знает, быть может, на самом деле их больше не в пять, а в десять раз.

– Вижу, вам удалось пройти без лишних проволочек, – сказал Локлан, кивая Олаку и пожимая сильную руку смутившегося Ниеракта. – Даже не запыхались.

– А кто бы мог нам помешать? – поинтересовался Олак, по привычке отступая в сторону и отворачиваясь, чтобы незаметно перевести дух.

– Да Скелли тут похвастался перед нами тем, что ввел, оказывается, в обиход какие-то шнурки. Хейзит, покажи. Ты когда-нибудь такие видел?

Олак удостоил шнурок равнодушным взглядом и кивнул.

– Я слышал про них. Не знаю, какой от них прок, но лучше не выбрасывать. По крайней мере до тех пор, пока Скелли ни придумает чего-нибудь еще более важного и интересного.

– Ниеракт, как ты? – Локлан похлопал улыбающегося гончара по широкому плечу. – Давненько не виделись.

– Да уж, *хелет* Локлан, почитай, с прошлой зимы. Вы тогда еще совсем безбородым были. А теперь… простите, я, кажется, глупости говорю… Вы хотели меня видеть?

– Непременно. – Зная добродушный нрав гончара, Локлан пропустил намек на свой возраст мимо ушей. При иных обстоятельствах он посчитал бы это обидой и обязательно нашел бы, чем отплатить сторицей. – Ты ведь знаком с Хейзитом?

Причем гораздо лучше, чем тот – со мной, подумал Ниеракт, утвердительно кивая и протягивая Хейзиту руку со словами:

– Ну как глина, пригодилась?

– Именно об этом мы и хотели вести разговор, – сказал Локлан. – Кстати, Хейзит, где ты оставил свой мешок? Ты разве брал его к Скелли?

– Наверное, он лежит на вашей наблюдательной площадке. Я сбегаю, заберу его.

– Не нужно, лучше мы все туда отправимся. Там нам никто не помешает посвятить Ниеракта в наши задумки и выслушать его мнение. Олак, тебя не затруднит принести нам вина? А потом, если хочешь, можешь сходить в Вайла'тун, погулять. Нам предстоит долгий разговор, и в ближайшее время ты мне едва ли понадобишься.

– Благодарю, но я бы предпочел остаться в замке, – ответил слуга и отправился в кладовую выполнять поручение.

Какого рожна от меня сегодня норовят избавиться, рассуждал он по пути. Еще день как следует не начался, а меня уже второй раз посылают в Вайла'тун. Что я там забыл? Ведь не думает же он серьезно, что у меня там кто-то завелся. Луч-

ше бы сам построже за своей девицей рыжей присматривал.

Олаку вспомнилась нелицеприятная картина, свидетелем которой ему пришлось стать, когда они вместе с Фредой и тремя служанками «покрепче», как просил Локлан, открыли дверь его покоев и застали там совершенно неодетую, если не считать распущенной гривы огненных волос, пленницу, которая, вооружась ножкой разломанного в щепки стула, попыталась вырваться на свободу. Самому себе Олак не мог не признаться, что в первый момент ему изменило хладнокровие. И даже не потому, что без одежды пленница являла собой поразительное зрелище, сочетая в своем теле пропорции гибкого и мощного бойца с весьма соблазнительными формами девушки. Олака поразило та животная естественность, с какой она вихрем налетела на вошедших, орудуя тупой палкой ничуть не менее умело и опасно, чем какой-нибудь помощник *свера* – остро оточенным копьем. Бедная Фреда и одна из служанок получили страшные удары и лишились чувств, и если бы не кинжал Олака, которым он, изловчившись и перехватив обе руки девушки сзади, для острастки порезал ей шею, еще неизвестно, какой урон она успела бы нанести замку. Хорошо, что Ракли обо всем этом никогда не узнает. Иначе не миновать Локлану горького расставания со своей пленницей, которую ждала бы не только неминуемая казнь, но и предшествующие ей зверские пытки всеми мыслимыми и немыслимыми способами: уж больно велика теперь потребность Ракли в получении достовер-

ных сведений о замыслах *шеважа*. Тем более что Локлану, похоже, удалось каким-то образом разговорить строптивую девицу. Причем на языке *вабонов*. Это обстоятельство, если только здесь не было подвоха или шутки, на которые разудалый Локлан был горазд даже в самые ответственные моменты своей жизни, представлялось Олаку неразрешимой загадкой. Хотя сам он, как и многие жители Малого Вайла'туна, а тем более замка, которым перевалило за пятьдесят зим, знал несколько расхожих слов на неудобном для произношения языке *шеважа* в память о том времени, когда *вабонами* твердо, но последовательно правил Гер Однорукий, и некоторым из пленных дикарей было позволено жить среди своих поработителей. Однако он и представить себе не мог, чтобы кто-то из *шеважа* да еще сегодня, в пору наиболее напряженного противостояния между обоими народами, не только получил возможность, но и удосужился выучить речь заклятых врагов. Последние зим десять, а то и пятнадцать *шеважа* и *вабоны* видели друг друга разве что через натянутые луки, и единственным словом, которое с грехом пополам могли запомнить рыжие лесные демоны, был клич «Сигора! Победа!». Правда, едва ли те, кто его слышал, могли передать его соплеменникам, поскольку он означал, что *вабоны* взяли верх и что противник разгромлен. А поскольку проку от пленных Ракли больше не видел, *вабоны* добивали любого, кто подавал хоть малейшие признаки жизни. Олак знал об этом не понаслышке и был уверен в том, что

приказ выполнялся неукоснительно. Знал, вернее, догадывался он и о том, что хитрый Ракли в свое время предпринимал попытки заслать в Пограничье лазутчиков, которым предписывалось втереться в доверие к *шеважа* и, пользуясь природным сходством, выражавшемся в рыжих волосах, зажить жизнью дикарей, выполняя задачу глаз и ушей *вабонов*. Насколько эти попытки оказались удачными Олаку слышать не приходилось. Судя по тому, что творилось в Пограничье теперь, Ракли был застигнут врасплох. Скорее всего, бедных лазутчиков быстро распознали и уничтожили в отместку за гибель пленных соплеменников. Хотя, если никто никого не вводит в заблуждение и рыжая бестия в самом деле может сказать что-то членораздельное, не результат ли это ее знакомства с кем-нибудь из лазутчиков? Подумав еще, Олак сам ответил на свой вопрос отрицательно: не мог лазутчик, каким бы чудом ему ни посчастливилось остаться в живых, рисковать всем, открывая врагам свое происхождение. И уж тем более учить дикарей вражескому языку. Если только…

– Вина для Локлана! – бросил он виночерпию, молоденькому пареньку, сыну одной из поварих. И пока тот переливал через воронку содержимое одной из початых бочек в пузатую бутыль, добавил: – Крыс больше не видел?

– Совершенно не видел, *вита* Олак! – испуганно замотал головой мальчуган. – Ума не приложу, как они могли здесь оказаться. Мы всегда держали здесь трех кошек. Теперь их пять.

– А ты не знаешь разве, что некоторые кошки боятся крыс? – Олак подхватил бутылку за перевязанное кожаной бечевкой горлышко и проверил плотность пробки. – Лучше поймай лису и запри ее на ночь-другую.

– Лису?

– А ты попробуй.

Олак поспешил обратно.

…если только *шеважа* не додумались до того, чтобы побить *вабонов* их же тайным оружием. Для этого им нужно переловить шпионов Ракли и сохранить им жизнь на условии, что те в свою очередь будут обучать их лазутчиков, которых потом зашлют в Вайла'тун. Если уже ни заслали. Конечно, рыжих *вабонов* наперечет, на них смотрят косо, но ведь они все же есть. Обязательно нужно будет при случае поделиться своими сомнениями с Локланом.

Олак, конечно, не был откровенен в своих размышлениях до конца. Даже перед самим собой. Вероятно, воспитание и опыт изворотливости в непростых условиях придворной жизни сделали свое дело, и он научился не говорить то, во что верил, а верить тому, что говорил.

Последнее время его действительно тянуло в Вайла'тун. И причиной тому, как правильно догадывался Локлан, была женщина. Однако совершенно не в том смысле, какой обычно вкладывается в подобную догадку.

Олак совсем недавно заново обрел дочь. И произошло это настолько неожиданно для него самого, что он сразу не успел

признаться в этом Локлану, а теперь и признаваться-то было как-то неудобно. Вкратце же его история, начавшаяся зим за двадцать с лишним до описываемых событий, сводилась к следующему.

Как и многие из тех, кто мог себе это позволить, Олак имел двух жен. Собственно, второй женой он решил обзавестись, когда выяснилось, что его любимая красавица и певунья Лайла, сколько ни старайся, неспособна иметь детей. У *вабонов* жить без детей было не принято. Женщине еще куда ни шло. Но не мужчине. Для того, в частности, чтобы, дать бездетным мужчинам шанс, и существовала традиция брать в дом вторую, а подчас и третью жену. Олаку в этом смысле, можно сказать, крупно повезло. Брат Лайлы погиб в Пограничье, сделав вдовой приятную во всех отношениях молодую женщину по имени Адара. Лайла против нее тоже ничего не имела, и скоро под одной крышей зажили все четверо, поскольку у Адары уже был маленький сын от погибшего мужа. Он-то и явился причиной последующих злоключений Олака. Как известно, все та же традиция предписывала, чтобы рожденные во втором замужестве дети были мальчиками: девочек у *вабонов* был извечный переизбыток. Если все-таки рождалась девочка, родители безропотно соглашались на то, чтобы ее с первых же дней отдавали в приют, называемый *Айтен'гардом*, то есть Обителью Матерей. О том, что происходило с сиротой дальше, в народе обычно помалкивали, хотя, как водится, где тайна, там и слухи. Поговаривали, что

девочек готовят к служению культу легендарных женщин-героинь, слава которых в обычной жизни была несоизмеримо меньше, чем у общепризнанных героев. Злые языки утверждали, что все это только ширма, а на самом деле питомицы Обители предназначаются для плотских утех хозяев замка и их ближайших сподвижников. Выдвигались предположения и совмещавшие обе точки зрения: о том, что Обитель потому и посвящена матерям, что из девочек воспитывают культовых *хорен*, предназначение которых – ублажать избранных мужчин и рожать детей для всеобщего блага. Как бы то ни было, ткани, изготовленные в Обители руками бедных сирот, котировались на рыночной площади выше остальных, а сшитые из них наряды носились разве что по большим праздникам. Находился *Айтен'гард* на территории Большого Вайла'туна и никем, кроме самих его обитательниц да зарослей дикого винограда, специально не охранялся, правда, со стороны он походил на перенесенную из Пограничья заставу: те же высокие стены из бруса, тот же ров, тот же подъемный мост. Внутрь его не проникала ни одна посторонняя душа, а рассмотреть происходившую в нем жизнь сверху, даже со стен замка, не представлялось возможным. Только пожилые настоятельницы иногда пересекали ров кто на телеге, кто верхом и отправлялись с товаром на рынок. Никто не видел, чтобы они возвращались обратно груженные покупками или просто съестными припасами. Вероятно, хозяйство *Айтен'гарда* снабжало его обитательниц всем необходимым.

Хотя подобная завидная независимость от внешнего мира порождала слухи о том, будто Обитель соединена с замком разветвленной сетью подземных ходов. Ничего этого Олак наверняка тоже не знал. Он знал лишь о том, что единственный рожденный ему Адарой ребенок оказался девочкой, которую сам он, неукоснительно соблюдавший все законы *Вайла'туна*, немедленно завернул в пеленки и со слезами отчаяния передал в руки тех, кто открыл перед ним узкую калитку в воротах *Айтен'гарда*. Они с Адарой только и успели что дать малышке имя – Орелия, поскольку ее жиденькие кудряшки отливали золотом. Первое время Олак не находил себе места и утешался лишь тем, что Адара достаточно молода для новой попытки. Однако миновала одна зима, за ней пришла вторая, а живот Адары оставался плоским. К концу третьей зимы стало ясно, что она бесплодна. Знающие люди объяснили Олаку, что такова, видать, его судьба. Брать в дом еще одну жену он не мог и не хотел, приемный сын подрастал и исправно звал его отцом, а потому Олак махнул рукой и сосредоточил все свои мысли и чаяния на службе у Ракли. Тем более что после расправы над бедным Ломмом, в жалкой судьбе которого ему пришлось принимать непосредственное участие, Олак приказом свыше был приставлен к Локлану и совершенно потерял счет времени. Молодой хозяин требовал постоянного к себе внимания, не переносил, когда его распоряжения выслушиваются в пол-уха и выполняются с ленцой, как то сходило с рук

у Ракли, одним словом, Олак из хорошего бойца с опытом лесных налетов на стоянки *шеважа* медленно, но верно превращался в стареющего мальчика на побегушках. Он отдалился от дома, проводил большую часть дня в замке и постепенно дошел до того, что вспоминал о женах и приемыше только тогда, когда получал очередное жалование и должен был часть его отправлять в семью. Нельзя сказать, чтобы ему нравилось такое существование, но он воспринимал его как данность и не мечтал о лучшей доле. Да и жалование Локлан положил ему куда лучше, чем было при Ракли. Локлан вообще оказался куда более открытым, простым и предсказуемым хозяином, чем его часто самодурствующий отец. Дома же Олака не держало ровным счетом ничего. Получив как-то под вечер известие о том, что вся его семья трагически погибла, он преспокойно улегся спать в своей скудно обставленной келье на верхнем этаже Меген'тора, справедливо решив, что слезами горю не поможешь, а выспаться не помешает, поскольку назавтра намечался ранний подъем и вылазка на заставу этого крепыша Тулли с помидорами вместо щек. Поблизости от нее накануне были замечены следы *шеважа*. Ночью ему, вероятно, снились сны про Лайлу и Адару, потому что проснулся он засветло со слипшимися от слез веками. После возвращения из кратковременного похода, не увенчавшегося успехом, он узнал подробности произошедшего. Грибы, которые так любила готовить Лайла, оказались отравленными. Всех троих обеспо-

коенные соседи нашли в доме лежащими вокруг обеденного стола. Потрясенный мужеством слуги, который даже не удосужился сообщить о постигшем его несчастье, чтобы не путать планы хозяина, решившего во что бы то ни стало поймать хоть кого-нибудь из дикарей, никогда прежде не подступавших настолько близко к Вайла'туну, Локлан распорядился провести расследование причин отравления и найти виновных. Виновных нашли среди рыночных торговцев. Олак подозревал, что все это лишь несчастный случай и никого не винил, однако допрос с пристрастием показал, что отравление вовсе не было трагической случайностью: один из родственников Адары, решивший, что одинокие женщины вряд ли когда дождутся своего отрешившегося от мирской суеты мужа, хотел таким образом завладеть освободившимся домом. Его, а также незадачливых торговцев казнили прямо там же, на рыночной площади, чтобы остальным было неповадно зариться на чужое добро. Из окон своего опустевшего дома Олак отрешенно наблюдал за тем, как коленопреклоненным преступникам отрубали кисти рук, вырывали щипцами языки и перепиливали тупыми пилами позвоночники, и размышлял, стали бы *мерги* искать и привлекать к праведному суду его обидчиков, если бы он был не слугой Локлана, а обыкновенным *виггером*, вмиг лишившимся всего, чем владел и чем дорожил. Да и сам дом, большой, двухэтажный был подарен ему Ракли за верную службу. Равно как и громкое звание *эдельбурна*, хотя по рождению он был

обыкновенным *вабоном*, вроде тех, что с восторгом взирали на кровавую казнь и громкими возгласами подбадривали палачей. Отказываться Олак просто не посмел, однако при случае поинтересовался у Локлана, каким образом на него снизошла подобная честь. Выяснилось, что Скелли, о котором Олак до того дня ровным счетом ничего не знал, ну, писарь и писарь, пусть даже и главный в замке, так вот, этот самый Скелли углядел где-то в своих летописях ссылку на то, что линия рода Олака переплетается корнями чуть ли не с потомками самого Дули. Олак был таким открытием немало удивлен, поскольку всегда считал, что единственным связующим звеном могла быть разве что его прабабка, которая две зимы служила кормилицей при Балдере Отважном, деде Ракли, да и то лишь потому, что мать Балдера вынуждена была с первых же дней вместо пеленок и люльки взяться за меч и возглавить войско вместо погибшего мужа. Однако не так давно Олака ждало еще большее потрясение. Незадолго до злосчастного похода за заставу Граки имя Скелли снова прозвучало в его доме. На сей раз главный писарь пригласил Олака к себе в подземное хранилище и долго ходил вокруг да около, пока, в конце концов, ни сообщил, что навел справки и обнаружил, что в Обители Матерей живет его взрослая дочь. Олаку ничего не оставалось, как согласиться, хотя уже одна мысль о добровольно отданном в чужие руки ребенке мучила его настолько, что он всякий раз гнал ее прочь и почти сумел забыть о содеянном почти двадцать

зим назад. Дальше его ждало то, что он не мог объяснить иначе, как чудом: Скелли хлопнул в ладоши, и какие-то люди в черном ввели под пламя факела прекрасное создание с огромными карими глазами и длинными каштановыми волосами, отливавшими до боли знакомым золотым блеском. Сдержанность изменила Олаку, и он, упав перед смущенной девушкой на колени, разрыдался. Главный писарь, вдоволь насладившись этой сценой и своей в ней ролью, пояснил потрясенному Олаку, что благодарить он должен вовсе не его и даже не провиденье, вернувшее ему добровольно отданную дочь, а все те же традиции *вабонов*, по которым, в случае, если мужчина, не проживший пятидесяти пяти зим, то есть, еще способный к деторождению, теряет возможность продолжать свой род по причине гибели всех домочадцев, Обитель Матерей обязана возвратить ему отобранного ранее ребенка. Хотя ни о чем подобном Олаку никогда слышать не приходилось, он с благоговением выслушал объяснение свершившегося чуда и заключил вновь обретенную Орелию в крепкие отцовские объятья. Лишь значительно позже, вспоминая ту ослепительную встречу в сумрачном подземелье замка, Олак догадался, чтò Скелли имел в виду, намекая на его возраст и возможность иметь еще детей. Но даже догадавшись, простил. Не мог не простить. Скелли, а вовсе не традиции и не провиденью, был он обязан возвращению дочери. Орелия впоследствии также призналась ему, что когда из замка за ней пришли те самые люди в черном, настоя-

тельницы в первый момент вознегодовали на них и воспротивились тому, чтобы отдавать воспитанницу, как они выразились, «обратно в мир». Поначалу Олак искренне думал, что все это произошло не без участия Локлана и поблагодарил его, как умел, сдержанно и немногословно, однако Локлан не понял, о чем идет речь, и Олаку пришлось призадуматься. А потом он отправился в Пограничье, оставив дочь обживаться на новом для нее месте, и не раз возвращался мыслями к последнему их разговору со Скелли. Чем больше он размышлял, тем отчетливее сознавал, что главный писарь замка едва ли сделал для него то, что сделал, без тайного умысла. Потому его почти не удивило, когда, отправившись на днях в хранилище за верительной грамотой для Хейзита, нового увлечения Локлана, он выслушал из уст Скелли недвусмысленные намеки на то, что долг платежом красен и что, мол, ему, то есть Скелли, знания и умения Олака всегда могут пригодиться. Более подробно он говорить не стал, однако Олак и так все прекрасно понял: постоянная близость к Локлану делала из него незаменимого осведомителя, вероятно, любящего свою дочь больше, нежели молодого, неоперившегося, но уже весьма влиятельного хозяина. Надо ли говорить, как мерзко стало у Олака на душе от осознания своей новой роли, и все же ему сделалось еще хуже, когда он ясно ощутил всю невозможность ей сопротивляться. Да, он будет доносить на Локлана, если от этого зависит судьба его дочери. Да, он готов унижаться перед главным писарем, ес-

ли тот обещает всячески содействовать безоблачной жизни Орелии, тем более что об этом унижении будет знать только он да поруганная совесть Олака. Приняв это решение, Олак потерял сон и старался как можно реже попадаться Локлану на глаза. В *Вайла'туне* он тоже с тех пор не появлялся до сегодняшнего утра, когда его послали за гончаром. Душой он рвался к Орелии, но боялся, что не вынесет встречи с ней. И потому, что стыдился своего предательства, на которое пошел ради нее, и потому, что обаяние ее юности, нет-нет да и искушало его. В этом тоже был виноват Скелли с его грязными намеками. Нет, конечно, Олак ничего такого даже в мыслях не мог себе представить, однако сейчас ему особенно отчетливо вспоминались те короткие дни, что он провел с дочерью под одной крышей, и то незабываемое ощущение, которое он испытывал при виде ее гибкой фигурки и гладкой загорелой кожи, когда она, думая, что за ней никто не наблюдает, спустившись в густо заросший акацией сад и сбросив одежду, принимала по утрам солнечные ванны. Он не отваживался расспрашивать ее о жизни в Обители Матерей, однако подобная раскрепощенность никак не вязалась в его сознании с представлениями о строгости царивших там нравов. Орелия добилась от отца разрешения, когда ей заблагорассудится, выводить из стойла одного из двух принадлежавших ему коней, накрывать его тяжелой серой попоной с перекрестиями желтых полос – намек на родство с потомками Дули – и в одиночку кататься по узким улочкам Малого

Вайла'туна. То, что он всегда считал верхом неприличия, для нее почему-то казалось само собой разумеющимся. На все его робкие попытки навязаться к ней в провожатые, что было сложно, поскольку большую часть времени он по-прежнему проводил в замке, или приставить к ней кого-нибудь из доверенных *мергов*, Орелия лишь с улыбкой отмахивалась и говорила, что ей нравится гулять одной, наедине со своими мыслями. О чем она думала, оставалось для Олака загадкой, хотя в душе он даже радовался, что дочь не ищет обременительных знакомств и не спешит вести в дом первого встречного. Ревновал ли он? Да, наверное. Хотел сохранить для себя? Нет и еще раз нет! Просто она так долго жила только в его сердце – маленькое, беззащитное, кричащее в пеленках существо, – что сейчас, обретя ее во плоти и крови, он старался дать ей любую возможность жить полной жизнью, не оглядываясь назад и не имея повода упрекать его за честность, обернувшуюся предательством.

– Ты уверен, что хочешь остаться в замке?

Олаку сперва показалось, что это к нему обращается его внутренний голос, Однако то был Локлан, с нетерпением ожидавший вина. Он имел обыкновение говорить, будто вино помогает ему мыслить.

– Да, *хелет* Локлан, уверен.

Занятно наблюдать, как этот слуга изображает на лице уязвленное самолюбие, подумал Хейзит. Пока его не было, они на пару с Локланом ввели Ниеракта в суть задумки, и тот

пришел в бурный восторг. Досадуя поначалу лишь на то, что сам не догадался до столь простого решения наболевшей проблемы, он, казалось, сразу же забыл об этом, стоило Локлану назвать причитавшуюся ему долю: стоимость каждого пятнадцатого *лиг'бурна*. Ниеракт считал сносно и быстро рассудил, что при существующей потребности в камне и тех щадящих ценах, которые уже были рассчитаны до него, гончарная мастерская вполне может оставаться на неопределенный срок в полном распоряжении Шилоха. Уж кому как ни ему, Ниеракту, было знать, во что обойдется «выпечка» каждого камня притом, что производиться их будет не десяток и даже не сотня за раз. О подобном размахе ни один гончар не мог и мечтать. А о таких деньгах и подавно!

Локлан тоже был рад тому, что, похоже, с честью выполнит возложенное на него отцом поручение. В душе он обижался на Ракли за то, что тот не доверил ему руководство спасительным отрядом, посланным в Пограничье вдогонку за первым. *Херетога* Ризи был хоть и верным человеком, в военном деле не составляло труда найти *виггера* куда более искушенного. Одним из таких *виггеров* Локлан считал и себя. Нельзя сказать, чтобы он только и делал, что одерживал победы над *шеважа*, но это лишь потому, что ему редко предоставлялся удобный случай доказать свое умение. По существу, сражение на заставе Граки, когда ломовой штурм был славно отбит, было первым в его жизни столкновением с *шеважа* такого размаха. Прежде он участвовал разве что в от-

дельных рейдах, когда, благодаря лазутчикам, точно подгадывавшим наиболее благоприятный момент, все заканчивалось первой же внезапной атакой. Здесь же *вабоны* были атакованы сами, атакованы неожиданно, большими силами, и тем не менее Локлан теперь не без гордости вспоминал, как спокойно было у него на душе, когда он вступил в рукопашный бой, как уверенно разил он неприятеля и как отчетливо умудрялся следить за тем, что происходило вокруг него – качество, по словам отца, обязательное для настоящего военачальника. Почему же Ракли до сих пор доверяет ему разве что решать вопросы строительных работ, в которых он, признаться, мало что смыслит? Опасается за его жизнь? А может быть, опасается сравнения с сыном в глазах собственного окружения? Опасается его внешней рассеянности, за которой любой мало-мальски опытный человек безошибочно угадает расчетливость и немаловажную для сегодняшнего дня сдержанность. Не сам ли Ракли, когда Локлан был еще ребенком, демонстрировал ему на примерах из героического прошлого *вабонов*, что умный военачальник «смотрит прежде, чем подумать, и думает прежде, чем говорит»? Судя же по его собственному поведению, отец изрядно подзабыл эту истину и то ли постарел, то ли просто устал единолично держать в руках бразды правления всем Вайла'туном, да нет, куда там, всем Торлоном!

– Ну так что, Ниеракт, – прервал он свои размышления бокалом холодного вина и приглашая остальных последовать

его примеру, – ты готов приступить к воплощению нашей задумки немедленно?

– Еще как! – усмехнулся гончар. – Не беспокойтесь, *хелет* Локлан, все будет в лучшем виде! Судя по тому, что говорит Хейзит, нам не придется делать ничего нового, кроме как построить гончарную печь раз в десять больше обычной. Делов то!

– Печь? – уточнил Локлан. – Голую печь? Может, мне все-таки поговорить с Эдлохом, чтобы он выделил строителей на постройку дома для нее?

– От помощи не откажемся, хотя я предлагаю начать именно с печи. Пора дождей еще не началась, думаю мы успеем сварганить ее раньше. А потом сложим и дом. Из наших лиг'бурнов. Пусть все в Вайла'туне видят результат наших трудов.

– Правильное замечание, – кивнул Локлан, задумчиво оглядывая крыши домиков за обводным каналом. Товар лучше продается, если показывать его лицом. А печь из чего будешь строить?

Как ни странно, этот вопрос тоже не застал гончара врасплох, хотя все прекрасно знали, что обычно печи складываются из камней, которых ощущалась теперь такая нехватка.

– Из *лиг'бурнов*, разумеется. Из чего же еще? В моей нынешней печи можно будет на первых порах сделать столько, чтобы на большую хватило, а потом уже в той напечь камушков для основания и стен. Вот тогда подмога умелых стро-

ителей и понадобится. Хейзит, не сомневаюсь, за всем проследит, но руки пригодятся и чем больше, тем оно лучше.

Одобрительно кивнув, Локлан вынул из-за пояса уже знакомый Хейзиту кинжал с шишкой и тремя солнечными лучами и снова передал юноше, на сей раз со словами:

– Не потеряй. Пользуйся как договорились, по делу и храни. Да смотри, не обрежься.

Хейзит взвесил кинжал на ладони, и Ниеракту на миг показалось, что сейчас он размахнется и швырнет его со стены в бурные воды Бехемы. К счастью, этого не произошло: в ожидании своего часа кинжал благополучно перекочевал за пазуху Хейзита.

– Как вы оба прекрасно понимаете, шума из нашего замысла поднимать не надо, – продолжал Локлан. – О нем и так уже слышало слишком много лишних ушей. Поэтому, я предполагаю, что сейчас вы сами договоритесь, как и когда вам лучше приступить к работе – выпечке первых камней, постройке из них печи и тому подобное. На случай какой бы то ни было нужды у Хейзита теперь есть постоянный пропуск в замок. Мы могли бы сейчас заполучить такой же и для тебя, Ниеракт, но уж больно мне не хочется возвращаться в хранилище и общаться со Скелли. Так что, если возражений и вопросов нет, я ожидаю ваших ежедневных отчетов о ходе работ, а во всем остальном полагаюсь на вас.

– Деньги, – замявшись, напомнил Ниеракт.

– Да, разумеется, не будете же вы тратить собственные, –

спохватился Локлан. – Олак!

– Вы его отпустили, – напомнил Хейзит.

– Я здесь, – послышался голос слуги, и из пола появилась его голова. – Я знал, что могу вам понадобиться.

– Тем лучше. – Локлан вовсе не предполагал, что Олак все это время находился рядом и мог при желании их подслушивать. Скрыв раздражение за улыбкой, он продолжал: – Принеси-ка мне из моей спальни ларчик для письма. Заодно проверь, как там поживает наша гостья.

Ваша гостья, подумал Олак, отправляясь выполнять распоряжение.

– Сейчас я напишу записку, – провожая его пристальным взглядом, говорил Локлан, – с которой вы явитесь к моему доверенному ростовщику и он даст вам указанную сумму. Сколько нужно для начала, Ниеракт?

– Для закупки глины из карьера, я думаю, не меньше пятисот-шестисот *силфуров*. – Гончар говорил не слишком уверенно, стесняясь размаха своих запросов.

– Глины вы получите столько, сколько нужно и притом бесплатно. Хорошо, кстати, что напомнил. Я напишу еще одну записку начальнику стражи. Ваши телеги будут пропускать в обе стороны без досмотра. Опять-таки полагаюсь на вашу честность. Что еще?

– Нужны телеги для перевозки камней к месту строительства печи и, как вы упомянули, для поездок за глиной. Пока достаточно двух… правда, больше нам и потом едва ли

пригодится, если печь будет рядом с карьером. Да, две. С лошадьми.

– У меня есть знакомый рыбак, которого тоже можно привлечь к этой работе, – воспользовавшись задумчивостью Локлана, сказал Хейзит. – Ниеракт его тоже знает. У него телега с лошадью.

– Еще нужно будет нанять людей, чтобы ровняли землю под печь и дом, – загибал пальцы гончар. – Человек десять. Всего *силфуров* пятьдесят в день будут просить.

– На каждого? – нахмурился Локлан.

– Нет, конечно, на всех десятерых. Зато быстро все сделают. Я знаю надежных людей.

Вернулся Олак с маленьким ящичком. Локлан вынул из ларца два кожаных лоскутка, уже скрепленных печатью, сел на лавку и принялся писать.

– Так, – сказал он, покончив с первой запиской и протягивая ее Ниеракту, – это тебе для предъявления на карьере. Не знаю, кто там сейчас главный, но ее будет достаточно, чтобы вас беспрепятственно пускали. Теперь по поводу денег. – Он склонился над вторым лоскутом, начал писать, потом замешкался, перевел взгляд с гончара на строителя, почесал пером подбородок и одним росчерком закончил послание. – Моего доверенного ростовщика зовут Томлин. Дом его, я думаю, вы оба хорошо знаете. – Локлан обратил внимание спутников на обводной канал. – Вон тот, что стоит по другую сторону от моста и похож на башню.

– Всегда думал, что там живет какой-то торговец, – признался Ниеракт.

– Томлин и есть торговец. Но вам я могу по секрету сказать, что кроме торговли драгоценными камнями и вообще украшениями, он еще и расплачивается по некоторым счетам замка. А вот записка к нему. Хейзит, я поручаю общение с Томлином тебе.

Хейзит взял записку и, пользуясь тем, что она не свернута в трубочку, как то обычно делалось в подобных случаях, заглянул в текст.

– Но здесь сказано «выплатить тысячу силфуров»! – искренне поразился он.

– Дело того стоит, – ободряюще похлопал его по плечу Локлан. – Это не значит, что он выдаст вам всю сумму сразу, и вы будете вынуждены таскаться с мешком денег по Вайла'туну. Тысячи, как я понимаю, для начала хватит, зато вам не придется всякий раз прибегать в замок и клянчить новой ссуды у нашего казначея. Мы все заинтересованы в том, чтобы камни появились как можно скорее. А прибыль от них быстро покроет все расходы.

Хейзит с Ниеракто уже собрались уходить, по-своему поняв намек, однако Локлан попросил их задержаться и снова окликнул Олака.

– Раз уж ты в курсе наших планов, – сказал он слуге, – я назначаю тебя с этого дня в помощь этим двум мастерам своего дела. Нет, возражений я не принимаю.

– Но ваш отец приставил меня к вам…

Хейзит впервые видел его таким растерянным.

– За это можешь не переживать. Ему я все сам объясню. Тем более что, помогая им, ты поможешь мне. Ибо я возлагаю на тебя не только их охрану – а от их безопасности во многом теперь зависит безопасность Вайла'туна, если ты еще этого не понял, – но и новое для тебя дело: ведение учета продаваемых камней. Кстати, – повернулся он к остальным, – вы, надеюсь, отдаете себе отчет в том, что ваше вознаграждение, как мы договорились, зависит от *лиг'бурнов* проданных, а не просто изготовленных. То есть постройка печи и дома под мастерскую не будет вам ничего стоить, но и ничего не даст. Кроме печи и дома.

– Само собой разумеется. – Хейзит наконец-то услышал знакомые нотки. А то он уж было начал думать, что Локлана подменили: таким тот в одночасье сделался понимающим и щедрым. – С голоду не помрем.

– И тем быстрее все сделаем, – поддакнул своему новоиспеченному партнеру Ниеракт.

Мнения Олака никто не спрашивал. Ему просто дали очередное поручение и ожидали, что он беспрекословно его выполнит. Даже не уточняя, насколько хорошо он умеет делать то, чему его никогда не учили: считать какие-то дурацкие камни, причем, судя по всему, отделяя «изготовленные» от «проданных». Что за издевательство! Нет, он, конечно, возражать не станет, особенно вслух, но примет к сведению.

Ведь может выйти и того хуже: если Локлан в один прекрасный день заподозрит его в сговоре со Скелли. Ему же не докажешь, что все произошло само собой. Зато в новом назначении есть и выгодное обстоятельство: более чем уважительная причина пропасть из поля зрения Скелли. Неясно пока насколько, но все лучше, чем каждую минуту рисковать столкнуться с писарем по поводу или без. Ради этого можно и камни посчитать.

Локлан изобразил нечто вроде поклона, который означал, что разговор закончен. Хейзит заметил, как он сказал что-то на ухо слуге и тот понимающе кивнул.

Они втроем спустились по лестнице во внутренний двор замка, оставив Локлана в одиночестве предаваться размышлениями на смотровой площадке. Вероятно, на ветру ему лучше думалось.

– Подождите меня здесь, – небрежно бросил Олак своим спутникам и указал на кедровую рощицу.

– Полагаете, он действительно будет нам в помощь? – вздохнул Хейзит, следя за неправдоподобно быстро удаляющейся фигурой. – По-моему, Локлан просто решил приставить к нам свои глаза и уши.

– Если бы он ставил перед собой такую цель, то мы бы узнали об этом в последнюю очередь. – Ниерakt поискал что-то между кедрами, нашел и шагнул вглубь зелени. Стволы словно сомкнулись вокруг него. – Иди-ка сюда, – донесся до Хейзита его спокойный голос.

Часовни культа героев – *беоры* – напоминали, как уже говорилось прежде, перевернутые луковицы. А установленные в одном месте, они сейчас казались Хейзиту заживо закопанными в землю гигантскими *мергами*, от которых только и осталось, что каменные шлемы. Хейзит машинально принялся их пересчитывать, но на втором десятке сбился и стал наблюдать за Ниерактом, который выбрал одну из *беор*, умиротворенно опустился перед ней на колени и принялся неслышно молиться.

Хейзит остался стоять поодаль, не мешая новому другу, но и не разделяя его торжественный настрой. К стыду своему, он не испытывал перед героями *вабонов* должного пиетета и никогда не мог заставить себя не то что прочитать какую-нибудь из разученных в детстве молитв, но даже молча постоять на коленях. Ему это представлялось игрой, правилам которой он подчинялся, когда в нее играли его родители, однако теперь, повзрослев и научившись думать самостоятельно, он считал поклонение праху легендарных *виггеров*, среди которых преобладали *мерги*, хотя встречались и *сверы*, и простые *вабоны*, чем-то вроде душевной слабости. Разумеется, думал он, нужно помнить своих предков, тех, без кого было бы невозможно твое собственное существование, даже если судьбе не было угодно превратить их в героев, но какое мне может быть дело до предка какого-нибудь заносчивого *эделя,* получившего свой титул по праву рождения, а не по заслугам? Гверна, его мать, по-прежне-

му придерживалась традиционных взглядов и часто испрашивала благословения у проповедников самых разных культов – исходя, как водится, из сиюминутной необходимости. Хотя особенно симпатизировала героиням-женщинам, коих за всю обозримую историю ее народа набралось не меньше полудюжины.

Поскольку внешне все *беоры* были похожи друг на друга как две капли воды, на выпуклом боку каждой имелась сделанная острым резцом каменщика надпись с именем олицетворяемого ею героя. Над надписью, как правило, зияло углубление, а иногда и сквозное отверстие, в которое молящийся мог положить специально принесенный для этой цели дар: букетик цветов, горящую свечку, что-нибудь съедобное и вкусное или нечто драгоценное или просто дорогое его сердцу. Когда углубление или отверстие переполнялось, в обязанность проповедника и его учеников входило забирать дары и складывать в одним только им известном месте. В Малом Вайла'туне поговаривали, что некоторые ценные вещи проповедники присваивали, хотя никто не возмущался громко, да и случаев, чтобы кого-то уличили в подобном кощунстве, не было.

Беоры, на которые сейчас смотрел Хейзит, отличались разве что надписями. Все они имели сквозное отверстие, в каждом отверстии горело по свече, обвязанной цветной лентой, а вокруг свечей были аккуратно уложены не успевшие распуститься бутоны полевых цветов. Вероятно, решил

Хейзит, это должно символизировать одинаковое отношение хозяев замка к памяти всех героев.

– Вы ищите кого-то определенного? – послышался сзади негромкий вопрос.

Оглянувшись через плечо, Хейзит увидел, что к ним бесшумно подошел и остановился на почтительном расстоянии юноша в доспехах *виггера*. Если бы Хейзит лучше разбирался в военных чинах и регалиях, то по кожаному чешуйчатому панцирю, надетому прямо поверх кольчужной рубахи, и своеобразному шлему признал бы в неожиданном собеседнике *фултума*, помощника *свера*. Не хватало разве что длинного копья или меча, а все вооружение незнакомца составлял свисающий с пояса двусторонний топорик, одно из лезвий которого было гладким и полукруглым, а другое – сплошь испещрено зазубринами. Он, непременно, призадумался бы, если бы знал, что означают выгравированные на стальной поверхности круглого шлема прямо над переносицей три параллельно расположенные стрелы. А так перед ним стоял просто его ровесник, избравший вместо мирного, созидательного ремесла путь воина. Правда, мягкие черты лица и сдержанные движения показались Хейзиту слишком женственными для того, чье призвание – ратное дело. Незнакомец стоял, устало опустив руки в железных перчатках и наклонив голову так, что из-под шлема были видны только кончик носа и тонкие поджатые губы. Хейзит не сразу сообразил, что таково устройство шлема, в котором сде-

ланы узкие прорези, и через них юноша имеет возможность наблюдать за происходящим вокруг.

– Я ухаживаю за этими *беорами* и мог бы вам подсказать, если вы кого-то ищите, – повторил он, не дождавшись ответа.

Хейзит почувствовал, что стоять вот так, молча изучая собеседника, по меньшей мере неучтиво, и не придумал ничего лучше, как заметить, указывая на спину коленопреклоненного Ниеракта:

– Не пойму, кому он молится. Вы умеете читать эти надписи?

Юноша кивнул и посмотрел сквозь прорези шлема на *беору*, которой Ниеракт отвешивал сейчас низкие поклоны.

– Там высечено тайное имя Рилоха, покровителя всех начинаний и *мергов*. Судя по отсутствию у вашего товарища доспехов, предполагаю, что он просит Рилоха о помощи в каком-то новом деле.

– Вы сказали «тайное имя»?

– Похоже, вас мало интересуют культы героев, – сокрушенно вздохнул юный собеседник, сдвигая шлем на затылок и показывая Хейзиту открытое лицо с голубыми глазами и белесыми бровями и ресницами. – Вам безразлично наше прошлое?

Еще только не хватало мне выслушивать его нравоучения! Что ему надо от меня? Какое ему дело? Кто он такой?

– Небезразлично. Именно поэтому я и спросил. И если вы сами не знаете…

– На более старых *беорах*, – повысил голос явно уязвленный *фултум*, – имена героев писались не так, как сейчас: в строчку или вертикально. Тогда считалось, что их имена следует знать и видеть, но совершенно необязательно читать. А потому каждая последующая буква имени наносилась *поверх* предыдущей. Получалось очень красиво, но не всегда понятно. Зато их можно по-разному читать.

Он прервал свою тираду так же внезапно, как и начал, ожидая, по-видимому, бурной реакции слушателя. Реакции не последовало никакой: Хейзит взирал на него с таким видом, будто еле сдерживается, чтобы не прыснуть со смеху. Юноша снова надвинул шлем на глаза и, судя по всему, собирался удалиться, не попрощавшись.

– Вы не покажете мне *беору* Дули? – вырвалось у Хейзита.

Самозванный смотритель помедлил, его глаза в прорезях шлема мрачно блеснули, однако тонкий рот растянулся в добродушной улыбке.

– Идемте, – сказал он и указал направление железной перчаткой. – Это в самом центре.

Перехватив взгляд озадаченного Ниеракта, которого голоса за спиной заставили сделать паузу в молитве, Хейзит пожал плечами и двинулся следом за провожатым.

– А в чем заключается ваше «ухаживание» за *беорами*? – уточнил он, чтобы хоть как-то поддержать беседу и сгладить возникшую по его вине неловкость.

– Меня назначил сюда Ворден, – отозвался из-под шле-

ма юноша, не поворачивая головы, словно такой ответ упреждал любые новые вопросы.

– Ворден? – Хейзит призадумался. – Ворден… что-то не припоминаю…

– *Беоры* требуют постоянного за собой ухода, – продолжал между тем провожатый, попутно заглядывая в отверстия каждой луковицы и что-то поправляя. – Здесь, правда, забот с ними меньше, чем в Вайла'туне, где, в отличие от вас, очень многие почитают культы наших великих предков. Ворден считает, что одного меня тут пока вполне достаточно. Однако, хочу заметить, пока Ракли ни отправил половину гарнизона в Пограничье, хлопот мне хватало. Надеюсь, эти времена еще вернутся. Сказать по совести, я готов с утра до ночи менять свечи и подкладывать свежие цветы, лишь бы только мои товарищи вернулись целыми и невредимыми. Ведь не зря же все эти подношения. Герои должны поддержать их в трудный час.

Словоохотливость собеседника забавляла Хейзита. Как ни странно, он почувствовал в пареньке родственную душу, хотя и надежно закрытую двумя слоями доспехов, совершенно неуместных среди каменных идолов и цветов.

– А вот и *беора* Дули. Свечку сегодня утром поставил сам Ракли. Как вам нравятся эти пеоны? Согласитесь, они как нельзя лучше отражают его бескомпромиссность и отвагу?

Хейзит присмотрелся к еще тронутым расой цветам, но ничего особенного в них не заметил. Гораздо больше

его заинтересовала сама луковица, отличавшаяся от остальных тем, что на ее каменной глади, кроме причудливой вязи «тайного имени» Дули выпукло выступали две обращенные в разные стороны орлиные головы. Они были изрядно стерты временем, однако хищно приоткрытые клювы и даже попытки передать оперенье еще угадывались.

– Мне бы хотелось побыть одному, – неожиданно сам для себя нашелся Хейзит. – Благодарю, что показали.

Юноша, ожидавший расспросов, вынужден был поклониться и отойти, однако не ушел совсем, оставшись поодаль и делая вид, будто занят своими делами.

Головы орлов в точности напоминали те, которыми был украшен найденный на Мертвом Болоте меч Дули. Он очень хорошо запомнился Хейзиту, хотя ему так и не довелось дотронуться до сверкавших в отблесках костра изумрудов и рубинов, унизывавших тяжелую рукоятку. Не будучи воином, он так и не понял, зачем на мече, если он действительно боевой, столько лишнего. Во всяком случае, те топоры и мечи, которые он повидал на своем веку в оружейной лавке Ротрама, были простыми, лишенными не только драгоценностей, но даже резных завитушек, зато наверняка надежными. Когда же Хейзит напоминал ему строки из легенд, воспевавших красоту доспехов и оружия древних героев, Ротрам откровенно морщился и говорил, что, мол, легендарным воинам положены легендарные мечи, а сражаться за свою жизнь лучше самыми что ни на есть обычными. Главное, чтобы они

удобно лежали в руке, были правильно сбалансированы и как следует заточены. Спрашивается, с какой стати Дули захватил в свой последний поход именно то, что обнаружил на его останках этот невесть откуда взявшийся Вил? Уж не из-за того ли его поход и стал последним?

Хейзит попытался прочитать наложенные один на другой знаки, означавшие имя Дули, но так ничего тайного в них не нашел. Как будто кому-то просто взбрело в голову сделать из понятного слова неразбериху. Ну и что из того, что одно и то же слово можно прочитать и как «Дули», и как «дилу», и как «луди», и Тэвил его знает, как еще? Спрашивать нового знакомого хотелось сейчас меньше всего. Тот, похоже, и в самом деле занялся чем-то важным, прикрывая собой одну из луковиц.

Надо сказать, что внешняя схожесть *беор* никак не сказывалась на их высоте. Это обстоятельство бросалось в глаза особенно сейчас, когда их было сосредоточено в одном месте такое множество. Некоторые луковицы, вроде посвященной Дули, стояли на толстых каменных столбах, составляя с ними единое целое и возвышаясь в рост человека. Другие были на столбы водружены и едва заметно покачивались, если тронуть их рукой. Были, наконец, и такие, столбы которых оказывались почти полностью врытыми в землю, так что при желании через них можно было перепрыгнуть или даже перешагнуть – на что Хейзит никогда бы не отважился, опасаясь справедливого возмездия. Над одной из таких «малы-

шек» и колдовал загадочный юноша.

– Хейзит! – послышался с другой стороны поляны оклик Ниеракта. – Локлан пришел. Идем.

Хейзит заметил, как при этих словах его провожатый встрепенулся, выпрямился и двинулся ему наперерез.

– Так вы служите у Локлана? – поинтересовался он, когда они поравнялись. – Рад нашему знакомству.

Хейзит кивнул и продолжал свой путь. Оказалось, что юноша не собирался от него отставать, поскольку, когда между кедрами, окружавшими «луковичную» поляну, возникли фигуры Ниеракта и Локлана, последний приветственно поднял руку и сказал, глядя мимо Хейзита:

– Рад тебя видеть в добром здравии, Гийс. Слышал от Вордена, что тебе крепко досталось на ристалище.

– Ничего, *хевод* Локлан, – в тон ему отвечал юноша. – Раны и ушибы заживут, а опыт останется.

– Дело говоришь. – К удивлению Хейзита Локлан крепко пожал Гийсу руку и дружески хлопнул по плечу, отчего тот поморщился, но улыбку на лице удержал. – Вижу, вы уже познакомились.

– В некотором роде, – буркнул Хейзит. – Похоже, я разочаровал вашего друга своим незнанием культовых основ.

– Нам всем есть, чему поучиться у Гийса, – охотно согласился Локлан. – Он большой знаток культов, несмотря на молодость. Осталось только покрепче держать в руках копье, и тогда ему цены не будет. Я ничего не упустил, Гийс?

– Против Лина Трехпалого одного копья маловато будет, – весело рассмеялся юноша, снимая с головы шлем и проряжая пятерней светлые вихры. – Остается только радоваться, что мне впредь придется сражаться за него, а не с ним.

– Ну ладно, об этом, Гийс, мы еще поговорим в свое время. А сейчас нам пора. Лошади ждут. – Это уже относилось к Ниеракту и Хейзиту, которых Локлан подхватил под руки и буквально потащил через кедры на площадь, а оттуда вниз по булыжной мостовой. – Я распорядился, чтобы вам подобрали жеребцов получше, но таких, чтобы их можно было использовать как для езды верхом, так и для тягловых работ. Конюшни же, как вы знаете, находятся у нас на ристалищном поле.

Мысль о собственном коне настолько захватила Хейзита, что он позабыл задать Локлану вертевшийся на языке вопрос относительно личности этого речистого Гийса, который, оказывается, умел не только стряхивать расу с «бескомпромиссных» пеонов.

У ворот при выходе из каменной части замка их уже поджидал Олак. Под уздцы он держал двух гнедых коней – довольно низкорослых, отметил Хейзит, – но зато, как и обещал Локлан, мощных и спокойных. Сам он сидел на пегом скакуне, выгодно отличавшимся от собратьев своей грациозной статью и огнем в недоверчиво косящихся на чужаков глазах. Все лошади были, разумеется, без попон, характерных для собственности *эделей*, но под добротными кожаны-

ми седлами, к одному из которых Хейзит успел привыкнуть за время пути с заставы Тулли до замка. Лучшего подарка он не мог и пожелать. Если только это был действительно подарок. Локлан этого не стал уточнять. Жестом щедрого хозяина он указал на всю троицу и пожелал друзьям удачной работы. Хейзит так и не понял, зачем, раз с ними попрощавшись, он снова решил самолично проводить их до последних ворот.

Следуя за быстроногим жеребцом Олака, они скоро миновали калитку в частоколе, и застучали по каменной кладке моста через канал. Хейзит не участвовал в беседе, завязавшейся между Олаком и Ниерактом, и мысленно готовился к той задаче, которую ему предстояло решить в ближайшее время. Когда мост закончился, он в задумчивости свернул направо. Составляя в уме фразы, с которыми обратится к Томлину, прося, нет, приказывая выделить ему, новому строителю, указанную в записке сумму денег, он не сразу заметил, что остался наедине со слугой Локлана. Почему-то он решил, будто тот продолжит беседу с Ниерактом до самого карьера.

– Вы знаете дорогу дальше? – спросил Хейзит, пытаясь рассеять неловкость.

Олак посмотрел на него насмешливо, вовсе не так, как престало смотреть на друга хозяина верному слуге, однако кивнул и добавил:

– Даже лучше, чем хотел бы.

Он не стал уточнять, что именно хочет этим сказать. Его молодой спутник едва ли нуждается в душещипательных рассказах о нелегкой доле *эделя* на побегушках, которому в очередной раз красноречиво указали на его место: подальше от замка, но поближе к тем, от чьей честности и преданности судьба этого замка зависит. Не зря же Локлан удосужился шепнуть ему на ухо, что основная его теперешняя обязанность – не столько следить за ходом работ и количеством изготавливаемых и продаваемых камней, сколько за тем, чтобы волосок не упал с головы этого неказистого малого, придумавшего какой-то способ превращать мягкую глину в прочный строительный материал. Олаку вся эта затея не нравилась, однако он знал о ней только то, что случайно мог подслушать, дежуря под наблюдательной площадкой, и по привычке не спешил делать выводов. «Даже у *силфуров* есть две стороны», говорили *вабоны*, и Олак тоже верил в то, что любое никудышнее с виду дело бывает что и обернется чем-то стоящим. Кто знает? Важно, что теперь у него более чем уважительная причина забыть о существовании Скелли. Хотя бы на время.

Дорога вдоль канала была устлана опавшей листвой. Стоявшие по ее краям деревья понуро клонили к земле тяжелые ветви и сбрасывали последние лоскутки буро-красных нарядов. Сквозь образовывающиеся пустоты проступали придорожные сады и даже фасады запрятанных под прикрытие ягодных кустов домиков. Здесь жили те, кто мог позволить

себе уединение. То самое, о котором всегда мечтал Олак. Получив в подарок дом возле рыночной площади, он испытал смешанные чувства. С одной стороны, ни на что подобное он никогда не рассчитывал, но с другой, слышать с утра до ночи все то, что творится за высоким забором, было выше его сил, и он отчаянно жалел о том, что подобный подарок нельзя продать, не обидев дарившего. Здесь же, по берегам обводного канала, селились те, кому некуда было девать лишних *силфуров*, или те, чьим предкам посчастливилось первым занять эти места, когда Вайла'тун еще только-только разрастался и не был поделен на Малый и Большой. Взять хотя бы того же Ниеракта. Его гончарная мастерская была построена на месте обветшалого дома его пращура, участвовавшего в прорытии самого канала. Правда, в те времена, насколько слышал Олак, близость к воде вовсе не считалась у *вабонов* бесспорным преимуществом жилья. *Вабоны* вообще всегда недолюбливали воду, кроме, разве что, питьевой. До сих пор на рыбаков, которых от зимы к зиме становилось все больше, смотрели как на людей не совсем нормальных. Зато Олак, если бы ему сегодня представился такой выбор, почти с удовольствием занялся бы ловлей рыбы, только бы иметь возможность поселиться с дочерью подальше от суеты торгашей и пагубных хитросплетений придворной жизни.

Хейзит тоже размышлял о поре упадка, предшествовавшей зиме, которая, по всем приметам, обещала выдаться в этот раз холодной и многоснежной. Увядающие дере-

вья говорили о том, что следует поторапливаться. Вот-вот начнется период частых дождей, а это крайне нежелательно усложнит постройку большой печи. Хорошо, что Ниерак знает свое дело и, вероятно, еще сегодня пошлет своих людей за глиной и приступит к готовке первых *лиг'бурнов*. Но сколько дней уйдет на то, чтобы сделать достаточное их количество для возведения такой печи, которая могла бы снабжать готовыми камнями не только жителей Вайла'туна, но и разбросанные по всему Пограничью заставы? Хейзит представил себе длинные караваны из груженых его камнями телег, охраняемые вооруженными до зубов воинами и медленно продирающиеся сквозь чашу, где за каждым деревом их подстерегают коварные дикари с луками. Нет, не так! Ведь к тому времени уже наверняка наступит зима. А значит, телеги снимут с колес и переставят на полозья. На санях по снегу перевозить грузы легче, чем на колесах. Тем более по лесу, в котором почти нет проезжих дорог, а на тропах рытвины перемежаются с кочками и корнями. Кроме того, зимой многие деревья стоят голые, и за ними не так-то просто укрыться врагу, если только он ни умеет зарываться с головой в снег. Нет, что и говорить, перестройка застав зимой на первый взгляд выглядит даже предпочтительней, чем летом, а тем более под дождем. Хейзит живо представил себе, как обозы с камнями достигают гостеприимно опущенного моста через засыпанный непролазным снегом ров и под радостные крики *эльгяр* разгружаются

в центре заставы. За дело берутся строители. Не плотники, как то было всегда, а настоящие строители-каменщики, соскучившиеся по работе. Не разбирая деревянных стен, чтобы не подвергать себя опасности внезапного штурма, они внутри них возводят каменные, может быть, даже с башнями по краям, как в замке…

– *Вита* Олак.

– Да.

– Вы не знаете точно, сколько сейчас в Пограничье наших застав?

Олак глянул вниз на неловко скакавшего чуть позади юношу и ответил не сразу.

– Десяток.

Похоже, собеседника такой ответ не удовлетворил.

– Это значит десять или двенадцать? Или больше? Я потому и спрашиваю, что мне хотелось бы знать наверняка.

– Девять. Если не считать той, откуда ты бежал.

Он заметил, как лихорадочно вспыхнули щеки Хейзита, и скрыл усмешку.

С одной стороны, ему совершенно не нравилась ситуация, в которой он оказался, будучи приставленным к желторотому мальчишке, все заслуги которого сводились к тому, что он придумал вместо горшков печь из глины камни. С другой же, Олак всегда питал невольную симпатию к самостоятельным и настойчивым ребятам возраста этого подмастерья. Ему всегда хотелось, чтобы таким же самостоятель-

ным в принятии решений и настойчивым в их осуществлении был его собственный не рожденный сын. Который сейчас мог бы быть приблизительно того же возраста, что и этот парень, неумело дергающий за узду своего низкорослого конягу и обиженно отворачивающий взгляд.

Что ж, девять застав да еще одна, думал между тем Хейзит, это не так страшно, как он предполагал. Почему-то он раньше считал, что застав не один, а по меньшей мере два десятка. Правда, это означало и то, что на самом деле и *вабонов* там служит в два раза меньше, чем ему бы хотелось. Но зато превратить их из поленниц дров в настоящие крепости, неподвластные свирепому огню, будет в два раза проще. И быстрее. Он потрогал рукой притороченный к седлу мешок. Увы, построить из таких мелких камней замок со стенами и главной башней – работа далеко не одного дня. Может, попробовать сделать их больше по размеру? С какой стати он должен привязываться к какому-то старому ящику только потому, что тот послужил ему первой формой? Почему бы не слепить *лиг'бурн* раза в четыре больше? Отвлекшись на Олака, который в это время поздоровался с несколькими прохожими, Хейзит вернулся к своим прикидкам и понял, что ошибается. Большие камни гораздо менее удобны при строительстве, а кроме того, их обжиг в печи займет значительно больше времени, чем обжиг в четыре раза меньших. Время! Хорошо бы знать наперед, сколько его у них осталось.

Тут он увидел ту, о которой уже забыл и мечтать. Шагах в тридцати впереди из-под сени раскидистого дуба навстречу им гордой поступью вышел статный конь, заботливо укрытый серой попоной, изрезанной перекрестиями желтых полос. Верхом на нем, изящно уворачиваясь от веток, покачивалась кареглазая незнакомка с каштановыми волосами, собранными на затылке в хвост ниже плеч и длинными голыми ногами, загар которых подчеркивали светлые *ско* из мягкой кожи и расшитые бисером. Сегодня на ней была тонкая кожаная безрукавка, затянутая впереди крест-накрест тесьмой так туго, что сквозь нее проступали упругие очертания груди, и такая же кожаная юбка, в которой едва ли какая наездница осмелилась взобраться на лошадь вообще, а тем более сесть без седла верхом. Кроме красоты и уверенности во взгляде, у девушки не было ни седла, ни оружия, ни провожатых.

Хейзит, как зачарованный, смотрел на приближающуюся незнакомку и в очередной раз понятия не имел, что же ему делать. Он так давно ждал этой встречи, так часто ее себе представлял, что сейчас совершенно растерялся, не зная, как привлечь внимание девушки. В мечтах он с легкостью рисовал улыбку на ее прекрасном лице в ответ на его учтивое, но сдержанное приветствие, и заинтересованный взгляд вполоборота, когда они поравняются друг с другом, и ей захочется остановить его каким-нибудь ласковым словом. Мечты сбылись слишком быстро. Настолько быстро, что он

не успел даже обзавестись достойным конем. Нет, чего греха таить, если бы не щедрый подарок Локлана, могло бы получиться еще хуже, но уж в больно невыгодном свете предстает он сейчас на фоне стройного рысака этого слуги. На которого она, кстати, точнее, совсем не кстати, смотрит во все глаза. Совершенно не обращая внимания на него, на Хейзита. Что она в нем такого нашла? Ведь он же ей, пожалуй, разве что в отцы годится. Она даже натянула уздечку и ждет, пока они ни подъедут. Да что, собственно, происходит?

– Что ты здесь делаешь, Орелия?

Орелия! Чудо зовут Орелия! Откуда только этот Олак, который и из замка-то не выходит, знает ее имя? И почему позволяет себе говорить с ней в таком тоне?

– Извини. – Девушка чуть жеманно наклонила голову к плечу и вздохнула. – Я устала сидеть одна взаперти, вот и решила прогуляться. Ты ведь хотел вернуться еще вчера. Почему не пришел?

– Не смог. – У Олака на лице застыло такое выражение, будто у него заныл зуб. – Давай лучше поговорим об этом дома. Сегодня я постараюсь быть к ужину. Обещаю.

В голове Хейзита на протяжении их короткой словесной перепалки происходила бешеная чехарда мыслей. Ему казалось, что он стал невольным свидетелем семейной ссоры. При этом он никак не мог себе представить, чтобы у такой неприступной красавицы в таком юном возрасте уже была своя семья, и уж тем более – чтобы семьей этой оказался

Олак, совершенно невзрачный да к тому же весьма пожилой для этой роли. Орелия жила не за стенами замка. Значит, у них дом где-то здесь, в Вайла'туне. Но если до сих пор Олак был все время при Локлане, когда же им удается видеться? Тэвил! Неужто она ему еще и ужин готовит?

– А могу я спросить, куда направляетесь вы? – Девушка впервые перевела взгляд на Хейзита и едва заметно кивнула.

– Я не представил тебе моего спутника, – неохотно спохватился Олак. – Познакомься, его зовут Хейзит. Он строитель. Хейзит – это, как я уже сказал, Орелия, моя дочь.

Он явно хотел что-то добавить, но передумал и тронул поводья. Еще только не хватало, чтобы посторонние люди видели его смущение. Пусть думают, что он, как и большинство отцов, строг к своему чаду и не делает поблажек на юный возраст. Тем более девушке не престало разгуливать одной где ни попадя. Давно бы уж обзавелась подругами и коротала время с ними вместо того, чтобы развеивать скуку, наводя своим видом смущение на чтящих приличия *вабонов*. Кто только научил ее так одеваться? И чему вообще учили ее в этой дурацкой Обители?

– Мне кажется, я уже вас где-то встречала, – говорила тем временем Орелия, обращаясь к замешкавшемуся от изумления Хейзиту. – Вы случайно не были давеча вечером на *эфен'моте* у Аноры, дочери Скирлоха?

– Нет. – Хейзит отказывался что-либо понимать.

Зато Олак понял ее даже слишком хорошо.

Скирлох слыл самым богатым торговцем, владевшим чуть ли не половиной лавок на рыночной площади. Поговаривали, что он имеет долю не только в продаже многих товаров, но и в их непосредственном производстве, поскольку в свое время удачно суживал *силфуры* и виноделам, и пекарям, и прядильщикам. Последнее обстоятельство связывало его некоторым образом с Обителью Матерей, однако о подробностях можно было лишь догадываться. Легче сказать, чем Скирлох не промышлял: воровством и продажей оружия. Во всем остальном, он, скорее всего, имел свой интерес. Дочь Скирлоха, Анора, не отличалась, насколько помнил Олак, внешней привлекательностью, однако ее юный возраст и толстый кошель отца способствовали тому, что от женихов самых разных мастей не было отбоя. А где женихи, там и скандалы. Не проходило дня, чтобы до замка не долетали слухи об очередном избраннике Аноры, который к вечеру уже отвергался и заменялся другим, причем не всегда таким же богатым или знатным. Больше остальных Анору любили сплетницы, любили, разумеется, за то, что она без конца давала им почву для споров и пересуд. Нет смысла упоминать, что, несмотря на сугубо мирное занятие и незатейливую родословную, Скирлох вот уже несколько зим как был причислен росчерком пера Ракли к сонму *эделей* со всеми причитающимися правами и регалиями.

– Хейзит – строитель, как я уже сказал, и занят важным делом, а не шляется по всяким *эфен'мотам*, – неожиданно

резко повысил голос Олак. – Я рад, что у тебя появляются знакомые, Орелия, но хорошо бы их количество переходило в качество.

– Анора – моя единственная подруга, отец, – обиделась девушка, вмиг забыв о Хейзите. – Что плохого в том, что я бываю у нее дома? Ее отца знают в Обители Матерей, так что у нас с ней есть общие знакомые, и нам есть, о чем поговорить. Разве не ты был против, чтобы я целыми днями сидела дома? Тем более, что ты сам не приходишь. Даже когда обещаешь.

– Хорошо, не будем сейчас спорить. Отправляйся домой и жди меня там. Сегодня я наверняка приду. Договорились?

– Договорились, – улыбнулась девушка, ударяя пятками в бока лошади. – До свиданья, строитель Хейзит. Но-о-о, Эрнан, трогай!

Вежливые слова застряли у Хейзита в горле. Будучи не в силах оторвать взгляда от сильных ног наездницы, он до слез закашлялся, а когда успокоился и протер глаза, ее гордый хвостик покачивался в такт лошадиному уже в недосягаемом отдалении. Когда он нагнал Олака, тот что-то невразумительно бубнил себе под нос. Слов Хейзит не разобрал, однако приставать с распиравшими его расспросами не решился.

Даже когда ему приходилось спасаться бегством по подземному тоннелю из горящей от вражеских стрел заставы, Хейзит не чувствовал себя настолько растерянным, если

не сказать ошарашенным. Тогда он хоть понимал, что происходит. Сейчас же он не понимал ровным счетом ничего. Эта встреча, эти загорелые ноги, этот взгляд из-под длинных ресниц, эта наклоненная к плечу головка, этот конь, судьбе которого мог позавидовать любой мало-мальски взрослый юноша, необъяснимая строгость отца, да и кого, этого вечно замкнутого Олака, о котором подумаешь последним, что у него вообще может быть семья, а тем более такая удивительная дочь, внешне неприступная и гордая, а в действительности самая обыкновенная, нет, конечно, не обыкновенная, но умеющая улыбаться, разговаривать и смотреть, и как смотреть! Неужели она запомнит его имя? Тэвил, она даже его уже один раз произнесла! Кто бы мог подумать, что все так обернется! Что же теперь будет? Что делать? Орелия!

– Что такое *эфен'мот*? – поинтересовался он, заметив, что Олак снова замолчал.

– А? *Эфен'мот*? Рад, что ты не знаешь, парень. – Олак привстал на стременах, что-то выглядывая по сторонам. – Трата времени. Совершенно впустую. Но очень любимая нынче молодыми *эделями* затея. Тебе, надеюсь, этого не понять.

– Судя по названию, это что-то вроде вечеринки?

– Что-то вроде. Музыка, вино, ветреные знакомства, опять вино – и так с вечера до утра. Некоторые дураки считают, что это замечательный способ для молодежи встречаться и находить себе пару. *Эдели* должны дружить с *эделями*.

Чушь! Как будто тот же Скирлох всегда им был! Ну да хватить об этом, – оборвал он себя на полуслове. – Разболтался я с тобой. Ты не видишь башни этого Томлина? Сдается мне, что мы ее проехали.

Вскоре выяснилось, что страхи его были напрасны. Дом доверенного ростовщика Локлана невозможно было не заметить. Напротив его сада дубы расступались, и прямо с дороги открывался вид на деревянные, кованые железом высокие ворота, перед которыми – чего только ни увидишь в этой части Малого Вайла'туна – чинно прохаживался самый настоящий *эльгяр* в доспехах и полном вооружении. Завидев гостей, он остановился, на всякий случай опустил руку на шишак длинного меча и приготовился задавать вопросы. Однако, узнав в одном из новоприбывших Олака, молча поклонился, постучал условным стуком в ворота и отступил в сторону. Ворота лязгнули и стали неторопливо открываться. Хейзит смекнул, что стражами Томлин обзавелся в достатке: было кому и на часах стоять, и ворота отпирать, и неизвестно что еще делать.

Они проехали прямо во двор, который представлял собой словно перенесенный сюда участок Пограничья – вековые деревья, кусты диких орехов и ягод, пение невидимых птиц в густых кронах – только отдаленное журчание обводного канала возвращало из лесной чащи к реальности Вайла'туна. Через лес вилась узкая тропа, выложенная речной галькой, приветливо шуршащей под копытами лошадей.

Хейзит справедливо заметил, что сегодня выдался день сплошных чудес и приятных неожиданностей, и решил ничему не удивляться.

Преодолев оказавшуюся не слишком широкой полосу леса, они вышли к подножью пологого, поросшего полевыми цветами холма, на вершине которого и возвышалась заветная башня, вернее, бревенчатый дом скругленной формы, поднимающийся аж на три высоких этажа. К дому примыкало несколько пристроек, образовывавших нечто вроде подковы, в середине которой располагалась маленькая площадь, заставленная красивыми клумбами и увенчанная луковицей домашней *беоры*.

Не успел Хейзит спешиться, как поводья его коня уже подхватили руки расторопного конюха, встретившего Олака поклонами и пожеланиями доброго здравия.

Появившаяся на пороге башни женщина в длинном красном платье и желтом платке на плечах, дождалась, пока они подойдут и сдержанно предложила располагаться в глубоких креслах, которыми была уставлена просторная зала первого этажа.

Несмотря на довольно теплый день, в камине, украшенном старинной резьбой, потрескивал огонь.

Хейзит послушно сел, тогда как Олак остался прохаживаться вдоль стен, изучая развешанные повсюду охотничьи трофеи. Женщина тихо удалилась вверх по винтовой лестнице докладывать о приезде гостей.

– Вероятно, тут бывает немало посетителей, – предположил Хейзит, имея в виду неоправданно большое количество кресел. – Можно было бы целую харчевню открыть.

Олак готов был ответить, но находился слишком далеко от собеседника, чтобы не повышать голоса. А поскольку он не хотел, чтобы кто-то из хозяев услышал его мнение по этому поводу, промолчал и осторожно погладил пушистую шерстку на морде равнодушно взиравшей со стены остроухой рыси.

– Надеюсь, я не заставил вас слишком долго ждать?

Вопреки ожиданиям, Томлин появился не на лестнице, а вышел из-за неприметной двери сбоку от камина. Хейзит отметил, что он довольно высок ростом, но при этом узкоплеч и сутул. Единственной отличительной особенностью на его невзрачном лице был длинный нос с горбинкой, делавшей Томлина похожим сразу на несколько развешенных здесь же чучел птиц с острыми клювами. В глаза бросалась надетая прямо поверх дорогого зеленого камзола блестящая серебряная кольчуга, красноречиво свидетельствовавшая о том, что хозяин даже дома не позволяет себе пренебрегать безопасностью и забывать о бдительности. Если только он недавно не вернулся с охоты или, напротив, не собирался отправиться в путь. Это было тем более вероятно, что вместе с ним в залу вышел низкорослый, почти как карлик, но широкоплечий *виггер* одетый по-походному и с увесистой дубинкой за поясом. Хейзит подумал, что это, должно

быть, кто-нибудь из внутренней охраны, однако бравый карлик, дружески кивнув новым гостям, пожал Томлину руку, сунул за пазуху многозначительно позвякивающий мешочек и широким шагом направился к выходу.

Звали его Тэрл, и был он *аолом,* то есть старейшиной в одной из деревень Большого Вайла'туна. Несмотря на жизнь в далеком, по меркам здешней публики, захолустье, он сразу же узнал оруженосца Локлана, хотя и не смог вспомнить его имени. Второго гостя он видел впервые и потому специально замешкался в дверях, чтобы услышать как его представят.

– Уже покидаете нас? – махнул ему с противоположной стороны двора улыбчивый конюх.

Делать было нечего. Не стоять же на пороге до скончания века. Имена есть у каждого, но это отнюдь не означает, что он, Тэрл, обязан знать их все. Правда, может, Рикер подскажет.

Оглянувшись в последний раз на хозяина дома, который уже завел беседу с новыми посетителями, Тэрл зашагал через двор к конюшне. Заветный мешочек приятно оттягивал шею.

– Вот ваша коняга, в целости и сохранности, – приговаривал Рикер, выводя из стойла грозно фыркающего большими ноздрями каурого красавца по кличке Стервец. – Я ему, с вашего позволения, чуток подпругу ослабил, а то так и до крови натереть недолго.

Тэрл изловчился и, прежде чем забрать поводья, заглянул за спину конюху, чтобы увидеть хотя бы лошадей, на которых пожаловали сюда эти люди из замка. Пегий явно принадлежал Олаку. Да, ну конечно же, оруженосца Локлана звали Олаком! Рядом с ним бил копытом землю и опасливо обнюхивал сено гнедой тяжеловоз, каких особенно ценили в деревнях. Интересно, какого рожна люди Локлана пересаживаются на подобных, с позволения сказать, рысаков?

– Благодарствую, Рикер. Ты ведь знаешь, что я всегда готов следовать твоим советам по части женщин и лошадей.

Конюх показал желтые зубы и самодовольно хрюкнул.

– Ты, случаем, не знаешь, кто это там к твоему пожаловал?

– Ясное дело – Олак. За деньгами, небось. Давненько он к нам не захаживал. Как и вы, *вита* Тэрл.

– А с ним кто? – Тэрл поймал стремя, с трудом задрал ногу, уцепился обеими руками за седло, крякнул от натуги, но в конце концов подтянулся и сел верхом, поправляя чуть не вывалившуюся из-за пояса дубинку.

– Да кто их там разберет! – отмахнулся Рикер. – Первый раз у нас вижу. Должно быть, из новых работников. Народ как про *шеважа* заслышал, так о денежках своих вспомнил, укрепляться да отстраиваться поспешает. Вы-то часом их не встречали?

– Это кого, дикарей что ли? – С высоты Стервеца Тэрл взирал на окружающий мир самоуверенно, представляясь самому себе огромным и могучим. – Если когда и встречу,

обещаю, что ты об этом первым узнаешь. Так значит, как мальца того зовут, не имеешь понятия?

– Не-а. Мне-то это к чему? По мне так один тын, кому сена накладывать, – признался Рикер, не подумав о том, что может уязвить самолюбие собеседника.

Но Тэрл не принимал подобные обидные словеса конюха на свой счет. Манеры Рикера были слишком хорошо ему известны. Зря что ли они оба были родом из одной деревни и до поры до времени чуть ни каждый день видели друг друга идущими за плугом на соседних полях? Пока Рикер ни устроился на службу к Томлину, они не раз сиживали на общей поленнице за кружками ржаного пива и нелицеприятно обсуждали кого ни лень. Подумать только, какое панибратство! И это притом, что Рикер был моложе Тэрла зим на десять.

– Рад был тебя повидать, – сказал Тэрл на прощание. – Дома-то что передать кому?

Рикер поморщился. Встречаться иногда со своим бывшим *аолом* и соседом ему даже нравилось, но вот вспоминать про жизнь, которую он на протяжении стольких зим влачил в деревне на самом краю Большого Вайла'туна, не хотелось ну просто совершенно. Что с того, если там остались могилы родителей и несколько человек, которые, как и Тэрл, всегда были готовы помянуть его добрым словом? Зато мысли об остальных, пахарях да пастухах, забитых и недалеких, готовых с утра до ночи вкалывать под палящим солнцем летом

и в лютую стужу зимой, наводили такую тоску, что Рикер со временем научился думать, будто жил здесь, в роскошном поместье Томлина, с самого детства.

– А кому чего передавать-то? – ответил он вопросом на вопрос и поправил луку седла. – У меня там никого и знакомых-то, кроме вас, поди, не осталось. Счастливого пути и приезжайте еще, когда надумаете.

Тэрл понимающе подмигнул Рикеру и звонко зацокал языком, давая условный сигнал Стервецу трогать прочь. Тэрл любил своего коня настолько, что изобрел этот способ, чтобы лишний раз не бить его даже пятками, не говоря уж о шпорах, которых он отродясь не надевал. Даже если бы они у него были.

Как и все *вабоны*, Тэрл наслаждался ездой верхом. При его смехотворном росте это было не только удобно, но и крайне важно для поддержания на должном уровне самомнения. Точнее, уверенности в себе как *аола* пусть и не слишком большой, но бесспорно важной со стратегической точки зрения деревеньки. Несмотря на стратегическую важность своего местоположения, иначе говоря, на непосредственную близость к опушке леса, издавна называемого Пограничьем, деревня не могла похвастаться богатством ее малочисленных обитателей. А потому лошадь была у одного только *аола*, то есть у Тэрла, да еще какая – огонь! Не чета тому тяжеловозу, что остался нюхать сено в стойле Рикера.

Стервец горделиво гарцевал по гальке вниз с холма. Удо-

вольствие хозяина от неспешной езды передавалось и ему. Впереди их ждала долгая дорога через весь Вайла'тун, но до вечера было еще далеко, а погода, похоже, не собиралась портиться.

Однако, стоило им миновать узкую полоску леса, отделявшую холм от проезжей дороги, Тэрл, оглядевшись по сторонам и удостоверившись в том, что за ним никто не наблюдает, попросил у Стервеца прощенья и как следует поддал ему пятками. Стервец от удивления привстал на дыбы, но Тэрл успокаивающе похлопал его по загривку, как бы говоря, что так нужно. Мотнув головой, конь припустил галопом в сторону каменного моста через канал.

Мчать по Вайла'туну, тем более Малому, во весь опор было небезопасно, особенно для тех, кто мог оказаться у них на пути, но Тэрл хорошо знал эту дорогу под вековыми дубами. Сюда мало кто сворачивал без нужды. Взметая копытами тучи желтых листьев, Стервец жадно вдыхал ноздрями встречный ветер и косился одни глазом на хозяина, будто проверяя, доволен ли тот его ретивостью.

Когда из-за поворота показался мост, Тэрл потянул уздечку на себя, переводя коня на спокойный шаг. Так, шагом, им теперь предстояло преодолеть остаток пути. Во всяком случае до выхода с территории, огороженной Стреляными Стенами. За ними все зависело от состояния дороги и ее освещенности, но чаще всего Тэрл отказывался рисковать без особой нужды: достаточно было коню на полном скаку

угодить копытом в одну из многочисленных рытвин, оставленных другими лошадьми и колесами телег – и прощай радость от верховой езды, а заодно и нелишнее уважение односельчан. Тем более, так с ним уже случилось однажды, когда Тэрлу со слезами на глазах пришлось добивать несчастную Зорьку, мать Стервеца, дубиной, чтобы та больше не мучилась, лежа на боку в грязной жиже. Хорошо еще, что она к тому моменту успела произвести Стервеца на свет, и статус *аола* в глазах все тех же односельчан не сильно пострадал. Не то что совесть Тэрла, донимавшая его до сих пор всякий раз, когда он проезжал то злосчастное место.

Хотя Тэрл не мог похвастаться тем, что был в Малом Вайла'туне частым гостем, кратчайшую дорогу от деревни до башни Томлина он знал, как свои четыре пальца. Однако сегодня, то ли вспомнив про давно потерянный в схватке с *шеважа* пятый палец, мизинец на правой руке, то ли по какой иной причине, Тэрл заставил Стервеца пропустить обычный поворот, выводивший прямиком на центральную, если так можно выразиться, улицу, уходившую к воротам через Стреляные Стены, и вместо этого свернул за угол громкой кузницы, на открытом дворе которой он заметил скопление повозок и людей, загружавших в них вязанки мечей и копий. Готовимся к нешуточной войне, безрадостно подумал он, на всякий случай поправляя на бедре любимую дубинку.

Когда-то давным-давно мысль о предстоящей битве радо-

вала его, вселяя надежду лишний раз доказать окружающим, что он, Тэрл-карлик, как называли его за глаза, кое на что способен. В свое время он и правда искусно владел коротким мечом, настолько, что даже состоял несколько зим на службе у Ракли в качестве наставника новобранцев. Славная была работенка! Тэрл как будто стал выше ростом, научился смотреть на подопечных сверху вниз и неоднократно сражался плечом к плечу с достойнейшими *виггерами* Вайла'туна против наиболее дерзких племен лесных дикарей. В Пограничье его малый рост был только преимуществом, и ему то и дело приходилось выполнять опаснейшие задания в качестве лазутчика. А потом произошло непоправимое: в одну из вылазок он попал в западню, лишился в поединке сразу с пятерыми *шеважа* мизинца и был бы наверняка разрублен на кусочки, если бы на подмогу ему ни подоспел один из его юных учеников. Вдвоем они сумели отбиться от наседавших врагов, но, как заявил потом во всеуслышанье Ракли, повели себя малодушно, обратились в бегство и привели севших им на хвост *шеважа* прямо в стан *вабонов*. В действительности все произошло не совсем так, но нельзя же было в ответ обвинять Ракли в явных просчетах с расположением лагеря и недостаточной бдительности. Одним словом, чудом уцелев в бою, Тэрл поплатился за свое спасение не только пальцем, но и местом в рядах *виггеров*. Ракли, как водится, отправил его с глаз долой, подальше от замка, в родную деревню, где Тэрлу снова несказанно повезло. Правда, и здесь,

как говорится, было бы счастье, да несчастье помогло. Как раз накануне возвращения умер его старый дядя, брат матери, до последнего дня занимавший самый почетный в деревне пост *аола*. И хотя должность эта не передавалась по наследству, а была строго выборной, так получилось, что приезд местного героя, пусть даже четырехпалого, да еще близкого родственника покойного, оказал на односельчан достаточно сильное воздействие, чтобы повилять на их почти единогласное решение, в результате которого Тэрл сделался новым *аолом*.

Вспоминая сейчас былое и оглядываясь на скрывающуюся за домами кузницу, Тэрл грустно вздохнул. Кузница принадлежала мастеру Хоуэну, отцу Хида, недавно погибшему на спаленной *шеважа* заставе. Тэрл знавал Хида еще маленьким рыжеволосым мальчиком, таскавшим в тяжеленных мешках уголь для топки, а впоследствии ставшим одним из его, Тэрла, лучших учеников. Кстати, меч Тэрлу выковал не кто иной как Хоуэн. Именно тогда они и подружились. Хоуэн и сам неплохо владел тем оружием, которое выковывал на своей наковальне, однако Тэрл, по словам любившего шумные пивные застолья кузнеца, был не только отменным бойцом, но и прирожденным учителем. Эх, Хоуэн, Хоуэн… Страшная судьба! Уж лучше потерять жизнь, чем потерять сына. У самого Тэрла детей никогда не было, как, собственно, и жены, но он почему-то очень остро переживал родительские чувства, которыми прежде одаривал желторотых

новобранцев на ристалищном поле у подножья замка, а теперь – по-своему наивных односельчан. Вот и сегодня Тэрл хотел было, да не отважился заглянуть к давнему приятелю, чтобы высказать ему свои соболезнования. Хоуэна на дворе он не приметил, однако отчетливо представлял себе, как тот трудится в жаре и поту у горна, бросая на израненную наковальню красные полоски раскаленного металла и остервенело плюща их тяжеленным молотом – лишь бы не думать о произошедшем. Тем более что подробностей гибели заставы никто толком не знал, вестей от посланных туда отрядов до сих пор вроде бы не поступало, а потому родственники погибших, но никем не погребенных *эльгяр* были вправе надеяться на несбыточное чудо, на ошибку Квалу, на их скорое возвращение целыми и невредимыми.

Стервец беспрекословно слушался хозяина, однако маршрут, выбранный им сегодня, не мог его не удивлять. Едва они наконец выбрались через лабиринт узких улочек на широкую проезжую дорогу домой, как Тэрл заставил коня просто-напросто пересечь ее и снова углубиться в занудную круговерть палисадов, заборов и тупиков. Стервец непонимающе фыркал и косился на седока, а тот трепал его по холке и гнал дальше.

На самом деле Тэрл не очень хорошо представлял себе, как правильно добраться до дома, вернее, бывшего дома еще одного своего давнего знакомого, с которым они сдружились в бытность службы Тэрла при замке. Они долго не ви-

делись, поскольку его знакомый также был изгнан Ракли, правда, гораздо раньше упомянутого происшествия с Тэрлом, но не зря же говорится, что мир тесен, а когда кто-то попадает в беду, становится еще теснее. Но когда этой ночью он проснулся от приглушенного стука в окно и, по привычке смело распахнув дверь, впустил в дом трех измазанных с головы до ног в саже и грязи путников, которых можно было узнать разве что по крепкой ругани и не менее крепким рукопожатиям, Тэрл с наслаждением окунулся в забытое, как казалось ему до сих пор, прошлое. Именно в память об этом прошлом он и отправился на рассвете в гости к Томлину, а сейчас делал изрядный крюк, чтобы выполнить еще одно важное поручение.

То ли в прямом, то ли в переносном смысле этого слова, но справиться с ним Тэрлу помогло чутье. То есть запах. Запах гари. Ненавистный любому *вабону* запах пожара. Он уловил его сразу, как только свернул на улочку, на другом конце которой виднелся колодец. Да и Стервец, фыркнув, возбужденно заржал.

– Тихо, тихо, проказник, – погладил Тэрл мягкую гриву коня. – Нам еще только не хватало привлекать к себе внимание. Приспешники Ракли наверняка здесь повсюду, а я что-то не слышал, чтобы они симпатизировали карликам.

Стервец понимающе опустил голову и неторопливо пошел дальше, отмахиваясь хвостом от надоедливых мух, словно позабывших про то, что их пора давно прошла.

Возле колодца стоял на посту скучающий стражник. Заметив приближение всадника, он подтянулся, покрепче сжал в руках копье и напустил на себя серьезный вид. Тэрл отечески кивнул ему, проследовав мимо.

Так, запомним, у колодца выставили пост. Интересно, для порядка, потому что охранять колодцы вообще-то положено, или уже пронюхали о подземном ходе? Харлина это обстоятельство должно расстроить. Ну да что-нибудь придумаем. Плохо, что остается мало времени.

За соседними домами открывалась маленькая площадь. Раньше на этом месте никакой площади не было, а стоял еще один дом, но вчерашний ночной пожар превратил его в кучу пепла, по которой теперь понуро расхаживали какие-то люди с топорами и крюками. Растаскивали в стороны обугленные балки, копались в золе, что-то искали. Несколько вооруженных *мергов* загораживали своими лошадьми выходы в ближайшие проулки.

Не успел Тэрл решить, стоит ли привлекать к себе внимание расспросами или того, что он увидел, будет вполне достаточно, как один из работавших на расчистке завала людей – со старческой проплешиной на макушке и плаксивым выражением лица – окликнул его и нетерпеливым жестом послал одного из *мергов* выяснить, кто это здесь шатается без дела.

Тэрл благоразумно остановился и дал всаднику приблизиться, не выказывая ни малейшего волнения. Ничего

предосудительного он не совершал, просто проезжал мимо.

– Что тут у вас приключилось? – первым начал он, но сразу же наткнулся на ледяной взгляд из-под испачканного сажей шлема и ответил на него улыбкой. – Пожар был?

– Пожар не пожар, а посторонним тут делать нечего. – *Мерг* явно хотел высказаться еще грубее, однако наличие у собеседника коня в последний момент заставило его выбирать выражения. – Здесь закрыто.

– Впервые слышу, чтобы меня называли «посторонним», – хмыкнул Тэрл, продолжая удерживать на лице улыбку и судорожно соображая, стоит ли переть на рожон или ретироваться, не вызывая лишних подозрений. – С кем имею честь, *брегон*? – добавил он, обращая внимания на нашивку в виде двух желтых лепестков.

Правила приличия требовали, чтобы *виггеры* называли себя при общении с равными или находясь при исполнении. Правда, с некоторых пор, многие из хороших традиций стали забываться.

Мерг явно не рассчитывал на то, что его самого подвергнут допросу, и глянул в сторону пославшего его человека. Тот следил за происходящим и делал знаки, как бы говоря: «Ну что ты там возишься?».

– Здесь закрыто, – повторил он.

В этот момент его конь стал теснить Стервеца грудью. Такая неслыханная наглость переполнила чашу терпения Тэрла. Он вынул из-за пояса дубинку и одним движение пяток

оказался бок о бок с собеседником. Разница в росте стала настолько очевидна, что ему пришлось пожалеть о проделанном маневре. Но отступать уже было некуда.

– Когда я был *мергом*, – недобрым шепотом заметил он, – меня учили прежде всего называть себя, *брегон*, а уж потом переходить к делу. Надеюсь, вы не забыли свое имя?

– Вероятно, это было слишком давно. Сейчас я даже не спрашиваю вашего. Повторяю, здесь закрыто. Поворачивайте.

Глупейшая ситуация, подумал про себя Тэрл. Самое время убраться подобру-поздорову и поспешить домой к заждавшимся меня друзьям, а я тут права качаю, как будто мне больше всех надо.

– Все в порядке, Андохас, можешь возвращаться к своим прямым обязанностям, – раздался чуть ли не из-под самого брюха коня хрипловатый голос. – Разве ты не узнал нашего уважаемого *аола*? Какими судьбами, *вита* Тэрл?

Говоривший оказался все тем же незнакомцем с плаксивой физиономией, который мгновение назад копался на пожарище. Тэрл готов был отдать второй мизинец на отсечение, что никогда прежде с ним не встречался.

– Да вот, мимо проезжал… С кем имею честь?

– Уллох. – Голова с проплешиной изобразила нечто вроде поклона. – К вашим услугам.

Андохас оставил их одних, и Тэрлу из вежливости пришлось спешиться, хотя сейчас он с гораздо большим жела-

нием погнал бы Стервеца во всю прыть прочь.

Собеседник с серьезной миной наблюдал за ним, вытирая руки о подол своей длинной, волочащейся по земле рубахи. Тэрлу показалось, что на самом деле он младше своих лет. Во всяком случае кожа рук и лица была как у двадцатилетнего юноши. Рубаха делала его выше ростом, и теперь, стоя перед ним, с дубинкой, по-прежнему зажатой в правой руке, Тэрл оказался ниже собеседника всего лишь на голову.

– Уллох, Уллох… нет, что-то не припоминаю, чтобы мы когда-нибудь общались.

– Ну, меня вообще мало кто знает по имени, – нараспев протянул плешивый, засовывая оба больших пальца под грубую веревку, служившую ему поясом и заканчивающуюся двумя тяжелыми по всей видимости шарами. – Я редко когда представляюсь, поскольку, как заметил этот неуч в шлеме, времена вежливости давно прошли. В чем-то он прав. Кстати, вы долго намерены держать вашу палицу наперевес?

Тэрл неохотно сунул дубинку обратно за пояс. В следующий момент что-то просвистело в воздухе и тупой удар в голову сбил его с ног. Он только успел заметить, как руки Уллоха словно разрывают веревку на талии, а полы рубахи распахиваются.

Вероятно, провал в сознании, показавшийся ему вечностью, длился всего несколько мгновений. Обнаружив, что лежит под ногами Стервеца, Тэрл покосился на обидчика и увидел, что тот отвернулся от поверженной жертвы и, сно-

ва подпоясываясь веревкой, окликает *мергов*. Один из шаров был перепачкан кровью.

Если он сейчас вскочит на ноги и бросится бежать, толку от этого будет мало: раз Уллох знал, как его зовут и кто он, значит, ему известно и где он живет. Сам того не желая, Тэрл выдал своих друзей. Думая, что находятся в безопасном месте, они едва ли в его отсутствие станут предпринимать все необходимые меры предосторожности. Прихвостни Ракли смогут взять их голыми руками. Нет, он не хочет быть повинен в их гибели. Уж лучше рискнуть жизнью самому.

Краем глаза Уллох все же заметил движение Тэрла, но не успел среагировать. Широкий взмах дубинки пришелся ему под колено, и он упал, как подкошенный, издав при этом отвратительный визг. Вторым коротким ударом карлик вогнал его плешивую голову в землю, с хрустом размозжив череп.

Тэрлу давно не приходилось защищаться с оружием в руках. Последние несколько зим он мирно горбатился в поле, ходил за плугом, скашивал сорняки и если когда тренировался, то разве что на тыквах, подвешенных на ветки. Тем удивительнее и приятнее было ему сейчас чувствовать, что его тело осталось телом *виггера* и сразу вспомнило все то, что когда-то составляло часть его жизни.

Крики бегущих к нему людей и топот копыт со всех сторон вывели Тэрла из короткого оцепенения. Враги редко боялись его. Низкорослый воин представлялся им легкой до-

бычей. Так бывало всегда, так было и сейчас. Расправа над Уллохом выглядела досадной случайностью и только раззадоривала их.

Андохас, подумал Тэрл, перекатываясь под брюхом Стервеца, чтобы оказаться отрезанным от пеших противников, бегущих к нему с топорами и крючьями. С Андохасом нужно покончить немедленно. Он единственный, кто теперь знает, как меня зовут. Остальные подождут.

Малый рост безотказно служил Тэрлу. Каким бы опытным ни был его противник, он машинально наносил удары так, как привыкла его рука, то есть, в случае с Тэрлом, выше цели. Будь Тэрл, как все, тот же Уллох попал бы ему точно в висок, а не чиркнул своим смертоносным шаром по макушке. Но Тэрл был не как все. И если уж дрался, то дрался расчетливо и просто, не тратя драгоценных сил на лишние движения.

Подскочивший к нему первый всадник оказался не тем, кого он ждал. Как жаль, что ни в чем не повинным животным приходится расплачиваться за ошибки своих хозяев, подумал Тэрл, переламывая дубиной переднюю ногу коню. Конь упал брюхом в пыль, а *мерг* плашмя ударился о землю и затих.

Откатившись в сторону, Тэрл увернулся от копья и рубанул с оттягом по древку. Древко лопнуло, занозы царапнули карлику щеку, но он не почувствовал боли, со звоном отражая топор. Взмах снизу – и пеший противник летит навз-

ничь, хватаясь за то место, где у него только что был подбородок. Где же Андохас? Не мог же *брегон* струсить и остаться в стороне, пока с его людьми играючи расправляется какой-то карлик!

Тэрл никогда не считал поверженных им врагов. Даже когда сам был *мергом* и из всех видов оружия предпочитал боевой топор. Просто он подчинялся особому, одному ему понятному ритму, и когда на счет пять принимал оборонительную стойку, он знал наверняка, что нанес пять рубящих ударов и отправил на тот свет пятерых *шеважа*. Проверить, так ли это на самом деле, можно будет и после боя. А пока не стихли последние крики он не опустит топора.

Сменившая топор дубинка производила впечатление обманчивой легкости. Глядя на Тэрла, далеко не каждый мог заметить, что его коротенькие ручки обладают чудовищной силой, а кривоватые ноги – удивительной прытью. Те, кто это заметили, в большинстве своем уже не числились среди живых: Тэрл не любил оставлять свидетелей своих подвигов.

Только не сегодня. Сегодня ему было все равно. Сегодня он был вынужден убивать соплеменников. Убивать, чтобы спасти жизнь доверившихся ему друзей. Смерть Андохаса положит немедленный конец этим трагическим смертям.

В какой-то момент Тэрл заметил, что нападавшие отхлынули от него, и он воспользовался этим, чтобы взобраться в седло. С высоты Стервеца он сразу же увидел того, кого не мог позволить себе упустить. *Мерг* с перекошенным

от ужаса лицом наблюдал за избиением своих подопечных. Глаза их встретились, и Тэрл улыбнулся. Андохас закричал, поворотил коня и сломя голову поскакал в проулок, не разбирая дороги и расталкивая опасливо сгрудившихся там всадников. Тэрл, не раздумывая, устремился за ним. Он уже не сомневался в том, что всадники при его приближении бросятся врассыпную. Стервец птицей пролетел между ними, едва не задев грудью острые концы обнаженных, но так и не поднятых мечей.

– Я еще вернусь, – бросил через плечо Тэрл.

Довольный своей шуткой и произведенным впечатлением, он пригнулся к развевающейся гриве и предоставил коню право самому решать, в каком месте Вайла'туна они настигнут насмерть перепуганного беглеца.

В мое время от противника так не бегали, думал он, изучая подпрыгивающую в седле спину, сверкающую крепкими латами. Даже безоружные *виггеры* знали, как вступить в бой будь то с пешим или конным врагом. В бегство обращались только в тех редких случаях, когда этого требовал замысел военачальника. Может, и он меня сейчас заманивает в ловушку? Нет, вряд ли, по крайней мере замок остается далеко позади. Эх, бедняга! Последнее относилось вовсе не к преследуемому, а к тому незадачливому вабону, который, не заметив погони, вышел из-за угла дома и попал под копыта, не успев даже вскрикнуть. Его отбросило на низенькую изгородь, и он перелетел через нее кверху тормашками, как

безвольная кукла. Эдак он всех тут перетопчет, с тревогой осознал Тэрл и что было сил ударил Стервеца пятками.

Почувствовав приближение преследователя, Андохас только сильнее вжался в загривок своего коня и попытался сделать крутой поворот в узкий переулок, где два всадника не могли бы разминуться даже при большой желании. Тэрл проскочил бы мимо, однако Стервец лучше него понял хитрый маневр и вместо того, чтобы тормозить, лихо перемахнул через островерхий забор, срезая угол.

– Стой! – крикнул Тэрл. – Имей мужество сразиться со мной, предатель! Ты погубишь невинных.

Но *мергу* это обстоятельство было явно безразлично. Он хотел спасти свою никчемную жизнь, и заплаченная за это цена не имела для него ни малейшего значения. Тэрл с содроганием видел, как Стервец перелетает через распростертые на земле тела сшибленных Андохасом прохожих, и почем зря ругал себя за легкомысленность. Если бы он не выехал в открытую, как последний дурак, к бывшему дому Харлина, его никто бы не заметил и не пришлось бы никого убивать ради сохранения не ему принадлежащей тайны. А теперь по его вине гибнут совершенно посторонние люди, единственным проступком которых явилось то, что они решили под вечер покинуть свои дома.

Он видел, как Андохас настигает неторопливо двигающуюся по проулку телегу, груженую рыбой. Возница, вероятно, заслышав топот погони, вместо того, чтобы прибавить

ходу, в страхе остановился, решив, что гонятся за ним. Андохасу ничего не оставалось, как заставить своего подуставшего от бешеной скачки коня взять это нелегкое препятствие. Конь заартачился и встал на дыбы. Андохас, приготовившись к прыжку, не удержался в седле и взмыл в воздух, отчаянно воя и ругаясь. Описав дугу, он грохнулся на телегу, попытался вскочить, поскользнулся на рыбе, снова упал, в бешенстве выхватил из ножен меч и яростно отмахнулся от бросившегося было ему на помощь возницы, чуть не отрубив несчастному руку.

– Ну, как тебя там, вот он я, нападай! – крикнул он приближающемуся во весь опор Тэрлу.

Как бы поскорее помешать тебе вспомнить мое имя, мелькнуло в голове *аола*. Пока ты стоишь в этой телеге, к тебе толком и не подберешься-то.

Однако, если случай не помогает человеку, человек всегда может помочь случаю. Обозлившийся возница, заметив, что его обидчик отвлекся на еще одного преследователя, изловчился и, ухватив Андохаса за правую руку, в которой тот сжимал меч, сдернул его с телеги. Это отчаянное действие, как выяснилось, стоило смельчаку жизни: вскочивший на ноги Андохас, не задумываясь, разрубил его от ключицы до пояса и выставил окровавленный меч навстречу Тэрлу.

В любое другое время Тэрл счел бы своим долгом обезоружить разбушевавшегося *мерга* и отдать его в руки право-

судья, которое жестоко покарало бы преступника и душегуба, но только не сейчас. По бегающим глазам *мерга* он видел, что тот слишком хорошо понимает происходящее и отдает полный отчет своим мерзким деяниям. Убийство *вабона вабоном*, если оно было умышленным, каралось смертью. Хотя подобного вот уже много зим не случалось, Тэрл как старейшина своей деревни знал, что преступника ждет виселица. Будучи сам *мергом*, знал он и то, что *виггерам*, поставленным на защиту своих соплеменников, за подобное преступление грозит прилюдное отсечение всех конечностей, последней из которых оказывалась голова. Поэтому терять загнанному в тупик Андохасу было нечего. Размахивая мечом, он устремился в атаку на грозного карлика. Тэрл оказался заложником своей же тактики. Противник явно намеревался начать с передних ног его Стервеца. С высоты седла дубинка оказывалась почти никчемной. Ею можно было разве что отражать удары пешего врага, но для нанесения ответных требовалось особенное мастерство. Которым Тэрл обладал. Не обладал он только достаточно длинными для этого руками.

Почувствовав неладное, умный конь отпрянул назад.

Из-под копыт бросились врассыпную невесть откуда сбежавшиеся на шум драки мальчишки. Тэрл прикрикнул на них, чтобы те убирались по домам.

Мерг сделал выпад.

Стервец взвился на дыбы, уклоняясь от удара, и повернулся боком.

Тэрл свесился с седла, пытаясь отбить клинок дубинкой. Это ему чудом удалось, но сам он при этом потерял равновесие и, чувствуя, что вот-вот неминуемо упадет, последним усилием выдернул ноги из вмиг ставших опасными стремян. Дальнейшее он помнил как во сне. Падение на бок в пыль, подавление желания сразу вскочить на ноги, жужжащий над ухом клинок, перекат навстречу ему, под ноги разъяренному *мергу*, резкий взмах зажатой в обеих руках дубиной от живота к голове, сухой хруст ломающейся голени, откат обратно, из-под падающего тела, блок слепо рубящего меча, острая боль в левой руке, прыжок на ноги и, наконец, удар без размаха по оскаленной роже орущего врага.

– Вы весь в крови, – крикнул потрясенный увиденным мальчишка, прячущийся за ближайшей изгородью.

Тэрл не слушал его. Он знал, что это не только его собственная кровь. Остальное пока было неважно. Главное – Стервец, цел и невредим, нетерпеливо бьет копытом землю. Раненая рука повисла плетью и отказывалась слушаться. Зажав рукоятку дубинки зубами, Тэрл из последних сил подтянулся на правой руке и с трудом забрался в седло. Велик был соблазн прихватить с собой и осиротевшего скакуна, но скачущий по Малому Вайла'туну окровавленный карлик и без того привлекал слишком много лишнего внимания. От трофеев следовало отказаться как от улик. Чем меньше останется следов, тем лучше. Пусть поломают голову, разыскивая того, кому среди бела дня удалось расправиться с добрым

десятком хорошо вооруженных *мергов*. А у него еще много других дел.

Наскоро сунув дубинку за пояс и проверив, на месте ли заветный мешочек с деньгами, Тэрл поскакал в обратном направлении, однако не стал сворачивать к бывшему дому Харлина, а припустил к Стреляным Стенам, видневшимся из-за соседних крыш. Насколько он помнил, обитатели Малого Вайла'туна почему-то предпочитают передвигаться проулками, избегая Стреляных Стен, а это означало, что там, если повезет, мало кто обратит на него внимание.

Каждый шаг Стервеца отдавал в левом плече болью. Тэрл покосился на руку. Порез оказалась глубже, чем он ожидал. Из раны повыше локтя на рассеченный рукав хлестала кровь. Полностью положившись на верного коня и выпустив удила, Тэрл здоровой рукой оторвал рукав до конца. Помогая себе зубами, туго обмотал рану. Повязка моментально пропиталась кровью. Ничего, до дома дотяну, подумал Тэрл и даже нашел в себе силы улыбнуться удивленным взглядам немногочисленных прохожих. Нет, так тоже не годится. Пусть имени его они и не знают, но зрелище раненого карлика, скачущего через Вайла'тун от замка, а не в замок, что еще можно было бы как-то объяснить, наверняка запомнится им настолько, что потом они смогут пустить слух, который мигом дойдет до чужих ушей и повлечет за собой обреченные на успех поиски. А ведь еще предстояло миновать бдительных *эльгяр*, сторожевших ворота в Малый Вай-

ла'тун. Не вступать же в бой и с ними. Тэрл занервничал. И услышал раскаты отдаленного грома. Со стороны Бехемы приближалась гроза. Ну, конечно! Как он мог позабыть о том, что послушался совета старого друга и на случай непогоды прихватил с собой видавший виды плащ – единственное, что осталось у него в память о времени, проведенном на службе в замке. Плащ был приторочен к луке седла. Освободив его от завязок, Тэрл расправил за спиной широкое, землистого цвета полотнище и с трудом просунул деревянную пуговицу на вороте в отверстие нашивной петли. У плаща имелся удобный капюшон, однако Тэрл не стал его надевать, оставив свободно раздуваться по ветру: запахнутый на груди плащ и так достаточно надежно скрывал не только его раны, но и маломерную фигуру. С высоты стен должно было показаться, что через ворота проезжает обыкновенный *мерг*.

Так и вышло. Правда, его все же окликнули, но он не растерялся и, не поднимая головы, ответил, что спешит с важным донесением на заставу Тулли. Гонцов из замка никто не смел задерживать без веского на то основания.

За воротами открывалась извилистая проселочная дорога, по которой в обе стороны неспешно двигались телеги с поклажей. Жизнь здесь замирала лишь тогда, когда рыночная площадь закрывалась на ночь. Угрюмые жители близлежащих изб взирали на нее из-за покосившихся изгородей и завистливо причмокивали беззубыми ртами. Тэрл на вре-

мя забыл о донимавшей его боли. Он слишком хорошо знал царившие в Большом Вайла'туне нравы и, попадая сюда, всякий раз думал, что сам мог бы оказаться среди влачащих нищенское существование бывших *мергов*, *сверов*, *фултумов*, *эльгяр*, единственной виной которых было то или иное серьезное увечье, не позволившее им продолжать верно служить на лесных заставах. Безногие, безрукие, потерявшие зрение, забытые родней и товарищами по оружию, они доживали свой век в милостиво отведенных им замком лачугах и не смели требовать большего. Опустевшие естественным образом дома либо отдавали новым жильцам, либо, за неимением таковых, сносили, а участок застраивали по-новому, как правило, мастерскими или торговыми лавками. Многие из телег, прибывавшие из окрестных деревень, доходили только досюда. Здесь их товар по дешевке скупался оборотистыми торговцами оптом и втридорога продавался тем, кому был досуг везти его дальше, на рыночную площадь. Перекупались в основном товары сырьевые, из которых еще предстояло сделать муку, хлеб, сдобные булки, сыр, пиво и тому подобные продукты первой необходимости. С некоторых пор, то есть с момента возвращения в деревню, Тэрл стал понимать, кому и зачем это нужно. Чем больше *вабонов* участвовало в производстве того или иного товара, чем чаще его перепродавали, всякий раз увеличивая стоимость и получая прибыль, тем больше работы было у *фра'ниманов*, приходивших ко всем участникам этой цепочки за *га-*

фолом – десятидневным оброком, поступающим в казну все того же Ракли. Так было заведено с давних пор, и почти никто не возмущался, ратуя за получаемую взамен безопасную жизнь под защитой состоящих на довольствии *виггеров*. Интересно, о чем заговорят *вабоны*, когда поймут, что на самом деле их сегодняшняя безопасность – обман чувств, готовый со дня на день раскрыться. И для этого вовсе не нужно ждать вторжения из Пограничья полчищ до зубов вооруженных дикарей. Достаточно взглянуть на кем-то запросто сожженный дом Харлина или на трупы ворошивших его золу *виггеров*, не говоря уж о тех несчастных, кому судьба уготовала оказаться на пути сумасшедшей погони. Как жаль, что только смерть ближнего сможет заставить *вабонов* прозреть! Если сможет. Что ж, если нет, Тэрлу известны и другие способы.

Когда избы остались позади, он наконец-то позволил себе перевести дух. Здесь Тэрл чувствовал себя дома, а дома, как известно, и стены помогают. Даже если их нет, а есть пролегающие вдоль дороги широкие поля возделываемой земли, засеянные трудолюбивыми руками таких же, как он, *фолдитов*.

Места эти принято было относить к Большому Вайла'тун, хотя обитавшие среди плодородных полей и пашен *вабоны* считали иначе. Соглашаться или не соглашаться с ними мог лишь тот, кто хорошо разбирался в неспешном укладе здешней жизни и ее корнях, а для того, чтобы «зрить в корень» нужно было родиться *фолдитом*. Не больше

и не меньше. Старинные семейные предания донесли до Тэрла отголоски тех стародавних времен, когда пространство от Пограничья до Бехемы условно делилось на две половины: мир *фолдитов*, трудолюбивых скотоводов и землепашцев, и мир остальных вабонов, Вайла'тун, в котором преобладали *виггеры*. На глазах Тэрла Стреляные Стены раскололи Вайла'тун надвое, положив начало внутреннему противостоянию между теми, кто оказался ближе к замку, и теми, кто стал чувствовать себя изгоем. Внешне жизнь протекала по-прежнему мирно, *вабоны* не противопоставляли себя друг другу открыто, сохраняя старые традиции, однако в разговорах, особенно за кружкой пива или *крока*, их языки нет-нет да и высказывали то, что было у всех на уме. Обитатели Малого Вайла'туна придерживались мнения, будто их собратья, оказавшиеся вне Стреляных Стен, именно по этой причине считают себя неудачниками, неполноценными, калеками, да и на самом деле не отличаются умом и сообразительностью. В свою очередь обитатели Большого Вайла'туна недолюбливали невольных соседей за неоправданное, с их точки зрения, зазнайство и стремление к роскоши. При этом в речах их то и дело проскальзывала мысль о несправедливости возведения той или иной части Стреляных Стен, за которой любой внимательный слушатель без труда бы уловил затаенное желание перебраться поближе к замку.

Угодья *фолдитов* никогда не имели собственного названия, а потому после раздела стали частью Большого Вай-

ла'туна. Что, по мнению Тэрла, было опять-таки в корне неверно. Достаточно попутешествовав – насколько вообще позволяла склонность *вабонов* к домоседству – за пятьдесят с лишним прожитых зим и разделяя взгляды своих односельчан, искренность которых многие путали с простоватостью, Тэрл понимал нынешнее устройство Торлона следующим образом.

Бесспорным центром был замок Ракли, с некоторых пор сделавшийся родовым. Замок состоял из главной башни – Меген'тора – и прочих оборонительных сооружений. Когда-то, по слухам, в нем умещались все *вабоны*, но с ростом населения там теперь едва хватало места для одного семейства, его слуг и небольшой армии.

От обводного канала до Стреляных Стен располагался Малый Вайла'тун, усилиями многочисленных *эделей*, *мергов* и торговцев превратившийся за последние зим десять-пятнадцать в средоточие денег, знатности и почета. Жить здесь было одно удовольствие, правда, удовольствие недешевое. И хотя сам частокол появился относительно недавно, зим пять назад, появление его было все же не причиной, а скорее следствием происходящих в окружении замка изменений.

По другую сторону к Стреляным Стенам примыкала некогда широкая, а теперь все более сужающаяся полоса добротных домов, в которых обитали те, над которыми злую шутку сыграли оружейники и лучники. Если бы луки были потуже, а руки посильнее, многие из этих неудачников жили бы сей-

час в Малом Вайла'туне.

Сужалась полоса за счет перехода домов и участков в руки оборотистых перекупщиков и лавочников, а также по причине ветшания лачуг, занимаемых сосланными сюда калеками, среди которых, насколько было известно Тэрлу, попадались и не всегда благонадежные люди. Не в смысле их преданности потомкам Дули, а в смысле пренебрежения общепринятыми правилами и порядками. Открыто они пока никого не грабили и тем более не убивали, но ходили неутешительные слухи о том, что появляться в тех местах невооруженному торговцу или женщине без сопровождения не стоит.

Если вплоть до этих мест *вабоны* селились кучно, пусть и не стена к стене, но уж точно забор к забору, то дальше открывался столь любимый Тэрлом простор полей и садов, не огороженных ничем, кроме естественных преград в виде пашен, оросительных каналов да кустов хмеля, винограда и прочих выращиваемых повсюду культур. Поля простирались до самого Пограничья и, широкой дугой обступая Вайла'тун, достигали по обеим его сторонам берегов Бехемы, облюбованных поселениями рыбаков. Среди полей терялось с полдюжины деревень, называвшихся *тунами* и представлявших собой несколько изб, обнесенных общим забором, да десяток-другой отдельных хозяйств, *торпов*, принадлежавших, как правило, одной большой семье, стесняемой рамками деревни, или отпетым нелюдимам, пожелав-

шим не сковывать себя общественными устоями.

Наконец, последним местом, где можно было встретить *вабонов*, оказывались военные заставы, разбросанные по всему Пограничью, начиная с заставы Тулли на опушке леса и заканчивая той, что имела несчастье быть возведенной у самой кромки Мертвых Болот. Жизнь там текла по своим законам. Законам, основанным на жесткой, если не сказать жестокой дисциплине и безоговорочном подчинении боевым предводителям. Это был мир настоящих мужчин, бесстрашных воинов и будущих героев. Во всяком случае, так говорили родители, воспитывая проказливых детей. И дети верили. Когда-то Тэрл тоже разделял эти взгляды, считая за честь быть принятым в ряды *мергов*, а позже – участвуя в рейдах на разрозненные стойбища лесных дикарей. С тех пор многое изменилось. Сейчас гордость за настоящих *виггеров*, верой и правдой защищавших подступы к родному Вайла'туну, сменилась жалостью. Жалостью к тем, кто не прозрел настолько, чтобы видеть, что их, по сути, бросили одних на вражеской территории, как заложников, обреченных прозябать в нескончаемой и никому толком не нужной осаде. Их руки могли бы гораздо больше пригодиться для других целей, таких как поиск новых каменоломен, возведение мощных стен вокруг всего Вайла'туна, наконец, для работы на полях, но, увы, постоянная война с шеважа оказывалась куда как выгодней обитателям замка. Хотя бы потому, что исходившая из Пограничья угроза волей-неволей спла-

чивала все перечисленные выше слои обитателей обоих Вайла'тунов и сама собой оправдывала важность, нет, какое там, необходимость сильного единоначалия.

Тэрл сплюнул и плотнее закутался в плащ.

Треск грома заставил его оглянуться. Над замком нависли свинцовые грозовые тучи. Грязные косые полосы, прочертившие все небо, свидетельствовали о приближающемся ливне.

Легко дернув здоровой рукой уздечку, Тэрл пустил Стервеца галопом.

А ведь свежая кровь *фолдитам* ой как не помешала бы! Достаточно сказать, что из всех *аолов* Тэрл был самым молодым. Когда же ему приходилось ездить на советы старейшин в другие деревни, он с тревогой отмечал, что там его встречает все меньше юных лиц. Подрастая, вчерашние дети покидали родительский кров и перебирались поближе к замку, становясь кто ремесленниками, кто торговцами, кто *виггерами*. Увы, рожденные *фолдитами* сегодня хотели быть кем угодно, только не *фолдитами*. Быть *фолдитом* значило для них слыть простофилей, ковыряющимся в земле вместо того, чтобы совершать героические подвиги или, на худой конец, зарабатывать деньги, почти не прикладывая к этому усилий. Это просто чудо, что в деревне Тэрла…

– Давненько к нам не захаживали, *вита* Тэрл! – прервал его размышления чей-то приятный бас. – Заглянули б, как-нибудь что ли.

Стервец как раз притормаживал, чтобы обогнать плетущуюся впереди телегу и одновременно не потоптать идущую навстречу ватагу мальчишек, судя по довольным физиономиям и до колен оттянутым подолам, удачно поохотившихся в чьем-то яблоневом саду. С телеги на Тэрла, лукаво прищурившись, смотрел тучный детина в засаленной кожаной безрукавке и не менее сомнительной чистоты выцветшей полотняной юбке. Копна курчавых волос и широкая борода надежно скрывали его истинный возраст, о котором можно было судить разве что по выразительным морщинам на обветренной, побуревшей от солнца коже. Тэрлу же о его возрасте гадать не приходилось вовсе, потому что он прекрасно знал кузнеца Кемпли – своего бывшего односельчанина, который с тремя сыновьями, одной дочерью и двумя женами вот уже зим пять как перебрался в *торп* давно покойного деда. Кемпли пришлось так поступить по нескольким причинам. Одной из них было его желание не позволить детям последовать за сверстниками на поиски лучшей доли в Вайла'туне. Он сумел привить сыновьям любовь к кузнечному делу и справедливо полагал, что хороший кузнец всегда себя прокормит независимо от того, где живет. А вот жить-то им как раз приходилось теперь на самом что ни на есть отшибе, чуть ли не на опушке леса. Когда-то, когда дед Кемпли был кузнецом, а заставы в Пограничье только-только начинали строиться, подобное расположение кузни было весьма удобно, обеспечивая хозяина постоянными заказами: *виггерам*

не приходилось далеко ездить за хорошим оружием. Но потом все поменялось: дед умер, его сын, отец Кемпли, подался в *эльгяры*, кузнеца захирела и поросла быльем. О ней бы, вероятно, и вовсе забыли, если бы Кемпли, ставший по зову дедовой крови кузнецом, ни женился на девушке из деревни Тэрла. Сперва он перебрался жить к ней, нарожал детей, женился на вдове друга, родил еще дочь, а потом спохватился и отпросился у Тэрла на вольные хлеба. Случилось это пять зим назад, но все это время связь между ними не прерывалась, тем более что вместе с кузницей деда Кемпли сумел возродить и традицию изготовления недорогого, зато добротного оружия. Даже дубину, которую сегодня вынужден был пустить в ход Тэрл, обшивал железными пластинами старший сын Кемпли.

– Загляну обязательно! – Тэрл привстал на стременах и сопроводил свои слова дружеским кивком. – Как сам-то? Вижу, с торгов возвращаешься?

– Да вот, подзаработать в коем-то веке решил. А что время зря терять? Нынче деньки самые что ни на есть лихие. Добрые мечи нынче в цене.

– То-то и оно, что лихие. – Стервец в нетерпении бил копытом землю, но Тэрл его не замечал. – Тебе бы обратно вернуться не помешало. Ты-то, знаю, ни шиша не боишься, так о детях побеспокойся. Неспокойно ведь на Пограничье.

– Вы бы на этих «детей» посмотрели, *вита* Тэрл! Такие лбы вымахали!

– А что ж один на телеге катаешься?

– Что б мальцов не искушать, ясное дело, – ухмыльнулся кузнец. – Пусть себе дома посидят, ничего им не сделается. А у вас что хорошего? С лица что-то бледноваты. Не заболели?

– Болеть нам некогда, – ответил Тэрл, незаметно поддерживая под плащом раненую руку и прикусывая от боли губу. К счастью, плащ был темным, так что пропитавшая его кровь не бросалась в глаза. – Слышал по дикарей? Говорят, на днях чуть ли не целый их выводок кружился на опушке.

– Не только слышал, но и видел, – понизил голос Кемпли. – Правда, выводок – громко сказано: два рыжих ублюдка. Да и вели себя как, будто специально хотели, чтобы их заметили.

Оказалось, эта новость – лучшее средство от боли в раненой руке. Тэрл уставился на собеседника, не находя слов. Даже Стервец перестал коситься на надвигающуюся орду туч и опустил голову, приноравливаясь к шагу понурой кобылы, устало тащившей опустевшую за день телегу.

– Чую – быть беде, – пробормотал Тэрл. – Надеялся, слухи есть слухи, но ты ведь зря болтать не будешь? – Он заглянул в глаза Кемпли, словно рассчитывая увидеть в них хитрый огонек: кузнец слыл не только мастером своего дела, но и большим проказником. Однажды он среди ночи умудрился поднять на ноги всю деревню лишь затем, чтобы сообщить не на шутку встревоженным односельчанам, что наме-

рен второй раз жениться и представил свою избранницу. – Где ты их видел, говоришь?

– Неподалеку от Мхового Источника.

– Это ж по дороге к заставе Тулли!

– Вот и я о том же. Возвращаюсь от Артаима, белый день на дворе, гляжу, стоят прямо на холме, никого не боятся, переговариваются, в нашу сторону тесаками своими тычут.

Артаим был *аолом* в деревне, славившейся вкуснейшим виноградом. Она была самым большим и считалась самым богатым из всех *тунов*. Обитатели *торпов* нередко свозили на продажу свои товары именно туда, предпочитая получать взамен пусть и меньше денег, но зато быстрее, чем если бы им пришлось проделывать весь путь до Большого Вайла'туна, а тем более – до рыночной площади. Да и торговать *фолдитам* было куда как сподручнее со своей ровней, нежели с высокомерными, как считали они, соседями.

– Тебя самого-то заметили?

– Думаю, да. Я ведь тоже не слишком прятаться люблю. Да и за себя в случае чего смог бы постоять. Все-таки двое, не орава, как те, что по лесу бродят. Помнится, ты меня в свое время неплохо кое-чему научил. – Кемпли молодцевато подбоченился и ненароком показал Тэрлу привязанную к поясу короткую булаву на веревке. – Да только достать их можно было разве что из лука. Постояли, поглядели, подхватили тесаки и слиняли восвояси. Зрелище довольно мерзкое. До сих пор мороз по коже.

– Странное, что их было всего двое.

– Так ведь наверняка лазутчики дикарские. Они же не дураки всем скопом выходить. Хотя, конечно, если решатся, нам тут несдобровать…

– Я не про то. Мне рассказывали, что в тот же день их видели еще в нескольких местах вдоль Пограничья. Говорят, целые отряды.

Кузнец нахмурился. Он хотел было что-то возразить, но в этот момент из настигших их туч на дорогу обрушился упругий ливень, сопровождавшийся ослепительными молниями и короткими раскатами грома. Земля под копытами лошадей превратилась в грязную жижу.

– Перебирайся к нам, – отплевываясь и перекрикивая грозу, крикнул Тэрл.

– Зачем? – Кемпли уже хлестал поводьями заартачившуюся со страха кобылу. – У вас там разве кузню отстроили? Тот-то и оно. А у нас сейчас самая горячка.

– Горячка горячкой, да только опасно там у вас. Что ты один супротив дикарей делать-то будешь?

Кемпли только отмахнулся и погрозил кулаком медленно восстающему из-за края холма лесу. Как и все *вабоны*, он побаивался, но до конца не верил, что на его веку *шеважа* решатся переступить границы своих зеленых владений и пойдут открытой войной на Вайла'тун, где просторнее, где не скрыться за деревом, где можно сражаться как в пешем, так и в конном строю и где, наконец, *вабоны* сильны не толь-

ко числом, но и тем, что это их дом, который они будут защищать до последнего вздоха. В Пограничье, стараясь не говорить об этом вслух, они все же чувствовали себя захватчиками. Правда, по общеизвестной версии истории, нашедшей свое отражение в увлекательных сказах и легендах, племена *шеважа* появились в этих местах сравнительно недавно, сменив извечных врагов *вабонов* – диких зверей. И хотя выходило, что вся эта земля по праву первенства принадлежит *вабонам*, *шеважа* оказались настолько опаснее и коварнее хищников, что с некоторых пор Пограничье стало восприниматься большинством как нечто чужое и вражеское, а разбросанные по нему заставы – заложниками зловредной судьбы.

Кемпли оскалился и так звонко хлестнул по ребрам кобылы, взметнув сноп брызг, будто еще надеялся, что та успеет доставить его до дома сухим. На самом же деле и всадник, и возница уже промокли до последней нитки и могли никуда не спешить. Обоим было не привыкать к непогоде, предшествовавшей наступлению зимних холодов, оба видели в дожде милость небес, просто иногда проявляющуюся не ко времени, но все же предпочитаемую летней жаре, а то, что сейчас ливень сопровождался треском грома и всполохами молний лишь подзадоривало и того, и другого.

– Чему быть, того не миновать, – крикнул в ответ Кемпли. – У вас вон было на роду написано пятерых *шеважа* в одиночку одолеть – ничего, одолели.

– Ну, положим, не один я их побил, было кому за меня заступиться, но я бы тебе не советовал таким образом свою судьбу проверять. Да и будет их уже не пять, а раз в десять побольше. Так что давай, рукой не маши, а как следует подумай и перебирайся к нам. У меня, ты знаешь, бойцы отменные есть. Недавно кое-кто из старой гвардии пожаловал. В случае чего – отобьемся.

Тэрл пожалел, что сболтнул лишнего. При упоминании «старой гвардии» он заметил на мокром лице Кемпли живой интерес и был избавлен от необходимости отвечать на немой вопрос лишь тем, что они как раз достигли места, где их пути расходились: телега следовала дальше по дороге, а Тэрлу предстояло свернуть влево, на хорошо знакомую Стервецу тропинку, узкой лентой вившуюся между пашен.

Тэрлу не хотелось рассказывать первому встречному, пусть им даже и был не совсем посторонний, о нежданных гостях, постучавших к нему в дом перед самым рассветом. Тем более теперь, когда ему пришлось оставить за собой кровавый след. Еще неизвестно, узнал ли его кто-нибудь, кроме этой бестии Уллоха. Надо ж было так глупо напороться на очередную ищейку Ракли! Тэрл оглянулся, проверяя, нет ли погони. Отяжелевшие стебли высокой травы покорно гнулись под порывами ветра. Ни души. С некоторых пор Тэрл не доверял тишине и безлюдью. Так еще вчера он жил размеренной жизнью *аола*, а сегодня, вымокший, раненый и боящийся сказать лишнее слово спешил домой

из Вайла'туна, где по его вине погиб не только негодяй, но и несколько достойных бойцов, виноватых лишь в том, что пытались честно выполнить свой долг, не догадываясь, с кем имеют дело.

Холодный дождь приятно остужал жжение в плече. Тэрл распахнул плащ, ослабил повязку и позволил небесной воде промыть рану. Кровь не унималась. Хорошо, что деревня совсем близко. Вон уже видны три островерхие крыши, на одной из которых сидит Таффи и приветственно машет ему рукой. Ишь ведь какой прыткий сорванец вырос: ни молний, ни высоты не боится! Только и мечтает о том, чтобы сменить деревянный меч на настоящий, железный. Ох уж эти дети! Не понимают еще, что ни один меч не справится с добротно сделанной дубиной, если она, разумеется, в умелых руках. Ну да нынче пенять да выбирать не приходится: чем бы ни владеть, хоть голым кулаком, лишь бы мочь за себя постоять.

Оживление Таффи заметили и в самой деревне, так что когда Тэрл чинно подъехал к недавно укрепленной и ставшей похожей на настоящие ворота заставы калитке, его уже встречали.

Коня под уздцы взял Струн, верный помощник Тэрла, судя по хмурому виду, до сих пор обиженный на *аола* за то, что тот отправился в Вайла'тун без него. Струн тоже не отличался высоким ростом и выглядел довольно худым и щуплым, однако те, кому приходилось упражняться на любом оружии в паре с ним, сразу же осознавали, насколько обманчивым

бывает первое впечатление.

– С возвращением, *вита* Тэрл, – не обращая внимания на дождь, улыбался из-за гостеприимно распахнутой калитки Нэлс, еще летом назначенный *аолом* отвечать за безопасность деревни.

Его брат-близнец Гилтан по привычке обошел Стервеца слева, чтобы помочь начальнику спешиться, и первым заметил странное превращение дождевой воды в красную полоску на складках плаща.

– Вы ранены, *вита* Тэрл?! – воскликнул он, уже делая какие-то знаки брату. – Скорее в дом! Нэлс, что стоишь, зови Элету!

Струн резко потянул коня за собой, не давая Тэрлу времени выбраться из седла. Тэрл попытался сопротивляться, объясняя, что, мол, ничего страшного с ним не произошло, и в конце концов крепко приложил всех троих, однако понимания со стороны друзей так и не добился. Его доставили в главный терем деревни, расположенный в ее центре и окруженный вместе с двумя другими островерхими избами низеньким плетнем.

Оказавшись наконец на твердой земле, Тэрл вырвался из рук взволнованных помощников и первым делом подошел к стоящей неподалеку, под сенью цветущей вишни старенькой *беоре*, опустился на одно колено и помолился. Если бы кто-нибудь решился потревожить его в этот момент, он услышал бы едва разборчивый шепот:

– Лаирт великий и могучий, благодарю, что позволил вернуться целым и уберег от супостатов. Рана моя глубока и болезненна, но гораздо больнее у меня на сердце оттого, что пришлось скрестить оружие не с врагом, а с братьями моими, введенными извергом в заблуждение и сбитыми с пути праведного. Прошу, заступись за души их перед всесильной Квалу и не дай содеянному мною обернуться проклятьем против всех *вабонов*. Охрани нас от лесных супостатов и, если иного не суждено, пошли нам смерть быструю и славную.

Он постоял молча, созерцая отверстие в замшелом камне *беоры*, куда порыв ветра, словно внемля его мольбе, занес сорванный с вишни розовый цветок, и повернулся к притихшим друзьям.

– Ну, где там ваша Элета? Пусть перевязывает.

Тэрл храбрился. Потеря крови была большой, и в терем два брата ввели его под руки. На какое-то время он, вероятно, даже потерял сознание, потому что, открыв глаза, с удивлением обнаружил, что лежит на приятно сухих шкурах и смотрит в лицо склонившегося над ним Фейли. Ничего не говоря, тот поднес к его губам кружку с терпким отваром.

– Извини, но пива тебе пока не положено.

– Тэвил… – поморщился Тэрл, с трудом проглатывая маслянистую горечь и облизывая обожженные кипятком губы. Приподнявшись на здоровом локте, сел и покосился на свой голый торс. Левая рука онемела, но до сих пор не была пере-

вязана. Место рассечения больше не кровоточило, зато теперь стало видно, что в рану можно без труда вложить палец. С отвращением отвернулся. – Как тут у вас?

– У нас-то все путем, а вот у тебя, похоже, неприятности. – Фейли откашлялся и добавил: – Из-за нас?

– Потом скажу, – заметил Тэрл приближающуюся в сопровождении Струна целительницу. – Видишь, сколько теперь из-за меня хлопот, Элета! Ты как будто не рада…

– Лежали бы вы, *вита* Тэрл, да помалкивали, – ответила женщина, ласковой, но сильной рукой заставляя *аола* опять вытянуться на шкурах. – Будете дергаться, вся моя работа пойдет насмарку. И где только вас так угораздило…

Тэрл молча наблюдал за тем, как Элета, опустившись на колени у него в изголовье, расставляет свои плетеные коробочки со снадобьями. Сперва она достала из одной несколько сухих листьев причудливо алого цвета, растерла их между пальцами и посыпала из щепотки прямо на рану. Потом осторожно приподняла крышку другой коробочки и вынула обыкновенную паутину, какую под высоким потолком терема можно было раздобыть в любом количестве. Тщательно расправив, положила поверх раны.

– Любо-дорого посмотреть, – присвистнул Фейли. – Вот бы мне кто так ногу подлечил, когда я с куском стрелы по лесу шлялся.

– Грех тебе жаловаться, – сказал кто-то из глубины помещения, и Тэрл, скосив в его сторону взгляд, узнал кивнув-

шего ему Мадлоха. – Забыл, как тебя тот мальчишка в два счета выходил? Хейзит, кажется.

– Выходить-то выходил, а вот как дождь ливанул, так снова дергать стало.

Элета тем временем туго перетягивала рану широкой льняной повязкой и накладывала кожаные жгуты. Спокойная и строгая, она выглядела совсем не старой женщиной, можно даже сказать красивой, с гладкой кожей и не знавшими седины волосами, заплетенными в длинную косу. При этом она точно также исцеляла своими порошками и примочками еще покойных родителей Тэрла, когда сам он по малости даже не помышлял о судьбе *виггера*. Сколько же ей теперь зим? Пятьдесят? Семьдесят?

– А сейчас, *вита* Тэрл, вам нужно как следует поспать, – сказала она, подбирая коробочки и вставая. – И накрой его чем-нибудь потеплее, Струн. Скоро у него может начаться жар, но это только к лучшему. А вы все что на меня смотрите? Идите заниматься своими делами и не мешайте раненому.

Когда она вышла, Тэрл снова приподнялся на локте и самодовольно хихикнул.

– Вот чего нам всем не хватает, так это женской ласки. Фейли, ты взял деньги?

Он имел в виду пропавший с шеи мешочек.

– Они у Мадлоха. Мы тебе очень признательны, Тэрл.

– Не будь тебя, сегодня вам некого было бы благодарить, –

заговорчески прищурился раненый. – Так что давайте забудем про это. Лучше поговорим о другом. Здесь все свои?

Струм подтолкнул к выходу затесавшегося среди взрослых Таффи. Мальчуган, вздыхая, покорно поплелся на улицу.

Перехватив вопросительный взгляд Тэрла, Фейли пожал плечами:

– Харлин тоже занемог, и Элета, как водится, рекомендовала ему крепкий сон. В отличие от тебя из него больной получился послушный.

– А мне почему-то кажется, что он заснул специально, боясь услышать дурные вести, – подбросил полено в горевший посреди помещения очаг Мадлох.

– Тебе удалось заглянуть на пепелище? – Фейли присел на край шкуры.

– А разве так порезаться можно где-нибудь еще? – усмехнулся в ответ Тэрл и в двух словах рассказал о произошедшей стычке. – Хотя первыми начал этот ублюдок Уллох, боюсь, теперь это вряд ли кому докажешь. Так что, если меня заметили и узнали, здесь вам оставаться надолго тоже небезопасно. Как только Ракли доложат о гибели его ищеек, он пришлет сюда не один десяток *мергов* да еще и *сверов* в придачу.

Фейли и Мадлох переглянулись, но промолчали. Тэрл догадывался, о чем оба думают: о том, что им некуда больше идти, разве что снова податься в Пограничье, где у Рак-

ли и его приспешников нет стольких осведомителей, но где рыщут многочисленные племена рыжих дикарей, которым осведомители не требуются – они просто набрасываются на тебя и превращают в окровавленную кучу парного мяса.

– Пожалуй, нам лучше подождать их здесь, – покачал головой Фейли. – Как ты любишь говорить: «Тун – не Вайла'тун»?

– Раньше я хоть понимал, откуда ветер дует, – вздохнул Тэрл и непроизвольно зевнул. – И мог предвидеть последующие шаги Ракли и его подручных. А теперь я даже не знаю, чего ожидать. Где это видано, чтобы среди бела дня сжигали дома ни в чем не повинных людей! Они там что, может быть, и пожарные отряды расформировали?

– Похоже на то, – буркнул Мадлох, отходя к окну и следя за улицей. – Раньше, помнится, быть пожаротушителем считалось почетно, но с тех пор я уже забыл, как звенели их бубенцы.

– Если бы тебя сейчас услышал Ракли, он бы сказал, что это все благодаря тому, что угрозы пожара больше не существует.

– Пускай он расскажет об этом Харлину… Как ты считаешь, можно будет пробраться в подпол его сгоревшего дома?

– Это еще зачем?!

– У Харлина там кое-что осталось ценное, – неопределенно ответил Фейли, и Тэрлу показалось, что старый друг зачем-то таится от него. Вслух же он заметил:

– Я бы предпочел туда больше не соваться. С меня одной потасовки вполне достаточно.

– Не припомню, *вита* Тэрл, чтобы вы отказывались от доброй схватки, – улыбнулся прислушивавшийся к их разговору Струн. – Если хотите, я сам туда наведаюсь и все разнюхаю. Меня там никто все равно не знает.

Собеседники взглянули на него так, что он прикусил язык и больше не напрашивался.

Струн не отличался военной хитростью и предпочитал как лучший ученик Тэрла доверять своим недюжинным навыкам единоборца, однако сейчас ситуация явно требовала не очевидных решений. А уж в этом с собравшимися здесь сотоварищами он бы тягаться не стал. Для него каждый из них был живой легендой, правда, далеко не такой, что передается из уст в уста. Если завтра они погибнут, едва ли кто превратит память о них в очередной культ очередных героев.

Взять хотя бы Фейли. Служил в молодости под началом Тэрла, не раз стоял с ним спина к спине, отбиваясь от превосходящих их сил *шеважа*, однажды буквально спас ему жизнь, за что сам поплатился и был отослан Ракли на далекую заставу. Тогда же Тэрл не менее вынужденно вернулся в родную деревню, был избран *аолом* и занялся тем, чем занимался до сих пор – в перерывах между работой на пахоте и в тайне от других делал из миролюбивых односельчан заправских бойцов, способных при необходимости постоять за родной *тун*. В отличие от остальных *эльгяр*, изредка воз-

вращавшихся в Вайла'тун для передышки и долгожданной встречи с семьей, Фейли сидел на заставе Граки безвылазно, и до окружения Тэрла доходили только разрозненные слухи о его подвигах в Пограничье. Будучи мастером боя на двуручных мечах, он по каким-то причинам утаил свое искусство и предпочел числиться среди арбалетчиков, но и там умудрился превзойти многих опытных *виггеров* в меткости и скорости стрельбы. Говорили, что однажды, воспользовавшись затишьем, он вызвался сходить на вылазку и, получив разрешение Граки, у которого служил личным помощником, столкнулся с тремя лазутчиками *шеважа*. Пока те выхватывали стрелы и натягивали луки он на глазах у потрясенных товарищей, не успевших даже испугаться, уложил всех троих выстрелами из арбалета, причем во всех случаях попал точно в кадык противнику – единственное место, не защищаемое даже самыми изощренными доспехами. Когда же его спросили, как ему удалось справиться с тугой тетивой, для натяжения которой обычно требовался целый сложный механизм, он признался, что в момент опасности просто забыл о нем.

Что касается Мадлоха, то он как раз таки – прирожденный арбалетчик, хотя и родился, говорят, рыбаком. Строит из себя брюзгливого паникера, вечно всем недовольного и сварливого. Однако Струну приходилось видеть его в деле, когда от быстроты и точности единственного выстрела зависела жизнь, и выяснялось, что под одной личиной скрывают-

ся два разных человека. Мадлох мрачнел, серьезнел, черты его лица приобретали каменную твердость, он даже как будто становился выше ростом и шире в плечах, а руки его переставали нервно дрожать и срастались с излюбленным оружием. Когда же опасность миновала, Мадлох на глазах снова куксился и превращался в изнеженного ребенка, которому все не нравится, все его раздражает. Переход из одного состояния в противоположное давался ему настолько легко, что никто толком не понимал, каков же он на самом деле. В этом смысле Струн полагался на мнение Тэрла, а Тэрл категорично заявлял, что Мадлох – не просто лучший стрелок Торлона, он – искуснейший из *виггеров*, если подразумевать под этим не только силу и отвагу, но и определенный склад ума.

Чего уж там говорить о самом Тэрле, ставшим после вынужденного возвращения в деревню настоящим ее старостой, на которого односельчане – и Струн в их числе – молились, быть может, даже еще более пылко, нежели на *бео-ру* прославленного Лаирта. В отличие от легендарного героя, тоже по происхождению *фолдита*, ушедшего из этих мест по первому зову Дули, Тэрл был своим, понятным, земным, начисто лишенным присущей людям его чина спеси, горделивости и позерства. Что тем более свойственно *вабонам* малорослым, желающим показать всем и вся, что они тоже кое-чего стоят. Не будучи великаном, Струн мог судить об этом по самому себе. Ему был особо памятен день их пер-

вой встречи, когда он вместе с остальными жителями *туна* пришел на площадь перед теремом познакомиться с новоприбывшим бойцом из гвардии самого Ракли, бойцом, которого прочили в новые *аолы* на смену недавно почившему, приходившемуся ему дядей. Струн по молодости считал, что столь ответственный титул должен не передаваться по наследству, а заслуживаться и прежде всего – долгой и праведной жизнью в *туне*, а не в каком-то там замке или Пограничье. Тэрл приехал в деревню накануне ночью и до утра отсыпался, так что те, кто не был знаком с ним заранее, терялись в догадках относительно того, каков он с виду, тогда как старики только знай себе пересмеивались да перешептывались. Вероятно, они же пустили слух, будто Тэрл – настоящий гигант, не подошедший Ракли именно потому, что его было видно издалека даже за макушками деревьев. Поскольку время шло, а из терема никто не выходил, собравшиеся на площади стали волноваться. Посланный на всякий случай проверить, все ли в порядке, Кемпли, могучий кузнец, лишь недавно остепенившийся и даже перебравшийся в отдельный *торп*, а тогда задиристый и бесшабашный, вернулся ни с чем. Терем был пуст. Толпа недовольно загудела. Бросились шарить по избам. Никого. Так бы и проискали до ночи, если бы кто-то ни сообразил заглянуть на пашню. А там – чудо чудное! Ходит себе по полю одна-одинешенька лошадь, а за ней плуг тащится, да так тащится, что земля в обе стороны бурунами раскрывается, будто по маслу ножом кто по-

лосует. И только присмотревшись, поняли удивленные *фолдиты*, что на плуг могучим плечом налегает маленький человечек с длиннющими руками. На дворе жара, солнце палит нещадно, а он знай себе ковыляет через кочки да весело посвистывает, помогая и лошади, и плугу. Заметил односельчан, остановился, помахал рукой, мол, давайте, присоединяйтесь. Оказалось, он за утро вспахал самый трудный участок поля, до которого у них все никак руки не заходили. Так в работе и познакомились. Правда, Струн с Кемпли и здесь не сразу присоединились к тем, кому новый *аол*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.